

ВЕСТНИК

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ФЕВРАЛЬ 1923 ГОД

ОПЕЧАТКА:

Книга третья „Вестника„ помечена февралем
месяцем, следует читать: февраль—март.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

1923

ПЕТРОГРАД

К постановке проблем теории исторического материализма.

(Беглые заметки)

В своей книге «Теория исторического материализма» я пытался не только повторить то, что было сказано раньше, но, с одной стороны, дать некоторые *другие формулировки того же самого*, с другой—*уточнить и развить* положения теории исторического материализма, *продвинуть дальше* разработку его проблем. Как известно, Энгельс, незадолго до своей смерти, говорил, что в области исторического материализма сделаны еще только первые шаги. Казалось бы, что прямой задачей учеников великих учителей является разработка проблем теории. Но такова уж сила консерватизма мысли человеческой, что многие органически не в состоянии понять этой задачи ¹⁾. Между тем постановка и решение таких проблем является *злостью дня*. Литература противников возросла в огромной степени. Контр-атака с нашей стороны необходима, и при том *на все пытающейся основе наших собственных теоретических положений*. В настоящих «беглых заметках» я попытаюсь набросать мотивировку тех «новшеств», которые имеются в моей книге,—новств, которые все—я это утверждаю—

¹⁾ Плеханов, в предисловии к «Критике наших критиков» пишет: «Статьи т.г. субъективистов и народников... убедили меня в том, что они, запомнив ваши термины, не дали себе отчета в понятиях... чтобы убедить в этом также и читателей, я решил изложить нашу теорию *другими словами*. Вышло то, чего я ожидал. Один из самых крупных противников наших, не разобрав в чем дело, закричал, что я отказался от «экономического материализма»... Что противники попались, об этом я, разумеется, не жалел, но вот что было печально. Меня не поняли также и некоторые *единомышленники*—они, как видно, также запомнили *одни слова*... (I. с., стр. 6). К сожалению, порока *единомышленников*, запоминающих *одни слова*, не перевелась еще даже в Советской России... Но об этом—в другом месте.

идут по линии «наиболее ортодоксального, материалистического и революционного понимания Маркса» ¹⁾.

1) «Механическое» и «органическое». До последнего времени в нашей среде эти понятия *противопоставлялись*. В области общественных наук мы, марксисты, протестовали против «механического объяснения», предпочитая говорить об «органических» связях и т. д., хотя отнюдь не разделяли предрассудков так называемой «органической школы» в социологии.

С тех пор появилось два решающих фактора: во-первых, *переворот в представлениях о строении материи*; во-вторых, *чрезвычайный рост идеализма в официальной буржуазной науке*. Революция в учении о строении материи в корне изменила представление об атоме, как абсолютно изолированной единице. Между тем именно это старое представление об атоме переносилось на индивидуум (и «атом» и «индивидуум» — по-русски переводятся одним и тем же словом: «неделимое»). Робинзонады в общественных науках в точности соответствовали атомам старой механики. Между тем в области общественных наук речь и шла как раз о *преодолении* робинзонад. Нужно было выдвинуть со всей силой и решительностью *общественную* точку зрения, что и было гениально выполнено Марксом в противовес индивидуалистическим теориям буржуазии, включая сюда и блестящих «классиков» политической экономии (Смит и Рикардо). Правильны ли были протесты против «механического» в области общественных наук? Конечно, да.

Но нельзя запоминать одни термины, не понимая сути дела. *Тензор* правильное диалектически превращается в свою собственную противоположность. Ибо современное представление о материи *отрокинуло* старые взгляды. *Изолированный* и бескачественный атом скончался. Элемент связи, взаимозависимости, нарастания новых качеств и т. д. восстановлен во всех правах. *Противопоставление* «механического» и «органического» с этой точки зрения стало бессмысленным.

С другой стороны, рост идеализма в буржуазной науке и философии привел к «органическому» *мистицизму*. Понятие «жизни» стало мистическим (Бергсон, Дриш and С^о). Что же

¹⁾ Н. Бухарин: «Теория исторического материализма». Предисловие.

следует отсюда? Отсюда следует изгнание из нашей идеологии старого противопоставления, если только мы хотим всерьез бороться за материалистическое мировоззрение вообще и материалистическую общественную науку в частности.

2) *Диалектика и теория равновесия*. Маркс, как известно, освободил диалектику от мистической оболочки, выставив положение, что диалектика, как мыслительная категория, есть отражение диалектики в процессе реального, *материального* становления, ибо «идеальное» есть лишь переведенное в человеческом мозгу на специфический язык материальное. Однако до сих пор—и при том в возрастающей степени—делаются попытки *оторвать* мыслительный процесс от процесса материального,—попытки превратить диалектику в исключительно мыслительную конструкцию, в некоторый метод, которому не соответствует какая бы то ни было реальность. Типичным является в этом отношении «австро-марксизм», с Максом Адлером во главе. Как нужно бороться с этим извращением марксизма,—извращением явно *антиматериалистическим*? Совершенно очевидно, что нужно вскрывать материальный корень диалектики, т.-е. *в форме движущейся материи находит то, чему «соответствует» диалектическая формула Гегеля*. Непрестанное столкновение сил, распад, рост систем, образование новых и их собственное движение,—другими словами, процесс постоянного нарушения равновесия, его восстановления на другой основе, нового нарушения и т. д.—вот что *реально* соответствует гегелевской триединой формуле. Что «нового» вносит это толкование? По существу, это то же самое. Но здесь указывается на *материальный* процесс и на движение *материальной* формы. Другими словами, здесь—диалектика *материального* становления, идеально выражаемая гегелевской триадой.

Совершенно неправильным является упрек в механичности такой формулировки. Неправильным он является потому, что *нельзя* современную механику *противопоставлять* диалектике. Если механика не диалектична, т.-е. недиалектично и все движение, то что же остается от диалектики? Наоборот. *Движение* составляет, если так можно выразиться, материальную душу диалектического метода и его объективную основу.

Маркс и Энгельс освобождали диалектику от ее мистической шелухи в *действии*, т.-е. материалистически применяя диалектический метод при исследовании различных областей природы и общества. Речь идет теперь о теоретическо-систематическом изложении этого метода и его, такого же теоретическо-систематического, обоснования. Это и дается *теорией равновесия*.

Теория равновесия имеет, кроме того, еще один немаловажный аргумент за себя: она освобождает мировоззрение от *теологического* пригуса, неизбежно связанного с гегелевской формулировкой, которая покоится на *самоработности* «Духа». Вместо эволюции (развития) и *только* эволюции, она позволяет видеть также случаи *разрушения* материальных форм. Тем самым она является и *более* общей, и *очищенной от идеалистических элементов* формулировкой законов движущихся материальных систем.

3) *Теория равновесия и производительные силы*. Основным для теории исторического материализма вопросом является вопрос о том, почему производительные силы привлекаются в качестве объясняющей все («в конечном счете») последней причины. Здесь в марксистских рядах (в том числе и в наших, ортодоксально-марксистских, коммунистических рядах) царит довольно сильный разноречивый... Очень часто дело сводят к явно негодной «теории факторов», при чем производительные силы заменяются производственными отношениями («экономический фактор»). Часто по существу поднимают вопрос о курице и яйце с точки зрения их «генезиса». Даже решение *Илеханова* (в «Монистическом взгляде») явно неудовлетворительно. Как он ставит вопрос? Он берет контраверзу между двумя направлениями мысли: одним, которое утверждает: «мнения правят миром», и другим, которое полагает, что «условия жизни создают человека». В наших терминах можно говорить о надстройках и базисе. Влияет надстройка на базис? Да. Базис на надстройку? Тоже да. И *Илеханов* соглашается, что в такой постановке вопроса не решить. Где же решение? По *Илеханову*, оно в том, что обе эти взаимодействующие величины зависят от *третьей* величины (производительных сил). И вот это обстоятельство-то и решает всю проблему.

Однако не трудно видеть, что вопрос таким образом может быть *отодвинут*, но не решен. В самом деле, влияют надстройка и экономика обратно на производительные силы? Да. Производительные силы на экономику и надстройку? Тоже да. Вопрос «воспроизводится на новой основе» — только п всего.

Это же есть *истинный* вопрос социологии. Ибо, если не дать на него ответа в духе методологического *монизма* и пытаться найти себе убежище под крылышком «теории факторов», то тогда, как совершенно справедливо замечает буржуазный немецкий профессор E. Brandenburg, речь будет идти «лишь о количественной разнице при оценке хозяйственных и духовных влияний»¹⁾. А это, во-первых, будет теория, которая ровно ничего не объясняет; во-вторых, это будет все, что угодно, но только не марксизм.

Проф. Brandenburg делает в сторону такого марксизма изящный реверанс. А по отношению к настоящему материалистическому пониманию истории сей профессор пишет: «Оно хочет свести все движения (alle Wandlungen) совместной жизни людей к переменам в области производительных сил; но оно не может объяснить, почему эти последние сами должны постоянно меняться, и почему это необходимо должно происходить в направлении к социализму»²⁾.

Вот на этой формуле г-на профессора всего лучше можно заострить нашу *собственную* методологию при решении данной, повторяю, центральной, социологической проблемы.

Ответ на этот вопрос, — ответ, который я считаю единственно правильным, таков: производительные силы определяют общественное развитие *потому*, что они выражают собой соотношение между обществом, как определенной реальной совокупностью, и его средой... А *соотношение между средой и системой есть величина, определяющая, в конечном счете, движение любой системы*. Это есть один из общих законов диалектики движущейся формы. Это есть та рамка, внутри которой происходят молекулярные перемещения сил, завязываются и развязываются бесчисленные узлы

¹⁾ E. Brandenburg, Prof. an der Universität Leipzig: «Die materialistische Geschichtsauffassung, ihr Wesen und ihre Wandlungen». 1920. Verl. von Quelle & Meyer in Leipzig. S. 58: «...—so handelt es sich nur noch um Gradunterschiede in der Bemessung wirtschaftlicher und geistiger Einflüsse».

²⁾ Ibid, l. c. 58.

взаимодействий и противоречий. Пусть производительные силы испытывают изменения под влиянием «базиса» и «надстроек». Констатирование этих влияний не изменяет ни капли основного факта: соотношение между обществом и природой, количество материальной энергии, за счет которой общество живет и которая может как угодно трансформироваться в процессе общественной жизни, есть всякий раз определяющая величина.

Так, и только так, может быть решен основной вопрос теории исторического материализма.

4) *Производственные отношения*. Производственные отношения, по Марксу, есть *материальный* базис общества. Между тем, у целого ряда идеологических группировок в марксизме (или в «марксизме»), существует непреодолимое стремление «спиритуализировать» этот материальный базис. Победное шествие *психологической* школы и психологического метода в хоромаш буржуазной общественной науки не могло не «инфицировать» марксистских и полумарксистских кругов. Это явление шло нога в ногу с повышавшимся влиянием школьной идеалистической философии вообще. Под *материальный* базис Маркса стали подводить «идеальный», психологический базис австрийской школы (Бем-Баверк), Л. Уорда и tutti quanti. Застрельщиком и здесь выступил теоретически растленный австро-марксизм. Материальный базис стали трактовать в *нижневискомском* смысле. Экономика, способ производства, оказались нижним рядом *психических* взаимодействий. Твердый костяк *материального* исчез из-под общественного здания.

В русской литературе эта «психологизация» марксизма была очень последовательно проведена в сочинениях А. А. Богданова. По Богданову даже *техника* это не вещь, а *умень* людей работать при помощи определенных орудий труда, их, так сказать, психологический тренаж.

Совершенно очевидно, что такой психологизированный марксизм есть явное отклонение от подчеркиваемого самим Марксом *материализма* в социологии.

Но как все же трактовать *материальность* производственных отношений?

Мне кажется, что точного ответа на этот вопрос в марксистской литературе не давалось, и отчасти поэтому «психологические» конструкции, которым нельзя отказать

в известного рода цельности и продуманности, оказывают влияние на марксистские умы ¹⁾).

Как же решить эту задачу? Противник выставляет ряд дельных аргументов. Самым важным аргументом является то соображение, что понятие *отношения между людьми предполагает не психические взаимодействия*. Таким образом, трудовая связь есть связь психически трудовая. Так как не подлежит никакому сомнению, что процесс создания, а равно и поддержания этих отношений является процессом психическим, который складывается из психических актов, объективирующихся в общественном масштабе, то тем самым установлен общественно-психический характер «базиса».

Я утверждаю, что против этой аргументации в нашей среде не было выставлено контр-аргументации. Поэтому мной предлагается новое, *материалистическое* решение задачи, идущее по линиям марксовых решений. Это решение таково. — Под производственными отношениями я разумею трудовую координацию людей (*рассматриваемых, как «живые машины»*) *в пространстве и времени*. Система этих отношений настолько же «*психична*», как система планет вместе со своим солнцем. (*Определенность места в каждую хронологическую точку* — вот что делает систему системой. С этой точки зрения всякая психичность базиса исчезает. А то обстоятельство, что опосредствующим моментом являются психические элементы, несколько не разрушает и не нарушает стройности нашей аргументации: опосредствующим моментом служит в процессе совокупного воспроизводства общественной жизни и любая из надстроек. Предлагаемое решение я считаю единственно верным и единственно материалистическим. Без него, кроме того, нельзя дать ответа Адлерам и К°.

5) *Надстройка и идеология. Структура надстроек*. Анализ этих общественных явлений в их статическом разрезе ²⁾ был крайне недостаточным. Отсюда происходил целый ряд

¹⁾ При «понятливости» некоторых критиков я должен оговориться: здесь речь идет о плоскости логической, которая, конечно, имеет свой социально-экономический эквивалент.

²⁾ Для «понятливых» критиков, могущих поднять шум: анализ типичных черт структуры и есть статический «разрез». Это, конечно, не сводит обязанности анализировать данную структуру и с точки зрения ее движения, т.-е. в динамике.

недоразумений, ошибок, а также теоретических тупиков и ложных «кажущихся» объяснений. Например: исследователи наткнулись на научную лабораторию, с ее орудиями труда, своеобразными трудовыми отношениями и т. д. Отсюда вывод: лабораторный (гсп., всякий научный) труд относится к производству. Развивая дальше это положение, приходили к тому, что всякий общественно-полезный труд есть производительный труд. В результате все тонуло в этом «производстве», и марксистская теория превращалась в нелепое объяснение части целым, не более. Или не знали, куда девать в архитектурной схеме Маркса такие явления, как научная ассоциация, бюрократический аппарат, философское общество, астрономическая обсерватория.

Поэтому я предложил в своей книге прежде всего отделить понятия *идеологии и надстройки*, взяв надстройку как понятие более широкое и общее. Идеология—системы мыслей, чувств, образов, норм и т. д. Надстройка включает в себя и многое другое. А именно, в надстройках мы должны отличать три *главные* сферы.

1. Техника данной надстройки, «орудия труда» (лабораторные инструменты в науке; дома, пушки, счеты, диаграммы etc. в госаппарате; кисти, музыкальные инструменты и т. д. в искусстве и проч.).

2. Отношения между людьми (научное общество, бюрократическая организация, людские отношения в художественной мастерской, координация людей в оркестре).

3. Системы идей, образов, норм, чувств и т. д. (идеология).

Я пытался, далее, провести этот анализ еще дальше, т.-е. пытался наметить вехи еще большего дробления и дифференциации (на примере музыки и др.). Тем самым отпадает целый ряд трудностей, которые были раньше, и историко-материалистический метод становится точнее и острее.

б) *Зависимость надстроек от базиса*. Вышеописанная точка зрения намечает гораздо более конкретную постановку вопроса о зависимости надстроек от базиса и через него от производительных сил. Основной недостаток, если так можно выразиться, *слишком* постановки вопроса состоял и состоит в неопределенности понятия «зависит»

или «определяется». Именно на этой почве возникали «уклоны» в среде марксистской и марксистскообразной публики. Стоит вспомнить работы т. *Шулятикова* («Оправдание капитализма в западно-европейской философии»), или *Эвстериопулоса*, а также многих других. Критические фаланги врагов не раз использовали этот разноречивый. Между тем, если мы внутри каждой надстройки различаем ее элементы, то нетрудно показать, какова конкретная зависимость этих элементов—1) друг от друга, 2) от элементов других надстроек, 3) этих последних от базиса, 4) непосредственно от базиса, 5) непосредственно от техники и т. д. и т. п. Всякие «уклоны», упрощение, вульгаризация, «сплошная» постановка вопроса тем самым отпадают. Зато, правда, на исследователя возлагается обязанность очень глубокого «погружения» в анализ данной надстройки, т.-е. очень кропотливого труда. Но, само собою понятно, это не есть аргумент против моих «новшеств».

7) *Надстройки, как сферы дифференцированного труда.* Я ставил своей задачей также анализировать надстройки с точки зрения труда. Маркс недаром говорил об «интеллектуальном производстве» и «идеологических сословиях» (*ideologische Stände*). Не буду говорить здесь о практическом значении этих вопросов специально для нашего времени и специально для нашей партии. Ограничусь чисто-теоретической мотивировкой такого «аспекта».

Во-первых. Такая точка зрения прекрасно освещает вопрос о соотношении материального производства с производствами «интеллектуальными» и наглядно демонстрирует всю нелепость «сплошной» постановки вопроса и в этой области (все «полезное» — производство); в частности, при таком решении вопроса ясно, что интеллектуальный труд постоянно как бы *вытекает* и затем *обособляется* от материального производства; казуистические хитроумные вопросы относительно категорий, лежащих на самой границе этих областей, методологически отпадают совершенно так же, как якобы «ужасные» вопросы о промежуточных социальных группировках и других текущих величинах.

Во-вторых. Такая постановка вопроса позволяет объяснить необходимость как появления тех или иных видов надстроечного труда, так и своеобразную диспозицию различных отраслей этого труда, т.-е. относительные раз

меры их в данном обществе (такие вопросы, как, напр., вопросы пропорции между материальным и нематериальным трудом; о пропорции между различными видами «духовного» труда и т. п., мне кажется, ранее не ставились вообще; между тем, это необходимо для объяснения целого ряда существеннейших явлений; ср., напр., практическую ценность для нас вопроса о материальном производстве и административно-бюрократическом аппарате).

8) *«Способ представления» и формирующие принципы общественной жизни.* Я считал своей теоретической обязанностью поставить на первый план забытое всеми положение Маркса о «способе представления» (*«Vorstellungsweise»*). Не подлежит никакому сомнению, что это понятие было у Маркса понятием, соотносительным со «способом производства». Другими словами, определенному способу производства соответствует, определяясь им, и адекватный *способ представления*. Маркс не разработал вопроса о способе представления так же логически ясно и точно, как вопрос о способе производства. Но из его отдельных замечаний (и наприм., о том, что нужно разработать вопрос об «интеллектуальных сословиях» и т. д. и т. д.) совершенно ясно вытекает, как он смотрел на постановку этих проблем. Этим решается вопрос о едином основном «стиле» общественной жизни снизу доверху и об исторически относительном характере всяких и всех идеологий, взятых не с точки зрения отдельных их положений, (которые могут быть вечны), а с точки зрения *типов связи* между ними, тех особых принципов координации, которые и составляют конститутивный признак понятия о «способе представления».

9) *Физиология человека и законы общественного развития.* Бесконечные споры о соотношении между законами биологии и социологии и т. д. я пытался поставить на совершенно иную почву. А именно, физиологические особенности людских групп, а равно и соответствующие им особенности психологические, я рассматриваю, как *коагификацию определенных рабочих сил общества* (психофизиологические особенности крючника, музыканта, организатора производства, купца, шпиона, шоффера, офицера и т. д.). При таком решении проблемы не получается того нелепого *удвоения* «законов», которое встречается на каждом

шагу даже в лучших марксистских работах (с одной стороны—законы биологии, физиологии и т. д., с другой—законы общественного развития). На самом деле, одно есть «инобытие» другого. Одно и то же явление рассматривается с разных точек зрения. Психофизиологическая структура крючника и квалификация его рабочей силы не *две разные* величины, а два разных способа рассматривать одну и ту же величину. Особенно ясно вскрывается это при изучении тэйлоризма, психотехники и т. д..

10) *Материализация общественных явлений.* «Новшеством» с моей стороны является и развиваемая мною теория материализации общественных явлений, своеобразный процесс аккумуляции культуры, когда общественная психология и идеология уплотняются и оседают в виде *вещей*, имеющих оригинальное общественное бытие. Эта материализованная, образно выражаясь, уплотненная до степени материального, общественная психология и идеология становится, в свою очередь, отправной точкой для всякого дальнейшего развития (книги, библиотеки, галереи, музеи и проч. и проч.). Если материализация общественных явлений есть один из основных законов развивающегося общества, то ясно, что в соответствующих областях (т.-е. надстройках) анализ нужно начинать отсюда. Материалистическая точка зрения и здесь получает свое новое подтверждение¹⁾.

11) *Закономерность переходного периода и закономерность упадка.* Одним из центральных возражений против исторического материализма является указание на якобы мистическую сущность производительных сил у Маркса, которые должны, неизвестно почему и неизвестно отчего, во что бы то ни стало развиваться. Грех утаить, что последнее «требование» к производительным силам предъявлялось не раз в сочинениях марксистов. Но сам Маркс в этом несколько неповинен, потому что он не раз указывал на случаи «гибели обоих борющихся классов», вместе с ними—всего общества, вместе со всем обществом, следовательно,—и его производительных сил. Вопрос о том, суждено ли обществу развиваться или погибнуть, не может

¹⁾ Кстати сказать: как умно выглядят те из моих критиков, которые упрекают меня в совсем противоположных «тенденциях»?

быть решен абстрактно в ту или другую сторону. Он может быть решен только на основе конкретного анализа.

Точно также эмпирически доказано, что переходные периоды, сопровождаемые революциями, связаны с временным, более или менее длительным, *падением* производительных сил.

Следовательно, обычная формулировка основ теории исторического материализма, начинающаяся со слов: «рост производ. сил», слишком узка, ибо не охватывает ни эпох упадка, ни переходных революционных периодов.

Я поэтому и здесь считал своей теоретической обязанностью дать анализ закономерности этих явлений, игравших и играющих немаловажную роль. Сделать это было тем более необходимо, что без такого анализа нельзя понять и современность. Социологическая характеристика этих периодов, как периодов отступления производительных сил под влиянием надстроек с *инстинктивной имитацией этого влияния предыдущим состоянием производительных сил*; другими словами, характеристика основной закономерности их, как растянутого во времени процесса обратного влияния надстроек (в случаях переходного периода до момента установления нового общественного равновесия) дана со всею определенностью и уложена в общетеоретические рамки.

С другой стороны, я старался дать и формулировку необходимых *фаз* в процессе революции, опираясь отчасти (как и в «Экономике перех. периода») на замечания тов. *Крицкого*, которому принадлежит приоритет в решении данной задачи. Таким образом, телеология была изгнана из своего последнего убежища.

* * *

Я коснулся в данной статье лишь своих *главных* «новшеств». Мог бы перечислить и целый ряд других: в учении о классах, о соотношении между вождями и партией, в учении о революции и ир. К сожалению, у меня нет времени, чтобы останавливаться на всем этом. Приходится извиниться перед читателем даже за фрагментарный характер данных «беглых заметок». Задачи, стоящие перед нами, как видно и из них, очень сложны. По мере

ши, я старался их решить. Всякому понимающему человеку, а тем более большевику, ясно, что общая тенденция моих «нововведений» идет по линии развития ортодоксального, революционного и материалистического понимания Маркса. Я принял бы с благодарностью всякое ценное указание, ибо широкое сотрудничество здесь обязательно так же, как и во всякой другой области.

Но, быть может, читатели воскликнут:

«А почему же о всех этих проблемах, действительно серьезных и действительно основных, ни один из ваших критиков даже не упомянул, если не считать исключений за правило?»

— «Спросите у ветра в поле»... как посоветовал однажды Кнут Гамсун по совсем другому поводу...

И. Гугарин.

;

Исторический материализм и вопросы первобытной жизни.

Исторический материализм, как метод, обнаруживает свою силу всего ярче в тех двух крайних случаях, где исследование бывает наиболее затруднено: или фактов слишком много, и они противоречивы в своей сложности, или их мало, и они как бы расплываются в неопределенности. Первый случай представляет для нас задача исследования самой близкой современности и предвидения будущего хода развития, второй—задача познания самой далекой древности, конструирования первых начал социального бытия и мышления. И здесь и там только историко-материалистический метод способен приводить к определенным, твердо обоснованным решениям, но при одном условии: проводить его неуклонно, до конца последовательно.

Ни с каким компромиссом и эклектизмом он, по самой природе своей, не мирится; их примесь отнимает его основную силу, как это сделала бы с естественно-научным методом, напр., примесь религиозного подхода и истолкования.

Это прежде всего надо иметь в виду при решении вопросов, нас теперь занимающих: о первобытной экономике и первобытной идеологии.

Индивидуализм или коммунизм, или какая-нибудь их комбинация?—так ставится первый из этих вопросов.

Со стороны фактов положение здесь таково. В настоящее время первобытного человека в природе нет. Самые отсталые из нынешних дикарей имеют за собой столь же длинный путь в прошлом, как и самые передовые культурные народы, если считать веками,—вероятно,

еще более длинный, если считать поколениями ¹⁾; для многих из дикарей есть вполне объективные основания предполагать и прямую деградацию с более высоких ступеней, от которых остаются различные пережитки. От эпох, действительно, первобытных имеются немногочисленные остатки—скелеты и части скелетов людей и их охотничьей добычи, следы употребления огня, каменные и костяные орудия, примитивная посуда, груды раковин, как отбросов потребления,—результаты раскопок. Научно установлена, в основных чертах, природная обстановка, среди которой жили наши первобытные предки—фауна, флора, климат. Материал для ~~прямых~~ выводов о формах связи между людьми в труде и распределении, очевидно, недостаточный.

Наиболее «первобытными» из племен живущих и недавно живших считаются: тасманийцы, вымершие полвека тому назад, веддахи, охотничье племя цейлонских лесов, карликовые племена Центральной и бушмены Южной Африки; жители острова Огненной Земли; затем австралийцы материковые, ново-гвинейские папуасы и некоторые другие островитяне, некоторые индийские племена центральных областей Южной Америки, и т. д. Большинство этнологов, признавая, что это не совсем первобытные представители человечества, фактически тем не менее переносят их черты, без строгого анализа пережитков и новообразований, на первобытных людей; лишь наиболее бросающиеся в глаза усложнения при этом отбрасываются, без какого-нибудь общего методического критерия, на основе интуитивного выбора и более или менее остроумных догадок.

Насколько такой путь ненадежен, легко судить хотя бы по следующим соображениям. Как раз наиболее «дикие» из упомянутых народцев, те, которых наименее критически отождествляют с «первобытными» людьми, представляют наибольшие основания для того, чтобы их считать упадочными, имевшими и утратившими более высокий культурный тип, от которого должны оставаться многочисленные запутывающие дело пережитки,

¹⁾ Развитие культуры, типически, увеличивает среднюю продолжительность жизни вообще и, в частности, продолжительность периода от рождения до половой зрелости.

Так, тасманийцы наблюдались, вначале, конечно, весьма бессистемно и не достаточно научно с современной точки зрения, в течение всего полувека, периода, за который они, при помощи всех благ европейской цивилизации, окончательно вымерли. Такое вымирание в жизни народа соответствует, приблизительно, умиранию отдельного организма от довольно скоротечной болезни: жизненные функции неизбежно сокращаются, жизненные связи разлагаются; хорош был бы физиолог, который черты такого умирания стал бы переносить на более ранние возрасты того же организма! Но есть серьезное указание на то, что тасманийцы успели до известной степени выродиться еще раньше того «благотворного» воздействия, которое произвели на них европейцы. Уже в эпоху первых встреч с европейцами, число тасманийцев определялось в 6—7 тысяч человек; это на острове площадью около 65 тысяч квадратных километров, в климате, приблизительно, южной России, при отсутствии всяких опасных хищников, ядовитых змей и т. под. условий, ограничивающих извне рост населения. Ясно, что эта численность гораздо ниже того, что допускала бы территориальная емкость, как она ни мала при «бродяче-охотничьей» форме борьбы за существование: нормальная емкость в такой обстановке, примерно, 1 человек на 2—3 квадр. километра. Значит, за много тысячелетий своей оторванности от материка тасманийцы не размножились до нормального предела; гораздо вероятнее, что они уже опустились ниже этого предела.

Веддахи острова Цейлона сейчас обычно относятся этнологами к образцам «первобытности». Однако Макс Мюллер, великий филолог-ориенталист, пришел к заключению, что их язык родственен с «арийскими», индо-германскими. Значит, это племя—либо сами выродившиеся «арийцы», либо, если антропологи признают это невозможным, — племя, некогда жившее в столь тесной связи с «арийцами», т. е., вероятно, индусами, что успели заимствовать их язык. Принять ли то или другое, о первобытности не может быть и речи, потому что индоевропейские племена проникли в Индостан, как известно, уже находясь на довольно высокой ступени культуры.

Далее, что касается бушменов и карликов Центральной Африки, то можно указать, напр., на то, что они вла-

деют не только столь сравнительно сложным оружием, как лук, но и умеют варить яды, чтобы отравлять свои стрелы: от первобытности до токсикологии расстояние не малое, и нынешний уровень этих племен вряд ли может быть высшей достигнутой ими ступенью.

Для австралийцев отмечается самая сложная в мире система родства, практически, если, может быть, и не вполне бессмысленная, то, конечно, в наибольшей доле при их нынешних формах жизни являющаяся излишней роскошью, явно пережиточная.

С точки зрения исторического материализма сопоставление нынешних дикарей с первобытным человечеством обязательно должно брать за исходный пункт формы техники; и тут дело опять оказывается сложнее, чем раньше думали.

Техника каменных орудий, судя по данным раскопок, прошла длинный путь развития. Между древнейшей фазой грубо обработанного, «оббитого» камня, которую, собственно, можно называть «палеолитом», и новейшей, фазой полированного камня, «неолитом», приходится установить по меньшей мере еще одну, весьма обширную, «мезолит», с орудиями из колотого, и затем тесаного камня. Наиболее отсталые дикари из ныне живущих относятся в этом смысле только к позднему мезолиту, что соответствует отнюдь не действительно первобытным раскопчным формам—шелльской, мустьерской, а значительно более поздней—приблизительно, магдаленской. Но и при таком сопоставлении нельзя забывать, насколько магдаленский человек был объективно моложе его новейших подобий, переживших, наверное, не один период подъема и упадка, которые должны были оставить неистребимые социальные следы.

В общем, с нынешними низшими дикарями дело обстоит так. Даже и противники идеи первобытного коммунизма не отрицают у них наличности значительной суммы коммунистических проявлений: общих трапез, делжки добычею и с теми членами группы, которые не участвовали в ее добывании, во многих случаях также общих жилищ и т. п. На-ряду с этим отмечаются индивидуалистические моменты: разрозненное, в одиночку и маленькими группами, искание пищи и мелкая охота, с

таким же тогда, большей частью, разрозненным потреблением; чувство собственности, выступающее по отношению к одежде, орудиям труда, оружию, посуде, мелким текущим запасам и т. под. Эти моменты буржуазная наука, естественно, подчеркивает и выдвигает на первый план, как основные: для нее ведь индивидуализм есть изначальное свойство природы человека, а все, что с ним не согласуется, может быть лишь наслоением, более или менее непрочным. При этом коммунизму резко противопоставляются такие вещи, которые, в сущности, вовсе ему не противоречат: разрозненное искание и потребление каких-нибудь ягод, зерен, плодов, корней, улиток, личинок, которых в большинстве случаев было бы просто бессмысленно тащить в дежку, когда нет исключительной голодовки, и когда нет также особенно богатого скопления такой добычи в одном месте; чувство собственности на носимую одежду и привычное руке оружие, и т. п. Разве семейному коммунизму, напр., крестьянской семье противоречит хотя бы такой случай, когда ребяташки в лесу самостоятельно наедаются ягод и орехов, или тот факт, что каждый член семьи считает «своим» то платье, которое носит? Бессознательно создается и упорно применяется чудовищная умственная модель «коммунизма», в которой все непрерывно «социализируется» вопреки хотя бы элементарной технической целесообразности: нашли личинку — нести ее и делить на всю общину; носит человек рубашку — непременно снимать ее с него и надевать другим; излущил по своей руке дубину — отбирать ее в пользу всякого другого, и т. д. Конечно, такого коммунизма не выдержал бы и самый первобытный человек. Это просто бессознательно (а иногда, может быть, и сознательно) полемическая концепция «абсолютного» коммунизма.

Характерна также игра словами «чувство собственности». То, что на деле ими выражается, есть не более как психо-физиологическое «срастание» организма с устойчиво-близкими к нему объектами: одежда, необходимое дополнение покровов тела, орудие, тысячи и тысячи раз сливавшееся в действии с его рукой, — это почти органы тела, они «принадлежат» ему, точнее, пожалуй, даже не «ему», а «к нему», как его кожа и рука. Но вместе с ним самим они «принадлежат» его коллективу. Сделать из

этого *право* собственности—факт социально-экономический и социально-идеологический,—священную частную собственность с правом пользования и злоупотребления, может только реальное распадение первичных связей коллектива.

На недавнем диспуте по поводу первобытного коммунизма ¹⁾ один из его противников, проф. П. Ф. Преображенский высказал ту мысль, что самый спор идет в значительной мере о словах: факты имеют две стороны, одни из истолкователей «делают ударение» на индивидуалистической, другие — на коммунистической. Что слова тут играют роль, это как, мы только что видели, несомненно; однако вопрос много глубже простого «ударения». Он должен быть поставлен так: из сплетения элементов коммунистических с индивидуалистическими у существующих отсталых племен и народов какие считать остатками первобытного прошлого, какие—новообразованиями в ходе развития или деградации? И здесь исторический материализм дает вполне определенную руководящую линию исследования. Она такова: надо выяснить, какие из этих элементов соответствуют *экономической необходимости* первобытных условий жизненной борьбы человечества. Что несовместимо с тогдашней экономической необходимостью, то не может быть первобытным, какое бы «ударение» на нем ни делалось.

Но как установить эту экономическую необходимость? Она всецело определяется *материальными условиями* труда—борьбы; в данном случае именно природной обстановкой и первобытными средствами производства. А тут уже положение далеко не безнадежно: природная обстановка в общих чертах известна, и о первобытных орудиях есть немаловажные данные.

Мы знаем, что обстановка жизни наших первобытных предков, о каких имеются вообще сведения, была в некоторых, и очень существенных, отношениях гораздо более сурова, чем, напр., для каких-нибудь австралийцев. То была эпоха животных гигантов, как мамонт, и специально—*тирантских хищников*, как махеродус (кинжалозуб), пещерный лев, пещерный медведь, и т. под. Климат был разных от-

¹⁾ У студентов-свердловцев.

тенков умеренного, от субтропического до холодного. В общем, природа не отличалась ни крайним богатством нынешних тропиков, ни чрезмерной бедностью,—но при скудной, зародышевой технике и такая природа для человека объективно скупа.

Что же мог человек противопоставить этой суровой обстановке с ее грозными истребительными силами?

Ему был известен огонь, которого первоначально (в этом мнения сходятся) он сам добывать не умел, а только поддерживал и переносил с собою, пользуясь случаями, когда природа давала его готовым: молния, лесные пожары, вулканические явления. Впрочем, и позже, первые способы добывания огня так трудны, что прибегать часто к этой операции невозможно, и поддержание огня сохраняет огромное значение. Только огонь мог дать человеку защиту от хищников гигантов и стайных хищников, как, разумеется, и защиту от зимнего холода ледниковых периодов. Первоначально, потеря огня означала гибель всего маленького коллектива, который вокруг него группировался.

Уже тут отчетливо выступает непреложная необходимость тесного трудового сплочения группы, невозможность широко бродить по одиночке или надолго разбредаться маленькими группочками, как это безопасно могут делать, напр., нынешние австралийцы. Огонь—первичное орудие, выделившее человека из природы—в своем первобытном применении этого не допускает. Только коллектив достаточных размеров способен надежно и непрерывно поддерживать огонь при невозможности его возобновить в случае угасания; только коллектив может и успешно его использовать для защиты от грозных чудовищ и от долгого зимнего холода. И если кровная связь была биологической основой коллектива, то огонь был его технической спайкой.

Экономическая необходимость требовала, чтобы коллектив рос до наибольших размеров, возможных по условиям добывания жизненных средств. Ибо чем меньше он был, тем тяжелее давили его стихии вообще, и тем опаснее для него была слепая сила случайности. Только при достаточных размерах коллектив мог организовать успешную разведку отовсюду угрожающих опасностей, и при случае успешно вступить с ними в прямую борьбу. Умень-

шение численности и ослабление трудовой спайки равно обрекали его на уход с жизненной арены.

Но если коллектив вырастал до максимальных размеров, допускаемых площадью, доступной использованию при условии поддержания тесной трудовой связи (величина для тех времен, как полагают, порядка нескольких десятков человек), то распределение не могло быть сколько-нибудь систематически неравномерным, оно могло быть только «коммунистическим». Там, где нет устойчивых избытков, и где постоянно, напротив, угрожает возможность недостатка, там неравномерность означает истощение и гибель части рабочих сил коллектива. *Отсутствие прибавочного продукта исключает индивидуализм потребления.* А какой может быть прибавочный продукт там, где самые размеры группы определяются рамками возможности поддержания жизни? где всякий временный избыток ведет к размножению группы до размеров, которые устраняют его, если бы даже его не устраняла, обычно, гораздо раньше перемена естественной «конъюнктуры» внешних условий?

И конечно, нелепо было бы предполагать, что, вопреки всему этому, применение каменных орудий, порождая «чувство собственности», могло бы развивать все-таки «индивидуализм». Мы видели, как мало общего между «чувством» и «правом» собственности. Но отметим, что развитие этих орудий способно явиться как раз моментом, усиливающим коллективизм группы. Приготовление их из материала чрезвычайно несподатливого, и в то же время своеобразно хрупкого, при необходимости сравнительно часто возобновлять их, требовало, очевидно, весьма большой затраты труда, значительной силы, особых навыков и опыта в выборе материала. Таким образом, не все члены группы могли заниматься этим производством, а только некоторые—но *для всех*; ибо необходимы эти орудия были, конечно, каждому работнику, даже женщинам и детям. Следовательно, работник, объективно, получал нужное орудие от коллектива, — хотя, без сомнения, отбирать его обратно без крайней нужды коллектив не мог, это было бы технически-бессмысленно и вредно для всех: приспособление работника к данному орудию на этой ступени особенно важно.

На упомянутом выше диспуте один из участников сказал, что он принимает тесную кооперацию, трудовую сплоченность первобытной группы, но отсюда, по его мнению, еще не вытекает коммунистическое распределение. Точка зрения исторического материализма такой позиции не допускает. Формы распределения определяются формами производства; если первые иногда, как при капитализме, отставая от вторых в своем развитии, оказываются в противоречии с ними, то дело идет о неустойчивой, переходной формации; первобытная же, с ее огромным консерватизмом и длительностью, была наиболее «органической» из всех пережитых человечеством.

Тот же участник диспута говорил, что странно предполагать планомерную организацию равномерного распределения на такой низкой, недалекой еще от зоологии, ступени развития. Разумеется, странно: о планомерном расчете, детальном обсуждении, точных нормах не может быть и речи. Карточной системы никто там и не искал. Для маленькой, кровно спаянной и сплоченно живущей группы в несколько десятков человек это вовсе не требуется. Достаточно стихийной тенденции к выравниванию в насыщении, как и в недоедании: группа не может переносить того, чтобы одни голодали в то время, как другие излишествуют; и каждый член группы сам чувствует это. «Хозяйственный план» очень простой, не идеально-точный, но практически не допускающий сколь-нибудь опасных колебаний в ту или другую сторону.

Так метод исторического материализма, исключая субъективный подбор и оценку фактов, произвольные «ударения» на той или другой их стороне, дает руководящую линию в вопросе о первобытной экономике. Метод не создает и не изменяет фактов, но указывает путь их надежной и точной обработки.

Такова же его роль и в вопросе о первобытной идеологии. Тут факты еще беднее и неопределеннее. От подлинной первобытной идеологии не сохранилось и окаменелых остатков; а в идеологии «дикарской» пережиточные явления еще запутаннее, чем в дикарской экономике; ибо идеология еще в большей мере представляет сферу пережитков, своего рода идеальных «окаменелостей», но, к сожалению, не расположенных по геологическим пластам.

И потому тем строже надо держаться испытанного, тысячи раз себя оправдавшего метода.

Здесь положение дела, в общем, таково.

У наиболее отсталых племен и народов наблюдается, в большинстве случаев, анимизм и тотемически-религиозные представления. То и другое характеризуется на самых низших ступенях грубо-материалистической окраской: «души» людей — собственно, внутренние повторения их тела, разве лишь в уменьшенном масштабе, но со всеми «телесными», по нашим понятиям, свойствами; так же и «души» вещей соответствуют их «телам»; в тотемах равным образом нет ничего идеально-духовного; их «божественность», священный характер выражены слабо, так что на этих ступенях даже не ограждают тотемических животных и растений от употребления в пищу. Оттенок того, что мы понимаем под «духовностью», души получают только в дальнейшем развитии; аналогично возрастает и «божественность» тотемов, а затем и «богов» в более привычном для нас смысле.

Являются ли анимизм и первично-религиозные представления *изначальными* для человечества?

В науке существовали до сих пор большие сомнения по этому поводу. Были загадочные, неясные факты: показания многих наблюдателей относительно племен, чуждых всякой «религиозности», таких, напр., у которых в языке нет даже слов «бог» и «душа», или которые просто не понимали задаваемых путешественниками вопросов о загробной жизни ¹⁾. Но странно, что некоторые из этих данных относятся к племенам, не самым отсталым по технике и экономике, вроде, напр., калифорнийских индейцев, некоторых полинезийцев, даже иных готтентотских и эскимосских народов. С точки зрения исторического материализма трудно допустить в этих случаях такой полный упадок раньше существовавших представлений, чтобы от них не осталось и следов; гораздо вероятнее, что путешественники и миссионеры не могли их уловить вследствие большой *неопределенности и расплывчатости их форм* а также *малого их реального значения в наблюдаемой жизни*. Но если принять хотя бы такое объяснение, то *изначально-*

¹⁾ Джон Либбок собрал десятки таких сообщений, и весьма компетентных, в своих книгах «Доисторические времена» и «Начала цивилизации».

ность анимизма и религии теряет твердую почву под собою. И в буржуазной науке, действительно, приобрела большой все идея о некоторой до-анимистической и до-религиозной фазе; ее обозначают чаще всего, как «аниматизм», т.-е. представление о всеобщей «одушевленности» природы, но без дифференцированных «душ» в людях и других предметах. Ясно, что если мы не впадем в наивность— считать первобытного человека мечтательным философом-пантеистом, то эта «одушевленность» сводится просто ко всеобщей активности, к восприятию природы всецело как *мира действий*, т.-е. к тому, что Энгельс называл «первобытной диалектикой».

Теперь, какой путь решения указывает исторический материализм?

Прежде всего в доступных нам низших анимистических и религиозных представлениях надо раскрыть их *непосредственно-социальное содержание*, обнаружить зерно *производственных отношений*, какое в них может заключаться. Эту линию Маркс наметил еще в «Нищете философии»: «... Но те самые люди, которые формируют (*gestalten*) социальные отношения сообразно (*gemäß*) своему материальному способу производства, формируют также и свои принципы, идеи, категории (*die Principien*, и т. д.) сообразно своим социальным отношениям» (нем. изд., стр. 91).

Дана материальное «тело» и дана его «душа», тоже материальная, водше ему подобная: два человека в неразрывной связи. Какая эта связь? Душа *управляет* телом, тело *подчиняется* ей. Определенная форма *разделения труда*: организаторско-исполнительская, та, которую я назвал «авторитарным сотрудничеством».

Теперь перед нами выбор:

или люди «сформировали» категорию души—тела тогда, когда у них *уже* существовало социально-производственное отношение авторитарного сотрудничества,—и сформировали «сообразно» этому отношению;

или они «сформировали» эту категорию *раньше*, чем у них возникло такое производственное отношение,—и значит, они потом его «сформировали» в трудовой практике «сообразно» этой, независимо от него выдуманной, категории.

Первое решение: исторический материализм.

Второе: исторический идеализм.

Далее, категория собственно-религиозная,—божество на одной стороне, люди и вещи—на другой. Божество *властно* над животными настолько, чтобы выгнать их навстречу охотникам; над людьми и их оружием настолько, чтобы не дать им промахнуться. Оно *организует* соотношения тех и других элементов в процессе охоты, рыбной ловли и пр. Если оно организовало все это в плохую комбинацию, значит, не хотело или поленилось,—надо его умо-лить; а может быть, и не сумело,—тогда это организа-тор плохой, но функция та же; может быть, следует его проучить, как всякого, плохо исполняющего свою функцию в коллективе; еще эта функция, значит, не поднялась на чрезмерную высоту,—но она от того в существе не меняет-ся. Социально-производственное зерно категории все то же, дилемма та же, решения те же.

Мольба, поклонение, жертва (т.-е. дань или взятка), все эти элементы культа суть также обычные атрибуты авторитарного отношения между людьми. Религиозная эмоция, включающая преклонение и страх в разной про-порции, есть обычная социально-авторитарная эмоция—чувство *подчиненности*.

Загадки форм мышления разрешаются в формах трудо-вых отношений. Исторический материализм—надежный руководитель; и его руководство наиболее драгоценно, наиболее незаменимо на *темных* путях истории.

А. Богданов.

Диалектика в системе Фихте.

(Общее и научное.)

Самым ценным приобретением немецкой идеалистической философии является диалектика. Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель составляют восходящие ступени в истории развития диалектического метода. К сожалению, мы до сих пор еще не имеем связной истории диалектики, но этот пробел необходимо заполнить.

История диалектики должна уделить главное свое внимание великим немецким идеалистам, открывшим *диалектическую структуру сознания* (мышления, разума). Замечательно, что на это великое открытие присяжные философы после Гегеля не обратили почти никакого внимания. А между тем диалектика составляет внутреннюю пружину, центр тяжести немецкого идеализма. Можно положительно утверждать, что у Фихте и Гегеля «система» поглощается и покрывается диалектическим методом. Исходя из диалектической структуры мышления, являющегося для них субстанцией, первоначалом всего бытия, немецкие идеалисты приходят к утверждению диалектической структуры мироздания. Дальнейшее развитие диалектика получает у основоположников марксизма. Исходя из материалистической точки зрения, Маркс объясняет диалектическую структуру сознания диалектической структурой бытия.

Основатель немецкой идеалистической философии, Им. Кант, является одновременно и тем самым мыслителем, который положил начало диалектике в истории новейшей философии. Разумеется, и до Канта делались попытки не столько обоснования, сколько применения диалектического метода. Так, напр., в 1770 г. франц. мыслитель, материа-

лист и коммунист Дешан, в найденной только в 1865 г. рукописи, пытается теоретически обосновать диалектику. К сожалению, работа Дешана осталась незаконченной.

Мощное развитие диалектика получает, таким образом, только у немецких мыслителей. Кант еще в 1763 г. в небольшой работе об отрицательных величинах ¹⁾ проводит различие между идеальной и реальной противоположностью. В *реальной* противоположности, доказывает там Кант, оба члена, из которых один утверждает то, что отрицается другим, имеют положительное значение, в то время как с точки зрения *идеальной* или логического противоречия один из членов исключает другой и означает абсолютное отрицание. Члены реальной противоположности связаны друг с другом, соотносительны; члены идеальной противоположности взаимно исключаются. Кант утверждает, что понятие реальной противоположности применимо ко всем областям опыта. Отрицание столь же положительно, как и утверждение, но только «в противоположном направлении». Реальные противоположности, доказывает Кант, составляют единство. Развитие мира состоит в дифференцировании единства на реальные противоположности и в разрешении (или «снятии») противоположностей в единство. Начало реальных противоположностей должно быть возведено в мировой принцип, из которого надлежит вывести все содержание опыта. Из введенного Кантом принципа реального противоречия немецкие мыслители сделали самое широкое употребление. Мы не имеем возможности остановиться здесь на Гердере, Окене и других второстепенных мыслителях, применявших этот принцип к различным областям знания. Более подробно нам придется остановиться на названной работе Канта в другой связи и в другом месте. Здесь нам хотелось бы только подчеркнуть, что именно Кант введением *принципа реальной противоположности* положил начало диалектике. В дальнейшем своем развитии, в так называемый критический период своей деятельности, Кант преобразовывает свою диалектику. Став на *дуалистическую* точку зрения, он ограничил ее значение, приписав ей лишь *отрицательную* роль, и углубив ее, однако, в других отношениях.

¹⁾ «Versuch, den Begriff der negativen Grössen in die Weltweisheit einzuführen», 1763 г.

Диалектика по самому существу несовместима с дуализмом. Поэтому Канту не удалось справиться с им же выдвинутой проблемой.

Продолжателем Канта является Фихте, преобразовавший кантовский дуализм в идеалистический монизм и значительно углубивший дальше диалектический метод. Сам же Фихте считает, что его «система—не что иное, как система Канта, т.-е. она содержит тот же взгляд на предмет, но в своем способе изложения совершенно не зависит от изложения Канта». Это заявление Фихте не соответствует действительности, но он субъективно, по крайней мере, глубоко убежден в том, что стоит всецело на точке зрения учителя. Подобно Канту, Фихте видит основную задачу философии в обосновании опыта, в разрешении проблемы познания. «Конечное разумное существо, говорит Фихте, не имеет ничего вне опыта; опыт содержит в себе весь материал его мышления». Опыт есть «система представлений, сопровождающихся чувством необходимости». Но каково основание опыта и самого чувства необходимости? Философия и есть та наука, которая решает эту проблему. Если философия или *наукоучение* имеет своей задачей обоснование всякого опыта, то очевидно, что объект философии лежит вне всякого опыта. Основание находится вне обоснованного; они *противоположны* друг другу, но вместе с тем они должны быть так или иначе друг с другом *связаны*.

Философ в качестве конечного существа сам подчинен условиям опыта. Спрашивается, как он может возвыситься над опытом? На это Фихте отвечает, что философ обладает способностью отвлечения, т.-е. через свободу мышления он может разделять то, что связано в опыте. «В опыте неразрывно связаны друг с другом *вещи*, — то, что должно быть определено независимо от нашей свободы и на что должно быть направлено наше познание, и *интеллигенция*, т.-е. то, что должно познавать. Философ может отвлекаться от того или другого; тем самым он отвлекается от опыта и возвышается над ним. Если он отвлекается от *вещи*, то в качестве основы объяснения опыта у него остается интеллигенция *в себе*, т.-е. отвлеченная от ее отношения к опыту; если он отвлекается от последней, то у него получается вещь *в себе*, т.-е. отвле-

ченная от того, что она встречается в опыте. Первый образ мысли называется *идеализмом*, второй *догматизмом*. Возможны... лишь эти две философские системы. Согласно первой системе сопровождающиеся чувством необходимости представления суть продукты предполагаемой в основе их интеллигенции; согласно последней—продукты предполагаемой в основе их вещи в себе» ¹⁾. Идеализм и догматизм (или материализм, ибо догматизм, исходящий из вещи в себе неминуемо ведет к материализму) друг с другом несовместимы, составляя абсолютные противоположности. Таким образом, в опыте неразрывно *связаны две противоположности—вещь и сознание*. Тем не менее мы способны возвышаться над опытом в силу свободы мышления, т.-е. путем отвлечения, рефлексии и подниматься до утверждения как *вещи в себе*, так и *интеллигенции в себе*. Рефлексия устанавливает только две указанные точки зрения. Что логически возможны лишь эти две философские системы, следует уже из того, что в самом опыте встречаются только две составные части—вещь и сознание. Каждая из двух систем имеет свой *объект*, который и является основанием объяснения опыта. Между объектом идеализма и объектом догматизма (=материализма) существует определенное различие в их отношении к сознанию вообще. Все, что я сознаю, называется объектом сознания. Существует три рода отношений этого объекта к представляющему. Объект является либо как впервые созданный представлением интеллигенции, либо как находящийся в наличности без ее содействия; и в последнем случае—либо как уже и качественно определенный, либо как находящийся лишь в своем бытии, в свойствах же своих подлежащий определенно через свободную интеллигенцию». Объект догматизма—вещь в себе—соответствует первому отношению, ибо он создан мышлением. Второе отношение соответствует предмету опыта. Третье отношение соответствует объекту идеализма, так как бытие его всегда должно предполагаться, свойства же его «при известных условиях зависят только от мысли». Объект догматизма создается целиком свободным мышлением; вещь в себе—чистый вымысел и не обладает никакой реальностью. В опыте она

¹⁾ П. Г. Фихте. Избранные сочинения, пер. под ред. Е. Трубецкого, т. I, стр. 416.

не встречается, ибо система опыта есть мышление, сопровождаемое чувством необходимости. Но я могу отвлечься от вещи в себе и сосредоточиться только на самом себе. Тогда я становлюсь сам для себя предметом определенного представления. Я сделал себя самого объектом, но себя я не создал. «Вот это-то я в себе и составляет объект идеализма. Следовательно, объект этой системы действительно имеет место в сознании, как нечто реальное, не как *вещь в себе*,—отчего идеализм перестал бы быть тем, что он есть, и превратился бы в догматизм,—а как я в себе; не как предмет опыта, ибо он не определен, а определяется исключительно мною, и без этого определения он есть ничто и без него вообще не существует, а как нечто возвышающееся над всяким опытом ¹⁾. Вещь в себе создается мышлением; объекты опыта даны необходимо как *качественно определенные. И в себе*—объект идеализма—существует в сознании, как нечто реальное и первоначально как нечто качественно неопределенное. Объект всякой философии, как основание объяснения опыта должен лежать *вне опыта*, но одновременно он должен *являться в сознании*, т.-е. быть в известном отношении все же с предметом опыта. Преимущество идеализма перед догматизмом и состоит, по мнению Фихте, именно в том, что он свой принцип объяснения опыта может обнаружить в сознании, между тем как принцип догматизма в сознании не является, не обнаруживается.

«Ни та, ни другая из этих систем не может опровергать противную, ибо их спор есть спор о первом, невыводимом принципе; каждая из них, как только будет признан ее принцип, опровергает принцип другой; каждая отрицает все у противоположной, и у них нет ни одной точки, исходя из которой они могли бы прийти ко взаимному пониманию и соглашению». Согласно догматизму, все, что происходит в нашем сознании, есть продукт вещи в себе. «Последовательный догматизм отрицает самостоятельность Я, на которой строит свое учение идеалист, и делает его простым продуктом вещи, случайной принадлежностью мира; последовательный догматик — неизбежно материалист. Он может быть опровергнут

¹⁾ Там же, стр. 418.

только из постулата свободы и самостоятельности Я; но это то самое, что он отрицает». Поэтому идеалист не может опровергнуть догматика. Но догматик, в свою очередь, не может опровергнуть идеалиста, так как оба они исходят из абсолютно противоположных принципов. Обе системы несовместимы, и желание их смешать воедино есть вопиющая непоследовательность. «Спор между идеалистом и догматиком собственно сводится к тому, должна ли самостоятельность вещи быть принесена в жертву самостоятельности Я или, наоборот, самостоятельность Я — самостоятельности вещи. Что же заставляет разумного человека высказаться предпочтительно за то или другое?». На это Фихте отвечает, что «из разума нельзя почерпнуть никаких оснований для решения вопроса», ибо речь идет о начале целого ряда, о первом принципе, об основании опыта, об «абсолютно первом акте, который зависит исключительно от свободы мышления, т.-е. от свободного, произвольного решения, которое, однако, имеет своим основанием склонность и интерес. «Поэтому последнее основание разногласия идеалиста и догматика есть различие их интересов». Одни находят самих себя лишь в представлении вещей; если лишить их вещей, то вместе с ними теряется и их собственное «я»; они не могут отказаться от вещей, ибо «сами они существуют лишь вместе с ними и всем, что они суть, они стали воистину через внешний мир. Идеалист не нуждается в вещах (не потому ли, что он ими уже располагает? в качестве опоры для своего собственного «я»). «Я, которым он обладает, уничтожает веру в вещи; он верит в свою самостоятельность», в свою свободу.

Принимая вещь в себе за основу бытия, мы должны объяснить представление из воздействия вещи в себе. Из вещи в себе, однако, невозможно получить мышление. Так как в принципе догматиков содержится лишь основание бытия, но не основание противоположного бытию мышления или представления, то нет перехода от бытия к мышлению, и всякий такой переход будет лишь чудовищным скачком. Всякое воздействие — механично, а из механизма не возникает никакого представления. Бытие порождает лишь бытие, но не мышление. Тут мы имеем

один лишь *реальный* ряд. В интеллигенции же, т.-е. в сознании мы имеем непосредственное соединение бытия и созерцания. Созерцание и бытие соединены неразрывно и составляют *единство противоположностей*. Интеллигенция *синтетична*, как выражается Фихте. Вещь в себе не может превратиться в представление и, следовательно, не может никогда стать объектом интеллигенции. Бытие знает лишь один простой реальный ряд, что и составляет причинность. Интеллигенция есть реальный и идеальный ряд, так как она *есть* и *знает* это свое бытие. Но интеллигенция есть лишь *принцип*, *основание* опыта, являющегося необходимым *продуктом* интеллигенции. *Основание* опыта еще не есть *предмет* опыта. Интеллигенция есть *делание*. Из действования (Handeln) этой интеллигенции должны быть выведены *определенные* представления, представления о мире, наличном без нашего содействия, материальном, находящемся в пространстве, и так далее, которые, как известно, встречаются в сознании; но из неопределенного нельзя вывести ничего определенного, формула всякого выведения, закон достаточного основания не находит себе никакого применения. Следовательно, это положенное в основу действие интеллигенции должно быть *определенным* действом, и,—так как интеллигенция сама есть высшее основание объяснения,—действием, определенным *через же самое*, через ее сущность, а не через что-либо внешнее ей. Соответственно с этим, предположение идеализма будет таково: интеллигенция действует, но она может в силу самой своей сущности действовать лишь определенным способом. Если этот необходимый способ действования мыслят отдельно от действия, то его очень удачно называют законами действия; таким образом, существуют необходимые законы интеллигенции. — Это делает понятным вместе с тем и то чувство необходимости, которое сопровождает определенные представления: интеллигенция чувствует в них не какое-либо воздействие извне, но она чувствует в этом действовании границы своего собственного существа. Поскольку идеалист делает это единственно сообразное разуму, определенное и действительно объясняющее предположение о необходимых законах интеллигенции, постольку он называется *критическим* или также *трансцендентальным*.

Путь критического идеализма простирается от принципа интеллигенции как основания опыта до совокупности опыта. Основание представляет свободный акт мышления, а мышления закономерного. Из единственного принципа интеллигенции должен быть объяснен, т.-е. выведен весь опыт. Та наука, которая занимается исследованием основных условий всякого знания, называется наукоучением. Она составляет науку о науке, так как ее задача состоит в обосновании и объяснении опыта, т.-е. отдельных наук. Наукоучение есть таким образом особая наука, имеющая свой специальный предмет. Предмет наукоучения не мертвое понятие, а «нечто живое и деятельное из себя и через себя созидающее познания, к чему философ относится лишь как наблюдатель. Его задача при этом состоит лишь в том, чтобы вызывать это живое к целесообразной деятельности, чтобы наблюдать эту деятельность, постигать ее и уразумевать, как нечто единое. Он ставит опыт». «В наукоучении имеется два весьма различных ряда духовного действия: ряд я, наблюдаемого философом, и ряд этих наблюдений философа». Задача, которую должно решить наукоучение, состоит в следующем: как возможен опыт? или иначе: откуда возникает система представлений, сопровождающихся чувством необходимости, т.-е. имеющих объективное значение? То, что имеет объективную значимость, имеет бытие, существует для нас. Так как вопрос этот возникает из углубления в самого себя, из наблюдения того, что непосредственный объект сознания и сам — только сознание, то речь может идти не о каком ином бытии, как о бытии для нас; и было бы совершенно лишено всякого смысла считать его тождественным с вопросом о бытии без отношения к какому бы то ни было сознанию». Так как интеллигенция с самого начала предполагается как основа опыта, то ясно, что она является принципом бытия вещей для нас. Быть объектом значит быть для субъекта. Объект возможен и существует лишь при условии возможности и существования субъекта. Этот объект не вещь в себе, а вещь для нас.

Основа бытия отлична от самого бытия. Они относятся друг к другу, как основание к обоснованному. Прежде всего необходимо постигнуть субъект вне всякого представления о бытии, необходимо обнаружить основание

всякого бытия. «Но субъекту, если отвлечься от всякого бытия его и для него, не присуще ничего, кроме действия; он — нечто действующее, в особенности в отношении к бытию». Значит, основа бытия есть *действие, становление*, благодаря которому бытие, объект возникает. Интеллигенция или «Я» первоначально есть *деяние*, которое само себя созерцает. Первоначально «Я» существует для самого себя. Но «как только «Я» существует для самого себя; то необходимо возникает для него также и бытие вне его, основание последнего лежит в первом, последнее обусловлено первым: самосознание и сознание чего-то, что не есть мы сами, необходимо связаны друг с другом». Сначала «Я» есть и становится для самого себя, оно созерцает свое действие. В «Я» возникает действие и созерцание этого действия, то-есть два ряда. Иначе говоря: Я составляет *единство* этих двух рядов. Оно есть *самосознание и самосозерцание*. Вначале «Я» принадлежит только «обращение на самого себя». «Я» обращается на самого себя. Оно возникает *первоначально* для самого себя впервые лишь через этот акт и только через него, через действие на само действие, каковому определенному действию не предшествует никакого действия вообще». Но что же такое это обращение Я на самого себя? спрашивает Фихте. И отвечает: «Оно не есть *постижение в понятия*» (Begriffen): оно становится таковым впервые через противоположение некоторого не-Я и через определение Я в этой противоположности. Следовательно, оно есть только созерцание». Я могу возникнуть для себя только через какое-либо действие, и только через *определенное действие* я становлюсь *действительным* для себя и через любое другое действие становится действительным для меня что-либо совсем другое. Под *понятием Я* необходимо мыслить только *действие, процесс*. Единственное и истинное основание всякого знания и сознания есть, таким образом, свободная деятельность мышления. Я первоначально полагает самого себя и *знает* самого себя через это свое самополагание. Я *знает* себя, поскольку оно *действует*. Оно есть *представляющее* существо потому, что оно одновременно является *действующим* существом. Свободная деятельность его обуславливает его мышление, знание и сознание. Всякое сознание начинается с деятельности; без сознания о моей

деятельности нет никакого самосознания, а без последнего нет сознания о чем-либо другом, что не есть Я. Человек — *практическое* существо; практическая способность составляет истинную природу Я. Но о своей деятельности человек знает непосредственно через интеллектуальное созерцание. «Что такое действие, это можно только созерцать, а не разъяснять из понятий и не сообщать через понятия; но заключающееся в этом созерцании становится понятным лишь по противоположности чистому бытию. Действование — бытие, и бытие — не действование; другого определения через одни только понятия не может быть; за подлинной сущностью нужно обратиться к созерцанию». Интеллектуальное созерцание есть созерцание самого себя при выполнении акта, благодаря которому возникает Я. «Оно есть непосредственное сознание того, что я действую и того, что за действие я совершаю; оно есть то, чем я нечто познаю, ибо это нечто произвожу». Мы сами *делаем* то, что *познаем*, и познаем лишь то, что сами производим. Философия должна поэтому исходить не из *факта*, а из *действия*, из *чистой деятельности*, которая еще не предполагает никакого объекта, а производит его сама, и где поэтому *действие* становится непосредственно *делом*. *Чистая деятельность*, чистое становление составляет внутреннюю сущность *чистого Я*. Фихте тут непосредственно примыкает к Канту и вместе с тем подготавливает точку зрения Гегеля, — как, впрочем, и во всех других основных пунктах. Сам Фихте подчеркивает, что кантовская чистая апперцепция в сущности и есть не что иное, как его собственное *чистое Я*, но только недоразвитое, незаконченное. Чистая апперцепция есть самосознание, тождественное во всяком сознании, стало быть, неопределимое через что-либо случайное в сознании. «Я в нем определено исключительно через самого себя и определено абсолютно». «Таким образом, — говорит Фихте, — мы находим и у Канта совершенно определенное понятие *чистого Я*, именно такое, каким его выставляет наукоучение». По Канту, возможность сознания (т. е. опыта) обуславливается возможностью чистого самосознания. Можно заметить, говорит Фихте, что, по мысли Канта, всякое сознание лишь обусловлено самосознанием, что *содержание* его может быть обосновано чем-нибудь вне самосознания, между тем как, согласно

наукоучению, сознание не обусловлено, а *определено*, т.-е. *создано* самосознанием. Но это различие, по мнению Фихте, несущественно, ибо определенность непосредственно вытекает из обусловленности. Если все сознание обусловлено возможностью и условиями самосознания, то ясно, что оно последним и определяется, в чем нельзя не согласиться с Фихте. С другой стороны, Кант, признавая обусловленность опыта (сознания) со стороны его *формы* исключительно природой самосознания, *содержание* опыта объясняет вещью в себе, т.-е. чем-то отличным от Я. В вещи в себе Кант видит объективное основание явлений. С такой постановкой вопроса Фихте не может согласиться. Ибо что такое, по Канту, вещь в себе? «Это нечто такое, что только *примысливается* нами к явлению согласно доказуемым и Кантом доказанным законам мышления и что *только* примысливается согласно этим законам, что *возникает*, таким образом, *только* через наше мышление». Следовательно, вещь в себе есть лишь *чистая мысль*.

Всякое мышление, соглашается Фихте, необходимо исходит из какого-нибудь бытия. Но это бытие означает лишь, что в каждом мышлении содержится объект, которым *ограничивается* это мышление. Предмет получает объективность только через мышление. Предмет имеет поэтому не реальное, а идеальное бытие. Существует только нечто действующее и ряд необходимых действий этого действующего. «Среди этих действий находится и такое, которое самому действующему *кажется бытием* и, согласно подлежащим открытию законам, необходимо должно казаться таковым. Для философа же, который созерцает с более высокой точки зрения, *оно есть и остается действующим*. Бытие существует исключительно для наблюдаемого Я, оно мыслит реалистически; для философа же существует *действие* и ничего, кроме *действия*; ибо он мыслит, как философ, идеалистически. Бытие не есть нечто первичное; это понятие производное, выведенное через *противоположение* деятельности. Первичное для Фихте—это свободная деятельность; бытие же — *отрицание* свободы. Бытия в собственном смысле для *философа* не существует, как не существует «Я» в собственном смысле для не-философа, т.-е. просто человека.

Мысля себя, я делаю самого себя не только мыслящим, но и мыслимым; мыслящее и мыслимое едины в этом случае. Действование в мышлении обращается на себя самого, на мыслящее. Я сам являюсь и мыслящим и мыслимым, т.-е. субъект-объектом: *субъект и объект тождественны*. Когда же мы мыслим внешние предметы — стол, стену и пр., то *мыслимым* является нечто отличное от нас. Здесь мыслящие и мыслимое *различны*. Таким образом, — говорит Фихте, — понятие или мышление о Я состоит в действовании самого Я на себя; и наоборот, подобное действие на самого себя дает мышление о Я и не дает абсолютно никакого другого мышления. Это значит, что Я, так сказать, реализуется только через обращение мышления на самого себя, и что оно может реализоваться только через одно мышление. Самосознание является условием всякого сознания и познания. Всякий объект доходит до сознания исключительно при том условии, что я имею сознание о самом себе, сознающем субъекте». Во всяком сознании *субъект и объект* обособлены друг от друга, *противоположны*. Но существует сознание, в котором *субъект и объект тождественны*, и именно это сознание должно служить основанием для объяснения сознания и опыта вообще. Сознание о нашем собственном мышлении и есть такое сознание. В этом сознании субъективное и объективное *непосредственно* соединены. Итак, ты непосредственно сознаешь свое мышление; как представляешь ты себе это? Очевидно не иначе, как следующим образом: твоя внутренняя деятельность, направленная на нечто вне ее лежащее (на объект мышления), протекает вместе с тем в ней самой и направлена на самое себя. Но, согласно вышесказанному, через возвращающуюся на себя деятельность у нас возникает Я. Это непосредственное сознание есть созерцание Я; «в нем Я полагает необходимо самого себя, и поэтому субъективное и объективное слиты в нем воедино. Всякое другое сознание прикреплено к этому и им опосредствовано; оно безусловно возможно и тросто-напросто необходимо, если должно иметь место какое бы то ни было другое сознание. — Я должно быть рассматриваемо не как *чистый субъект*, как его до сих пор почти везде рассматривали, а как *субъект — объект* в указанном смысле. В качестве первого основоположения

наукоучения выставляется Фихте тезис: *Я первоначально полагает безусловно свое собственное бытие.* Это значит, как подчеркивает сам Фихте, что Я есть тождество субъекта и объекта, т.-е. субъект-объект. Все, что дано эмпирическому сознанию в качестве объектов, существует для сознания, *положено* в Я. Очевидно, что до полагания чего-либо в Я необходимо, чтобы предварительно Я полагало себя, ибо это *положенное Я* составляет абсолютное условие всякого возможного опыта. Фихте прав, когда он указывает, что Кант в своей дедукции категорий был близок к установлению этого абсолютного основоположения.

Бытие Я есть результат и проявление его собственной деятельности, чистого действия (*Thatthandlung*); более того, самое бытие Я есть деятельность. Первоначально ничто не полагается, кроме Я. Это есть первоначальный акт утверждения тождества субъекта и объекта. Этому первому основоположению противостоит второе, как анти-тезис, который гласит: Я полагает не-Я. Противоположное Я есть не-Я. Под не-Я необходимо понимать вещь мир, как он существует для нас, но не в себе. *Не-Я* возможно лишь как *противоположность Я* и при условии Я. *Переход от полагания к противоположению возможен лишь через тождество Я.* Всякая *противоположность существует лишь в силу действия Я.* Без субъекта нет объекта. «Противоположение возможно лишь при условии единства сознания полагającego и противоположающегося». Не-Я составляет противоположность Я. Это значит у Фихте, что Я полагает себя *как нечто* *положенное*. Но мы уже знаем, что не-Я не есть, по Фихте, вещь в себе, нечто находящееся вне Я. Все, что полагается, полагается только в Я и через Я. Поэтому Я полагает не-Я в Я. Оно полагает в самом себе *противоположности, составляя вместе с теми же абсолютное единство.* Значит, в Я, которое полагает Я и не-Я, мы имеем *единство противоположностей.* «Соединение противоположностей в одном и том же субъекте есть *противоречие.* Я полагает себя как противоречие: оно есть это противоречие в силу своей первоначальной сущности или в силу своего первоначального деяния. (Куо Фишер.) Деятельность Я разрешает противоречие, создаваемое двумя первыми действиями. «Вышеупомянутые противоположности, говорит Фихте, должны быть приняты

в тождество единого сознания». Для решения этой задачи «необходимо, как выражается Фихте, прибегнуть к эксперименту и задаться вопросом, как можно соединить в мысли A и $\neg A$, бытие и небытие, реальность и отрицание,—так, чтобы они при этом друг друга не разрушали и не уничтожали». Единственная форма возможности синтеза, т.-е. объединения противоположностей—это взаимограничение обеих противоположностей. Ограничение есть лишь частичное уничтожение и сохранение. «Ограничить что-нибудь значит уничтожить его реальность путем отрицания не *всцело*, а только *отчасти*. Следовательно, в понятии границ, кроме понятий реальности и отрицания, заключается еще понятие *делимости* (*способности количественного определения* вообще, не какого-либо *определенного* количества. Это понятие и есть искомое X ; и, следов., действием Y , как A , так и $\neg A$, просто *полагается* как *делимое*». Как A , так и $\neg A$ полагаются как делимые, т.-е. как моменты или ступени. Поэтому третье основоположение Фихте формулирует следующими словами: *Я противопоставляю в Я делимому A —делимое $\neg A$* . Только путем ограничения, частичного уничтожения или *отрицания* возможно объединение этих противоположностей. Первое основоположение выражает принцип тождества; второе—принцип противоречия, третье—принцип основания. Первые три необходимые действия A составляют тезис, антитезис и синтезис. Это три первичных акта A или интеллигенции. В этих необходимых действиях A заключается и метод, состоящий в раскрытии и разрешении всех противоречий, заключенных в A и в его необходимых действиях. Первое основоположение составляет первый абсолютный тезис, второе—антитезис, третье—*первый или основной синтез*. Первое основоположение означает тождество субъекта и объекта, абсолютного « A »; второе основоположение вскрывает внутреннюю «противоречивость» первого, а третье создает синтез из ограниченного, т.-е. конечного A и ограниченного $\neg A$. «Знаменитый вопрос,—говорит Фихте,—который Кант поставил во главу угла «Критики чистого разума»: как возможны синтетические суждения *a priori*?—получает таким образом свое самое общее и наиболее удовлетворительное разрешение. Мы выдвинули в лице третьего основоположения такой

синтез противопоставления Я и не-Я, посредством полагаемой их делимости, о возможности которого нельзя ставить дальнейшего вопроса и для которого нельзя привести никакого основания. Этот синтез непосредственно возможен; мы уполномочены к нему без всякого дальнейшего основания. Все прочие синтезы, которые должны иметь силу, должны в нем заключаться; они должны быть осуществляемы одновременно в нем и вместе с ним; поскольку это доказано, тем самым дается самое убедительное доказательство того, что и они обладают таким же значением, как он. *Все они должны заключаться в нем;* и этим нам предначертывается самым определеннейшим образом тот путь, которым мы должны идти в дальнейшем в нашей науке. Тут должны быть синтезы; стало быть, нашим постоянным приемом отныне... будет синтетический прием; каждое положение будет содержать в себе некоторый синтез. Но ни один синтез невозможен без предшествовавшего ему антитезиса, от которого мы, однако, отвлекаемся, поскольку он является действием, и отыскиваем только его продукт — противоположное. Мы должны, значит, при каждом положении исходить из указания противоположностей, которые подлежат объединению». ¹⁾ Этим устанавливается метод, которому мы необходимо должны следовать. Это метод синтетический или диалектический, метод противоречий. Этот метод не является чем-либо случайным, а вытекает из самой природы интеллигенции.

Абсолютный тезис: Я = Я или «Я есмь» придает всей системе знания «крепость и завершение». Необходимость же вскрывать и объединять противоречия покоится непосредственно на третьем основоположении, которое является первым основным синтезом. Поэтому форма системы основывается на этом высшем синтезе. Первоначальные акты Я являются основными условиями всякого познания, суждения и мышления. Через первоначальные акты создаются формы суждений, законы мышления и основные категории познания.

Каждая наука, представляя собою целое, состоящее из многих отдельных частей, имеет систематическую форму.

¹⁾ Fichtes Werke, I. B, 1911. (Grundlage der gesamten Wissenschaftslehre.) S. 399.

Общее наукоучение должно обосновать эту систематическую форму, т.-е. условия необходимой внутренней связи основоположения с частными положениями — для всех возможных наук. Так как основоположение является основанием всякой достоверности и, стало быть, всякого знания, то оно «сопровождает всякое знание, содержится во всяком знании, и всякое знание его предполагает».

Общее наукоучение составляет первую часть системы и соответствует *Гегелевой логике*. Вторую часть системы образует *теоретическое наукоучение*, которое имеет своей задачей обоснование математики и естествознания. Эта часть системы совпадает с тем, что Гегель называет *философией природы*. И, наконец, последнюю и третью часть составляет *практическое наукоучение* или, по Гегелю, *философия духа*. Таким образом, в системе Фихте мы имеем то же *трехчленное* деление, что и у Гегеля. Можно сказать, что философия Фихте заключает в себе в неразвитой еще форме всю систему Гегеля. Наукоучение же в целом развивает методологию всех частных наук, поскольку они покоятся на установленных им основоположениях. Наукоучение представляет *систему категорий* всех наук в абстрактной их форме, вне зависимости от применения их к конкретному содержанию. Категории в освещении Фихте не являются застывшими формами бытия, а составляют продукты деятельности самосознания, при чем категории в силу внутренних противоречий переходят друг в друга. Самый механизм человеческого духа невозможно объяснить себе иначе, как посредством процесса противоположения и синтеза противоположного. *Необходимым условием разума являются противоречие. Без актов различения и противопоставления нет знания.* Всякое знание начинается с опыта. Наукоучение имеет задачей своей обоснование опыта. В опыте же дано многообразие или разнообразие. Если в чувственном восприятии дано разнообразие, то каким образом приходим мы к *единству*? Эта проблема была вышвинута Кантом. Ответ его гласит так: разнообразие данных представлений подчинено первоначальному синтетическому единству — апперцепции самосознания. Фихте самое разнообразие выводит из противопоставления. Противопоставление, противопоставление предполагает единство, синтез. Разнообразие возможно в силу единства, единство же

предполагает разнообразие. Они друг друга предполагают, друг друга обуславливают. Нет единства без внутреннего различия, противоположения, но нет различия без единства. «Противоположение возможно лишь при условии единства сознания, полагающего и противоположающего». Нечто существует и возможно только через противоположение, и силу присущих ему внутренних противоречий, предполагающих уже синтез, единство их.

Таким образом, Фихте с самого начала исходит из идеи диалектического синтеза, к чему и сводится его метод. Необходимо оговорить здесь, что нас интересует только *метод* Фихте, а не *содержание* его учения. В дальнейшем мы убедимся, что *метод противоречий* должен был взорвать самую его систему.

Итак, руководящим принципом является для Фихте идея диалектического синтеза. В первом основоположении заключается, по мысли Фихте, вся совокупность знания, все возможные положения, которые могут и должны быть выведены из него путем внутреннего диалектического развития. В нем заключаются уже потенциально, «в свернутом» виде все категории и законы познания. Но для того, чтобы они могли быть выведены из первого основоположения, в него должно проникнуть *противоречие*, его собственная противоположность. Только тогда абсолютное Я выступает, так сказать, из самого себя, отрицает себя. Но именно посредством этого *отрицания* абстрактное единство субъекта и объекта, абсолютное Я, составляющее пункт совпадения субъекта и объекта или их тождества, начинает «распускаться», дифференцироваться и выделять противоположности конкретные. Абстрактное единство, заключающее в себе и абстрактную противоположность, содержит в себе в скрытом виде всю систему мира и знания. Но эта система существует лишь в себе, а не для нас. Однако основной принцип должен развернуть все свое содержание, предстать перед нами в развернутом, раскрытом виде. Это возможно лишь путем отрицания абстрактного единства, т.-е. абсолютного Я, и это *отрицание* есть вместе с тем и *утверждение*, поскольку второй акт, «снимая» первый, заставляет его обнаружить скрытое в нем содержание. Без второго *отрицательного* акта первое основоположение мертво, безжизненно, бессодер-

жательно. В нем тезис и антитезис столь же абстрактны, т.-е. пусты, как и их абстрактный синтез. Но Фихте сам хорошо понимает, что для конечного сознания, для нас всякое знание начинается с *принципа противоречия*. Действительность постигается лишь как процесс, в котором раскрывается единство противоположностей. Теоретическое Я, т.-е. конечное сознание, которое одно только и существует для нас и которое ставит своей задачей познание этой действительности, имеет дело постоянно с *антитезисами и синтезисами*. Оно вскрывает и объединяет противоположности, ибо всякий новый синтез заключает в себе противоречия, которые заставляет идти вперед, снова их объединять и снова обнаруживать противоположности, требующие нового объединения и так далее. Противоречия действительности теоретическим сознанием неисчерпаемы. Но абсолютный тезис, составляющий одновременно и абсолютный синтез, т.-е. первое основоположение, является *регулятивной идеей* для нашего практического сознания. В практической деятельности мы должны осуществить абсолютный тезис путем преодоления всех противоречий. Так, разум или абсолютное Я, дух возвращается к самому себе (как и у Гегеля), обогащенный всем конкретным содержанием и преодолев не-Я, т.-е. мир вещей. Третья ступень составляет единство или синтез первых двух. Абстрактное понятие или чистая форма абсолютного Я, проделав этот круг, превращается в *конкретное понятие*. Однако теоретическое и практическое наукоучения не составляют в данной связи предмета нашего анализа. Поэтому необходимо снова обратиться к общему наукоучению.

Абсолютное Я есть лишь чистая форма или идея, которая кладется в основу объяснения эмпирического человеческого сознания, как и эмпирического мира вообще. Как ни схоластичны рассуждения Фихте относительно абсолютного Я, которое производит из самого себя, т.-е. *из ничего*, весь мир вещей, стремление его к диалектическому монизму — пусть и на идеалистической основе — надо признать здоровой тенденцией, выгодно отличающей его от Канта. Этот диалектический монизм впоследствии приведет к *материалистической диалектике* — и приведет неизбежно, как результат развития того же самого идеализма.

Фихте утверждает при помощи диалектического, или синтетического, как он его называет) метода новый вид идеализма, в котором *субъект и объект являются лишь относительными противоположностями*, а не абсолютными, как это утверждал метафизический идеализм¹⁾. Этот особый вид идеализма и разрабатывается далее Шеллингом и Гегелем. Но, очевидно, что если между субъектом и объектом нет абсолютной противоположности, что если они составляют единство, то в первоначальном единстве объект—реальный объект—должен найти свое место, и философия сознания в чистом виде невозможна, т.-е. идеализм терпит крушение. *Диалектика* взрывает идеалистическую систему изнутри. Правда, для Фихте самый объект является нечем иным, как предметом мысли. Объект есть лишь мыслимое, как субъект есть лишь мыслящий; мыслимое и мыслящий тождественны и противоположны. Но Фихте только облегчил себе задачу, не разрешив, однако, проблемы, ибо объектом мысли является не мысль. Эти противоречия послужили стимулом для дальнейшего развития немецкого идеализма. С другой стороны Фихте выдвигается точка зрения, согласно которой субъект и объект одинаково текучи и изменчивы. Вечный поток, процесс, в котором субъект и объект являются лишь моментами, заставляет противоположности переходить друг в друга. Нет застывших и готовых вещей, нет неизменных вещей в себе, ибо все существует в другом и для другого. Все есть деятельность, становление, изменение. Нет бытия, а есть лишь бывание. Вещи в этом вечном потоке взаимно проникают друг друга. Основанием этого необходимого процесса взаимопроникновения, объединения противоположностей служит абсолютное первоначало, утверждающее тождество всего. Всякая вещь существует через другую вещь и в противоположность другой вещи. Всякое определение возможно лишь через противопоставление. Мышление есть расчленение, противопоставление и объединение; сущность понятия—переход от одного к другому. Разнообразие, данное в созерцании, есть результат противопоставления, есть

¹⁾ «Мы будем поэтому отправляться от единства обоих этих миров (материального и духовного, А. И.) и переходить к их различению, доказывая, что материя необходима духовна, и дух необходим материализм: нет материи без жизни и души, нет жизни вне материи» (Fichte's Werke, IV. B., S. 99 — 100. 1

существование одного через другое. Отвлеченное бытие определяет себя к определенному бытию, к наличному существованию, как и неопределенное, абсолютное качество (*Qualität*) в своих первоначальных противоположениях порождает *определенные качества*, качественное разнообразие. Определенное качество есть такое, которое содержит в себе противоположности. Можно сказать, что мы тут имеем известные корреляты абстрактным основоположениям, поскольку они находят применение в области реального, фактического знания. Философия имеет дело только с формами, с категориями бытия и мышления. И в этом смысле созерцание, составляющее содержание знания противоположно мышлению. Для донаучного сознания существует только созерцание, непосредственное переживание действительности. Научное или философское сознание отличается от первого своей абстрактностью, степенью опосредствования. Мышление отвлекает от созерцания необходимые формы и имеет дело только с последними.

Знание есть синтез созерцания и понятия. Старая логика, говорит Фихте, стояла на точке зрения «количества». Чем больше признаков охватываются понятием, тем оно меньше обнимает предметов, и, наоборот, чем меньше признаков, тем больше понятие охватывает предметов. В трансцендентальной логике «связывание» имеет качественное значение. Она связывает различные элементы — понятие и созерцание. И трансцендентальная логика поэтому имеет своей задачей объяснить: различие обоих элементов и возможность знания лишь посредством объединения их, ибо знание и есть синтез созерцания и понятия ¹⁾.

Трансцендентальная логика, в отличие от обычной, понимает, что *ничто* возможно лишь посредством выделения и противопоставления, что оно поэтому является продуктом мышления, понятия. Обычная логика довольствуется данным. Философия же устремляет свой взор на процесс становления, происхождения, генезиса всего. Совокупное качество (*Die gesamte Qualität*) выступает в созерцании в форме становления. Это — *абсолютное становление*, которое никогда не есть, а всегда становится, где нигде не

¹⁾ ср. Fichtes Werke, 1912., VI. B. (Transzendente Logik.)

имеется остановки и смерти бытия, а только чистый поток. Качество (*Qualie*) непосредственно переживается. Философия изучает те формы, которые качество необходимо принимает в явлении, отделяя истинное и реальное от чистой видимости, хотя и необходимой. Бытие, абсолютное качество (*Qualie*) растворяется в становление, подобно тому как абсолютное Я есть лишь чистая форма деятельности, становления. Бытие есть абсолютное становление. Образ, определенное качество, к чему себя определяет неопределенное абсолютное качество, составляет *синтез бытия и становления*, ибо мы имеем перед собою *определенное* становление, т.-е. становление, которое *есть*, и бытие, которое *становится*. Если Кант, таким образом, утверждал, что единство создается лишь через связывание разнообразного, то Фихте доказывает, что разнообразие усматривается через первоначальное единство. Единство не возникает, как говорит Фихте, посредством соединения разнообразного, а посредством рассеяния и разделения единого на многообразие через форму становления. Разнообразие есть определенное качество или нечто, полученное в результате опосредствования первоначального абсолютного неопределенного качества через становление. Принцип единства есть одновременно и принцип противопоставления и различения. *Разнообразие, единство и их синтез составляют три необходимых момента сознания*. Понятие составляет органическое единство противоположных моментов. Всякое определение возможно лишь через противоположение. Бытие возникает так же, как мы видели, из противоположения. Бытие и мышление одинаково движутся от неопределенного к определенному. Философия, поскольку она имеет своей задачей сведение многообразия к единству, выделяет основные формы, законы или категории, в которых созерцаемое разнообразие осуществляет свое бытие, в которых оно проявляется.

Подобно тому, как первое основоположение есть лишь пустая, бессодержательная форма, в которой как бы исчезают и вместе с тем не исчезают противоположности, так и абсолютное неопределенное качество составляет такое же неопределенное бытие, в котором скрыты и одновременно потенциально существуют все возможные противоположности. Это неопределенное качество может

быть сопоставлено с Гегелевским понятием отвлеченного бытия. Бытие определяет себя к наличному существованию через становление, которое составляет единство бытия и ничто. Тезис—первое основоположение—является необходимым условием возможности антитезиса и синтезиса. Но тезис сам по себе не является функцией нашего сознания. Он стоит *над* нашим сознанием. Первоначальные функции сознания раскрываются только во втором и третьем основоположении. В основе теоретического знания науки вообще лежит третье основоположение, которое является основным первоначальным синтезом. В силу этого обстоятельства, т.-е. в силу того, что *основной синтез* составляет высшее основоположение, обосновывающее всякое теоретическое знание, то все *возможные и действительные науки необходимо должны пользоваться синтетическим или диалектическим методом. Познавательным суждением является лишь синтетическое суждение.* Так называемые *тетические* суждения, опирающиеся на первоначальный абсолютный тезис, познавательной ценности не имеют. Второе основоположение является отрицанием первого. Оно гласит: *Я есть не-Я*, или *Я* безусловно противопоставляется некоторое не-я. «Из этого первоначального противоположения,—говорит Фихте,—выводится все то, что мы только что сказали о противоположении вообще». «Противоположение возможно лишь при условии единства сознания полагающего и противопологающего. Если бы сознание первого действия не было связано с сознанием второго, то второе полагание не было бы *противоположением*, а лишь просто полаганием. Только через отношение к некоторому полаганию оно становится противоположением». «Из материального положения: *Я* *сам* возникло путем отвлечения от его содержания чисто формальное и логическое положение: $A=A$. Из установленного в настоящем параграфе положения, говорит Фихте, при помощи такого же отвлечения возникает логическое положение:— $A \neq A$, которое я именую принципом противоположения... Если отвлечься совершенно от определенного акта суждения и иметь в виду лишь форму заключения от противоположения к небытию, то получится *категория отрицания*». Категория отрицания лежит в основе *всего человеческого знания*. Мышление пусто и свободно от противоречий лишь постольку,

поскольку оно вообще лишено содержания. Вторым основоположением утверждается *антитетический* характер сознания (и бытия, разумеется). Противоположности предполагают, как мы уже знаем, единство. Сознание (эмпирическое) возникает лишь в силу третьего основоположения, смысл которого заключается в том, что Я есть одновременно Я и не-Я и тождество обоих; это у Фихте выражено в приведенной уже формуле: *Я противопоставляю и Я делимому Я делимое не-Я*. «То действие, которое в сравниваемых (вещах) ищет признака, в коем они *противопоставляются* друг другу, называется *антитетическим* приемом... *Синтетический* же прием состоит как раз в том, что в противоположностях ищется тот признак, в котором они равны друг другу». Третье основоположение является основанием всякого синтеза. Мышление не только антитетично, но и синтетично. «Мы объединили, — говорит Фихте, — противоположные Я и не-Я посредством понятия делимости. Если отвлечься от определенного содержания, от Я и не-Я, и удержать только *одну форму объединения противоположностей через понятие делимости*, то получится логическое положение, которое до сих пор именовалось принципом основания: А отчасти — А, и наоборот. Каждая противоположность равна своей противоположности в некотором одном признаке — Х; и все одинаковое противопоставляется тому, что с ним одинаково в некотором признаке Х. Такой признак Х называется основанием, в первом случае — основанием *отношения*, во втором случае — основанием *различия*. Ибо уравнивать или сравнивать противоположное значит *соотносить*, а противопоставлять уравненное значит *различить*». Первоначальное действие, выражаемое третьим основоположением, есть действие сочетания противоположностей в некотором третьем. Но это действие невозможно без действия противопоставления, а это последнее, в свою очередь, невозможно без действия сочетания. Оба эти действия неразрывно связаны друг с другом; разъединение их возможно лишь в отвлечении. «Никакой антитезис невозможен без синтеза, ибо антитезис недрз заключается в розыске у подобных элементов противоположного признака; но подобные элементы не были бы подобны, если бы не были услаблены сначала некоторым синтетическим актом. В чистом антитезисе мы

отвлекаемся от того, что они сначала были уравнены таким актом; они просто принимаются при этом, как равные, без исследования, почему это так; рефлексия направляется тут лишь на противоположное в них, и это последнее, благодаря тому, доводится до ясного и отчетливого сознания.—Также и наоборот, никакой синтез невозможен без антитезиса. Противоположности должны быть объединены; но они не были бы противоположны, если бы они не были противоположны через некоторое действие Я, от которого в синтезе мы отвлекаемся, дабы путем рефлексии довести до сознания лишь основание отношения. Следовательно, заключает вполне правильно Фихте, по содержанию вообще не существует *чисто-аналитических суждений*; и при их помощи нельзя не только далеко продвинуться вперед, как говорит Кант, но совсем нельзя двинуться с места». Любые противоположности находят свое примирение в *высшем* понятии. Стало быть, всегда уже предполагается некоторый синтез, в котором противоположности заключаются. С другой стороны, все одинаковое противопоставляется одно другому в некотором *низшем* понятии. Это означает, что всякий синтез предполагает предшествующий антитезис. «Напр., в понятии тела отвлекаются от различия цветов, определенной тяжести, от различия вкусов, запахов и т. д.; и таким образом, все, что заполняет собою пространство, непроницаемо и наделено какою-либо тяжестью, может быть, телом, сколь бы противоположны ни были тела между собою относительно упомянутых признаков».

В основе всякого познания лежат антиномии и синтезы. Наше мышление антитетично и синтетично одновременно, т.-е. *диалектично*. Синтез сам по себе антиномичен. Фихте, таким образом, сделал в сравнении с Кантом огромный шаг вперед, усмотрев в *принципе противоречия начало движения, изменения и развития как мышления, так и бытия*. Его диалектика, однако, страдает существенными дефектами, которые были устранены лишь дальнейшим развитием немецкой философии. Основной недостаток ее состоит в том, что Фихте сбросил тезис от антитезиса и синтезиса. Только Гегель впоследствии понял, что основоположения образуют *единство*, которое расчленяется на *три момента*. Первые два

основоположения — тезис и антитезис — составляют собственно чисто логические абстракции, т.-е. формальные моменты основного синтеза. Конкретное сознание, как правильно замечает Кроґер ¹⁾, образует *триединство* и противостоит формальному я и формальному не-я, как своим отвлеченным моментам. Первым по существу основоположением должно являться третье — основной синтез. Абсолютный тезис, — как говорит сам Фихте, лежит вне сознания. Чистое я, подобно чистому духу, парит над эмпирическим миром, оставаясь невидимым для простых смертных. Его постигает только избранник-философ. Это чистое или абсолютное я есть лишь пустая и бессодержательная форма, которая, однако, производит всю действительность. На самом деле оказывается, что абсолютное я заимствует все свое содержание из не-я, т.-е. из природы, которая, правда, объявляется продуктом деятельности того же я и вместе с тем лишь представлением, а не реальной действительностью. Философия Фихте является продолжением философии Канта. В чистом сознании или трансцендентальной апперцепции Канта заключается исходный пункт философии Фихте.

Чистое сознание производит, по Канту, явления, т.-е. весь чувственный мир. Это чистое сознание есть неизменное, тождественное себе я. Но Кант, на-ряду с сознанием, допускает существование и не-я, т.-е. вещи в себе догматиков или материалистов. Вещь в себе определяет *содержание* сознания. Однако, требование *монизма* сводится к устранению одного из членов этого *противоречия* или же к диалектическому примирению обоих, т.-е. к научному объяснению возможности такого *раздвоения*, какое дано нам в опыте. В опытном или эмпирическом сознании нам даны предмет и сознание, бытие и мышление. Философия и должна преодолеть этот дуализм. Она должна объяснить это противоречие; объяснить научно — значит показать и доказать обусловленность одного начала другим, и тем самым свести одного из членов к *явлению* другого, основного принципа. Таким абсолютным принципом в системе Фихте является абсолютное я или самосознание. Это чистое самосознание возникает лишь

¹⁾ Кроґер, Von Kant bis Hegel, 1 B.

путем *отвлечения* самосознания от всего, что не есть самосознание, мышление, путем отвлечения от *реального мира*, существующего вне и независимо от Я. Естественно, что я могу *отмыслить* все, кроме самой мысли, которая мыслит это отмысливание, это отвлечение. Эту способность отвлечения, рефлексии Фихте называет свободой. Надо сказать, что всякий идеализм действует точно таким же образом, как и классический идеалист Фихте. Но ведь вопрос вовсе не заключается в том, способны ли мы или неспособны отвлекаться от всего существующего. Это одна из многих других способностей. Тот факт, что Фихте приходится исходить из эмпирического сознания, из всей полноты действительности, от которой мыслитель отвлекается, т.-е. отворачивается для того, чтобы ее уничтожить, доказывает именно *первоначальную реальность действительности*. С другой стороны, уничтожение мира в мысли путем отвлечения не есть еще действительное, настоящее уничтожение, а только *кажущееся* уничтожение. Таким образом, самый подход к вопросу, самый способ, при помощи которого Фихте считает возможным решить основной вопрос философии, совершенно абстрактен и не выдерживает критики. После отвлечения от всего реального, от всякого конкретного содержания остается одна лишь *абстрактная форма взаимоотношения субъекта и объекта*, одна лишь *абстрактная отнесенность объекта к субъекту*. В опыте субъект и объект даны как *противоположности*. Как же Фихте преодолевает эти противоположности? Как он их «снимает», выражаясь термином диалектики? Чисто отвлеченным способом, путем «рефлексии». Рефлексия «уничтожает» не-Я, объективный мир.

В этом состоит пресловутая «свобода» самознания, свободная деятельность абсолютного Я. В этом акте уничтожения, отрицания того, что неразрывно связано в опыте, выражается свобода мышления. *Само себя мыслящее мышление* составляет сущность самосознания. Но сознание или чистое я представляет собою единство субъекта и объекта. Оно само для себя является объектом, т.-е. сам субъект является объектом, или самый объект—субъектом. Первое основоположение, которое должно дать первоначальный синтез субъекта и объекта, на самом деле

даст лишь «синтез» субъекта с самим собою. Фихте таким образом «преодолевают», «снимают», Кантовскую *вещь в себе* и объект вообще простым отрицанием,—превращением ее в *чистую мысль*. Оказывается, что то, что в опытном сознании даны как противоположности, в трансцендентальном сознании, в интеллектуальном созерцании обнаруживаются как *тождество*, но как тождество самой мысли. Задача, подлежавшая решению, состояла в необходимости объяснить реальную противоположность предмета и сознания, объекта и субъекта. Но в результате объект просто исчез, и его место занял субъект, место вещи, предмета заняла мысль. Философ подменил предмет мыслью, определенный объект совершенно другим объектом, который есть не что иное, как субъект, мыслимый как объект, т.-е. *мысль, мыслимую как мысль*. В самосознании *сознание* является объектом, между тем как для сознания (эмпирического) объектом являются и внешние предметы. В самосознании объект *тождествен* с субъектом; в сознании же эмпирическом они *противоположны*. То, что в эмпирическом сознании составляет *субъективную* сторону, рассматривается в самосознании, как *объективная сторона*, как реальное *я*, наполненное содержанием. Пустое и формальное *Я*, через противоположение *не-я*, превращается в конкретное и реальное *я*, т.-е. формальное и пустое *я* заимствует все свое реальное содержание из своей противоположности—*не-я*, которое первоначально есть абсолютное ничто, есть отрицание абсолютной реальности—*я*. На языке Фихте, однако, это означает, что абсолютное *я* *определяет* себя самого. В этом процессе самоопределения чистое *я* производит из самого себя, путем имманентного диалектического развития, всю совокупность объектов. Но вместе с тем абсолютное «*я*», полагая самого себя, полагает *в себе* абсолютную реальность. Весь мир заключается в абсолютном «*я*», ибо оно с самого начала полагается как *абсолютная реальность*, как полнота бытия. Конечное *я*, т.-е. индивидуальный разум ограничен с самого же начала *не-я*, т.-е. противостоящим ему миром объектов, реальным бытием. Задача Фихте состояла в том, чтобы объяснить единство субъекта и объекта, которое требовалось духом нового диалектического метода, согласно которому субъект и объект

являются лишь относительными противоположностями. Наукоучение имеет целью обоснование опыта, в котором дан реальный объект, как и реальный субъект. Что же делает Фихте? Опыт с самого начала объявляется им системой *представлений*. С другой стороны, вместо единства субъекта и объекта мыслитель устанавливает их тождество. Дело, конечно, не в словах. Но *тождество* объекта и субъекта превращает объект в мыслимую вещь, что дает возможность свести опыт, который как раз и подлежит обоснованию, к системе представлений.

Вместо *объекта мысли* Фихте подставляет *мысль об объекте*. Естественно, что при таком положении дела без особого труда получается мнимое тождество или единство субъекта и объекта. Субъект-объект Фихте есть в сущности не что иное, как субъект-субъект. Поэтому Гегель был совершенно прав, когда писал, что субъект-объект Фихте — это *субъективный* субъект-объект. «Акт самосознания, как говорит Гегель, отличается от другого сознания тем, что его объект равен субъекту ¹⁾». Объект у Фихте исчез. Осталось одно чистое «я» (die Ichheit). Из абстрактного единства самосознания необходимо вывести всю полноту конкретного бытия. Но это, конечно, невозможно. Объект и субъект — взаимно проникающие противоположности. Первичное их единство делает возможным переход одного в «другое». Все вещи в силу первичного единства взаимно связаны и, конечно, противоположны. Но, очевидно, что от такого чисто формального тождества, какое мы имеем у Фихте, нет перехода к реальным объектам. Абсолютное я Фихте есть чистая *деятельность*, есть постоянный, вечный *процесс*. Так что, по Фихте, *бытие* создается процессом становления; оно есть продукт *развития*. Но из *чистой мысли* бытие возникнуть не может. Поэтому мы можем сказать, что идеалистическая *система* Фихте отрицается его *методом*. С другой стороны, «система» наложила свою печать и на метод. Ибо абсолютное я в качестве основного тезиса обособлено от антитезиса и синтезиса. То, что связано и должно быть связано *воедино*, у Фихте расчленяется

¹⁾ Hegel, Werke, I B. 1845 г. Differenz des Fichte'schen und Schelling'schen Systems, S. 202.

на отдельные акты. Исходным пунктом для Фихте служит *свобода*. В силу *свободы* абсолютное *Я* творит действительность. Эту точку зрения Гегель характеризует как «возмущение против природы и ее законов», как сопротивление единству вселенной. Мы не имеем возможности подвергнуть здесь анализу и критике понятие свободы, полагаемое Фихте в основание своей системы. Достаточно только указать, что и это понятие находится в противоречии с методом и духом его учения. Как ни противоречива и «чудовищна» Фихтевская система субъективного идеализма, развитый мыслителем *синтетический метод* имеет самостоятельную ценность, как первая попытка положить в основание мышления и бытия начало противоречия и первичного синтеза, включающего в себе противоположности.

Смысл общего наукоучения сводится к тому, что установленный им основной первичный синтез лежит в основании всякого опытного знания. Наука, аргументирует Фихте, должна быть единым целым. Но такое целое получается не через простое механическое соединение частей. Наука должна базироваться на достоверных положениях. Если бы ни одно из соединенных положений, составляющих науку, не отличалось достоверностью, то и созданное через объединение целое не будет ее иметь. «Отсюда следует, что должно быть достоверным, по крайней мере, одно положение, которое передавало бы другим свою достоверность; так что, если и поскольку это первое достоверно, то должно быть достоверно и второе, а если достоверно второе — то постольку же должно быть достоверно и третье и т. ». Внутреннюю связь научного целого определяет взаимное отношение отдельных истин или положений. Все научные положения необходимо содержатся в основоположениях наукоучения. Наукоучение должно обосновать все частные науки. И так как каждая наука покоится на основоположении, которое служит ее фундаментом и которое поэтому должно быть достоверным до этой науки, то оно не может быть доказано в ней, а в той науке, которая имеет своей задачей обоснование всех возможных наук, т.-е. в наукоучении. Наукоучение и дает всем частным наукам их основоположение. Теоретическое сознание, с которого собственно и начинается наука, имеет своим

исходным основоположением основной первичный синтез, т.-е. единство противоположностей. Этот основной синтез содержится во всяком знании. Стало быть, на первоначальном основном синтезе, включающем и предполагающем антитезис, базируется всякое знание. Всякая частная наука необходимо будет руководствоваться синтетическим методом, ибо единство противоположностей является всеобщим законом бытия и мышления.

А. Дебрин.

Теоретические основы спора о золотом и товарном рубле.

В прошлом году, особенно во второй его половине, в нашей периодической печати, на финансово-экономических докладах и в прениях по ним, очень горячо дискуссировался вопрос о том, служит ли уже теперь золото в Советской России масштабом цен и мерилом стоимости, а если нет, что может служить таким мерилом и таким масштабом. Спор по этому вопросу еще не закончен. Он будет продолжаться и будет восходить к своим теоретическим корням. Некоторые попытки углубить вопрос уже делались даже на страницах газет. Укажу на статью тов. Струмилина в №№ 120 и 121 «Экономической Жизни» и в № 243 «Правды» за 1922 г., фельетоны тов. Сокольников в № 278 «Экономической Жизни» за 1922 г. и № 126 «Правды», статью тов. Дембо в № 248 «Правды» и т. д. Я лично считаю не все делавшиеся до сих пор апелляции к теории удачными. Писавшие по этому вопросу делали одну методологическую ошибку. Вместо того чтобы возобновить в памяти марксову теорию денежного обращения в ее целом и затем на основе ее анализировать тот кусок действительности (со всем его своеобразием), о котором идет речь, они поступали как будто наоборот. Уже сложившуюся, под влиянием практических потребностей, точку зрения они старались «обосновать» ссылками на ту или иную сторону теории Маркса. Это раздиране на части единой теоретической системы Маркса, с одной стороны, дает ложное представление о самой теории денежного обращения его, а с другой, ведет к неправильным практическим выводам. Как на пример такого вырывания отдельных положений Маркса из его общей системы, можно указать на положение тов. Соколь-

никова о том, что золото у нас начинает служить мерилom ценности идеально, независимо от количества реального золота в стране и других его функций. Другим примером является рассуждение тов. Струмилина насчет возможности при товарном хозяйстве и падающей валюте создать товарный индекс, полностью выполняющий те функции, которые осуществляет стихийно золото в нормальных условиях товарного хозяйства. О том и другом из этих уклонов мы подробно будем говорить ниже. Здесь об этом я упоминаю затем, чтоб показать, почему для дальнейшего изложения или критики теоретических ошибок некоторых марксистов необходимо исходить из правильного понимания всей теории Маркса в целом.

Мне приходится поэтому сказать несколько слов об этой теории.

Процесс регулирования производства в обществе с господством товарного хозяйства, процесс распределения производительных сил осуществляется через рынок. Такое регулирование было бы бесконечно затруднено, если бы какой-либо один из товаров не мог служить мерилom стоимости и всеобщим эквивалентом для всех других товаров. Это регулирование было бы очень затруднено, если бы этот товар не был в состоянии одновременно с этим быть средством обращения, потому что иначе правильность стоимостных оценок других товаров в этом товаре не находила бы в себе экспериментального подтверждения в постоянной практике реального товарооборота, на массовых средних цифрах. Затем стихийное регулирование хозяйственных процессов было бы весьма затруднено в том случае, если бы упомянутый товар не мог бы быть одновременно средством накопления. Только при комбинации этих функций он в состоянии, оставаясь устойчивым мерилom стоимости, быть в то же время наилучшим средством обращения в обществе с постоянно колеблющимся необходимым минимумом активных средств обращения. Вместе с тем, как средство накопления, этот товар в состоянии служить также исходным пунктом расширенного воспроизводства, поскольку расширенное воспроизводство начинается с авансирования добавочного капитала в денежной форме и поскольку накопление в денежной форме делает излишним крайне неудобное накопление в чисто-

товарной форме. Наконец, регулирование капиталистического воспроизводства во всемирном масштабе было бы крайне трудно, если бы указанный товар не был бы в состоянии, наряду со всеми выше перечисленными функциями, выполнять функцию платежного средства на базисе всего мирового хозяйства, т.-е. служить мировыми деньгами. После ряда неудачных экспериментов с другими товарами такой идеальный товар был чисто опытным путем, осязательно найден в лице золота. Золото оказалось таким избранником, золото стало деньгами потому, что *по своим чисто физическим свойствам* оно лучше всякого другого товара в состоянии выполнять *все общественные функции денег*. Эти общественные функции остались бы в товарном обществе, если бы в природе не было золота вообще, но они бы хуже выполнялись другими товарами, или комбинациями нескольких товаров. Здесь нам важно подчеркнуть следующее: сама механика товарного хозяйства такова, что она требует выполнения всех общественных функций денег одновременно *одним товаром*. Этого ни на минуту нельзя забывать, когда ставится теоретически вопрос о возможности замены золота в той или иной из его функций, о замене его во всех его функциях, либо дается объяснение тому факту, что на практике золото *фактически* заменяется, как средство обращения, своими бумажными представителями. Между тем о связанности всех этих функций часто забывают, забывают о роли металлических золотых денег в капиталистическом хозяйстве, взятом в его целом, и о том, какую роль играют они в деле поддержания равновесия в капиталистическом производстве.

Обратимся теперь к существу нашей темы. По вопросу о золоте и товарном рубле у нас выявилось четыре точки зрения. Во-первых, точка зрения крайних сторонников золотого рубля, которые считают, что уже теперь наше реально находящееся в стране золото может служить и фактически служит мерилom стоимости; во-вторых, точка зрения тов. Сокольников¹⁾ и его единомышлен-

¹⁾ Должен, однако, оговориться, что в статье и № 222 «Правда» за 1922 г. тов. Сокольников гораздо более категорически высказывается за приращенность нашего золота, как «базы для расчетов», чем и упомянутом фельетоне в «Экономической Жизни».

ников, согласно которой золото начинает служить мерилom стоимости и на него надо ориентироваться в расчетах. Далее, точка зрения тов. Струмилина: золото у нас не только не является мерилom стоимости, но может быть в своих функциях вообще заменено бумажными деньгами, а его роль в деле стихийного регулирования хозяйственных процессов может быть выполнена регулирующими органами государства. Наконец, 4-я точка зрения: наше реальное золото не является мерилom стоимости и средством калькуляции, но таким мерилom, хотя и в весьма несовершенной форме, служит золотой довоенный рубль, т.-е. рубль, отошедший внутри страны от золота, как мировых денег сегодняшнего дня и отражающий золото вчерашнего дня, т.-е. довоенную ситуацию. Этот золотой довоенный рубль пока лучше всякого другого измерителя может служить базисом золотого мерилa стоимости впредь до установления твердой бумажной валюты, котируемой на международных валютных биржах, следовательно, базирующейся на золоте, как мировых деньгах.

На первой точке зрения нам не придется долго останавливаться. Неосновательность ее делается ясна каждому, кто просмотрит таблицу скачек золотых цен на нашей вольной валютной бирже за последние два года и диаграмму на стр. 71.

Более основательного разбора заслуживает вторая точка зрения, наиболее полно и продуманно (насколько это возможно в газетной статье) защищенная тов. Сокольниковым в № 278 «Экономической Жизни» за 1922 год в фельетоне «Товарный индекс или товарный рубль». Кроме т. Сокольников с некоторыми вариациями и в более категорической форме защищал ту же точку зрения на страницах «Правды» и на съезде финработников.

Итак, нам говорят, что золото в Советской России, т.-е. наше реальное золото уже теперь является мерилom стоимости. Мы поставим сначала общий вопрос: что нужно вообще для того, чтоб золото могло стать мерилom стоимости в какой-либо стране?

Для этого нужно два основных условия: либо, чтоб золото выполняло в стране все функции денег *in natura*, и таким образом материально непосредственно сотнями каналов было связано с кадалами мирового золотого обращения и миро-

вого золотого рынка, либо, чтоб в стране существовала более или менее устойчивая валюта, как представительница мирового золота, котируемая на мировом золотом рынке и, следовательно, выступающая и роли национального представителя интернациональных мировых денег. В том и другом случае предполагается, что страна не изолирована от мирового хозяйства. Существует ли одно из этих условий в Советской России?

Не существует ни того, ни другого.

Но здесь на помощь крайним сторонникам золотого рубля приходит тов. Сокольников и напоминает о том, что золото может играть роль мерил стоимости идеально. Мерилom стоимости вообще золото только и может быть идеально, весь вопрос только в том, о каком золоте здесь идет речь: — о золоте, как о мировых деньгах или о физическом количестве некоторой суммы золота, находящейся внутри страны. Поэтому мы должны покончить с этим аргументом, который базируется на словах Маркса, оторванных от внутреннего смысла его теории денежного обращения.

Чтоб золото могло выполнить функцию мерил стоимости, т.-е. функцию, при которой оно всегда фигурирует лишь как мыслимое, лишь как идеальное золото, надо ли, чтоб оно в остальных своих функциях, прежде всего функции средства международного платежа, фигурировало как реальное золото, как определенное количество золотого металла?

Надо или нет?

Если нам скажут нет, то пусть говорящий предварительно докажет, что золото может оставаться мерилom стоимости, потеряв соприкосновение с миром товарных ценностей, именно, как товар, как ценность, созданная трудом и стоящая определенного труда. В самом деле, почему золото может служить мерилom стоимости идеально? Во-первых, потому, что на другом полюсе оно существует реально; во-вторых, что оно само есть стоимость, а в-третьих, потому, что золото, как товар, находится в постоянной связи в определенных пунктах товарооборота с товарным миром, а в месте своего производства вступает в связь со сферой производства всех товарных ценностей вообще. Только при таком непрерывном со-

прикосновении материального золота с материальным товарным миром возможна проверка того, насколько идеальные оценки в золоте, как мериле стоимости, действительно «идеальны», т.-е. верны, т.-е. реальны, т.-е. в общем и целом соответствуют стоимости, и в конечном счете издержкам производства самого золота. Золото, правда, не только товар, но особый товар, выполняющий специфические общественные функции при товарном хозяйстве. Однако эти специфические функции также не могут выполняться золотом в случае его разрыва с товарным кровообращением общества, как специфические функции отдельной части тела, например, головы, не могут выполняться при разрыве кровеносных сосудов между головой и остальным телом. Кстати, Маркс никогда не выпускал из виду тесной связанности всех функций золота, с одной стороны, и необходимости реального денежного материала для правильного функционирования всего механизма денежного обращения — с другой. В связи с рассматриваемым вопросом не мешает напомнить следующее место из 1-го т. «Капитала»... «С другой стороны, золото функционирует, только как идеальное мерило стоимости потому, что оно уже обращается как денежный товар в процессе обмена». (Kapital, B. I, S. 68, fünfte Auflage, Hamburg.) Это положение Маркса ни на минуту не теряет своего значения в том случае, когда золото, как средство обращения, заменяется бумажными деньгами. Бумажные деньги функционируют лишь в качестве представителя золота и *соприкосновение реального золота данной страны с мировым золотом переносится лишь территориально в другое место*. Бумажная валюта данной страны, поскольку эта страна включена в систему мирового хозяйства, котируется на валютных биржах важнейших стран и благодаря этому находится в постоянном соприкосновении с мировыми деньгами. Наоборот, там, где экономическая связь с мировым рынком порвана или крайне слаба, где валюта оторвалась от золотого базиса мирового обращения, там, находящееся внутри страны, золото есть уже просто товар, а не деньги, там оно не может быть мерилом стоимости, там оно рядовой солдат товарного мира и сравнительно редкий гость в сфере купли и продажи.

Тов. Сокольников, если б продумал до конца свою мысль, что золото у нас может играть роль мерила стоимости идеально, почти отсутствуя физически в товарообороте, должен был бы признать, что он льет воду на мельницу как раз наиболее крайних защитников идеи товарного рубля. Ведь если, почти отсутствующее реально, золото может служить мерилom стоимости идеально, не имея в качестве средств обращения своих устойчивых представителей, если одновременно с этим производство самого золота в стране ничтожно, притока его из за-границы нет, а утечка его за границей совершается непрерывно, если при такой ситуации данное золото способно быть мерилom стоимости, то абстрактный и в этом смысле «идеальный товарный рубль», несомненно, может с успехом конкурировать с таким золотом как раз потому, что оно также является почти абстрактным. Этот товарный рубль и есть в сущности попытка выполнить функции золота без золота.

Таким образом, на поставленный нами вопрос, нужно или не нужно реальное золото для измерения стоимости в золоте, в хозяйственно и валютно изолированной стране, мы должны ответить, что нужно. А если нужно, то позвольте сторонникам разбираемой точки зрения задать вопрос словами из Данте, приводимыми в I-м томе «Капитала»: «вес и состав этой монеты нам хорошо известен, но скажи, есть ли она у тебя в кармане?»

На этот вопрос, к сожалению, никто в России сколько-нибудь точного ответа дать не может. Но все ответы, которые мы имеем, даже самые оптимистические, очень не утешительны для сторонников золотого рубля. До войны количество золота, имевшегося на руках у населения, исчислялось в 430 миллионов рублей. К 1917 году кредитная канцелярия исчисляла размеры золотого запаса у населения в 300 миллионов рублей. С этих пор происходила непрерывная утечка золота из страны, при чем главная масса его была, с одной стороны, вывезена теми двумя миллионами эмигрантов, которые покинули пределы Республики во время гражданской войны, а с другой стороны утекала за границу с пограничных мест и через порты в результате контрабандной торговли. Почти все наши финансовые специалисты считают, что в

настоящее время тезаврированного золота на руках у населения имеется не больше 100—120 миллионов рублей. Мнение С. Чалхушьяна о том, что эта сумма выше и достигает 200 миллионов (см. «Вестник Финансов», его статью: «Много ль золота в стране»), не подтверждается достаточно вескими данными. Если мы будем исходить из названной цифры 100—120 милл. и примем во внимание, что утечка золота за границу непрерывно продолжается, то мы должны будем прийти к следующим выводам. Теперь золотая стоимость всей нашей бумажной валюты держится в среднем на уровне 100—140 миллионов в довоенных золотых рублях. Так как накопление в бумажной форме вследствие непрерывного падения валюты давно уже прекратилось, то следовательно вся наша бумажная валюта служит только как средство обращения. А это означает, что наличного в стране золота не достаточно для покрытия минимум обращения *при данной быстроте оборота денег*. А так как эта быстрота значительно меньше при золотой и вообще твердой валюте в сравнении с быстро падающей валютой, и так как золото должно служить и средством накопления, то выходит, что наличные запасы золота совершенно ничтожны для выполнения этих функций, если бы даже частично рядом с золотом функционировали и разменные кредитные билеты.

Что же касается производства золотого металла в стране, то об этом дают представление следующие цифры: производство золота достигло в 1914 г. почти 4000 пудов в год. В 1921 г. это количество равнялось около 100 пудов, и в 1922 г. поднялось до 300.

Таким образом, в настоящее время у нас производится только 7,5 % довоенной добычи.

Какую же роль фактически играет у нас золото, находящееся в руках населения? В пограничной полосе оно служит отчасти средством обращения и средством закупок при контрабандной торговле, во всей же стране в целом его основная функция—функция сокровища. Что же касается вновь производимого золота, то оно в огромной части поступает в руки государству и изъемлется из товарооборота. Таким образом, вследствие того, что золото, как продукт труда, почти потеряло всякую связь по производ-

ственной линии, следовательно, как раз по линии стоимости со всем остальным товарным миром, оно неизбежно должно было превратиться просто в один из редких товаров и из всех своих функций, как денег, сохранило функцию лишь средства накопления. Следовательно, в условиях отрыва от мирового хозяйства, в условиях отрыва от собственных баз производства металла и, наконец, при ничтожных запасах золота в стране из старых источников, цены на золото товар и колебания этих цен должны прежде всего вытекать из этой его функции как сокровища. И мы сейчас увидим, что спрос на золото определяется прежде всего спросом его в качестве средства накопления и средства перераспределения национального имущества.

В период военного коммунизма золото в руках его владельцев носило характер известного потенциального потребительного фонда. Остатки бывших господствующих классов, мелко-буржуазный и чиновничий элемент по-немногу проедали свои золотые сбережения, и золото утекало либо на Украину, неохотно принимавшую советские бумажки, либо постепенно перемещалось в карманы новой спекулянтской буржуазии, начавшей складываться уже в период военного коммунизма. С переходом к НЭПу последний процесс стал происходить несравненно быстрее. Кроме того, спрос на золото выявился в сфере контрабандной торговли с за границей и в районах портов. Начинается период резкого повышения цены на золото, которое в 1920 году стоило в среднем в 4 раза ниже общетоварного индекса, а в сентябре 1922 года и январе 1923 г. забежало выше индекса. Тот факт, что цена золота была наименьшей как раз в тот период, когда выработка одного золотника золота на наших приисках обходилась в $1\frac{1}{2}$ —2 золотника золота и резко повысилась и продолжает повышаться в тот период, когда с частичным восстановлением золотопромышленности стоимость его производства относительно упала, неопровержимо доказывает, что золото не было и не есть мерило стоимости. О том же говорит и тот факт, что золото продолжает утекать за границу и между ценой его внутри страны и ценой на меновом золотом рынке существует полный разрыв. При таких условиях капризная кривая золотых цен должна быть объяснена из этих специфиче-

ских условий, в которых у нас существует и обращается золото-товар.

В период НЭПа—началось накопление со стороны, главным образом, торговой буржуазии. Эта буржуазия достаточно знакома с практикой падающей валюты и поэтому благоразумно накапливает в валюте твердой. Оттуда увеличение спроса на золото и твердые иностранные валюты. Это—источник постоянного, длительного более или менее правильно растущего спроса на золото. Но цена золота обнаруживает и скачкообразные движения над средней кривой (я имею здесь в виду увеличение цены на золото, которое происходит сверх и вразрез с общим обесцениванием бумажного рубля, итоги которому подводит общетоварный индекс). Как объяснить эти последние движения и долго ли они будут иметь место?

Чтоб нагляднее показать, о чем идет речь, я приведу таблицу движения золотых цен и товарный индекс за последние годы по месяцам (см. таблицу стр. 68).

За этой таблицей и следующей скрывается действие трех фактов: во-первых, цена золота в советских знаках растет вследствие общего падения валюты. Здесь рост объясняется ростом всех товарных цен, всего индекса. Далее мы видим, что золото нагоняет и обгоняет индекс. Это объясняется все растущим спросом на золото, как средства накопления, со стороны тех слоев, которые осуществляют это накопление ¹⁾. Этот спрос при ограниченности предложения и ничтожности того количества золота, которое проскальзывает в товарный оборот из мест его добычи, объясняет, почему золото догоняет товарный индекс. Наконец, мы видим резкие колебательные движения на общей кривой повышения. Спекуляция здесь играет роль лишь фактора, который обостряет этот процесс. Основная же причина колебаний заключается в том, что новая буржуазия не только создает более или менее устойчивый или устойчиво-растущий фонд накопления, но систематически переводит в золото часть своего оборотного бумажно-денежного капитала в целях страховки его от обес-

¹⁾ Увеличение цены золота принято «объяснять» тем, что цена на золото «выравнивается» под цены других товаров. Исно, однако, что это не объяснение, а констатирование того же факта, только другими словами. Спрашивается, почему же оно теперь выравнивается? И как этот процесс реально проходит?

По г. Москве, на основании данных тов. Струмилина (Курс золотого рубля в газете
Правда, № 213, 1922 г.), а за последние 3 месяца—данных Наркомфина.

1920 год.				1921 год.				1922 год.			
Месяц.	Цена золота в бумажных рублях.	Золото и копейках товарного рубля.	Товарный индекс.	Месяц.	Цена золота в бумажных рублях.	Золото и копейках товарного рубля.	Товарный индекс.	Месяц.	Цена золота в бумажных рублях.	Золото и копейках товарного рубля.	Товарный индекс.
Январь . . .	1.250	27	4.570	Январь . . .	9.500	35	26.900	Январь . . .	186.030	50	372.000
Февраль . . .	1.350	24	5.600	Февраль . . .	8.750	24	36.900	Февраль . . .	369.000	50	750.000
Март . . .	1.450	23	6.220	Март . . .	9.200	20	46.450	Март . . .	911.000	56	1.633.700
Апрель . . .	1.750	26	6.740	Апрель . . .	11.500	22	52.250	Апрель . . .	1.629.000	50	3.255.000
Май . . .	2.000	24	8.300	Май . . .	14.000	24	58.550	Май . . .	2.246.000	52	4.350.000
Июнь . . .	2.000	19	10.400	Июнь . . .	14.250	20	71.550	Июнь . . .	1.997.000	46	4.368.000
Июль . . .	2.000	17	12.100	Июль . . .	14.750	18	79.850	Июль . . .	2.076.000	42	4.923.000
Август . . .	2.000	16	12.100	Август . . .	20.200	29	72.550	Август . . .	2.244.000	41	5.460.000
Сентябрь . .	2.500	21	12.150	Сентябрь . .	29.000	41	70.700	Сентябрь . .	3.787.000	61	6.238.000
Октябрь . . .	3.500	23	12.700	Октябрь . . .	40.700	51	80.050	Октябрь . . .	5.350.000	84	6.364.800
Ноябрь . . .	5.700	40	14.000	Ноябрь . . .	62.100	57	108.500	Ноябрь . . .	9.400.000	00	10.433.650
Декабрь . . .	8.750	44	20.100	Декабрь . . .	138.400	74	186.250	Декабрь . . .	13.300.000	92	14.583.718
								Январь 1923	22.600.000	116	19.390.000

ценения. С этой точки зрения интересен тот скачок на золото, который наблюдался осенью и в начале зимы 1922 года. Мы говорим о скачках, которые характеризуются нашей таблицей для октября месяца, ноября и января. В России, как стране земледельческой, за сезонным расширением товарооборота, происходящем осенью, правильно наступает его сужение, а при бумажной падающей валюте вместе с этим и более быстрое падение рубля. После соответствующего опыта 1921 г. торговая буржуазия в 1922 году стремилась застраховать от обесценивания свой оборотный капитал, поскольку не могла осуществить эту страховку, задерживая капитал в товарной форме. В этот период как раз увеличился спрос на золото и твердые валюты. В этом году сезонный скачок обще-товарных цен вниз, вследствие хорошего урожая, не был резким, но все же в октябре-ноябре он имел место. Цена на золото при такой конъюнктуре естественно повышается не только с начала непосредственного роста товарных цен, но и в ожидании начала этого периода. Из сказанного можно видеть, какую глубину экономического понимания вопроса обнаруживают те умники, которые повышение обще-товарных цен объясняют повышением цены на золото. Раз цена на золото повышается *раньше*, чем начинается рост обще-товарных цен, значит, товарные цены растут *вследствие* повышения золотых цен. *Post hoc* безбожно смешивается с *propter hoc*. В действительности же, картина как раз обратная. Спрос на золото, а следовательно и цены на него повышаются в ожидании роста товарных цен и для страховки бумажно-денежной части капитала торговли от предстоящего обесценивания рубля.

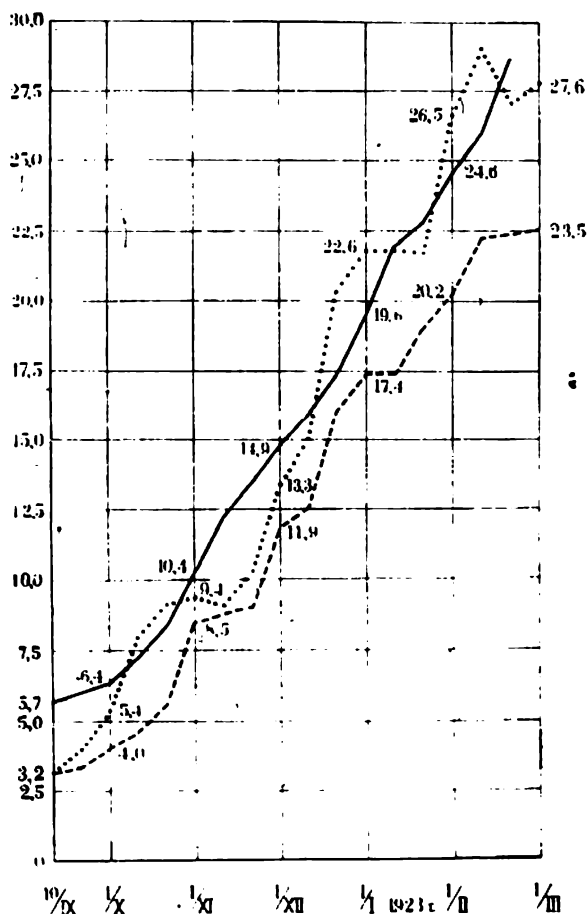
Так обстоит у нас дело с золотым товаром и его ценой. Но не так оценивали положение еще полгода или три четверти года тому назад ряд товарищей и в том числе тов. Сокольников, который в вышеупомянутом фельтоне «Экономической Жизни» значительно отошел от своей первоначальной оценки положения, отмежевался от крайних сторонников золотого рубля и приблизился к развиваемой теперь нами точке зрения, по крайней мере, в практических выводах.

Посмотрим теперь, как эта неправильная оценка роли золотого рубля отозвалась на нашей практике. Когда ле-

том 1922 года цена золота стояла вдвое ниже общетоварного индекса, и ряд товарищей и в том числе тов. Сокольников считали возможным начать переход на золотое исчисление по всей линии (т.-е. в ценах реального золота), был составлен в золоте проект бюджета на 1922 год. Выгоды составления бюджета в золотой единице заключались для Наркомфина в том, что тогда ведомства получили бы меньшие суммы в советских рублях, в сравнении с бюджетом в рублях довоенных. Или вернее будет сказать, что они получили бы одинаковые суммы в советских рублях, но эти суммы *казались бы* значительно большими при переводе на золотые рубли в сравнении с довоенными рублями. Но вот началась сезонная скачка цен на золото и весь проект бюджета был опрокинут черной биржей буквально в несколько дней. Это один яркий пример из области того, как теоретические ошибки могут отозваться на практике.

Вот второй факт. Поскольку при переходе на исчисление в реальном золотом рубле устойчивость золотой цены на вольном рынке приобрела государственную важность, были естественны попытки ухаживать за этой ценой и искусственно поддерживать температуру этого младенца, записанного раньше времени во взрослые. Госбанк начинает поддерживать курс золота на определенном уровне, выбрасывает золото на рынок и играет на понижении. Временно ему это удастся, но потом спекулянты делают прорыв, действуя по линии естественного нарастания цены; и за свою неудачную попытку регулирования золотых цен путем продажи золота на вольной бирже Госбанк платит огромную сумму золота, не добившись своей цели. Здесь государство имело не только материальную потерю, но в лице Госбанка вообще вело ложную политику, поскольку с общефинансовой точки зрения (а не с ведомственно-финансовой), для нас вообще повышение цены на золото не только не вредно, а, наоборот, полезно. Это повышение ведет к выравниванию золотой цены на внутреннем рынке с ценами менового золотого рынка и ослабляет стимулы к вывозу золота за границу.

Третий факт. Переход на исчисление в реальном золотом рубле повлек за собой полный сумбур в области калькуляции и во всей бухгалтерии наших госорганов. На-

СТОИМОСТЬ ОДНОГО ЗОЛОТОГО РУБЛЯ (В ДЕН. 1923 Г.) ПО:

1. ВОЛЬНОЙ ЦЕНЕ ЗОЛОТА В МОНЕТЕ (Dotted line)
2. ВСЕРОСС. ИНДЕКСУ КОНЬЮНКТЫ ИНСТ. ——— (Solid line)
3. КУРСУ ЗОЛОТОГО РУБЛЯ СПЕЦ. КИТИР. КОМИССИЕЙ - - - - - (Dashed line)

пример, государственное предприятие, которое считало стоимость своего оборотного капитала и имущества в 100 тысяч довоенных рублей, при переходе летом на исчисление в золотом реальном рубле становилось как бы богаче чуть не вдвое. А когда оно думало бы сводить свой баланс в тот период, когда цена на золото ушла вверх от товарного индекса, это предприятие должно было бы считать себя банкротом, если у него было много обязательств в золотом исчислении. В результате всей этой неразберихи вполне здоровые предприятия в определенные моменты чувствовали себя банкротами, а банкроты в другое время—выводили по балансам прибыль. В это время часто можно было слышать такие разговоры от руководителей государственных предприятий: если считать в довоенном, т.-е. товарном, рубле, то дела наши идут удовлетворительно; если же в золотом реальном, то мы работаем в убыток, мы потеряли часть нашего капитала, хотя в товарной форме он сохранился. Откуда же это банкротство?

Это не банкротство того или иного предприятия, а банкротство взглядов на золото, на наше реальное золото, золото вольной биржи, как на мерило стоимости. С золотом у нас получилось то же, что с Хлестаковым, которого приняли за ревизора. Ему приписали функции, которых оно еще не выполняет и выполнять пока не может, его наделили ревизорскими функциями мерила стоимости, а потом началась рыночная ревизия самого ревизора, которая разоблачила его настоящую природу.

Вся эта наука не пропала даром. Бюджет наш теперь составляется в *индексных*, т.-е. товарных, т.-е. довоенных золотых рублях, и этот рубль, товарный или довоенный рубль, торжествует еще и в другом месте. Это место называется золотой котировальной комиссией. Вот три линии диаграммы, которые характеризуют движение товарного индекса, курса золота по котировальной комиссии и вольной цены золота.

Из этих цифр мы видим, что так называемый золотой курс котировальной комиссии является скорее псевдонимом товарного или довоенного золотого рубля и гораздо дальше отстоит от курса танцующего золота на вольной бирже. Нам могут сказать, что курс котировальной комиссии озна-

тельно держится на уровне товарного индекса. Пусть так, но ведь есть же весьма основательные причины, почему приходится держать его именно на этом уровне, а не выписывать кривые черной биржи. Таким образом, мы видим весьма пручительную картину. Довоенный золотой рубль или товарный рубль хорошится на страницах газетных статей, но торжествует в бюджете и в бюллетене котировальной комиссии, следовательно, торжествует по всей линии государственных расчетов.

Тов. Сокольников, в противовес довоенному рублю, предлагает создать индекс, основанный на покупательной силе теперешнего реального золотого рубля и корректируемый товарным индексом. Он упускает, однако, из виду, что суть дела заключается вовсе не в том, с какого пункта мы начнем считать, а весь вопрос в том, что будет дальше. В самом деле. Допустим, золото в вольной цене стоит на 20%, ниже товарного индекса. Мы делаем переоценку товара в золоте в этот момент. Что же получится? Мы сфотографируем соотношение цен между различными товарами совершенно в тех же пропорциях, в каких они выражены в советских знаках. Если цена муки в советских знаках была 10 миллионов, а 1 фунт масла—5 милл., то и в золотой цене 1 пуд муки будет стоить в два раза больше масла, а весь индекс в довоенных золотых рублях будет на 20% больше золотого индекса. Что ж мы выиграли? Ровно ничего. Выиграли бы не больше, если бы этот золотой индекс ввели в один из тех моментов, когда цена золота сравнилась с обще-товарным индексом. Ведь цены на товары выражаются во всей стране в советских знаках. Они ведь служат средством обращения, а не золото.

Мы ничего не выигрываем, расценив все товары на 20% выше или ниже обще-товарного индекса. Непонятно, почему такая расценка будет реальней в сравнении с обще-товарным индексом. Были моменты, когда золото взлетало в цене почти в 2 раза в неделю. Значит ли это, что стоимость всей товарной массы страны и всего ее имущества повысились за неделю в 2 раза?

Кстати, здесь нужно отметить резкое отклонение цены золотой монеты на вольной бирже от цены на золото в слитках. Это отклонение лишний раз иллюстрирует тот факт, что золото не играет у нас мерил стоимости и

что даже золото-товар распадается у нас на два различных товара. Сначала тов. Сокольников в одной из статей в «Экономической Жизни» считал целесообразным, чтоб котирувальная комиссия исходила в своих расценках из цены золота в монете. В последнее же время, в связи с открытием фондовой биржи, он стал защищать как раз обратное положение. Таких резких переходов от одной точки зрения к другой можно было бы избежать, если б тов. Сокольников с самого начала стоял на теоретически правильной позиции в вопросе о роли золота в нашей стране.

Итак, основной вопрос заключается в выборе сколько-нибудь устойчивой единицы измерения на тот период времени, пока наше реальное золото не стало мировыми деньгами, а наша падающая валюта не превратилась в твердую валюту, котируемую на иностранных валютных биржах, т.-е. не превратилась в национальную представительницу мировых денег. С этой точки зрения наш реальный золотой рубль не может идти ни в какое сравнение с товарным индексом, т.-е. с довоенным золотым рублем. Товарный индекс отражает не капризное изменение в цене одного товара, а весь рынок Республики, всю хозяйственную конъюнктуру страны, поскольку она отражается в валюте и ценах. Золото же, являясь почти исключительно средством накопления и средством сезонной страховки бумажно-денежного капитала от обесценивания, подвержено сейчас, и будет подвержено и в дальнейшем, большим пертурбациям на вольном валютном рынке. Роль спекуляции в колебаниях золотых цен тем больше, чем меньше золота в стране, чем слабее связь золотого рынка с источниками производства золота и чем меньше издержки производства золота в состоянии регулировать его цену. Золотой ажиотаж будет у нас долго еще продолжаться, потому что спрос на золото долго еще будет превышать его предложение. Уж если искать устойчиво золотого индекса, связанного с реально-хозяйственной конъюнктурой, то тогда лучше всего положить в основу регулирования золотой цены среднюю стоимость производства золота на наших приисках. Производство золота связано со всем остальным производством страны. Себестоимость производства золота, когда его производство будет более или

менее налажено, не будет испытывать существенных изменений в короткие сроки, чего нельзя сказать о рыночной цене золота, которая еще долго будет выкидывать курбеты на черной бирже.

Замечу еще здесь, что цена золота у нас не только испытывала в последние два года самые резкие колебания, но и чрезвычайно сильно оторвалась от мировой стоимости золота. Вот цифры, которые характеризуют изменения покупательной способности золота на товарном рынке в важнейших странах мирового хозяйства. Если покупательную способность его в 1913 г. принять за 100, то для покупки того же количества продуктов было надо золота:

	Г О Д Ы:									
	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	Январь 1923
Соединенные Штаты	101	107	128	170	203	203	197	122	136	-
Англия	101	127	157	201	221	220	221	155	138	-
Франция	102	133	164	234	312	253	184	132	134	-
Германия	104	123	115	114	154	114	107	84	83	-
Россия	-	-	-	-	-	-	385	294	166	86

Из этой интересной таблицы, где цена золота в России дана не за все годы, за отсутствием нужных данных, можно сделать много любопытных выводов вообще. Меня интересует в данном случае только один вывод. Теперь покупательная способность золота стабилизировалась за границей приблизительно 35% ниже довоенной. В России же золото или равно или выше обще-товарного индекса. Наше золото, представляя из себя физический материал мировых денег, само по своим функциям отнюдь не является мировыми деньгами. И было бы совершенно неверно и теоретически и практически прикрывать этот, пока-что очень неустойчивый в своей цепи товар маркой мировых денег.

Во всяком случае, пока у нас будет падающая валюта, золото будет весьма неустойчивым и растущим в своей цене товаром. Когда же валюта стабилизируется, русский

твердый бумажный рубль будет котироваться на заграничных биржах, вступит в соприкосновение с мировыми деньгами, получит право представлять их на территории Российской Республики, и вся проблема получит надлежащее решение. Но здесь решение будет исходить не от остатков золотого запаса, оставшегося в стране, а на основе расширения наших торговых связей с за границей и устойчивых интервалютарных отношений (в бумажной валюте) с мировыми деньгами.

Что же делать до этого времени?

Прежде чем ответить на этот вопрос, мы должны еще остановиться на одном неправильном уклоне в вопросе о золотом и товарном рубле, который намечается у тов. Струмилина и на прудонистских иллюзиях сторонников трудовых денег, которые у нас появились в качестве врачей нашей страждущей валюты. Я начну с этих последних, которых я отнюдь не смешиваю с тов. Струмилиным, поскольку тов. Струмилинин является марксистом, в то время как сторонники трудовых денег при товарном хозяйстве являются просто невеждами в вопросах экономической теории. Наряду с совершенно безграмотными проектами, которые вырабатывались для лечения нашей валюты и которые свидетельствуют о большом невежестве и большой развязности этих авторов, встречались также проекты создания трудовых денег с попытками теоретически обосновать эту меру. Нас не интересуют здесь варианты практических предложений насчет трудовых денег или трэдов, как их окрестили на советском жаргоне, в надежде на их реальное бытие, мы рассмотрим вопрос принципиально.

Нам говорят: зачем измерять стоимости через другие измерители, кроме самого труда, зачем золото в его функциях, зачем золотой довоенный рубль, зачем золотой реальный рубль, когда мы можем произвести нужный учет и нужное измерение у самого источника всякой стоимости, через труд? Разве нельзя общественно необходимый материальный труд сделать таким измерителем, взяв за единицу измерения рабочее время? Разве нельзя эту единицу положить в основу как калькуляции, так и трудовых денег.

На этот вопрос Маркс дал ответ давным-давно: в I-м томе «Капитала», Маркс писал: «вопрос, почему деньги не представляют непосредственно самого рабочего времени—

почему, например, ассигнация не представляет двух рабочих часов,—сводится просто к вопросу, почему на базисе товарного производства продукты труда должны становиться товарами, так как товарная форма продуктов уже предполагает необходимость раздвоения их на товары и денежный товар (Маркс—«Капитал», т. I, стр. 63, пер. Степанова).

В чем основная ошибка защитников трудовых денег?

В том, что они не понимают ни функции золота при товарном хозяйстве, ни механики товарного хозяйства в целом. А ведь наше современное хозяйство является товарным, лишь смягченным в своей рыночной стихийности элементом планового государственного руководства. Пусть мы ввели трудовые деньги, пусть мы измеряем через них более или менее удачно количество общественно необходимого рабочего времени, потраченного на производство того или иного товара (напр., сапоги 50 часов, часы—80, пуд муки—10 и т. д.). Спрашивается, как же мы будем измерять общественно-бесполезный труд?

При товарном хозяйстве этого можно достигнуть только через рынок. А это значит, что товары, вошедшие с клеймом трудовой стоимости на рынок, носящие на себе этикетку с указанием числа рабочих часов, потраченных на их производство, уйдут с рынка, т.-е. будут куплены, отнюдь не по той расценке, которую на них нацепили при выходе их с фабрики. Рынок перечеркнет все стоимостные надписи у товаров, количество которых не соответствует спросу. Он перечеркнет стоимостный показатель, чтобы расценку убавить для товаров, которых на рынке в избытке; он проделает то же в обратном направлении для товаров которых не хватает. А что это будет значить? Это будет значить, что на рынке трудовые стоимости получили другое выражение, получили выражение в ценах, т.-е. получили денежное выражение своей стоимости. Труды превратились в деньги, т.-е. прекратили свое существование как трудовые деньги, противопоставленные обыкновенным деньгам. Таким образом мы снова вернулись к исходному пункту. Деньги оказались нужны для товарного хозяйства. Все попытки замнить их мерилom непосредственной трудовой стоимости потерпели крах. Такой же крах был бы уделом и всех тех реальных проектов замены денег трудами, которые у нас предлагались, если бы до-

пустить на минуту, что авторы этих проектов были бы допущены к экспериментам над нашим денежным обращением. Но все подобные проекты не только негодны для товарной системы хозяйства, но не годятся и при социалистической организации хозяйств, если дело не идет просто об одном из видов талонов. Насколько можно теперь представить себе социалистический учет и социалистическую систему распределения, в бухгалтерии общества будет тогда два счета: счет фонда воспроизводства и счет фонда потребления. В индивидуальное потребление будет идти только последний фонд. Для распределения производительных сил в социалистическом обществе и для обслуживания потребительского распределения деньги будут не нужны. Фонд воспроизводства будет распределяться на основании данных производственной статистики и производственного плана на следующий год. Фонд же потребления может быть распределен по талонам. В распределение по талонам поступает товаров различных видов такое количество, сколько таких товаров фактически передается в распоряжение общества. Система заработной платы при этом не имеет значения. Важно лишь отметить, что трудовые деньги при этой системе не нужны, да и самое понятие—деньги, хотя бы и трудовые, в применении к плановому хозяйству нельзя употреблять без объяснения того, что под этим термином разумеется. Мы, конечно, отнюдь не представляем себе, что процесс отмирания денег произойдет внезапно. Деньги будут заменяться постепенно—безденежными расчетами, они могут трансформироваться постепенно в талоны в сфере распределений продуктов потребления, но это будет во всяком случае умирание денег товарного хозяйства в процессе перехода товарного хозяйства в плановое.

Теперь я должен остановиться на взглядах тов. Струмилина. Я согласен с большинством его выражений против золотого реального рубля, как мерила ценности, но должен отметить два пункта моего расхождения с тов. Струмилиным, а, кроме того, отмежеваться от могильщиков золотого рубля вообще.

Во-первых, тов. Струминин проявляет чрезвычайно большую «плановую» самоуверенность, когда полагает, что советское государство может регулировать процесс

денежного обращения так гладко, как это ему представлялось в момент написания фельетона в «Правде». Чтобы курс твердого бумажного рубля был всегда тверд и колебания его не отражались вредно на хозяйственной жизни ¹⁾, нужен учет чрезвычайно многих факторов и притом факторов меняющейся силы. Например, в Советской России, как земледельческой стране, можно всегда учесть заранее влияние сезонного расширения товарооборота осенью и относительного сужения его зимой. Но как учесть интенсивность, амплитуду колебаний для каждого года? (достаточно вспомнить, как в этом отношении отличается 1922 год от 21 года и 1919 от всех других.) Надо для каждого периода, кроме того, иметь вечно меняющийся коэффициент накопления, меняющийся коэффициент безденежных расчетов, влияние кредита на активную массу средств и обращения, влияния внешней торговли, и в частности изменения торгового баланса. Наконец, нужен учет меняющейся средней денежного товарооборота, помимо сезонных колебаний. Все это надо будет учитывать. И то, что это все надо будет нам учитывать, это наша беда, потому что золотое обращение, с его постоянным отливом золота из каналов обращения в фонд накопления, в состоянии чисто-автоматически и стихийно решать все эти проблемы для товарного хозяйства лучше, чем это могут сделать органы государственного регулирования бумажной валюты или ее курса, валюты неразменной на золото. С этой точки зрения регулирование денежного обращения со стороны органов Советской власти *на основе золотой валюты* могло бы обеспечить наибольший успех всякого планового регулирования вообще. Это регулирование касалось бы только самых основных моментов денежного обращения в его взаимоотношении к производству страны и внешней торговли, десятки же детальных вопросов, учет мелких фак-

¹ А нужно сказать, что неожиданные колебания при твердой валюте опасней по своим последствиям для хозяйственной жизни страны, чем более или менее равномерное снижение курса при вообще падающей валюте. К этому падению хозяйство так или иначе приспособляется заранее, учааясь предвидеть его последствия (авансовое повышение цен, контракты в золотом исчислении, страховка капитала путем задержки его в товарной форме и т. д.), тогда как резкие неожиданные колебания при твердой валюте застают хозяйственные органы врасплох и ведут к краху часто даже здоровые предприятия.

торов, влияющих на валюту, был бы предоставлен нивелирующей стихии самого золотого обращения.

Из рассуждений тов. Струмилина само собой вытекает довольно легкомысленное отношение к роли золота при товарной системе вообще. Правда, сам тов. Струминин высказывает свои соображения не по отношению ко всему капиталистическому хозяйству в целом, но некоторые делают и это. Появились финансисты, которые задают вопрос, нужно ли вообще золото для выполнения функций денег. Не может ли капиталистическое хозяйство обойтись в обиходе своего производства и обмена без этого дорого стоящего материала. Разве не обходятся теперь без золота все европейские страны, давно уже перешедшие на чисто бумажные валюты?

Этот вопрос похож на другой: разве нельзя проехать на телеге с тремя колесами, если соскочило четвертое. Проехать можно, конечно, но на четырех колесах езда все же устойчивее. Валютный хаос, царивший в Европе за время войны и после войны, валютный феодализм, огромная роль валютной спекуляции, огромные непроизводительные издержки всего капиталистического целого в связи с прекращением свободного обмена бумажных денег на золото, затруднение во внешней торговле,—все эти явления представляют огромный минус с точки зрения рационального капиталистического хозяйства (в тех пределах, в каких оно вообще может быть рациональным). Америка перетянула к себе огромную часть европейского золота, капиталистическая телега Европы в области валютной едет на трех колесах, и находятся при этом «финансовые теоретики», которые неизбежную беду выдают за добродетель. Но европейские валюты все равно ориентируются на золото, и золото продолжает оставаться мериллом стоимости, потому что мировой рынок ориентируется на американский доллар, не порвавший с своим золотым основанием и фактически ставший мировыми деньгами на основе экономической гегемонии Америки в мировом хозяйстве.

Конечно, мы не имеем теперь шансов на восстановление золотого обращения. Но необходимость не надо выдавать за счастье, и не надо преувеличивать наших способностей в деле регулирования курса нерезменных

бумажных денег, особенно в тот период, когда крупная государственная промышленность не завоевала господствующей роли во всем хозяйстве страны и экономически не подчинила себе мелкого производства. Ошибок будет еще много. Ошибок будет много даже в самой статистике; их хватит во всяком случае для целой статистики ошибок. Как мало знание статистических данных предохраняет от грубейших ошибок в таком тончайшем и сложнейшем деле, как регулирование денежного обращения, тов. Струмилин знает по собственному опыту. В конце 1921 года он «высчитал», что эмиссию можно увеличить во много раз, не колебля курса рубля. А в это время рубль уже при данных размерах эмиссии (правда, увеличенной, но не в такой пропорции, в какой считал возможным увеличение тов. Струмилини), уже начинал свой головокружительный полет вниз.

Другое дело, когда паше плановое хозяйство станет господствующей формой хозяйства в стране и подчинит себе все исобобществленное хозяйство. Тогда начнется внутреннее перерождение функций денег и тогда можно будет свысока относиться к золоту и как к мерилу стоимости, и как к орудию поддержания равновесия в системе обмена вообще. Но это будет не так скоро. И не проблемы *этого* периода являются сейчас актуальными для нас.

Таким образом, если ошибка тов. Сокольниковца состоит в том, что он преувеличивает возможность для нашего «советского» золота функционировать идеально в качестве мерила стоимости при недостаточности самой материальной базы физического золота и в этом направлении перегнул палку в соответствующем пункте марксовой теории денег, то ошибка тов. Струмилини (я говорю об основной ошибке, как базисе для нескольких конкретных частных ошибок; см. статьи Струмилини в № 120 и 121 «Экономической Жизни» за 1922 г.) заключается в том, что он перегнул палку в другом пункте той же теории. Если он хорошо усвоил мысль Маркса о том, что золото от природы не деньги и сделал отсюда вывод, что решение вопроса в деле регулирования валюты надо искать в общественных функциях денег, и возможностях выполнения этих функций без золота, то он не сбалапсировал этого положения с

другой частью фразы Маркса, а именно, что «деньги ст природы—золото», т.-е. что функция денег при товарном хозяйстве такова и существо этого товарного производства таково, что общественные функции денег могут в наилучшей степени быть выполнены лишь золотом. Это не значит, что теоретически нельзя представить себе товарного хозяйства без золотого мерил стоимости (если б золота не было в природе, товарное производство в обществе могло бы быть), а это значит, что золотое мерило является, по самым имманентным свойствам этого общества, наилучшим регулятором производственно-обменных процессов.

Позволю себе сделать некоторое предположение в форме гипотезы о генезисе обоих ошибочных уклонов. Тот факт, что такой теорически-образованный финансист, как тов. Сокольников, мог ошибиться в рассматриваемом вопросе, объясняется давлением комиссариатского бытия на теоретическую марксистскую мысль. Точно так же и плановая самоуверенность тов. Струмилина в вопросах денежного обращения связана с влиянием на его мысль госплановского бытия. Это бытие толкает к преувеличению роли сознания, государственного планирующего сознания, в регулировании хозяйственных процессов.

В заключение мне придется сказать несколько слов о том, какое же мерило стоимости у нас должно существовать до установления твердой бумажной валюты и *какое мерило стоимости фактически существует в советской России, несмотря на наши дискуссии.*

Ответ отчасти ясен уже из предыдущего, и теперь остается сказать совсем немного. На поставленный вопрос я отвечаю с полной категоричностью: довоенный золотой рубль, или, как его теперь называют, товарный рубль. При этом я не затрагиваю вопроса о том, целесообразнее ли в наших государственных расчетах индекс оптовых цен или розничных. Этот рубль торжествует во всей нашей практике, он торжествует как внутри государственного круга, так и во всем товарообмене страны. Мы не отдаем себе достаточного отчета в том, какую роль на протяжении всей войны и революции играл в хозяйственной ориентировке и во всей обыденной жизни наш золотой довоенный рубль и довоенные пропорции цен в этом золотом рубле, которые всегда сопоставлялись с

меняющимися пропорциями цен в советских рублях. Здесь золото, но не реальное золото страны, а идеальное довоенное золото, золото абстрактное, играло и продолжает играть роль эрзаца мерил стоимости на протяжении войны и революции. Если хозяйственные субъекты страны и просто обыватели пытались хоть немного ориентироваться в хозяйственной обстановке под туманной занавесой падающей валюты, они всегда прибегали к воспоминаниям о довоенной ситуации и довоенных ценах, т.-е. прибегали к золоту 1913 года как к мерилу стоимости. Лишь один товар серьезно конкурировал с довоенным золотым рублем как мерилу стоимости в голодные годы,—этим товаром был хлеб, а отнюдь не золотая десятирублевка. Что же касается государственных расчетов, то довоенный золотой рубль торжествует и здесь, несмотря на то, что он в достаточной степени был испорчен и дезавуирован как мерилу стоимости искусственно пониженным, а потому и бессмысленным «курсом Наркомфина» в начале 1922 года, каковой искусственно пониженный курс имел некоторый смысл с узковедомственной точки зрения (меньше выплатить ведомствам в советских знаках), но был верхом близорукости с точки зрения финансовой политики правительства, как такового. Этот рубль торжествует теперь в нашем бюджете, в бюллетенях котировальной комиссии и в подавляющей массе государственных расчетов, не обращая никакого внимания на те статьи, которые писались против него. Этим рублем руководствуется, наконец, государство и при установлении уровня заработных плат.

Нам могут сказать: что же это за мерилу стоимости? Ведь ваш рубль тоже золотой, только довоенный, следовательно прошлогодний снег.

То, что он золотой по своему прежнему основанию, это-то и хорошо, потому что никакого иного мерилу стоимости, кроме золота, при товарном хозяйстве на более или менее длительный срок существовать не может и нигде почти в мире не существует, не исключая стран с падающей валютой. В этих странах, если они изолированы от мирового хозяйства, мерилу стоимости служит воспоминание о довоенном золоте и золотой масштаб цен. В странах с падающей валютой, включенных в систему мирового хозяйства, как, например, Германия, мерилу

стоимости служит американский доллар, т.-е. в сущности мировое золото.

То, что этот рубль довоенный,—это его крупнейший недостаток. Но этот недостаток он имеет не в сравнении с «достоинствами» того желтого золотого товарца, которое выплывает танец св. Витта на черной бирже ¹⁾, а в сравнении с пропорциями цен на отдельные товары на теперешнем рынке в их отношениях к довоенным пропорциям. Эти пропорции резко изменились. Но эти пропорции неуклонно приближаются к довоенным, хотя и путем колебаний то в одну, то в другую сторону. Сначала непропорционально поднялись цены на хлеб по сравнению с продуктами промышленности, теперь непропорционально возросли цены на мануфактуру по сравнению с хлебом. Но это явление временное, во всяком случае более временное, чем колебание золотых цен. Не надо забывать, что довоенные пропорции хозяйства вообще являются той моделью, по которой происходит восстановление нашей промышленности и нашего сельского хозяйства. Все производственные программы всех отраслей промышленности ориентируются в сравнениях и вычислениях на довоенные пропорции. Техническая база нашей промышленности, за исключением новых электрических установок, остается в общем и целом старой, и дело идет пока лишь о ее рациональном использовании. С этой точки зрения ориентироваться на довоенный золотой рубль является вполне естественным, поскольку все хозяйство в своем развитии ориентируется на довоенной пропорции. Правда, соответствующие пропорции изменились и в масштабе всего мирового хозяйства. На арене мирового хозяйства все время происходили и происходят переоценки товаров в их отношении к мировому золоту. Но это ничего не меняет в существе дела. Золото вследствие этих переоценок не перестает быть мировыми деньгами.

¹⁾ Мы, несомненно, сталкиваемся теперь со своеобразным фетишизмом по отношению к реальному золотому рублю. Этот реальный рубль может быть 96 пробы, но это обстоятельство не делает его еще деньгами, потому что «золото и серебро по природе не деньги» (Маркс). Материально, физически это Федот, но это не тот Федот, потому что по своим общественным функциям не является мерилом стоимости. Если раньше за материальной субстанцией золота, как такового, и различали общественные функции золота — денег, то теперь в России многие за сверкающей внешностью десятирублевки не видят утери этих функций золотом — товаром.

Гораздо существенней то обстоятельство, что условия и размеры нашей внешней торговли резко изменились по сравнению с довоенной. Но и здесь мы вынуждены в ближайший год восстанавливать также довоенные соотношения, как восстанавливаем их внутри нашего хозяйства.

Однако нам нет оснований думать, что восстановление довоенных пропорций хозяйств, а тем более довоенных пропорций внешней торговли будет достигнуто у нас раньше, чем стабилизируется наша бумажная валюта. Есть много оснований думать, что устойчивого рубля мы достигнем раньше. Когда же валюта стабилизируется, то вопрос о твердом измерителе будет практически решен. И решен он будет не на основе нашего реального золота, а на основе связи нашего бумажного рубля с интернациональным мерилom стоимости.

В. Преображенский.

Математические законы денежной эмиссии ¹⁾.

Доклад, сделанный 23 ноября 1922 г. в Социалистической Академии.

§ 1.

Законы денежной эмиссии теоретически очень мало известны. Экономическая наука прошлого периода ограничивалась описанием вреда, происходящего от эмиссии, да легкими советами, как после прекращения эмиссии восстановить «нормальную» денежную систему.

Эти исследования смотрели на эмиссию, как на переходящую тяжелую болезнь народного хозяйства, но патологией этого явления не интересовались.

Между тем большим государствам не раз приходилось много лет жить в условиях эмиссии. Самым знаменитым примером—до нашей эпохи—была французская революция, в течение которой бумажные деньги оказались обесцененными в 300 раз. Советская Россия показала пример гораздо более изумительный: эмиссия привела к падению рубля в 10.000.000 раз, не вызвав, тем не менее, государственного банкротства. Ряд других стран дают нам—в меньшем размере—такую же картину.

Несомненно, что мы не должны в период эмиссии приостанавливать теоретической работы до восстановления рубля. Период эмиссий длится долго, за это время проводятся крупнейшие реформы, происходят колоссальные сдвиги в народном хозяйстве,—нельзя не поставить себе задачи изучения законов эмиссии, как для лучшей ориен-

¹⁾ От редакции. Настоящий доклад переработан автором в статью, при чем им были учтены некоторые из возражений оппонентов. Этим объясняется некоторое несоответствие между содержанием доклада и содержанием речей оппонентов.

тировки в современности, так и для большей обоснованности мероприятий по стабилизации денежной единицы.

Французская эмиссия времен революции изучена С. А. Фалькнером в его прекрасной книге «Бумажные деньги французской революции», в которой не только дается фактическая история, но и делаются чрезвычайно интересные и — на мой взгляд — правильные общетеоретические выводы об особенностях эмиссионного хозяйства. Русская эмиссия такому изучению еще не подвергалась. Буржуазная наука не нашла в себе сил подойти к задаче беспристрастно, и все научные доклады, посвященные бумажным деньгам советской России, неизбежно кончались предсказанием более или менее точного срока «краха» нашей денежной системы, а с нею и ненавистного советского режима. Классовые стремления мешали видеть вещи такими, каковы они есть.

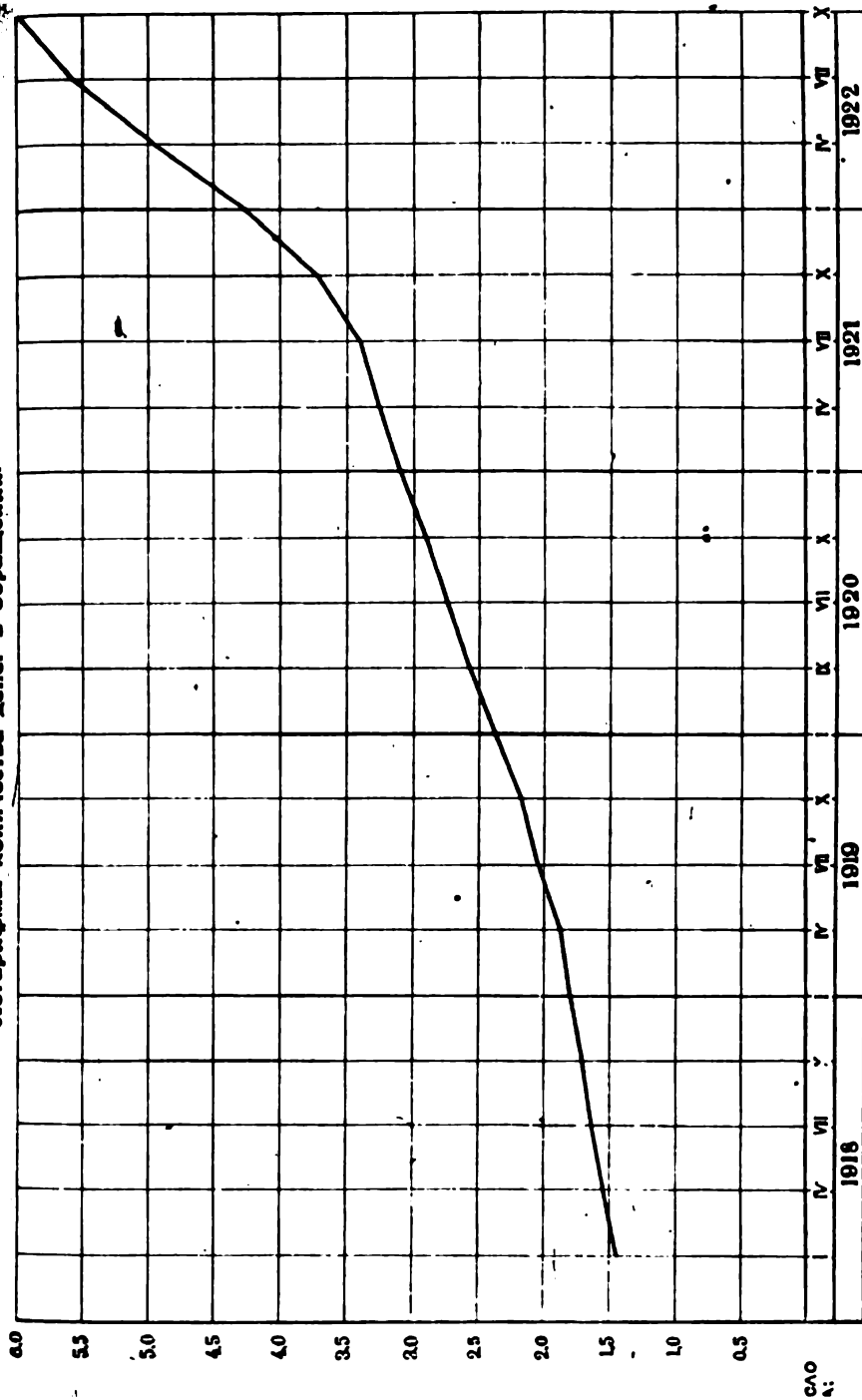
Между тем российская эмиссия пережила все сроки «крахов» и дала нам столь любопытный и яркий пример своеобразной денежной системы, что теоретическое изучение его, из практических и из чисто теоретических соображений, настоятельно необходимо.

Наше небольшое исследование посвящено одной стороне задачи. Мы делаем попытку применить к эмиссии те приемы и методы, которые усвоены математической физикой. Исходя из убеждения, что такие массовые явления, как, например, цены во время эмиссии, несмотря на большие колебания отдельных сделок, подчиняются *в общем и среднем* законам, доступным точному изучению, мы ставим себе задачей обнаружить — в форме точных математических законов — зависимость эмиссии от тех или иных факторов и, в первую очередь, зависимость величины эмиссии от времени, характер того неизменного непрерывного роста эмиссии, который мы наблюдали.

§ 2.

Мы не скрываем от себя трудности задачи. Эмиссия зависит от очень многих факторов: наличности или отсутствия крестьянского накопления, развития безденежных операций, изменений территории во время гражданской

Логарифмы количества денег в обращении.

МАСШТАБ: 2 см. = 1 логарифм 10 миллиардов рублей.

войны, сезонных потребностей в связи со сбором урожая, наконец от степени поступления государственных доходов и от многого другого. Не безнадежна ли при таких условиях попытка дать математическую формулу для роста эмиссии?

Трудности не должны нас пугать. Они не меньше в физике при решении задач молекулярного движения. Мы увидим из анализа фактов, что различные факторы действуют на эмиссию не с одинаковой силой, так что вполне возможно выделить и отдельно рассмотреть действие главнейших, пренебрегая в *первом приближении* остальными. Затем придется вводить в формулы дальнейшие усложняющие поправки, учитывающие другие факторы. Однако такое углубление в подробности имеет смысл только до тех пор, пока ход эмиссии—например вычерченный в виде диаграммы—показывает особенности, предыдущей теорией не объясненные. Изучать же теоретически значение таких факторов, влияние которых практически оказалось незаметным—не имеет никакого смысла.

Мы увидим в дальнейшем, что на эмиссии фактически резко сказались переходы от одной хозяйственной формы к другой, так что резко отличаются три периода: переходный (1918 г.—март 1919 г.), период «военного коммунизма» (апрель 1919 г.—июнь 1921 г.) и новой экономической политики (с июля 1922 г.). Внутри же каждого периода—поразительный факт—эмиссия протекала так, как будто все остальные факторы не имеют ощутимого значения и эмиссия растет только в зависимости от времени.

Нашей первой задачей будет нахождение закона роста эмиссии при неизменном положении народного хозяйства. Конечно, допуская неизменность территории, количества товаров, скорости оборота и т. д., мы упрощаем задачу по сравнению с действительностью; однако это теоретически единственный правильный шаг, за которым должен следовать анализ поправок, вносимых каждым из этих факторов в отдельности.

Исходной точкой для приложения математического анализа для нас является так называемая количественная теория денег, которую мы берем в следующей формулировке. Пусть n обозначает стоимость (в денежной единице) сово-

купности имеющихся на рынке товаров, q — наличность денег в обращении, тогда по количественной теории

$$(1) \quad n = kq,$$

где k — число, множитель пропорциональности.

В одной из следующих глав мы подвергнем разбору вопрос о пределах применимости этой формулы к условиям революционной России, пока же не будем на этом останавливаться, чтобы не затемнять хода математических рассуждений. До той же главы отложим вопрос о влиянии крестьянского накопления. Пока же примем, что q есть количество всех выпущенных денег, т.-е. будем накопление считать несущественным.

Выпускаемые в обращение деньги (эмиссия) расходуются государством на приобретение на рынке тех или иных товаров, при этом государство выступает частью непосредственно (при покупке сырья для государственных фабрик и т. н.), частью через посредство рабочих и служащих, которых эмиссия снабжает деньгами для покупки продуктов на вольном рынке.

При неизменности всех условий народного хозяйства, мы можем считать, что государство приобретает путем эмиссии, в единицу времени, всегда одну и ту же определенную часть совокупности имеющихся на рынке товаров. Назовем эту часть дробью s . Она относится к единице времени, а в течение бесконечно малого промежутка времени dt будет приобретена часть sdt от всех товаров, ее стоимость будет $n.s.dt$. С другой стороны, на приобретение именно этих товаров уходит эмиссия за этот промежуток, т.-е. приращения dq денежной наличности за время dt . Получается равенство.

$$n.s.dt = dq$$

или, заменяя n из (1),

$$k.s.q.dt = dq;$$

обозначим еще

$$ks = u,$$

тогда будет

$$(2) \quad u.q.dt = dq$$

Получилось дифференциальное уравнение, которое решается чрезвычайно просто. Известно, что общее решение этого уравнения есть

$$(3) \quad q = q_0 e^{ct}$$

где q_0 — начальная наличность в тот момент $t = 0$, с которого мы начинаем счет времени, c — известное число, основание натуральных логарифмов

$$e = 2.718...$$

Обозначив для простоты

$$e^a = a, \quad q_0 = c$$

получим

$$q = c \cdot a^t \quad ;$$

или словами: *денежная наличность растет с течением времени в геометрической прогрессии.*

Полученная функция $q = q_0 e^{ct}$ есть всем известная показательная функция, изображаемая на диаграмме характерной кривой с все ускоряющимся темпом роста, а логарифм этой функции есть функция *первой степени*

$$\lg q = a + \lg q_0$$

и изображается *прямой линией.*

Заметим еще, что величина эмиссии E за какой-нибудь постоянный промежуток времени Δt выражается такой же формулой:

$$E = \Delta q = q(t + \Delta t) - q(t) = ca^{t+\Delta t} - ca^t = c(a^{\Delta t} - 1)a^t = b \cdot a^t$$

§ 3.

Мы нашли один из законов эмиссии, а именно зависимость наличности от времени при постоянном состоянии хозяйства. Нас сейчас же интересует вопрос, насколько этот теоретически выведенный закон окажется в согласии с фактами. Мы склонны ожидать, что, вычертив диаграмму фактической наличности, или ее логарифма (по четвертям года, например), мы получим кривые, *до некоторой степени* обнаруживающие тот ход, который мы теоретически пред-

сказали. Но нас не удивит, если фактический ход кривой будет гораздо сложнее, представит даже значительные отступления, для объяснения которых мы продолжим наш анализ, изучая, как, в свою очередь, под влиянием разных причин меняется то η , которое мы выше, в первом приближении, считали постоянным.

Каково же будет наше удивление, когда мы обратим к фактам. На диаграмме № 1 вычерчены значения для десятичного логарифма суммы денег, находящейся, по данным Наркомфина, в народном обращении, т.-е. выпущенных в свет до рассматриваемого момента. Вычерчены данные по трехмесячникам.

Вас сразу поразит ход кривых на диаграмме—это ломаная кривая линия, состоящая из трех прямолинейных кусков. Каждый прямолинейный кусок отвечает определенному экономическому и политическому периоду, внутри каждого периода ход кривой очень близко совпадает с идеальной прямой. Особенно поразительна средняя часть диаграммы № 1, соответствующая периоду «военного коммунизма», который мы могли бы также назвать «периодом чистой эмиссии». Здесь от апреля 1919 г. до июня 1921 г. диаграмма идет словно по линейке. Мы видим очень точное совпадение фактов с теоретическим предсказанием, требующим прямолинейного хода для логарифма числа η .

Среднему периоду—чистой эмиссии—посвящена особо диаграмма № 2. Здесь вычерчено само число η , наличность денег в обращении, по данным Наркомфина по месяцам с апреля 1919 года по май 1921 г.. Несмотря на то, что диаграмма охватывает 25 точек, ход кривой поразительно соответствует показательной функции, требуемой теорией.

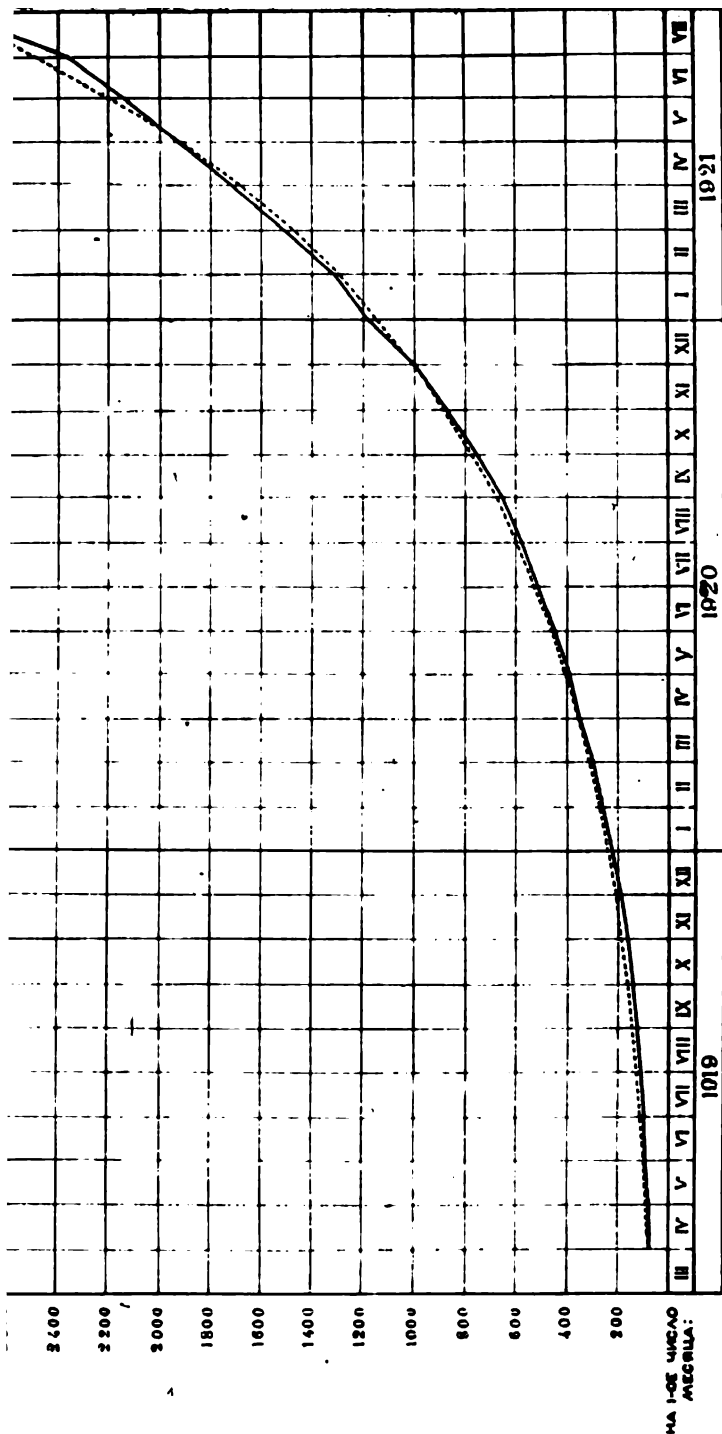
Если мы возьмем из таблиц Наркомфина (см. ниже) цифры для η в начале и конце «периода чистой эмиссии», т.-е. к 1 апреля 1919 г. и к 1 августа 1921 г., то, как легко вычислить, для n получается значение

$$n = 1,55$$

при измерении времени в годах.

В самом деле, мы имеем

$$\begin{aligned} \text{К 1 апреля 1919 г.} & \dots \eta_1 = 74,8 \text{ миллиардов} \\ \text{„ 1 августа 1921 г.} & \dots \eta_2 = 2808 \text{ миллиардов.} \end{aligned}$$

МАСШТАБ 1 м.м. = 25 МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ.

— ФАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ q

- - - - - ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ q ПО ФОРМУЛЕ: $q = q_0^{1,25t}$

Вестник Социалистический Анализ № 3.

Наша формула дает $e^{n(t_2-t_1)} = \frac{q_2}{q_1}$;

в данном случае $t_2 - t_1 = 2\frac{1}{3}$ лет. Прodelав указанные вычисления, получим $n = 1,55$.

Взяв в основу эти значения q_1 и q_2 , т.-е. $n = 1,55$, мы можем вычислить ход теоретической кривой по нашей формуле

$$q = q_1 e^{nt}$$

Теоретическая кривая очень точно следует изгибанию фактической. И это несмотря на то, что на диаграмме 25 точек, мы же при построении теоретической кривой имеем в своем распоряжении только 2 произвольных постоянных, которыми могли воспользоваться для совпадения в двух точках (апрель 1919 г. и август 1921 г.).

Мало явлений физики показывают такое поразительное совпадение с теорией.

Пользуясь разрешением Наркомфина (тов. Е. А. Пресображенского), приводим здесь официальную таблицу «сведений о народном обращении за 1918—1921 г.г.», которые легли в основу наших исследований. (Использованные на диаграмме № 1 данные за 1922 г. также взяты из официальной статистики).

Сведения о количестве денег в народном обращении

за 1918—1921 г.г. (в миллиардах рублей).

	Выпущено за предыд. месяц.	В народном обращении.
К 1 января 1918 г.	—	27.3128
.. 1 февраля "	1.8871	29.1999
.. 1 марта "	1.4478	30.6477
.. 1 апреля "	2.9247	33.5724
.. 1 мая "	4.2602	37.8326
.. 1 июня "	2.4638	40.2964
.. 1 июля "	2.9637	43.2601
.. 1 августа "	2.6612	45.9213
.. 1 сентября "	2.2642	48.1855
.. 1 октября "	2.8357	51.0212
.. 1 ноября "	2.7514	53.7726
.. 1 декабря "	3.0534	56.8250
За декабрь "	4.4388	—
Итого вып. за 1918 г. . . .	33.5520	—

	Выпущено за предыд. месяц.	В народном обращении.
К 1 января 1919 г.	—	61.2648
„ 1 февраля „	3.8272	65.0920
„ 1 марта „	3.9893	69.0813
„ 1 апреля „	5.7522	74.8335
„ 1 мая „	5.5283	80.3618
„ 1 июня „	11.9179	92.2797
„ 1 июля „	8.0394	100.3191
„ 1 августа „	12.0313	112.3504
„ 1 сентября „	13.8579	126.2083
„ 1 октября „	21.2706	147.4789
„ 1 ноября „	22.6302	170.1091
„ 1 декабря „	22.3437	192.4528
За декабрь „	32.5632	—
Итого вып. за 1919 г.	163.7512	—

	Выпущено за предыд. месяц.	В народном обращении.
К 1 января 1920 г.	—	225.0160
„ 1 февраля „	35.2161	260.2321
„ 1 марта „	32.8317	293.0638
„ 1 апреля „	47.5993	340.6631
„ 1 мая „	17.0444	387.7075
„ 1 июня „	62.9622	450.6697
„ 1 июля „	61.1469	511.8166
„ 1 августа „	68.8880	580.7046
„ 1 сентября „	70.6418	651.3464
„ 1 октября „	93.8119	745.1583
„ 1 ноября „	117.6083	862.7666
„ 1 декабря „	132.4708	995.6374
За декабрь „	172.9607	—
Итого вып. за 1920 г.	943.5821	—

	Выпущено за предыд. месяц.	В народном обращении.
К 1 января 1921 г.	—	1168.597
„ 1 февраля „	130.232	1298.829
„ 1 марта „	186.394	1485.223
„ 1 апреля „	201.460	1686.683
„ 1 мая „	230.583	1917.266
„ 1 июня „	205.028	2122.294
„ 1 июля „	223.844	2346.138
„ 1 августа „	461.936	2808.074
„ 1 сентября „	702.647	3510.721
„ 1 октября „	1018.706	4529.427
„ 1 ноября „	1950.294	6479.721
„ 1 декабря „	3365.528	9845.249
За декабрь „	7694.186	—
Итого вып. за 1921 г.	16370.838	—

§ 4.

Диаграммы нас убедили, что *фактически* эмиссия следовала найденному нами закону, и притом *с редкой точностью*, какой недостает даже многим физическим законам. Что означает этот поразительный факт? Не случайное ли это совпадение?

Надо быть мистиком, чтобы верить в подобные случайности. Полное совпадение теоретической кривой с фактической при построении 18 точек (и 25 в другом случае) не может быть случайностью. Научное мышление должно усмотреть в этом фактическую справедливость закона.

Но как быть, ведь мы вывели наш — оказавшийся справедливым — закон в предположении неизменности народного хозяйства, тогда как последнее, несомненно, менялось. Прежде всего, именно факты диаграммы № 1 нам говорят, что эмиссия точно следовала нашему закону и число n оставалось постоянным *внутри* каждого хозяйственного периода, при переходе же от одной экономической формы к другой, от одной экономической политики к другой мы видим резкое (в 2—3 месяца) изменение n (изломы прямой). Факт совпадения моментов изломов с известными моментами поворота нашей политики служит новым подтверждением нашей теории.

Внутри каждого периода n , действительно, не менялось. Это не значит, что не изменялось все народное хозяйство, это только означает, что оставалась неизменной некая функция от этого хозяйства, названная нами буквой n .

Перейдем к выявлению экономического смысла этой величины n , но сначала скажем несколько слов о количественной теории денег.

§ 5.

Вокруг количественной теории денег разыгрывалась, за столетие ее существования, как известно, непрекращающаяся борьба. От наиболее примитивной формулировки

$$n = q$$

очень скоро перешли к более сложной

$$n = kq,$$

при чем множитель k определяется, как отношение скоростей обращения денег и товаров. В этой форме количественная теория применена и у Маркса. Дальнейшая критика и дальнейшие поправки касались преимущественно роли кредита и роли различных денежных суррогатов. Не вдаваясь здесь в разбор этой критики (на наш субъективный взгляд чаще всего неверной), мы можем ограничиться констатированием того факта, что в России времен революции ни кредит, ни денежные суррогаты заметной роли не играли, их учитывать не приходится. Иное дело, конечно, при новой экономической политике. С ее развитием придется теорию усложнить добавочными соображениями.

Итак, в период поенного коммунизма и в первый период НЭПа мы можем применять количественную теорию, в указанной форме (I), безбоязненно.

При формулировке количественной теории представляет известные трудности вопрос о том, относится ли ее формулировка ко всем деньгам, имеющимся в стране, или только к деньгам *в обращении*, за исключением той части денежной массы, которая служит целям накопления.

Теоретически я считаю, что в количество q надо включить *все* деньги, вместе с накопленными, но в нашем случае нет нужды вдаваться в дискуссию на эту тему, так как в рассматриваемый период накопление было фактически очень невелико. Известная тяга к накоплению сохранялась у крестьянства в первый период революции, но относительное количество вышедших из обращения и накопленных денег было ничтожным. Наконец, наличие накопления не изменяет *существенно* наших формул.

Для доказательства достаточно следующего рассуждения. Допустим даже, что через 6 месяцев обращения половина денег подвергается тезаврации. Мы знаем, что даже в 1918—1919 г.г. за 6 месяцев количество денег в обращении увеличивалось в $2^{1/2}$ раза, следовательно, такая тезаврация могла изменить количество денег в обращении на одну пятую.

В нашей формуле (за 1918—1919 г.г.) была бы меньше на одну пятую величина n , самый же характер формулы остался бы тем же.

§ 6.

Вскроем содержание той величины n , которая, как мы видели, определяет темп эмиссии.

Мы обозначили через n произведение

$$k \cdot s,$$

в котором s есть число, показывающее, какую часть наличности товаров государство приобретает путем эмиссии в течение единицы времени. Другая величина — k взята из формулы

$$(1) \quad u = kv$$

количественной теории. Чтобы не ссылаться на авторитеты, выведем вновь (и притом математически строже), что она равна отношению скоростей обращения денег и товаров.

Дадим определение этих понятий. Скоростью v обращения товаров назовем количество сделок, падающих на товарную единицу за единицу времени, скоростью обращения денег f — предел следующего выражения

$$\frac{\text{оборот}}{\text{наличность} \times \text{время}}$$

при уменьшении промежутка времени до нуля.

Очевидно, оборот за время dt будет

$$u \cdot v \cdot dt$$

а наличность есть q .

Итак

$$f = \lim \frac{u \cdot v \cdot dt}{q \cdot dt} = \frac{uv}{q} = \frac{kqv}{q} = kv,$$

или

$$(2) \quad k = \frac{f}{v},$$

что и требовалось доказать; а потому

$$(3) \quad n = \frac{fv}{s}.$$

Последнюю формулу для n можно написать еще в другом виде.

Пусть средняя товарная единица претерпевает A сделок в течение своего пути от производителя к окончательному потребителю и пусть этот путь длится в среднем T времени.

Тогда

$$A = nT.$$

Введем также другую величину вместо n . У нас n выражает, какую часть наличности товаров эмиссия приобретает в единицу времени. Если продолжительность жизни товара T времени, то, очевидно

$$Ts = B$$

есть дробь, показывающая, какая часть из выходящих в потребление товаров приобретается эмиссией.

Можно формулу (3) переписать так

$$(7) \quad n = \frac{fB}{A}.$$

Экономический смысл величины n выражен формулами (3) или (7). Физическая же природа ее определяется так называемой размерностью этой функции, которая, как легко видеть, равна

$$\left[\frac{1}{t} \right],$$

то-есть n имеет характер скорости какого-то процесса. Из § 2 ясно, что n есть именно *относительная скорость эмиссии* (скорость эмиссии, поделенная на ее величину).

§ 7.

Мы обнаружили на фактах постоянство n в течение каждого из 3 пережитых русской революцией различных хозяйственных фаз, характеристика которых общеизвестна (1918 г. — переходный, с сохранением частного рынка и крестьянского накопления, к весне 1919 г. фактически заканчивается национализация торговли и промышленности, наступает период военного коммунизма, с середины 1921 г. начинается осуществление т. и. новой экономической политики).

Парадоксален ли этот факт?

Мы знаем, что периоды с одинаковой качественной формой народного хозяйства тем не менее не были единообразными на всем протяжении в смысле количественного содержания. Так, период «военного коммунизма» сопровождался, в силу ряда причин, постепенным сокращением товарного рынка.

Если мы взглянем на содержание n :

$$n = ks = \frac{fs}{v} = \frac{fB}{A},$$

то увидим, что нет нужды предполагать постоянство каждой из входящих в n величин в отдельности. Факт постоянства n указывает только на то, что изменения этих величин взаимно компенсируются таким образом, что n не изменяется.

Впрочем, и каждая величина в отдельности имеет — в пределах одного и того же из 3 хозяйственных периодов — тенденцию к устойчивости.

Спросим себя, например, что означало бы постоянство s , т. е. постоянство относительной роли государства (эмиссии) в покупках на рынке. На первый взгляд представляется мало вероятным, чтобы это s не изменялось при сокращении или расширении рынка за период 1919—1921 г.г. Однако, если мы вспомним, что в период т. н. военного коммунизма подавляющую часть государственных расходов составляла заработная плата, то окажется, что постоянство s есть не что иное, как постоянство процентной доли рабочих в потреблении рыночных товаров. Если товаров меньше, рабочий питается хуже, но сохраняет относительную долю свою. Эта формулировка уже менее парадоксальна.

Как бы то ни было, анализированные нами факты требуют лишь постоянства $n = \frac{fs}{v}$.

Не стараясь быть математически точными, составим себе представление о качественном характере зависимости f , s и v . Допустим, что количество товаров на рынке сократилось вдвое. Тогда естественно ожидать их вздорожания, так что оборот может оказаться прежним (постоянство f). Если, однако, как это и наблюдалось, цены пере-

гонят сокращение товаров, если f увеличится, то это увеличение может компенсироваться увеличением r (рост спекуляции) и уменьшением s (относительное ухудшение положения рабочих).

Воссуждения этой главы не претендуют на точность. Они имели только целью показать, что обнаруженный факт совпадения теории с практикой есть факт, может быть, и поразительный, но отнюдь не парадоксальный. Ни здравому смыслу, ни обычным понятиям он не противоречит.

§ 8.

Величину n для каждого из трех периодов легко подсчитать из известных цифр эмиссии. Если за единицу времени принять m , то она равна приблизительно (в три периода):

$$\begin{aligned} n_1 &= 0,81 \\ n_2 &= 1,55 \\ n_3 &= 5,31. \end{aligned}$$

Возрастание n_2 по отношению к n_1 объясняется вполне удовлетворительно тем, что во второй период вследствие национализаций возросло значительно количество государственных служащих и рабочих, т.-е. возросло s , а также ускорился оборот денег (увеличилось f).

Может удивить *рост* эмиссии при новой экономической политике, вопреки всей кампании за сокращение ее. Это явление вполне закономерно с точки зрения нашей теории. Подробный анализ его приходится отложить до другого случая.

Одно замечание необходимо сделать. Мы всюду предполагали отсутствие государственных доходов. И действительно, они были слишком ничтожны в течение всего рассматриваемого времени, не исключая и начального периода новой экономической политики. С развитием последней значение доходов быстро возрастает, так что в формулы необходимо ввести поправку.

Пусть в единицу времени возвращается в виде доходов часть r от наличности, т.-е. сумма qr , тогда фактическая эмиссия за период dt будет

$$dq = ks q dt - r q dt = (n - r) q dt,$$

а решение этого уравнения есть

$$q = q^0 \cdot e^{(n-r)t}.$$

Вместо n всюду войдет $n - r$. Ясно, что с ростом r эмиссия должна замедляться, прекращаясь вовсе, когда будет достигнуто

$$r = n$$

Осложнение народного хозяйства в период новой экономической политики, вероятно, сделает фактический ход эмиссии все более сложным и отступающим от выведенных нами для эмиссионного хозяйства законов ¹⁾.

§ 9.

Выяснившаяся правильность нашей теории любопытна еще в одном отношении. Экономисты слишком мало и недостаточно строго пользуются математическим методом. Довольно охотно прибегая к грубым аналогиям и к грубому определению качественного характера зависимостей (напр., слово «обратно пропорциональный» употребляется в совершенно неопределенном смысле для всякой обратной зависимости), большинство экономистов избегают и неприяженно встречают всякую попытку точных формулировок и точных выводов. Об этом дефекте приходится пожалеть. Разнообразие изучаемых массовых явлений не есть препятствие для точного анализа, как показывает математическая физика, объекты которой также поддаются изучению лишь в виде *средних чисел*, что тем не менее приводит к весьма точным законам.

О. Шмидт.

31 декабря 1922 г.

¹⁾ Изложенный закон эмиссии был нами обнаружен в 1919 г. и тогда же сообщен ряду лиц в письменной форме, а впоследствии служил темой докладов в нескольких научных собраниях.

К теории рынка.

(По поводу доклада т. Тальгеймера на конгрессе Коминтерна).

Одним из самых интересных теоретических вопросов, поставленных в порядок дня IV Конгресса Коммунистического Интернационала, был несомненно вопрос о программе. Учитывая всю сложность стоящей перед авангардом мирового пролетариата теоретической задачи, конгресс решил окончательных решений по указанному пункту порядка дня не принимать и ограничиться предварительной дискуссией с тем, чтобы перенести дебаты на страницы коммунистической печати. На пленуме конгресса было лишь заслушано три доклада, выявивших целый ряд разногласий между референтами. Обнаружилось расхождение как в трактовке вводной части программы, ее теоретического обоснования, так и в формулировке ее тактической части, т.-е. конкретных целей и требований, за осуществление которых борется Коммунистический Интернационал. Это только доказывает, что международный съезд коммунистических партий поступил совершенно правильно, когда он решил подвергнуть представленные проекты программы детальному обсуждению в недрах отдельных секций Коминтерна и вновь поставить этот вопрос на V конгрессе, который должен собраться в текущем 1923 году.

Перед нами столь важный, и вместе с тем столь сложный вопрос, что я далек от мысли охватить его в полном объеме. Один только доклад т. Бухарина, изобилующий множеством интереснейших замечаний и целым рядом свежих и ярких формулировок, заслуживал бы детального рассмотрения, но это, повторяю, не входит в мою задачу. В настоящей статье я хочу ограничиться до

кладом т. Тальгеймера и при том лишь той его частью, которая была посвящена общему, теоретическому отделу программы Коммунистического Интернационала. Именно эта часть представляется мне наиболее спорной с точки зрения ортодоксального марксизма. Т. Тальгеймер—последовательный сторонник экономической концепции Розы Люксембург. Он безоговорочно принимает ее теорию накопления капитала и данное ею экономическое объяснение империализма. Он не смущается тем фактом, что эта теория нашла очень немногих приверженцев даже в среде радикальной части старых социалистических партий, составившей впоследствии ядро Коммунистического Интернационала. Т. Тальгеймер, конечно, хочет быть последовательным до конца и предлагает положить в основу „Коммунистического Манифеста“ XX столетия положения, развитые Розой Люксембург в ее главных экономических работах. Более того, он заявляет, что отрицающие эти положения тем самым «дают теоретическое доказательство невозможности социализма» и открывают себе дорогу в лагерь буржуазии. Правда, русские революционные марксисты 90-х годов (в том числе т. Ленин) в своих полемических работах, направленных против народнического скептицизма, дали теорию, глубоко отличную от построений Р. Люксембург, и тем не менее остались в рядах борющегося пролетариата. Но и это не играет роли для т. Тальгеймера. Он решительно заявляет, что подобного рода поведение некоторых русских марксистов (из контекста его речи было совершенно ясно, кого он имеет в виду) «объясняется их теоретической непоследовательностью» ¹⁾...

О теории Р. Люксембург в русской литературе до сих пор почти ничего не писалось,—факт, который объясняется отчасти тем, что главные ее работы — «Накопление капитала» и «Антикритика» — стали доступны широким кругам русских марксистов лишь года 1½—2 тому назад. В 1921 г., еще до выхода в свет русского издания «Накопления», я пытался вызвать дискуссию по поводу этой изумительной и блестящей во многих отношениях

¹⁾ „Bulletin des IV. Kongresses der Kommunistischen Internationale“ № 14—15. Moskau d. 23. Nov. 1922. 14. Sitz.

книги и написал с этой целью небольшой критический разбор теории Р. Люксембург ¹⁾. Отклик, однако, не последовало. Сейчас, когда речь идет о принятии «Накопления капитала» за основу теоретической части программы Коминтерна, и когда этот вопрос получает в известном смысле актуальное значение, он, мне кажется, должен вызвать более внимательное к себе отношение. Руководствуясь этими соображениями, я делаю, так сказать, вторичный почин,—тем более, что детальное обсуждение работ Р. Люксембург в одном из руководимых мною семинариев еще больше убедило меня в правильности сделанных мною в свое время критических замечаний.

Первая работа Р. Люксембург о «Накоплении капитала» начинается изложением и критикой знаменитых схем воспроизводства, данных Марксом в III отделе II тома его бессмертного труда,—тех самых схем, которые Р. Гильфердинг назвал в свое время гениальным осуществлением гениальной идеи отца школы физиократов Ф. Кенэ. Первые главы представляют собою столь блестящую систематизацию и популяризацию марксовой теории рынка, что читателю и в голову не приходит, что все дальнейшее изложение будет посвящено критике этой теории и попытке конструировать теоретическую систему, совершенно отличную от концепции автора «Капитала». Р. Люксембург пытается, так сказать, дискредитировать схемы Маркса, которые, как известно, не были им в достаточной мере обработаны и вошли в его литературное наследство лишь в виде черновых набросков. В частности, она не удовлетворяется незаконченным анализом воспроизводства денежного материала, высказывая при этом убеждение, что если бы Маркс и продолжил начатый им анализ, то он все равно не добился бы удовлетворительного результата ²⁾. Вообще же нужно

¹⁾ Журнал «Красная новь» за 1921 г. № 1.

²⁾ Р. Люксембург «Накопление капитала». Москва 1921 г., стр. 56 и сл. Тов. Р. Позняков в докладе, прочитанном им весной 1922 г. в одном из экономических семинариев Института Красной Профессуры, показал, что если к воспроизводству денежного материала подходить, как к самостоятельному подразделению всего общественного воспроизводства, и рассматривать

сказать, что эта сторона ее критики носит несколько педантический характер: значительная часть ее полемических замечаний покоится на том, что Маркс в некоторых случаях неудачно выбрал цифры для своих схем. Гораздо важнее другая тенденция Р. Люксембург, достаточно ясно выраженная в ее оценке схем воспроизводства II тома «Капитала». Она стремится доказать, что из этих схем можно сделать какие угодно выводы, вплоть до самых апологетических, при этом она особенно нападает на Туган-Барановского, который, исходя из марксова анализа воспроизводства, пришел к заключению, что при наличии пропорциональности между отдельными отраслями производства создается возможность для безграничного расцвета производительных сил в рамках капитализма. А если это так, если, базирясь на схемах воспроизводства Маркса, можно увековечить капитализм и создать сикофантскую теорию, которая неизбежно увлекает своих сторонников в «стан ликующих», то пресловутые схемы, по мнению Р. Люксембург, но всяком случае, требуют критического к себе отношения ¹⁾. Но так

свашивание денег, как своеобразный процесс „quasi потребления“, падающего в качестве *faux frais* на все капиталистическое общество, то вопрос о репродукции золота разрешается вполне удовлетворительно как для случая простого, так и для случая расширенного воспроизводства. (Доклад этот будет напечатан в I томе трудов слушателей Инст. Кр. Проф.)

¹⁾ Что Туган-Барановский сделал весьма своеобразное „употребление“ из схем Маркса, общеизвестно. Но Маркс в этом абсолютно неповинен, ибо его анализ воспроизводства отнюдь не ограничивается описанием всего общественного воспроизводства на репродукцию средств производства и средств потребления; он органически связан со своей экономической системой марксизма. Эту-то сторону дела Туган и игнорирует. Он говорит, например, о возможности расширения общественного производства при одновременном сокращении общественного потребления, без всякого нарушения равновесия между общественным предложением и спросом. Капиталистическое общество будет производить нефть, уголь и железо для дальнейшего расширения добычи нефти, угля и железа; токарные станки будут рождать токарные станки; работа механических заводов будет завита оборотованием предприятый того же рода. Словом, расширение производства средств производства может продолжаться „до бесконечности“, пока не будут исчерпаны естественные запасы соответствующих материалов. И все это, с точки зрения Тугана, осуществимо не только при стационарном уровне потребления, но и в том случае, если спрос рабочего класса, востребованного машинами, сведется к нулю, а капиталисты, как выражаются немцы, будут жить *von Lust und Liebe* (см. Туг.-Бар. „Период. промыш. кризисы“ СПб. 1914. Стр. 220-231). Чем объяснить этот дикий вывод? Суть дела заключается вот в чем. Одержимый денежным фетишизмом, Туган, в качестве достойного сына своего класса, все переводит на рубли и совершенно игнорирует вещественно-материальную или техническую сторону производственного процесса. На самом деле, если группа машин рождает себе подобное потомство, которое предназначено для той же цели, что и его предки, то должен же наступить, в конце

как Р. Люксембург вообще усматривает в схемах Маркса «недостаточный способ доказательства» и так как «проблема накопления,—по ее словам—может быть изложена и понята без них» («Антикритика», русск. пер., стр. 6), то мы не будем останавливаться на разборе ее критических замечаний, направленных против математических (по существу—арифметических) выкладок II тома «Капитала» и попытаемся изложить теорию автора «Накопления», по возможности, придерживаясь в основных пунктах подлинника.

Маркс положил предел бесконечной путанице, царившей в классической политической экономии по вопросу о ценностном составе капиталистически произведенного товара. С легкой руки А. Смита в экономической науке

концов момент, когда появится на сцене машина, предназначенная для производства средств потребления, ибо даже капиталистическое производство движимос исключительно только стремлением к прибыли, объективно всякая служит удовлетворению человеческих потребностей. Без расширения производства муки невозможно расширение производства мукомольных станков, и без расширения, скажем, производства мыла невозможно расширение добычи соды. Для фетишиста Тугана, который не способен отрешиться от денежных отношений, это ровно ничего не значит: он, по выражению А. А. Богданова, превращает капиталистическую систему «в технически бессмысленную». То же самое делает и Туган когда он для «доказательства» своих парадоксов без всяких рассуждений переносит неподходящиеся реализация прибыли одного подразделения общественного производства в другое. У капиталистов подразделения средств потребления для рабочих оказываются прибавочная ценность, овеществленная, например, в обуви, мануфактуре и т. д. Этот излишек при данных условиях никак не может быть куплен. Что же делает Туган? Он, ничто же сумняшся, забывает о том, что он имеет дело не с рублями, а с потребительными ценностями вполне определенного назначения, «переносит» их в подразделения производства средств производства и при помощи сапог и рабочих рубаш начинаем строить паровые молоты и выплавлять чугун (ibid, стр. 227). Правда, то же самое делает и О. Бауэр в своей критике книги Р. Люксембург, но при чем тут схемы Маркса? Ведь его главная заслуга в теории воспроизводства заключается именно в том, что он за внешними явлениями рынка усмотрел определенную производственно-техническую связь... С такого рода игнорирования экономической системы марксизма мы сталкиваемся у Тугана. «исходящего» из схем Маркса на каждом шагу. Я утверждаю, что он никак не мог бы «обосновать» при помощи теории рынка Маркса своих, поистине, анекдотических, выводов, если бы он придерживался закона тенденции нормы прибыли к понижению. Для своих апологетических целей ему понадобилось отвергнуть этот закон и он «доказал», что в капиталистическом обществе не самом деле существует противоположная тенденция. Отсюда следует, что нелепые выводы могут быть сделаны из схем Маркса только в том случае, если идти вразрез со всем его учением. Но отсюда вовсе не следует, как это склонна была думать Р. Люксембург, что из схем II тома «Капитала» можно сделать какое угодно употребление.

утвердилось положение, что ценность товара распадается на заработную плату, затраченную на его производство, и прибавочную ценность ¹⁾. Положение это с течением времени приобрело прочность предрассудка, от которого не мог отрешиться даже такой гигант, как Рикардо,—я не говорю уже о Сисмонди и, тем более, о Сэе. И только Маркс, разоблачивший двойственный характер производящего товара труда, оказался в силах покончить раз навсегда с указанным заблуждением классиков, которые, именно из-за признания формулированного «закона» А. Смита непогрешимым символом веры, отрезали себе все пути к разрешению проблемы реализации и накопления. Маркс показал, что труд, в своем качестве конкретного человеческого труда, обладает способностью переносить на изготавливаемый товар ценность, воплощенную в использованных средствах производства, и что тот же самый труд, в качестве труда абстрактного, создает новую ценность, которая в условиях капиталистического способа производства распадается на переменный капитал и прибавочную ценность, или, если пользоваться общепринятыми в марксистской литературе символами, на $v + m$. Маркс, таким образом, дал для всякого капиталистически произведенного товара ценностную формулу $c + v + m$, где c есть не что иное, как затраченная на соответствующий товар часть постоянного капитала.

Нетрудно видеть, что ценностный состав совокупного общественного продукта,—который служил Марксу, как и его предшественнику Кенэ, исходным пунктом для анализа проблемы реализации и воспроизводства,—определяется той же самой формулой. Все товары, произведенные за определенный производственный период и сложенные в один гигантский общественный склад, дали бы нам некую «товарную кашу», в которой мы нашли бы и средства производства, и средства потребления рабочих, и более «деликатные» средства потребления, предназначенные для капиталистов. Если pc соответствует третьему слагаемому нашей товарной «кучи», другими словами, если класс ка-

¹⁾ Правда, Смит употреблял вместо понятия «прибавочная ценность» понятия «прибыль» и «земельная рента», но так как он выводил и ту и другую из неоплаченного труда, то мы, в целях упрощения терминологии, пользуемся словопотреблением Маркса.

питалистов без остатка потребляет всю произведенную за данный год прибавочную ценность, то мы имеем случай простого воспроизводства: новый год начинается с прежним капиталом, и производство протекает в одних и тех же рамках, с одним и тем же постоянным и переменным капиталом. Никакого расширения базиса производства в этом случае быть не может, ибо прибавочная ценность, которая является единственным источником для организации новых предприятий или для развития старых, прокучена классом капиталистов. Но капиталистическому способу производства свойственно не простое воспроизводство, а расширенное, не потребление всей созданной прибавочной ценности господствующим классом, а превращение части ее в капитал—процесс, который в марксистской экономике носит название накопления: всякий капиталист, хочет ли он того или нет, *должен* накапливать, ибо иначе он не в состоянии будет технически усовершенствовать производство и неизбежно падет жертвой конкурентной борьбы.

С точки зрения реализации товаров, простое воспроизводство, которое в действительной жизни капиталистического общества мыслимо лишь как случайное явление, не сулит никаких затруднений. Часть товаров, соответствующая с, т.-е. сырье, машины и прочие средства производства, раскупается отдельными капиталистами; при чем они, конечно, должны бросить в обращение определенную сумму денег, которые по выполнении своей функции вновь возвращаются в карман «собирающего капиталиста» (des «Gesamtkapitalisten»), как выражается Маркс. Средства потребления рабочих также полностью находят сбыт, ибо ценность их в точности совпадает с общей суммой выплаченных за рассматриваемый период заработных плат. Так же просто обстоит дело с реализацией более утонченных средств потребления, предназначенных для класса капиталистов. Здесь, как и в первом случае, необходим всесторонний обмен между капиталистами, а это опять-таки касается «внутренних домашних обстоятельств класса предпринимателей» («Антикритика», стр. 12). Отдельные представители этого класса ассигнуют для своих покупок деньги, которые возвращаются туда же, откуда они ушли, т.-е. в кассу «собирающего капиталиста». Все части

нашей «товарной каши» оказываются проданными, и производство вновь может начаться в прежнем масштабе.

Не так гладко протекает процесс реализации в случае расширенного воспроизводства. Предположим, что технические предпосылки, необходимые для расширения производства независимо от его специфического исторического характера, налицо: имеются излишние по сравнению с истекшим периодом средства производства и рабочая сила. Что касается «желания» капиталистов накапливать, то об этом и говорить не приходится, ибо всякий предприниматель, как мы выяснили выше, в силу экономической необходимости *вынужден* ориентироваться на увеличение размеров своего предприятия. Все затраты, переносятся и здесь исключительно в плоскость реализации выработанной за данный производственный период «товарной каши». Впрочем, возможность продать предметы, соответствующие c и v , не возбуждает у Р. Люксембург никаких сомнений: и то и другое будет реализовано точно так же, как в случае простого воспроизводства; часть m , предназначенная для потребления, тоже найдет себе покупателей, как это имело место в первом случае со всей прибавочной ценностью «собирательного» капиталиста. Но мы, в нашем воображаемом едином складе капиталистического общества, должны найти еще третью часть товаров, которая не предназначена ни для возобновления использованных средств производства, ни для содержания рабочих и капиталистов... «Это будет часть товаров, содержащая ту неопценимую долю выжатой из рабочих прибавочной ценности, которая, собственно, и составляет жизненную цель капитала: *прибыль, предназначенную для капитализации, для накопления*. Какого это рода товары и какая часть общества в них нуждается, т.-е. кто покупает их у капиталистов, чтобы в конце концов дать им возможность превратить важнейшую часть прибыли в чистое золото?» («Антикритика», стр. 14. Курсив мой. III. Д.).

Прежде чем перейти к попыткам разрешения Розой Люксембург этого кардинального вопроса всей ее теории, мы должны отметить, что она, в начале своего анализа проблемы реализации, пробует исходить из «чистого» капиталистического общества, т.-е. такого общества, которое состоит исключительно только из капиталистов и рабочих,

и в котором простые товаропроизводители вроде крестьян и ремесленников исчезли с лица земли на-ряду со всеми прочими промежуточными группировками. Всякому знакомому с экономическими работами Маркса хорошо известно, что он именно таким капиталистическим обществом оперировал в своих теоретических исследованиях: автор «Капитала» в своем абстрактном анализе всегда отвлекался от некапиталистических элементов, живущих в недрах буржуазного общества, и рассматривал весь мир, как единую капиталистическую нацию. Здесь же уместно будет подчеркнуть, что указанный методологический прием проходит красной нитью через все исследование Маркса и отнюдь не носит случайного характера. Более того, Маркс мимоходом многократно напоминает об этом своем приеме читателю. При анализе проблемы накопления в I томе «Капитала» он пишет: «Для того чтобы рассмотреть предмет нашего исследования в совершенно чистом виде, независимо от затемняющих дело побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство укр-
*тилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства»*¹⁾ То же самое «напоминание» он делает в других томах «Капитала» и в «Теориях прибавочной ценности»²⁾.

Но вернемся к поставленному вопросу: кто является покупателем подлежащей накоплению части прибавочной ценности? Может быть, этими покупателями являются рабочие?—спрашивает Р. Люксембург. Но «класс капиталистов ассигнует рабочему классу лишь строго определенную часть всего общественного продукта, на сумму равную переменному капиталу. Следовательно, если рабочие покупают средства существования, то они возмещают классу капиталистов только полученную от него заработную плату—ассигнованную им сумму, равную переменному капиталу.

¹⁾ К. Маркс. «Капитал», т. I, изд. 1920 г., стр. 589, примеч. 25.

²⁾ „По нашему предположению,—при всеобщем и исключительном господстве капиталистического производства,—кроме этого класса вообще не существует никаких других классов, кроме рабочих“. (II том «Капитала», русск. изд. 1919 г. См. там же, с. р. 316, 405 и др.) „Представим себе, что все общество состоит из капиталистов и наемных рабочих“. (III том «Капитала», русск. изд. 1919 г., ч. II, стр. 21). „Allein wie verhält es sich mit dem anderen Teil des Mehrwerts, der in konstantes Kapital zu verwandeln ist? Um die Frage zu vereinfachen, abstrahieren wir vom auswärtigen Handel und betrachten eine abgeschlossene Nation“. (Theorien über den Mehrwert, B. II, 2. T. 1910. S. 244). См. там же стр. 263 и др.

Вернуть больше они не могут ни на грош» («Накопление», стр. 83). А отсюда делается вывод, что рабочие никоим образом больше и купить не могут. С такой же решительностью Р. Люксембург отвергает допущение, что искомыми покупателями являются сами капиталисты, которые могут использовать неподдающийся сбыту запас товаров для целей личного потребления. «Для всех капиталистов, как класса, потребление всей прибавочной ценности в виде роскоши является чистейшим, безумием, экономическим самоубийством, потому что это означает не что иное, как уничтожение накопления в корне». («Антикритика», стр. 15).

«Может быть, ответ... заключается в том, что естественный прирост населения создает этот возрастающий спрос?» Ведь в социалистическом обществе именно прирост населения и его потребности будут служить для трудящегося коллектива исходным пунктом для расширения производства. Однако в буржуазном обществе дело обстоит не так. Прежде всего, здесь даже нельзя говорить о приросте населения вообще. Мы имеем естественный прирост класса капиталистов, который размножается по одним законам, и прирост рабочих, который регулируется совершенно иными законами. Прирост класса капиталистов и без того предполагается возросшей абсолютно величиной потребленной части прибавочной ценности. Всей же прибавочной ценности он, конечно, потребить не может, ибо в таком случае не могло бы быть и речи о расширении производства. Естественный прирост рабочих, как выход из затруднения, Р. Люксембург также отвергает. «В нашей схеме единственным источником денежных средств рабочего класса является переменный капитал. Следовательно, понятие «переменный капитал» наперед предполагает прирост рабочего класса. Стало быть, одно из двух: или заработная плата рассчитана так, чтобы она могла прокормить и молодое поколение рабочих,—тогда последнее не может быть вторично принято как основа для расширенного потребления; или же это не имеет места,—тогда новые рабочие, молодое поколение, сами должны работать, чтобы получать заработную плату и средства существования,—тогда это молодое работающее поколение уже включено в число занятых рабочих. Следовательно,

естественный прирост населения не может нам объяснить процесса накопления». («Накопление», стр. 84).

В своих крайне добросовестных поисках выхода из тупика автор «Накопления капитала» обращается к тем слоям, которые, строго говоря, не могут быть отнесены ни к капиталистам, ни к рабочим и которые, тем не менее, существуют даже в «чистом» капиталистическом обществе. Сюда относятся ученые и попы, адвокаты и проститутки, военные и чиновники, врачи и художники и т. д. Но если присмотреться ближе, то оказывается, что источником доходов представителей всех этих профессий, как бы почетны или гнусны они ни были, является либо заработная плата, либо общественная прибавочная ценность. Эти доходы могут черпаться или непосредственно из *v* и из *m* (плата попу за требы, гонорар врачу) или через посредство налоговой системы. В обоих случаях представители наших свободных профессий, с экономической точки зрения, будут лишь сотрапезниками совокупной заработной платы или совокупной прибавочной ценности ¹⁾. Никаких самостоятельных притязаний на нашу засиженную невесту они предъявить не смогут. Их потребление уже включено в потребление капиталистов и рабочих.

Но не уподобляемся ли мы, спрашивает Р. Люксембург, тому всаднику, который без всякой надежды на успех упорно разыскивал коня, на котором он сидел? Не покупают ли капиталисты друг у друга пресловутый «излишек» товаров, и при том не для того, чтобы улучшить свое потребление, а для того, чтобы расширять производство? «Пусть это будет так,—читаем мы в «Антикритике» (стр. 16),—но подобное решение переносит лишь

¹⁾ Резюмируя свои возражения А. Смитю по поводу о ценностном составе товара, Маркс, между прочим, пишет: „Все члены общества, не принимающие прямого участия в воспроизводстве, будет ли то участие трудом или участие без труда, могут иметь свою долю годового товарного продукта,—т. е. средства своего потребления,—в первую очередь лишь из рук тех классов, которым в первую очередь достается продукт: из рук производительных рабочих, промышленных капиталистов и землевладельцев. В этом смысле их доходы материально происходят от заработной платы (производительных рабочих), прибыли и земельной ренты и потому являются производными по отношению к этим первичным доходам. С другой стороны эти производные в таком смысле доходы приобретаются их получателями посредством их общественной функции как королей, попов, профессоров, проституток, солдат и т. д.; это дает им возможность видеть в своих функциях первичные источники их доходов“. („Капитал“ т. II, стр. 357).

затруднение с данного момента на следующий. В самом деле, допустив, что накопление началось и что расширенное производство в следующем году выбрасывает на рынок еще большую массу товаров, чем в этом году, мы снова наталкиваемся на вопрос: где же мы *тогда* найдем покупателей для еще более возросшего количества товаров?»... «Чистое капиталистическое общество, которым оперировал Маркс, приводит нас таким образом в тупик, из которого нет выхода; пока мы остаемся в предположении, что общество состоит лишь из буржуазии и пролетариата, капиталисты, как класс, не в состоянии сбыть всей своей прибавочной ценности, они не в состоянии превратить ее в деньги, а следовательно, и накапливать. Проблема реализации прибавочной ценности, предназначенной для накопления, превращается в «чисто»-капиталистическом обществе в совершенно неразрешимую загадку» ¹⁾.

Изложенные нами в сжатых чертах рассуждения Р. Люксембург приводят ее к убеждению, что Маркс совершил методологическую ошибку, когда он, взявшись за проблему накопления, пытался разрешить ее для капиталистического общества, состоящего исключительно только из капиталистов и рабочих. Мы привыкли думать, что абстрактный метод в политической экономии представляет неоценимые услуги во всяком теоретическом анализе. Преимущества его, как известно, заключаются в том, что мы отвлекаемся от всех побочных, несвойственных исследуемому объекту признаков и моментов и берем этот объект в его логически «чистой» форме. Конечно, при рассмотрении явлений реальной действительности мы должны, исходя из выводов нашего абстрактно-теоретического анализа, корректировать их теми «возмущающими» моментами, которые привносятся конкретной обстановкой. По мнению же Р. Люксембург, этот метод уместен и необходим лишь для определенных целей исследования. Он хорош, например, в первом томе «Капитала» при анализе отдельного капитала, но там, где речь идет о накоплении всего общественного капитала, он «дает осечку».

¹⁾ Это положение на разнице лада многократно формулируется Р. Люксембург, см., напр., «Накопление капитала», стр. 85, 244, 252, также «Анти-Крилизис», стр. 17, 18 и т. д.

Не в рамках чистого капитализма мы должны искать рынок сбыта для пресловутой доли прибавочной ценности,— говорит Роза Люксембург. «Если мы хотим, чтобы накопление имело место, то необходимо, чтобы для той части товаров, в которых заключается предназначенная для накопления прибыль, нашлись совсем другие покупатели,— покупатели, которые черпают свои покупательные средства из самостоятельного источника, а не из кармана капиталистов, как рабочие или сотрудники капитала—государственные органы, войско, духовенство, либеральные профессии. Стало быть, это должны быть покупатели, которые получают покупательные средства на основе товарного обмена, следовательно, от производства товаров, имеющего место за пределами капиталистического товарного производства; это должны быть производители, средства производства которых нельзя рассматривать, как капитал, и которые сами не принадлежат ни к одной из двух категорий,—категорий капиталистов и рабочих,—но, тем не менее, так или иначе нуждаются в капиталистических товарах». («Антикритика», стр. 17).

На этом базисе Р. Люксембург строит свою теорию империализма, совершенно отличную от теории Гильфердинга, которая, как известно, в общем и целом была принята русской коммунистической литературой. Без некапиталистической среды капитализм развиваться не может: ему, как рыбе вода, необходимо «некапиталистическое окружение». Но в своем стремлении вступить в обмен с этим окружением буржуазный мир наталкивается на серьезные препятствия. Ему нужны не просто докапиталистические формации—они должны обязательно стоять на уровне товарного хозяйства. Если этого нет, если капитализм натывается на натурально-хозяйственные общественные образования или на ограниченность потребностей патриархально-крестьянского быта, он берется за оружие и путем насилия создает себе предпосылки для расширенного воспроизводства. Насилие и грабеж сопровождают капитализм с самого появления его на свет. Они начинаются с революционного преодоления феодально-крепостнических отношений и находят себе высшее выражение в порабощении так называемых колониальных стран, которые являются историческим навозом и питательной почвой для буржуаз-

ного общества. Жители отсталых стран, аборигены Азии и Африки, насильственным путем превращаются в покупателей капиталистических товаров, и капитализм находит тех самых надежных покупателей прибавочного продукта, которых он совершенно безуспешно стал бы искать в рамках «чистого» буржуазного общества. «Капитализм все более и более расширяется благодаря взаимодействию с некапиталистическими общественными кругами и странами: он накапливает на их счет, но в то же время на каждом шагу разьедает и вытесняет их, чтобы самому стать на их место. Но чем больше капиталистические страны участвуют в этой погоне за областями накопления и чем меньше становятся те некапиталистические районы, которые открыты еще для мировой экспансии капитала, тем ожесточеннее становится конкурентная борьба капитала вокруг указанных областей накопления, тем в большей мере его экспансии на мировой арене превращаются в цепь экономических и политических катастроф — в мировые кризисы, революции и войны» («Антикритика», стр. 10—20).

В процессе своего развития капитал неизбежно перестраивает весь мир по своему образу и подобию. Там, где некогда паслись стада «диких» номадов, капитализм воздвигает фабричные трубы. Там, где протекала жизнь охотничьих племен, он прокладывает железные дороги, которые с течением времени оставляют от идиллического быта всякого рода «доисторических» или «ненсторических» народностей одни лишь воспоминания. Капиталистическое общество, таким образом, с бешеной быстротой приближается к предельной точке своего развития, — к тому моменту, когда на земле будут одни только буржуа и пролетарии и когда от поддерживающего его фундамента не останется и следа. Гибель буржуазного общества, с этой точки зрения, подготавливается чисто автоматически, независимо от каких бы то ни было социально-классовых моментов. Справедливость требует, однако, чтобы мы сделали здесь оговорку. Некоторые критики упрекали Р. Люксембург в том, что ее теория фаталистична и, как таковая, создает в известном смысле научное оправдание для отказа от активной борьбы за социализм. Это — неверно. В качестве пламенного революционера, не останавливае-

шлось ни перед какими препятствиями, Роза Люксембург ни своими сочинениями, ни своими делами не подавала и не могла подавать повода к подобного рода толкованиям. Она многократно подчеркивает, что развитая только что тенденция настолько резко обостряет классовые противоречия и международную политико-экономическую анархию, что восстание пролетариата уничтожит безраздельное господство капитализма задолго до того момента, когда он достигнет своего, так сказать, естественного предела. Но служит ли эта последняя оговорка доказательством правильности теории накопления Розы Люксембург?

Прежде всего несколько слов о пределах абстрагирования. Допустимо ли отвлечение от *differentia specifica* исследуемой экономической формации? Или конкретно: можно ли при изучении капиталистического общества в целях упрощения анализа отвлекаться от денег? Сэй, как известно, проделал такого рода «опыт». Обсуждая вопрос о возможности общего перепроизводства, он «упустил» из виду деньги и стал на ту точку зрения, что за продукты платят продуктами. А отсюда ему уже нетрудно было сделать свой знаменитый вывод о невозможности общего перепроизводства. На самом деле, рассуждал он, если продукты обмениваются на продукты, то заминка в сбыте может быть объяснена исключительно только тем, что они произведены в ненадлежащей пропорции друг к другу: если товары А залеживаются слишком долго, то это вовсе не означает, что их произведено слишком много; это значит только, что других товаров произведено слишком мало. Расширите их производство, и все пойдет к лучшему в этом лучшем из миров. Так в буржуазной политической экономии было в свое время обосновано учение о гармонии, господствующей в капиталистическом строе,—и все это было достигнуто сознательными апологетами путем чрезмерного усердия по части абстрагирования ¹⁾.

¹⁾ Два пункта характерны в данном случае для метода экономической апологетики. Во-первых, отождествление обращения товаров и непосредственного обмена продуктов путем простого отвлечения от их различия. Во-вторых, попытка отрицать противоречия, присущие капиталистическому про-

Но при чем тут Р. Люксембург?—спросит удивленный читатель? Ведь она не оправдывала приемов обер-гармонистов. Более того, нам скажут, что Р. Люксембург не менее резко, чем Маркс, возражала против чудовищных выводов Сэя, доказывая на примере Туган-Барановского, что пользование анализом II тома может привести к не менее односторонним выводам, чем построения апологетической вульгарной политической экономии. Критически настроенный читатель напомним нам сразу, что Р. Люксембург всюду, где только можно было, вводила в свой анализ деньги.—и все это, несомненно, будет соответствовать действительности. Но беда-то в том, что Роза Люксембург во всех своих рассуждениях имеет ввиду ту сторону денег, от которой абстрагировался Сэй, и только ее. Она все время помнила, что деньги являются средствами обращения, чего, повторяю, не хотели знать вульгарные экономисты, но она упорно забывала, что деньги, кроме того, являются *платежным средством*. В этом, как я попытаюсь доказать в дальнейшем изложении, заключается главная причина, которая привела автора «Накопления капитала», и «Антикритики» к тому убеждению, что реализация прибавочного продукта в рамках чистого капитализма представляет собой неразрешимую задачу.

дессу произвольна; последнее достигается тем, что все отношения между капиталистическими производителями сводятся к тем простым отношениям, которые непосредственно вытекают из товарного обращения. Между тем производством товаров и обращением товаров представляют явления, свойственные самым разнообразным способам производства, хотя и в различном масштабе. Мы, следовательно, ровно ничего не знаем о данных способах производства, об их *differences sociales*, мы не можем составить себе о них никакого понятия, раз мы знаем только общие им всем абстрактные категории товарного производства. (Капитал, т. I, стр. 84—85). См. также „Zur Kritik etc“ стр. 86—87 и н. изд. 1907 г. и „Theorien über den Mehrwert“, т. II, ч. II, стр. 256, 258 и мн. др. (п) изд. 1910 г. Впрочем, Маркс не первый понял ошибочность „упрощения“, произведенного Соси и К^о: он сам ссылается на Туган: „Money can always buy other commodities, whereas other commodities can not always buy money“ (Тооке, „An Inquiry into the Currency Principle“, 2 ed. London 1811, p. 10). „Der einzige Umstand, der Überproduktion in allen (Produktionszweigen. III. II.) gleichzeitig verhindern könnte, ist der Angabe nach, dass Ware gegen Ware sich austauscht, das heisst Zuflucht zu den vorausgesetzten Bedingungen des Tauschhandels. Aber diese Ausflucht ist gerade dadurch abgeschnitten, dass der Warenhandel nicht Tauschhandel ist, und daher der Verkäufer einer Ware nicht notwendig zu der seltenen Zeit der Käufer einer andern ist. Diese ganze Ausflucht beruht sich also darauf, von dem Geld zu abstrahieren, und davon zu abstrahieren, dass es sich nicht vom Produktentausch handelt, sondern von der Warenzirkulation, für die das Ausseinanderfallen von Kauf und Verkauf wesentlich“. („Theorien über den Mehrwert“, B. II, 2. T., S. 316).

Когда мы говорим о деньгах, как средстве обращения, мы имеем в виду товаровладельцев, вступающих в соприкосновение между собой лишь как представители имеющих уже налицо эквивалентов. В этом случае перемещение обоих полюсов формулы $T \cdots D$ происходит одновременно, или, короче, продавец при отчуждении товара немедленно получает эквивалентную сумму денег. «Но с развитием товарного обращения развиваются условия, при которых отчуждение товаров отделяется во времени от реализации их цены». («Капитал», т. II, стр. 107). Товар продается сегодня, а платеж наступает лишь через некоторое время—через неделю, месяц или год. Передвижение товара (и в смысле пространственном, и в смысле перемены собственника) происходит раньше, чем его ценность замещена деньгами, которые, вследствие разделения во времени продажи и платежа, приобретают функцию платежного средства. В этой своей функции деньги создают предпосылку для бесчисленного множества долговых обязательств. А может продать свой товар В и, не дожидаясь срока платежа, купить в кредит товар у третьего лица С, в надежде, что А ликвидирует свое обязательство своевременно. Но, это лишь схематическое представление того, что происходит в действительности. На деле все эти явления представляют неизмеримо более сложную картину. Кредитные связи опутывают сотнями тысяч тончайших, невидимых нитей все капиталистическое общество, и грандиозное кредитное здание с его векселями и банковыми билетами, с его акциями и облигациями, с его банками и биржами, превращается в могущественнейший рычаг развития буржуазного общества ¹⁾.

Хорошо, скажет читатель, пусть это так: Роза Люксембург действительно абстрагируется от функций денег, как платежного средства, и стало быть, и от кредита. Но,

¹⁾ Какое огромное значение Маркс придавал в теории накопления кредиту, видно, например, из следующих слов. «Вместе с капиталистическим производством развивается совершенно новая сила — кредит: вначале он потаскивается проклядывается, как скромный пособник накопления, посредством невидимых нитей стягивает в руки индивидуальных или ассоциированных капиталистов денежные средства, большими или меньшими массами рассеянные по поверхности общества; но вскоре он становится новым и страшным орудием в конкурентной борьбе и в конце концов превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов.» (Капитал, т. I, стр. 612.)

может быть, кредит лишь сопутствующий, второстепенный атрибут капиталистического способа производства, а вовсе не «имманентное» ему явление? Если верно первое, то мы в нашем абстрактном анализе развития экономики буржуазного мира можем не включать его в наше поле зрения и оперировать, так сказать, с «безкредитным» капитализмом, как это делается в изложенных нами рассуждениях Розы Люксембург. Если верно второе, то игнорирование денег, как платежного средства, такой же методологический грех, как и превращение капиталистического общества в общество натурального товарообмена.

Обратимся к рассмотрению этого вопроса. Предположим, что мы имеем дело с капиталистическим предприятием, которое поддерживает свое производство на одном и том же уровне (случай простого воспроизводства). Предположим далее, что время оборота этого капитала составляет 9 недель, период производства, совпадающий с рабочим периодом, — 6 недель и время обращения — 3 недели ¹⁾. Если капиталист должен затрачивать еженедельно на сырье, вспомогательные материалы (мы оставляем пока в стороне элементы основного капитала) и рабочую силу, скажем, по 1000 рублей, то ему для обеспечения непрерывности производства в течение первых шести недель, когда товар может быть выброшен на рынок, потребуется 6000 рублей. Производительный капитал, превращенный в товарный, переходит в сферу обращения, где его обратное превращение в денежный капитал произойдет лишь через три недели. На все это время он для процесса производства не существует. Отсюда следует, что наш капиталист для обеспечения непрерывности производства хотя бы в прежнем масштабе нуждается в добавочных 3000 рублей. Нетрудно видеть, что этот дополнительный капитал относится ко всему капиталу предпринимателя, как время обращения к времени оборота. В нашем случае это отношение составит 1 : 3. Но через три недели продукт первого рабочего периода будет продан, и капиталист будет иметь на руках 6000 рублей наличными деньгами. Между тем до конца второго рабочего периода потребуется всего

¹⁾ Я пользуюсь здесь, само собой разумеется, терминологией Маркса, см. т. XII-XV во II томе «Капитала».

только 3000 рублей, ибо в течение первой половины этого периода непрерывность производства была обеспечена дополнительным капиталом. Отсюда следует, что мы в капиталистической действительности имеем дело с высвобождением денежного капитала, как с постоянно повторяющимся процессом ¹⁾. Но это только один источник постоянного образования «сокровища». Основная часть постоянного капитала, как известно, переносит свою ценность на изготавливаемый товар лишь постепенно, нередко в течение нескольких десятилетий. Если ценность основного капитала составляет, скажем, 120.000 рублей, а продолжительность его «физического» существования 10 лет, то к капиталисту ежемесячно возвращается 1000 рублей, соответствующих обесценению его основного капитала. Но это вовсе не значит, что он фактически, материально должен быть восстанавливаем ежегодно в размере одной десятой. «Машина в течение второго года, быть может, лучше будет работать, чем в первом. И тем не менее она через 10 лет (у Маркса другое число)* окажется непригодной. Дело происходит таким же образом, как со скотиной, которая живет в среднем 10 лет, но которая тем не менее не стмирает ежегодно на одну десятую, хотя она по истечении 10 лет и должна быть заменена новым экземпляром». (Marx, «Theorien über den Mehrwert» В II, Т II. 1910, стр. 246—247). Таким образом, нашему капиталисту придется удерживать в денежной форме те суммы, которые притекают к нему в качестве возмещения основного капитала на протяжении десяти лет. И только по истечении этого периода он превратит их в вещественную форму основного капитала, — в машины, строения и проч. Таков второй источник постоянно высвобождающихся денег: «Способ возвращения основного капитала ведет к образованию сокровища, но вместе с тем и к периодической бездеятельности денежного капитала» ²⁾.

Разобранные нами явления отнюдь не случайны: они вытекают, как мы видели, из самой сущности капиталистического способа производства и, в этом смысле, обра-

¹⁾ См. следующие примеры у Маркса — «Капитал», т. II, стр. 239, и след.

²⁾ Гильфердинг, «Финансовый капитал», II. 1918, стр. 91.

зуют *de differentia specifica*, о которых говорит Маркс. «Образование сокровища—пишет Гильфердинг—может происходить уже при простом товарном обращении. Для этого необходимо, чтобы в процессе $T \cdots D \rightarrow T$ не совершалась вторая часть, именно $D \rightarrow T$, т. е. необходимо, чтобы продавец товара не выступал в качестве покупателя, а приберег бы деньги. Но при простом товарном обращении такое поведение является совершенно случайным и исключительным. Напротив, в обращении капитала образование сокровища становится необходимостью, вытекающей из самой природы процесса» (там же стр. 91, 92). Но бездеятельный денежный капитал не выполняет своей жизненной функции—он не приносит прибыли. А капиталист, который держит в своем сундуке неизбежно образующееся в процессе кругооборота денежное сокровище, представляет собой персонифицированное отрицание капиталистического предпринимателя; он не в меньшей мере «безумец» и «самоубийца», чем тот капиталист, который вздумал бы систематически прокучивать всю прибавочную ценность. Своеобразное противоречие между образованием сокровища и основным для капитализма мотивом—получением прибыли—разрешается кредитом, возможность которого дана функцией денег, как платёжного средства.

* * *

Именно абстрагирование от кредита привело Розу Люксембург к тому выводу, что реализация прибавочной ценности представляет собой в условиях чистого капитализма неразрешимую задачу. На самом деле, если капиталисты, потребляющие, скажем, половину своей прибавочной ценности, могут ассигновать для этой цели 1.000.000 рублей в неделю, а рабочие—общую сумму заработных плат, полученных ими за ту же неделю,—допустим тоже 1.000.000 рублей, то они вместе будут в состоянии покупать в неделю на 2.000.000 рублей. Эта сумма определит собою поглотительную способность рынка и сегодня, и через месяц, и через год. Для остального же миллиона рублей не поддающихся сбыту товаров придется обязательно искать внекапиталистической среды. Это будет иметь место, если мы своим чрезмерным усердием

по части абстрагирования вынем из капитализма всю его «душу». Но такое теоретическое «упрощение» методологически недопустимо. В действительности (хотя бы только в мыслимой чисто капиталистической «действительности») дело представляется несколько иначе. Ни одна фабрика, ведущая производство в крупном масштабе, не продает своих товаров непосредственным потребителям: последние пространственно в большей или меньшей степени отделены от места производства. Фабрика продает свои товары оптовику, последний — розничному торговцу. Это самый простой случай; на деле, цепь, которая тянется от производителя до потребителя, гораздо длиннее. Звенья этой цепи, нередко вплоть до самого последнего ¹⁾, связаны между собой кредитными отношениями. Кредит же дает оптовому торговцу и розничному продавцу возможность покупать большее количество товаров, чем это необходимо ему для удовлетворения спроса в течение дня или недели. Впрочем, ни тот ни другой даже не знает истинных размеров платежеспособного спроса, вообще, и суммы тех покупок, которые будут произведены у него, в частности. Этим самым дана возможность поглощения сферой обращения большей массы товаров, чем это требуется в данный момент наличным платежеспособным спросом конечных потребителей. А отсюда следует, что «процесс воспроизводства *по известным принципам* может совершаться в прежнем или даже расширенном масштабе, хотя выброшенные из него товары в действительности не перешли в сферу личного или производительного потребления». («Капитал», Т. II, стр. 50, курсивы мои. III. Д.). Сторонник теории Розы Люксембург не станет, конечно, отрицать

¹⁾ В своей первой статье, посвященной теории Р. Люксембург («Красн. Новь», за 1921 г., № 1) я попытался опровергнуть ее основной тезис, основанный на кредите рабочим. Мне указывали на абстрактность и нереальность моего допущения. И теперь не склонен утверждать, что именно в кредите рабочим кроется истинное спасение неспособного к накоплению «ничтожного» капитализма: мне нужно было показать только возможность накопления без наличности какой бы то ни было некапиталистической среды. Тем не менее я решительно утверждаю, что кредит рабочим вовсе не есть теоретическая фикция. Покупки и рассрочку предметов домашнего обихода, одежды, часов, велосипедов и т. д.) получили колоссальное распространение во всех капиталистических странах. По сведениям E. Schwieblanda посеместным (1) берлинского населения, главным образом рабочие и низшие служащие, удовлетворяют свои потребности путем покупок и рассрочки». Volkswirtschaftslehre, 2. Aufl. Wien. u. Berlin, 1920, S. 420.

такой возможности. Его возражение сведется к тому, что товары, не вошедшие в «сферу потребления», так в нее и не войдут; они останутся в сфере обращения, и их никак нельзя будет продать, по той простой причине, что платежеспособный спрос есть наперед данная величина, определяемая известной частью прибыли класса капиталистов и суммой заработных плат, получаемых рабочим классом. Но это возражение будет неверно, ибо самым фактом расширения производства за пределы его вчерашнего базиса дано уже расширение платежеспособного спроса. На самом деле. Что означает расширение производства? Оно означает, во-первых, покупку добавочного количества сырья (обычно даже установку новых машин) и, во-вторых, увеличение количества рабочих или, по крайней мере, введение сверхурочной работы. А если это так, то совокупная недельная заработная плата получает некоторое приращение, она превращается из V в $V + \Delta V$, или из 1.000.000 р. в 1.100.000, а эти добавочные 100,000 «вовлекают» в «сферу потребления» часть тех товаров, которые Р. Люксембург обрекла бы на вечное пребывание в сфере обращения или даже в ее воображаемой товарной куче. Но на-ряду с увеличением платежеспособного спроса рабочих мы имеем и расширение спроса на добавочные средства производства. Надо, однако, заметить, что оба эти процесса происходят вовсе не одновременно во всех отраслях капиталистического хозяйства: в каком-нибудь одном пункте дается толчок, и этого достаточно, чтобы волна расширения рынка распространилась по всей поверхности капиталистического моря.

В нашем примере мы приняли увеличение численности занятых рабочих равным 10%; таков же, при сохранении органического состава, равного отношению 4:1, будет и процент приращения постоянного капитала, который абсолютно в 4 раза больше добавочного переменного капитала. Весь функционирующий капитал общества после расширения производства возрастет с 5.000.000 рублей до 5.500.000. Но для столь значительного расширения, происшедшего, скажем, в год или в два, повторяю, нужен был сравнительно незначительный импульс. Предположим, что полотняная фабрика присоединяет к своему капиталу 5.000 рублей, из коих 1.000 руб. идет на заработную плату и 4.000 —

на средства производства: на пряжу, на добавочные ткацкие станки, на уголь и т. д. Прядильщики, которые поставляют ткацкой фабрике пряжу, со своей стороны предъявляют спрос на добавочное сырье, прядильные станки и т. д., и каждый из тех предпринимателей, к которым наш прядильщик предъявляет добавочный спрос, в свою очередь, предъявляют спрос на те дополнительные элементы постоянного капитала, без которых расширение их производств технически невозможно¹). Правда, добавочный спрос, исходящий от каждого последующего звена этой своеобразной цепи, будет меньше своего ближайшего виновника: мы будем иметь дело, так сказать, с затухающими или зампрающими волнами спроса, но в общей сложности они дадут гораздо большую величину.

Теоретически общее расширение спроса, вызванного небольшим импульсом, поддается даже математическому учету. Каков будет общий эффект, вызванный теми 4.000 рублей, которые определяют размер спроса фабриканта полотна на средства производства. Если мы предположим, что средняя норма прибыли такова, что она составляет 10% цены товара, то ближайшим контр-агентом нашего фабриканта (прядильщику, машиностроителю и прочим) придется купить средств производства и выплатить заработной платы на сумму, равную $9/10 \cdot 4000 = 3600$ рублей, которые в свою очередь потребуют от другой группы капиталистов покупки добавочных товаров (средств производства и рабочей силы) на $9/10 \cdot 3600 = 3240$ руб. и т. д. Предполагая, что полученный ряд чисел можно продолжить неограниченно, мы будем иметь перед собой сумму членов бесконечно убывающей геометрической прогрессии: $4000 + 4000 \cdot 9/10 + 4000 \cdot (9/10)^2 + 4000 (9/10)^3 + \dots$ ad infinitum. Сумма этого ряда, определяемая, как известно, частным от деления его первого члена на 1 минус знаменатель прогрессии, составит 40000²). Нетрудно видеть, что она будет тем больше, чем ниже средняя норма прибыли, т.-е. чем выше органический состав капитала и развитие капитализма в целом.

Но нам могут поставить тот же самый вопрос, который ставит себе Маркс в «Теориях прибавочной ценности»:

¹) См. *Marx. Theorien über den Mehrwert*, B. II. T. II. S. 244—245.

²) См. *Богданов и Степанов. „Курс политической экономии“*, т. II, вып. 4, стр. 104—105, а также ст. *А. Богданова* в журнале „История“, за 1916 г.

«Он (фабрикант полотна) должен превратить свои 4000 фунтов стерлингов в пряжу, ткацкие станки и т. д., т.-е. купить эти продукты. Но, чтобы купить их, они должны быть палицо. Так как мы предположим, что воспроизводство старого капитала имело место при старых условиях, то прядильщик израсходовал весь свой капитал, чтобы поставить то количество пряжи, которое год тому назад требовалось ткачами. Следовательно, как же он сможет удовлетворить увеличенный спрос увеличенным предложением? Точно так же обстоит дело с строителем машин, поставляющим ткацкие станки и т. д.»¹⁾. На первый взгляд кажется, что ткач должен будет ждать, пока прядильщик, машиностроитель и пр. не увеличат своего производства. Но эти последние тоже не будут в состоянии этого сделать, пока и их поставщики, со своей стороны, не расширят своих предприятий, и так без конца. На самом деле это, конечно, не так. Мы уже показали, что осажение ценности основного капитала происходит постепенно на протяжении довольно продолжительного периода, тогда как обратная его затрата—в случае простого воспроизводства—имеет место одновременно по истечении этого периода. Из кругооборота капитала высвобождается бездеятельный денежный капитал, который можно затрачивать на покупку добавочных средств производства и на наем добавочных рабочих. Следовательно, «там, где применяется много постоянного, а стало быть, и много основного капитала, та часть ценности продукта, которая возмещает снашивание основного капитала, обуславливает существование *фонда накопления*..., который может быть использован для вложения в новый основной (или также оборотный) капитал, без того, чтобы для этой части накопления имел место какой-нибудь вычет из прибавочной ценности» («Theorien», т. II, ч. II, стр. 247, курсив принадлежит Марксу). Вовсе не обязательно, однако, чтобы наш «фонд накопления» был использован именно для того предприятия, в котором он образовался: «*Кредит*, на котором мы здесь подробнее не останавливаемся, делает возможным то, что накопленный капитал вкладывается не в ту сферу, в которой он создан,

¹⁾ *Marx*. „Theorien über den Mehrwert“, В. II, Т. 2. S. 245. Эта взумительная книга до сих пор не переведена на русский язык.

но там, где применение его имеет наибольшие шансы. Однако каждый капиталист предпочтет вложить свое накопление в свое собственное предприятие. Если он вкладывает его в другое предприятие, то он становится денежным капиталистом и получает вместо прибыли процент (там же, стр. 249—250, курс. Маркса).

Мы, таким образом, видим, что от безнадежной попытки распродать без остатка в конце года всю товарную «кучу», сложенную на гигантском общественном складе, до хода реализации, протекающей в действительной жизни, — дистанция огромного размера: *в первом случае мы имеем неподвижный, во втором — возрастающий спрос*. Более того, наши рассуждения показывают, что даже в условиях «чистого» капитализма возможно одновременное расширение и платежеспособного спроса, и производства. По мнению Розы Люксембург, признание такого тезиса неизбежно приводит к построениям Сэя и его отдаленного потомка Туган-Барановского. По мнению Тальгеймера, это и есть то «лишнее», что было доказано русскими марксистами в их споре с народниками. Но, говоря о возможности одновременного расширения производства и рынка, мы тем самым отнюдь не утверждаем, что второй идет в ногу с первым. Сам Маркс, который как-никак стоял на точке зрения возможности накопления в условиях чистого капитализма, самым решительным образом возражал против подобного рода утверждений. Он подчеркивал, что рост платежеспособного спроса, в силу антагонистического характера распределения, имеет тенденцию отставать от производства и что эта тенденция в определенные моменты прорывается наружу с колоссальной силой¹⁾. «Если этот процесс (кругооборота капитальной ценности) расширяется, — что предполагает расширение производительного потребления средств производства, — *то такое воспроизводство капитала может сопровождаться расширенным личным потреблением (и, следовательно, спросом) на стороне рабочих*, потому что под-

1) «Daher nichts Sicherlicher als von Identität von Produzenten und Konsumenten zu sprechen» («Theorien», B. II, T. I, S. 296). «Also nichts abgeschmacktér... als die Behauptung, dass Konsumenten (Käufer) und Produzenten (Verkäufer) in der kapitalistischen Produktion identisch sind» (ibid., S. 297). «Der Markt erweitert sich langsamer als die Produktion... Hätte die Erweiterung des Marktes Schritt gehalten mit der Erweiterung der Produktion, so gäbe es keine Überfüllung des Marktes, keine Überproduktion» (ibid., S. 304—305).

готовкой и посредствующим звеном к этому процессу служит производительное потребление. Так может возра-
стать производство прибавочной ценности, а вместе с ним
и личное потребление капиталистов; весь процесс воспроиз-
водства может находиться в самом цветущем положении,—
и, однако, большая часть товаров может переходить в
сферу потребления лишь по видимости, в действительности
же она остается нераспроданной в руках перекупщиков,
следовательно, фактически все еще пребывает на рынке.
Но поток товаров следует за потоком, и, наконец, об-
наруживается, что прежний поток лишь по видимости по-
глощен потреблением. Товарные капиталы взаимно оспари-
вают друг у друга место на рынке. Явившиеся позже про-
дают по пониженной цене—только бы продать. Прежние
потоки еще не сбыты, как наступают сроки уплаты за
них. Владельцы их должны объявить себя несостоятель-
ными или же, чтобы произвести платежи, продавать по
какой-нибудь цене. Такая продажа не имеет никакого
отношения к действительному состоянию спроса. Она
определяется лишь *спросом на платежи* (курсив Маркса),
абсолютной необходимостью превратить товар в деньги.
Потом разразится кризис. Он проявляется не в непосред-
ственном уменьшении потребительского спроса—спроса
со стороны личного потребления, но в сокращении обмена
капитала на капитал, в сужении процесса воспроизводства
капитала»¹⁾.

Р. Люксембург утверждает, что признание возможности
одновременного расширения капиталистического производ-
ства и «чисто» капиталистического (или «внутреннего»,
по ее терминологии)²⁾ рынка либо делает совершенно
необъяснимыми кризисы, либо сводит причины последних
исключительно только к диспропорциональности между

¹⁾ Маркс. Капитал, ч. II, стр. 51. Курсивы, за исключением оговорен-
ного, мои. III. 2. В. Theorien über den Mehrwert, т. II, ч. II, стр. 394. Маркс пишет:
«In dem Wesen der kapitalistischen Produktion liegt also Produktion ohne Rück-
sicht auf die Schranken des Marktes».

²⁾ Р. Люксембург понимает внешний рынок чисто экономически; она не
связывает его с географическими границами. Капиталистическая промыш-
ленность Англии будет внутренним рынком для капиталистической промыш-
ленности Германии, но русское крестьянское хозяйство будет внешним
рынком для русской капиталистической промышленности.

отдельными отраслями хозяйства. Мы сказали, что автор «Накопления капитала» был бы прав в своих выводах, если бы все марксисты стояли на точке зрения Туган-Барановского. На самом деле этого, конечно, нет. Даже Вл. Ильин, которого Р. Люксембург обвиняла в грехах Тугана, безоговорочно признавал «противоречие между безграничным стремлением расширить производство и ограниченным потреблением» ¹⁾. И если теория рынка, принимаемая большинством марксистов, составляет базис для объяснения кризисов, то теория Люксембург закрывает все пути к решению вопроса о колебаниях конъюнктуры.

Как Маркс ставит вопрос о периодичности промышленных циклов? Здесь, конечно, не место останавливаться на теории конъюктур, и мы хотели бы подчеркнуть только самое основное. А это основное заключается в том, что Маркс выводил периодичность кризисов из «чистого» капитализма, отвлекаясь от всяких, так сказать, возмущающих влияний внекапиталистической среды. Основной капитал промышленности изнашивается постепенно, но восстанавливается сразу. Вследствие этого, возмещение и расширение основного капитала страны является исходным моментом для повышательной тенденции конъюнктуры. Спрос на вещественные элементы основного капитала, благодаря обрисованной нами выше цепной связи между всеми отраслями хозяйства, вызывает лавинообразное расширение производства, и легкое оживление по истечении известного времени превращается во всеобщий ажиотаж, который продолжается до тех пор, пока не обнаружится достигнутое фактически уже несколько раньше несоответствие между расширившимся предложением и недостаточно возросшим спросом. Эта точка зрения Маркса оспаривалась некоторыми авторами. Указывалось главным образом на то, что возобновление основного капитала происходит вовсе не одновременно, не то что во всем хозяйстве страны, но даже в отдельных отраслях и предприятиях. Маркс не упустил возможности такого рода возражения и совершенно справедливо указал, что кризис во всяком случае является исходным моментом для новых инвестиций. В период депрессии цены крайне низки,

¹⁾ Вл. Ильин. «Развитие капитализма в России». СПб. 1908, стр. 21.

промышленность работает с очень незначительной прибылью, а такие условия навязывают капиталистам улучшение технического оборудования, ибо только сокращение издержек производства позволяет им при низких ценах реализовать достаточную прибыль. В высшей степени характерно, что успехи техники, или, точнее, их применение в промышленности следуют *после* кризиса, а не наоборот. В исторической части своей известной книги Туган-Барановский приводит мнения «людей практики», фабрикантов и фабричных инспекторов, что все изобретения делаются или, во всяком случае, входят во всеобщее употребление, в годы застоя, когда прибыль низка и сбыт товаров затруднителен. Годы оживления, которые характеризуются высокими ценами и высокой прибылью, отличаются замедлением технического прогресса, ибо у предпринимателя при этих условиях ослабляется или даже совершенно пропадает стимул для улучшения оборудования (фактор, перманентно задерживавший всякий технический прогресс в нашей уральской промышленности первой половины XIX столетия). А если это так, то достаточно одного начального кризиса для того, чтобы дальнейшая жизнь промышленности неизбежно развивалась циклами, сменами подъемов и падений. Наиболее отчетливо формулировка этой теории дана Марксом в следующих словах: «В этом охватывающем целый ряд лет цикле взаимно связанных между собой оборотов, к которым капитал прикреплен своей основной составной частью, *дана материальная основа периодических кризисов*, при чем предприятия последовательно переживают периоды ослабления, средней деятельности, стремительного размаха, кризиса. Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее, *кризис всегда является исходным пунктом для крупных новых вложений капитала*; следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества, он в большей или меньшей степени дает новую материальную основу для следующего цикла оборотов» ¹⁾. Маркс, конечно, не мог отрицать и не отрицал, что расширение «внешнего поля деятельности капитала» в состоянии усилить повышательную тенденцию

¹⁾ Карл Маркс. „Капитал“, ч II, стр. 163. Курсивы мои. III. Д.

и содействовать наступлению ажиотажа, грондерства и т. д. ¹⁾), но он нигде не делал попытки объяснить периодичность кризисов открытием внешних рынков. Повторяю: он вывел эту периодичность из явлений, имманентных «чистому» капитализму.

Р. Люксембург, правда, не занималась теорией промышленных циклов: она в своем анализе всюду «отвлекалась от кризисов и смены конъюнктур», предполагая, что «средняя величина представляет собой не только теоретическую, идеальную величину, но и реальный объективный факт». Для известных целей такое абстрагирование не включает в себе ничего незаконного с методологической точки зрения. Но суть дела не в этом, а в том, что признание основного тезиса Р. Люксембург логически неизбежно приводит к отрицанию всякой закономерности в колебании конъюнктур. На самом деле, пусть дан кризис. Заработная плата низка, прибыли капиталистов — тоже. Больше некоторой данной наперед суммы они купить не могут. Подъем поэтому возможен только на основе «обмена веществ» с новым *некапиталистическим* рынком. Спасение только в нем, и только он может создать условия для высокой конъюнктуры. Но если это так, — а по теории Р. Люксембург выходит именно так, — то для периодического чередования циклов требуется периодическое же вовлечение в сферу влияния «чистого» капитализма, новых некапиталистических рынков. Джевонс сделал попытку объяснить интересующее нас явление периодическим появлением пятен на солнце. Его попытка, как известно, не увенчалась успехом, но факт тот, что он, для объяснения периодических явлений, искал периодически же повторяющихся причин. Исследователь, который безоговорочно принимает «Накопление капитала», должен был бы в своей теории промышленных циклов исходить из спорадических, по сути дела, *случайных* явлений. Болсс того, если бы он был последователен до конца, он должен был бы прийти к тому выводу, что никакой периодичности кризисов быть не должно.

Роза Люксембург и ее сторонники решительно заявляют, что отрицание основных положений «Накопления

¹⁾ См. 4-томный „Briefwechsel“ Маркса и Энгельса. Соответствующие места нетрудно найти по предметному указателю, приложенному к IV тому

капитала» приводит к тому, что империализм лишь факт, а не историческая необходимость. Стремительность в погоне за отдаленнейшими рынками сбыта и вывозом капитала, т.-е. наиболее яркие явления современного империализма, становятся загадкой. «В самом деле, зачем же весь этот шум? К чему завоевание колоний, война из-за опиума в 40-х и 60-х годах и к чему, наконец, современная драка из-за болот Конго и месопотамских пустынь? Весь капитал может остаться у себя дома и добросовестно питаться» («Антикритика», стр. 35). Обратимся к экспорту товаров. Масса прибыли зависит от двух факторов: от количества товаров и от прибыли на единицу товара. Но прибыль на единицу товара под влиянием понижения цен, вызываемого техническим прогрессом, понижается. Отсюда закон массового производства и стремление сохранить или даже повысить массу прибыли за счет увеличения первого фактора—количества товаров. Подходя чисто «логически» к этому закону, тов. Бухарин пишет, что его «не нужно, однако, понимать в том смысле, что выход за пределы «национально»-государственных границ есть какая-то абсолютная необходимость; эта необходимость создается в процессе образования прибыли, и величина прибыли служит регулирующим принципом этого движения» ¹⁾. И далее: «не невозможность деятельности внутри страны, а погоня за более высокой нормой прибыли, — вот что является движущей силой мирового капитализма. Даже современное «капиталистическое полнокровие» не является абсолютной границей. Более низкая норма прибыли гонит товары и капиталы все дальше от их «родины». Но этот процесс происходит одновременно в различных частях мирового хозяйства. Капиталисты различных «национальных хозяйств» сталкиваются здесь, как конкуренты, и чем сильнее рост производительных сил мирового капитализма, тем интенсивнее рост внешней торговли, тем обостреннее конкурентная борьба. И как раз последние десятилетия принесли с собой такие количественные изменения в этой области, что они приняли уже качественно иную формулировку (там же, стр. 51. Курс. Бухарина). Точно так же обстоит дело с экспортом капитала. Чем вызывается этот экспорт? Мы

¹⁾ Н. Бухарин. „Мировое хозяйство и империализм“, СПб. 1922, стр. 49. Последний курсив принадлежит Бухарину.

утверждаем, что *амирирующий капитал* мог бы найти себе приложение в лоне «чистого» капитализма. Значит, — скажет, например, тов. Тальгеймер, — это «яркое явление» современного империализма есть не более, как случайность. Ничуть не бывало. Для капитализма существует, как нечто императивное, не только стремление к прибыли, но и стремление к *максимальной* прибыли, и нет никаких преград, которые могли бы остановить его в этой необузданно-дикой жажде барыша. Дополнительное вложение капитала внутри капиталистической страны, абстрактно говоря, вполне возможно. Но оно, в виду усиления конкуренции, понижает норму прибыли, которая и без того низка в странах старого капитализма. Иное дело — колониальные или молодые капиталистические страны, показывающие индустриальным государствам картину их собственного прошлого. Тут норма прибыли стоит на таком высоком уровне, который давным-давно отошел в прошлое для «маститого» национального капитализма. Для капитала открывается, таким образом, русло наибольшей прибыли, и он по этому руслу устремляется. Здесь происходит такое же «неизбежное» явление, как с жидкостью, налитой в сообщающиеся сосуды или как с двумя соединенными друг с другом электрическими зарядами разных потенциалов ¹⁾. Почему «количественные изменения» и в этой области получают в определенную историческую эпоху «качественно иную формулировку», — на этот вопрос также можно найти ответ, который опирается вовсе не на краеугольный тезис Р. Люксембург, а на специфический характер новейшего капитализма (См. цит. книжку Бухарина, гл. VIII).

Такова, по нашему мнению, марксистская, исторически-диалектическая постановка вопроса. Подавляющее большинство русских марксистов признает, что капиталист

¹⁾ «Если капитал посылается за границу, то это происходит не потому, чтобы он *абсолютно* не мог найти применения внутри страны. Это происходит потому, что *за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли*» («Капитал», т. III, стр. 237—238. Курс. мой). Впрочем, это признается и такими архи-буржуазными экономистами, как сорудники «Deutsche Allgemeine Zeitung» (и № от 18/XI. 21): «Es ist für Amerika nicht ratsam das überschüssige Kapital im Lande selbst arbeiten zu lassen; hierdurch würde die Zinsrate gedrückt, und es würden auch noch andere unerwünschte Folgen zutage treten. Es bleibt daher als Ausweg die Verwendung im Ausland». Цитировано по Dr. M. Nachmann: «Die Weltwirtschaft vor und nach dem Kriege», B. I. Berlin 1922).

последней формации с его обезличенным капиталом, с его картелями, синдикатами и трестами, охватывающими нередко целые отрасли промышленности, со свойственным ему «сращиванием» промышленного капитала с банковым, которое создает своего рода единый хозяйственно-оперативный штаб, неизбежно влечет за собой адекватную ему империалистическую политику, — политику железа и крови, грабежа и насилия. Теория, развитая Тальгеймером на IV конгрессе Коминтерна, превращает империализм в явление, сопровождающее капиталистическое хозяйство на всем историческом пути его развития, начиная с эпохи первоначального накопления. Да и самый этот «империализм» есть по сути дела даже не модернизированное первоначальное накопление. Конечно, вольно каждому говорить об «империализме» восточных деспотий и древнего Рима; более того, можно рассуждать о пчелиных и муравьиных «империализмах». Но это будет свидетельствовать либо о злоупотреблении терминологией, либо о полной неисторичности соответствующих рассуждений.

«Если быть последовательным, — говорил на Конгрессе тов. Тальгеймер, — то отклонение «Накопления капитала» приводит не к борьбе за уничтожение капитализма, а к борьбе с империализмом, как с таковым», и он привел ряд пошло оппортунистических цитат из писаний германских социал-демократов, в том числе и Гильфердинга. Однако, цитаты эти (особенно выдержка из одной новейшей статьи Р. Гильфердинга) свидетельствуют вовсе не о том, что они построили свою тактику, логически базируясь на ложной теории. Дело объясняется гораздо проще: когда эти бывшие люди очутились лицом к лицу с призраком рабочей революции, они, перепугавшись, переменили старую тактику, действительно вытекавшую из старой теории Гильфердинга, и к новой тактике приспособили новую, не менее гнусную, чисто апологетическую теорию.

Для научного анализа вообще недопустимо расценивать ту или другую теорию с точки зрения желательности для интересов рабочего класса и социализма тех выводов, к которым соответствующая теория приходит. Но, даже принимая это положение, я утверждаю, что теория империализма, разделяемая руководителями нашей коммунистической партии (Лениным, Бухариным и Каменевым и др.)

при самом последовательном ее претворении в тактику приводит не к оппортунизму, а к самой революционной тактике и стратегии. Т. Тальгеймер думает иначе. Он полагает, что революционная активность русских коммунистов есть продукт теоретической непоследовательности. Мы уже подчеркнули, что можно признавать факт накопления в условиях «чистого» капитализма и, тем не менее, считать империализм исторически-неизбежным явлением. Так в чем же дело? Нам говорят, что мы не ставим «никаких границ *экономическому* развитию капитализма» (подчеркнуто Р. Люксембург, см. «Антикритика», стр. 34) и тем самым «выбиваем одну из основных марксовых опор социализма». Но так ли это на самом деле? Действительно, мы отрицаем процесс экономического самопожирания капитализма и отклоняем всякие представления об *автоматически-механическом* приближении капитализма к естественному концу. Начало конца того или другого способа производства, той или другой общественной формации наступает тогда, когда рост производительных сил вступает в противоречие с наличной системой производственных отношений. На определенном историческом этапе рост производительных сил вступил в конфликт с феодально-цеховыми производственными отношениями, и они были разрушены исторически восходящим классом. Но почему же, спросят нас, отрицающих экономическую концепцию Р. Люксембург, — почему структура новейшего капитализма стала тормозом для развития производительных сил? Монополистический капитализм ограничивает производство. «Контингентирование» производства становится повседневным явлением. Частно-капиталистические монополии покупают богатейшие участки земли и не разрабатывают их недр только для того, чтобы не давать outsiders'ам расширить производство и тем самым усилить конкуренцию. Что все это означает? Это означает, что новейшая система производственных отношений капиталистического общества становится тесной для производительных сил. А техника? Монополистический капитализм препятствует техническому прогрессу, вызывая в этой области застой и загнивание. Электрификация, — этот величайший технический переворот, который мог бы поднять «материальное производство» до недостижимых высот, —

становится неосуществимой в условиях капиталистической собственности. Это признаем не только мы: это признают и многие более или менее дальновидные представители из среды буржуазных инженеров. Разве этих фактов (не случайных, а необходимых) недостаточно для того, чтобы заполнить конкретным содержанием приведенную общую социологическую формулу Маркса? А так называемый «субъективный фактор» революции, крайнее обострение классовых противоречий, рост самосознания рабочего класса — разве отклонение теории накопления Р. Люксембург заставляет нас все это выкинуть за борт? В таком случае, причем тут «увечование капитализма» или «непоследовательность русских коммунистов»? Единственно возможный ответ со стороны Тальгеймера на этот вопрос таков: вы исходите из *социологического* анализа, тогда как нужно дать *механическое* доказательство постепенного самоуничтожения капитализма. Но марксист, конечно, не может предъявлять такого рода требований, ибо механическое понимание общественных явлений ему совершенно чуждо.

III. Дволацкий.

Закон тенденции нормы процента к понижению.

I.

Пятый отдел 3-го тома «Капитала», посвященный анализу капитала, приносящего проценты, и исследованию проблем теории кредита, является одной из наименее разработанных частей «Капитала». Энгельс рассказывает в предисловии к 3-му тому, что при разработке этого отдела Маркса застиг тяжкий приступ болезни и, вследствие этого, отдел этот представляет в рукописи «лишь самое начало работы, которое неоднократно сводится к неупорядоченной куче записей, заметок, материалов в форме выписок». В упорядоченном Энгельсом виде отдел состоит в значительной части из различных цитат, сопровождаемых краткими замечаниями Маркса; другая же часть, хотя и имеет более систематический характер,—тоже представляет необработанный черновой набросок. Несмотря, однако, на отсутствие в отделе связанной и всеобъемлющей теории кредита,—отдельные ее элементы даны в нем в более или менее разработанном виде. Даже по неразработанным вопросам имеется масса ценных замечаний, намечающих путь их решения и разработки. Более того, отдел этот заключает в себе многочисленные мысли о тенденциях развития банков и кредита, гениально предвидящих такие явления, которые развиться лишь через несколько десятилетий.

Задачу разработки теории кредита и освещения явлений новейшего капитализма попытался, как известно, выполнить Гильфердинг в своем «Финансовом капитале». Задача эта удалась ему лишь в общем и целом. Этого было, однако, достаточно, чтобы книга его была провозглашена «естественным продолжением» «Капитала» Маркса.

Между тем, Гильфердинг в этой книге не удовлетворился дальнейшим развитием и дополнением «Капитала» Маркса, но попытался в целом ряде вопросов «исправить» Маркса. Эти «поправки» не встретили достаточно критического отношения со стороны марксистских теоретиков. Широкая же марксистская публика, склонная к доверчивому отношению к марксистам, отнеслась к «поправкам» еще менее критически. Эта доверчивость усиливается тем обстоятельством, что Гильфердинг облакает свои «поправки» в марксистскую фразеологию и, притом, формулирует их как бы мимоходом.

Широкое распространение «Финансового» Капитала и признание его «продолжением» «Капитала» Маркса—делают особенно необходимым основательную критику всех «поправок» Гильфердинга. Это тем более необходимо, что они далеко не столь малозначительны и безвредны, как это может показаться. В своей рецензии на книгу Гильфердинга (*K. Kautsky. Finanzkapital und Krisen. Neue Zeit, XXIX. I. S. 771*) Каутский ограничился, например, лишь краткой критикой теории денег Гильфердинга, указав, что более подробный разбор он считает излишним, ибо на дальнейшие исследования автора она не оказала никакого влияния. Но вскоре Гильфердинг в новой статье (*R. Hilferding. Geld und Ware. Neue Zeit, März. 1912. S. 773*) применил свою теорию денег для решения актуальнейшей проблемы того времени—проблемы дораговизны. Каутский убедился, что «поправка» не столь безобидна и поспешил подвергнуть теорию денег Гильфердинга тщательному разбору (*K. Kautsky. Geld, Papier und Ware. Neue Zeit, März 1912, S. 837*¹⁾).

Если «поправка» Гильфердинга по теории денег подверглась все же в конечном результате разбору и критике, то поправка его к теории процента Маркса,—его возражения по вопросу тенденции нормы процента к понижению—не вызвали обстоятельной критики со стороны марксистских теоретиков. Между тем, эта «поправка» Гильфердинга в не меньшей мере противоречит как объек-

¹⁾ Статья эта представляет собой прекрасный разбор теории денег Гильфердинга и призывает также свести на проблему ценностного измерения при современном бумажно-денежном обращении. Она переведена нами на русский язык и напечатана в журнале «Под знаменем марксизма» за 1922 г. № 11—12.

тивным процессам и фактам, так и идеям, развитым Марксом в 3-м томе «Капитала».

В V отделе Маркс дает обстоятельный анализ сущности процента, его отношения к прибыли и тенденций его развития. Маркс определяет зависимость денежного рынка, а значит и процента, от торгово-промышленной конъюнктуры и развития товарного и банкового кредита, от состояния торгового и платежного баланса и вексельного курса, от количества средств обращения, от уровня нормы прибыли, от уровня товарных цен и т. д.

В процессе исследования этих вопросов Маркс устанавливает закон тенденции нормы процента к понижению. Эта тенденция вытекает, по Марксу, из тройкого рода обстоятельств: 1) роста класса рантье с развитием капитализма; 2) развития системы кредита и прогрессирующей концентрации банками всех свободных средств; 3) тенденции нормы прибыли к понижению. Все эти факторы влияют на соотношение спроса и предложения ссудных капиталов. Гильфердинг оспаривает, однако, верность этого закона.

Закон тенденции нормы процента к понижению Гильфердинг считает «догмой». По его мнению, ни теоретические соображения, ни эмпирический материал не обнаруживают тенденции к «постоянному» и «неизменному» понижению размеров процента. Теоретические возражения Гильфердинга поразительно бедны. Приведем формулировку их полностью.

Первое возражение:

«Тенденция к понижению уровня процента предполагала бы, что отношение наличного золотого запаса к спросу на ссудный капитал становится все благоприятнее или, иначе, что золотой запас возрастает быстрее, чем спрос на ссудный капитал. В действительности, если сравнивать между собою развитые капиталистические страны, то невозможно будет констатировать такую тенденцию к постоянному понижению размеров процента. Этой тенденции невозможно постулировать и теоретически: ведь одновременно с возрастанием золотого запаса и минимумом обращения возрастает и та сумма золота, которая в эпохи высокой конъюнктуры дополнительно поглощается обращением». («Фин. капитал», русск. изд. 1918 г. стр. 137).

Второе возражение:

«Понижение нормы прибыли только в том случае знаменовало бы понижение уровня процента, если бы процент составлял какую-либо устойчивую долю прибыли, чего нет в действительности. Понижение нормы имеет, самое большее, то значение, что понижается теоретически возможный максимальный предел процента, именно вся прибыль... Уровень процента не определяется каким-либо образом нормою прибыли, а зависит от большего или меньшего спроса на денежный капитал, обусловливаемого ускоренным или замедленным темпом развития, интенсивностью и продолжительностью периодов процветания». (Там же, стр. 138).

Эти теоретические соображения Гильфердинг пытается подтвердить анализом таблицы среднего учетного процента в четырех главных европейских банках с 1852 до 1907 г. Отложим, однако, пока рассмотрение этой таблицы и попробуем разобраться в вопросах теоретических.

2.

Прежде всего, необходимо выяснить, в чем может реально проявиться понижение процента и как можно его обнаружить. Все рассуждения Гильфердинга свидетельствуют о том, что понижение уровня процента он понимает отчасти в смысле понижения верхнего предела колебаний процента. В первом цитированном нами возражении он указывает, что в эпоху высокой конъюнктуры золотой запас сокращается,—желая этим сказать, что в такие эпохи процент будет всегда сильно повышаться. Если б даже это было верно, то это равно ничего не доказывало бы, так как речь идет не об уровне процента в тот или иной отдельный период промышленного цикла. Когда говорят о тенденции нормы процента к понижению, то речь идет о тенденции развития среднего уровня процента. «Чтобы найти среднюю норму процента,—говорит Маркс,—необходимо высчитать средний размер процента из его изменений во время крупных промышленных циклов. (т. III, ч. I-я, изд. 1922 г., стр. 347, курсив наш). Таким образом, резкие колебания вверх и вниз сами по себе еще ничего не доказывают. Наоборот, Маркс в V-м разделе обстоятельно выясняет неизбежность изменений уровня про-

цента в зависимости от периодов конъюнктуры. В период зстоя процент падает чрезвычайно низко: в период возрастающего оживления и расцвета процент растет; в период предшествующий кризису, и в период кризиса он высок, превышая часто в момент кризиса даже уровень прибыли ¹⁾. И, тем не менее, средний уровень за время крупного промышленного цикла может понизиться, если в течение этого цикла уровень процента был близок к низшему пределу или среднему уровню колебаний более продолжительное время, чем в предыдущем цикле, или если низший предел колебаний понизился по сравнению с предыдущим циклом.

В первом цитированном нами возражении и в рассуждениях, предшествующих ему в тексте, Гильфердинг говорит не об отношении спроса на ссудные капиталы к предложению таковых, а об отношении спроса к золотому запасу, т.е. к средствам обращения. Он исходит при этом из следующего утверждения Маркса: «Изменения размера процента... зависят от предложения ссудного капитала (предполагая равными все прочие обстоятельства, как, наприм., прочность кредита и т. п.), т.е. капитала, который ссужается в форме денег, металлических денег или банкнот, в отличие от промышленного капитала, который, как таковой, в товарной форме, ссужается при помощи торгового кредита в среде самих агентов воспроизводства» («Капитал», т. III, ч. II, стр. 37, изд. 1908 г.). Следует ли, однако, в этой цитате усматривать зависимость предложения ссудных капиталов от количества средств обращения? Бесспорно нет! Маркс выражает здесь лишь ту мысль, что торговый (оборотный—по Гильфердингу) кредит при его нормальном состоянии и развитии (в этом смысл указания, что предполагается прочность кредита; для Маркса не менее ясно, чем для Гильфердинга, что всякое нарушение торгового кредита увеличивает потребность в банковом (капитальном—по Гильфердингу)—кредите), не влияет на уровень процента, что уровень последнего зависит от соотношения спроса и предложения ссудных капиталов сверх оборотного кредита.

¹⁾ Вместе с тем, однако, тенденция понижения верхнего предела колебаний процента является бесспорной.

Установление же Гильфердингом тесной зависимости между предложением ссудных капиталов и количеством средств обращения и платежа, не выдерживает критики. «Масса этого ссужаемого капитала», — говорит Маркс, — «отлична и независима от массы обращающихся денег... Простая возможность образования крупных вкладов при сравнительно небольшом количестве средств обращения зависит исключительно от: 1) числа покупок и платежей, совершаемых при помощи одного и того же денежного знака; 2) числа его обратных возвращений в банк в качестве вклада, при чем его повторная функция платежного и покупательного средства осуществляется при посредстве возобновленного превращения в банковый вклад» (т. III, ч. 2-я, стр. 38, изд. 1908 г.). Таким образом, между предложением ссудных капиталов и количеством средств обращения нет той тесной зависимости, которую пытается установить Гильфердинг. Деньги являются лишь орудием кредита, средством переноса капиталов из рук владельцев в руки заемщиков. Небольшая сумма денег может обслужить большое количество таких переходов капиталов, если быстрота обращения денег как платежного и покупательного средства велика. Вместе с тем, параллельно росту товарного обращения, растет ведь и золотой запас и количество средства обращения. Кроме того, развитие чекового обращения и совершенствование расчетных аппаратов сокращает потребность в деньгах, а значит — зависимость от величины золотого запаса и количества банкнот.

Гильфердинг указывает, что в эпохи высокой конъюнктуры обращением поглощается дополнительная сумма золота и тот остаток золотого запаса, который может быть основанием для ссуд, уменьшается, а это гонит процент вверх. Но совершенно очевидно, что в эпоху высокой конъюнктуры сказывается не недостаток в средствах обращения, а недостаток в ссудных капиталах; последний лишь внешне проявляется в недостатке платежных и покупательных средств. Не приходится, конечно, отрицать, что в эпохи высокой конъюнктуры и особенно кризисов процент, под влиянием роста спроса на капитал, — повышается и достигает неизменно значительной высоты. Однако это обстоятельство не является доказательством

неверности закона тенденции нормы процента к понижению, ибо, как мы уже указали, речь идет не об отдельном периоде, а о среднем уровне за время крупного промышленного цикла. Зависимость процента от количества средств обращения имела там, где существовали ошибочные ограничения и стеснения выпуска банкнот. Действительно, Гильфердинг иллюстрирует свои соображения примерами денежного обращения Англии и Америки, где такие стеснения имели место. Но в Англии акт Роберта Пиля 1844, искусственно стесняющий выпуск банкнот, непокрытых металлом, суммою в 18 $\frac{1}{2}$ мил. ф. ст. фактически обезврежен двумя обстоятельствами. С одной стороны, в периоды острого денежного кризиса он обычно отменяется; так было во время кризисов 1847, 1857, 1866 гг. С другой стороны, неудобства этой стеснительной эмиссионной политики в значительной степени устранены сильным развитием в Англии чекового обращения и созданием совершенного расчетного аппарата. Во время же последней войны Англия нашла выход в том, что, не меняя правил выпуска банком банкнот, разрешила казначейству выпустить дополнительно бумажные деньги. Что же касается Америки, то осуществленная там в 1914 г. реформа денежного обращения устранила ошибочные стеснения денежного обращения, обострившие денежный кризис в 1907 г.

О зависимости процента от количества средств обращения может также идти речь в случаях отлива золота за границу в зависимости от состояния платежного баланса и вексельного курса; в таких случаях процент повышается. Однако такие явления характерны лишь для отдельных периодов и моментов и в объеме крупного промышленного цикла они редко оказывают решающее влияние на средний уровень процента. С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что часто отлив золота является следствием экспорта капиталов, так что и здесь дело не только в уменьшении количества средств обращения, но и в сокращении предложения ссудных капиталов. Таким образом, нет оснований устанавливать постоянную и тесную зависимость предложения капиталов от золотого запаса, от количества средств обращения. В большую часть периодов соотношение спроса и предложения ссудных капиталов

устанавливается независимо от величины золотого запаса. Можно и должно, поэтому, говорить об отношении спроса на ссудные капиталы к предложению таковых, вне зависимости от количества средств обращения.

3.

Для установления тенденции движения нормы процента необходимо прежде всего выяснить тенденции развития соотношения спроса и предложения ссудных капиталов.

Маркс устанавливает, что колоссальное расширение процесса воспроизводства само создает увеличенное предложение ссудных капиталов. «Разве это колоссальное увеличение производства не представляло собой самого увеличения капитала, и разве, создавая спрос, оно, вместе с тем, не создавало и предложения и даже увеличенного предложения ссудного капитала?» (т. III, ч. I, стр. 409, изд. 1922 г.). Это увеличение ссудных капиталов развивается в двух направлениях.

С одной стороны, вместе с ростом промышленного капитала растет и торговый (оборотный—по Гильфердингу) кредит, т.-е. кредит, который производители оказывают друг другу. Этот кредит представляет собою кредит до завершения процесса обращения и заменяет для капиталистов добавочный капитал, который был бы им необходим на период обращения. Пока процесс производства совершается плавно, и производимые товары реализуются в пределах нормального срока обращения, все промышленники и торговцы могут без опасений осуществлять такую систему взаимного кредита. Представителем таких кредитных сделок является вексель; роль банков заключается в том, что они заменяют обращение векселей обращением банкнот или чеков. Увеличение векселей является основанием для увеличения количества банкнот или обращающихся чеков. Рост торгового (оборотного) кредита увеличивает в одинаковом объеме абсолютную величину спроса и предложения денежного капитала, не меняя их соотношения. Поэтому, рост этого кредита может не влиять на уровень процента. «Пока процесс воспроизводства протекает регулярно, а потому обратный приток капитала яв-

ляется обеспеченным, этот кредит стоит прочно и расширяется, при чем расширение его опирается на расширение самого процесса воспроизводства» («Капитал», т. III, ч. II, стр. 20, изд. 1908 г.). Таким образом часть растущего спроса на ссудные капиталы находит свое удовлетворение в системе оборотного кредита, без помощи дополнительных денежных капиталов. Лишь при нарушении плавности воспроизводства, при появлении диспропорциональности начинаются перерывы в системе оборотного кредита и нарождается потребность в соответственном размере в дополнительных капиталах¹⁾.

С другой стороны, одновременно с расширением производства увеличивается приток средств на денежный рынок из таких источников, которые питаются тем же расширением производства. Сюда относятся прежде всего суммы прибавочной стоимости, прибыли, оседающие на определенный период в виде денег, пока они не достигнут величины, достаточной для производительного применения. С ростом промышленного капитала растут и эти суммы; увеличение же размеров предприятий, размеров основного капитала, увеличивает размер минимальной величины, при которой капитал может найти производительное применение и приводит, вследствие этого, к более продолжительному нахождению этих средств в виде денежного капитала. Затем, увеличение размеров основного капитала увеличивает абсолютную величину сумм, оседающих после каждого периода оборота для возмещения изношенной части стоимости основного капитала и продолжительность их нахождения в виде денежного капитала. Далее, рост той части прибыли, которая тратится капиталистами как доход, выражается в периодически повторяющемся и расширяющемся накоплении, поскольку капиталисты держат эти средства в банках. Увеличивается также масса капиталов, образующихся во многих предприятиях периодически в зависимости от смен сезонов. Наконец, увеличиваются и суммы денег, находящиеся постоянно на

¹⁾ Теория торгового и банкового кредита, развитая Марксом в V томе («Капитал», часть II, стр. 16—23, изд. 1908 г.), имеет огромное значение для понимания явлений денежного рынка. Гизфердинг заменяет названия «торговый» и «банковский» названием «оборотный» и «капитальный». Размеры статьи не позволяют нам остановиться на некоторых спорных вопросах, связанных с теорией торгового кредита.

текущих счетах, как текущая кассовая наличность. Таким образом, мы видим, что если расширение производства увеличивает спрос на ссудные капиталы, то оно же увеличивает и их предложение.

Если же учесть, кроме того, влияние на денежный рынок прогрессирующего увеличения класса рантье и величины их капиталов, а также влияние совершенствования кредитного аппарата и концентрации им всех свободных средств, то станет очевидным, что в общем и целом (но, конечно, не в отдельные периоды промышленного цикла) предложение капиталов растет быстрее спроса на них. Маркс приводит цитату из Рамсея, выясняющую влияние роста класса рантье на денежный рынок. «По мере того как известный народ прогрессирует в развитии богатства, возникает и все более растет класс людей, которые, благодаря работе своих предков, владеют фондами, достаточными для того, чтобы жить только на получаемые с них проценты. Есть много и таких лиц, которые, принимая активное участие в предприятии, в своей молодости и зрелом возрасте, уходят из него, чтобы в старости спокойно жить на проценты с накопленных сумм. Оба эти класса обнаруживают тенденцию увеличиваться с возрастанием богатства страны; так как те, кто начинает уже с капиталом среднего размера, легче достигают независимого положения, чем те, кто начинает с маленьким капиталом. Поэтому в старых и богатых странах отношение той части национального капитала, собственники которой не хотят применять его сами, ко всему производительному капиталу общества выше, чем то же отношение во вновь культивируемых и бедных странах... В том же отношении, в каком растет класс рантье, растет и класс ссужающих капиталы, ибо оба суть одно и то же» (т. III, ч. 2, стр. 346 изд. 1922 г.). Этот процесс усиливается с развитием монополий и акционерных предприятий. Применять свой капитал самостоятельно в производстве делается возможным лишь для собственников крупных капиталов.

На-ряду с ростом единоличных рантье растут и учреждения — рантье и их капиталы, применяемые в качестве ссудных. Сюда относятся капиталы церквей, монастырей, благотворительных и научных учреждений.

Не меньшее значение имеет и усовершенствование кредитного аппарата. Пока кредитный аппарат недостаточно разветвлен и недостаточно проникает во все уголки страны, пока он не пользуется достаточным доверием среди населения, и не связан в должной мере с промышленностью и торговлей, до тех пор он не концентрирует всех свободных денежных капиталов и поэтому предложение их на организованном денежном рынке отстает от спроса. Но по мере того как кредитный аппарат проникает во все углы страны, связывается с промышленностью и торговлей, и с широкими кругами населения, — он концентрирует все более и более все свободные капиталы, сбережения, средства и увеличивает таким путем предложение ссудных капиталов. Огромное значение имеет также степень связи между частями кредитного аппарата, степень его централизации. Если между отдельными банками или отдельными районами нет надлежащей связи, то свободные средства страны используются нерационально. В то время как в одних банках или районах могут быть свободные капиталы, другие могут испытывать в них нужду. Это имеет место как в виду различий в сезонах, так и в результате различий в периодах оборота. Надлежащая связь между частями кредитного аппарата приводит к переброске свободных капиталов и средств из одних районов и отраслей в другие, что равносильно увеличению предложения капиталов. «Накопление ссудного капитала может быть достигнуто без всякого действительного накопления, при помощи чисто технических средств, каковы расширение и концентрация банковского дела, сбережение оборотного резерва, а также резервного фонда, принадлежащих частным лицам платежных средств»... («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 33).

Таким образом, совокупность явлений, возникающих с развитием капитализма, создает тенденцию более быстрого роста предложения ссудных капиталов, нежели спроса на них, — тенденцию нормы процента к понижению.

Огромный рост собственных капиталов и депозитов банков за последние десятилетия является подтверждением теоретических рассуждений и утверждений. Если сравнить балансы германских коммерческих банков с акционерным капиталом не менее миллиона марок за период 1886 —

1912 г.г., то окажется, что число таких банков возросло на 220⁰/₀, их собственные капиталы—на 445,7⁰/₀, чужие средства—на 849⁰/₀, депозиты—на 1710,3⁰/₀. Во Франции за период 1872—1909 г.г. собственный капитал трех главенствующих банков возрос на 440⁰/₀, а чужие средства на 1021,7⁰/₀. В Англии за период 1890—1912 г.г. собственный капитал депозитных банков (без английского) возрос на 121⁰/₀, депозиты—на 192⁰/₀. В России за период 1897—1912 г.г. собств. капитал возрос на 318⁰/₀, а депозиты—на 620⁰/₀. Во Франции за период 1900—1910 г.г. вклады и текущие счета в пяти главных кредитных учреждениях возросли с 2,2 до 5 миллиардов франков. (См. таблицы в статье А. Финн-Енотаевского: «Современный капитализм» в журн. «Соврем. мир», декабрь 1913 г.).

4.

Если б, наряду с тенденцией нормы процента к понижению, не существовало тенденции нормы прибыли к понижению,—то первая тенденция должна была бы натолкнуться в процессе своего развития на ряд противодействующих факторов. Понижение уровня процента при неизменном или повышающемся уровне прибыли означало бы соответственное повышение уровня предпринимательского дохода. Но это вызвало бы повышение спроса на ссудный капитал со стороны части заемщиков и появление стремления у части займодавцев—самостоятельного производительного применения их капитала в целях получения высокого предпринимательского дохода в свою пользу ¹⁾. В результате произошло бы некоторое увеличение спроса на ссудный капитал и некоторое сокращение предложения—и процент начал бы повышаться. Вот почему для подтверждения тенденции нормы процента к понижению имеет огромное значение установленная Марксом связь между обеими тенденциями и определяемость тенденции понижения процента тенденцией повышения прибыли.

¹⁾ Мы пишем «у части», ибо в определенных случаях рост вкладов и сбережений все зависит от процента, в некоторых же случаях падение процента даже усиливает стремление к накоплению. На это указывают С. в Б. Уэббы. (См. «Теория и практика английского тред-юнионизма», II, стр. 508—509) Уэббы преувеличивают, однако, размер таких случаев и явлений.

«При прочих ранних условиях»,—говорит Маркс,— «т.-е. предполагая отношение между процентом и всей прибылью более или менее постоянным, функционирующий капиталист способен и согласен платить высокий или низкий процент в прямой зависимости от уровня нормы прибыли. Мы уже видели, что высота нормы прибыли находится в обратном отношении к развитию капиталистического производства; отсюда следует, что высокий или низкий уровень процента в стране находится в таком же обратном отношении к высоте промышленного развития, если только различие размера процента действительно выражает различие норм прибыли. Позже мы увидим, что нет никакой необходимости в том, чтобы всегда было так. В этом смысле можно сказать, что процент регулируется прибылью, точнее, общей нормой прибыли. И этот способ его регулирования распространяется и на его средний уровень». («Капитал», т. III, ч. I, стр. 344, изд. 1922 г. Курсив наш.)

Указанием, что нет необходимости, чтобы уровень процента всегда выражал прямую зависимость от уровня прибыли, Маркс отмечает то обстоятельство, что в отдельные периоды промышленного цикла процент может изменяться под влиянием других факторов, резко расходясь с уровнем прибыли. Решающим является состояние денежного рынка, при чем процент может колебаться даже в обратном направлении колебанию прибыли. Так, в период перепроизводства и кризиса, когда уровень прибыли наименьший,—уровень процента наивысший. Наоборот, в период возрастающего оживления, когда прибыль растет, процент низок и растет весьма медленно. Во время кризиса процент поднимается иногда даже выше прибыли, ибо заемщики готовы платить какие-угодно проценты лишь бы избежать банкротства. В период же депрессий процент опускается часто до $\frac{1}{2}\%$. Высокий уровень процента совпадает с высоким уровнем прибыли в период расцвета. Низкий уровень процента с низким уровнем прибыли—в период депрессий.

Законы изменчивости процента в отдельные периоды промышленного цикла в зависимости от торгово-промышленной конъюнктуры выяснены Марксом в V разделе весьма обстоятельно.

Но если на краткие периоды уровень процента может резко расходиться с уровнем прибыли, то за длительные периоды между ними устанавливается все же определенное взаимодействие и соответствие. Маркс неоднократно подчеркивает, что «изменения размера процента... за более продолжительные промежутки времени... обусловлены изменениями общей нормы прибыли» («Капитал», ч. II, стр. 37, изд. 1908 г.). Хотя Маркс не характеризует детально механизма этой зависимости, но на основе идей III тома «Капитала» нетрудно сообразить, в чем она заключается. Высокий уровень процента не может продолжительное время существовать при низком уровне прибыли, ибо низкий уровень предпринимательского дохода неизбежно привел бы к уменьшению спроса на ссудный капитал, а значит — к понижению процента. Наоборот, слишком низкий уровень процента при высоком уровне прибыли привел бы к увеличению спроса на ссудный капитал и повышению процента¹⁾.

Поэтому совершенно очевидно, что при наличии тенденции нормы прибыли к понижению должна существовать и тенденция нормы процента к понижению, даже если абстрагироваться от влияния всех факторов, очерченных нами выше.

После всего вышесказанного становится очевидной ошибочность позиции Гильфердинга по вопросу о влиянии тенденции нормы прибыли к понижению. Гильфердинг не потрудился привести ни одного обстоятельного суждения против возможности такого влияния. Он ограничился лишь догматическим утверждением, что уровень процента зависит лишь от большего или меньшего спроса на капитал и не определяется каким-либо образом нормою прибыли. *Но мы видели, что уровень прибыли влияет на собственно*

¹⁾ Эти соображения применимы, однако, лишь к продолжительному времени, к целому циклу с меняющимися конъюнктурами. К краткому периоду они не применимы. Но речь идет как раз о целых циклах. Что Маркс мыслил механизм этой зависимости именно так, доказывает следующая цитата: Если бы непомерно крупная часть капиталистов захотела превратить свой капитал в денежный капитал, то в результате получилось бы громадное обесценивание денежного капитала и громадное понижение размера процента: многие тотчас были бы лишены возможности жить на свои проценты в таком образе, были бы вынуждены снова превратиться в промышленных капиталистов (Т. III, часть I, стр. 364 изд. 1922 г.). Хотя это сказано по иному поводу, но ход рассуждения тот же.

шение спроса и предложения ссудных капиталов. Утверждение Гильферинга обнаруживает лишь его теоретическое недомыслие по данному вопросу.

5.

Обратимся теперь к рассмотрению фактического движения уровня процента за последние десятилетия по отдельным странам.

Первое, что обращает на себя внимание при ознакомлении с таблицами движения процента,—это факт значительной, а иногда даже огромной — разницы между уровнем процента по отдельным странам. В Англии с начала шестидесятых годов прошлого столетия средний официальный дисконт за год колеблется по годам в среднем от $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ процентов, опускаясь даже до $2\frac{0}{10}$ и превышая $3\frac{1}{2}\frac{0}{10}$ лишь в годы кризисов и войны ¹⁾.

Во Франции за последние 4 десятилетия (до последней войны) средний годовой уровень официального дисконта колеблется по годам между $2\frac{0}{10}$ и $3\frac{0}{10}$, превысив за этот период лишь 4—5 раз $3\frac{0}{10}$, да и то лишь на десятые доли. В Германии средний годовой официальный дисконт колебался по годам за этот же период между 3 и $5\frac{0}{10}$..., редко опускаясь ниже. В Австро-Венгрии за этот же период дисконт редко стоит ниже $4\frac{0}{10}$. Если же мы обратимся к России, то здесь различие еще ярче: средний официальный дисконт за год за период 1860—1914 г.г. колебался между $5\frac{0}{10}$ и $7\frac{0}{10}$, почти ни разу не опустившись ниже.

Для векселей же сроком на 9 и 12 месяцев учетная ставка колебалась между $6\frac{0}{10}$ и $9\frac{0}{10}$ ²⁾. Разница в уровне процента между отдельными странами, как мы видим,—огромная. В странах «старого» капитализма процент низок. В странах «молодого» капитализма высок. Чем «моложе»

¹⁾ Мы будем рассматривать лишь движение официального и частного дисконта, т. е. ставок, которые взимают центральные и частные коммерческие банки за учет 3-х и 6-месячных векселей. Официальный и частный дисконт представляют собою ось колебаний всех прочих процентных ставок. Колебания дисконта характеризуют в большинстве случаев колебания процентных ставок вообще.

²⁾ Сводную полную таблицу движения русского официального дисконта см. в «Банковой Энциклопедии» под ред. проф. Яснопольского. ч. I, приложение I.

в капиталистическом развитии страна, тем выше процент. Гильфердинг должен будет объяснить это различие зависимостью «от большего или меньшего спроса на денежный капитал, обусловливаемого ускоренным или замедленным темпом развития, интенсивностью и продолжительностью периодов процветания». («Финансовый капитал», стр. 140, изд. 1918 г.). Но совершенно очевидно, что это ровно ничего не объясняет, ибо возбуждает ряд вопросов, на которые, на основе взглядов Гильфердинга, ответить невозможно. Почему в странах «старого» капитализма процент низок, а в странах «молодого» — высок? Ведь по Гильфердингу тенденции к понижению процента нет! Почему в странах «молодого» капитализма капиталисты оказываются в силах платить такой высокий процент? На эти вопросы Гильфердинг не сможет ответить, если не откажется от своих взглядов! Между тем, на основе взглядов нами воззрений Маркса все это совершенно понятно. Страны «старого» капитализма отличаются от стран «молодого» капитализма большим развитием класса рантье и его капиталов, большей концентрацией свободных средств в банках, более низкой нормой прибыли; все это приводит там к низкому уровню процентов. Наоборот, в странах «молодого» капитализма свободных капиталов по очерченным выше причинам мало, кредитный аппарат несовершенен, уровень прибыли высок, — отсюда высокая норма процента. Сможет ли отрицать Гильфердинг, что русские капиталисты, несмотря на высокий уровень процента, получали больший предпринимательский доход, нежели европейские, — вследствие высокой нормы прибыли? Совершенно очевидно, что высокий уровень процента мог держаться лишь вследствие более высокого уровня прибыли ¹⁾.

Различие между процентными ставками по странам окажется еще большим, если мы от официального дисконта обратимся к частному. На основе воззрений Гильфердинга трудно объяснить тот поразительный факт, что в Англии и во Франции (до войны) частный дисконт был ниже

¹⁾ Более высокий уровень прибыли в странах «молодого» капитализма объясняется более высоким органическим составом капитала, более высокой нормой прибавочной стоимости, наличием рынков сбыта и т. п.

официального, а в России — выше официального ¹⁾. В то время как в Лондоне и Париже частный дисконт опускался до 1—1½%, русские частные банки взимали 5—6% годовых и выше. Между тем это лишь подтверждает воззрения Маркса. В странах «старого» капитализма частные банки тесно связаны с определенными группами рабле и с определенными промышленными и торговыми предприятиями и черпают свои средства от них, — благодаря обилию капиталов они могут взимать низкий процент. Центральный же банк в этих странах помышляет часто свой дисконт в целях регулирования денежного рынка и денежного обращения: приостановки экспорта капиталов, повышения вексельного курса и т. д. Наоборот, в России частные банки черпали свои средства частью из Государственного Банка и, уплачивая ему за них определенный процент, должны были сами взимать, естественно, более высокий процент. Это вызвано было бедностью страны ссудами капиталами и несовершенством кредитного аппарата. Это возможно было благодаря высокой норме прибыли. «Различия размера процента в разных странах... обусловлены... различиями в нормах прибыли и в развитии кредита». («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 37, изд. 1908 г.)

Мы видим, таким образом, что различие в уровне процента между странами блестяще подтверждает воззрения Маркса и опровергает «поправку» Гильфердинга. Факт понижения уровня процента в зависимости от степени капиталистического развития страны, который мы констатируем при рассмотрении статистики процента в пространственных пределах, — лишь отражает и подтверждает наличие тенденции к такому понижению во времени.

Обратимся теперь к рассмотрению таблицы движения процента, которой Гильфердинг пытается подтвердить верность своих воззрений. Таблица эта дает в четырех вертикальных столбцах картину движения среднего официального годового дисконта в четырех главных европейских банках с 1852 по 1907 г.г. Таблица эта заслуживает внимания. Как это ни странно, но она решительно опровер-

¹⁾ См., например, таблицы, приложенные к книге В. К. Сувынского «Учетная политика французского банка», Пет. 1912 г. В таблицах сопоставлен неофициальный учетный процент в Париже с официальным в Париже, Лондоне, Берлине, Петербурге за период 1898—1900 г.г.

гает воззрения Гильфердинга. При внимательном просмотре таблицы возникает недоуменный вопрос: как может Гильфердинг не видеть, что эта таблица служит ярким *подтверждением* тенденции нормы процента к понижению?! Начнем с того, что простое сравнение уровня процента по четырем странам с очевидностью выявляет то различие, о котором мы говорили выше. Гильфердинг его, однако, не замечает. Он не обмолвился об этом различии ни словом. Между тем, как мы видели, оно говорит далеко не в его пользу и если бы он обратил на него внимание и поставил вопрос о его причинах, то это могло бы его привести к несколько иным выводам. Не лучше, однако, обстоит для Гильфердинга дело и с характером движения процента в этой таблице по вертикальным рядам. В Англии, напр., до 1867 г. годовой средний процент колеблется весьма резко: от 2,5% до 7,8%. После 1866 г. цифры 7, 6, 5 в таблице уже не встречаются. 4—4½% встречается лишь в годы кризисов. В прочие годы процент колеблется от 2½% до 3,84%, но обычно равен 2% или 3%. В Германии до 1885 г. цифра 3 в таблице почти не встречается.

После 1885 г. цифра 3% с долями преобладает и лишь в годы кризисов процент повышается до 5% с долями. В Австрии до 1880 г. в таблице преобладает 5% с долями. После 1880 г. 5% почти не встречается. Преобладает 4%, и 4% с долями и даже с 1902 г. преобладает 3% с долями. Любопытно, однако, что сам Гильфердинг приводит цитату из статьи д-ра Швонера по поводу этих таблиц, где последний констатирует все эти факты понижения уровня процента и оттеснения границы уровня процента вниз. Заявление Швонера в первой фразе этой цитаты, что в таблице «не обнаруживается никакой определенной тенденции кверху или книзу», решительно противоречит не только содержанию таблицы, но и его же, д-ра Швонера, дальнейшим рассуждениям. Гильфердинг приводит следующую сводную таблицу по десятилетиям, составленную Швонером на основе первой таблицы (см. таблицу стр. 152).

Таблица эта, как и первая, блестяще подтверждает закон *тенденции* нормы процента к понижению. Сам Швонер вынужден признать, да это и невозможно отрицать,

Г о д ы.	Англ. банк.	Французск. банк.	Герм. банк.	Австро- Венгерск. банк.	Средняя величина.
1897—1906	3,52	2,65	4,28	4,05	3,67
1887—1896	3,01	2,71	3,59	4,21	3,38
1877—1886	3,19	2,96	4,11	4,26	3,63
1867—1876	3,25	3,89	4,34	4,85	4,09
1857—1866	4,82	4,48	4,83	5,06	4,79

что до 1897 г. процент неизменно падает. На таблице по вертикальным рядам это обнаруживается с очевидностью. Что же касается 1897—1906 г. г., то Швонер правильно отмечает, что за это десятилетие средняя «выше чем в оба предыдущие десятилетия, и, напротив, много ниже, чем в первые двадцать лет промышленного и финансового подъема (1857—1876)».

Чем, однако, объясняется повышение уровня процента за десятилетие 1897—1906 г. г. и не противоречит ли оно закону тенденции нормы процента к понижению? В этом вопросе ярко обнаружилась узость и ненаучность взглядов Швонера и Гильфердинга! Гильфердинг, выяснивший обстоятельно в 18-ой главе «Фин. капитала» влияние конъюнктуры на уровень процента,—не сумел, однако, понять связи движения уровня процента с циклическим развитием капитализма за последние десятилетия. Капитализм проходит в своем развитии двойного рода циклы: большой цикл, охватывающий около 50 лет,—а в пределах большого цикла,—малые циклы, охватывающие 7—11 лет. Каждый большой цикл распадается на две части (в 20—30 лет); первая характеризуется в общем и целом торгово-промышленным подъемом; вторая—депрессией. Развивающиеся на фоне и в пределах этих частей большого цикла, малые циклы не нарушают существенно этого общего характера каждой части. Первый большой цикл продолжался с 1789 до 1849 г. г., при чем до 1809 г. продолжалась первая часть, после 1809 г.—вторая часть, характеризующаяся депрессией. Второй большой цикл продолжался с 1849 г.

до 1896 г., — при чем до 1873 г. развивалась волна повышательных конъюнктур; с 1873 по 1896 г.г. — волна падающих конъюнктур. Третий большой цикл начался с 1896 г. и первая его часть, характеризующаяся волной повышательных конъюнктур, продолжалась до кризиса 1920 г. и теперь мы вступили в полосу понижающихся конъюнктур ¹⁾).

Но поскольку народное хозяйство развивается циклически, постольку, очевидно, сплошного и постоянного понижения уровня процента быть не может. В первую часть большого цикла, характеризующуюся повышательной волной, процент должен быть выше, нежели в предшествующую вторую часть предыдущего цикла, характеризующуюся депрессией. *Тенденция к понижению процента может и должна продолжиться в том, что в первую часть одного большого цикла процент ниже, чем в первую же (но не вторую) часть предшествующего цикла.*

Эти соображения блестяще подтверждаются и таблицами и рассуждениями Швонера. Первые два десятилетия таблицы (1857—1876) относятся почти целиком к повышательной части второго цикла. Вторые два десятилетия (1876—1896) относятся к второй части этого цикла, характеризующейся депрессией. Последнее десятилетие таблицы (1896—1907) относится к повышательной части нового большого цикла. И, действительно, во вторые два десятилетия процент ниже, чем в первые. В последнее десятилетие процент выше, чем в предыдущие два, но зато ниже, чем в первые два десятилетия. *Таким образом, таблица оказывается понятной и всецело подтверждающей тенденцию нормы процента к понижению, если учесть цикличность развития капиталистического хозяйства ²⁾.*

¹⁾ О больших циклах см.: Проф. Кондратьев. «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны», отдел V. Закон больших циклов, несмотря на свою бесспорность, теоретически еще не разработан. В том факте, что движение процента его подтверждает, мы видим существенное доказательство его верности.

²⁾ После сдачи настоящей статьи в печать нам удалось познакомиться с обстоятельной статьей д-ра Фогеля о движении процента («Die Bewegung des Kapitalzinses unter dem Einflusse der Entwicklung» von Dr. E. H. Fogel и изд. Бюхерой „Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft“ за 1916 г., Heft II). Пользуемся корректурным просмотром, чтоб отметить, что приводимые в статье Фогеля таблицы подтверждают наши рассуждения и выводы. Фогель делает, однако, ряд теоретических ошибок.

Узкий, ненаучный и антимарксистский подход Гильфердинга к вопросу проявляется в том, что он ищет «постоянного» и «неизменного» падения уровня процента. Между тем, конкретная действительность сложна. Наряду с тенденциями и силами одного направления в ней могут иметься и противоположные, противодействующие. Учитывая наличие таких противодействующих сил, Маркс и говорит лишь о «тенденции» к понижению процента, указывая тем самым, что понижение процента будет наталкиваться на ряд противодействующих факторов, которые могут это понижение замедлять и даже временно прерывать и заменять обратным движением. Аналогично рассуждал Маркс при формулировке в I части 3-го тома «Капитала» закона тенденции нормы прибыли к понижению. Маркс указывает там, что имеются «противодействующие влияния, которые ослабляют и парализуют влияние общего закона и придают ему характер лишь тенденции, почему мы и назвали понижение общей нормы прибыли только тенденцией к понижению». (Стр. 212, изд. 1922 г.). Установив и охарактеризовав в тринадцатой главе «закон как таковой», Маркс переходит поэтому в четырнадцатой главе к исследованию «противодействующих причин». Таких «противодействующих причин» имеется немало и у тенденции нормы процента к понижению. Сюда относится, прежде всего, самый факт цикличности развития, который периодически создает тенденцию повышения процента. Затем сюда относятся: медленность понижения нормы прибыли, войны, ошибочное денежное законодательство, неблагоприятный вексельный курс и т. п. Наконец, — и это, пожалуй, одно из важнейших противодействующих обстоятельств, — страны старого капитализма, в которых должно проявиться действие этого закона, являются мировым рынком ссудных капиталов. Спрос на них представляется не только, и часто — не столько, их собственным хозяйством, сколько всеми странами «молодого» капитализма. Казалось бы, что спрос, благодаря этому, должен превышать предложение и процент должен был бы стоять в них всегда на высоком уровне. Если же, несмотря на это, таблицы обнаруживают понижение процента, то это является очевидным и несомненным подтверждением пра-

вильности закона. Лишь на основе закона тенденции нормы процента к понижению можно понять, почему уровень процента в этих странах низок, несмотря на огромный спрос, предъявляемый к ним молодыми странами.

Что же касается противодействующего влияния войн, то оно особенно сильно обнаружилось в последней войне. Благодаря огромному спросу на ссудные капиталы для военных нужд, дисконт повышается во всех западно-европейских государствах, включая Англию и Францию—до 5% и устойчиво держится на этом уровне все время войны. Огромная задолженность всех европейских государств, колоссальные разрушения в центральной Европе и истощение капиталов за время войны—продолжают держать уровень процента на высоком уровне и после войны. Особенно высокого уровня он достигает во время кризиса 1920 г. После кризиса процент начинает снижаться и временами достигает до-военного уровня. Но отмеченные последствия войны будут еще продолжительное время препятствовать снижению уровня процента, несмотря на то, что мы вступили во вторую часть большого цикла¹⁾.

Вредность «поправки» Гильфердинга ярко сказалась в заключительном абзаце его рассуждений. Ее применение привело к искажению и затемнению действительного процесса. Приведем этот абзац полностью. «Так как при развитых капиталистических отношениях уровень процента изменяется слабо, а норма прибыли, наоборот, падает, то доля процента в общей прибыли возрастает по сравнению с предпринимательской прибылью, следовательно, доля праздных капиталистов возрастает за счет функционирующих. Это обстоятельство, правда, стоит в противоречии с догмой(!) о понижении уровня процента, но зато согласуется с фактом и является одной из причин возрастающего влияния и значения капитала, приносящего проценты, следовательно банков, и служит важным рычагом в превращении капитала в финансовый капитал». («Финансов. капитал», стр. 140, изд. 1918 г.).

Прежде всего, мы установили, что «при развитых капиталистических отношениях» уровень процента «падает» не

¹⁾ О движении процента за время и после войны см: 1) указ. выше в примеч. книгу Кондратьева; 2) «Мировое хозяйство за время с 1913 по 1921 г.г.», статист. ежегодник под редакц. Фалькнера.

менее, чем норма прибыли. Но если бы даже Гильфердинг был в этом прав, то, вопреки его мнению, это явление не могло бы долго продолжаться и сменилось бы скоро обратным направлением движения. И, действительно, высокий уровень процента при низком уровне прибыли и уменьшение, в результате этого, предпринимательского дохода вызвало бы изъятие капиталов из производства и превращение их в ссудный капитал. Получилось бы чрезмерное предложение ссудных капиталов при сократившемся спросе. Все это неминуемо привело бы к понижению нормы процента, к уменьшению «доли праздных капиталистов», к обратному превращению части ссудных капиталов в производительный. Для того, чтобы объяснить причины роста предложения ссудных капиталов и превращение капитала в финансовый капитал, нет нужды в подобных дешевых, — натянутых объяснениях. Причины этих явлений обстоятельно выяснены Марксом в V отделе, без помощи этого «объяснения». Действительные причины превращения капитала в финансовый капитал вскрыты самим Гильфердингом достаточно полно и обстоятельно в его книге.

Что же касается доходов праздных капиталистов, то они растут, несмотря на падение нормы процента. Падает норма процента, но растет масса дохода, получаемого в виде процента, — вследствие роста величины, массы ссужаемых капиталов. Это обстоятельство делает возможным рост класса рантье, праздных капиталистов, несмотря на понижение нормы процента.

Утверждение Гильфердинга в этом абзаце, что слабая изменяемость уровня процента при понижающейся норме прибыли является «одной из причин возрастающего влияния и значения капитала, приносящего проценты, следовательно банков», не осталось изолированным и отразилось отрицательно на его дальнейших построениях. На протяжении всей его книги встречаются двоякого рода рассуждения об образовании финансового капитала. В одних случаях он рассматривает финансовый капитал как слияние воедино промышленного и банкового капитала, при чем «какая сторона в конкретных кредитных отношениях попадет в экономическую зависимость от другой, это каждый раз обуславливается тем, на какой стороне преобладает мощь капитала, и в особенности, на какой стороне

большее количество денежного капитала, которым можно располагать по усмотрению», — но во всяком случае промышленная концентрация «остаётся первичной причиной банковской концентрации» (Глава V). Преобладающим, однако, у Гильфердинга является иное построение. Он утверждает, что в процессе капиталистического развития перевес оказывается на стороне банков. В то время как банк обладает капиталом в форме постоянно приспособленной к функционированию, — капитал предприятий закреплён в производстве и не может быть произвольно извлечён из него без убытка. С другой стороны, промышленность пользуется во всевозрастающем размере чужими средствами и может их получить лишь у банков. В виду этого банки подчиняют себе промышленность, и слияние банкового капитала с промышленным происходит в форме экономического подчинения и поглощения первым второго. Оба рода рассуждений переплетаются в книге и все изложение этого вопроса носит поэтому неясный и противоречивый характер.

Между тем несомненно, что второго рода построения являются ошибочными¹⁾. Сам Гильфердинг дал на протяжении книги достаточно материала для их опровержения. И действительно, акционирование промышленности уничтожает закреплённость промышленного капитала и делает его подвижным и готовым к функционированию. С другой стороны, то обстоятельство, что предложение капиталов растёт в общем и целом быстрее спроса, порождает постоянную заинтересованность банков в использовании этих капиталов и изменяет соотношение сил в пользу промышленности. Таким образом, нельзя утверждать, что перевес переходит на сторону банков. В каждом конкретном случае дело зависит от степени мощи обеих сторон. Финансовый капитал нельзя отождествлять с банковым капиталом. Он является слитым воедино с банковым и промышленным ка-

¹⁾ На ошибочность этих построений Гильфердинга особенно настойчиво указывал в своих работах А. Финн-Енотасевский. См. его работы: 1) «Современный капитализм» в журн. «Соврем. мир», декабрь 1913 г.; 2) «Экономическая система Карла Маркса», части 2-я и 3-я; 3) «Соврем. хозяйство России». С возражениями Финн-Енотасевского мы, однако, не во всем согласны. На ошибочность этих рассуждений Гильфердинга указал также и т. И. Степанов в предисловии к последнему (1923 г.) изд. «Финансового капитала». Опровержение этих построений Гильфердинга посвящена также неопубликованная ещё работа т. Э. Гольденберга.

питалом. На определенной степени развития капитализма в некоторых странах может иметь место перевес на стороне банков, — но, с переходом капитализма в высшую стадию, перевес, при слиянии в финансовый капитал, оказывается, в большинстве случаев, на стороне промышленности.

Таким образом, и в этих рассуждениях Гильфердинга имеется ошибка, связанная отчасти с его ошибочным отрицанием тенденции нормы процента к понижению.

В. Е. Мотылев.

В защиту революционно-марксистского понятия классового права.

Я не имел бы ни основания, ни желания писать ответ на рецензию тов. М. Рейснера по поводу моей книжки — «Революционная роль права и государства» (№ 1 «Вестника С. А.»). Судьею книги должен быть читатель. Но я не могу оставить без защиты от атаки, в некотором роде подводной атаки, отстаиваемое нами классовое понятие права. Подводной в том смысле, что в рецензии на книжку, как-никак впервые посвященную вопросу о *классовом* характере права, об этой ее стороне прямо не говорится, а все-таки цель более чем ясна: *дискредитировать* *классовое* понятие права и, не заменяя его открыто *иной* *классовой* концепцией, протащить незаметно известную кадетско-психологическую теорию Петражицкого. Я в своей книжке цитировал из Петражицкого его сладкие слова, манившие марксистов и дарвинистов в его объятия и прибавил: «И нашлись марксисты, попавшиеся на эту удочку и попытавшиеся примирить непримиримое и т. д.» Одним из них, конечно, был Рейснер. И уже тон его рецензии показывает, что он не отказался от своих увлечений и после 1917 года. В дальнейшем я подчеркиваю неоднократно, что область права является главным и *последним убежищем* для всяких идеологических пережитков, идеалистических направлений, и что как раз психологические теории как в политической экономии и социологии, так и в праве являются последними броневиками, выдвигаемыми против материалистического понимания этих проблем.

Так как рецензент из моей книжки вырвал лишь отдельные предложения или отрывки их, вдобавок же

искаженные или непонятые, то я в нескольких словах повторю нашу революционно-марксистскую концепцию права. Исходя из революционного понимания класса, которому я должен был посвятить особую главу, я дал понятие *классового интереса*, не как суммы отдельных более или менее мелких интересов, а как «момента, накладывающего отпечаток на всю совокупность борьбы данного класса», как того фокуса, в котором отражается весь жизненный интерес данного класса». Я показал, что этот классовый интерес, в революционном смысле, в буржуазном обществе Марксом понимается, как частная собственность на средства производства, отношение к которой и является определяющим моментом для самого существа данного класса.

При этих условиях и с таким взглядом на класс и классовый интерес, я принял за основу определение права, выработанное не мною, а коллегиею Наркомюста (автор проекта, как т. Рейснер знает, — указан в сноске на стр. 113 моей книги), а именно, что «право, это — *система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и (поэтому) охраняемая организованною силою его (т.-е. этого класса)*». Я там же прибавил: «Возможна, конечно, стилистически более совершенная формулировка понятия права, но в *общем и целом* я ее и ныне считаю вполне приемлемою, ибо она содержит те главные признаки, какие входят в понятие *всякого* права... она отказывается от *чисто формальной точки зрения* на право, видит в нем не *вечную* категорию, а *меняющееся* социальное явление... она стоит на *точке зрения классовой борьбы и классовых противоречий*».

В опровержение этого *классового* понятия права Рейснер пишет: «Против второй части своего определения (т.-е. *классового* его характера. II. Ст.)... сам тов. Стучка *возражает* (это, конечно, ирония! II. Ст.) и достаточно полно и убедительно. Он дает нам такую массу примеров революционного значения *права, созданного интересным против интересов господствующего класса и т. д.*». Идет перечень: борьбы в древние времена должников против ростовщиков, крестьян против помещиков в Германии (крест, война), во Франции (революция), рабочих в пользу рабочего законодательства и т. д. Тов. Рейснер этими цитатами

только доказывает, что ему не усвоить классового понимания права. Разве фабричное законодательство нарушило *право чистой собственности* класса капиталистов на средства производства? Разве крестьяне выиграли войну против дворянства в Германии? А во Франции, где они ее выиграли — разве еще не продолжало существовать господство класса феодалов над землею крестьян? Вся суть сводится к тому, что право определяется *охраной или обеспечением со стороны государства господствующего класса и без этой охраны оно не есть право!* Чтобы не искать долго опровержений для доводов Рейснера я приведу лишь одну цитату из книги, на днях случайно попавшей мне в руки. Эта книга называется: Профессор Рейснер, «Основы Советской Конституции» 1920 г., а мы там (стр. 19) читаем: «Если лишить частного собственника защиты государства, отменить полицию и т. д., которые поддерживают его власть, то *это право собственности* ¹⁾ *отпадает*». После этого как-то странно звучит, если ныне тот же профессор провозглашает: «Как мы уже видели выше, из примеров наличности права, идущего вразрез с интересами господствующего класса, *приток защиты со стороны такого класса* (т. е. его государства! *II. Ст.*) *далеко не всегда имеется наличию*». Если исключить *переходное* время двоевластия, когда могут быть параллельно в силе права, относящиеся к *интересам* двух различных классов, то это, конечно, не усовершенствование взгляда 1920 г., а просто *вздор*. И то же самое необходимо сказать по поводу попытки т. Рейснера и *государственную власть* господствующего класса свести к *простой «идеологии»* или всегда возможное принуждение власти заменить просто — «*обращением к справедливости*» и т. д. Жаль, что после 5 лет революции и в области права, когда у нас даже буржуазные профессора (напр. проф. Трайнин) признают классовый характер права, нам приходится полемизировать на эту тему с профессором — коммунистом!

На этом я мог бы кончить. Но с вопросом о классовом понятии права в тесной связи находится материалистическое и идеалистическое, а равно и социологическое

¹⁾ Т. Рейснер упрекает меня в том, что я прапо (в классовом обществе) ветнит, да отождествляю с частной собственностью. Да, еще Маркс цитировал знаменитые слова Linguet: «Дух законов? — Это собственность». Это и есть основное право.

и техническое понимание права. Трудно найти в последнее время книгу или статью на эту тему, где бы не говорилось о противопоставлении «социального правопорядка» — «государственно-кодифицированному праву» (Кунов), «права официального, фиксируемого в законах» — «праву реальному, функционирующему в жизни» (Дурденевский)¹⁾, и т. д. Такое противопоставление конкретного, реального существа права — форме права или формальному праву не чуждо и Марксу. В предисловии к своей «Критике» Маркс подчеркивает, что для него «отношения собственности есть только юридическое (т.-е. правовое) выражение для отношений производства».

В «введении» к той же «Критике» Маркс различает собственность от формы обеспечения этой собственности (путем юстиции, полиции и т. д.)²⁾ и указывает на «особенно трудный вопрос... как отношения производства в качестве правовых отношений вступают на неравный путь развития», т.-е. как материальные отношения и формальное их осуществление, например, в законе, друг от друга удаляются и т. д.

Имеется еще другая концепция классового понятия права, а именно, что право является «системой (или порядком) социальных норм», обеспечивающих данную систему общественных отношений, соответствующую интересу господствующего класса и посему охраняемую организованной властью господствующего класса. Тут, на первый взгляд, как будто нет принципиального противоречия с первым, т.-е. с нашим определением, и оно безусловно является большим шагом вперед, но шагом недостаточным. Если буржуазная наука и практика совокупность или систему норм называет правом в объективном смысле, а отношения, являющиеся содержанием права, лишь правом в субъективном смысле, то это отнюдь не случайность. И, конечно, не случайность и то, что мы, наоборот,

¹⁾ Я беру совсем случайно мно попадающихся авторов.

²⁾ Маркс и Энгельс пользуются образным сравнением о „базисе и надстройке“. У них это лишь образное выражение. У Маркса мы встречаем (Theorien über den Mehrwert I, 384) даже сразу, что „противоречия в материальном производстве делают необходимую надстройку слож идеологическая“. Энгельс говорит в „Антидюринге“ об исследовании жизненных условий людей, общественных отношений, правовых и государственных форм вместе с их идеологической надстройкой, философией, религией, искусством и т. д. А марксист Рейснер это картинное выражение понимает в конкретном, архитектурном смысле, в виде как бы великолепного „мозаичного особняка“ (см. цитированный выше его курс лекции о конституции). Против такого понимания юристов я возражаю в своей книжке.

считаем объективным элементом систему конкретных отношений, а не их формальное выражение, которое в наших глазах является субъективным элементом в праве. Мы видели, как Маркс говорит о возможности «неравного хода развития» того и другого. Вот почему, по нашему, классовое понятие права на первое место и ставит систему общественных отношений.

Совершенно не понял нашего определения Рейснер, когда он говорит, что я отождествляю общественные отношения вообще с правом. У меня определенно говорится «о системе (или порядке, что приблизительно здесь одно и то же) общественных отношений», и не о всякой системе, но «о системе, охраняемой (обеспечиваемой, фиксируемой или, как хотите) организованной властью господствующего класса», т.-е., в обычных условиях, государством. В чем основа этой охраны, этого обеспечения (ср. «sûreté» декларации прав человека и гражданина)? В том, что она соответствует, т.-е., по крайней мере, не противоречит интересу этого класса (т.-е. примерно — его отношению к частной собственности на средства производства). А как мы мыслим эту охрану? — Об этом я подробно говорю в своей книге: путем закона, суда и т. д., вообще принуждения и убеждения со стороны организации класса.

Тов. Рейснер пишет, что ему туг непонятно слово «система». Очень жаль! Но для пояснения тут и прибавлены слова: «или порядок», и это слово т. Рейснер, вероятно, не впервые слышит, хотя бы в сочетании правопорядка. Понятие же это нами позаимствовано у Маркса и Энгельса ¹⁾. В обществе феодальном, наприм., уже очень рано встречаются единичные капиталистические отношения производства, но они в систему феодальных общественных отношений, феодального правопорядка еще не входят. Эти фактические отношения людей были социальными, общественными, но не были юридическими. Такими они

¹⁾ „В современном государстве право не только должно соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выразителем, но также быть его выражением, в себе самом связанным, таким выражением, которое, благодаря внутренним противоречиям, не было бы самого себя ни лицом“. Энгельс этими словами (в письме от 27 октября 1890 г., см. у т. Аюртского «программа», стр. 49) как раз повторяет о праве то же самое, что Маркс в своей „Ницше фи философии“ (стр. 93) сказал об общественных отношениях: «В каждом обществе отношения производства образуют одно целое». Эта цитата у меня имеется и могла пояснить т. Рейснеру понятие системы.

становятся лишь с тех пор, как они вошли в правовую систему (количество превратилось в качество), и лишь с точки зрения этого правопорядка.

Что же в самом деле означает слово «система»? Разве беспорядочную кучу разных отношений, в которые люди становятся друг к другу по какому бы то ни было поводу? Нет, мы прежде всего говорим лишь о системе общественных отношений, как эти последние понимались Марксом, т.-е. как отношений людей в процессе производства и обмена. А *система* сама по себе уже является объединением *о единое целое*. Маркс иногда тут пользовался даже сравнением с организмом. А *порядок* предполагает *известные нормы, бессознательные или сознательно установленные*. Наконец, *классовый интерес* и вмешательство в осуществление этого интереса со стороны *организованной власти класса*, указывает прямо и на *сознательный элемент* в этой системе, в этом порядке. Я ввел особый отдел о соотношении права и закона. Повидимому, с ним тов. Рейснер согласен, ибо он после его прочтения радостно спрашивает: «чего же ради было огород городить? Под эгидой положений, само собою разумеется, подпишется целиком *не только марксист, но и всякий сколько-нибудь положительно мыслящий юрист*». Я не разделяю этой последней радости, и лучшим доказательством тому служит рецензия т. Рейснера. А «огород», отгораживающий нас от буржуазных юристов, я «городил» ради того, чтобы право сделать предметом научного исследования. До сих пор это была техника, политика, искусство — с одной, идеология, метафизика — с другой стороны. У нас по-прежнему остантся правоведение, и как техника (наприм., законодательная), политика (наприм., административная и законодательная), искусство (напр., юстиция как применение закона). Но место метафизики или вообще близкой ей идеологии займет *наука, социологическое изучение права, теория права, как часть марксистской социологии*. В развитии систем общественных отношений возможно открыть известную закономерность, для идеолога же право осталось до сих пор чем-то «необычайно пестрым и противоречивым».

Мы дальше говорим о системе «общественных отношений». Слово «отношения», или «взаимоотношения», если речь идет о людях, всегда предполагает известное *воисовое*

взаимоотношение людей, а не просто физическое их столкновение. Для примера возьмем хотя бы известную цитату из Маркса (Капитал, I, стр. 53): «Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, *воля которых* господствует в этих вещах... Следовательно, они *должны признавать друг в друге частных собственников*. Это *юридическое отношение*, формой которого является договор— все равно, *выражен ли он законно или нет*— есть *волевое отношение*, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического или волевого отношения дано самим экономическим развитием». См. тут же и сноску со ссылкой на Прудона.

Вступая во взаимоотношения друг к другу (в процессе производства и обмена), люди сознательно или бессознательно каждый раз согласовывают свои действия с данным порядком или восстают против него. Я не говорю: «с законом» потому, что закон и уже и шире права (не все случаи предусмотрены законом, и не все законы действуют). Когда мы отменили все законы старых правительств, мы все-таки охраняли *известную систему, известный порядок общественных отношений*, не нашедших еще выражения в законе. И когда мы издали уже при НЭП'е гражданский кодекс, мы в первой статье его писали: «Гражданские права (т.-е. права экономического неравенства. II. Ст.) *охраняются законом*». Вот, скажет тов. Рейснер, даже пролетарская диктатура, значит, признает правом то, что противоречит ее классовому интересу. На это мы отвечаем: «Нет, ее классовый интерес—революция, а этот кодекс—уступка в интересах революции, стало быть, и в интересах революционного класса». А кроме того, мы дальше читаем в той же статье I: «за исключением тех случаев, когда они *осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением*». Если расшифровать эту несколько неясную формулировку, то мы тут читаем, что *пролетарская классовая власть коренного противоречия ее классовому интересу не потерпит*. Она, значит, ярко подчеркивает свою классовую точку зрения на право.

Но мы как будто все время говорим на разных языках. Рейснер сам не дает своего определения права; он только на каждой странице твердит: «право, как-ни-

как, оказывается идеологиею». Стараясь доказать противоречия между мною и Марксом и Энгельсом в вопросе о значении идеологии, он одновременно приводит—не без ошибок,—целых две или три страницы отрывистых цитат из моей же работы в пользу полного согласия этих моих слов со словами наших учителей. Если бы Рейснер тут же выдвинул свою, т.-е. психологическую теорию права, то дело стало бы гораздо яснее.

Как я показывал в своей книжке, Энгельс в «юридическом или классическом мировоззрении буржуазии» видит то мировоззрение, которое победило над властвовавшим до него *религиозным* мировоззрением. Я выдвигаю *взамен юридического или буржуазного мировоззрения*—коммунистическое... Когда Энгельс говорил о *праве*, как об *идеологии*, то он это последнее слово именно противопоставлял *теологии*: тут место «бога» заняла «идея». Я в своей книжке многократно повторяю, какую роль именно в праве по моему мнению играют история, традиция, идеология. Но, говорю я, пора и здесь нам стать на точку зрения истинного исторического материализма.

Энгельс в «Анти-Дюринге» говорит «о старом возлюбленном идеологическом или, как его еще называют, априорном методе познавать качества вещи не по самой вещи, но, напротив, развивать ее из понятия вещи. Сначала из вещи выводят понятие вещи, потом, наоборот, *оценивают* предмет по его отражению, т.-е. понятию... Такой идеолог конструирует *мораль и право* не из *действительных общественных отношений*, в каких живут люди, но из *идеи* (понятия)» и т. д. Таково было понимание Энгельсом значения идеологии в «Анти-Дюринге». Но ревизионисты (и вслед за ними, повидимому, и т. Рейснер) противопоставляют Энгельсу периода «Анти-Дюринга»—позднейшего Энгельса. Увы!—такое противопоставление не выдерживает критики. «Идеология—это мыслительный процесс, который проделывает так называемый мыслящий человек, *хотя и сознательно, но с сознанием неправильным*. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными; *в противном случае, это не была бы идеология*. Человек создает себе, следовательно, представления о ложных или призрачных побудительных силах. Так как это процесс мысли, то человек и выводит как

содержание, так и форму его из чистого мышления своих *предшественников*. Вот как поясняет Ф. Энгельс в письме от 14 июля 1893 года (цитирую по книге тов. Адоратского) понятие идеологии, а дальше он там же говорит о «призраке истории... правовых систем, который ослепляет большинство людей». Спрашивается, должны ли мы в то время, когда нам теория марксизма, да еще великая революция, хотя бы отчасти открыли глаза на «действительные побудительные силы», все еще возиться с понятием права, как исключительно идеологиею, т.-е. формальным правом (на первом месте законом) или отвлеченной идеею права, над которой работала философия права и к которой в конце концов приводила всякая буржуазная теория, не исключая и Петражицкого. Нет, такой метод противоречил бы Марксу и Энгельсу, и поэтому мы его отбросили.

Маркс сам в молодости прошел курс тогдашней науки права и пользуется, конечно, терминологиею передовых представителей науки права того времени, т.-е. о «*Volks-willen*» (воле народа) в области права, словами из органической школы в вопросах об обществе и государстве и так далее ¹⁾. Ныне он пользовался бы, конечно, терминологиею наиболее передовых представителей современной науки, например, социологической школы, которая действительно пытается подойти к праву с научной, а не чисто *технической* («законоведы») или *метафизической* (философы) точек зрения. Но, как я уже показал, К. Маркс на этом не остановился и уже тогда дал и материал для верного марксистского определения научного понятия права. Нам остается эту работу довершить. И в предисловии своем писал: «я был бы рад, если бы моя работа послужила толчком для более основательных работ в этом направлении». И могу констатировать, что этот толчок чувствуется, что уже нашлись товарищи, отозвавшиеся на этот призыв. И если тов. Рейснер попытается в ответ

¹⁾ Указание мое на это обстоятельство мой рецензент называет «изображением *еретического* марксизма—у Маркса». А заодно он берет под защиту и тов. Покровского, который при всем своем, вполне основательном, недоверии к юристам, случайно позаимствовал у них для определения норм закона—слово искусственный. О моем отношении к глубокому пониманию тов. Покровским марксизма пусть читатель убеждается из книги самой; в защите Рейснера он не нуждается. А т. Рейснер пусть продолжает делить социальные нормы на естественные нормы и искусственные, т.-е. психические переживавшие.

мне снова поднести концепцию Петражицкого, он с полным правом получит ответ: долой эту кадетскую доктрину!

Марке определяет, что, по его концепции, *всякое право* основано на экономическом неравенстве, ибо даже экономическое равенство в буржуазном мире в действительности является неравенством... Как представляет себе тов. Рейснер право в *первобытном* коммунизме? ¹⁾ Разве там уже существовало неравенство? Почему же в таком случае говорят о коммунизме? А когда появилось неравенство, то стали появляться и первые зачатки классового господства и вслед за тем и первые зачатки права... Но смешивать всякий «обычай», т.-е. то, что обычно делается, и «норов», т.-е. то, что превратилось в привычку, с *правом*, как с понятием, связанным с неравенством, конечно, не следует. Когда Энгельс говорил о «Mutterrecht», то едва ли он понимал право в том же смысле, как Маркс, когда он говорил о «буржуазном праве». Мы говорим, что не надо смешивать понятий. Тов. Рейснер испугался, что я сравниваю эти первоначальные обычаи с простыми «техническими правилами поведения в хозяйстве». Значит «правила улучшенного куроводства?», спрашивает он иронически. Я ни с куроводством, ни с усовершенствованными его правилами не знаком, но я склонен думать, что эти первобытные людские обычаи и норovy были даже проще правил простого куроводства, и они не имели характера права. Они, напротив, и в дальнейшем могли существовать, вопреки праву или помимо права, смотря по тому, противоречили ли они интересу, защищаемому господствующим классом, или для последнего были просто «юридически irrelevantны», т.-е. *безразличны* с точки зрения права. Другое дело—судебные прецеденты, или как обрадовался тов. Рейснер, те же «обычаи» *господствующего* класса. То были первоначальные законы, первоначальное право—неравенства.

Надо различать классовый интерес *господствующего* класса, т.-е. *право*, от классового интереса *бывшего или будущего* господствующего класса, уже или еще не *права*. В княжеский период России появились первые законы и обычаи или судебные прецеденты господствующего класса, и существовали рядом обычаи, непризнаваемые правом, как

¹⁾ Рейснер даже пишет: «В первобытном коммунизме нет равенства частной собственности».

и мы не признаем правом весьма прочных обычаев (например, спекулянтских) класса капиталистов, если они не включены в наши кодексы. Мы эти обычаи считаем не правом, а нередко даже преступлением, но все-таки они чаще всего остаются ненаказанными.

Тов. Рейснер, как верный ученик Петражицкого, в обычаях, в так называемом обычном праве видит, может быть, основное проявление своего интуитивного права. Для нас вопрос второстепенен. Нам важно раз навсегда установить, что право является классовым понятием. В этом, в общем, коммунисты у нас уже согласны, по крайней мере, для периода классового общества. Тов. Рейснер стоит один, особняком. И трудно будет ему перейти на эту общую точку зрения, пока он не откажется от своего «злого гения» — Петражицкого. Никто из нас не отрицает значения психологии и для марксизма и для правоведения, но *психологическую концепцию права* с таким же основанием можно назвать правовую теорию буржуа, как это остроумно сделал тов. Бухарин относительно психологической теории экономистов, обозвав ее теорией рантье. Тут слово психология отождествляется с идеологией в том смысле, как ее понимал Энгельс (см. выше), но это смешение, вдобавок в этой области, не что иное, как двойственность и лицемерие, имманентные буржуазному обществу вообще, а его праву в особенности.

На меня выпала доля в своей книжке впервые внести в теорию права классовую точку зрения. Я попытался вскрыть классовую подоплеку векового течения — естественного или философского права, как классовой программы буржуазии. Я так же показал, что наука права не могла сделаться наукою, пока и потому что она не стала и не могла стать на классовую точку зрения. *Я эти вопросы поставил*, и верная постановка вопроса, даже при неверном ответе, стояла бы тех листов бумаги (кстати, слишком скверной для конца 1921 г.!), которые Р.С.Ф.С.Р. потратила на эту книжку. Я буду очень рад, если кто-либо внесет серьезные поправки в наше определение. Но для этого едва ли пригодятся старые идеологические и психологические сказки «ученого кота» с лукоморья.

II. Стучка.

Задачи научной организации труда и ее положение.

I.

Совершенно очевидно, что научная организация труда и производства, как и всякое течение в теоретической или прикладной науке, представляет собой категорию не логическую, а историческую, что это течение могло возникнуть только на известном уровне общественного развития. Нужно было, чтобы технические и экономические условия дошли до известной ступени своего развития—это с одной стороны; с другой стороны, необходимо было, чтобы, в связи с этим общественно-экономическим развитием, соответствующие достижения получились и в области научной мысли. Только на такой почве стала возможной выработка системы научной организации труда (НОТ).

Конечно, осуществление рациональной, планомерной организации производства совершенно непримиримо с частно-собственническими основами капиталистического строя. Но именно поэтому организация труда в подлинном смысле и, во всяком случае, в полном объеме практически нигде пока не применяется. А поскольку сама капиталистическая система дошла до полного развития своих внутренних противоречий, поскольку она, в конце концов, стоит перед неизбежной перспективой глубокого, т.-е. организационного кризиса,—постольку этой назревшей потребностью в планомерной организации и диктуются попытки построения системы НОТ.

Главной основой, на которой только и могло вырасти это течение, является, прежде всего, развитие *машинной техники*.

Само собою разумеется, что в средние века, при господстве ремесла, не возникала и не могла возникнуть **НОТ** даже в виде теоретического построения. Точно также и позже, в период мануфактуры, когда все-таки преобладающими способами производственных процессов являлись ручные операции,—опять-таки не было почвы для развития системы **НОТ**. Это стало возможным лишь тогда, когда машина сделалась доминирующим фактором производства и сняла с человека бремя наиболее тяжелых мускульных напряжений.

Нужно было современное развитие машинной техники, чтобы могла сложиться почва для *стандартизации* типов, т.-е. выработки наиболее совершенных моделей и типов конструкции механизмов, обеспечивающих достижение наиболее крупного производственного эффекта. Нужно было высокое развитие машинной техники, чтобы могла найти себе широкое применение *нормализация*, установление наиболее целесообразных размеров отдельных частей машин и унификация этих размеров, благодаря которой части одной машины легко могут быть заменены частями другой машины. Нужно было выработаться *автоматизму* современных станков и машин для того, чтобы было возможно действительно массовое производство, усиливающее потребность в организующих и рационализирующих методах.

Вместе с тем развитие автоматизма в машинной технике привело к тому, что навстречу тенденции предыдущего периода, тенденции к крайне дробной *специализации* человеческого труда, стала развиваться обратная тенденция—к *деспециализации*. Современная автоматическая машина, автоматический станок не только снимает с человека бремя тяжелого мускульного напряжения, но вообще все больше избавляет человека от необходимости производить какие бы то ни было операции и, вместе с тем, делает его способным наблюдать за операциями различных машин. Если в первоначальную эпоху введения машин могло иметь место применение труда детей 9-летнего возраста и моложе, так как их слабые, но гибкие органы были достаточны для обслуживания машин, а специализированный труд не требовал от них знакомства со всей машиной, то теперь тенденция деспециализации начинается

предъявлять к работающему иные требования, невыполнимые для неразвитой человеческой личности.

Складывается постепенно новый тип важнейшего фактора производства, каким является живая рабочая сила, все больше выявляется новая роль рабочего в процессе производства. Само слово «рабочий» («рабсила») указывает, что человек был рабом всех факторов производства, рабом и машины. И вот, вместо такого раба, все более вырабатывается человек, который уже не должен быть рабом при машине, а должен ею руководить, как сознательный человек.

Мне этим летом пришлось в Германии на крупнейшем химическом заводе (Ludwigshafen близ Галле) видеть тип рабочих, которые выполняют свою функцию, заложивши руки назад и расхаживая взад и вперед вдоль целого ряда автоматически действующих аппаратов, наблюдая за их работой.

Такому рабочему нужно знать конструкцию аппаратов, нужно уметь с ними справляться, овладеть ими в случае какой-нибудь задержки и порчи, словом, нужно быть человеком совершенно иного типа. В конце концов, эволюция современных рабочих, в связи с технической эволюцией, обнаруживает *тенденцию превращения рабочего в инженера или техника*, который не выполняет непосредственно производственных операций, напрягая свои физические силы, а является руководителем технически совершенных машин, на основе знакомства с сложной конструкцией автоматического аппарата, которому человек перенял свои прежние функции.

С этим связаны, конечно, более высокая заработная плата, удовлетворение большего количества потребностей, но, вместе с тем, связано неизбежное возникновение нового типа человека. Тут уже недостаточно быть грамотным и элементарном смысле слова, а необходимо быть культурным, развитым человеком, что, приходя в противоречие с соотношением классовых сил капиталистического общества, тем не менее властно диктуется самим ходом непрерывного развития машинной техники.

Только приближение к такому типу рабочих обеспечивает возможность массового развития производства и применения автоматических стандартизированных машин,

навязывающих идею организационных улучшений в постановке всего дела; только такие рабочие и обеспечивают возможность успешной конкуренции на всемирном рынке. Это мы и наблюдаем, как тенденцию, в Германии, в Америке. Как машинная техника в своем поступательном движении должна была дойти до известного уровня, чтоб стала неизбежной идея рациональной организации, точно также было необходимо, чтоб и субъективный элемент — рабочий — был захвачен процессом соответствующих изменений.

В связи с этим стоит наблюдающаяся тенденция и в отношении *распределения функций* в современной промышленности. Во всяком промышленном предприятии персонал подразделяется на две категории: одна — непосредственно исполняющая процессы труда; другая категория, если не руководящая в точном смысле слова, то, во всяком случае, наблюдающая, регулирующая, непосредственно не выполняющая производственных операций. В численном соотношении этих двух категорий замечается определенная тенденция изменения, связанная с той эволюцией, о которой шла речь до сих пор. Лет, скажем, 50 или больше тому назад тут была пропорция 1:100, т.-е. 1 не работающий, а регулирующий, наблюдающий — на сто рабочих, исполняющих непосредственно производственные процессы. Перед мировой войной в Западной Европе наблюдалось иное положение: пропорция, — я беру, конечно, среднюю, более или менее типичную величину, — уже была, примерно, 1:12.

В настоящее время в более крупных предприятиях Германии эта пропорция дошла до 1:7, т.-е. на каждые 7 рабочих, непосредственно выполняющих производственные процессы, приходится один руководящий. На очень крупных и хорошо поставленных предприятиях я наблюдал пропорцию 1:5. По системе Тэйлора, как известно, в виде идеала, выдвигается пропорция 1:3. Наконец, тенденция, вытекающая из всей эволюции современной техники, состоит в некотором приближении — в будущем — к пропорции 1:0, т.-е. к превращению всех рабочих в инженеров или техников; в конце концов, в будущем все будут руководителями, никто не будет рабочим, т.-е. работать будут не живые люди, а сложные машины-автоматы.

Наконец, и *административный строй* промышленного предприятия, благодаря всем указанным условиям, приобретает характер расчлененного аппарата, который, охватывая всех участников производства, должен обладать согласованностью частей, иметь свою собственную стройную логику, чтоб в достаточной мере регулировать взаимоотношения между всеми частями, распределение ролей. Административный аппарат только тогда и хорош, когда он убедительно действует *внутренней логикой* своего построения, мотивированно определяя действия людей, направляя их волю в производственных процессах. Когда эта логика сознательно усваивается частями организованного целого, аппарат действует исправнее, продуктивнее.

Таковы, в общих чертах, те технические, культурные и административно-структурные изменения, на почве которых только и могли зародиться попытки построить систему НОТ.

В связи с коренными изменениями технико-экономической базы производства идет сильный рост и *научной мысли*. На огромную высоту поднимается техническая наука; вырабатываются принципы организационной науки; наконец, поскольку речь идет об использовании живой человеческой силы, тут вступает в свои права современная экспериментальная психо-физиология человека, как трудящегося существа. И если прогресс в области все более усложняющихся технических и организационных форм несомненно может быть отмечен, как поразительный факт, то, с другой стороны, в сфере психо-физиологии труда наблюдается не менее серьезное движение вперед, которое заставляет говорить о колоссальных достижениях.

В этой последней области за истекшие 40 лет работают на Западе выдающиеся силы, давшие нам богатую сокровищницу, из которой еще долго будут черпать ценный материал экспериментаторы, физиологи и психологи в своих дальнейших работах. Тут перед нами школа *Этуотера*, *Бенедикта*, *Кирпентера* в Америке; *Цикмена* и его сотрудников в Англии; *Шово*, *Амари* и *Лян* во Франции; *Рубнера*, *Креплина* и *Макса Вебера* в Германии; *Моссо* и *Маджоро* в Италии. Все они создают огромную сумму ценного материала, который дает возможность поставить проблему рационального использования производственного труда на действительно научную почву.

Этим ценным материалом мало или почти вовсе не пользуются капиталистические собственники и руководители промышленных предприятий. Но за него начинают полуинстинктивно или сознательно ухватываться рабочие массы. В их среде выросшая личность неизбежно предъявляет свои права. Она начинает понимать, что проблема НОТ есть область, которая весьма близко касается рабочих, в которой они весьма серьезно заинтересованы и в которую должны сознательно и активно вмешиваться. *Проблема НОТ становится элементом классовой борьбы*, не только стихийной, но отчасти и сознательной.

На почве этих изменившихся условий совсем новый характер приобретает и *проблема охраны труда*. Изменяются не только способы ее осуществления, но и самые задачи, которые перед ней выдвигаются. Возникает, например, помимо задачи сокращения продолжительности рабочего дня, т.-е. борьбы против *абсолютной* интенсификации труда, еще необходимость бороться против *относительной* его интенсификации.

Для этой последней существует много путей технических и экономических, которые все ведут к одному—*уплотнению*, конденсации производственного труда. В результате такой конденсации количество извлекаемой из рабочего в единицу времени энергии повышается так сильно, что и при сокращенном рабочем дне рабочий, оказывается, расходует значительно больше энергии, чем прежде при длинном рабочем дне.

По мере развития классового сознания рабочих масс вместе с теми изменениями технико-экономической базы, о которых шла речь выше, передовые элементы рабочих все больше приходят к выводу, что организация труда и производства в предприятиях есть сфера, глубочайшим образом задевающая интересы рабочего класса. На некоторых заводах Германии среди рабочих—в особенности, в лице фабрично-заводских советов—наблюдается не только теоретический интерес к НОТ, но и практические попытки активного подхода к делу, вмешательства в него для урегулирования не только вопросов о заработной плате, продолжительности рабочего дня, но и вопросов о степени интенсивности труда, о нормах выработки, о сдельных

расценках, обо всех условиях работы и внутренних рас-
порядков на фабриках и заводах.

Все больше начинают понимать, что все это — вопросы, не менее нажимные для рабочих масс, чем борьба против безработицы и дороговизны, что рабочим приходится бороться не только против понижения *прихода* в балансе их энергии, но и против чрезмерного повышения *расхода* их жизненных сил.

Впрочем, тень этого сознания — хотя и с другой стороны — иногда (хотя и очень редко) проникает даже в иную группу капиталистов: кое-кто из них начинает понимать, что им просто *невыгодно* чрезмерно интенсифицировать труд. Это им подсказывает и опыт, помимо тех физиологов, о которых я упоминал и которые, как Маджиоро, Ньюмен и др., путем ряда научных экспериментов, доказали, что переутомленный орган затрачивает на единицу производимой работы гораздо больше энергии, чем тот же орган в непереутомленном состоянии. И даже среди «капитанов промышленности» кое-кто понимает, что какой-то *предел* интенсификации труда диктуется уже соображениями выгоды, и, таким образом, со *своей* точки зрения нащупывает один из основных пунктов научной организации труда.

Из представителей науки кое-кто идет еще дальше; например, проф. Мюнстерберг не только поднимает вопль против хищнического использования фонда рабочей силы, но определенно проводит мысль, что для успешной конкуренции данной страны на всемирном рынке, для того чтобы национальное производство отличалось в достаточной степени производительностью, необходимо иметь не только грамотного, но свободного и по возможности радостно трудящегося рабочего, необходимо иметь людей, которые бы с *любовью* относились к делу, смотрели бы на работу не как на каторгу, а как на жизненное проявление своей человеческой личности. Мюнстерберг, способный иногда стать на точку зрения экономической выгоды не частного хозяйства, а хозяйства национального, указывает, что при тех условиях, в которых мы теперь живем, совершенно не годятся старые методы экономической кабалы, голого подавления или милитаристически-иерархической муштры, так как эти методы подавляют волю

обезличивают человека, убивают в нем интерес к делу и инициативу, словом, что все это — явления отрицательные с точки зрения подлинного «хозрасчета».

Конечно, если Мюнстерберг это понимает (но не способен с этим пониманием согласовать свои остальные взгляды), то уже во всяком случае такого понимания и следа не найти в практике капиталистических групп. И понятно: провести эту идею в жизнь значит, конечно, уничтожить капиталистические основы общественных отношений. Но все-таки надо отметить, что есть не мало капиталистов — особенно в Соед. Штатах Америки, — чувствующих потребность в выработке людей, которые бы с некоторой охотой, с некоторым благоприятным эмоциональным настроением подходили к тому процессу, которым они занимаются в предприятии. Этим объясняется то, что, как показывают факты, за последнее время в некоторых кругах американских капиталистов распространены — в известных пределах — заботы о рабочих: заботы о чистоте заводских зданий, об удобстве (чисто внешнем) в области производственной обстановки, о предоставлении рабочим и служащим некоторых суррогатов демократического самоуправления внутри предприятия, о предоставлении им высокой заработной платы и участия в прибылях предприятия. Все это характерно в указанном смысле, хотя все эти заботы имеют и свой специфический привкус.

Всеми упомянутыми чертами обрисовывается та почва, из которой одной только и могла вырасти проблема НОТ. Я тут имею в виду научную организацию в *подлинном* смысле слова, а не ее искажение, не ту мещанскую гримасу НОТ, которую представляет собой на три четверти система Тэйлора. Я имею в виду ту сумму методов, норм, принципов, которые могут и должны быть положены в основу синтетически разработанной системы рациональной организации труда и производства. Она представляет собой не самостоятельную науку: она черпает свой материал из других научных дисциплин, главным образом, из сферы техники, экономики и психофизиологии труда.

В этом смысле создалась богатая — по крайней мере, количественно — литература. Достаточно указать на обшир-

ный указатель *Кеннбиса*, который вышел года четыре тому назад в Лондоне. Он содержит полную литературу только на английском языке, т.-е. литературу английскую и американскую; французская представлена в нем неполно, а из германской дано уже совсем мало. И все-таки он охватывает $3\frac{1}{2}$ тысячи названий. Если прибавить недостающие французские и немецкие издания, то получится не меньше 5—6 тысяч названий. Вот и другой факт не менее характерный: когда Ассоциация содействия развитию промышленности в Лондоне пару лет тому назад начала собирать материал по одному только вопросу об усталости, то получился указатель в количестве 1700 названий. Ясно, что и литература не отстает от той почвы, на которой выросла сама проблема.

Что касается *России*, то можно сказать, что идея НОТ сильно повезло,—по крайней мере, при новой экономической политике, по крайней мере, в одном определенном смысле, в смысле того интереса, того внимания, которое уделяется теперь этой проблеме. Еще года три тому назад очень немногие видели всю глубину и актуальность этой сложной и важной общественной проблемы. Тогда работа немногих, ею заинтересовавшихся, совершалась в атмосфере общего безразличия. За последние два года дело обстоит иначе.

Почти ровно два года тому назад, как многим известно, состоялась Всероссийская Конференция по научной организации: она охватила около 300 делегатов, имела целый ряд секций и пленарных заседаний, на которых было прочтено около 80 докладов. В них поставлено было много различных теоретических и практических вопросов; чрезвычайно живые дебаты велись по этим вопросам. И доклады, и прения, и резолюции можно найти в «Трудах» конференции, которые вышли в 6 томах большого формата (свыше 100 печатных листов). С того времени выросло изрядное количество институтов, лабораторий, специальных изданий. Даже в общих, не специальных журналах стали все чаще трактовать проблему НОТ.

В целом ряде высших учебных заведений читается специальный курс по научной организации и ведутся семинарские занятия. Совсем уже недавно проблема НОТ проникла и в сферу *педагогики*. В этой области мы имеем

многозначительный факт: высшие органы Наркомпроса не в шутку, а всерьез и надолго выдвинули вопрос о введении НОТ, как общеобязательного предмета во все школы 2-й ступени. По этому поводу уже был ряд заседаний, и начата конкретная разработка этого вопроса в Государственном Ученом Совете. Решение вопроса в положительном смысле вряд ли подлежит сомнению. Те же круги Наркомпроса нашли нужным приступить к подготовительной работе в смысле подготовки первых кадров преподавателей НОТ в школах 2-й ступени. По крайней мере, в двух высших педагогических учебных заведениях уже ведется эта подготовка.

Затем растет и *литература* вопроса; правда, количество издаваемых книг в этой области невелико у нас, но успех тех книг, которые появились, несомненен. Достаточно сказать, что научная книга по НОТ (в 22 печатных листа) в течение 2½ месяцев оказывается распроданной без остатка, — несмотря на высокие цены, по которой ее приходилось покупать. Далее, теперь не с одной стороны, а с трех сторон одновременно идет инициатива издания целой специальной библиотеки из оригинальных и переводных произведений по вопросам НОТ. «Вестник Соц. Академии» имеет постоянный отдел, специально посвященный проблеме НОТ.

В «Правде» и в «Известиях» имеется еженедельная страничка по НОТ. Затем за последнее время появилось много статей на самые различные темы, в которые вплетается проблема научной организации. Оформляются *идейные* настроения и *течения*. Мы имеем за последнее время, с одной стороны, платформу, с которой выступило бюро группы коммунистов, работающих в сфере НОТ; с другой стороны, мы имеем противопоставленные этой платформе тезисы, опубликованные Центральным Институтом Труда. Таким образом и направления в области НОТ как будто оформляются. Если угодно, можно сказать, что тут в несколько иной форме выявляется та же идейная борьба, которая велась на упомянутой конференции 21 года. Словом, как из всего сказанного ясно, и у нас проблема НОТ заняла на общественной арене прочное место, тесно сплелась с целым рядом областей жизни и уже не сходит со сцены.

Но чем сильнее у нас за последнее время проявляется интерес к этой проблеме, чем больше вокруг нее поднято шума, тем больше начинает проблема *запутываться*. И, пожалуй,—по старой русской способности заблудиться в трех соснах,—мы рискуем попасть в такое положение, которое может *дезорганизовать* самое представление о научной организации. Примеров этой путаницы и российской отсебятины можно было бы привести сколько угодно. Я ограничусь минимальным числом.

Вот мы читаем (в газете «Труд» от 17 января 1923 г.) по поводу рассмотрения вопроса о НОГ в В.Ц.С.П.С. следующее: «Тов. Гастев указал, что изучение процесса *примитивного* труда имеет наибольшее значение в производстве и в жизни. Тов. Гастев отмечает любопытное предложение Иннокентия Жукова об учреждении при Наркомпросе штатных должностей Робинзона и Пятницы, в целях изучения условий жизни и работы людей *вне механизации и электрификации*. Достоинство Центрального Института Труда именно в том и заключается, что он сумел удержаться на узкой платформе *примитива*». (Курсив мой. О. Е.)

«Любой заяц у клоуна Дурова относительно выше, в смысле своей тренировки, чем современный человек». Мы «со всех сторон запутаны истрепанным мочалом охранотрудческих, полицейских и обывательских идей»—говорится в смысле предпочтения Дуровских зайцев и отрицательного отношения к охране труда (в ст. А. Гастева «Электрификация и народная энергетика», приложение к № 163 газ. «Эконом. Жизнь»).

Я думаю, достаточно сопоставить эти уклоны мысли ответственного представителя учреждения, ведающего делами НОГ, с обзором тех реальных потребностей жизни, из которых, как мы видели, выросла сама проблема научной организации, чтобы понять, до какой степени мы тут действительно стоим как бы перед фактом дезорганизации понятия организации. Из этого же источника мы слышали и слышим часто необычайно презрительные суждения о той охране труда, которую даже иные капиталисты, как я указывал, в Америке и других местах, а тем более представители научной мысли оценивают, как необходимое условие, даже как существенный элемент рационального ведения производства.

А вот образчик из другого источника — журнала «Вопросы организации и управления». Тут мы встречаем упорную проповедь того, что организация административного аппарата сводится к «сочетанию людских *воль*», что это область «социо-психологии», которая непонятным образом противопоставляется области «физио-психологии». Сама эта «социо-психология» (очевидно, социальная психология) толкуется не в смысле современной, реалистически поставленной экспериментальной психологии (хотя бы и социальной), а в смысле чрезвычайно поверхностных идеалистически построенных конструкций. Тут новым научным евангелием провозглашается «теория» некоего инженера Файоля, который создал себе школу из двух «неосторожных» учеников Вильбуа и Ванюксана и развернул такую чисто формалистическую публицистику, по сравнению с которой построения такого идеалиста, как Тард, с его законами подражания, являются образцом научно-реалистической солидности и глубины.

Чтобы не оставить никакого сомнения насчет современности и научности своей концепции организации, тот же журнал смело приравнивает организацию конторы завода к управлению *государством*. И дальше те же апологеты «социо-психологии» уже последовательно ставят организаторам конторского аппарата в пример не кого иного, как *Наполеона*, и уверяют нас, что как и все организаторы, так и Наполеон соблюдал принцип организации *пятерками*. В качестве убедительного аргумента, ссылаются на некоего Григорьева, который титулуется, как «русский исследователь по вопросам организации». Григорьев — кооператор, прочитавший в Центральном Институте Труда наполненный мистическим бредом доклад, в котором он проводил идею, что во всем мире, во всем бытии господствует «*принцип пентаграммы*», т.-е. пятигранной формы, и для устранения всяких сомнений ссылался на то, что советская звезда имеет 5 углов.

После приведенных фактов остается сказать: дальше идти некуда! Не надо забывать, что я цитировал только специалистов — по крайней мере, представителей учреждений по НОТ. Среди широкой публики дело обстоит не лучше. Обычно на вопрос: «Вы знакомы с научной организацией?», вы получаете ответ: «Ах, да, научная

организация, — это Тэйлор, это психо-техника». А менее легкомысленные люди иногда правильно, но любопытно характеризуют положение с НОТ. Мне пришлось, после моего доклада в коллегии одного Наркомата, участвовать в прениях по поводу другого доклада. Когда члены коллегии критиковали этот доклад с его претенциозными словечками, то один из членов коллегии охарактеризовал положение широких кругов в этом пункте приблизительно так: «Мы в этих вопросах прямо терроризированы; мы считаем, что мы в НОТ ничего не понимаем, что мы некомпетентны и боимся что-нибудь сказать». Эту формулировку надо признать очень метко характеризующей состояние умов, их отношение к проблеме НОТ и ту пуганицу, которую на этой почве многие сеют безнаказанно.

После всего сказанного, кажется, достаточно настоятельно выдвигается необходимость поставить вопрос: *что же такое, в конце концов, научная организация труда?*

Постараемся ответить на этот вопрос, поскольку это возможно в пределах статьи, в схематической форме.

II.

Организация — явление *качественного* порядка. Организовать значит качественно улучшить сочетание определенной суммы сил. В результате достигается больший результат — по общему закону, гласящему, что организационная сумма больше, чем арифметическая сумма того же количества сил. Если-б этого не было, если-б одно улучшение организационного сочетания каждой суммы сил не давало повышенного эффекта, то свойство организованности не представляло бы никакого преимущества, и тогда не выжили бы, не складывались бы в более или менее устойчивые формы организованные комплексы. Между тем, ими наполнен весь мир.

Это относится ко *всем* отраслям и категориям организации, — в том числе и к организации труда и производства. Тут необходимо подчеркнуть важность методологического различия между двумя способами или принципами использования энергии: это — различие между принципом *максимума* (наибольшего) и принципом *оптимума* (наилуч-

шего). Перед нами опять различие количественной и качественной сторон, но без этого отчетливо проводимого методологического различения научная постановка проблемы рациональной организации делается беспочвенной.

Принцип максимума требует достижения наибольшего результата *какой бы то ни было ценою*. Тут мерка количественная, не обязательно связанная с качественным или организационным улучшением. Принцип оптимума требует достижения елико возможно *больших результатов* при *возможно меньшем расходе* энергии (или материала). Но каким образом можно осуществить такое «чудо»? Только лучшей организацией. Достаточно в использование данной суммы сил внести качественно-организационные улучшения, чтоб их организационная сумма стала превышать прежнюю, арифметическую.

Если через R обозначить достигаемый при производственной деятельности результат, а через J обозначить расходуемую на достижение этого результата энергию (или через M —количество затрачиваемых материальных ценностей), то при применении принципа максимума забота направлена только на получение елико возможно большего R ; если же преследуется принцип оптимума, то приближение к нему несколько не определяется одной только величиной R ,— важна еще величина J (или M). Решающей величиной является *отношение* между обоими, т.-е. $\frac{R}{J}$ (или $\frac{R}{M}$). Только рациональная организация в состоянии сделать это отношение более выгодным, обеспечить большее количество получаемых результатов па единицу расходуемой энергии и, и—что одно и то же—меньший расход энергии на единицу достигаемого результата.

Это кажется на первый взгляд чем-то само собою разумеющимся. Но мы увидим, как часто забывают эту основную организационную истину именно в сфере НОТ. Где ее не забывают, это—сфера чистой техники: тут ни одну техническую конструкцию инженер не спроектирует иначе, как по принципу оптимума. Возьмем самую элементарную техническую организацию или конструкцию,—например, обыкновенный железнодорожный рельс. Его поперечный профиль обыкновенно имеет такую примерно форму (см. рис. 1 на след. стр.).

Если именно в этом виде организован материал (сталь), из которого прокатан рельс, то это не случайность, не произвол: это — *приспособление к оптимуму*.

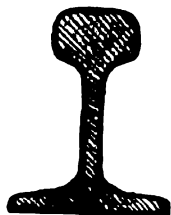

Рис. 1.

Если на погонную единицу длины рельса такого профиля уходит, скажем, *n* фунтов стали, то из этого же количества стали можно изготовить и другой профиль с какими-либо иными очертаниями, но он не дал бы той степени прочности и устойчивости, как выбранный на самом деле. Можно и при другом профиле достигнуть той же степени прочности и устойчивости, какую обладает выбранный нами, но тогда потребуется больший расход материала, т.-е. больше, чем *n* фунтов, стали на ту же погонную единицу длины рельса. И только выбранный для железнодорожного пути данный профиль рельса, с его утолщенной головкой вверху, с его расширенной подошвой внизу и тонкой стенкой по середине, обеспечивает наибольшую степень прочности и устойчивости, достижимую при данной массе расходуемой стали.

Ибо только этот профиль, только эта организация материала рельса дает больший так называемый момент инерции (и момент сопротивления). Рельс, стало быть, организован по принципу оптимума совершенно сознательно.

Но и бессознательные процессы природы направляются в сторону приближения к оптимуму. Классический и яркий образчик дает нам биология — в виде внутреннего строения материала бедренной кости, поддерживающей вес туловища человека (рис. 2). В ней материал не лежит сплошной массой, а распределен в виде множества близко друг к другу расположенных гнезд. Расположены эти гнезда по двум категориям кривых линий. Их исследование профессором ма-

Рис 2.

тематики Кульманом, творцом графо-статики и синтетической геометрии, обнаружило, что обе эти группы кривых представляют собою траектории внутренних напряжений материала, возникающих в нем под влиянием нагрузки туловища на бедренную кость: продольные кривые обозначают траектории напряжений сжатия, а поперечные — растяжения. Проф. Кульман производил на бумаге, по принципам графо-статики, построение траекторий напряжений, вызываемых внутри профиля бедренной кости под действием силы, соответствующей давлению туловища, — и получал точь-в-точь те же самые две группы кривых, которые создала и природа, никакой графо-статики не изучавшая.

Понять это своеобразное явление не трудно. Расположение костного материала (сопротивляющегося разрушению кости от напряжений, вызываемых внешней нагрузкой) как раз по тем траекториям, по которым располагаются напряжения, обеспечивает бедренной кости полную прочность — такую же, как если-б материал был расположен по ее профилю сплошной массой. Но последнее расположение было бы осуществлением принципа максимума. А то расположение, которое фактически сложилось в природе, как результат выживания более приспособленных организмов, осуществляет принцип оптимума: достигается *тот же результат с наименьшим расходом энергии или материала*, получается более выгодное соотношение $\frac{R}{E}$ или $\frac{R}{M}$.

Мы увидим всю исключительную важность применения этого принципа к проблемам НОТ. Но для более ясного его оттенения весьма полезно с ним сопоставить другой принцип — максимума. А в человеческой деятельности он иногда применяется — чаще всего в спортивных состязаниях. Тут, когда хотят получить приз, то стараются достигнуть максимального результата во что бы то ни стало, — хотя бы и ценою огромной затраты сил, их полного истощения: отношение $\frac{R}{E}$ получается невыгодное, но результат достигнут, — что и требовалось доказать. Самый классический образчик работы по принципу максимума представляет тот древне-греческий вестник, который после сражения

при Марофоне прибежал стремительно с поля битвы, сообщил о победе Мильтада и тут же умер от полного истощения сил.

Что по такому методу невозможно вести производственную деятельность,—ясно всякому. Но далеко не всем ясна методологическая обязательность применения принципа оптимума ко *всем* сторонам проблемы НОГ. Вот один из многих примеров.

Существует метод *циклограмм* для фотографирования движений работающего органа: к нему (например, к кисти руки) прикрепляют электрическую лампочку очень малого вольтажа, и след этой светящейся точки, представляющийся в виде замкнутой кривой (для целого цикла движений), снимают фотографически. Этот метод может, при умелом и критическом пользовании им, быть полезен для исследования движений при работе. Но наблюдается и некритическое использование метода циклограмм. В частности, у нас то и дело наталкиваешься на рекламные восхваления циклографий: циклограмма дает, якобы, исчерпывающую картину работы человека, и по ней одной, будто бы, можно рационально организовать эту работу.

Но рационально организовать значит возможно больше приблизиться к осуществлению оптимума. Дает ли циклограмма возможность судить о степени такого приближения? Нет, ибо для этого нужно знать *величину расхода энергии*. А этого циклограмма дать не может. Поэтому, сколько бы нас ни уверяли, что методом циклографических съемок достигают рациональной организации хотя бы простых рабочих движений, хотя бы работы напильником,—мы должны отвергнуть эти претензии. Пусть определенный ряд движений отличается наименьшей длиной пройденного пути, наибольшей простотой описанной кривой, наибольшей скоростью движений (и это все может показать сравнение циклограмм). Но достигнуты ли эти результаты путем уменьшения или увеличения расхода энергии? Ниже ли он или выше *нормального физиологического уровня*? Этого мы из циклограммы не можем узнать. А это значит, что она не может дать того, что ей рекламно приписывают люди, забывающие об обязательности применения принципа оптимума.

При схематическом характере настоящей статьи мы лишены возможности более или менее подробно остановиться на другом, не менее важном методологическом различии, в параллель с первым; ибо для этого понадобился бы анализ обычной классификации факторов, влияющих на успешность производственного труда ¹⁾. Я имею в виду различие между повышением *производительности* труда и увеличением его *интенсивности*. Здесь достаточно сказать, что повышение производительности труда достигается организационным улучшением, лучшим качеством сочетания всех сил, всех факторов труда; увеличение же интенсивности сводится лишь к затрате большего количества энергии трудящегося. Повышение производительности достигается той или иной степенью приближения к оптимуму; увеличение интенсивности в тенденции ведет к осуществлению принципа максимума.

Если, например, современный прядильщик на усовершенствованном станке работает в 2.000 раз успешнее, чем прежде, при ручной работе ²⁾, то мы имеем перед собою факт повышения производительности, а не интенсивности (ее увеличение в 2.000 раз было бы уже по чисто физическим причинам невозможно). Выигрыш от разделения труда тоже проистекает из повышения производительности, а не интенсивности. Да и весь прогресс человеческих обществ (не имеющий пределов) базируется именно на росте производительности труда, а не на его интенсификации (росту которой природа человека поставила крайне узкие пределы).

Во избежание недоразумений, надо только подчеркнуть, что не следует смешивать интенсификации *труда* и интенсификации *производства*. Хотя в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же словом «интенсификация», но содержание его совсем не одинаково. Ибо интенсификация производства есть путь приближения к оптимуму в отношении расхода материалов и прочих мертвых факторов производства, благодаря устранению вредных промежутков, лучшей подготовке и согласованию всех элемен-

¹⁾ Ср. мою книгу «Научная организация труда и система Тейлора», Москва. 1922 г., стр. 13—20.

²⁾ E. Bernhard — «Höhere Arbeitsintensität bei kürzerer Arbeitszeit». Leipzig, 1909, стр. 85.

тов производства. В отношении же энергии, расходуемой работающими, интенсификация производства вовсе не требует увеличения этого расхода, а мирится даже с его уменьшением, иногда прямо включает такое уменьшение, как обязательное требование.

Только строгое методологическое различие между охарактеризованными выше понятиями обеспечивает научную постановку проблемы НОТ и дает возможность найти правильные методы рационализации *всех* факторов, от которых зависит успешность производства. О каком бы факторе ни ставился вопрос, какая бы задача ни выдвинулась перед нами, она всегда допускает, вообще говоря, много различных решений. Но из них всех только *одно* определенное решение является единственно правильным, рациональным: это то, которое дает *оптимум*, оптимальное отношение $\frac{R}{E}$ или $\frac{R}{M}$.

Вот с этой меркой подходить к *каждому* фактору производства, приблизить его использование к *оптимуму*, поднять производительность труда (в указанном смысле) во всех процессах—*это и значит проводить в жизнь НОТ*.

С этой точки зрения выдвигается множество задач, прежде всего, в отношении всех *внешних* для человека условий труда. Тут и выбор места для устройства предприятия, расположение его зданий, их устройство и оборудование; и подбор материалов, машин, инструментов, внутри-заводских транспортных приспособлений (система конвейеров), правильное расположение и подготовка всего этого; и пр. ведение стандартизации типов и нормализации инструментов и частей машин; и обеспечение непрерывности производственных процессов; и согласование между собою действия всех факторов; и стремление к замене ручных операций действием механизмов.

Тут и улучшение гигиенических условий работы: заботы о чистоте воздуха, нормальной температуре, влажности, о хорошем освещении, о смягчении шума, о целесообразной проз-одежде, о технике безопасности,—и все это, в данном случае, не столько с точки зрения положения рабочих, сколько в интересах поднятия производительности их труда. Далее следует вопрос о рационализации административного аппарата предприятия: структура

аппарата, выдержанная и согласованная логика общего плана, ясные взаимоотношения между частями целого, распределение функций; использование современных методов учета и контроля всего хода дела; предварительное рациональное проектирование всех элементов производства; «расчетное бюро»; исчисление себестоимости продукта; точные инструкции для всех функционеров и обеспечение непрерывности действия всего аппарата.

Здесь, конечно, немислимо останавливаться на методах рациональной организации каждого из этих многочисленных факторов. Нам важно было только напомнить, каково то обширное поле деятельности, которое ждет приложения научно организующей мысли и воли, показать, что с этими жизненными проблемами ничего общего не имеют те надуманные задачи, которые у нас иногда рекламно пускаются в оборот. Важно было подчеркнуть, что, только руководясь выше намеченными принципами, можно проводить подлинную рационализацию, опираясь на данные из области техники, экономики, социальной гигиены. Эти разработанные дисциплины дают пути и для определения величин R и M или R и E , т.-е. для выяснения степени приближения к оптимуму.

Но, кроме внешних для рабочего условий труда, имеет огромное значение еще целый ряд вопросов, связанных с рациональным использованием и самой *живой рабочей силы*. И тут у нас точка опоры—в современной экспериментальной физиологии и психологии труда, которая, как уже упомянуто, дает большие возможности научной постановки исследования процессов труда.

Я не стану здесь приводить те нормы, которые экспериментально и теоретически установлены, как средние величины, для прихода и расхода—вообще для баланса энергии человека, ведущего производственную работу. Что для нас сейчас важно, это то, что здесь выработаны методы для измерения величин R и E , стало быть и для определения приближения к оптимуму. В основе лежит наблюдение за теми физиологическими процессами, интенсивность и характер которых стоит в связи с количеством производимой человеком работы и с расходом его энергии. Измеряется количество поглощаемого человеком во время работы (и в состоянии покоя) кислорода— O_2 , количество

выдыхаемой углекислоты— CO_2 , еще показательнее их отношение, т.-е. $\frac{CO_2}{O_2}$ или т. н. дыхательный коэффициент; определяется давление крови, количество выделяемой мочи и т. п., делаются наблюдения над работою аппаратов кровообращения и дыхания, над составом крови и пр. и пр.

Где идет речь о работе с определенной скоростью, большую услугу оказывает формула Шово¹⁾. Ее применение дают и Шово, и Амару возможность решить целый ряд практически-организационных проблем. Если, например, надо человеку в течение дня перенести на определенное расстояние известное количество груза, то возникает вопрос: как переносить? Большими порциями при малой скорости (т.-е. небольшом числе передвижений в течение дня) или, наоборот, малыми порциями груза, но с большей скоростью? И, как уже указано, из всех возможных ответов на этот вопрос, только один является единственно рациональным, как соответствующий оптимуму. И вот Шово делал эксперименты, меняя величины груза и скоростей, для каждого случая устанавливал отношение $\frac{R}{E}$ и выбирал ту имени комбинацию груза и скорости, при которой получается наибольшее $\frac{R}{E}$, т.-е. оптимум.

Амар, по тому же методу Шово, исследуя работу сильного человека, работавшего на так называемом тормозном велосипеде, также установил оптимальную скорость, как это видно из след. таблицы:

Скорость.	$\frac{R}{E}$
70 ударов педали в минуту	25,1%
80 " " " " "	26,7%
90 " " " " "	30,6%
100 " " " " "	25,8%

¹⁾ Она имеет не очень сложный вид:

$$Dd = Dc + P \times h + V - R$$

Значение ее составных частей, анализ формулы и иллюстрации ее применения см. в упомянутой моей книге, стр. 134—139.

Тут при увеличении скорости до 90 ударов в минуту совершается *приближение* к оптимуму, а при дальнейшем увеличении скорости мы от него *отдаляемся*. Оптимум, очевидно, соответствует скорости в 90 ударов в минуту.

Еще основательнее производили по этим методам свои точные экспериментальные исследования *Этуотэр* и его сотрудники в Америке, пользуясь введенной *Этуотэром* калориметрической камерой, которая обеспечивает возможность точного изучения и измерения множества физиологических процессов работающего человека. При всем огромном значении работ *Этуотэра*, мы, по недостатку места, совсем лишены возможности их здесь даже наметить хотя бы вкратце.

Да вряд ли это и необходимо для нашей цели: нам важно только показать, что экспериментальная психо-физиология на западе все больше устанавливает методы научного решения вопросов рационализации трудовых процессов. Тут важны именно общие методы. Пользуясь ими, можно уже для каждого отдельного типа трудовой деятельности, путем эксперимента, найти ответ на вопрос об оптимуме, т. е. о лучшей, рациональной организации труда. Таким путем можно решить вопросы о влиянии не только скорости работы, но и величины напряжения, продолжительности работы, количества ее перерывов, их длительности и т. д.

Тут мы вплотную подошли к вопросу об *усталости*. Это большая и важная проблема. Для ее научного разрешения также разработаны методы для исследования нарастания утомления, для его измерения, для определения момента наступления переутомления и т. д. Применение этих методов и приборов дает иногда результаты, являющиеся сюрпризом для сторонников рутины.

Напр., в отношении вопроса о правильной *пропорции* продолжительности периодов *труда* и *отдыха*, в применении к работе среднего пальца руки, проф. Мэссио произвел интересные опыты, пользуясь эргографом Мессо ¹⁾. Каждое поднятие продолжалось 2 секунды. Заставив палец сделать одно за другим 30 поднятий, Мэссио установил,

¹⁾ Это — несложный прибор, который графически записывает число, высоту и продолжительность поднятий определенного груза, прикрепленного к шнур, за который тянет средний палец.

что после них пальцу требовался 2-х часовой отдых, чтоб он мог совершить ту же работу—столько же поднятий на такую же высоту и пр. Попробовал он заставить палец совершить под-ряд лишь 15 поднятий по 2 секунды каждое: оказалось, что после такой работы палец нуждается в $1\frac{1}{2}$ часовом отдыхе, чтобы быть в состоянии в точности воспроизвести эту работу. В конце концов лучшей комбинацией оказалась такая: палец делает только 1 поднятие в 2 секунды; отдохнув после него 10 секунд, он в состоянии совершить опять такое же поднятие, — и это может продолжаться весь 8-мичасовой рабочий день¹⁾).

В последнем случае пропорция длительности работы и отдыха составляет 2:10 или 1:5. Это — на первый взгляд слишком невыгодная пропорция. На самом же деле приходится констатировать обратное. В самом деле, за 8-мичасовой рабочий день мы получаем:

в 1-м сл. после 30 под. по 2 с., отдыха 2 ч., или за день	$4 \times 30 = 120$	позв.
во 2-м " " 15 " " 2 " " $1\frac{1}{2}$ " " " "	$16 \times 15 = 240$	..
в 3-м " " 1 " " 2 " " 10 с.. " " "	$300 \times 8 = 2.400$	.

Итак, 3-ья комбинация, в которой пропорция кажется слишком щедрой (в смысле большой продолжительности отдыха), оказывается самой выгодной: работа, произведенная за день (2.400 поднятий), оказывается в 10 раз больше, чем во 2-ом случае, и в 20 раз больше, чем в 1-ом.

Это, конечно, не значит, что такая пропорция труда и отдыха должна вообще применяться к производственной деятельности. То, что оказалось лучшим для одного пальца, не может быть распространено на совсем иные работающие органы и их группы. Но мы и не собирались здесь устанавливать рациональные нормы пропорций труда и отдыха для определенных видов работы. Нам важно было только показать, что в каждом данном случае научно установить это можно, что отыскание оптимума обязательно даст результаты весьма выгодные в хозяйственном отношении и что это — первейшая задача подлинной НОТ.

¹⁾ Muscio — Lectures on Industrial Psychology. London and New-York. 1920, стр. 86—87.

III.

Указанный путь исследования трудовых процессов и их рационализации применим и при изучении *более сложных* и тонких явлений. Идет ли речь о влиянии ритма на производительность труда, о степени влияния узкой специализации трудовой деятельности, о роли монотонности труда и т. п.,—всюду надежной опорой является экспериментальная психо-физиология.

Правда, чем сложнее трудовой процесс, чем больше в нем превалирует участие *психических* центров, тем больше мы встречаемся с трудностями точного измерения: область психического проявления энергии живой ткани пока еще менее изучена, да и наши средства наблюдения и измерения еще недостаточно совершенны для этой деликатной области. Но тот «туман спиритуализма», который, по словам Амара ¹⁾, еще окутывает область чисто психических процессов, все более рассеивается, совершенствуются и средства их наблюдения и изучения. Во всяком случае другого пути для научной организации и этих сторон производственной деятельности нет.

Итак, хотя, конечно, психо-физиология труда подлежит еще дальнейшей разработке компетентными научными силами, но уже достигнутые весьма значительные результаты предоставляют в наше распоряжение не малый запас принципов, норм, законов, методов измерения. Вместе с выводами из технических и социально-экономических дисциплин и из богатого опыта рациональных конструкций аппарата предприятия, этот запас дает нам в руки возможность проводить в производственную практику рационализацию на научных началах.

Хуже, чем с возможностью, обстоит дело с желанием и умением. Нежелание идти по пути подлинно-научной организации, естественно, наблюдается везде, где дело организации производства находится в руках эксплуатирующего класса и прислуживающих у него представителей техники. Тут неизбежно царит уклон в сторону «линии наименьшего сопротивления». Для представителя капитала

¹⁾ Jules Amar — Le moteur humain et les bases scientifiques du travail professionnel. Paris, 1914, стр. 56).

слишком уже большим препятствием представляется изучение разных факторов производства, выработка плана его рационализации, введение качественно лучших машин, инструментов и материалов, рациональная подготовка и согласование всех факторов. Куда легче и выгоднее ему представляется путь повышения нормы эксплуатации методами абсолютной и относительной интенсификации труда.

Вот почему, если капиталистические организаторы недостаточно заботятся о рационализации тех факторов производства, которые заключаются в *обстановке* труда, окружающей рабочего, то уже совсем мало заботы они проявляют по части рационализации использования *живой рабочей силы*. Над этой силой хлопочут, даже очень усиленно хлопочут, но в направлении не рационализации, а интенсификации труда. Таковы, по преимуществу, методы тайлоризма.

У нас либо делают то же самое (практики); либо, игнорируя накопленные научным развитием богатства, находят нужным непременно сочинить что-либо свое («теоретики»), неспособное двинуть нас хоть на малый шаг вперед. Мы имеем не мало таких полужестетических, полупублицистических построений, в которых нет ни грана научности, как бы рекламно ни провозглашали, что это нечто «единственное в мире».

Если нас, например, уверяют, что изобрели совершенные методы ручных операций, то возникает вопрос: *действительно ли они совершенны?* Допустим, что те или иные приемы ручных операций действительно производят впечатление красивых, плавных движений. Но неизбежно навязывается вопрос: а все-таки рациональны ли они? Действительно ли они приближают нас к достижению оптимума? Соответствуют ли они наивыгоднейшему соотношению между расходом энергии и достигаемым результатом? Да и производилось ли при этом вообще измерение расхода энергии? Изучались ли физиологические процессы, сопровождающие работу? Если нет, то все построение основано на песке.

Но и этого мало. Возникает и другой вопрос. Так ли уже *важны* эти ручные операции вообще? Там ли уже много может выиграть народное хозяйство от их подлин-

ной, а не кажущейся рационализации? От того ли именно низка производительность наших фабрик и заводов, что ручные движения рабочих несовершенны? Не окружены ли мы целым морем неорганизованности, неустроенности, которую надо устранить прежде всего? Ясно, что тут навязывается множество задач по рационализации всех тех многочисленных сторон и элементов производства, которые перечислены выше, которые лежат в окружающей рабочих обстановке — в оборудовании, в расположении и подготовке материалов и приспособлений, в обеспечении непрерывности хода работ на заводе, в рациональном предварительном проектировании и последующем учете всех частей целого, в замене ручных операций действием механизмов.

Взять хотя бы последний пункт. У нас часто любят ссылаться на невозможность добыть или создать более совершенные машины. Но за этой ссылкой часто скрывается *косность мысли*, рутина. Во всех ли случаях, где у нас работы ведутся технически отсталыми методами, мы не можем ввести более совершенных? А что такой отсталости у нас хоть отбавляй, — это всем известно. Впрочем, ее еще можно встретить не только у нас, но и отчасти на Западе в предприятиях крупных и передовых.

Вот, например, на германском заводе электромоторов Сименса и Шукерга летом прошлого года инженер Дрешер занялся рационализацией ручных операций *путем их замены действием машин*. Даже на этом заводе еще оказалось в ходу много ручных буров, пил и т. п. Их заменили очень несложными буровыми пилами и пр., приводимыми в движение электричеством. Прилагаемый здесь один из многих снимков, полученных мною на этом заводе, изображает замену ручного бурения электрическим (см. стр. 196). Тут видны и циклограммы операций в обоих случаях, и факт повышения производительности на 530% после введения электрического бурения¹⁾. Если б даже повышение производительности оказалось не таким высоким, то все же совершенно ясна огромная выгодность такого рода

¹⁾ На рисунке указывается и первом случае также-рост усталости (76%), выражающийся в понижении выработки. Такой метод определения усталости безусловно неправилен вообще. Но здесь вывод сделан на основании наблюдения в течение очень короткого времени. Это — грубая ошибка. Однако в принципе это дела не меняет.

Wirtschaftlichkeit der Elektro-Werkzeuge

Elmo

Vergleich durch Zeitaufnahmen
und Bewegungsbilder.

Elmo

Bisher Handbohrmaschine

Jetzt Elmo-Bohrmaschine

Die Lichtkurven zeigen die Bewegungsbahnen von Schulter und Handgelenk

— Bewegungsbahn beim (2. Bild) Handbohren — (1. Bild) Elmo-Bohren

Leistungsmessungen

Bohren von je 10 Löchern 16 x 75 mm in Alufesen

mit Handbohrmaschine

mit Elmo-Bohrmaschine

27 Locher/Std

170 Locher/Std

Leistungssteigerung 530%

Beobachtete Ermüdung

1. Locher/Std

1. Locher/Std

2. Locher/Std

1. Locher/Std

Leistungsabfall durch Ermüdung

10%

nicht nachweisbar

методов рационализации. А их осуществимость и в наших условиях вряд ли можно оспаривать.

Непростительной, при таких условиях, является та претенциозная шумиха, которая, в стиле спортсменско-бойскаутистских увлечений, поднимается у нас вокруг якобы «культуры труда», сводящейся к вознеличению примитивных форм. *Исконный мелкого хозяинчик* отдаст от того культа «красавца-чопора», которым хотят подменить настоятельную необходимость в рационализации, поднятии производительности наших фабрик и заводов.

Но даже если остаться в сфере ручных операций, то все же придется сказать, что и тут жизнь выдвигает перед нами задачи, во много раз более важные с точки зрения поднятия производительности труда в нашей промышленности, чем дрессировка в работе напильником или рубанком.

Один из больших у нас вопросов, например, это—вопрос о *норме выработки*. Сколько времени над этим вопросом беспомощно бьются лучшие передовые наши рабочие в дирекциях и фабзавкомх. Какое же решение нам подсказывает большинство наших спецов? Рекомендуют взять до-военную норму выработки и с нее сбросить только-то процентов. Почему сбросить? И почему столько-то процентов, а не в 2 раза больше или в 2 раза меньше? Об этом бесплодно спрашивать.

В результате, очевидно, нормы у нас устанавливаются то ниже, то значительно выше оптимума, соответствующего данным физиологическим условиям. Что и понижение выработки, и ее чрезмерное повышение одинаково вредны для народного или государственного хозяйства—совершенно очевидно. Ясно, что научно установить *рациональную* норму выработки для каждого типа работ при данных условиях и возможно, и крайне важно. А у нас в этом направлении ничего не делается, и внимание направлено в ложному руслу.

Или взять затронутый уже выше вопрос о рациональной *пропорции продолжительности труда и отдыха*. Сколько перерывов в работе следует делать в течение 8-часового рабочего дня? Какой продолжительности должны быть перерывы? Мы уже видели убедительный пример той громадной выгоды, которую можно извлечь из рациональ-

ного решения этой задачи. Можно себе представить, насколько поднялась бы производительность наших фабрик и заводов от решительного разрыва с косностью и рациональной постановки дела даже в одном этом пункте.

Наконец, в той же сфере использования живой рабочей силы возьмем знаменитую *психотехнику*, сделавшуюся за последнее время столь модною. Сколько рекламного шума, сколько мыльных пузырей у нас было пущено по части модных приборов и методов выбора профессии. Соответствующая полоса «Иправды» по средам чуть не вся наполнялась (да и теперь еще наполняется) безразборчивым восхвалением многих весьма сомнительных затей в этой области. Стоило т. Ссмашко бросить в печати слово против психотехники, как те же лица, которые заполняли указанную полосу в «Иправде», уже открепиваются от этого «модного поветрия» и «верхоглядов».

Но и теперь надо сказать, что не следовало бы вместе с грязной водою из ванны выбрасывать и ребенка. На Западе много грехов совершено по части психотехники. Но на Западе же впервые ¹⁾ был констатирован и кризис, там же начался и процесс оздоровления. В той же Германии, где по части психотехнических эксцессов так много грешили и грешат, наблюдается и здоровое течение на заводах. Тут без сложных, искусственно надуманных и в научном смысле сомнительных приборов, помощью простых приспособлений, воспроизводящих обстановку и *реальные условия производственных процессов*, получают «тесты» более надежные и дающие, в известных пределах, возможность действительного решения задачи — поставить «надлежащего человека на надлежащее место».

Конечно, в настоящее время ни в чисто капиталистической обстановке западных стран, ни в наших тяжелых условиях не может быть речи о полном, планомерном решении этой важной задачи. Но столь же несомненно, что и то, очень скромное, приближение к такому решению, которое у нас фактически возможно, значительно подвинуло бы нас вперед по пути рационализации в деле использования производительных сил наших.

¹⁾ Если не считать моих критических замечаний в книжке о системе Тейлора, издавннй в 1918 году.

Вообще, совершенно очевидно, что по всем вопросам рациональной организации труда и производства еще есть у нас чему поучиться у гнилого Запада. Конечно, нужно отбросить все эксплуататорские и интенсификаторские стремления, которыми пропитана практика НОТ на капиталистическом Западе, очистить ее от специфически буржуазного духа и приспособить к нашим условиям, но научный материал для этого дала подлинная наука на том же Западе. Отсюда и надо черпать пригоршнями, на этой почве строить свою систему и, после соответствующей проверки, проводить в нашу жизнь.

А у нас из богатого арсенала чистой и экспериментальной науки и мирового опыта, большею частью, либо берут худшее, отжившее, либо затевают жалкую, хотя и претенциозную, отсебятину. Для того чтобы двигаться вперед, исходя из научных достижений нашего времени, нужно ими овладеть, нужна кропотливая работа компетентных научных сил. Гораздо легче случайным элементам пропагандировать примитив, возврат к зоологическому прошлому, возвеличивать Робинзонов и дуровскую дрессировку зайцев и собак, воображать себя Наполеонами и т. д.—и серьезно претендовать на то, что это и есть научная организация труда и производства.

У нас складываются течения, направленные по ложному руслу. Затем представителей этих течений либо рухнут, либо принесут стране огромный вред. Вернее, что они *и принесут вред, и затем все-таки рухнут*. Пора перестать быть «терроризованным» эффектными футуристическими фразами и перейти к научной организации труда и производства.

В заключение, по адресу тех, от кого это зависит, так и просится под перо старинная формула времен римской республики: «*Videant consules, ne quid detrimenti capiat respublica!*» (Пусть зорко следят консулы—как бы не потеряла ущерба наша республика).

О. Ерманский.

Персонализм Вильяма Штерна в его отношении к психотехнике.

Мы уже познакомились ¹⁾ с целым рядом вопросов, выдвигаемых психотехнической практикой и представляющих значительный интерес для непосредственной практической работы. Основной вопрос гласит: какие психологические предпосылки необходимы для того, чтобы теоретически оправдать возможность психотехнической работы вообще? Мы уже видели, что психотехническая работа предполагает прогностическую ценность результатов испытания, которая возможна только в том случае, если мы так или иначе признаем формальную неизменность индивидуальных качеств личности. Далее, самая возможность преимущественной пригодности к той или иной группе профессий предполагает стойкий уклон данной личности в сторону какой-нибудь категории актов. Вопросы о том, как связаны между собой эти акты, какая психическая диспозиция лежит в их основе и как вообще можно объяснить постоянство активной и реактивной деятельности человеческой личности,—все эти вопросы требуют теоретического обоснования.

Психотехника, как мы уже видели, с развитием исследовательской методологии, все более приближается к типу биологической науки, которая исследует не только психологическую, но и физиологическую динамику личности. Научная критика выдвинула вопрос о том, насколько обследования чисто психологические можно заменить такими же обследованиями физиологической деятельности или насколько эти последние требуют особого изучения.

Этим самым ставится в порядок дискуссии основной вопрос о соотношении между психическим и физическим. Таким образом, методология психотехнической работы неизбежно предполагает обще-психологическое мировоззрение, без которого эта методология никогда не может обладать достаточной ясностью, и всякая критика методов, оказавшихся неудачными, останется висеть в воздухе.

Наиболее удачной, по моему разумению, попыткой дать философскую теорию связи между психическим и физическим, могущую лечь в основу психотехнической работы, является персонализм Вильяма Штерна. Я позволю себе занять внимание читателя изложением этой теории не только потому, что она мне лично кажется заслуживающей внимания и в основных своих положениях правильной, но и потому, что Штерн до сих пор не пользуется у нас той известностью, которую он безусловно заслуживает и было бы очень ценно познакомить нашу читающую публику с основами его философской и психологической теории. Штерн исходит из того, что полное различие физиологических и психологических явлений возможно только на самой низшей ступени психологической и физиологической действительности. Психологический монизм возможен только там, где наблюдатель сознательно остается на точке зрения чистого феноменализма, т.-е. в пределах интроспекции. Штерн определяет психологические явления в отличие от физиологических, как такие, которые доступны только самонаблюдению и в этом отношении могут быть названы внутренним проявлением личности. Чистый феноменалист должен ограничиться одной сменой этих психологических явлений в том порядке, в каком они ему даются непосредственным наблюдением. Имеется ряд чувств, настроений, волевых напряжений, представлений,—и все это в беспорядке сменяет друг друга. Никаких причин, лежащих вне самих явлений, последовательный феноменалист допустить не может, потому что ему приходится оставаться в пределах одного измерения. Если феноменалист говорит о таких вещах, как персеверация представлений, как их «подсознательное существование», как «причина», вызывающая повторения явлений того же порядка, он допускает нечто существующее вне этого

одного измерения. Если он допускает раздвоение психики на воспринимаемые феномены и воспринимающее сознание, он выходит за пределы своей первоначально принятой схемы одного измерения. Поскольку, кроме смены представлений, имеется еще нечто, имеется проявление самостоятельности, имеется личность, являющаяся надстройкой над представлениями — чистый феноменализм уже нарушен. Мы уже должны считаться с тем, что кроме представлений имеется и *активность*, проявляющаяся в восприятиях этих представлений. Кроме воспринимаемого имеется еще *акт* восприятия.

Акт есть проявление действительности, и здесь чистый феноменализм уже кончается. На этой же ступени кончается и чистый психизм, потому что всякий психологический акт, будет ли это акт восприятия, или волевой, включает в себя неизбежно оба элемента: психический, доступный только самонаблюдению и физиологический. Эти элементы уже на стадии акта друг от друга неотделимы, они не являются причиной один другого и не проходят независимо и параллельно один от другого. Акт «нейтрален», он является билатентным сложным явлением, выходящим за рамки чисто психического. Психические феномены, доступные нашему сознанию как акт, — не его адекватное представление. Мы воспринимаем акт только постольку, поскольку он проявляется в явлениях, доступных нашему наблюдению. Но мы сознаем, что это наблюдение наше несовершенно и что в нашем сознании протекает только часть психофизиологического акта. Психическое, интроспективное восприятие акта дает нам лишь *проекцию его на линию сознания*. Таким образом уже самый факт существования психологической активности заставляет допустить, во-первых, постоянную живую связь между психической и физиологической актуальностью и, во-вторых, указывает на то, что проявления психологической активности больше осознаваемой части этих проявлений и что *сознание наше охватывает только лишь часть нашей активности*.

Психологический акт может повторяться. Говоря о стойкости личности, говоря о возможности поставить прогноз в психотехническом смысле, мы предполагаем, что данный человек на данные раздражения всегда будет

реагировать данным определенным образом. Следовательно, мы допускаем постоянство актов. Отдельные, не связанные между собой ни пространственной, ни временной близостью, акты данного человека формально одинаковы. Такое формальное постоянство актов носит у Штерна название *диспозиции* (предрасположения). Диспозиция есть латентная способность определенным образом активно или реактивно действовать на среду и представляет собой, следовательно, формальное (потенциальное) единообразие, проявляющееся по всей многообразной (кинетической) деятельности (актов) индивидуума. Диспозиция еще в меньшей степени, чем отдельный акт, доступна нашему наблюдению. Мы не переживаем диспозиции, а переживаем только отдельные акты и на основании этих актов можем только заключать о существовании той или иной диспозиции, лежащей в их основе. Диспозиция еще в меньшей степени, чем акт, может быть названа чисто психологической субстанцией. Диспозиция еще меньше, чем акт, может быть пережита нами непосредственно. Мы можем только наблюдать проекцию ее проявлений (актов) на тянущуюся линию нашего сознания. Чем сложнее фигура, проектированная на линию, чем больше у нее измерений, тем смутнее, неяснее, тем менее адекватна проекция этой фигуры на линию.

Ряд диспозиций составляют «я». «Я», по Штерну, есть совокупность диспозиций, но не формальная совокупность их, вроде, например, простого комплекса отдельных, не связанных между собой, способностей у Галля. Каждая диспозиция имеет телеологическое значение, каждая диспозиция есть излучение «я», способность «я» определенным образом проявляться—активно или реактивно—в среде. В этом смысле «я» является динамическим центром диспозиций, исходящих из него подобно лучам, соответственно *сверхсознательным* целям «я». Телос, руководящий всеми проявлениями «я», проявляется во всех диспозициях и во всех отдельных актах, которые эти диспозиции манифестируют, но не осознается,—он *сверхсознателен* ¹⁾. Если на

¹⁾ Здесь Штерн дает *психофизиологическое* обоснование того, что «бытие определяет сознание». Всякая функция сверхсознательного и подчеркивая, что телос или целестремительность (*Zielstrebigkeit*) личности выходит за пределы психического, я не охватывает я сознанием, что сознание есть «кривое зеркало» целестремительности, Штерн даст лучшую критику психологического идеализма.

внешнее раздражение возможны различные ответные реакции, то та диспозиция, которая имеет проявиться в данном конкретном случае, и та единичная форма (акт), в которую эта диспозиция выльется, определяется общим телосом «я». «Я» еще в меньшей степени доступно сознанию личности, чем отдельная диспозиция, и не проявляется в сознании как нечто непосредственно данное, а может быть только умозаключено на основании более или менее сложных философских построений. Кроме того, телос, руководящий проявлениями всех диспозиций, уже соединяет неразрывнейшим образом психическую деятельность личности с физиологической. Всякая активность индивидуума есть акт психофизиологический, и телос, руководящий движением этого рода, в одинаковой степени охватывает «я» и организм, психологические переживания и физиологические процессы индивидуума.

Так, в виде четырех ступеней усложнения (феномены, акты, диспозиции, «я») представляется Итерну психологический мир. Элементарные феномены сознания суть проявления отдельных актов. Эти акты, в свою очередь, не что иное, как активно проявившие себя, обычно латентные, предрасположения или диспозиции. Диспозиции, в свою очередь, суть только потенциальные возможности центрального пункта, «я», к осуществлению своего общего телоса.

Обратимся теперь к явлениям физиологического порядка. Если мы с физиологией прошедших десятилетий будем изучать мельчайшие элементы человеческого организма — микроскопическую структуру нервных клеток, кровяных шариков, кожи, то перед нами будет только ряд отдельных элементов, не связанных между собой и непонятных в своем структурном разнообразии и в своей пространственной близости. Понять эти феномены мы можем только телеологически, когда видим их *активность* в явлениях фагоцитоза, напряжения мускулов, при каких-нибудь движениях того или другого органа и т. д.

Активность, как проявление целестремительности, объясняет назначение физиологических органов, но та же самая активность сразу же разбивает отчужденность этих физиологических явлений от явлений психологического порядка. Уже самый элементарный акт, как акт схватыва-

ния или ходьбы, или покраснения и т. д., совмещает в себе элементы как психические, так и физиологические.

Но каждая личность обладает еще той особенностью, что ее активность каждого порядка весьма типична. У всякого есть свои движения, своя походка, своя мимика. Форма актов повторяется. Таким образом мы можем говорить об общей причине всех этих повторяющихся актов или о физиологических диспозициях. Эти физиологические диспозиции, недоступные наблюдению и измерению иначе, как через свое проявление в актах, вместе с тем являются достаточной характеристикой физиологической индивидуальности. Ни единичные акты, ни тем более описание микроскопических элементов организма, не дает нам характеристики организма. Мы понимаем организм только тогда, когда узнаем, к какого рода движениям он предрасположен, какого рода реакций от него можно ожидать. Мы видим, что изучение диспозиций, недоступных наблюдению, и о существовании которых мы только умозаключаем, оказывается наиболее верным путем для ознакомления с организмом.

Совокупность всех физиологических диспозиций, их полное единство, связанное общим телосом самоутверждения и саморазвертывания, называется организмом. Это он утверждает и расширяет себя в отдельных диспозициях и в их эмпирических проявлениях, он является завершением того усложнения в физиологической сфере от отдельных феноменов до объединяющего телоса, которому соответствует такое же развитие от психологических феноменов к «я». Все диспозиции организма имеют одно общее свойство: они служат или его утверждению, или его развертыванию (*Entfaltung*). Организм предрасположен или к тому, чтобы утверждать себя в более или менее благоприятных условиях, или к тому, чтобы развертываться, расширять сферу своей деятельности. В случае возможности на различный лад реагировать на внешние раздражения, организм выбирает тот род реакции, который наиболее соответствует этим наивысшим целям самоутверждения и саморазвертывания. Даже в том случае, когда реакции организма (единичные акты) бывают неразумны, протеворечат указанному только что высшему телосу и ведут к гибели организма, те диспозиции, которые лежат в основе этих актов—суть именно

диспозиции самоутверждения и саморазвертывания. Диспозиции такого рода уже не могут быть названы диспозициями чисто физиологическими, они проецируются как феномены и в психологических актах, хотя наша психика никогда не отражает их полностью.

Совокупность «я» и организма, связанную общим телом самоутверждения и саморасширения, Штерн называет личностью. Личность — это динамический принцип, проявляющийся как и в виде физиологических, так и в виде психических явлений, но сам по себе нейтральный, т.-е. не могущий быть названным ни психическим ни физическим. Следует обратить внимание на общность штерновского определения личности: «Совокупность частей, могущая самоутверждаться и саморасширяться — есть личность». Таким образом, в штерновском смысле, растения или низшие животные организмы также должны называться личностью, как и человеческое общество в целом, хотя большое различие между ними и человеком заключается в неодинаковости их телоса, как мы это сейчас увидим. Пока же следует остановиться еще на одном.

Мы видели, что, по мере того, как анализ ведет исследователя от элементарных проявлений психофизиологической жизни личности к мотивам, определяющим ее динамику, стирается и разница между психической и физиологической сферой. Мы видели также, как проекция этой динамики в психологические переживания является все более бледной, смутной копией действительно происходящих явлений по мере прохождения анализа от феноменов к актам, диспозициям и личности. Мы можем еще говорить об адекватности восприятия ряда феноменов и «прямой линии сознания», но уже акт проявляется в сознании не совершенно, а в виде проекции. Еще смутнее и неопределеннее проекция в сознании диспозиции, а существование личности может быть утверждаемо уже только на основании чисто теоретического рассуждения. Личность совершенно не является объектом самонаблюдения. Еще в меньшей степени может быть осознан или пересмотрен сверхиндивидуальный телос, руководящий динамикой личности.

Штерн особенно подчеркивает это, указывая в противоречие идеалистической философии, что не психический мир

является целью развития человека или направляющей максимальной его деятельности, что психика является лишь бледным отражением психофизиодинамики личности, в латентных диспозициях и в динамической активности которой проявляется сверхиндивидуальный телос.

Наше сознание, говорит он, не ровное зеркало, в котором правильно отражается все происходящее в нашем «я» и вообще в нашей личности. Наше сознание только местами может быть сравнено с таким гладким зеркалом, местами же оно покрыто непрозрачными пятнами, а местами искривлено так, что дает отражение искаженное и неточное. Расшифровку этого изображения, как оно представляется в фантазиях, во снах и т. д., взяла на себя психоаналитическая школа, которая достигла в этом отношении значительных успехов, но, по мнению Штерна, повредила беспристрастному научному анализу своим чрезмерным увлечением сексуализмом.

Вот в кратких чертах теория, которую Штерн называет персонализмом. Эта теория ставит себе главной целью приобщение психологии к той биолого-телеологической точке зрения, без которой она не может освободиться от гербартовой и всякой другой метафизики и получить свободу для достаточно полного ответа на вопросы прикладной работы.

В частности, для психотехники эта теория дает следующее.

Психотехнические испытания исследуют акты испытуемых, на основании которых дается заключение о наличии и развитии диспозиций, лежащих в основе этих актов. Сами по себе диспозиции не будут, однако, проявляться всегда одинаково. Они проявляются только до тех пор, пока это соответствует телосу личности, т.-е. пока объективные условия таковы, что для телоса личности наиболее выгодна активизация именно этих диспозиций, а не других. Но полный исчерпывающий анализ личности может быть дан только тогда, когда мы в достаточной степени учтем не только акты, испытанные нами, не только степень развития диспозиций, лежащих в основе этих актов, но и то, какими диспозициями обладает личность еще, и как они могут проявляться при изменении внешней обстановки. То, что мы в таких случаях называем пере-

компенсацией или изменением характера, есть лишь актуализация новых диспозиций, взамен неподходящих в измененных условиях. Такая постановка вопроса вынуждает сказать еще несколько слов о том, как представляет себе Штерн самую иерархию телоса.

Телос может проявляться или в виде диспозиций, служащих самой личности, или диспозиций другого рода: В первом случае Штерн говорит об автотелии, во втором — о гетеротелии. Автотелия проявляется или в виде диспозиций самоутверждения или саморазвертывания. Первые Штерн называет свойствами (*Eigenschaft*.) вторые — задатками (*Anlage*). Диспозиции к активному воздействию на среду носят название тенденций, диспозиции к реактивному воздействию — способностей (*Fähigkeit*)¹⁾. Гетеротелия проявляется в трех видах: гипертелия, направленная на утверждение и развертывание включающего личность коллектива (семьи, стада, вида), синтелия, направленная на пользу других личностей, идеотелия, где мотивом является более или менее абстрактная идея. Идеотелию Штерн считает специфическим видом диспозиции, свойственным только человеку. Синтелия свойственна уже многим животным, а гипертелия даже некоторым растениям.

Сосдинение индивидуума с внешней средой и проявление его диспозиций в активности, соответствующей этой среде, Штерн называет *конвергенцией*. Учение о *конвергенции* (связь общества и личности) составляет, пожалуй, с марксистской гочки зрения, самую интересную надстройку на психологическом учении Вильяма Штерна. Но к этой части его учения было бы целосообразно вернуться в особой статье, чтобы посвятить ей то внимание и то время, которого она заслуживает.

В заключение несколько слов относительно тех авторов, которые оказали влияние на Штерна. Трактование психического и физического, как различных форм проявления одной и той же сущности, напоминает Спинозу. Коренное отличие от Спинозы заключается, однако, в замене субстанции актуальностью, соответственно всей после-

¹⁾ Так, например, память есть способность, сексуальность — тенденция. Одно и то же качество оптически и филетически развивается из задатка в свойство.

гегелевской философии и естественной науке новейшего времени. Телеологическое понимание психофизиологических явлений, переносящее биологические методы в психологию, сближает Штерна с Бергсоном и неовиталистами. Наконец, роль, которую Штерн отводит расшифровке психических явлений для определения подсознательного или сверхсознательного телоса, *определяющую* психику, указывает на его зависимость в этом отношении от Фрейда и в еще большей степени от Адлера.

В общем персонализм Штерна может быть охарактеризован, как актуалистический биолого-телеологический монизм.

Исаак Шниглейн.

Стенограммы докладов, читаемых в Соц. Академии.

Проблема психологии в теории исторического материализма.

(Доклад т. Рейснера, прочитан. 8-го февраля 1923.г.).

Председатель — *Бизаров*. Объявляю заседание Академии открытым. Слово имеет тов. Рейснер для доклада на тему: «Проблемы психологии в теории исторического материализма».

Рейснер. Товарищи! Вряд ли я сегодня сумею сказать вам много нового. Я думаю, что значительная часть того, что я сегодня попробую изложить, вам уже, может быть, в достаточной степени известна, но мне было бы желательно остановиться на некоторых проблемах психологии с точки зрения исторического материализма, именно потому, что, во-первых, психология до настоящего времени пережила столь крупные перемены, до такой степени она уже приблизилась к подлинному облику естественной науки, науки в полном смысле слова положительной, что, конечно, необходимо обратить на нее серьезнейшее и особое внимание. Я отмечу в частности, что уже на последнем съезде по психо-неврологии мы имели с вами несколько докладов, которые прямо ставили вопрос о соотношении психологии и теории исторического материализма, в частности, я укажу здесь на доклад К. Н. Корнилова, а затем, во-вторых, на том же съезде при беседе с товарищами коммунистами и марксистами, которые там присутствовали, мы выяснили, что сейчас положительно назрел момент для того, чтобы марксистская точка зрения была

распространена и на эту область и чтобы, следовательно, эта наука получила бы в качестве некоторых руководящих и основных директив указания с компетентной стороны, со стороны какого-нибудь учреждения или объединения, которое в своей среде соединило бы марксистов. Тогда же речь зашла у нас о том, что было бы чрезвычайно желательно, чтобы Социалистическая Академия между прочим поставила эти вопросы в порядок дня и, может быть, она бы в этом отношении могла бы дать некоторые задания, по крайней мере психологам, которые особенно близко стоят к марксистскому берегу. Другое обстоятельство, которое заставило меня остановиться на проблеме психологии с точки зрения теории исторического материализма—это обстоятельство заключалось в том, что, с одной стороны, этими вопросами занимались до сих пор в марксистской литературе, по крайней мере, в нашей русской литературе, да и вообще в заграничной весьма мало; с другой стороны, эти вопросы приобретают особенную и актуальную значительность благодаря тому, что, во-первых, мы имеем государственное управление партии, стоящей на строго марксистской точке зрения, партии, которой пришлось встретиться в ее широкой деятельности и борьбе с массой вопросов, так называемой массовой психологии. Таковы прежде всего организация красной армии и связанный с этим вопрос о постановке так называемого духа армии или войска. В частности я упомяну, что эти вопросы настолько актуальны в наших военных учебных заведениях, что не далее, как в прошлом году, мне пришлось специально прочесть небольшой курс по общественной или социальной психологии в Академии Генерального Штаба рабоче-крестьянской красн. армии. Затем следуют вопросы агитации и пропаганды, которые должны вестись, само собой разумеется, не кустарным способом, а которые должны иметь в основе известную теорию массовой психологии. Наконец, вопросы борьбы на идеологическом фронте и связанный с ним вопрос о значении идеологии; а так как идеология является,—если позволите прямо здесь упомянуть положение тов. Бухарина—чем-то вроде сгущенной психологии, то ясно, что вопрос о психологии здесь стал в порядок дня. Я не буду касаться целого ряда других вопросов, начиная от психологии в процессе судеб-

ном, психологии в сфере воспитательной, особенно в области социального воспитания, психологии в деле производства и труда, в особенности при основании института труда,—все эти вопросы, конечно, стали для нас в порядок дня, несмотря на то, что, конечно, с точки зрения марксизма психология никоим образом не может являться такой основоположной наукой, какой является экономика, а ограничивается только сферой изучения второстепенных явлений, т.-е. таких явлений, которые как раз у нас во время господства рабоче-крестьянского государства действительно привлекли к себе серьезное внимание. Я к этому прибавлю, пожалуй, еще мотив личного свойства. Я очень долго работал и искал в области выяснения психологических задач с точки зрения марксистской, ибо мне как специалисту в области государства—а это по выражению Энгельса «первая идеологическая сила, стоящая над людьми»—конечно, приходилось заниматься и многими вопросами массовой психологии. И с этой стороны, конечно, для меня лично, является чрезвычайным удовлетворением, что я могу сообщить о некоторых результатах своих личных исканий в стенах Социалистической Академии.

После этого, товарищи, я прежде всего попробую установить тот психологизм и то его понятие, которое непосредственно дано теорией Маркса и Энгельса. В этом отношении я должен прежде всего констатировать, что исходный пункт теории марксизма тесно соприкасается с вопросами психологии. Как вам известно, теория исторического материализма исходит в своем определении общественного процесса из понятия производительных сил, производственного процесса и производственных отношений. Другими словами, в основе полагается понятие труда. Если же мы поищем определение труда у Маркса и Энгельса, то мы найдем, что это есть такое осуществление человеческих сил, которое, будучи приложено к миру вещественных материальных явлений в то же время есть психо-физический акт общественного человека.

Энгельс в своем кратком очерке, посвященном происхождению труда и отличию человеческого общества от предшествовавшего ему общества четвероруких, отмечает в данном случае значение человеческой руки. Спрашивается теперь, что же это такое действие человеческой

руки, которое полагается в основу труда, этой грани, отличающей человека от обезьяны? И если мы даже не будем привлекать здесь теории Сеченова и Павлова, о которых естественно Энгельс не мог ничего знать, мы должны будем установить, что здесь идет дело не только о сокращении полосатых мышц, но и о всем том процессе, который заключает в себе и соответственный разряд в нервных клетках и в известных пределах деятельность наших высших мозговых центров. Только принимая такую совместную деятельность мускулов и мозга, можно понять положение Энгельса о том, что именно труд явился тем первым движущим фактором, под влиянием которого мог обезьяны мог постепенно превратиться в мозг человека, а впоследствии создалось и обратное влияние мозга и зависимых от него способностей—все более и более проявляющегося сознания, способности к абстракции и умозаключению—на трудовой процесс. Труд в позднейшем своем завершении есть поэтому деятельность руки под контролем мозга. Как видите, совершенно правильный подход к труду, как психо-физиологическому процессу, был в данном случае уже сделан Энгельсом, правда, на основе его очень широкого естественно-научного образования. Этот подход в значительной степени определил ряд следующих психо-физиологических теорий в марксизме. Если же мы теперь остановимся на значении этого труда, то мы видим, что здесь благодаря объединению головы и руки, мускулов и мозга в едином трудовом процессе, человек входит в ряды сил природы не только как естественная сила, но, я позволю себе здесь цитировать характеристику трудового процесса, которую дал Маркс, но этот труд воскрешает вещи из мертвых, превращает из возможных в действительные, преобразовывает их согласно идее и назначению и в основу идеального плана полагает целесообразность. Момент целесообразности как раз отмечен Марксом в первом томе Капитала. А именно целесообразность, или как говорит Маркс, целесообразная воля, выражающаяся во внимании (процесс который опять таки мы должны назвать психическим), необходима во все время-труда и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом, как игрой физиче-

ских и интеллектуальных сил. Вот какого рода определение имеем мы с вами у Маркса и Энгельса, и подобного рода связь между трудом с одной стороны, физической природой трудящегося, с другой стороны, и психической стороной этого физиологического процесса, в-третьих, в результате дает нам не только изменение природы окружающей нас при помощи труда, но при помощи последнего мы получаем и постоянное изменение: собственной нашей природы. Я сказал бы, что Марксова теория отличается одним признаком. Он никогда не впадает в философическую отвлеченность, он умеет быть всегда практичным и умеет всегда стоять на почве единого живого человека и живого труда. И вот с этой точки зрения мы и видим, что здесь указывается некоторая линия, которая определяет развитие на почве труда этого самого трудящегося человека, который развивает дремлющие способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти. Таким образом мы можем сказать, что человек при посредстве труда идет от животногообразной инстинктивной формы к сознательной целесообразности. Отсюда, товарищи, мы не поступим неправильно с точки зрения исторического материализма, если мы обратимся к психологии и спросим ее, не может ли она нам научно сейчас ответить, во-первых, о соотношениях между нервно-мозговым раздражением и мускульно-моторной реакцией, о значении различных форм трудовой мотивации для интенсивности трудового процесса, о различных влияниях на трудовой процесс условий труда, действующих через посредство психических раздражителей, и, наконец, мы поставим те вопросы, которые подсказываются развитием современной психологии, в частности психологии труда. Мы ставим вопрос о возможности научного обоснования психотехники как наиболее целесообразной организации психической стороны труда с точки зрения научной экспериментальной психологии. Как вы видите, товарищи, я иду не от философии, я меньше всего занимаюсь вопросами философской психологии, но меня интересует здесь психология как наука, непосредственно связанная с экономикой, в частном случае — с трудовым процессом. И если я теперь подойду к психологии с другой стороны, с нарушением, может быть, отвлеченной систематики, то я сделаю это лишь потому, что меня к новому запросу побуждает на-

личность особого класса, класса рабочих, который по самому своему положению наиболее заинтересован в вопросах труда и его организации.

Впрочем мы принуждены сделать новый запрос к психологии и потому, что неоднократно, и в том числе Марксом и Энгельсом, были сделаны указания относительно своего рода изуродования и искалечения, в частности психического снижения и вырождения рабочего класса под влиянием определенных условий труда в известные эпохи и при наличии определенных форм производства. И в самом деле, поскольку теория исторического материализма является основой для революционного учения восставшего пролетариата, она не может здесь же не поставить в высшей степени важного вопроса, который, повторяю, уже формулирован Марксом и Энгельсом, главным образом, Марксом, хотя, конечно, и Энгельс в этом отношении дал много материала, в особенности по истории рабочего класса в Англии. Это влияние труда, его форм, продолжительности и интенсивности на состояние самого нервно-мозгового аппарата работника. В этом отношении было сделано достаточно наблюдений, и Маркс, как вы помните, здесь констатирует, ссылаясь на целый ряд буржуазных экономистов, пагубное влияние на психику работника известных форм разделения труда. Это бывает в тех случаях, когда в рабочем культивируется одна только специальность и способность, а в то же время подавляется весь остальной мир производительных задатков и дарований. Такая система утилизации рабочего, по выражению Маркса, похожа на то, как утилизируют скот в государствах Ла-платы, где убивают животных только для того, чтобы добыть их шкуру или сало. Изуродование, искалечение работника, обеднение рабочего индивидуальными производительными силами, понижение его духовных способностей, вплоть до тупости и апатии, является результатом такого монотонного труда—вот явления, которые требуют от современной психологии труда прежде всего проверки, точного экспериментального исследования, а затем и соответствующих психо-гигиенических и психо-терапевтических указаний. Заметьте, товарищи, что здесь мы пока еще не говорим о влиянии на рабочий класс и его отдельные группы общественных условий, специально его классового

положения. Из сказанного вытекают следующие вопросы по отношению к современной психологии, а именно: в какой степени разрушающе действуют на нервно-мозговую систему работника продолжительность, монотонность, интенсивность, формы разделения труда в современном производстве. Какие формы организации отдыха и труда способны парализовать подобные случаи снижения, ослабления и изуродования психики рабочего.

После этого, в порядке последовательности, должен отметить другую сторону теории исторического материализма, которая нас опять настойчиво ведет не только к вопросам психологии, но к целому ряду данных по массовой психологии, которую мы с вами находим у наших основоположников. Ибо, как мы увидим дальше, товарищи, и Маркс и Энгельс были не только превосходными экономистами, но они были талантливыми психологами в области массовой психологии. Подобного рода положения исторического материализма основаны, конечно, на одном утверждении, а именно, что человек есть не только существо производящее, но он является, вместе с тем, существом общественным или стадным. Производственный процесс есть процесс общественный, а производящий индивид есть общественно-обусловленный индивид. Вот почему Энгельс, указывая на переходные ступени от животного к человеку, отмечает громадное значение языка и речи, момент, который до настоящего времени в силу целого ряда условий не мог получить надлежащего раскрытия в марксистской литературе, но, как вы видите, он основоположниками нашими поставлен. А что такое есть речь? Речь есть не только средство общения, но есть определенное средство общения, построенного на так называемой звуковой символике. Символика же есть не что иное, как закрепление в знаке определенных рефлексов и отражений. А если это так, то тут необходимо возникает вопрос о психологии речи, как одного из средств общения. Весьма замечательно, что Маркс и Энгельс здесь опять предвосхитили одну мысль, которую мы с вами встречаем в современной психологии, уже обоснованную более или менее экспериментально и в настоящее время на ряде наблюдений. Это положение о том, что как раз речь предшествует мысли, и что наше сознание есть не что

иное, как молчаливая или немая речь, имеющая ее в качестве своего непосредственного предшественника. Я отмечаю только, что такой общественный источник сознания, как речь, дополняет другой, а именно труд, ибо мы, марксисты, стоим во всяком случае на трудовом, производственном и общественном основании мышления. Интересно отметить, что эта идея между прочим в последний раз получила признание и со стороны некоторых социологов и философов буржуазного лагеря, которые с некоторым запозданием пришли к этому самому положению помимо марксистской теории. Я отмечу здесь школу моего покойного коллеги по психо-неврологическому институту в Петербурге, профессора Де-Роберти, как вы помните, школу так называемых нео-позитивистов. Эта школа пришла к тому же самому положению, к которому пришел первоначально марксизм, а именно, что сознание есть явление не индивидуальное, но есть явление общественное. Так мы подходим, товарищи, с вами уже к общественной психологии, и если все, что побуждает человека к деятельности, неизбежно проходит через его голову, воздействуя на его волю, я бы этот термин Маркса мог заменить более точным, через его нервно-мозговую систему, то с другой стороны и общество, производя материальные ценности, в то же время,—и это Маркс и Энгельс подчеркивают,—производит идеи, являющиеся содержанием как индивидуального сознания, так и мыслительного процесса в головах масс, классов, народов. Вот момент, который подчеркивают Маркс и Энгельс,—процесс в головах масс, классов, народов, или их вожаков, что одно и то же. Это отражение окружающей действительности, влияющей на страсть и убеждение. Товарищи, страсть или убеждение—подлинные слова наших основоположников,—они выливаются в виде идеальных двигателей,—опять-таки подлинные слова Маркса,—и всевозможных целей. Таким образом мы имеем массу взаимно сталкивающихся идеальных побудительных сил, сознательных побуждений, желанных целей, которые и являются реакцией на отражение в сознании действительности. Однако этот процесс далеко не представляет собой точного, ясного и прямого отражения. Между прочим тоже большая заслуга марксизма заключается в том, что

он отметил чрезвычайные дефекты, неровности и неправильности в этом отражении. Мне приходилось иногда в марксистских рядах встречать положения, где утверждается, что будто бы это самое сознание и есть как раз точное, ясное и прямое отражение действительности. Именно Маркс и Энгельс оказались здесь настолько глубокими не только экономистами, но социологами и психологами, что они отмечают наличность весьма неточного, неясного и непрямого отражения. Наоборот, здесь две причины преломления. Во-первых, сама действительность оказывается настолько сложной, что она представляется в двойном и тройном отражении, даже, как говорит в одном месте Маркс, в перевернутом виде, или же действительность оказывается настолько темной, хаотичной, неорганизованной, что получается сплошь и рядом ложное отражение, а следовательно и не менее ошибочные волевые побуждения, приводящие не к воплощению поставленных целей, а весьма часто к обратным результатам. С другой стороны, и это отмечаю, было установлено теорией марксизма в высшей степени важное положение, которое только впоследствии господ психологи так или иначе поставили в порядок обсуждения своей теории. Сам человек, действуя под влиянием косности, привычки, прежнего опыта, страсти и бессознательных побуждений, инстинкта, недостаточной развитости и несовершенства мозгового аппарата (ибо это есть результат общества), совершает не менее ошибок как с одной стороны в отражении действительности, так с другой построении двигательного побуждения. Только исторически совершается переход от бессознательного инстинктивного реагирования на окружающее к сознательному процессу и построенным при его помощи производственным отношениям. Отсюда, товарищи, мы опять-таки видим, что психология, если она желает стоять на уровне истинной науки, должна нам выяснить этот гениально намеченный процесс, определить его механику, установить его развитие и течение и следовательно должна ответить нам о бессознательной и сознательной деятельности нервно-мозговой системы человека, должна специально рассказать нам относительно наличности бессознательного, подсознательного, или, как теперь любят говорить некоторые психологи, предсозна-

тельного восприятия и реагирования человека, о происхождении мышления до-логического, мифологического или мистического типа, о различных типах и формах сознания и отношения к действительности. Эти вопросы, как вы видите, поставленные психологии по ее адресу, вытекают непосредственно и необходимо из теории исторического материализма.

Теперь позвольте перейти к вопросу о различных формах идей и о превращении их в идеологии. В этом отношении мы видим, что на основании роста производственных сил, люди создают производственные отношения, также как и идеи, которые отражают эти отношения. Весь процесс проходит через мозг людей; благодаря разделению труда отделяется работа мозга от работы рук. В самих производственных отношениях разделяется вещь и идея вещи, содержание и форма, в которой сознаются данные отношения,—действительная двигательная сила, коренящаяся в росте-производительных сил, и идеальная движущая сила, идеальное стремление, во имя которых сталкиваются параллелограммы индивидуальных и массовых сил. Так как люди сами делают свою историю, то естественно, что поскольку каждое мускульное напряжение сопровождается работой мозга, постольку же и производственные отношения не только дают соответствующее отражение в мозгу, но осуществляют свое влияние на производственные силы и трудовой процесс. Маркс и Энгельс в особенности отмечают крупную роль так называемых идеологий, которые с одной стороны составляют один из их элементов производственных отношений (государство есть первая из идеологий), с другой стороны дают в головах людей самостоятельные движущие силы. Эти идеологии представляют собой мысли в качестве независимых сущностей, которые будто бы развиваются по своим собственным законам и являются в качестве ложных или призрачных побудительных сил. Благодаря идеологии люди страдают поразительной слепотой, идеология тянет вниз, как свинцовый груз. Следовательно, таким образом ставится перед нами вопрос об идеологии, об этих специальных и особых извращениях нашей мозговой деятельности, извращениях, которые играют весьма существенную и серьезную роль в самом построении производственных отношений и в определении тех

идеальных побудительных сил, которые являются в неправильном сознании человека.

Я должен, товарищи, отметить, что с моей точки зрения, как юриста, а также отчасти п социолога, эти учения теории исторического материализма об идеологии—это действительно, нечто замечательное в теории учения Маркса и Энгельса—это—открытие громаднейшего значения. И если впоследствии различные психологи пробовали в этом отношении уяснить природу подобных фантастических построений,—то учение Маркса оказывается и опередившим их по времени и наиболее обоснованным научно. Конечно, Маркс и Энгельс здесь работали в общем кругу той научной работы, которая была проделана среди так называемых левых гегельянцев. Вам в этом отношении известен Людвиг Фейербах, как непосредственный учитель Маркса и Энгельса. Я отмечу, что на ту же точку зрения в области правовой стал непосредственно ученик Фейербаха, также один из младо-гегельянцев, который, к сожалению, слишком мало известен был в литературе. И хотя Виндельбанд в своей истории философии посвятил ему пару страниц, но мы о нем знаем очень мало. Теперь, насколько я слышал от товарищей, на него наконец обращено внимание—это Людвиг Кнапп, который в своей «Системе философии права» дал чрезвычайно любопытную, вполне в духе Фейербаховского учения, попытку обратить внимание на построение идеологии. Он называет эти идеологии фантазмами, фантастической растительностью. Он в духе Фейербаха объясняет их содержание интересами так называемого рода человеческого и пробует построить психологию, которая в значительной степени является предтечей современной материалистической психологии. Это психология, которая уже различает не только мышление научное и созерцательно-эстетическое, но и мышление двигательное, близкое к тому понятию, которое в среде буржуазной науки поддерживает Джемс. Выдвигая эту мысль, Кнапп называет это мышление «das muskelerregende Denken» т.-е. мышление, возбуждающее мускульное или моторное сокращение. И вот с этим моторным мышлением он специально связывает строение всевозможных фантазм, возбуждающих движение. Задачей философии права он считает раскрытие этих фантазм. Конечно, как вы видите, в одном

отношении его теория стоит гораздо ниже теории марксистского учения об идеологиях.

Учение Кнаппа висит в воздухе подобно учению Фейербаха в значительной своей части. Он не подводит экономически-производственного основания под эти фантазмы. Он ограничивает с одной стороны психологией, с другой стороны понятием рода. Я, товарищи, не могу здесь удержаться от того, чтобы не раскрыть маленького недоразумения, которое между прочим постигло тов. Стучку в его нападках на психологическую теорию Петражицкого. Тов. Стучка решил зачислить и меня в ученики Петражицкого. Если вы заглянете однако в мою книжку «Теория Петражицкого, марксизм и социальная идеология», вышедшую в 1908 году, вы увидите, что в этой книжке, разбирая теорию Петражицкого, я доказал и достаточно основательно, что Петражицкий все лучшие основные части своей теории непосредственно заимствовал у фейербахианца Людвиг Кнаппа. Я не буду сейчас касаться вопроса о том, поскольку это разоблачение было принято, как обвинение Петражицкого в плагиате, не буду говорить о том, к каким мерам Петражицкий прибегал для того, чтобы уничтожить это крайне неприятное для него разоблачение. Но из этих фактов вы видите, что я лично, будучи сторонником марксистского освещения массовой психологии, в данном случае меньше всего ценю Петражицкого, которого я многократно подвергал жестокой критике, а в данном случае разоблачению,—но я конечно,—и я это с удовольствием подчеркиваю лишний раз,—высоко ставлю Людвиг Кнаппа, который между прочим имеется в кабинете права и государства, в институте Карла Маркса и Фридриха Энгельса при соц. Академии, и я очень бы приветствовал, если бы мы сейчас перевели его труд на русский язык в качестве замечательного исторического памятника, конечно, с соответствующим марксистским предисловием. Вот, товарищи, моменты, которые связаны с марксистской теорией идеологии. Лишнее здесь говорить о том, что эта теория представляет громадный интерес для нас, так как именно такие явления, как государство, право, искусство, религия и философия,—они как раз в марксистской теории объединяются одним общим названием идеологии, а следовательно и нуждаются в

известной общей предпосылке, в известном общем изучении идеологии прежде, чем ставить более менее детально вопрос о той или иной отдельной идеологической форме.

Итак, я скажу, если современная психология желает нам ответить на большие для нас вопросы, поставленные теорией исторического материализма, — она должна нам сказать о том, как закрепляются различные виды идей, как превращаются они в идеологию. Следовательно должна ответить на вопрос о различных ветвях сознательной, общественной символической. Она должна ответить нам специально о характере и формах вытесняющего психического аппарата, о природе нормативов, об установлении их, о создании своего рода внутренней общественной цензуры, о способах критического анализа идеологического содержания и уничтожения путем его источников возникновения идеологии.

Теперь, товарищи, я остановлюсь на последнем общем вопросе, который ставит теория исторического материализма по отношению исключительно к общественной психологии, коллективной или массовой.

И я отмечаю, что здесь Маркс и Энгельс не только наметили определенные пути, не только указали объект для научного исследования, но они сделали опыты разрешения этих задач и опыты в высшей степени интересные, а именно здесь мы можем исходить из следующих положений. Отражение производительных сил и производственных отношений в головах людей, точно так же как второстепенное влияние сознания правильного или неправильной идеологии совершается в общественной среде и обуславливает собой общественную или социальную психологию, в частности психологию масс. Между прочим тут мы находим указания на признак расовой и национальной психологии, психологии класса, групп и т. д. Маркс и Энгельс неоднократно дают подобные характеристики социальных психологических явлений. Люди с этой стороны являются носителями (поразительное, сказал бы я, художественное определение,) носителями характерных экономических масок, которые представляют собой вообще лишь олицетворение экономических отношений, в качестве носителей которых эти люди противостоят друг другу, выступая в рамках такого драмати-

ческого и трагического представления на твердой основе тех заданий и ролей, которые здесь обусловлены производственными отношениями. Маркс специально остановился на характеристике той маски, которую носят капиталисты в общественном процессе в качестве олицетворения капитала, одаренного волей и сознанием; последние же моменты воли и сознания, моменты, как вы видите, психологические. Таким образом капитал, олицетворенный в лице капиталиста, выступает перед нами в качестве своеобразной психологической общественной категории, и мы видим действительно, что Маркс делает не раз опыты построения таких характеристик и притом необычайно ярких. С этой точки зрения он определяет таких капиталистов как функцию капитала; капитал же, превращенный в психологическую категорию, одарен в лице капиталиста сознанием и волей. С этой точки зрения мы получаем ряд исторически обусловленных психологических типов. У Маркса и Энгельса мы встречаем характеристику буржуазии. Она характеризуется (сначала слова Энгельса). жадностью, страстью к наслаждению, алчностью, грабежом, эгоистичностью. Это все взято, как вы помните, из «Происхождения семьи, собственности и государства». Здесь она далее характеризуется культом денег под плащом любви, лживостью и лицемерием. Буржуазии свойственен, — говорит далее коммунистический манифест, — холодный, эгоистический расчет и сухая эксплуатация. Вот — сознание и воля, вот — эта одушевленная функция капитала, который живет перед нами в яркой фигуре капиталиста. Теперь у Маркса мы находим характерную психологическую историю капиталиста. Последний на страницах «Капитала» переходит от самоограничения и фанатизма накопления к открытому поклонению золотому фетишу; далее он позолачивает свой дом при помощи различных форм накопления сокровищ золота и серебра, и в различных формах производства обнаруживает различную психологию накопления. Наконец, на страницах истории проходят всевозможные ступени развития от представителя хищнического античного капитала, который накапливает исключительно потребительные ценности, до капиталиста нового времени, который накапливает эти ценности для того, чтобы пустить их в оборот и этим путем получить прибавочную стоимость.

Это все категории чисто психологические и этот капитал, олицетворенный в лице современного капиталиста, одаренный волею и сознанием, выступает по отношению к рабочим с неслыханной свирепостью, он беспощаден по отношению к рабочим, но он бывает также расточителен в известные эпохи, хотя под этой расточительностью и скрывается гнусное скряжничество. Вот главные черты характеристики капиталиста. Само собой разумеется, тот, кто пожелал бы на основании данных Маркса и Энгельса дать классовую психологию этой самой характеристики, тот мог бы построить потрясающие по своей жестокости образы. Но далее мы с вами имеем характеристику рабочего класса. И Маркс и Энгельс точно так же в исторических перспективах дают нам характеристику самых различных типов рабочих, начиная с рабочих, превращенных в настоящих рабов, в психологических рабов; рабочих, которые превращаются в работорговцев своими собственными детьми примирившихся с властью буржуазии, и кончая после обзора целой галлерей рабочих типов высокими фигурами революционно и коммунистически осознавших себя пролетариев, этих олицетворений одухотворенного труда. Между этими полюсами, повторяю я, целая галлерей выступает перед нами в различных условиях и в разные периоды капиталистической жизни в разных странах, во время различных революционных движений в отдельных европейских державах. Лишнее говорить, что в исторических произведениях, которые дают классические образцы психологической характеристики, мы имеем изумительные изображения этого самого рабочего класса, начиная с его участия в революции 48 года во Франции и Германии, вплоть до его выступления в коммуне, и вы согласитесь со мной, что вряд ли мы где-нибудь найдем более яркие и более научные, изящные характеристики. Недаром один из буржуазных профессоров, бывший профессор Московского университета Кистяковский в своей книге «Социальные науки и право» счел необходимым к своему великому удивлению отметить, что Маркс и Энгельс опередили буржуазную науку в социальной психологии.

Можно упомянуть здесь и о характеристике мелкобуржуазной стихии, которая не раз характеризуется в трудах того или иного из наших основоположников. Уста-

лость мещанства, его трусость, его сентиментальность и романтичность, болтливость и запугивание других, полная неспособность принести свою личную выгоду в жертву даже собственным классовым интересам и т. д.,—все это дает нам общую яркую картину. Тут же мы встречаемся с характеристикой сельской жизни, с ее идиотизмом, с отупением сельского рабочего, с ролью сельского труда в деле громадного снижения психики сельско-хозяйственных рабочих. Роль крестьянства в последнее время так же,—все это очерчено, опять повторяю, тонко и глубоко. Особенно отчетливо даны характеристики крестьян во время крестьянских войн, в 48—52 г.г. во Франции и в 50 годах в Ирландии. Отмечается попутно психология «идеологического сословия», другими словами—интеллигенции. «Идеологическое сословие» у Маркса взято в кавычках. Он, несомненно, заимствовал это понятие у Гегеля, у которого как раз имеется уже такое «общее сословие». Вот это идеологическое сословие, которое он характеризует в качестве интеллигенции, получает также несколько очень метких замечаний, в частности, по поводу первоначального беспристрастия этой интеллигенции в начале развития капиталистического хозяйства в Англии и, наконец, полного извращения этих продажных перьев впоследствии. Психологический перелом, который в точности соответствует переходу этой интеллигенции из одного экономического положения в другое. Впрочем, на этом дело не останавливается. Мы находим психологическую характеристику пердобытного человека, варвара высшей ступени с его храбростью, честностью, свободолюбием, демократическими инстинктами и т. д., рабов с их экстенсивным трудом и т. д. Я должен сказать, что здесь можно без конца цитировать и цитировать. И вы, товарищи, поймете после этого, что в кружке, который работает под моим руководством при Университете, мы там между прочим поставили себе задачу: выяснить, на основании учения Маркса и Энгельса, основные типы классовой и групповой психологии, как они складываются на основе определенного уровня производительных сил и форм производственного процесса. Я надеюсь, что мои слушатели справятся с этой задачей и, в конце концов, дадут нам, может быть, такого рода характеристики. Между прочим Маркс отмечает и

беллетристическую литературу, как данные для такого рода массовой характеристики. Я укажу здесь его ссылку на Бальзака и его изумительный социальный роман: «Крестьяне». По-моему, здесь дана совершенно правильная характеристика, и можно было бы прямо, на основании подобного рода беллетристических произведений—нарисовать, я бы сказал, изумительные картины массовой, в частности, классовой психологии, в основу которой можно было бы положить труды какого-нибудь—у нас Глеба Успенского, Горького, Толстого, Достоевского, а из иностранной литературы—Золя и проч. Но этой теме, конечно, принадлежит дальнейшая разработка. Ну вот, из приведенного материала вытекают как раз некоторые запросы к коллективной или социальной психологии. Она должна выяснить нам зависимость от условий труда и хозяйственного быта явлений косности и традиции. Где, при каких условиях, когда, необходимо создается установление той мертвечины, о которой говорят наши основоположники. Нужно выяснить связь между производственными отношениями и распространением господства массового подражания. Надо выяснить, в какой мере, в зависимости от экономической структуры, рождается и увеличивается внушаемость среди масс. Нужно исследовать, в какой степени мы имеем зависимость от экономики типа и форм общественного сознания, какие условия дают нам мистику, романтику и рационально организованное сознание. Нам нужно выяснить, при помощи психологии,—и она должна нам в этом помочь, если она действительно желает идти научным путем—выяснить психологически данные, как олицетворение производственных отношений, лежащие в основе авторитарных, нормативных и телеологических связей. Установить зависимость как положительную, так и отрицательную—так как у Маркса мы встречаем и отрицательное обусловление психологии. Надо выяснить характер, энергию, способность к организации и устойчивости мысли, и мне кажется, способности к борьбе в определенных классовых группах. Надо выяснить психологию классовых взаимоотношений на основе роста производительных сил, то самое, по словам Маркса, высшее общее освещение, при котором исчезают все остальные краски, и которое модифицирует их в их особенностях.

Это особый эфир, который определяет специфический вес всякого в нем выступающего бытия.

Товарищи, вот вкратце те основные положения, на которых я хотел остановить ваше внимание, и те вопросы, которые из них вытекают. Теперь мне остается вторая часть моей лекции или моего доклада.

Товарищи, позвольте мне теперь в очень кратких чертах, следовательно, в очень общих, боюсь сказать, поверхностных чертах, остановиться на некотором очерке состояния современной психологии для разрешения вопроса о том, насколько она может ответить на те в высшей степени важные практические вопросы, которые ей ставит теория исторического материализма. По этому поводу считаю долгом отметить прежде всего, что идеалистические и метафизические направления в психологии доживают свои последние дни. Конечно, они еще существуют, но уже уклон современной психологии твердо обозначен в сторону наглядных экспериментов, сближения и установления связи с физиологией. Здесь в настоящее время как будто другого выхода, действительно, нет, и даже те психологи, которые пробуют найти некоторое спасение в теории и устанавливают параллелизм между физиологией и психологией, материей и духом, как это делает *Челпанов*, однако в тех случаях, когда дело доходит до дела, они принуждены волей-неволей становиться на материалистическую точку зрения и рассматривать явления психические исключительно, как известную сторону физиологического процесса. В этом отношении громадное значение получила физиология для психологии. Школа Павлова с его условными рефlekсами имела колоссальное влияние, ей следует сейчас отчасти и *Бехтерев* в построении своей объективной психологии или рефлексологии; с *Бехтеревым* только не следует знакомиться по его «коллективной рефлексологии», которая представляет из себя книгу, совершенно не имеющую научного значения; может быть, скорее можно с ним познакомиться по учениям многочисленных его учеников в роде *Герера*, *Ижмента* и *Лазурского*, известных работников в области нервно-мозговой системы.

Если мы обратимся теперь от физиологов к психологам, то мы найдем, что здесь в настоящее время твердо

уже установился подход к психологии через физиологию и, если вы даже возьмете такой популярный труд, как работу Уильяма Джемса, то вы найдете здесь очень серьезно проведенную попытку исследовать все время процесс, прежде всего—физиологический. В области нервной физиологии и анатомии очень важно, с моей точки зрения, то открытие, которое делит сейчас нашу нервно-мозговую систему на несколько комплексов, при чем составные части этих комплексов способны к взаимной связи и к разрыву. Эта подвижная система, которая может связывать те или иные центры системы в общий организм и может точно также их разрывать и разъединять. Таким образом можно представить себе один процесс, который протекает исключительно через нашу чувствительную нервную систему, затем поднимается к cerebro-спинальным клеткам и оттуда дает непосредственный ток в двигательную систему и там рождает соответствующую реакцию. Возможны подобного рода разряды, которые уже будут захватывать собой продолговатый мозг и мозжечок. Наконец, имеются процессы, которые на пути от чувствительной к моторной системе пройдут через подкорковое или корковое вещество.

Все эти процессы в одинаковой степени начинаются в чувствительной и заканчиваются в том или ином объеме в моторной системе. Единство в этом отношении громадное, и затем, как вы видите, какая пластичность этих нервных мозговых раздражений. Отсюда современные психологи устанавливают различные виды психологических проявлений, начиная от чисто рефлекторных, самопроизвольных, инстинктивных и кончая, в конце концов, высоко сознательными процессами, теми, которые проходят через высшие задерживающие центры. Я упомянул об этом, может быть, известном вам уже факте только для того, чтобы установить, что современная психология подошла благодаря такой физиологической предпосылке, к экспериментальному исследованию различных видов нашей психической деятельности, которые оказываются далеко не сознательными, как это иногда представляют себе,—напротив, они имеют громадную скалу от бессознательного или подсознательного вплоть до высокосознательного обнаружения этого нервно-мозгового процесса. Вот, установленная, на-ряду с сознательной жизнью, подсознательная жизнь была, я бы сказал,

большим открытием. И наука занялась преимущественно разработкой этих подсознательных или бессознательных процессов. Отмечу, что любопытными пионерами в этой области, опять таки оказались не психологи старого идеалистического типа, психологи-философы, а преимущественно врачи-психопатологи и психиатры. Начиная с исследований *Шарко*, подтвержденных и развитых опытами *Льбо* и *Бернгеймом* над различными формами внушения, мы с вами имеем грандиозное течение в области прежде всего психо-нефной терапии, которая занимается исследованием подсознательной и бессознательной жизни человека. И оказалась картина необычайной пестроты. Выяснилось, что параллельно с нашей сознательной психической жизнью идет подсознательная или бессознательная жизнь, которая способна врываться в нашу сознательную сферу и нарушать ее течение. Выяснилось дальше, что эта подсознательная сфера имеет свои особенные источники, свои особенные типы восприятия. Она была обследована экспериментально, и был поставлен вопрос о внушаемости вообще, о внушаемости непрямой, о внушаемости прямой. Были изучены способы, виды и типы подобного рода внушаемости. В этом отношении, я отмечу между прочим одного из учеников Джемса, Бориса *Сидиса*, который напечатал еще в 70 гг. замечательную книгу по психологии внушения. Она, между прочим, переведена на русский язык. Наряду с целым рядом книг переведен также *Бернгейм*, *Пьер Жане*, *Дежерин* и его ближайший сотрудник *Гоклер*, переведен *Форесть* с его гипнотизмом, переведен *Моль*—и мы имеем с вами достаточно обширную литературу на русском языке. Эта литература выясняет нам с необычайной доказательной силой, что человек не властен в себе. Истина детермированной воли обнаруживается экспериментальным путем, при чем это детерминированное сознание, подсознание или бессознание дает, с одной стороны, чисто патологические явления, различные формы истерии, с ее раздвоением и расстройством личности, различные виды сомнамбулизма, психостении и т. д., а с другой стороны дает нам формы, которые казались бы нормальными и которые дают нам крайнюю рассеянность, забывание, различные формы раздвсения и расщепления сознания, всевозможные аффекты и двигательные моменты

из нашей подсознательной сферы, которые оказываются совершенно непреодолимыми для нормального человека. На этой почве затем развиваются две области. С одной стороны развивается учение о внушении, которое достигает высокого развития. Первоначально внушением и гипнозом занимались только шарлатаны, различные магнетизеры, месмеристы и т. п. В настоящее время внушение имеет значительное поле исследований. При чем, что любопытнее всего, это внушение начинает подходить и к тому вопросу, который был затронут социологами — *Михайловским, Тирфом, Сигеле* и др., а именно — о внушаемости толпы или масс. Эта внушаемость исследуется, выясняются между прочим и некоторые обстоятельства, которые приводят к такой внушаемости. В частности у *Сидиса*, который переходит к такого рода опытам в области массовой психологии, я нашел замечательнейший пример, который он, не марксист, совершенно бессознательно приводит в духе исторического материализма. Он рисует нам современные, или, по крайней мере, до последнего времени происходившие колоссальные психические эпидемии в Америке, — эпидемии, которые захватывали десятки и сотни тысяч людей. Появляется какой-нибудь пророк, этот пророк предвещает гибель населения, и в Америке, в стране, с такой невероятной законченностью и завершением капиталистической культуры, в этой стране, — мы видим, как собираются сотни тысяч народа вокруг подобного пророка, бросают все свое имущество, все, что было ими с таким трудом и с такой страстью накоплено, — сосредотачиваются в пустынных местностях, или в каких-нибудь городах вокруг этого пророка в ожидании чудес, знамений, исцелений, которые действительно совершаются, в ожидании великого и последнего чуда — спасения человечества и проч. Правительство должно было принимать экстренные меры для продовольствования этих масс народа, оно должно было мобилизовать своих врачей и все медицинские средства для прекращения возможных эпидемий или каких-нибудь тяжелых заболеваний в этой обезумевшей массе сотен тысяч людей. Затем почему-то подобного рода эпидемии внезапно прекращаются. Насколько они заразительны, — рассказывает *Сидис* любопытный случай. Поехали туда скептики — мужчина и женщина, ехали на собственной лошади,

чтобы посмотреть на это безумие и, когда они приблизились к их лагерю, сначала женщина сказала: «Поверни лошадь, потому что, если я останусь здесь, я не смогу удержаться». Действительно через минуту, она прыгает из коляски, бросается в конвульсиях на землю, а затем бежит к массе. Мужчина попытался повернуть обратно, но тоже не выдержал и побегал к толпе, подчинился этому массовому внушению. Что же, какие причины и основания этому можно указать?

Можно подумать, что здесь мы с вами имеем явление, которое может быть истолковано исключительно психическими причинами, но и здесь в основе лежит та же самая проклятая экономика. Сам *Сидис*, хотя он и говорит в другом месте о таких вечных, чуть ли не метафизических категориях человеческого духа, однако является достаточно честным наблюдателем, чтобы нам передать некоторые секреты такого рода массового духовного производства. Оказывается, что эти эпидемии регулярно следовали за великими крахами американской промышленности, которые в буквальном смысле в одну минуту уносили благосостояние миллионов людей. Затем он указывает нам и на другое обстоятельство, — он отмечает, что психика средней обывательской массы в капиталистическом обществе подвергается тяжелому влиянию, которое ее ставит в состояние безмерной внушаемости. Какие же это влияния? Это как раз та дисциплина арестантского дома, которая охватывает каждого мелкого деятеля данной хозяйственной среды, которая ставит ему железные стены, их же не преjdeши, это безмерная монотонность, которая суживает его поле сознания до минимальных размеров, делает его абсолютно неустойчивым, в области выработки того, что можно назвать нормальной здоровой человеческой личностью. Этот человек оказывается психически изуродованным, необычайно слабым, он держится только теми подпорками и отношениями, которые заковывают его совершенно и предопределяют всю его жизнь от начала до конца и прочее. Такой человек психически изуродован, и в момент, когда разворачивается указанный промышленный кризис, неизбежно оказывается лишенным всех своих подпорок и обнаруживает свойства необычайной внушаемости.

Товарищи, я полагаю, что в настоящее время нельзя быть общественно-сформированным человеком, если не ознакомиться с наукой о внушении, ибо только этим путем мы можем выяснить с вами тот механизм, при помощи которого не только отдельные лица, но и крупные массы могут быть в худшем случае захвачены при помощи гнусной демагогии, бесстыдных и наглых реклам, при помощи каких-нибудь средств религиозного и мистического дурмана и захвачены с громаднейшим действительным успехом. При помощи науки о внушении вы можете открыть изумительнейшую технику, которая между прочим получает громадное применение в религиозном культе всех исповеданий. При антирелигиозной борьбе игнорирование вопроса о внушении есть один из самых величайших пороков, и характерно, что в то время, как мы увлекаемся самой шалой физиологической теорией, в то же время мы игнорируем громадную научную область, которая может сослужить нам замечательную службу в области антирелигиозной пропаганды. Я отмечаю далее, что на-ряду с такого рода учением о внушении в настоящее время необычайно развилась наука, которая имеет во главе своей *Фрейд*. Он не только подверг основательному обследованию область подсознания и выявил его механизм и содержание, но и достиг крупных успехов в психотерапии. Я отмечу, впрочем, что на-ряду с его школой работает аналогичная школа и в Париже. Как раз учение *Дежерина* о психо-неврозах переведено на русский язык профессором *Сербским*. Оно аналогично по основным своим принципам психотерапии *Фрейд*овской методе. Конечно, эти теории не могут быть нами непосредственно применены с медицинской целью, но эти учения могут быть нами использованы в том смысле, что они раскрывают нам методы для анализа подсознания и выяснения его аппарата. Этот метод был найден *Фрейд*ом при лечении психических неврозов, где он встречался с наличием скрытой под порогом сознания психической травмы, образовавшейся на почве вытеснения из сознательной сферы определенных социально-осужденных влечений или эмоций. Эти заглушенные процессы, не имея возможности получить нормального разряда через наши высшие мозговые центры, создавали себе болезненные пути разрешения и

становились источниками нервного расстройства. При помощи психоанализа подсознательной сферы главным образом чрез посредство анализа снов удалось не только вскрыть источники болезни, но и вылечить их путем простого проведения чрез высшие центры того раздражения, которое было ко вреду для организма задержано в области низших центров нашей нервно-мозговой системы. Психоанализ дал сверх того очень много к учению о символах и символике. Оказалось, что символика наших сновидений, столь свободная и необузданная в своей фантастике, повторяемая нами в области художественного творчества, на самом деле не фантастична, не свободна, а совершенно предопределена и детерминирована. Таким образом мы подходим к раскрытию содержания мистического, мифологического символа дологического мышления.

Это важно в особенности потому, что нельзя уже не видеть, что человечество в своем реагировании на действительность и в построении целого ряда идеологии — пользуется различными методами мифологической или мистической символики. Метод, который на первый взгляд совершенно произвольно соединяет наш опыт с символикой, не имеющей с ним никакой связи ни по содержанию ни по форме, как будто бы является совершенной фантастикой. С другой стороны мы имеем определенную символику эстетическую и символику рациональную, при чем последняя строится логически и научно и употребляется для построения научных систем. Я не думаю останавливаться здесь на подробном рассматривании различных этих трех типов использования символики и ее построения, но я отмечу, что область свободной интуиции, которая для многих мистиков является последним прибежищем, как напр., для Берсона и некоторых других — эта область в настоящее время постепенно раскрывается, и она дает новую закономерность, а может быть и более устойчивую, нежели та, которую мы находим в области эстетического восприятия и восприятия логического. Здесь, конечно, еще не сделано все и еще много осталось сделать. Но то, что сделано в этой области Фрейдом для раскрытия символики, построенной на эротике, на половой сфере, — это уже громадный шаг вперед. И здесь дает нам Фрейд интереснейшую картину, изображение того, как человек идет в своем

теперешнем процессе фило-генезиса, повторяя в своем личном развитии исторический процесс развития от первобытного человечества к современному, как человек хранит в своем подсознании те пути, которые прошли его отдаленнейшие предки. И вот выяснилось, этот аппарат под-сознания содержит в себе первичную массу непосредственно половых, эротических переживаний. Таким образом субъект и субъективность в человеке, прежде всего, выявляется и исчерпывается в значительной степени эротикой и половой сферой, которые наполняют человеческое существование, прежде всего, как своего рода непосредственное истечение его физиологии. Это особенно любопытно потому, что современные открытия *Штейнаха*, *Розанова* и др. установили, что как раз величайший возбудитель нашей энергии, творческой деятельности и в том числе энергии нашего разума—это как раз та внутренняя секреция, те гормоны, которые выделяются нашими яичками, половыми железами. Если вы сопоставите это открытие *Штейнаха* с тем, что в этой области говорит нам *Фрейд*,—мы получим любопытнейшую картину первых ощущений в качестве непосредственного восприятия деятельности нервной системы, связанной с нашими половыми органами. Поскольку затем человечество переходит на высшую ступень, жизнь становится ареной более интенсивной борьбы за существование, трудового процесса производства и т. п., постольку же, повторяю, оно исторические пути своего развития переведет на другие формы восприятия, восприятия уже внешние, отражения при помощи внешних чувств и трудом воспитанного разума. И вот происходит любопытная борьба,—такова, по крайней мере, гипотеза—между содержанием этого первоначального подсознательного, насыщенного эротикой и последующим сознанием, которое опирается на внешний опыт и экономику. В этой борьбе происходит постепенное вытеснение эротического содержания в область подсознания, вытеснение, которое заканчивается однако в подсознании особым процессом, который дает всевозможные сгущения, перенесения и подстановки, создает особую символику и т. п. И вот эта символика, созданная человеком на основе первобытной эротики, дает известные отражения во внешней сфере борьбы за существование и определяет сознание целым рядом

мистических и мифологических представлений. Это первая идеология, которая дана человеку. Затем, в процессе исторической борьбы, производственной борьбы и пр. этот аппарат усложняется, и мы в человеке таким образом находим подсознательное, заключающее в себе ряд вытесненных переживаний, преимущественно эротической сферы, к которым присоединяются другие переживания, которые даны были или инстинктивно, или были вначале вполне сознательными и затем получили подсознательный характер и, наконец, имеется сфера сознательная. Фрейд установил пока три категории — бессознательную, предсознательную и сознательную, при чем, на пороге сознания он предложил в качестве особой цензуры аппарат, который отталкивает в бессознательную сферу все те влечения и эмоции, которые принадлежат к вредным для человечества пережиткам, в данном случае например кровосмесительной эротике. Если же Фрейд пробует где-где указать на социальный момент подобного развития, то он принужден опять таки прямо идти к указанию на экономику, как на тот фактор, который преобразует эту работу нервно-мозговых центров в историческом процессе, и в конце концов приспособляет человечество к его внешней среде и таким образом предопределяет его судьбы. Между прочим, это интересно еще и потому, что, если вы проверите «историю происхождения семьи, собственности и государства», как она написана была Энгельсом, то вы увидите, что и там первичными формами инстинктивных отношений были отношения, построенные на кровной, родовой, а впоследствии семейной сфере, которая ближайшим образом охватывает собой как раз половые импульсы и эротические отношения; $\frac{3}{4}$ книги, во всяком случае половина книги, «о происхождении семьи, собственности и государства», посвящены именно процессу развития различных форм общества от биологии к сознательной экономике, при чем мы здесь находим прогрессивное вытеснение первоначального кровосмесительного брака вплоть до последующих полигамных и моногамных форм классового строя. Как вы видите, психология и здесь оказывается путем, идущим экспериментально, и здесь она ведет любопытнейшим образом к тем проблемам, которые мы с вами поставили.

Я, товарищи, еще раз оговариваюсь, в моем кратком по необходимости и слишком общем изложении я останавливаюсь весьма бегло на вопросах, которым можно было бы посвятить целый ряд лекций. Между прочим я очень настаиваю на том, чтобы наши молодые ученые, наши марксисты, действительно ознакомились с этими вопросами не только из моего изложения, — ведь я подхожу к этим вопросам с самой узкой специальной точки зрения, — но чтобы они ознакомились с изложением современных более или менее выдающихся специалистов из области материалистического обоснования экспериментальной психологии. И я убежден, что они нашли бы здесь чрезвычайно много, так же много, как сейчас мы находим для области труда, трудового процесса и трудовых отношений. Я рассчитывал, что сегодня на моем докладе для того, чтобы меня поправить, будет кто-нибудь из нашего Института Труда, где как раз имеется аппарат специально по так называемой психотехнике. Этой психотехнике между прочим тов. *Ерманский* посвящает статью в одном из номеров «Вестника Социалистической Академии». Я сейчас отмечу только, что, конечно, эта психотехника, как она сейчас развилась в буржуазных государствах, не может нас никоим образом удовлетворить, так как она пр-водит определенные классовые интересы, организует производственные отношения строго капиталистического общества. В этих целях прежде всего психотехника ставит и должна ставить вопрос о выборе профессий, о том, как после исследования каждого отдельного индивидуума наметить, для какой отрасли труда этот индивид пригоден. Такого рода учреждения действуют в капиталистически организованных странах, в частности в Америке, и притом весьма интенсивно и, конечно, они имеют большую поддержку со стороны капиталистов именно потому, что путем такого определения силы и типа внимания, формы и типа памяти, характера восприятия, ширины сознания и т. д., подбирается для капиталистов группа наиболее пригодных рабочих, следовательно таких, из которых каждый может оказаться на своем месте, каждый делает наилучшим образом ту работу, которая ему поручена.

Там, где нужны люди с особенной зрительной памятью, подыскиваются именно такие; где действуют определен-

вые звуковые сигналы, там ставят людей с развитым слухом; там, где нужны люди, специально приспособленные к монотонной утомительной однообразной работе, там ставят людей, обладающих суженным полем сознания, а тех, которые совершенно не приспособлены к монотонной работе, они их ставят в другие места, где имеется известное разнообразие и пр. Подбор был в этом отношении настолько успешен, что когда подбирались соответственная категория телефонисток, вагоновожатых и штурманов, то выяснилось, что отбор действовал безошибочно. Проверили правильность действия этого аппарата. Для этого посылали на испытание в качестве неопытных кандидатов известное число лучших работников. Так, при испытании вагоновожатых, были посланы в составе подлежащих испытанию лиц некоторые из опытейших вагоновожатых. Здесь в психологической лаборатории производилось испытание, и что же оказалось? что лучшие, опытейшие работники оказались действительно в первой категории. Товарищи, в этом отношении нам о работе психологической лаборатории в капиталистических странах спорить не приходится. Там имеется достаточно определенная и чуткая категория надзора, это—капиталисты, которые заинтересованы в наилучшем подборе рабочих для своих предприятий и поэтому они оплачивают только те психологические лаборатории, которые поставляют им лучших людей. Заняться этим вопросом было бы интересно и для нас, ибо мы с вами сплошь и рядом встречаем людей, находящихся не на своем месте, и было бы по-моему совершенно недурно, если бы у нас при нашем Институте Труда работала какая-нибудь научная, правильно поставленная лаборатория, которая бы определяла, куда данный товарищ годится, на какую работу и пр. Тогда мы имели бы с вами не только биржу труда и желающих записаться, но имели бы специально отобранные профессиональные психические типы. Должен я далее указать на другую область деятельности этих психологических лабораторий, где они исследуют условия труда в целях устранения препятствий психического характера при работе. Например, делаются опыты со светом. Работает группа трудящихся, им ставят то одно освещение, то другое, и следят, при каком освещении они будут лучше работать. Лучи

определенного цвета повышают интенсивность труда, и оказывается, что вот, если в данном предприятии вставить стекла красного цвета, то в данном случае интенсивность труда повышается. Точно также производится исследование, в какой степени данная машина отвечает психо-физическому аппарату человека и следовательно соответствует механике его движений. Если ему при этом приходится преодолевать целый ряд препятствий, трение и тому под., то в данном случае приходит на помощь научная организация труда, которая меняет машину и требует установления другой, более соответствующей психо-физиологической природе человека; этим путем опять таки повышается интенсивность и производительность труда. Мы имеем с вами и влияния другого рода. В психологических лабораториях производится научное исследование влияния ритма на труд, которое дает, с одной стороны, установление в самой машине определенной ритмики, повышающей производительность труда, с другой стороны, приводит к тому, что или устраняется шум, мешающий работать, или, наоборот, вводится музыкальное сопровождение труда, повышающее производительность.

Такого рода исследования опять-таки дают, товарищи, ценные данные. Здесь имеется громадная область, которая опять-таки поставлена совершенно экспериментально. И вот в этой области ставится, между прочим, вопрос о том, насколько те или иные условия труда влияют на психику рабочего. Но как ставится. И здесь тоже сказывается различие между нашей точкой зрения и точкой зрения капиталистического общества. Оно в лучшем случае ставит вопрос об использовании его сил без нарушения его здоровья. В действительности, однако, этот вопрос так не ставится. На самом же деле идет речь об использовании рабочего, его эксплуатации с тем, что, когда он будет совершенно выжат, как лимон, его выбросят вон. Вот, собственно говоря, цель капиталистической научной организации труда, потому что у нее имеется грандиозный рынок безработных, целая запасная армия труда. Мы ставим вопрос иначе,—с одной стороны, естественно, мы спрашиваем о снижении и ослаблении индивидуальных сил рабочего, его здоровья, а с другой,—не несет ли данный труд вместе с тем такого сужения

сознания, такого подавления психики и закрепления за счет сознания различных подсознательных аппаратов, что, может быть, данный труд влечет за собою то, что отметил как раз на сельских рабочих Маркс, а также Энгельс,—«идиотизм», форменное отупение рабочих. Нас интересует рабочий не только как рабочая сила, но как член производственного класса, необычайно для нас ценного, который должен идти, с нашей точки зрения, по пути возможного развития своих индивидуальных производительных сил, укрепления своей воли и расширения своего сознания. И мы спрашиваем—а поскольку данный труд влечет за собой укрепление или ослабление? Значит, мы должны подойти с той классовой точки зрения, с которой психология буржуазного общества подойти не может. И, казалось бы, наш Институт Труда должен поставить именно подобного рода вопросы. Я должен отметить дальше, что, само собой разумеется, такого рода научной организацией труда мы повысим производительность необычайно. В этом отношении *Люкстерберг* приводит нам примеры с каменщиками, сельскими рабочими, текстильщиками и т. п. Все эти наблюдения показывают большую производительность труда, но, я повторяю, мы спрашиваем не только об этом. Мы спрашиваем о том, насколько рабочий сознается здесь в качестве члена нового коммунистического общества. С этой точки зрения получает большое значение и организация отдыха. Надо сделать не только так, чтобы рабочий на завтра мог свежий встать для новой работы,—тут вы уже знаете различные формы отдыха, начиная от алкоголя и кинематографа,—всею той колоссальной культуры низшего типа, которую специально готовят для рабочих в буржуазном обществе и которая обеспечивает ему отдых, делающий его свежим, но вместе с тем гарантирующий ему отупение или остановку на известном уровне культурного развития. Таким образом, рабочий обеспечивается отдыхом на известном низком уровне развития, ибо весь отдых его наподняется соответствующим содержанием и организуется так, чтобы поставить препятствия естественному росту его воли и сознания. Мы должны действовать иначе.

Вот вкратце все то, что мне хотелось отметить в области современной психологии, и вы видите, что будет

совершенно обосновано то соображение, которое гласит, что тем более необходима в труде целесообразная воля, выражающаяся во внимании... чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом, как игрою физических и интеллектуальных сил (Маркс). Мы не остановились на специальных областях психотехники, психологии и т. д., поскольку они применяются к области педагогической и т. д. Я не упоминаю также о тех научных исследованиях, которые, например, охватывают собой область научного определения наиболее действительных средств и способов агитации и пропаганды, поскольку она в буржуазном обществе применяется к торговой агитации (рекламе) и дает особый отдел прикладной научной психологии. Оказывается, что, на основании научного исследования, наши руководители агитации и пропаганды гораздо лучше поставили бы технику дела, чем это делается кустарным способом сейчас.

Председатель. Переходим к прениям, слово предоставляется первому из записавшихся ораторов, тов. Романенко.

Тов. Романенко. В 10 минут нельзя подвергнуть серьезному анализу словесную реакцию проф. Рейснера, которая длилась больше двух с половиной часов.

Если бы мне дали стенограмму доклада Рейснера, то после солидной проработки его, можно было бы с документами в руках доказать, что профессор Рейснер, является в сегодняшнем докладе консерватором, который до сих пор (это на 6-м году пролетарской революции) не избавился от своего старого университетского прошлого, от своего катедер-социализма марки 1908 года (см. его книжку «Теория Петражицкого» и т. д.). Однако, если бы такая работа и была бы проделана, то она вряд ли была бы напечатана, так как у нас нет особенных надежд на освещение назревших вопросов с нашей классовой точки зрения, с точки зрения революционного марксизма. Поэтому мне здесь приходится ограничиться пока лишь попыткой подойти к правильной постановке вопроса. Вопрос сводится в основных чертах к возможности существования психологии как науки. Этот вопрос, как известно, находится в связи с другой проблемой «реальности психического». Конечно, Рейснер продемонстрировал здесь свою неспособность не только правильно поставить вопрос, но

даже не сумел *марксистски* построить свой доклад и не дал освещения темы на основе исторически-классового анализа. Он, подобно буржуазным профессорам Челпанову и К^о, надел на себя халат, сшитый из лоскутков отдельных цитат наших классиков революционного марксизма. Он не замечает, что эти цитаты обращены против него же самого, хотя бы он и божился марксизмом. Ясно, здесь мы имеем трогательное объединение буржуазной профессуры и, больше того, мы видим здесь претензии этих буржуазных теоретиков на дальнейшую разработку нашей марксистской теории.

Т. Корнилов. Тов. Рейснер, характеризуя современную психологию, остановился на трех ее основных моментах: во-первых, на физиологическом ее уклоне и экспериментальном ее обосновании; во-вторых, указал на громадное значение психологии подсознательного или бессознательного, в частности, теории психо-анализа, и, наконец, в-третьих, остановился на психо-технике, как наиболее характерном ответвлении современной психологии. Вот эти-то основные, с точки зрения тов. Рейснера, моменты современной психологии и могли бы быть, по его словам, использованы теорией исторического материализма.

Должен сказать, что все эти характерные черты и направления в современной психологии вовсе еще не дают гарантии того, чтобы они находились в полной гармонии с марксистским мировоззрением. Физиологический уклон и физиологическая терминология в области психологии сплошь и рядом идут вразрез с материалистическими воззрениями, как, например, мы видим это у Бехтерева в его книге «Психика и жизнь». Психологические эксперименты сплошь и рядом прикрывают собой голое умозрение, как это мы видим в так называемой Вюрцбургской экспериментальной школе. Еще более скользким путем являются течения в психологии психо-аналитического порядка; правда, это относится не столько к психо-анализу Фрейда, но аналогичное ответвление так называемой аналитической психологии, представителями которой являются Стаут, Гуссерль и др. — это течение насквозь умозрительного порядка, ни в какой мере не согласуемое с марксизмом. Что касается психотехники, то здесь хотя дело обстоит далеко благополучнее, тем не менее, и здесь идет ожесточенная

борьба между различными пониманиями задач этой дисциплины.

Таким образом, к различным направлениям в современной психологии, часто прикрытым и физиологизмом и экспериментальным обоснованием, необходимо относиться крайне осторожно, и они сплошь и рядом не только ничего не дают для марксизма, но даже находятся с ним в прямом противоречии. Высказать такого рода предостережение я считал своим долгом, заслушавши доклад тов. Рейснера.

А. Б. Залкинд. Я поставлен со своим выступлением в довольно трудное положение. Тов. Рейснер свой доклад не сделал философским докладом и не затронул того методологического вопроса, которым лично я интересуюсь. Доклад тов. Рейснера по существу собственно, в смысле архитектуры, построен мозаично, лоскутно. Им были затронуты сейчас, главным образом, отдельные *деловые вопросы* современной психологии. С этой точки зрения строить сейчас свои возражения в порядке философской линии вопроса чрезвычайно трудно. Константину Николаевичу сейчас удалось сделать несколько дополнительных философских соображений. Ему и карты в руки. Я ограничусь более скромным подходом. Прежде всего мне придется фиксировать несколько *положительных моментов* доклада. Тов. Рейснер базируется, при марксистском анализе психологии, на *физиологической основе*. Для меня это является основной философской предпосылкой, обязывающей марксиста быть в психологии физиологом. *Психический процесс, как активность организма, как биологическая борьба*. Здесь я целиком присоединяюсь к тов. Рейснеру. Затем, хотя это у тов. Рейснера не вполне оформлено, но для меня лично, это все же достаточно ясно вытекает из сегодняшнего его сообщения, — он понимает, видимо, психологию исключительно как *психологию социальную*, во всех ее проявлениях, от самых низких, до самых высоких. Это для меня определенно приемлемо. Наконец 3-й момент, который заставляет меня присоединиться к ряду мыслей, высказанных тов. Рейснером, это чрезвычайно ценный *практический уклон* тех соображений, тех поручений, которые с точки зрения теории исторического материализма предъявляются к психологии. Действительно, эти три основных момента психологической проблемы связаны были в докладе органически,

несмотря на то, что философские требования, которые марксизм предъявляет к психологии, доклад сегодня в целом не разрешил. По поводу же отдельных практических лоскутков, которые дал сегодня тов. Рейснер, полагаю, что доклад только лишь *ставил* эти вопросы, и только лишь в порядке приближения к этим постановленным вопросам я и попытаюсь некоторые дополнительные соображения высказать. Принципиального вопроса философской идеологии, которую затронул К. Н., я касаться не буду, так как в докладе этого вопроса не было.

Вопрос об учении о рефлексх. Тов. Рейснер рекомендует базироваться на нем, а нас, марксистов, К. Н. Корнилов предостерегает от этого, угрожая, что марксисты могут удариться при этом учении в дуализм и даже, может быть, в мистицизм. Корнилов неправ: 1) Прежде всего учение о рефлексх отвергает в основе самонаблюдение и настаивает на *объективном* подходе к психическому процессу, это для нас самое главное. 2) Конст. Ник., вне всякого сомнения, отрекается от рефлексов лишь потому, что не вполне последовательный философ Бехтерев прибавил сам к этому учению некоторые сомнительные соображения, в дополнение к той концепции, которую дает Павлов ¹⁾. Совершенно очевидно, что в этой концепции мы имеем чистый психофизиологический монизм. 3) 3 момент это — *чрезвычайный моторизм* в подходе к пониманию психического процесса, чрезвычайный динамизм, глубоко действенный уклон в понимании как интеллекта, так и чувства, инстинктов и пр. Так, самые высшие психологические моменты — мысль, сознание — есть не что иное, как *заторможенная речь*. Всякий психический акт есть *движение, действие*; ассоциативный процесс — это процесс *отбора* и т. д. Это для нас чрезвычайно приемлемо. 4) Наконец, 4-й момент, который самым определенным образом вытекает только из учения о рефлексх и который только сейчас, в порядке научной разработки, разворачивается как следует. Этот момент — *диалектического подхода* к психологическому процессу, — подхода, который, более чем где либо, возможно поставить и разрешить именно и только в учении о рефлексх, которое

¹⁾ Но вам нужно приложение учения о рефлексх к психологии, а не Бехтеревское философское сredo, — учение же само по себе глубоко материалистично и монистично.

фиксирует всю физиологию на древних, глубоко укоренившихся сочетаниях опыта и на более хрупких, новых, более молодых сочетаниях опыта, связывая органически их друг с другом. В диалектическом подходе к психологии, при пользовании учением о рефlekсах, мы имеем такие неисчерпаемые возможности, которые и не грезятся тем оппонентам, которые яростно напали на тов. Сарабьянова в его, в основе вполне правильном, докладе в дискуссионном клубе М. К. Пока все по поводу учения о рефlekсах.

Теперь по поводу второго лоскута доклада тов. Рейснера, — вопрос относительно *внушения*. Тов. Рейснер методологически правильно заинтересовался внушением, но в этом отношении богатый материал о внушении им недостаточно исчерпан. Приглашаю марксистов заняться самым актуальным образом проблемой внушения. Здесь мы найдем ряд моментов, чрезвычайно ценных для марксизма. Внушение вовсе не представляется для нас, экспериментаторов, чисто клиническим вопросом; внушение вовсе не есть явление пассивизации, паралича мозга под влиянием грубого физиологического или психологического давления. Степень внушаемости, содержание выполняемых внушений, склонность к определенному сорту внушаемых поручений базируется на $\frac{3}{4}$ на социальном опыте внушаемого, на принадлежности его к той или иной социальной группе и на вытекающих отсюда его социальных (классовых, групповых, профессиональных) вкусах и интересах. Особенно характерно это для коллективных, массовых, опущений, играющих столь огромную роль в социальной психологии. Самый процесс внушения — это состояние *социальной связи между внушающим и внушаемым*. Внушение возникает из эмоции социального контакта, социального влияния между двумя или несколькими лицами. Интересно, что и так называемые «отсеченные» куски загипнотизированной психики («бессознательное», потеря памяти о внушенном и пр.) не так уж отсечены, как кажется. Для «вспоминания» роль социального отбора чрезвычайно велика. Поскольку из «внушений» складываются сгустки серьезнейших социальных навыков, — для марксизма проблема внушения далеко не безразлична.

Теперь чрезвычайно интересный лоскут из доклада тов. Рейснера по вопросу о *психотерапевтических школах*.

Эти психотерапевтические школы знаменуют собой гигантский переворот в биологии в том смысле, что ими в науку о человеческих организмах вносится понимание *грандиозного значения социального начала*. Оказывается, что то, что Дежерин, Дюбуа, Ярошский и пр. называют влиянием представлений, самовнушения, понижением идеалистического тонуса и пр.—есть не что иное, как сгущенный социальный опыт больного, который фиксируется в более или менее постоянных проявлениях, давая ту картину заболевания, с которыми мы и имеем дело. И весь психо-терапевтический метод есть не что иное, как сгущенное оздоравливающее влияние социального опыта врача на больного или на целую их группу, при определенных организованных социальнo-лечебных условиях. В этом смысле мы имеем в вопросе о психо-терапии новую научную область—область социальной биологии, социальной физиологии, которая настолько грандиозна, что касаться ее бегло здесь нельзя. *Психотерапия*—*перевоспитание социальной установки организма*, т.-е. *социально-педагогическая дисциплина*, которую марксизм и должен использовать.

Теперь по поводу сказанного докладчиком о *Фрейте*. Фрейд для нас, для марксистов-биологов очень интересен методологически. Оказывается, что все описанные им гигантские и пластования интимной биологии, которые он называет психо-сексуальным содержанием человеческого организма, в конце концов, если мы детально изучим их и расшифруем,—оказывается, что в большинстве они не что иное, как богатейшая социальная нагрузка человеческого организма. Все то, о чем Фрейд говорит в сексуальных терминах и понятиях—все это на 3/4 сводится к *социальному содержанию физиологии*. В сущности говоря, вся его психоаналитическая система сводится к социально-творческому использованию нерационально направленной биологической энергии, к *сублимации*. Сублимация—это не что иное, как социально-творческий момент в человеческой биологии, это исцеляющий социальный фактор при лечении болезней, и в этом смысле, она для нас, как *социально-психологическая концепция*, бесконечно ценна. Знаменитое «отреагирование» Фрейда, о котором и т. Рейснер говорил, есть не что иное, как социальный прорыв ущемленной энергии в связи с определенными социальными

эмоциями, которые создаются врачом у данного больного. Благодаря этому прорыву растормаживается, освобождается та энергия, которая была заторможена или извращена в своих уклонах, и самая сущность психо-аналитического воздействия заключается в социально-этической связи врача и больного, так что по-существу Фрейд дает нам, действительно, чрезвычайно серьезную предпосылку для обоснования социально-физиологического содержания организма, для анализа различных социальных (классовых и пр.) элементов в заболеваниях, называемых психоневрозами и содержащих в себе добрую половину всей суммы человеческих болезней. Собственно говоря, психоневрозы возникают за счет неиспользованного энергетического богатства, за счет нерационального социального его расходования, за счет создания, благодаря этому, избыточных болезненных ощущений и движений, которые и составляют собой основное болезненное содержание. Здесь интересна проблема о грани между психо-неврозом и творчеством, так как социально-творчески используя избыток этой энергии, рационально ее направляя, мы можем оздоровить больного, связав его тесно с общественной средой. Возникает вопрос о социальных факторах, влияющих на процесс творческого использования этой энергии,—вопрос далеко не второй очереди для марксизма.

Время исчерпано, к сожалению, касаться других моментов доклада не имею возможности.

Краткое резюме: 1) учение о рефлексам ценно тем, что дает психо-физиологический монизм, объективизм, динамизм, социогенный подход к психике, и, как увидим позже, диалектику. 2) Вообще же психология—это социальная часть физиологии, *физиология социальных связей*, почему необходимо внимательно пересмотреть физиологию со стороны ее *социального содержания*; от этого выиграет и человеческая физиология, которая пока ничем не отличается от ветеринарной физиологии (забывается огромная социальная нагрузка человеческого организма) и сама так назыв. психология, которая занималась до сих пор разнообразными фикциями («ум», «чувство», «воля»), совершенно забывая об обществе, этом основном источнике всех психических процессов.

Шпильрейн. Тов. Рейснер и тов. Корнилов одинаково указали на то, что существует определенная область человеческих знаний, по отношению к которой марксисты заинтересованы в том, чтобы овладеть ею, т.-е., чтобы осветить изученные факты так, а не иначе. Празден спор о нужности и ненужности психологии. Психологии дает позитивные данные и помогает в практической жизненной работе. Вопрос сводится к тому, чтобы данные психологии, именно те материалы, которые накаплиются Вундтовской и Вюрцбургской школой, должны быть обработаны, должны быть приведены к синтезу соответственно тому методу, при помощи которого мы подходим к науке.

Разрешите мне, не останавливаясь на отдельных частях доклада тов. Рейснера, перейти к тому заключительному пункту доклада, который непосредственно касается психотехники. Проработавши год в ЦИТ'е, где я поставил психотехническую лабораторию, я имею некоторое право говорить вместо него. Дело в том, что от Центрального Института Труда здесь вряд ли будут представители, которых хотел бы услышать тов. Рейснер, потому что, насколько я знаю, в Институте Труда марксистов нет. Я не совсем разделяю те большие ожидания, с которыми т. Рейснер подходит к нынешней работе психотехников. Одной из характерных явлений психотехники послевоенного периода—это критический пересмотр доброкачества тех методов, при помощи которых работали во время войны. Немногие только методологические основания психотехнической работы выдержали этот кризис и могут применяться нами теперь по научной их апробации. Зато именно теперь под психотехническую практику подводится научная база. Я хотел бы остановиться и на другом вопросе, о том понятии структуры человеческой личности, которое диктуется психотехнической работой. Поскольку так называемая психо-техническая работа по обследованию человеческой личности, есть обследование деятельности человека, как психической, так и физиологической, экспериментальными методами, поскольку это обследование ставится во главу угла, постольку при помощи этого обследования должен быть дан непосредственный ответ на то, что в дальнейшем можно ждать от данной обследованной человеческой личности, как от единства отдельных психо-

логических и физиологических процессов, которые протекают в той или иной связи друг с другом; постольку возможно, исходя из этого опыта, получить представление о том, — что же такое человеческая личность? Что такое живой синтез человеческой деятельности, который проявляется в этой личности? И вот, здесь я обращаю ваше внимание на одного автора, который очень мало известен у нас в России, но который может быть чрезвычайно ценен, по крайней мере, как материал, который должен быть использован. При тех попытках, которые у нас сейчас делаются для марксистского овладения психологией, *Вильям Штерн*, крупнейший современный работник по практической психологии и психотехнике и, пожалуй, единственный теоретик психотехники, дает в своих трудах синтетический взгляд на человеческую личность. Он рассматривает человеческую личность не с точки зрения параллелизма между явлениями физическими и психическими, и не с точки зрения автономного сознания, влияющего на физиологию или, в свою очередь, определяемого ею. Штерн нашел выход в актуалистическом монизме, лежащем вне параллелизма и вне теории «*Wechselwirkung*», взаимного влияния двух субстанций. Психотехническая практика, говорит он, заставляет понимать личность как психофизиологически нейтральное единство активности. В «представлении персонализма (так называет Штерн свою теорию) вместо понятия «подсознательной психики», которое есть *contradictio in adjecto* вводится понятие о сверхсознательной активности. Штерн говорит о том, что человеческое сознание не есть гладкое зеркало, адекватно отражающее действительность, а есть зеркало, которое местами покорежено, местами покрыто слепыми пятнами, местами вогнуто или выпукло, так как далеко не вся активность, не вся деятельность личности проходит через сознание; этим образом Штерна воспользовался сегодня и тов. Рейснер. Сверхсознательная активность личности, как «нейтрального» психофизиологического единства, лишь частично проектируется на ее сознании. Напомню вам для сравнения: «не сознание личности определяет форму ее бытия». Мне представляется, что Штерн подводит под это изречение психологический фундамент. Так как у меня остается две минуты, то я не могу остановиться на со-

циальных следствиях персонализма, на его учении о развитии и скажу еще только несколько слов о психотехнике. Дело в том, что у нас в Москве в отношении психотехники существует два мирозерцания, которые столкнулись в понимании этого вопроса. С одной стороны, мирозерцание, выраженное в тезисах, изложенных бюро коммунистов, работающих по научной организации труда в «Правде», от 11 января, и принятые конференцией московских коммунистов 1 февраля, а с другой стороны, тезисы центрального Института Труда. Основные различия между мирозерцаниями той и другой группы следующие: во-первых, по отношению к задачам психотехники, по мнению Центрального Института Труда, психотехническая работа должна сконцентрироваться на изучении элементарных трудовых процессов—рубый зубилом и опиловки, микродвижений, как говорит Гастев, которые лежат, по его мнению, в основе всех более сложных трудовых процессов. Работа психотехники, по мнению коммунистов, представленных бюро, должна воспринять, учесть тенденцию развития производства от кустарной, ручной работы к машинизму. Мы полагаем, что необходимо, главным образом, изучение и нормализация трудовых процессов, связанных машинной техникой; т.-е. процессов, наиболее сложных и наиболее характеризующих собой современную экономическую структуру. Во-вторых, в вопросе о социальной организации психотехнической работы. Мы отрицаем те тейлористские взгляды, которые Институтом Труда проводятся, и полагаем, что охрана труда и научная организация труда не являются антагонистами, не являются враждебными силами. Мы считаем выражения вроде «охранотрудчески-полицейские идеи» проявлением непонимания роли охраны труда в современном производственном процессе. Мы говорим, что при чисто капиталистическом подходе квалифицированные рабочие отличаются от неквалифицированных тем, что поскольку подготовка первой категории стоит деньги, о ней заботятся. Для американского капиталиста оказывается выгодным ставить рабочего-металлиста, обучение которого обходится дороже, в такие хорошие условия труда, которые обеспечивают наиболее продолжительную работоспособность рабочего, наиболее

отдаляют момент его инвалидности и необходимости снова затрачивать деньги на подготовку новых рабочих. Иначе обстоит дело с чернорабочими. Рынок достаточно полон: вместо износившегося чернорабочего всегда можно без лишних затрат взять нового: поэтому в отношении чернорабочих применяется потогонная система, рано сводящая их в могилу. Та же потогонная система применяется и к прибывающим из Европы квалифицированным рабочим-евреям портным, потому что подготовка этой рабочей силы не стоит денег, и когда эти рабочие погибают, то каждый новый эмигрантский пароход выбрасывает новые волны рабочих рук.

У нас господствует не точка зрения частно-капиталистическая, а точка зрения наличия коллектива. Поэтому мы должны относиться к нашим столь редким квалифицированным рабочим сугубо бережно. И поэтому наша психо-техническая работа должна исходить не только из интересов производства данного предприятия, которое могло бы стремиться выжать из рабочего наибольшую продуктивность и прибавочную стоимость. Мы должны учесть отдельные отрасли производства и учесть те специфические особенности организма рабочего, которые позволяют наиболее сохранить работоспособность рабочего и удачнее всего пришабровать его к производству. Так поступит государство, рассуждая, как расчетливый хозяин.

Я не касаюсь всей области научной организации труда для того, чтобы не злоупотреблять вашим вниманием. Я только указываю на два основные различия уже в одном вопросе о психо-технике между нашей точкой зрения и точкой зрения Центрального Института Труда. Это вопрос о направлении работы и об ее связи с охраной труда. Я прошу вас, если эта тема вас интересует, а она вас должна заинтересовать, потому что в центре вопросов прикладной психологии должны стоять вопросы психологии труда, я просил бы вас следить за той публичной дискуссией, которая уже началась и которая впредь будет вестись по этому поводу.

Г. Вайнштейн.—Я сделаю только несколько замечаний относительно роли психологического фактора в свете марксизма, а также о том освещении, которое дано этому фактору тов. Рейснером. Мне кажется марксизм Рейснера

можно было бы определить, как психологический марксизм. Пожалуй его можно было бы назвать магическим марксизмом. Определение странное, но, как мне кажется, верное. Тов. Рейснер говорил о внушениях, говорил о всевозможных половых импульсах, эротических экстазах, как о чем-то движущем, определяющем, направляющем, при чем это как будто обосновывалось марксистски. Мне кажется, что с марксизмом это ничего общего не имеет. В подтверждение я сошлюсь на Маркса, на одно место из его предисловия к критике политической экономии. Между прочим, когда тов. Рейснер говорил о Марксе, он указывал на страсти и психические силы, как движущие факторы общественного развития, и можно было бы действительно подумать, что Маркс в своих произведениях выставлял психологическую мотивацию, как могучий фермент и двигатель социального процесса. Нет, это совершенно не верно. В указанном мною предисловии к критике политической экономии, Маркс говорит, что подобно тому как нельзя судить о человеке по тому мнению, которое он имеет о себе самом, так нельзя судить о революционном перевороте по тому отражению, которое этот переворот находит в идеологии. Я усматриваю в этом положении решительное свидетельство того, что психологический фактор не играет такой колоссальной роли, какую ему пыгается приписать Рейснер. Из приведенного положения Маркса явствует, что он рассматривает всякое психологическое отражение и преломление какого-нибудь общественного переворота и вообще общественного бытия в сознании людей, как нечто второстепенное и последующее.

Известно, что Маркс в его одобренной оценке известной рецензии Кауфмана, которую он считал наиболее приемлимой характеристикой диалектического метода, усматривал преимущественное отличие этой рецензии в том, что в ней рецензент отправным мерилом оценки марковского метода берет объективный закон явлений, что не только не зависит от психологических категорий человеческого сознания и человеческой воли, но определяет направление последних совершенно независимо от стремлений и желаний человека.

Теперь я коснусь только одного замечания, сделанного тов. Рейснером относительно Маркса. Т. Рейснер гово-

рил, что Маркс стоял на точке зрения «живого человека». Носит ли это замечание характер образного выражения, или же оно имеет принципиальное значение, но так или иначе, оно мне кажется рискованным. Известно, например, что Плеханов решительно оспаривал то мнение, будто Фейербах является гуманистом. Но если эта точка зрения в некоторой степени применима к Фейербаху, то уж применение ее по отношению к Марксу чудовищно и несостоятельно. Нет, Маркс не был гуманистом, и от гуманитарной точки зрения он настолько далек, насколько его мышление далеко от всевозможных индивидуалистических психологических точек зрения. Маркс стоял на точке зрения классовой борьбы, определяемой экономическим процессом и он же всегда подчеркивал, что в понимании общественного процесса необходимо исходить из объективных категорий, в конечном счете из общественного бытия, а общественное бытие есть производственная организация, которую «живой человек» заменить понятно не в состоянии. Маркс, например, считал, что из теории Рикардо, согласно которой стоимость определяется количеством общественно - необходимого труда, непреложно следует этическая правомерность социальной революции, т. к. согласно этой теории весь прибавочный продукт принадлежит производителю, но Маркс исходил из объективных предпосылок общественного развития и поэтому он обосновывал социальную революцию не на этических категориях справедливости, т. е. не человека он взял за мерило исследования и познания общественного бытия, но обосновывал социальную революцию на необходимом крушении капиталистического общества, которое каждодневно совершается на наших глазах.

Председатель. Ваше время истекло.

Вайнштейн.—Я хотел бы в нескольких словах остановиться на понятии идеологии у тов. Рейснера. Тов. Рейснер хочет свести идеологию к какой-то химической фантазме, к чему-то фиктивному и при этом тов. Рейснер опирается на правоверного гегелианца Кнапа, которого он весьма усердно прославляет. Я помню только одно выражение Кнапа, в котором он указывает, что только при посредстве в философии права можно найти реальный корень идеологических фантазий и возвратить их к действитель-

ности. Но ведь известно отношение Маркса к философии права Гегеля, известно, что первая критическая атака Маркса была именно направлена против философии права, претендующей на объяснение действительности и ее реальных отношений; нет, для Маркса тайна действительности не в философии, а в экономике данных эпох. Но в психологическом марксизме тов. Рейснера вполне уместно и это возведение философии права и в высшую объяснительно-научную инстанцию, и провозглашении гегелианца Кнапа непревзойденным авторитетом. Тов. Рейснер в сегодняшнем докладе держится того же понимания, того же взгляда на идеологию, какого он держится в его книге о государстве. Там Рейснер определяет идеологию, как совокупность идей, норм символов, подлежащих воплощению действительности, при чем идеологии являются неизменным спутником общественной организации. Я решительно не понимаю это толкование идеологии как спутника. Для Маркса идеология является отражением общественных отношений, вырастающим из этих последних. Но Маркс никогда не говорил об идеологиях—спутниках, которые как то странно фигурируют у Рейснера.

Заключительное слово тов. Рейснера.

Т. Рейснер. Товарищи, я должен прежде всего сказать, что я прошу прямо принять мою благодарность некоторых товарищей, моих оппонентов, которые, будучи специалистами в области социальной психологии или физики, как назвал психологию, например, тов. *Залкинд*, в значительной части дополнили мой доклад и явились здесь до известной степени содокладчиками. Я должен отметить, что они придали, благодаря такого рода отношению, весьма содержательный характер нашей дискуссии, и мы могли бы действительно выяснить сообща целый ряд весьма важных проблем; отвечаю только, что тов. *Корнилов* неправильно меня упрекал в том, что я совершенно игнорировал вопрос философский. Я именно так и сознательно ставил сегодня свой доклад, и не чувствую себя достаточно подготовленным в этой специальной области теории познания и, конечно, указанного вопроса не затрагивал. Моей целью было двинуть

несколько вопрос о психологии и в этом отношении возбудить внимание марксистских кругов. Может быть, тот же тов. *Корнилов* в стенах самой Академии сделает специальный доклад по этому вопросу, как это у нас и бывает, так как иногда и не члены Академии выступают с подобного рода докладами. Тов. *Залкинд* необычайно глубоко и серьезно осветил целый ряд проблем, которые были мною выдвинуты и на многие из них дал исчерпывающие ответы. Что касается, вот, тов. *Шпильрейна*, то можно только пожалеть, что он не выступил у нас содокладчиком, потому что те серьезные работы по психотехнике, которые происходят сейчас в стенах Института Труда, имеют большое принципиальное значение и было бы важно их выяснить. Что касается остальных оппонентов, то я должен сказать, что ни *Романенко*, ни последний тов. *Вайнштейн* ничего не поняли в моем докладе, а если поняли, то как раз наоборот. Тов. *Вайнштейн*, вместо того чтобы говорить против меня, составил себе какое-то странное представление о лице, которое будто бы носит мое имя. Он возражал какому-то призраку или двойнику, с которыми я совершенно незнаком, а что касается части моего доклада, касающейся непосредственного марксизма в области психологии, то я должен отметить, что я потратил достаточное количество труда, для того чтобы эту всю первую часть доклада установить по возможности на точных словах Маркса и Энгельса,—до такой степени я здесь опасался внести какие-нибудь свои субъективные толкования или видоизменения в теорию, которую я считал необходимой сообщить вам в подлинном тексте и объективном освещении.

Тов. *Базаров* спросил меня по вопросу о психологии и ее базы. Я должен сказать, что, конечно, я понимаю тов. *Залкинда* и многих других товарищей, и вот, пожалуй, тов. *Корнилов* в этом отношении был прав. Слово психология—я извиняюсь, скверное слово, оно скомпрометировано чрезвычайно, так как в буржуазном мире этот термин тащил за собой грандиозный метафизический хвост и всякие идеалистические хвосты. Есть другое подобное слово—идеал. Оно может быть с марксистской точки зрения превосходно объяснено и выяснено. Но дело в том, что оперировать с такими понятиями безмерно

трудно. Мне кажется достаточно того, что здесь говорилось о воле и сознании, о страсти и убеждении, об идеальных побуждениях, идеях и идеологиях и проч. Это все, конечно, есть тот же самый нервно-мозговой процесс, который может быть физиологами рассмотрен с точки зрения процесса физиологического и который психологами рассматривается с точки зрения так называемой психологической. Больше уступки я сделать не могу и, конечно, никакой самостоятельной и самодовлеющей психологии не признаю. Я вполне присоединяюсь к тов. *Корнилову*, в том смысле, поскольку он нас предупреждает, даже от той психологии, которая иногда употребляет экспериментальный метод. Он прав, в этом отношении. Наш исходный пункт: рука и мозг в едином трудовом процессе общественного человека.

Прения ¹⁾ по докладу О. Ю. Шмидта: „Математические законы денежной эмиссии“ (прочитанного в Соц. Академии 23/хI—22 г.г.).

Председатель (т. Преображенский). Товарищи, мы приступаем к прениям. У меня записано 3 оратора: я, Дволайцкий, и Базаров. Я беру себе слово.

Тов. *Преображенский*. Я думаю, товарищи, что для всех экономистов, которые присутствуют на настоящем собрании, весь доклад т. Шмидта с начала до конца должен представляться сплошным парадоксом. Этот парадокс начинается с самого начала, с самых основных предположений, которые положены в основу всего доклада.

Прежде всего относительно количественной теории в таком грубом виде. Ведь брать ее за основу ни в какой мере невозможно. Я лично и целый ряд других товарищей стоят на той точке зрения, что для изучения всех сложных явлений денежного обращения, нам совершенно достаточно исходить из основных положений марксовской теории бумажно-денежного обращения и вносить только некоторые, я не сказал бы поправки, а некоторое умение применять эту марксовую теорию к новой часто весьма своеобразной обстановке, в какой Маркс не анализировал денежного обращения.

С само о начала О. Ю. подошел к этому вопросу неправильно. Насколько он искусственно упростил всю обстановку для своих дальнейших математических вычислений, видно с самого начала, с первого года, который он подверг анализу, а именно с 1918 г. В 1918 г. наше денежное обращение характеризовалось следующими тремя основными моментами: 1) продолжающийся развал хозяйств

¹⁾ От редакции. Доклад помещен в виде статьи в отд. I. В прения не вошло выступление Дволайцкого.

и сокращение товарооборота; 2) усиление по сравнению с предыдущими годами эмиссии и увеличение количества денег, циркулирующих в стране; 3) продолжение старого крестьянского накопления бумажных денег. Последнее обстоятельство совершенно выпало из вычисления т. Шмидта, а это чрезвычайно важный фактор, которым нужно объяснить то обстоятельство, что, несмотря на рост эмиссии в 1918 г. и несмотря на колоссальное сокращение товарооборота, которое произошло в 18 году вследствие развала промышленности и вследствие наших всяких запретительных мер, направленных против торговли, несмотря на сокращение нашей территории,—несмотря на все это, курс рубля падал в течение года сравнительно очень медленно. Соответствующие цифры могут быть приведены вам. Следовательно, абстрагироваться от факта крестьянского накопления, который играл огромную роль и дал нам возможность путем эмиссии в 18 году снять из товарооборота страны ценностей на 520 милл. золотых рублей, невозможно, между тем такое абстрагирование при попытках заменить экономическое исследование математическим анализом неизбежно. Один фактор выключается, включается новый с противоположным действием и той же силы, а для математика на его кривой не будет никаких изменений.

Не исходить из фактора крестьянского накопления в 18-м году это значит погубить с самого начала все исследования. Это одно.

Идем дальше. 19-й год как будто характеризуется очень небольшим изменением по тем кривым, которые вычерчивал здесь О. Ю. Однако, здесь происходит кардинальное изменение ситуации: в 19-м году крестьянское накопление прекращается, и мы имеем здесь в довольно чистом виде влияние эмиссии. Курс рубля именно поэтому прежде всего падает быстрее, чем в 1918 году, и находится в соответствии с темпом эмиссии бумажных денег. 20-й год. Он мало чем отличается от 19-го, за исключением одного обстоятельства. Мы приобрели целый ряд новых территорий; целый ряд еще неиспользованных рынков на наших окраинах включился в территорию Р.С.Ф.С.Р., что ослабляло действие эмиссии и сокращения денежного товарооборота на прежней территории Респу-

блики. Попробуйте поймать действие этих факторов голым математическим подсчетом по формуле Отто Юльевича. Более подробно о денежном обращении этих лет я говорил уже в своей изданной Наркомфином брошюре: «Причины падения курса нашего рубля». Наконец мы переходим к 21-му году. Здесь опять совершенно своеобразная обстановка, связанная с переходом на новую экономическую политику. Следовательно, почти каждый год чем-нибудь более или менее отличается от другого: например, в 17-м году выключается окончательно фактор безденежных расчетов, в 18-м году продолжается накопление и начинается натурализация государственного хозяйства. В 19 и 20-м г.г. больше, чем раньше сказывается фактор увеличения быстроты оборота денег. В 21-м году происходит значительное расширение товарооборота и увеличение количества денежных и товарных сделок в стране. Это новый фактор. В 22-м году все это продолжается и плюс начинает свои действия фактор безденежных расчетов. Таким образом, каждый год сво образен, каждый год должен быть основательно изучен. Никакой попытки такого анализа мы не видим у О. Ю. Первое положение, из которого исходил О. Ю., предполагает, что количество стоимостей, извлекаемое государством, составляет определенную часть. Часть чего, — национального дохода, или тех продуктов, которые находятся в денежном обороте, или тех, которые вообще в обороте? На этот вопрос не было дано никакого более или менее точного ответа. Допустим, что дело идет у О. Ю. о товарообороте денежном. Вот вам, товарищи, факты, которые показывают совершенную несостоятельность подобного предположения, взятого в качестве одной из предпосылок для всех дальнейших заключений. Начиная с 18-го года и вплоть до самого последнего месяца, мы пережили чрезвычайно большие изменения в размерах товарооборота. И доля, которую государство почерпало из товарооборота путем эмиссии, подвергалось за это время чрезвычайно резкому изменению. В 18-м году государство брало 45 милл. в месяц, в 19-м году оно берет только 30 миллионов, в 20-м году 15 миллионов и в 21-м году оно берет только 14,5 миллионов за год. Следовательно, месячный итог меняется почти втрое. А, кроме того, стоимость эмиссии

за первый месяц каждого года резко отличается от стоимости за последние. Это было в период военного коммунизма, это сохраняется отчасти и при *Н.м'е*.

В 21-м году мы видим по месяцам, что за январь эмиссия дает 4 миллиона, за февраль приблизительно столько же, за март еще меньше, за апрель приблизительно от 4-х до 5-ти миллионов, а затем в декабре этого же 21-года—36 миллионов, т.-е. увеличение почти в 6 раз.

Я спрашиваю поэтому, как же можно исходить из предположения, что одна и та же доля берется из товарооборота? Мне скажут,—товарооборот увеличивается. Неужели, я спрошу, он возрос в 6 раз на протяжении между апрелем 21-го года и декабрем 21-го года? Это совершенно сумасшедшее предположение. Не можем мы предположить, что весь товарооборот увеличился в 6 раз. Таким образом одним из исходных пунктов всего построения взято положение, которое опровергается, как нереальное одним фактом стоимости нашей эмиссии, т.-е. стоимости того, что мы реально брали из товарооборота, в 1921 году, оно опровергается и на основании анализа стоимости эмиссии и стоимости всей валюты предыдущих лет. О. Ю. говорил: «можно оспаривать мои предпосылки, но все, что вслед за предпосылками, там ошибок нет». Я своей задачей считаю напасть именно на предпосылки, которые в сущности, если они не верны, то ставят под сомнением решительно весь доклад. Если одна из важнейших предпосылок, на основании тех данных, которые я привел, оказывается неправильной в корне, то падает все дальнейшее построение. Вообще, должен сказать, что когда я слушал О. Ю., я подумал: «если можно математическим вычислением заменить экономический анализ сложнейших вопросов денежного обращения, то почему не задаться целью выяснить математическим анализом степени влияния, положим, солнечных пятен на количество взяток в советских учреждениях?»

Теперь я должен перейти к другим вопросам, также связанным с докладом и где точно также факты в корне опровергают все построения, которое мы здесь имеем. Основной вывод доклада такой: количество денег в обращении увеличивается в определенной геометрической прогрессии. Между тем мы имеем различные периоды, в течение которых этот закон ни в какой мере не мог бы быть под-

твержден фактами. Например, в 21-м году мы имели ряд месяцев, в течение которых увеличение эмиссии почти не происходило. Может быть, здесь действовали какие-нибудь мистические математические законы? Но я, товарищи, был тогда в Наркомфине и прекрасно знаю, что мы довели до предела работу нашей экспедиции заготовления бумаг. Как раз, начиная с января мес. 21-го года, т.-е. с момента, когда до минимума падала стоимость нашей эмиссии и таким образом доходы государства почти приближались к стоимости изготовления этих самых бумажек, в этот период мы не могли расширить заготовление бумажных денег чисто по техническим причинам. Через 6 месяцев мы подготовились к этому, и начался тот стремительный рост эмиссии, который здесь изображен и который давал финансовые результаты, благодаря расширению товарооборота осенью 1921 г. Таким образом ничего таинственного, математического, мистического здесь нет.

Я перехожу теперь к экономическому, т.-е. единственно научному, объяснению того, что действительно у нас было. Кроме источников дохода, связанных с реализацией старого имущества, захваченного у старого правительства и у контр-революции, государство имело с 1918 г. два основных источника дохода,—эмиссию и разверстку. И вот изучение взаимоотношений между разверсткой и выпуском бумажных денег показывает нам ясно, что по отношению к 18, 19 и 20-му году, сумма этих двух слагаемых была более или менее постоянна. Я, примерно, помню наизусть соответствующие цифры. В 18-м году мы имели от эмиссии доход, примерно, в 520 милл. в золотых рублях, по довоенным ценам, от разверстки 120 милл. В 19-м году от эмиссии 390 миллионов и 260 от разверстки, в 20-м году мы имели 186 миллионов от эмиссии и 500 милл. имели от разверстки. Вот это совпадение является гораздо более заслуживающим внимания экономиста, чем все те таблицы, которые мы здесь видели. Что это значит? Это значит следующее: что мы не могли получить путем разверстки из мелкобуржуазного хозяйства, то мы забирали путем эмиссии. В 1919 году увеличивается доля разверстки, падает эмиссия. В 1920 г. мы имеем огромное увеличение разверстки и резкое сокращение дохода от эмиссии, 21-й год представляет из себя перелом. Мы переходим на

продналог. Продналог дает нам меньше. Это в то же время неурожайный год (что, конечно, никакая математика не учитывает; если товарооборот в два раза больше, она также не в силах этого учесть). Здесь мы переходим к 21-му году, в котором от продналога у нас меньший доход по сравнению с разверсткой, но в то же время денежный товарооборот в стране расширяется и, следовательно, возможность эмиссионного нажима на товарооборот, возможность изъятия новых ценностей увеличивается. А так как наше государство живет в таких условиях, что оно должно пользоваться *всеми возможностями*, которые у него имеются для увеличения доходов, то оно и пользуется этими возможностями; постольку увеличивается и давление эмиссионного пресса. Есть здесь что-нибудь таинственное? Абсолютно ничего. Когда товарооборот увеличился и появилась экономическая возможность увеличения стоимости эмиссии, то к этому был приспособлен соответствующим образом и наш технический аппарат—экспедиция заготовления государственных бумаг. В результате увеличения товарооборота начинается непрерывный рост дохода от эмиссии. Мы начинаем все больший и больший нажим на вольный рынок и, имея 6 милл. дохода от эмиссии в июне мес., доводим его до 36-ти миллионов в декабре. Рынок ответил на это соответствующей контр-атакой. Произошло резкое падение курса рубля и пропорциональное сокращение стоимости нашей валюты. Стоимость валюты докатилась в апреле почти до 37 милл. рублей. Потом начинается обратный процесс. В 22-м году мы в состоянии были взять путем эмиссии в январе 23 миллион, в феврале—20, в марте—17, в апреле—14. Наступает затем перелом конъюнктуры. В мае мы получаем—21, в июне—23, в июле—30, в августе—40, в сентябре—35 мил. В октябре, несмотря на увеличение эмиссии, мы имеем дальнейшее понижение стоимости этой эмиссии вследствие быстрого—на 56⁰/₀—падения курса рубля за этот период; в ноябре, напротив, снова улучшение. Вот как обстоит дело.

Здесь я затронул все факторы, которые влияют на движение курса рубля и, с другой стороны, те факторы, которые заставляют наше эмиссионное хозяйство то расширяться, то несколько замедлять темп эмиссии.

Теперь спрашивается: нуждаемся ли мы в каком-нибудь математическом объяснении всех рассмотренных явлений? Достаточно поставить так вопрос для того, чтобы ответить на него отрицательно, потому что математическое описание фактов и величин было бы гораздо более грубым в сравнении с экономическим анализом, оно было бы *шагом назад*. Но, быть может, здесь имеет для нас какую-нибудь ценность параллельное математическое описание, математическое выражение тех процессов, которые мы здесь рассмотрели? Часто это имеет интерес и значение, но не всегда. Там, где действуют, допустим, один или два фактора и действуют с интенсивностью, более или менее поддающейся учету, там такое вычисление имеет известное практическое значение. И когда Отто Юльевич, будучи в Наркомфине, делал примерные выкладки, на основании прошлых лет, относительно возможности дальнейшего увеличения количества выбрасываемых денежных знаков, то эти его таблицы имели некоторое практическое значение. Но величайшая его ошибка состоит в том, что он захотел пойти дальше и вообразил, что можно уловить какую-нибудь математическую закономерность явлений там, где действует ряд факторов то исчезающих, то вновь появляющихся и меняющих каждый год свою интенсивность и направление действия. В данном случае математический анализ бесполезен: он может нас только запутать и затуманить сущность тех явлений, которые могут быть поняты только на основе чисто экономического анализа.

Я не знаю, как можно было бы дальше учесть здесь влияние следующего еще обстоятельства; мы и в 21 и 22 году пережили моменты сезонного расширения рынка. Это сезонное *расширение товарооборота*, которое меняет в корне всю ситуацию и которое как раз повлияло на стабилизацию рубля, влияло в том же направлении отчасти и в предыдущие годы. С другой стороны, мы в период *сужения товарооборота*, при продолжающейся эмиссии, видим в то же время резкое увеличение быстроты оборота денег. Это обстоятельство приводит к тому, что наличное количество денег, имеющихся в данную минуту, в состоянии обслужить в 2—3 раза большее количество товарных сделок. Вы все это пережили и помните финан-

совый кризис начала 22-го года. Тогда была повальная деньгобоязнь; рабочий, получив жалованье, старался завтра же купить все на эти деньги и не хотел в течение недели терять 20—30% своего заработка. В этот период деньги с чрезвычайной быстротой вращались в каналах обращения. Я анализировал этот фактор в условиях, когда все основные факторы были выявлены. О. Ю. же приходится принимать эту переменную величину за постоянную.

Идем дальше: начинается период стабилизации в течение летнего периода. Теперь уже такой деньгобоязни нет. Кто владеет деньгами, не боится, что через неделю цены вырастут. Это, в свою очередь, дает возможность рассасываться в обращении значительно большему количеству денег, даже при том же размере товарооборота. Спрашивается, эти факторы, которые у нас имеются, и действуют как сезонные, можно ли эти факторы уложить в какую-нибудь математическую формулу? Я глубоко в этом сомневаюсь. Здесь нужен экономический анализ каждого года,—анализ, при котором вводятся в действие все факторы, принимается во внимание меняющаяся интенсивность этих факторов. Основываясь на подобных, гораздо более точных вычислениях, можно не только объяснить, что было, но сделать некоторое предположение на будущее. Мне самому приходилось делать несколько таких предсказаний. Это может делать каждый грамотный экономист, который будет изучать финансово-экономические данные любой страны, и правильно будет применять теорию Маркса к конкретным вопросам денежного обращения. В данном случае я скажу относительно будущего, относительно того, что нам в дальнейшем обещает эта летящая вверх кривая. Дело зависит не только от наших доходов, не только от того, что можно взять с товарного рынка, но и зависит от наших расходов. Если бы наши расходы мы сумели удержать в размерах нынешнего дня, то вот вам маленькая таблица, которая показывает, как скоро мы могли бы ликвидировать бюджетный дефицит (читает таблицу роста денежных налогов и доходов государства). Мы видим из этих цифр улучшение финансового положения, видим, что мы уже из того источника, из которого в прошлом году не брали ни копейки, берем в этом году в течение последних месяцев 24 миллиона,

т.-е. сумму, которая начинает приближаться ко всей сумме стоимости нашей эмиссии. Если будут увеличиваться наши доходы от налогов, от железных дорог (а здесь еще не приняты во внимание доходы от почты, телеграфа, затем местные доходы и т. д.), то тогда мы будем иметь экономическую возможность сокращения эмиссии. Когда мы это будем иметь, то совершенно изменится вся решительно конъюнктура, и кривая О. Ю. превратится в прямую. А когда это может произойти и по каким причинам, нам абсолютно никакой математический анализ ничего не скажет.

Теперь, товарищи, я хотел еще проанализировать вопрос относительно расширения нашего фактического товарооборота. Вся наша денежная масса, которая циркулирует в стране в данную минуту, может быть измерена в золотых рублях путем деления всей суммы бумажных денег на курс рубля. Стоимость нашей бумажной валюты довольно точно отражает размер товарооборота. Мы имеем таким образом возможность на основании изменения стоимости нашей валюты учесть величину товарооборота, учтя колебания быстроты оборота денег. Если мы к этим цифрам обратимся, то увидим следующую картину. Размеры товарооборота непрерывно сокращаются, начиная с пятнадцатого года. Сначала они измеряются двумя миллиардами с лишним, потом падают до одного, спускаются на сотни, и в 20-м году, к концу, средняя месячная стоимость всей валюты спускается до 60 миллионов. В 1921 году, весной, падает до 40, потом до 37-ми. Потом, когда начинается сезонное расширение товарооборота, осенью она поднимается до максимальной цифры 103. Потом во время финансового кризиса, в начале 1922 года, опять падает. Низший курс падения в апреле; потом начинает медленно подниматься кверху и достигает при последнем подсчете в ноябре 130 миллионов.

Вот, товарищи, один из методов подхода к выяснению того, в какой обстановке мы проводили нашу финансовую политику.

Вывод же тот, что Отто Юльевич для упрощения принимает за постоянные такие величины, которые никогда таковыми не были. А это обесценивает выводы.

Вообще же экономическим законам можно иногда дать математическое выражение, но это выражение, как и всякое сравнение—не есть доказательство, не есть объяснение: объяснение может дать лишь экономический анализ явлений.

Базаров. Некоторыми из предшествующих ораторов был поставлен знак равенства между математикой и мистикой. А так как моя репутация по части мистики не вполне безупречна, то приходится опасаться, как бы выступление в пользу математики не было отнесено за счет моих мнимых мистических симпатий. Тем не менее, я решаюсь сказать два слова в защиту применения математики к массовым общественным явлениям. Сложность этих явлений не может рассматриваться как препятствие, непреодолимое для математического метода. Трудно представить себе, например, что-нибудь более сложное и беспорядочное, чем внутреннее состояние газа, частицы которого движутся с самыми разнообразными скоростями в самых разнообразных направлениях, непрерывно сталкиваясь между собой под самыми разнообразными углами. И, тем не менее, как показывает кинетическая теория газов, эта бесконечно хаотическая сложность довольно легко поддается математическому учету, в результате которого получаются очень простые соотношения и закономерности. То же самое имеем мы и в настоящем случае. Кривые, демонстрированные докладчиком, обнаруживают настолько полное совпадение статистических данных с теоретическими предпосылками автора, что ни о какой случайности здесь не может быть и речи. Уравнения О. Ю. Шмидта заслуживают самого серьезного внимания теоретиков. Но если бы оказалось, что предлагаемая им математическая теория безупречна, этим еще не был бы решен вопрос о ее экономическом значении. И мне кажется, что теория О. Ю. Шмидта правильна, но имеет мало отношения к волнующей наших финансистов реальной действительности (смех). Я хочу сказать, что она не дает и не может дать никаких практически ценных указаний эмиссионной деятельности Наркомфина, чем, однако, ничуть не подрывается ее теоретический интерес.

В самом деле, первое уравнение докладчика $q = kn$ носит чисто аналитический характер,—это определение

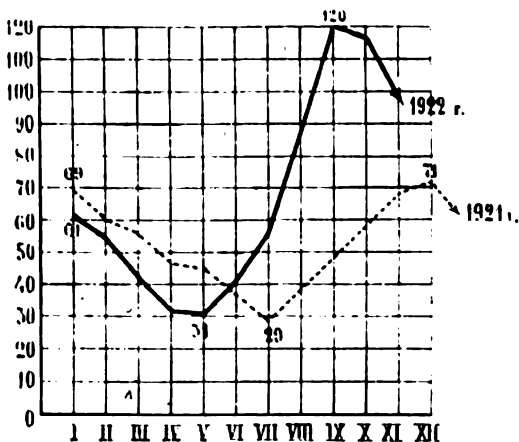
понятия меновой сделки. Второе уравнение $du = p \, d\bar{u}$, в котором как раз и лежит центр тяжести новой теории, устанавливает пропорциональность между ценностью вновь выпущенной эмиссии и ценностью всей находящейся в обращении бумажной массы. В то время как для практического политика интересен вопрос, какую *реальную* ценность, т.-е. какую сумму товаров, можно извлечь путем данного выпуска эмиссии, данная теория говорит нам лишь о соотношениях между фиктивными, *номинальными* ценностями самих бумажных / денежных знаков. Между тем, исходя из количественной теории денег, формулированной первым уравнением, можно было бы подойти и к решению этого *реального*, практического вопроса,—при одной, однако, предпосылке: надо допустить, что количество обращающихся на рынке товаров, быстрота оборота денег и товаров, соотношение между кредитными сделками и покупками на наличные, одним словом,—что все показатели, определяющие *емкость* рынка по отношению к денежным знакам, представляют величины устойчивые. Тогда, обозначив количество находящихся в обращении бумажных рублей через X , товарную стоимость одного рубля через Y , мы получим следующее простое соотношение: $X Y = C$, где C есть постоянная величина, характеризующая (опять-таки в реальных товарных рублях) емкость рынка. Перед нами—уравнение равнобочной гиперболы. Реальная стоимость каждого нового выпуска денег выразится, очевидно, площадью, ограниченной отрезком абсциссы, пропорциональным количеству " X вновь выпущенных рублей, ординатами Y' " Y'' восстановленными на концах этого отрезка (ординаты эти пропорциональны реальной стоимости одного рубля в начале и в конце данной порции эмиссии) и соответственным отрезком кривой, символизирующей закон изменения реальной стоимости рубля. Аналитически это выразится так: стоимость нового вы-

пуска эмиссии равна $\int_{x_1}^{x_2} Y \, dx = C \ln \frac{x_2}{x_1}$. Т.-е. так же, как и

у О. Ю. Шмидга, получается логарифмическая функция, которая, однако, на этот раз выражает не номинальную, а реальную стоимость эмиссии. Вопрос лишь в том, на-

сколько правильна наша предпосылка об относительной устойчивости C — емкости рынка. В нормальных условиях народно-хозяйственной жизни допущение это — с известными поправками на легко учитываемые сезонные колебания — было бы вполне приемлемо. Иначе обстоит дело в настоящее время. Если мы попробуем изобразить графически колебание величины C за последние два года у нас, в России, то получим, примерно, следующую картину:

Стоимость всей бумажно-денежной массы (C) — в милл. товарных рублей.

Как мы видим, в 1921 г. максимальная величина C (в декабре) почти в два с половиной раза превышала его минимальную величину (в июле); в 1922 году максимум (в октябре) был в четыре раза больше минимума (в мае). При такой амплитуде колебаний уравнение $X \cdot Y = C$ не может служить основой анализа. Это не значит, однако, что математическое исследование эмиссионного хозяйства под углом зрения его реальных, практических результатов невозможно, — требуется лишь применение более тонких и сложных методов.

Возвращаясь к докладу О. Ю. Шмидта, который на этот вопрос не дает ответа, укажу еще на то направление, в котором, на мой взгляд, должна вестись дальнейшая раз-

работка идей автора. Из доклада для меня не вполне выяснилось, рассматривает ли автор свое второе уравнение, как точный закон, определяемый самой природой эмиссии, или же как закон чисто статистический, как результат суммирования большого числа элементов, каждый из которых отнюдь не связан указанным законом. В пользу второго толкования говорит внешний вид демонстрированных нам статистических кривых с их мелкими, но очень резкими отклонениями в ту и другую сторону от направления теоретической кривой. И если это так, то перед исследователем прежде всего встает чисто экономическая задача: надлежит выяснить, почему отдельные явления эмиссионного хозяйства, повидимому, совершенно не подчиненные формуле Шмидта, в своих беспорядочных колебаниях считаются, однако, с этой формулой, как с некоторым состоянием динамического равновесия? Почему колебания по ту и другую сторону от теоретической кривой, несмотря на всю их значительность и неопределенность за малые периоды времени, погашают друг друга, если мы будем суммировать их за более длительный период? В этом основная экономическая проблема, поставленная математической теорией О. Ю. Шмидта. Те пояснения экономического характера, которые были даны докладчиком, на мой взгляд, проблемы этой еще не разрешают.

Крицман. Из того, что там здесь сообщил т. Шмидт, необходимо, по моему, выделить две стороны. Одна—это формулировка эмпирического закона явлений, исследование чисто фактическое. Оно фигурировало перед нами в виде трех кривых. Это чисто фактическое описание исследуемых явлений, и его никто не опровергал. Итак, эмпирический закон, подчерпнутый из фактов, дан. Следующий вопрос: как объяснить ту фактическую закономерность, которая этими линиями выявлена. Должен сказать, что т. Шмидт делает непонятное предположение, выдвигая в качестве предпосылки положение $dq = s \cdot n \cdot d'$, т.-е., что государство посредством выпуска бумажных денег приобретает всегда одну и ту же часть (по цене) обращающихся на рынке товаров. Непонятность, необъяснимость этой предпосылки не доказывает, однако, неправильности его построения. В современной физике, например, господствует теория *квантов*, в основе которой лежит также

совершенно непонятная предпосылка, а именно, что энергия излучается только *определенными* порциями. Почему, — этого никто объяснить не может. Тем не менее, теория квантов объясняет колоссальное количество, — притом нередко весьма сложных, — явлений и является одной из основных теорий современной физики. В частности, эта теория позволяет исчислить количество и взаимное положение бесчисленных темных линий в сложных спектрах поглощения, позволяет предсказать еще не обнаруженные экспериментом слабые линии. По всей вероятности, когда-нибудь найдут объяснение, почему энергия может излучаться только определенными порциями, но пока это непонятно. Итак, если бы предпосылка т. Шмидта была непонятна, но приводила бы к правильным результатам, к возможности правильно предвидеть будущее, ее нельзя было бы отбрасывать только из-за ее необъяснимости.

Теперь я перейду к анализу самих предпосылок т. Шмидта. Конечно, суть дела заключается в *экономической* *правильности* *тех* *исходных* *формул*, которые он здесь привел. Тов. Шмидт берет две исходных формулы: 1) $u = kq$ и 2) $dq = s. n. dt$; « u » у него — это сумма цен товарных сделок, « q » — это количество денег, « k » и « s » — постоянные величины. Конечно, его кривые показывают, что « k » и « s », точнее, их произведение ks , есть величина в известных пределах постоянная, но это абсолютно не доказывает, что она останется постоянной и впредь. Неизменность ks может оказаться случайным совпадением благодаря сочетанию многих факторов в течение известного времени. В дальнейшем может обнаружиться, что это величина не постоянная, а переменная, может обнаружиться, что теоретического анализа как раз и не хватало. Другое дело, если мы сможем подойти к экономическому обоснованию неизменности этих величин. Но обе эти величины не являются постоянными при всех условиях. Изменчивость, по крайней мере, одной из этих величин доказывается даже этой ломаной линией. Тем не менее в течение известного периода обе величины остаются, по видимому, постоянными. Я не берусь здесь решать вопрос об условиях неизменности этих величин, но я хотел бы попытаться подойти к тому, что из себя представляет величина « k ». Тов. Шмидт говорит, что « k »

есть частное от деления скорости оборота денег на количество сделок на единицу товара. Но количество сделок на единицу товара можно рассматривать как скорость оборота товаров. Тогда « k » есть отношение скорости оборота денег к скорости оборота товаров. Спрашивается, можно ли утверждать, что это—величина постоянная. Разумеется, с полной достоверностью этого утверждать нельзя, и я думаю, что это величина не всегда строго постоянна, но есть большое основание утверждать, что она действительно близка к тому, чтобы быть постоянной величиной. Почему, когда падает покупательная сила бумажных денег, увеличивается скорость их оборота? Я вас спрашиваю—каким образом увеличивается скорость оборота денег? Ответ ясен,—скорость оборота денег увеличивается преимущественно путем спекуляции, т.-е. если раньше я за те деньги, которые у меня были, покупал то, что мне нужно, то сейчас я покупаю и то, что мне не нужно, лишь бы только не потерять на обесценении бумажных денег. *Если это так, то параллельно росту скорости оборота денег растет и скорость оборота товаров.* Так что тут, действительно, есть экономическое основание утверждать, что величина « k » остается постоянной.

Теперь рассмотрим величину « s ». Что представляет из себя эта величина? Тов. Шмидт говорит, что « s » — это та доля находящихся на рынке товаров, которая извлекается за небольшой период времени посредством выпуска бумажных денег. Можно ли утверждать, что эта величина остается постоянной? Мне кажется, что нет основания предполагать, что она всегда остается постоянной. Было бы, однако, достаточно, если бы она оставалась постоянной только в ближайшей к известным точкам области. Утверждать, что величина « s » остается постоянной все время, нельзя, ибо это было бы и фактически неверно, что доказывают также и кривые тов. Шмидта. Но если подойти к этому вопросу с экономической стороны, то неизменность величины « s » представляется о очень мало вероятной. Величина « s », извлекаемая государством из рынка посредством выпуска бумажных денег и представляющая из себя часть обращающихся на рынке товаров, естественно, зависит от потребностей государственного аппарата и оттого, какая часть этих потребностей

удовлетворяется за счёт дохода, получаемого от выпуска бумажных денег. Но этот аппарат меняется, меняются его потребности, меняется и отношение этих потребностей к общей продукции народного хозяйства и к количеству обращающихся на рынке товаров, меняется, наконец, и та часть (доля) этих потребностей, которая удовлетворяется путем дохода, получаемого от выпуска бумажных денег. Потребности государственного аппарата изменяются в зависимости от изменения как размеров, так и условий и характера работы самого аппарата (скажем, если идет война), а извлекаемая посредством выпуска бумажных денег часть обращающихся на рынке товаров меняется в зависимости от размеров товарооборота и от того, какую часть последнего составляет денежный товарооборот и какую— безденежный; а также в зависимости от размеров производства и других способов пополнения государственного бюджета, помимо выпуска бумажных денег. Таким образом предполагать, что величина « κ » остается неизменной,—это весьма походит на теорию квантов. Теория тов. Шмидта получила бы более прочное основание, если бы удалось обосновать экономически неизменность « κ » в известных условиях.

Но видеги в такого рода исследовании мистику, как это делают т.т. Преображенский и Дволайцкий потому, что это исследование математическое,—не приходится. Никакой мистики в нем нет. Отличие математического подхода от нематематического прежде всего в точной формулировке предпосылок. Если, например, т. Преображенский говорит, что в 18-м году действовало накопление и иные факторы, определившие размеры эмиссии, то стоит только точно определить, какие именно факторы, и выразить затем эти определения в виде формул, и перед нами уже математика. Когда т. Шмидт пишет уравнение, он тем самым говорит, что берет в качестве предпосылок то-то и то-то. Здесь не мистика, а точная и определенная логика. Математический метод—не в смысле решения данных уравнений, а в смысле формулировки исходных предположений—это, конечно, только более точный, лучший, ясный, логический метод, и там, где возможно, его необходимо применять. Мистику легче можно найти не у т. Шмидта, а наоборот, у его оппонентов—т.т. Дво-

лайцкого и Преображенского, в их попытке путем ссылки на психологические данные объяснить известные закономерности в эмиссии. Я думаю, что с нашей, марксистской, точки зрения это вообще не есть объяснение, ибо, как марксисты, т.т. Пр-ображенский и Дволайцкий должны были бы показать те стоящие за психологией объективные факторы, которые эту психологию определяют. Эти объективные причины и нужно выявить. Вся задача состоит в том, чтобы объяснить эмиссию, понять ее не как желание, а как факт, исходя из объективных данных,— и я считаю, что т. Шмидт в этом отношении сделал полезное дело, за которое мы должны быть ему благодарны.

Тов. Ларин. В виду позднего времени я не буду вас утруждать пространными рассуждениями, а ограничусь легким кавалерийским набегом. Дело в том, что при обсуждении этого вопроса мне приходится полемизировать с обеими спорящими сторонами. Я, правда, имею то преимущество и перед Шмидтом, и перед Преображенским, что не был членом Коллегии Наркомфина, а потому может быть, мне чужда и несколько избыточна математическая точка зрения Преображенского. Ведь экономические проблемы т. Преображенский в значительной степени пытался объяснить техникой нашего Гознака. Это не есть прием, который позволяет объяснить закономерность явлений. Только третий критик, Дволайцкий, выдвинул теорию, именно теорию шкатулки, в которую прячутся все деньги. Я должен заметить, что этой шкатулки уже не существует полтора года, а линия на диаграмме т. Шмидта остается прямой. Вообще, когда т.т. Преображенский и Дволайцкий, как критики, подходят к тому, что было представлено т. Шмидтом, прежде всего нужно объяснить по своему, почему имеет такой вид нарисованная им линия. Эта линия ведь не теория, а факт. Он взял эмиссию, подсчитал и нарисовал на бумажке,—и получается, что каждому периоду нашей экономической политики соответствует определенная кривая. Я, товарищи, понимаю, что под влиянием разочарования в статистических достижениях советских учреждений вообще, возникают настроения, отразившиеся в замечании т. Преображенского, что вообще нельзя подобным образом изучать эмиссию. Но ведь она есть часть экономической жизни, вообще говоря, законо-

мерной. Тов. Преображенский сам в дальнейшей части своей речи разъяснил и даже написал тут на доске, что действительно государство ежегодно берет приблизительно, даже абсолютно, одинаковую сумму из страны (если сложить эмиссию и натулу). Значит, есть некоторая устойчивая закономерность, которую можно искать в этих явлениях.—И т. Шмидт нашел свою линию, установил факт и представил проект его объяснения. Государство, если верить подсчетам т. Преображенского, берет приблизительно одинаковую сумму из страны ежегодно; а если так, тогда разрешите верить, что методы, средства, которыми оно берет это, также подчинены известного рода закономерности, и т. Шмидт поставил правильно задачу: искать ее. Шмидт пытался дать нам «рабочую гипотезу», указал такой коэффициент, который явления экономической жизни давал бы возможность предсказывать вперед, и он предсказал, что теперь предстоит более медленный рост курса рубля и затем стабилизация. Предсказания были самые оптимистические, но не в них дело. Дело в том, что пока выставленная Шмидтом «рабочая гипотеза» не заменена другой рабочей гипотезой, которая объясняла бы эти три линии лучше, до тех пор она имеет право на внимание. Критики же вовсе не занялись объяснением указанного им факта, и только выражали неудовольствие и недоумение.

Тов. Преображенский спрашивает: нуждается ли вообще в такого рода объяснении таблица?—Конечно, есть учреждения и ведомства, которые не нуждаются в объяснениях своих действий. Я не вижу на этом собрании ни тов. Сокольников, ни т. Владимирова, ни т. Альского, которые руководят у нас финансовым хозяйством, которые, очевидно, не нуждаются в объяснениях. Они, следовательно, являются последователями и учениками тов. Дволайцкого, который полагает, что закономерность эмиссии нельзя установить, так как ее размер определяется настроениями НКФ предшествующего месяца (смех). Но я уверяю тов. Дволайцкого, что если вы возьмете в руки некоторые книжки, то, не сходя с места, можно наперед предсказать, сколько в Москве в будущем году будет самоубийств, хотя это тоже зависит от настроений самоубийц. Существует закон больших чисел, существует закономерность

общественных явлений, и пытаться нам доказать, что попытка поисков закономерности значит мистика—это значит самому впадать в мистику.

Если мы видим, что приведенные т. Шмидтом три кривые, что начало и конец каждого излома совпадают с определенными хозяйственными периодами, то нужно искать взаимной зависимости между этими вещами, между изменением нашей хозяйственной политики и изменением темпа эмиссии. Это служит доказательством закономерности того явления, что Нэп'у соответствовал пока более быстрый рост эмиссии.

Заключительное слово тов. О. Ю. Шмидта.

О. Ю. Шмидт. Дорогие товарищи, позвольте мне про- извести некоторое грубое разделение возражений, которые были высказаны. Во-первых, имеются три возражения:— Базарова, Ларина и Крицмана—исходящие из понимания; вторая группа возражений—Дволайцкий, исходя из частичного понимания; наконец, третье,—из полного непонимания.

Товарищ Преображенский исходил из явного непонимания и говорил о вещах правильных, имеющих практическое значение, но не входящих в мою тему. Его возражения составляют самостоятельный доклад. Наши два доклада сделаны на различные темы, поэтому я не знаю, в чем ему здесь возразить. Но мне хотелось бы остановиться на словах тех товарищей, которые, повидимому, очень близко знакомы с математикой и ценят ее как метод и исходили из понимания доклада. Давайте будем исходить из самого факта трех прямолинейных отрезков. Несомненно, нужно сказать, если бы Е. А. был несколько более приучен к математическим методам, как Базаров, то он не отнесся бы так пренебрежительно к математической разработке возникающего вопроса. Ведь здесь 18 точек и чтобы все эти 18 точек легли на одну прямую, это не может быть случайностью. По Е. А. этой случайностью можно не заниматься. Заниматься этим, во всяком случае, стоит ¹⁾. Вот теперь—относительно моих предположений

¹⁾ Для объяснения этого явления необходимо мобилизовать теорию и делать те или иные рабочие гипотезы.

и относительно выводов, которые делаются. Я сделал две гипотезы и точно их формулировал: первая—это количественная теория, которая есть в любом учебнике. Мне возразили, что эта теория неприменима. Позвольте это разобрать. Во-первых, многие мне говорили, что два факта я не принимаю во внимание, это—кредит или безденежные расчеты и накопление. Позвольте мне повторить то, что ускользнуло от моих оппонентов, что свой анализ я строил только на периоде чистого эмиссионного хозяйства. В переходные эпохи у меня этой строгости не может быть. Позвольте применить эту теорию именно к этому периоду. В течение этого периода у нас не было кредитной системы, а безденежные расчеты могли иметь только то значение, что рынок сужался (еще более. Что касается накопления, не ссылаясь на теорию, позвольте вспомнить наркомфиновскую практику. Прошу обратить ваше внимание, что в крестьянские кубышки деньги могли попасть для накопления спустя ряд месяцев. За этот ряд месяцев они были настолько обесценены, что их значение, их общая стоимость является ничтожным процентом. Совершенно безотносительно к изложенной теории я занимался этим подсчетом, и у меня выходила столь ничтожная сумма, что мы тогда решили при деноминации аннулирования не производить, потому что нечего аннулировать. Значит, мне кажется, поправки эти не столь велики. Прав Базаров, эти явления зависят от громадного количества факторов и все-таки допускают выделение наиболее существенно влияющих факторов, они позволяют упростить задачу. Наука может идти только таким путем.

Затем, о сезонных колебаниях. Сезонные колебания рынка существуют, но в эмиссионной деятельности Наркомфина несколько стираются. Все-таки на этой таблице сезонного характера колебания заметить можно. Я этим не занимался, но я уверен, что здесь они есть.

Критика Дволайцкого относительно сознательных действий Наркомфина опровергается фактами. Достаточно посмотреть на изменение контингента эмиссии по месяцам. Вот смотрите (показывает диаграмму). Любопытно, что при всех субъективных колебаниях как-то вышло, что все они не отступают далеко от известной кривой.

так что, мне кажется, Ларин прав, высказывая самые разнообразные рабочие гипотезы.

Остается одно существенное возражение, это — относительно постоянства α . Я согласен, что это есть гипотеза. Утверждать заранее постоянство α я не могу. Прав тов. Ларин: во всех точных науках пока имеется только одна гипотеза, объясняющая данный факт; эта гипотеза должна быть в данный момент принята. Затем начинается дальше работа, чтобы подыскать какой-нибудь факт, противоречащий ей, или, чтобы ее развить, углубить. Позвольте сказать, что фактов, противоречащих моей гипотезе, в возражениях не заключается. Но если мы возьмем другие страны, то мы найдем факты, которые ей вполне созвучны. Возьмите такую далекую область, где были другие законы, как французская революция. Я возьму цифры, которые есть в книге Фалькнера (стр. 192). Посмотрите, что там имеется. Там вычислен процентный рост денежной эмиссии, и вы увидите такую штуку: 3 прямых. Был длительный период роста на 3% в месяц, потом другой — с ростом в 11 процентов. Это не может быть случайностью.

Позвольте перейти к заключительной части, к теоретическому размышлению относительно этой величины α . Дело в том, что это предположение не так невероятно, как это казалось. Первое предположение, которое хотелось бы сделать, это указать т. Базарову, что количество товаров, которое берет государство, не всегда одинаково. Базаров сказал, что это есть идеал политики. На практике этого нет; если бы это было, все явление было бы проще. Сделав допущение о постоянстве α , я предположил не постоянное количество, а постоянную процентную долю государства в сделках. Мне кажется, что это не так странно. В самом деле, что означает постоянство α ? Как государство берет с рынка? Я говорил: двумя способами, — путем приобретения сырья и путем выдачи заработной платы. Е. А., вы вероятно помните, как мы в Наркомфине интересовались вопросом заработной платы во всех ее видах включительно; какую часть бюджета она составляет до Неп'а. У меня как раз здесь есть справка: она указывает, что 60—75%, большая часть нашего получения товаров эмиссией, идет в одном виде че-

рез заработную плату; фактически $\frac{1}{10}$ был выше. Вот что означает постоянство: рабочий класс берет при всех колебаниях одну и ту же часть рынка.

Я говорю, что постоянство z выражает так или иначе наличие того,—и это довольно вероятная вещь,—что, несмотря на все наши финансовые ухищрения, мы не можем улучшить положение рабочего класса существенно по отношению к общему положению страны. И когда идет сокращение товарной продукции, то и потребление рабочих будет сокращаться. Вот в чем смысл постоянства z . Мне кажется, что если в этой плоскости искать и проанализировать соответствующие цифры, то окажется, что эта гипотеза, кроме своего поразительного оправдания в фактах, имеет и известный разумный смысл.

Вот, мне кажется, основные возражения, которые мне делались. Мне лично было бы интересно ответить на все, но это будет слишком утомительно для слушателей, а потому позвольте этим ограничиться, заявив, что я себя опровергнутым Преображенским не могу считать. Что касается других товарищей, то их критика в общем правильная, и самая правильная—критика т. Базарова.

III. Библиография.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО МИРОВОМУ ХОЗЯЙСТВУ ¹⁾.

II.

В центре всех почти работ о мировом хозяйстве стоит вопрос о кризисе 1920—21 г.г., на основании оценки которого авторы строили свои предположения о дальнейших перспективах мирового хозяйства, его ближайшей конъюнктуре и об ожидаемых количественных и социальных изменениях. Мы же указывали на то, что для либеральных ученых кризис этот, несмотря на свою разрушительность, имел «положительную» сторону, ибо, на подобие голубя из ковчега нашего прародителя Ноя—принес им весть надежды на окончание революционного потопа.

И для тов. *Вары* кризис 1920—21 г.г. был исходным пунктом анализа. Уже в первом издании своей брошюры «Кризис мирового хозяйства», вышедшей к III конгрессу Коминтерна, *Варя* ясно формулировал тему своей работы.

«Кризисы возникали периодически с тех пор, как появился капитализм. Наша задача состоит не в том, чтобы изобразить кризис, а в том чтобы указать, чем отличается современный кризис от обыкновенных кризисов, решить вопрос, представляет ли современный кризис такое же переходящее явление, как все до сих пор бывшие кризисы, как это утверждает большинство капиталистов и социал-демократов, или же он представляет шаг к полному разложению капиталистического порядка» ²⁾.

Эти слова были писаны в июне 1921 г., когда уже появились признания перегиба кризиса. Во втором издании своей руб. тм, вышедшей весной 1922 г., значительно дополненной и переработанной, тов. *Варя* указывает на то, что

«надо было решить вопрос, какое значение имеют те признаки улучшения положения, которые ясно намечались во второй половине 1921 г. Есть ли это окончательное преодо-

¹⁾ См. Вестник Соц. Акад. № 2.

²⁾ С. р. 5 «Кризис мирового капиталистического хоз.» Москва 1921 г. Изд. ВУНХ стр. 43. Мы цитируем по 2-му изд., вышедш. в Гос. Изд. в переводе Н. Л. Мещерякова. Перевод издания Р. И. О. — ВУНХ — издание набранных

лений послевоенного кризиса капитализма или только мимолетное улучшение. Двигается ли мировое хозяйство и далее по нисходящей линии, или мы стоим у начала подъема».

Обстоятельной работой, целиком посвященной кризису 1920—1921 г.г., является работа С. А. Фалькнера: *«Перелом в развитии мирового промышленного кризиса»*¹⁾, вышедшая в январе 1923 г. вторым переработанным и значительно дополненным изданием. Уже и в предыдущей своей работе,²⁾ написанной в конце 1920 г. и изданной в конце 1921 г.—под заглавием *«Послевоенная конъюнктура мирового хозяйства»*³⁾, автор, опираясь на анализе положения отдельных отраслей промышленности в мировом масштабе во время войны и после войны, дает картину движения конъюнктуры. Он различает две повышательных волны и две волны всеобщего падения цен, при чем во второй, позже изданной, работе он может уже прибавить третью повышательную волну, как признак начинавшегося подъема.

Первая повышательная волна цен, характеризовавшая повышательную конъюнктуру мирового хозяйства, продолжалась за весь период военного времени вплоть до ноября 1918 г.—до перемирия на западном фронте. Затем идет краткая волна снижения конъюнктуры, вызванная «сокращением заказов и отсутствием готового рынка мирного времени» (стр. 67). Этот период тяжелой депрессии продолжается до конца весны 1919 г. С осени того же года мировое хозяйство вступает в новую фазу повышения цен и краткого промышленного оживления, захватывающую большинство стран, и продолжается снова до весны 1920 г. Причину этого оживления автор видит: во-первых, в новом оживлении военного спроса в связи с затяжкой мирных переговоров и продолжением военных действий в большей части средней и восточной Европы (стр. 68).

Прибавим от себя—это был период военного оживления в Польше, Венгрии (после свержения Советской Власти), Румынии и Чехословакия—и подготовки серьезной на сей раз (Вриггел) интервенции на юге России.

С весны 1921 г. начинается период серьезного понижения конъюнктуры, которое продолжалось еще в момент выхода выше цитируемой брошюры. Об окончании этого понижения извещал нас Фалькнер в другой своей работе⁴⁾, вышедшей в первом своем издании в начале 1922 г. Выяснение причин и форм глубочайшего кризиса мирового хозяйства, причин и форм его изживания и составит содержание этой работы, которая вне всякого сомнения по богатству материала принадлежит к лучшим работам по этому вопросу.

Но ее выводы не могут не вызвать серьезных возражений, потому необходимо на ней несколько дольше остановиться.

¹⁾ Изд. Ред.-Изд. Отд. ВСНХ. Москва 1923.

²⁾ Москва, Гос. Изд. 1922 г. стр. 88.

³⁾ *«Перелом в развитии мирового промышленного кризиса»*. Изд. Ред.-Изд. Отд. ВСНХ. стр. 72

При оценке движения конъюнктуры мирового хозяйства С. А. Фалькнер обращает внимание на такое совпадение экономических и политических фактов, которые показывают вочью, насколько эти два элемента связаны между собой. Анализ довоенной конъюнктуры мирового хозяйства показывает, что длительный период повышения общего уровня цен и связанный с этим промышленный подъем, начавшийся в 1896—1897 г.г., был прерван кризисами 1900 и 1907 г.г.—а с этого времени повышательная тенденция цен шла вверх вплоть до середины 1913 г.

«Однако с середины 1913 г., в ряде крупных капиталистических центров дальнейшее повышение цен останавливается, а по некоторым товарным группам сменяется в падение их...»

Уже в конце 1913 г. можно было предвидеть неизбежность нового промышленного кризиса:

«И, действительно, начало 1914 г., а в Германии конец 1913 г. дают уже явную картину прогрессивно-усиливающейся депрессии»¹⁾ (стр. 1).

Какое влияние оказал этот надвигавшийся промышленный кризис на возникновение войны, которая решительно его оборвала?

«На этот вопрос—говорит Фалькнер—точный и ясный ответ история даст нам лишь тогда, когда будут вскрыты и обследованы не только архивы дипломатических канцелярий, преданные гласности кое-где волей революции, но и архивы картелей и трестов тяжелой индустрии, дипломатическая переписка заводов Круппа и Шкода, Шнейдер-Крезо и Викерса, Армстронга и Вифлеемской Стальной Компании, которые не могли не желать предотвратить кризиса и отыскания нового рынка любыми путями и любыми средствами»²⁾.

Год спустя тот же автор уже решительно высказывает свое предположение:

«Не подлежит сомнению—говорит Фалькнер,— что именно развитие промышленного кризиса было важнейшим фактором возникновения войны как раз в середине 1914 г., ибо

1) «Одним из первых,—говорит Фалькнер,—обратил на это внимание покойный профессор Туган-Барановский, которому принадлежит честь научного предсказания обоих предшествующих кризисов 1900 и 1907 г.г. Уже в конце 1913 г. он на этом основании предсказывает очередной перелом мировой хозяйственной конъюнктуры и неизбежность нового промышленного кризиса».

Мы не намерены уменьшать заслуг проф. Туган-Барановского, но если уже о них говорить, то нельзя забывать и того, что Туган-Барановский в той же самой книжке «О периодических промышленных кризисах», вышедшей в 1914 г. в III, совершенно переработанном, издании, детально объясняет, почему «все говорит в пользу того, что время острых промышленных кризисов для Англии окончательно миновало». (Стр. 165).

2) «Послевоенная конъюнктура мирового хозяйства», стр. 6.

представители крупной промышленности и прежде всего — тяжелой индустрии, играющие столь значительную роль не только в хозяйстве, но и в политике высоко развитого капитализма, не могли не желать предотвращения кризиса сбыта всеми возможными путями и любыми средствами» (стр. 2).

То же самое предположение приводит и *Нахимсон* в своей, недавно вышедшей на немецком языке книге: «Мировое хозяйство до и после войны» ¹⁾.

Нахимсон приводит известный запрос Вильгельма в июле 1911 г., когда конфликт из-за Марокко чуть не вызвал войны между Францией и Германией, — запрос, сделанный банкам, относительно того, насколько банки приготовлены к войне. Опрятательный ответ, продиктованный хорошей конъюнктурой, не удовлетворил кайзера. Впоследствии были приняты соответствующие мобилизационные шаги со стороны банков, а кризис (1913—14 г.г.) повысил воинственный дух банковых и финансовых магнатов, — как уверял в начале войны ответственный банковый спец в «Берлине», «Тателлатте», — «банковские и промышленные круги ожидали от войны оживления промышленности» (стр. 177).

Эти предположения очень вероятны и показывают воочию, насколько конъюнктура мирового хозяйства влияет на определенные внеэкономические акты, которые в свою очередь влияют на экономическую конъюнктуру.

Но если это исследование конъюнктурных линий очень ценно и может многое объяснить и значительно дополнить цепь фактов, объясняющих нам определенные явления общественной жизни — то необходима наряду с фетишизмом, чтобы, подобно Кондратьеву и Боголепову, считать войну 1914—1918 г.г. временным и более или менее случайным фактом, не связанным с *последующими* явлениями экономической жизни, а особенно кризисом 1920—21 г.г.

Но империалистическая война — это не радикальное средство в борьбе против кризисов. В этом могли убедиться банковские и промышленные спецы всех стран. Она временно вызывает оживление хозяйственной жизни, — но за счет ближайшего будущего. Она значительно усиливает и углубляет «нормальные» причины капиталистических кризисов, вызывает обнищание масс, ослабляет государственное хозяйство, разрывает международную связь национальных хозяйств и усиливает анархию производства отдельных частей народного и мирового хозяйства. Несколько кризис 1920—21 г.г. является продолжением отсроченного войной кризиса 1913 г. — как это предполагает Фалькнер и др. — этот вопрос трудно разрешить, ибо в результате войны оказалось достаточно самостоятельных причин, могущих вызывать такой неслыханный по глубине и силе кризис 1920—21 г.г.

И здесь мы подходим к основной теме автора — выяснению причин кризиса и причин его изживания.

¹⁾ Том 1, стр. 176—177. «Die Weltwirtschaft vor und nach dem Kriege». Berlin 1922.

Чем вызван кризис 1920—21 г.г.? На этот счет существуют, как известно, большие разногласия.

«Современный хозяйственный кризис не есть обычный кризис перепроизводства, которых капитализм со времени своего возникновения пережил уже дюжину раз» — говорит т. *Вирта*. Он является следствием тех изменений, которые произошли в мировом хозяйстве во время мировой войны».

Фалькнер, с одной стороны, признает, что кризис 1920—21 г.г. является как бы запоздалым и отсроченным на 6 лет очередным кризисом, с другой — при точном анализе отдельных явлений кризиса, его происхождения, дальнейшего развития и начал его оживления признает, что:

«Капиталистическое хозяйство гораздо быстрее восстановило свои производственные, чем потребительные возможности, и в результате создавшегося таким образом расхождения между ними возник мировой послевоенный кризис сбыта 1920—1922 г.г.» (стр. 117).

Значит, кризис 1920—21 г.г. является результатом расстройств и производственного аппарата и истощения потребительной силы за время войны? Источник кризиса другой — не «нормальный»? *Фалькнер* считает основной причиной мирового промышленного кризиса 1920—22 г.г. «обширные широкие массы населения за время войны и, прежде всего, падение реальной заработной платы, как масштаба потребительского спроса основной массы населения индустриальных стран» (стр. 102).

Автор полемизирует с *Кондратьевым*, который видит причину кризиса в «диспропорционности» отдельных отраслей народного хозяйства, не согласен и с *Касселем*, выдвигающим дефляцию, как причину кризиса — а, основываясь на данных движения заработной платы и в связи с тем, что первая отрасль промышленности, которая поднята после войны кризиса — была хлопчатобумажная промышленность, т. е. легкая индустрия, *Фалькнер* видит в сокращении покупательной способности рабочих причину кризиса.

Такое ограничительное толкование «потребительского спроса» капиталистических стран приводит автора к неубедительному выяснению причин ликвидации мирового кризиса — кризиса, которому по глубине и по размерам не было равного в истории капиталистического мира?

А что по *Фалькнеру* кризис почти изжит. показывает следующая сводка его:

«В Соединенных Штатах кризис можно считать ныне (т. е. в ноябре 1922 г.) полностью ликвидированным. Уже в июне 1922 года общая сумма продукции достигла, по данным

Harvard Economic Service 100% довоенной нормы, в то время как в июне 21 г. она равнялась 68%. Общий уровень цен с того же времени непрерывно идет вверх, безработица ныне, судя по всем признакам, не превышает «нормальной» — для этой страны в 42 миллиона пролетариата — величины; внешняя торговля и особенно импорт далеко оставляют позади довоенные нормы; эмиссия ценных бумаг и другие формы учреждения достигают весьма значительной величины».

Словом, «с ликвидацией послекризисного кризиса сбыта Соедин. Штаты уже переходят в последующую фазу — фазу промышленного подъема, который в течение 1923 г., несомненно, развернется с значительной силой» (стр. 94).

Кроме Америки, Фалькнер считает и Францию и Бельгию «полностью вышедшими из кризиса сбыта». Безработица во Франции совершенно ликвидирована, в Бельгии очень близка к довоенной норме:

Правда, «продукция в целом еще несколько отстает от довоенных норм, но наличная рабочая сила используется полностью, так что дальнейшего расширения продукции, несомненно, встретит препятствие в недостатке рабочих рук». «В Японии, Канаде и Австралии . . . кризис хотя еще не закончен, но довольно близок к стадии ликвидации, которую можно ожидать к весне 1923 г.

... «Медленнее изживает кризис в Италии и Англии, где он еще и ныне ощущается весьма болезненно, и где тем не менее зима будет еще, несомненно, тяжелой. Наконец, еще весьма тяжело положение Швеции, Норвегии, Дании, Голландии и Швейцарии».

Вот общая конъюнктурная свodka Фалькнера к ноябрю 1922 года, основанная, главным образом, на цифрах производства, данных о ценах, безработице и т. п. Не входя в оценку этой очень оптимистической сводки, мы должны указать, что она не разделяется многими исследователями мирового хозяйства.

Тов. Варга — один из серьезных и объективных наблюдателей мирового хозяйства, — в своей последней работе, вышедшей в ноябре 1922 г. к IV Конгрессу Коминтерна под заглавием «Период упадка капитализма»¹⁾, так характеризует общее хозяйственное положение стран в мировом хозяйстве:

«Со времени III Конгресса Коминтерна в июле 1921 г. первый фазис кризиса в периоде упадка мирового капитализма достиг своего апогея. Уже тогда можно было предвидеть приближение улучшения конъюнктуры. И, действительно, конъюнктура в мировом масштабе улучшилась, и мы, повидавшему, еще ее высшего уровня не достигли».

¹⁾ Изд. Коминтерна. 1922 г., стр. 64.

«Необходимо, однако заметить, что в связи с развалом мирового хозяйства это улучшение конъюнктуры не распространяется равномерно на все государства... Поэтому-то достигнутое за последний год улучшение все же *не уменьшило расстройств равновесия мирового хозяйства* (подчеркнуто нами. М. Б.). Пропасть между еще способными к дальнейшему развитию и нерасстроенными капиталистическими странами... и такими, которые глубоко охвачены развалом, теперь еще значительнее, чем год тому назад» (стр. 46—47).

Тов. Варга дает краткую характеристику хозяйственного положения отдельных стран, которая не всегда покрывается оценкой, данной С. А. Фалькнером. Но что важнее,—Варга при этом никогда не забывает мирохозяйственной связи, и этим он принципиально отличается от Фалькнера, который видит только «национальные» хозяйства, иногда их совокупность, но никогда не видит в целом мирового хозяйства, как такового, в котором воюют между собой отдельные руководящие капиталистические страны за овладение лучшими источниками сырья, рынками сбыта—за выгоднейшие условия реализации произведенной эксплоатации труда и т. п. Одновременно с этим идет внутри каждой страны усиленная классовая борьба из-за того, кто должен платить расходы войны.

Все это факторы, играющие серьезную роль в деле ликвидации кризиса и влияющие на конъюнктуру мирового хозяйства. Их нельзя обойти при анализе происхождения кризиса и источников его изживания.

Фалькпер высмеивает „добросовестное“ вычисление разных более или менее важных причин „привлекаемых к ответственности“ за возникновение мирового кризиса. Таких причин можно привести целый ряд, но которые, по его мнению, как ни правильны они—ничего не объясняют. Обыкновенно выдвигаются в первую очередь следующие причины кризиса международного характера.

1. Неравномерное развитие различных частей мирового хозяйства во время войны: подъем Нового Света и упадок Европы. 2. Сокращение спроса побежденных и блокированных стран. 3. Перераспределение хозяйственных территорий в результате войны и новых таможенных барьеров. 4. Резкие колебания интервалютных курсов. 5. Репарационные поставки и платежи по Версальскому договору.

И ряд основных причин национально-хозяйственного:

1. Неравномерное развитие отдельных отраслей промышленности. 2. Дефляция денежного обращения. 3. Значительно выросшие налоги. 4. Обнищание широких масс населения (стр. 97).

Фалькнер, приводя этот ряд «причин», сомневается насчет того, что является действительными причинами кризиса.

«Не подлежит сомнению,—говорит он,—что все эти процессы, указываемые в качестве «причин» мирового кризиса, действительно имеют место; не подлежит сомнению, что они, как и многие другие, являются моментами, осложнившими и отягчив-

ним и известной мере его развитие, но совершенно иной вопрос, в какой мере их можно считать «причинами» кризиса и каково их относительное влияние на его развитие» (стр. 97).

Фалькнер не согласен с этими методами анализа кризиса и ищет одной, основной причины, которая действовала во всех странах, независимо друг от друга:

«В самом деле,—говорит Фалькнер,—если бы факторов кризиса было так много, то они должны были бы, очевидно, давать совершенно индивидуальные сочетания и комплексы в каждой данной стране».

Это, разумеется, не верно. Среди этого целого ряда причин есть такие, которые представляют собой не что иное, как различные проявления кризиса и могут, разумеется, давать различные индивидуальные сочетания в каждой стране; но это не значит, что можно таким путем обойти основной источник мирового промышленного кризиса. И Фалькнер, вместо того чтобы расшифровать отдельные экономические проявления кризиса в мировом масштабе, проделывает сложнейшую гимнастику, частью ломая в открытую дверь, частью же делая обходные пути, в поисках одной основной причины кризиса мирового хозяйства,—дабы, в конце концов, отбросив всякий «теоретический подход», попасть в лужу вульгарнейшего «эмпиризма».

«Абстрактно-теоретический подход,—говорит он,—и приложение готовых схем имеющихся (I М. Б.) теорий кризисов мирного времени здесь не удовлетворяют, ибо всегда можно будет поставить вопрос о своеобразии условий переживаемой эпохи... и специфической обусловленности... тенденций развития мирового послевоенного кризиса» (стр. 95).

Гасточительность Фалькнера прямо удивительная. Имея в своем распоряжении «теорию кризисов мирного времени», он, отказываясь от всех этих благ, идет «своим» путем, не замечая, что на всех страницах своей книжки говорит... устарелой прозой Сисмонди.

Стало ему, однако, только присмотреться поближе к «двум шеренгам» причин кризиса—международного и национального хозяйственного характера, он бы заметил, что их не трудно привести к одному знаменателю. Подъем Нового Света и упадок Европы, неравномерное развитие частей мирового хозяйства—это ведь то же самое, что «сокращение спроса побежденных и блокированных стран» (пункт 2). Ибо упадок Европы и есть, с точки зрения мирового хозяйства, не что иное, как сокращение спроса *побежденных и блокированных* стран. Дальше, «резкое колебание нитервалютных курсов» (пункт 4). Это ведь не что иное, как *неравномерное* сокращение спроса и покупательной способности различных стран

Европы, т.-е. неравномерный упадок производительных сил различных стран. А перераспределение хозяйственных территорий в результате войны (пункт 3) — это ведь то же самое уничтожение производительных сил стран побежденных, сокращающих покупательную их способность, при чем новые таможенные барьеры играют ту же самую экономическую роль, что и колебание интернациональных курсов; ибо таможенные барьеры есть средство борьбы против резких колебаний интернациональных курсов и валюты, главным образом (независимо от того, являются ли они для вышних «богатых» стран (т.е. конкуренция бедных, или являются средством защиты бедных стран от богатых), ослаблением покупательной способности побежденных и блокированных стран. К этой же самой категории принадлежит пункт 5 «инерция» причин международного характера (военная контрибуция). Словом, все пять пунктов первой категории причин могут быть с легкостью сведены в одному: обнищание Европы.

Присмотримся ко второй группе причин кризиса — национально-хозяйственного характера. Кроме пункта 1: «неравномерное развитие отдельных отраслей промышленности», о которых нам придется еще говорить, остается: дефляция денежного обращения, т.-е. сознательная борьба за сокращение расходов государственного хозяйства, что совместно с увеличением налогов (п. 3) является результатом обнищания в упадка Европы, т.-е. сокращение покупательной способности европейских стран.

Словом, все причины кризиса можно свести в одной основной — обнищание Европы, к которой прибавляется еще один мотив — диспропорция отдельных отраслей производства в национальных хозяйствах стран победительниц. Но в эта «диспропорция», внутри народного хозяйства вызвана — о чем будет еще речь впереди — расстройством разделения труда в мировом хозяйстве.

Разумеется, нрав Кондратьев, когда он все эти и еще некоторые другие причины кризиса обобщает. «Нетрудно видеть, — говорит он, — что в падение валюты большинства воювавших стран в части нейтральных, и сильный рост валюты, и недостаток кредита, и условия Версальского мира, и выпадение из оборота мирового хозяйства России и некоторых других стран — все эти факторы вместе являются лишь *факторами, усиливающими* общее понижение покупательной способности большинства стран Европы» (стр. 204). Это, правда, не особенно точно сказано, ибо среди этих факторов находятя такие, которые не столько «усиливают», сколько являются *выразителями* понижения покупательной способности стран.

Но если можно согласиться с Кондратьевым относительно приведения всех этих причин к одному знаменателю, то никоим образом нельзя согласиться с ним относительно *мотивов* его обобщения. Для чего эти обобщения служат — е ли можно так выразиться — *обезличению* кризиса 1920—21 г.г. «Мы отрицаем взгляд — говорит Кондратьев — что перед нами какой-то особый, исключительный, неулаживающийся в категории экономической теогон кризис», и Кондратьев дает себе вполне отчет в том, *почему ему нужна*

обозначить кризис 1920—21 г., сделать его *одним из кризисов капиталистического хозяйства*: ибо от того, как мы его будем оценивать, примем ли или отклоним оценку Кондратьева, «зависит понимание перспектив дальнейшего развития мировой хозяйственной жизни» (стр. 209).

Мы уже указывали на то, что это далеко не верно. Если Кондратьев угодил назвать кризис 1920—21 г. кризисом «относительного перепроизводства» — возражать не будем. Всякий капиталистический кризис есть кризис относительного перепроизводства, но от разеров, причин и результатов кризиса зависит его историко-экономическая оценка. Тем паче, что, даже по словам Кондратьева, хотя этот кризис — кризис относительного перепроизводства, но созданный «под влиянием различных конкретных диспропорциональностей в распределении производительной мощи и покупательной способности *в рамках мирового хозяйства*».

Как не неточна формулировка, характеризующая кризис, — основное, на что нужно в первую очередь обратить внимание — это то, что эта диспропорция в т. п. и по мнению Кондратьева происходит «в рамках мирового хозяйства». *Этим самым кризис 1920—21 г. коренным образом отличается от всех капиталистических кризисов довоенного периода*. Уже благодаря только этому он особый, исключительный, неукладывающийся в схемы теории кризиса Туган-Барановского и Кондратьева. Все кризисы, которые волновали капиталистический мир за последние десятилетия и которые более или менее втягивали в свой круговорот отдельные капиталистические страны, имели своим источником, *главным образом*, причины национально-хозяйственного характера, в только в результате более или менее близкой финансово-экономической связи с другими странами они подвергали конъюнктуру этих стран более или менее серьезным изменениям; никому тогда в голову не приходило называть эти кризисы *кризисами мирового хозяйства*, а, наоборот, нашлись теоретики, которые глубокомысленно объясняли, что время острых промышленных кризисов для некоторых стран окончательно миновало.

«Характерным фактом новейшей промышленной эволюции *Англии*, — говорит Туган-Барановский, — является отсутствие резко выраженных промышленных кризисов, место которых заступили продолжительные эпохи торгового-промышленного зстоя»¹⁾.

И правда, он этим самым не хочет сказать, что вообще все промышленные колебания прекратились. Нет, в «новейшем фазисе развития капиталистического хозяйства промышленные колебания не только не сделались более слабыми, — амплитуда их скорее увеличилась, но быстрота несомненно уменьшилась... Раньше промышленный кризис вызывал банкротство менее состоятельных

¹⁾ Неодические пром. кризисы. Изд. 1914 г., стр. 156—157.

хозяйственных предприятий в на время почти приостанавливая торговлю, но как только паника проходила, торговля быстро поправлялась, и в скором времени достигала еще более цветущего состояния, чем раньше. Теперь зстой торговля сделалась более продолжительным, но в то же время менее резким и внезапным...

Этот признанный теоретик социал-либеральной школы экономистов в книжке, изданной в 1914 году, не признавал для Англии возможности возникновения резких промышленных кризисов, расщепляющих путь для нового подъема. Тем паче не признавал возможными кризисы в рамках *мирового хозяйства*, которые теперь как будто не отрицаются ни Кондратьевым, стоящим на точке зрения теории кризисов Туган-Барановского, ни Фалькнером, отклоняющим всякие «теории мирного времени» и ищущего разрешения своих экономических сомнений собственными путями. У обоих авторов это только «диспропорция» между формой.. и содержанием. Ибо и Кондратьев и Фалькнер вместе с Боголеповым все употребляют термин *мировое хозяйство*, говоря о кризисе «в рамках мирового хозяйства» или «мировой кризис».

Кондратьев, признавая одновременно кризис 1920—21 г. «кризисом мирового хозяйства», успокоился насчет будущих перспектив капитализма, *подменив понятие мирового хозяйства*; вместо кризиса мирового хозяйства, у него получился экономический кризис всех важнейших стран мира. *Фалькнер*, в противовес Кондратьеву, сделал сальтоморtale в другую сторону, но с тем же самым результатом. Фалькнер не доволен аргументацией Кондратьева. «Его несколько фантастический прогноз (об общем направлении конъюнктурного развития, — говорит Фалькнер о Кондратьеве, — заслуживает детальной критики».

Но чтобы доказать неправильность и недостаточность аргументации Кондратьева, Фалькнер выплеснул, как говорят немцы, из ванны вместе с водой и ребенка. Он отклоняет «его несколько фантастический прогноз об общем направлении конъюнктурного развития», отклоняет его теорию «диспропорциональности» в рамках национального хозяйства так же, как и в рамках мирового хозяйства, и, критикуя Кондратьева не с той стороны, с какой нужно было бы, скатывается в вульгарнейшей потребительской теории кризиса, отказываясь и от понятия мирового хозяйства и от результатов работ теоретической, политической экономии за последние сто лет ее существования.

«Неравноценность развития отдельных отраслей промышленности и хозяйства — момент, выдвигаемый в качестве причины кризиса Н. Д. Кондратьевым — говорит Фалькнер — и принесенный сюда явно а priori из одной из существующих теорий кризисов, вряд ли сможет кого-либо удовлетворить... Стоит только посмотреть на цифры выплавки стали и чугуна во время войны. чтобы убедиться, что эта отрасль развивалась тогда, как другие изредка и сжимались. Стало быть, эта отрасль именно, развивавшаяся совершенно несоизмеренно с другими, в

должна была бы прежде всего быть поражена взрывом сбыта. Но... факты не хотят соглашаться с теорией диспропорциональности: прежде всего взрыв сбыта поразила текстильную промышленность,—отрасль, работающую на удовлетворение нужд трудовых масс населения. И лишь спустя ряд месяцев, в течение которых падающей кривой легкой индустрии против стояла повышающаяся кривая тяжелой индустрии—первая преодолела вторую и увлекла за собой. Эти простые факты при всем желании нельзя примирить с теорией диспропорциональности» (стр. 101).

Единственно, что эти «факты» говорят, это только то, что нельзя заключить о теории значения статистикой, а этот грех водятся за Фалькнером. Можно отклонить теорию кризисов Туган-Барановского-Ковирагского,—она действительно мало объясняет,—но не «фактами» Фалькнера; ибо *здесь, в какой отрасли промышленности впервые проявляются признаки, это зависит от многих причин, в том числе от силы организации картелей и трестов, связи с государственным и банковским кредитом, не говоря уже о той основной разнице между легкой и тяжелой индустрией, о которой можно с пользой прочитать у того же самого Туган-Барановского, который справедливо указывает на то, что легкая индустрия легче поддается монополизации, в то время когда тяжелая больше работает на заказ и меньше поддается рыночным веяниям*¹⁾.

На это указывает вполне резонно и тов. Варга.

«Капитализм,—говорит Варга,—оказал кризису сильное сопротивление. Кое-где, например, в английской текстильной промышленности уже в весны 1920 г. был вялый. Азия более почти не покупала. Тем не менее, высокие цены держались здесь еще полгода почти на прежнем уровне... Сильное сопротивление взятого было сломлено только тогда, когда правительственные банки и центральные банки, находящиеся под влиянием государства, в Японии и в Соед. Штатах, начали около середины 1920 г. сильно сокращать кредиты и принуждали спекулянтов к выбрасыванию занасов, которые они задерживали для поддержания высоких цен...»

«Эта сила сопротивления капитала имеет свое основание в том, что со времени начала войны организация капитала была почти вполне закончена. Объединение предприятий в тресты и их почти полное включение в концерны крупных банков... крепко связывали эти последние между собой...»

Характерно, что Фалькнер об этих организациях капитала почти совсем не упоминает и поэтому часто его «факты» очень мало убедительны.

Такими «фактами» теории диспропорциональности побить нельзя,—ее слабое место совсем в другой области,—но этого Фалькнер не ви-

¹⁾ Периодический промыш. взрывсы. стр. 161.

дит и не только не побивает Туган-Барановского, но целиком обезоруживает себя, отказываясь и от «фактов» более серьезного значения.

Из «мирового промышленного кризиса» Фалькнер в поисках единой причины *мирового кризиса* доходит до полнейшего отрицания существования мирового хозяйства.

«Если бы нам удалось, — говорит Фалькнер, — установить относительную роль международной торговли во всем мировом производстве или, по крайней мере, производстве крупнейших стран, *доля сбыта которой поглощается на внешнем рынке*, то мы сразу определяли бы пределы *возможного влияния сужения мировой торговли на общую совокупность спроса*. (подчеркнуто нами. М. Б.), а, значит, и на всю эволюцию мировой конъюнктуры» (стр. 98).

Словом, Фалькнер, для того чтобы выяснить причину кризиса *мирового хозяйства* начинает с того, что «разъясняет» вообще сущность мирового хозяйства. Он хочет показать, что нить, связывающая национальное хозяйство каждой из стран с мировым рынком, очень тонка. По мнению Ф., *только экспорт товаров* характеризует силу связи национально о хозяйства с мировым рынком.

И он дает очень интересную таблицу «опыта исчисления доли экспорта в общей продукции крупнейших стран», где он противопоставляет национальную доход, выраженную в золотой валюте, экспорт за 1913 год. Но эта таблица, которую мы без всяких дополнений приведем ниже, говорит *против* него.

Опыт исчисления доли экспорта в общей продукции крупнейших стран.

СТРАНЫ.	В ТЫСЯЧАХ ДОЛЛАРОВ.		Процент экспорта по отнош. к национ. доходу.	Процент национ. произ-ва, остающегося в стране.
	Национ. доход на-ра-дуне войн.	Внешн. торг. 1913 г.		
		Ввоз. Вызов.		
1. Соедин. Штаты.	35.282.125	1.913.000 2.465.900	7,0	93,0
2. Англия.	10.949.620	3.236.691 2.501.121	22,8	77,2
3. Германия.	10.432.975	2.561.185 2.403.142	23,0	77,0
4. Франция.	7.291.700	1.825.690 1.323.100	18,2	81,8
5. Россия.	8.000.000	718.146 791.667	9,9	90,1
6. Австро-Венгрия.	5.353.150	586.747 477.000	8,9	91,1
7. Италия.	3.893.200	703.861 481.942	12,5	77,5
8. Испания.	1.110.293	252.123 204.054	18,2	81,8
9. Япония.	1.541.613	361.914 813.559	19,8	80,2
10. Канада.	1.459.980	618.500 431.800	29,6	70,4
11. Австралия.	1.255.557	380.512 363.977	29,0	71,0
Итого	80.657.270	12.628.371 11.766.145	13,6	86,4

Таблица сама по себе очень интересна. Не будем входить в детали этой таблицы, выявлять ее достоверность, хотя вопрос о достоверности данных играет в данном случае очень большую роль; но в этой таблице неоспорим очень много важного: в первую очередь *нет экспорта капитала*, который уходит из страны и в чужой денежной форме не только в товарах, но который проявляется также в цифрах привоза; а ведь для таких стран, как Англия, Франция и Америка,—особенно Америка после войны,—экспорт капитала имеет серьезное значение для конъюнктуры «национального хозяйства» и очень впечатлителен на измененную конъюнктуру мирового хозяйства. Кроме этого, связь национального хозяйства с мировым хозяйством не ограничивается только *экспортом* товара, а также, и не в меньшей степени, и с его *возом*, при чем роль привоза и вывоза состоит не только в движении товаров, но в их потребительской форме. Фалькнер, который в аргументации считается только с экспортом, в *таблице* подает и цифры *воза*.

Словом, для определения степени участия национального хозяйства в мировом хозяйстве, его удельного веса, нужно брать не только экспорт, а весь торговый оборот, и не забывать о движении денежного капитала.

Фалькнер об этом очень хорошо знает, он посвящает целую главу своей работы вопросу о «мировом денежном и капитальном рынке», и обратил специальное внимание на движение капитала внутри страны и вне ее. По отношению к Англии он констатирует, напр., что «в т.» время, как до войны помещенные капитала вне метрополии составляло до 85% всей суммы эмиссии, в 1919 г. оно составляло 5%, в 1920 г.—14%, в 1921 г.—33%, а в первые 10 месяцев 1922 г.—25%. Для него эти цифры только признак улучшения конъюнктуры, но он их забывает, когда говорит о мировом хозяйстве! Но если даже считать, что 30—35% эмиссии капитала экспортируется, то ведь эту сумму нужно принять во внимание при оценке связи народного хозяйства с мировым. И в Америке экспорт капитала значительно увеличился и увеличивается: по Фалькнеру, эмиссия капитала, помещенного внутри страны, в промышленности достигает за первые семь месяцев 1922 г. 300,6 мил. долларов, а вне ее—101,3, т.-е. около 33%.

Словом, если мы, опираясь на таблицу, данную Фалькнером, не включая экспорта капитала, сравним только внешний товарооборот с национальным производством, получим в среднем не 13,6%, а больше чем два раза столько, т.-е. в среднем около 30% национального производства,—составляет ценность внешнего товарообмена, что является важнейшим характерным явлением для настоящего периода и показателем крепкой связи мирового хозяйства.

Но и это еще не определяет уровень развития мирового хозяйства. Во всяком случае, нельзя никаким образом, даже если ограничиться процентным соотношением экспорта национального хозяйства, как это делает Фалькнер, и взяв 13,6% как цифру, характеризующую отношение экспорта к национальному производству, то и тогда нельзя отмахиваться от влияния внешнего рынка на конъюнктуру

страны и из кризиса мирового хозяйства сделать кризис отдельных стран. Это ничем не обоснованная вульгаризация важнейшего экономического явления (роль и значение внешнего рынка для развития капитализма), последствием которого нельзя подменить статистическими таблицами, притом очень сомнительного характера.

Такое же „статистическое“ отношение к важнейшей политико-экономической проблеме нашего времени о роли и значении внешней торговли для мирового хозяйства встречаем мы и в книжке *М. Нахимсона*, вышедшей на немецком языке под заглавием «Мировое хозяйство до и после войны»¹⁾.

«При каких условиях, — спрашивает Нахимсон, — можно вообще говорить о мировом хозяйстве? Разумеется, только в том случае, если внешняя торговля или внешние экономические отношения вообще получили для народного хозяйства решающее значение. Конкретно говоря, когда внешняя торговля втягивает в круг своего оборота от 30—50% внутреннего производства и внутреннего потребления, только тогда можно говорить о глубоком сплетении народного хозяйства с мировым» (Т. I. стр. 179).

Почему 30 или 50%, а не 25%? Это Нахимсон не объясняет. Он этим путем ничем не объяснить не мог. Нахимсон чувствует, что эти аргументы не вполне солидны, и он сейчас же дополняет ее, вводя целый ряд исключений.

«Разумеется, — говорит он, — может случиться, что и при меньшем процентном отношении вывоза к внутреннему производству можно говорить о зависимости этих стран от мирового рынка».

Но эта уступка ничем Нахимсону не помогает; он не выяснил себе фицию мирового хозяйства, которое «не есть простая арифметическая сумма «национальных» хозяйств, точно так же, как и национальное хозяйство отнюдь не является арифметической суммой индивидуальных хозяйств в пределах государственной территории» (*Бухарин*, стр. 29).

В этом отношении между Фалькнером и Нахимсоном нет никакой разницы: Фалькнер все употребляет термины, под которыми скрывается совсем другое. И так же, как неубедительны его «факты» относительно нечувствования мирового хозяйства, как историко-экономической категории, потому что % экспорта не дает точно вытек; как неубедительны его «факты» о теории диспропорции, потому что, вместо статистических предприятий, начинают лопаться сначала текстильные, — так же неубедительны его аргументы, долженствующие объяснить, что «основной источник мирового кризиса нужно искать не на внешнем, а на внутреннем мировом рынке всех прижатых иметрин» (стр. 100), и что источником кризиса на внутреннем рынке являются «собиравшие широких масс населения за время войны и прежде всего патентные реальный заработной платы... индустриальных стран» (стр. 102).

Спорит он, погрешившийся спорит приет серьезую роль в покупательной способности мирового рынка, и недооценка этого

¹⁾ Die Weltwirtschaft vor und nach dem Kriege. Bd. 1. Berlin 1923.

факта является основной ошибкой в теории кризисов Туган-Барановского и Кондратьева. Но период войны был не только периодом обнищания рабочего класса, но и не в меньшей степени периодом колоссальнейшего сокращения производственного капитала, являющегося серьезным потребителем на мировом рынке и, связанного с ним, сокращения государственного хозяйства в результате сужения народно-хозяйственной базы. Поэтому сужение понятия покупательной способности внутреннего рынка до *покупательной способности* не менее ошибочно, чем сокращение рынка сбыта с мирового масштаба до рамок «национального» хозяйства. Эта «открытия» делает Фалькнер на основе «фактов», в он проделывает сногшибательную статистическую акробатику, чтобы доказать, что кризис 1920—21 г.г. в Соединенных Штатах возник благодаря тому, что рабочий класс Америки за время войны потерял свою покупательную способность на 20% и что падение кризиса в Америке произошло оттого, что реальная заработная плата рабочих в Америке на три месяца позже начала падать, нежели рыночные цены продуктов продовольствия, и *темп* ее падения в течение нескольких месяцев был медленнее, чем темп падения индекса товарных цен. Хотя индекс реальной заработной платы в самое лучшее для американских рабочих время был всегда ниже индекса цен продовольствия, но все же эти несколько месяцев сравнительно медленного падения заработной платы в жесточайший период кризиса и составляют по Фалькнеру «норму увеличения всего рыночного спроса пролетариата в целом» (стр. 110) и является основной причиной вызвания кризиса. В этом по Фалькнеру кроется оживляющий источник народного хозяйства в Америке.

Фалькнер хочет доказать больше, чем нужно. Ибо для того, чтобы выяснить причину улучшения хозяйственной конъюнктуры в границах «национального хозяйства», совсем не нужно было искать ее—*ausgerichtet!*—в относительном увеличении заработной платы рабочих. Это уж задача денежного капитала—ислать более или менее длительного перерыва его деятельности—искать себе место приложения. Для этого не нужно никаких специальных условий. Понижение цен, сокращение производственных расходов в результате банкротства менее устойчивых предприятий—и подешевление денежного кредита—уже одно это увеличивает емкость внутреннего рынка, который ведь все еще не состоит только из рабочих. Кроме рабочих, существуют же в капиталистическом государстве, как Америка, еще очень богатый слой крестьянства—фермеров, покупательная способность которых не может при нормальных условиях значительно уменьшаться. Для стран с большой емкостью внутреннего рынка последствия сокращения внешнего рынка—после некоторого времени—могут быть изжиты углублением внутреннего спроса.

Проблемой является не то, *откуда* пришло оздоровление хозяйственной жизни в Америке, а *каково оно*. т. - е., насколько Соедин. Штаты могут обойтись без внешнего рынка, и *как на долю* хитрит чь емкости их внутреннего рынка, или, иначе говоря, *насколько и*

как долю может Америка освободиться от влияния мирового хозяйства и обеспечить себя от результатов расстройств в равновесии производительных сил ее.

Этим путем можно выяснить основную проблему нажития кризиса 1920-21 г.г.: поскольку ликвидация кризиса в границах национального хозяйства может влиять на изживание кризиса мирового хозяйства, в статистическом понимании этого хозяйства, как самостоятельной историко-экономической категории. В этом ведь суть всей проблемы. Теоретически не исключена возможность изживания кризиса мирового хозяйства ценой снижения уровня мирового хозяйства, ценой возврата к прошлому.

Об этом Фалькенер ничего не говорит в позитивные выводы его, несмотря на их оптимизм, не выясняют перспектив мирового хозяйства, не вырисовывают линии развития капиталистического хозяйства, хотя, что нужно признать, автор дает ценный материал для ознакомления с проявлениями самого кризиса.

М. Бронский.

(Окончание следует).

Обзор литературы по аграрному вопросу.

(Продолжение 1).

Проф. А. Н. Литовченко: «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства». Москва 1923 г. 46 стр.

Б. Д. Брункус: «Аграрный вопрос и аграрная политика» Петербург 1922 г., 234 стр.

Проф. П. Н. Першин: «Учестковое землепользование в России. Хутора и отрубы, их распространение за десятилетие 1907-1916 гг. и судьбы в революции 1917-1920 г.» Москва 1922 г. 52 стр.

Кичинский: «Очерки аграрной революции на Украине». Вып. I. Уравнительный раздел земли. Харьков 1922 г. 106 стр.

Ею асе: «Очерки аграрной революции на Украине». Вып. II. Обобществление сельского хозяйства. Харьков 1923 г. 110 стр.

«БУРЖУАЗНАЯ КРИТИКА СЕМЕЙНО-ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ».

Начало нашего библиографического обзора, где мы рассматривали гносеоточное семейно-трудовое потребителское теория крестьянского хозяйства, было уже нибрино, когда появилась брошюра проф. Литовченко, критикующая эту теорию с буржуазной точки зрения.

Вполне понятно, что эта мелко-буржуазная теория не удовлетворяет буржуазную мысль, оперирующую, хотя в нибрином, понятия развитого капиталистического хозяйства. Именно с этой стороны и критикует эту теорию Литовченко, выступая сторонником типично-капиталистической эволюции сельского хозяйства.

«Трудово-потребительская теория крестьянского хозяйства, — пишет он, — есть заимствованное отбрасывание данного натурального хозяйственного строя. В натуральном хозяйстве менового типа они применимы только к остаткам натурально-хозяйственных отношений и

может служить объяснением только для экономических явлений атаксистического порядка»¹⁾. Определение бесспорно верное и уничтожающее. Однако в данном случае нас интересует не столько критикуемое, сколько критикующий. Вель критика—пала о двух концах: одним она бьет того, *кого* критикуют, а другим, при случае, может больно ударить и того, *кто* критикует.

Изобличая убожество мысли теоретиков семейно-трудовой теории хозяйства, под чем мы расписуемся обеими руками, Литошенко обнаруживает немаленькое убожество своей собственной мысли.

Действительно, аргументация, с помощью которой Литошенко приходит к этому выводу, весьма своеобразна. Вполне правильно установив народнические корни семейно-трудовой теории, квалифицировав ее, как «неонародничество»²⁾, он переходит к выяснению «основной ошибки» трудово-потребительской теории³⁾.

Литошенко правильно осматривает представление о крестьянском хозяйстве, как потребительском, и в противовес такому пониманию он выдвигает свое понимание его, как приобретательного. Любопытно, что в подтверждение последнего он весьма сочувственно цитирует тов. Ленина, квалифицирующего крестьянина, как товаропроизводителя, мелкого буржуа, антигонимичного пролетариату⁴⁾.

Если Литошенко более или менее правильно возражает против представления о крестьянском хозяйстве, как потребительском, зато уже из рук вон плохо его критика представления о нем, как о хозяйстве трудовом. Последний взгляд, по его мнению, «сознательно или бессознательно построен на трудовой теории ценности». «Культ физического труда сквозит во всех панегириках крестьянскому хозяйству»⁵⁾, — восклицает Литошенко. «Это все та же методологическая ориентация, которая отличает Маркса и его школу», — пугает Литошенко своих буржуазных и мелкобуржуазных коллег. Литошенко бесспорно страдает особым видом современной болезни, особенно распространенной среди буржуазных профессоров со времени октябрьской революции—марксобоязнью. Как больной, страдающий манерой преследования, он всюду видит губительного влияния марксизма. Оно ему чудится и в теории народников, и во всей русской экономической мысли, и в семейно-трудовой теории.

Что влияние Маркса не избежала и буржуазная наука,—это бесспорно,—но все же же семейно-трудовую теорию отнести на счет марксизма,—это уже слишком. Совершенно не прилично «обижать» Литошенко своих мелкобуржуазных коллег. Мы можем все основывая взять их под свою «защиту» и утверждать, что эта теория ничего общего не имеет с марксистской теорией стоимости. Сам Литошенко знает, что Чаянов имеет склонность к теориям экономистов-математиков, Макаров же считает, что «только исторический психологизм

¹⁾ Л. Н. Литошенко. Цит., соч. стр. 24.

²⁾ Литошенко. Цит. соч., стр. 4—5.

³⁾ Там же, стр. 17.

⁴⁾ Там же, стр. 14.

⁵⁾ Там же, стр. 21.

Зомбарта и дедуктивный принципиальный психофизиологизм австрийской и англо-американской школы раскрыли возможность нового подхода в крестьянскому хозяйству»¹⁾. Совершенно напрасно думает Литошенко, что, обстреливая марксистскую теорию стоимости холостыми зарядами австрийской пушки, он хотя бы в малейшей степени бьет семейно-трудовую теорию. Теория стоимости Маркса и теория австрийской школы тут не при чем.

Наиболее сильные аргументы Литошенко — это эмпирические аргументы²⁾. В начале нашего обзора мы видели, что именно на конкретных данных об эволюции крестьянского хозяйства и «спала себе голову семейно-трудовая теория. Чтобы закончить рассмотрение спора Литошенко с семейно-трудовой теорией, дадим ему заключительное слово для выяснения его собственного понимания природы крестьянского хозяйства.

«Чтобы приблизиться к истинному пониманию природы крестьянского хозяйства, мы должны поставить во главу его не «обвешанного романтикой члена партии «земли и воли», равно как и не «капиталиста-предпринимателя, действующего по схеме Маркса (!). Во главе хозяйства должна стать реальная фигура экономического человека, обладающего, как и всякий человек, «запросами потребления», но в то же время умеющего считать и отлично угадывать свои собственные выгоды.

Не одна душа, а две души живут в крестьянском хозяйстве. Одна душа — потребителя, отца многочисленного семейства, покорно взвешивающего на неудержимый прирост потомства и наивно мечтающего о «земле в воле» (этот лозунг аграрной революции не дает спокойно спать русской буржуазии, хотя он и отшел в область истории. С. Д.); и другая душа — хозяина-предпринимателя, понимающего, что даже без эксплуатации чужого труда (!) у него в руках верное средство в обогащении, душа хозяйственного мужика, умеющего считать и знающего цену себе и своим продуктам, душа продавца товара, кооператора и владчика в сберегательные кассы»³⁾.

Полагаем, что и без комментариев из приведенной цитаты ясны общественные симпатии реченинруемого автора.

В настоящее время Литошенко выступает за поощрение сельской буржуазии — он является одним из современных носителей столыпинской ставки на «сильных»⁴⁾ (см. его выступление на 3-м агрономическом съезде в 1922 г.). Он является сторонником развития капиталистического хозяйства, однако, мелко-буржуазные предубеждения еще не позволяют ему окончательно порвать с идеологией мелкого и среднего хозяйства. «Для правильного и наиболее успешного развития сельского хозяйства, — пишет он⁵⁾, — необходимо известное сочетание крупных, средних и мелких хозяйственных единиц,

¹⁾ Н. Макаров. Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. I, стр. 61.

²⁾ Литошенко. Цит. соч., стр. 26—35.

³⁾ Литошенко. Цит. соч., стр. 36.

⁴⁾ Там же, стр. 43—46.

⁵⁾ Там же, стр. 42.

вторые выполняют каждое порознь своя специфические незаменимые функции». Что это за «специфические и незаменимые функции мелкого хозяйства», — об этом Литошенко умалчивает.

Весьма любопытны взгляды Литошенко на причины современного аграрного кризиса и пути выхода из него. «Ошибки большинства русских экономистов, — пишет он, — заключаются в том, что они очень много говорят о закономерности аграрной эволюции и молчат о положительном идеале хозяйственного прогресса»¹⁾. Теория же прогресса, по мнению Литошенко, в отличие от «мертвой бездушной теории эволюции — этого лишённого творческой мысли и разумного смысла процесса», ставит вопрос «о конечном назначении и судьбах человеческого общества, она верит в силу человеческого разума и конечное торжество его над неразумной причинностью». Однако, это не более не менее как пустое лирическое отступление, прикрытое «высоким стилем» низких дел. Исходя из объяснения кризиса аграрным перенаселением, так же как и Вруцкус, и разделяя воззрения милитаристов, он просто-на-просто предлагает реставрировать столыпинщину: ставка на «сильное хозяйство» и ставка на собственность — вот его основные лозунги. Таков краткий смысл его длинной речи. На этом понимании аграрного кризиса и способов его ликвидации пока останавливаться не будем, так как оно составляет основное содержание последующего обзора, к которому мы и переходим.

ИСТОРИЯ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ.

Революция 1917 г. выявила в жизни довольно значительную литературу, посвященную выяснению причин аграрной революции. Особенно много появилось, главным образом, агитационной литературы с февраля по октябрь 1917 г. в эпоху русской мелкобуржуазной весны. Буржуазное и мелкобуржуазное понимание русской аграрной революции прекрасно выявляется рецензируемыми работами Брудкус и тов. Качинского (последний, как мы убедимся далее, очевидно неожиданно для себя, воспринял народническое понимание революции), а также популярной работой проф. Казанского университета Архангельского («Обчерк по истории земельного строя России», Казань 1920 г.), охватывающей период с древнейших времен до новейших. Из марксистских работ по истории аграрных отношений в России на первом месте, конечно, стоят переданные работы тов. Ленина (только что появившаяся в издании «Н. Сковорода рабочего» его «Развитие капитализма в России»), далее следуют, богатая по материалу работа П. В. Чернышева «Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет». СЭБ. 1918, популярные работы Месацева и

¹⁾ Там же, стр. 3.

Осинского. Тому же вопросу, истории аграрных отношений и аграрной революции, посвящена и работа автора этих строк — «Очерки русской революции», вып. I, Сельское хозяйство—I издание 1922 г., II издание 1923 г.

Обзор литературы по истории аграрных отношений в России начнем с книги Бруцкуса. В основу последней легли статьи и доклады, появившиеся в разное время в журналах: «Сельское хозяйство и лесоводство» «Агрономический журнал» и др. Статьи эти Бруцкус несколько освещил, пересылав их единым перцем в целях унификации русской революции. Начинается книга с беглого обзора основных течений аграрной политики, в котором он останавливается на экономическом либерализме, катедер-социализме, радикальных и социалистических течениях в области аграрной реформы. Бруцкус основное внимание сосредоточивает на идеях экономического либерализма, как увидим далее, он их будет реставрировать в противовес с.-х. политике Советской Власти. Останавливаться на изложении Бруцкусом «течений аграрной политики» мы не будем, так как никакого интереса оно не представляет и страдает всеми известными грехами идеалистического подхода к идеологическим явлениям общественной жизни.

Для нас наибольший интерес представляет следующая его часть «Аграрная эволюция и аграрная политика России». Последний очерк охватывает период с 1861 по 1917 г. Бруцкус начинает с реформы 1861 года, которую по примеру других буржуазно-помещичьих историков именует «Великой». Бруцкус не чужд свойственного либералам брюзжания по поводу политики бюрократического царского правительства, но он отнюдь не склонен из вопиющего грабежа крестьян в 1861 году и последующей крепостнической политики помещичьей власти сделать необходимые логические выводы. Он отнюдь не склонен в помещичьей эксплуатации видеть хотя бы одну из причин оскудения крестьянства и развернувшегося аграрного кризиса. Наоборот, основная цель его работы, подчеркнутая в предисловии,—показать несостоятельность подобного объяснения. Он старается доказать несостоятельность тех течений, которые усматривали причину аграрного кризиса в недостаточности наделов, в «малоземелье»¹⁾. По его мнению, результаты реформы 1861 года «получились для русского крестьянства более благоприятные, чем в странах Средней Европы»²⁾. «И не в легко устранимых дефектах (1) обложения (так Бруцкус называет грабительскую систему обложения крестьянства царским правительством) лежали здесь корни кризиса, — они лежали глубже», авторитетно заявляет Бруцкус. И это более глубокое объяснение причин кризиса сводится к объяснению его — «аграрным перенаселением». Бруцкус извлекает из архива теоретических древностей давно-давно забытое, уже изъеденное исторической молью мальтузианство, чтобы выдвинуть его как «новое»

¹⁾ Бруцкус. Цит. соч., стр. 55.

²⁾ Там же, стр. 37.

³⁾ Там же, стр. 55.

объяснение причин аграрного кризиса и тем самым аграрной революции.

Такова уже логика развития идей, что аналогичные исторические условия порождают аналогичные идеологические последствия. Мальтузианство, созданное жрецом церкви в Англии, в начале XIX века, на почве пауперизации населения промышленным переворотом, порожденное в связи с увеличением налогов в пользу бедных, в течение XIX века прокатывается по головам «жрецов науки» разных стран и последним угасающим лучом отражается в головах российских Бруцкусов в эпоху прирезки в пользу бедноты земли, экспроприированной промышленным переворотом в России до революции. И только маршмом буржуазной науки можно объяснить то, что Бруцкусообразные профессора вновь ищут причину реженивать старую живучку мальтузианства, пытаются снять ответственность за нищету с господствующих классов и переложить их на естественные законы роста населения. Если младенцу буржуазной науки,—Мальтусу, позволительно было путать действительную взаимосвязь между развитием производительных сил и приростом населения, то выдающему себя за представителя современной буржуазной науки непостижительно в анализе общественной эволюции отпавляться от естественных законов прироста населения, а не от общественных законов развития производительных сил, в сущности русского аграрного кризиса искать в движении населения, а не в условиях производства. Таким образом, уже самым подходом к теме с принятием вторичного фактора за первичный, Бруцкус обрекает себя на ряд вопиющих ошибок и невообразимую путаницу. Он уже выступает перед нами *ab initio vitiosus*, т. е. научно-порочный в самом зачатке (в его мысли). Мы не будем останавливаться на критике мальтузианских предпосылок Бруцкуса. Вряд ли стоит доказывать полнейшую негостоятельность выдвигаемых им «непреложимых фактов действительности», что земная поверхность не расширяется и что интенсификация хозяйства возможно ни при каких условиях лишь в ограниченной степени¹⁾. Ведь нельзя же действительный анализ подменивать банальными фразами о «непреложимых фактах действительности». Что земная поверхность не расширяется — это непреложимый факт действительности. Но что расширяется поверхность культивируемой земли — это также непреложимый факт той же самой действительности. Что интенсификация хозяйства возможно при каких данных условиях в ограниченной степени, — это, верно, но совсем неверно эту ограниченность свести к арифметической прогрессии Мальтуса или «закону убывающего плодородия почвы». Что касается другого факта действительности — роста населения, то мы обидели бы читателя, если бы стали останавливаться на столь избитых положениях мальтузианцев о росте населения.

Однако Бруцкус не только рассматривает перенаселение, как фактор аграрного кризиса, он будет упражняться в весьма курьез-

¹⁾ Бруцкус. Цит. соч., стр. 61 — 62

ные попытки найти причины перенаселения и способы его ликвидации. Оказывается, «психологическое влияние полученной воли было благоприятно размножению населения». а главное — в «особенности на черноземе (центрально-черноземные губернии), население не получило никаких директив для регулирования своего размножения». «Крестьянин может безбоязненно размножиться, ибо община обязана обеспечить его потомство». Причину перенаселения Бруцкус видит в общине, «освобождающей от ответственности за неумеренное размножение»¹⁾.

Неспроста Бруцкус берёт общину. Считая общинное владение тождественным коллективному, играя словами, а не анализируя понятий, Бруцкус пытается тем от общины бросить на социализм и ком. нзм.

В качестве средства против «губительного» роста населения в том смысле, как средство ликвидации аграрного перенаселения, Бруцкус выдвигает частную собственность.

Если Мальтус, угрожая разрушительными факторами против роста населения, рекомендовал бедноте только «нравственное воздержание», а ново-мальтузианцы явились крестными отцами массового производства предохранительных средств, то Бруцкус выступает с прос-том универсального всероссийского предохранительного средства — частной собственностью. И с каким филистерским смакованием описывает он свой предохранитель! — «Собственник знает, сколько его детей вынуждено будет питаться не с отцовского надела... Для покупки и аренды земли, которой ему никто не даст (подразумевается — даром *О. Д.*), он и его дети должны для ее получения скопить сбережения... Глава семьи страхует свою жизнь, имея в виду трудный момент деления наследства.» И наконец «сознание предстоящих в преодолению трудностей не остается без влияния через брачность на темп размножения населения».

Нм видно считать здесь не этическое мещанство Бруцкуса, а чисто мещанскую ограниченность мелкого буржуа и воспринявшего его идеологию Бруцкуса в понимании действительных законов общественной явлции. Дело не в том, что Бруцкус описал идеологию собственника, «точно определяющего... сколько его детей... и т. д... сознание которого не остается без влияния на темп размножения». Может быть, эта идеология мелкого буржуа выявлена и правильно, — кому же лучше ее знать, как не его апологету — Бруцкусу. А дело-то в том, что сам Бруцкус думает также, как и его мелкий буржуа, что «сознание может регулировать деторождение». Между тем, одно дело сознавать, а другое — исполнять.

В своей статье «Аграрное население и аграрный строй». («Сельское и лесное хозяйство» № 7 — 8 1922 г.) Бруцкус пытался на основании данных по Курской губернии о крестьянах собственников (четвертных) и общинных (государственных, душевых) установить влияние форм землевладения общинного и собственнического

¹⁾ Бруцкус. Цит. соч., стр. 60 — 61.

на размножение населения и его благосостояние. Однако, эта попытка ему не удалась. При разборе этих положений с более тщательным анализом его же фактических данных мы убедились в том, что психология и собственника и общинника в размножении населения оказались не при чем¹⁾. Когда Бруцкус будет сравнивать хозяйства общинников и собственников, *производство которых находится в аналогичных условиях*, то сам же будет вынужден признать, что „непосредственной зависимости между формой владения и размножением населения нет“. «Сравнивая численность наличного населения с численностью ревизского, — пишет он, — нельзя заметить, чтобы теми возрастания наличного населения у четвертных крестьян в какую-нибудь определенную сторону отличался от такого наличного населения у государственных крестьян».

Однако последовательность в суждениях отнюдь не является отличительной чертой разбираемого нами автора. Посмотрим, как, установив догматически губительное влияние общинного землевладения и спасительное — частной собственности, наш автор подходит к разбору пореформенной политики царского правительства. Читатель догадается, как должен Бруцкус брюзжать по поводу общинофильской политики царского правительства до 1905 г. и как будет восхвалять Столыпина за его общинофобство и утверждение частной собственности, хотя Бруцкус отлично сознает ярко выявленный классовый характер этой политики²⁾. На столыпиновщину он смотрит, как на розовые очки. В сравнении с ней для Бруцкуса даже блекнут розы кадегской аграрной программы, которой он более всего сочувствует, хотя не может согласиться с ее допущением хотя бы и ублюдочного отчуждения части помещичьих земель³⁾.

Пожурив слегка (ведь положение либерала и чему-нибудь да обязывает!) столыпинское правительство за его приемы, «неблагоприятствующие укреплению в населении духа законности» (107), что имело, по мнению Бруцкуса, «незначительные последствия в позднейший период русской революции» (117), он с большим сочувствием излагает столыпинские мероприятия. Он горячо приветствует продажу, а не распределение среди крестьян земли. «Мобилизационный процесс, — пишет он, — привел к переходу земли из рук плохих хозяев не в руки всякого случайного крестьянина, а в руки тех, кто брался отвечать перед народным хозяйством за надлежащее использование»⁴⁾.

На и апологет столыпинщщины не останавливается перед тем, чтобы взять под свою защиту даже непомерно высокие цены крестьянского банка, служившего одним из аппаратов перекачивания крестьянских денег в помещичьи карманы⁵⁾. Кредитование через

¹⁾ См. нашу статью — „Фетишизм частной собственности“ — „Сельское и лесное хозяйство“, № 7—8, 1922 г. Стр. 50—51.

²⁾ Бруцкус. Цит. соч., стр. 107—108.

³⁾ Там же, стр. 101—106.

⁴⁾ Там же, стр. 109—110.

⁵⁾ Там же, стр. 112.

крестьянский банк Бруцкус рисует, как правительственную жертву (1) в интересах крестьянства²⁾. Но Бруцкусу оказывается, что столыпинская реформа имела благоприятное значение для всего крестьянства, даже для положения «экономических низов с.-х. населения»³⁾. «Но кучка кулаков воспользовались реформой, а миллионы трудового крестьянства»⁴⁾, — патетически заканчивает Бруцкус свой дифирамб столыпинской новшине.

Вполне естественно, что при таком всеобщем благополучии, в котором по Бруцкусу была столыпинская реформа, совершенно непонятно, откуда же вдруг появилась вторая аграрная революция. Этот вопрос встает и перед Бруцкусом, но он весьма легко от него отмахивается, утверждая, что революция произошла в России «не на почве аграрной политики старого режима»⁵⁾, которая, по Бруцкусу, безукоризненна. Очевидно и стихийное аграрное движение 1917 г. — разгром имений и хуторов, по Бруцкусу также произошел «не на почве аграрных отношений» и не имел никакого отношения к помещичьей эксплуатации. В издании Бруцкусу полно тью выпитом его объяснение причин падения старого режима. «Режим пал, тот режим, который, исходя из принципа «сначала граждане, а потом гражданственность», не разрешал существования никакой общественной организации, кроме организации дворянства и самых верхов буржуазного общества. И благодаря атому натуральная стихия стала хозяйным положением»⁶⁾. Существоуй, мол, общественные организации Бруцкусоподобных граждан, и никакой революции бы и не было. Просто и понятно!

Подведем итоги. Читатель догадывается, что, «отыскав» причину аграрного кризиса не в помещичьей эксплуатации, а в перенаселении, Бруцкус попытается на этих глиняных теоретических ходулях пойти на штурм завоеваний революции. В своих последующих выступлениях и статьях он стремится доказать, что революция «ничего существенного» крестьянству не дала и не могла дать. Аналогия же частной собственности в прошлом, как предостережение против перенаселения, ему «мало нужна для того, чтобы в ней найти точку опоры для критического испровержения основ земельной политики Советской Власти — национализация земли.

Рассмотрение последних положений Бруцкуса далеко бы вывело нас за пределы настоящей главы графической заметки. Отпущен читателя в отмеченной нами выше статье в «Сельском и лесном хозяйстве» (№ 7—8) «Фетишизм частной собственности».

После разбора аграрной политики старого режима, Бруцкус переходит к рассмотрению земледельческого устройства. Разумеется, он выступает горячим сторонником хуторов. Последние по Бруцкусу являются древнейшей формой землеустройства, для доказательства чего он приводит, хотя и не по первоисточникам, цитаты из Тацита и из

¹⁾ Там же, стр. 113.

²⁾ Там же, стр. 127.

³⁾ Там же, стр. 130.

⁴⁾ Там же, стр. 131.

древне-русских памятников, приведенные Сергеевичем в его «Древности русского права»¹⁾, — надо же связать и освятить современное землеустройство исторической преемственностью с древнейшиим! Бруцкус, желая быть объективным, останавливаясь на возражениях, которые приводились против хуторов; он считает нужным остановиться и на таком архипреакционном «возражении», — что хуторяне хуже общаются и между собой и с церковью (1)²⁾.

В его очерке в сына ценно указание на то, насколько нелегко проведение землеустройства в странах, где в «крестьянство собственнические инстинкты настолько внедрились, что оно выражает фанатизмом собственности»³⁾. Последнее вполне правильное утверждение Бруцкус, в сожалению, забыл, когда он начал кампанию против национализации земель Советской Властью. Ведь только в условиях национализации возможно широкое осуществление землеустройства, так же как и других мероприятий по подъему и развитию сельского хозяйства.

Что касается фактической истории столыпинского землеустройства в России, то Бруцкус излагает ее довольно удовлетворительно.

На заключительных главах его работы «Обзор современной земельной политики иностранных государств» и «социально-экономические основы крестьянского хозяйства» останавливаться не будем. Первая слишком обща и ничего не дает, вторая же повторяет основные положения семейно-трудовой теории, в несостоятельности которой мы достаточно убедились, при разборе произведений ее представителей в начале настоящего обзора сельскохозяйственной литературы, помещенного в № 2 настоящего журнала.

УЧАСТКОВОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ.

Тому же вопросу истории аграрных отношений в России посвящена работа проф. Першина⁴⁾. Она охватывает лишь небольшую часть истории аграрных отношений, именно историю участкового землепользования. По существу работа ничего нового в историю вопроса не вносит, но она ценна: обильнее впервые появляющегося фактического материала, преподнесенного в сжатой, умело сконбинированной форме.

Весьма удачно проф. Першин ограничил свою задачу чисто фактическим изложением истории участкового землепользования, как организации территории прежде всего, не усложняя его социо-

¹⁾ Бруцкус. Цит. соч., стр. 134—135.

²⁾ Там же, стр. 141.

³⁾ Там же, стр. 156.

⁴⁾ Проф. П. Н. Першин: «Участковое землепользование в России». — Хутора и огруба, их распространение за десятилетие 1907—1916 года и их судьбы во время революции (1917—1920 г.г.). Москва. 1922 г., 62 стр.

логическими и политическими суждениями, которые, как общее правило у исследователей-но марксистов затемяют сущность дела и вносят лишь излишнюю путаницу. И только на последним соображениям эту узость в постановке вопроса проф. Першиним мы считаем достоинством работы, а не ее недостатком. Першин д. ето очерк участкового землепользования до революции (1907—16 г.г.) в судьб участкового землепользования — во время революции (1917—1929 г.г.). Вполне правильно, так же как и большинство предшествовавших ему исследователей (Прокопович, Лосвцкпй, Можухин и др.), проф. Першин ставит развитие участкового землепользования—хуторов и отрубов—в связь с товаризацией сельского хозяйства, его интенсификацией и естественным разложением общины за меж-революционный период (25—29). Мы у него находим интересные данные о порядке образований участковых землепользований путем разверстования целых селений,—выделов обязательных и выделов добровольных¹⁾ о количественном распространении различных видов участкового землепользования по районам, об агрикультурном значении проведенного землеустройства, об уменьшении, а то и уничтожении чересполосицы и мелкоколосицы, уничтожении дачноземелья и т. п. Наконец мы находим у него данные и об экономическом положении землеустроительных хозяйств. Вполне правильно проф. Першин отмечает диаметрально-противоположные экономические результаты землеустройства в двух основных очагах осуществления реформы—на северо-западе с развивающимся интенсивным хозяйством и юго-востоке, с сохраняющимся экстенсивным. В то время как в первом районе наблюдается некоторое улучшение скотоводства в переход к плодосмену, во втором—падение экстенсивного скотоводства и частичное возвращение даже к пестрополью.

Вторая часть работы посвящена судьбам участкового землепользования во время революции (1917—1929 г.г.). Насильственное проведение столыпинской реформы, выделение хуторов и отрубов часто и ущерб интересам остающегося в обществе крестьянства, имело последствием во время революции 1917 года уничтожение части участковых хозяйств, возращение их в общину, при чем наиболее резко уничтожение хуторов вынялось на юго-востоке. На северо-западе они оказались устойчивее и, как общее правило, сохранились и в период уравнительной дележки земли. Соответственно вынялось и отношение местных органов власти к участковому землепользованию: в первом—отрицательное, во втором—более положительное. В последнем районе даже в период гражданской войны наблюдалось стихийное стремление к участковому землепользованию. Першин приводит интересные выдержки из отчетов местных земельных органов в центр, об отношении к выходу на хутора и отруба. Першин ч.жд представления об участковом землепользовании, как универсальной форме землепользования. Вполне справедливо он считает, что различные той или иной формы землепользования зависят от хозяйственных условий каждого района

¹⁾ Там же, стр. 11—13.

древне-русских памятников, приведенные Сергеевичем в его «Древностях русского права»¹⁾, — надо же связать и освятить современное землеустройство исторической ответственностью с древнейшим! Бруцкус, желая быть объективным, останавливаясь и на возражениях, которые приводились против хуторов; он считает нужным остановиться и на таком аристократическом «возражении», — что хутора хуже помещают и на лу и церковь (1)²⁾.

В его очерке в сьма ценно указание на то, насколько затруднено проведение землеустройства в странах, где в «крестьянство собственности истинны настолько внедрены, что оно сридает фанатизмом собственности»³⁾. Последнее вполне правильное утверждение Бруцкус, к сожалению, забыл, когда он начал кампанию против национализации земли Советской Властью. Ведь только в условиях национализации возможно широкое осуществление землеустройства, так же как и других мероприятий по подъему и развитию сельского хозяйства.

Что касается фактической истории столыпинского землеустройства в России, то Бруцкус излагает ее довольно удовлетворительно.

На заключительных главах его работы «Обзор современной земельной политики иностранных государств» и «социально-экономические основы крестьянского хозяйства» останавливаться не будем. Верная слишком обща и ничего не дает, стирая же повторяет основные положения семейно-трудовой теории, в несостоятельности которой мы достаточно убедились, при разборе произведений ее представителей в начале настоящего обзора сельскохозяйственной литературы, помещенного в № 2 настоящего журнала.

УЧАСТКОВОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ.

Тому же вопросу истории аграрных отношений в России посвящена работа проф. Вершинина⁴⁾. Она охватывает лишь небольшую часть истории аграрных отношений, именно историю участкового землепользования. Но существу работа ничего нового в историю вопроса не вносит, но она ценна обильным впервые появляющегося фактического материала, преподнесенного в сжатой, умело скомбинированной форме.

Весьма удачно проф. Першин ограничил свою задачу чисто фактическим изложением истории участкового землепользования, как организации территории прежде всего, не осложняя его соци-

¹⁾ Бруцкус. Цит. соч., стр. 134—135.

²⁾ Там же, стр. 141.

³⁾ Там же, стр. 156.

⁴⁾ Проф. И. Н. Першин: — «Участковое землепользование в России». — Хутора и огруба, их распространение за десятилетие 1907—1916 года и их судьбы во время революции (1917—1920 г.г.). Москва. 1922 г., 62 стр.

логическими и политическими суждениями, которые, как общее правило у исследователей — по марксистов затемняют сущность дела и вносят лишь паллиативную путаницу. И только на последнем соображении эту узость в постановке вопроса проф. Першин мы считаем достоинством работы, а не ее недостатком. Першин детально очерк участкового землепользования до революции (1907—16 г.г.) и судьбу участкового землепользования — во время революции (1917—1920 г.г.). Вполне правильно, так же как и большинство предшествовавших ему исследований (Прокопович, Лосицкий, Можухин и др.), проф. Першин ставит развитие участкового землепользования — хуторов и отрубов — в связь с товаризацией сельского хозяйства, его интенсификацией и естественным разложением общины за меж-революционный период (25—29). Мы у него находим интересные данные о порядке образования участковых землепользований путем разверстывания целых селений, — выделов обязательных и выделов добровольных¹⁾ о количественном распространении различных видов участкового землепользования по районам, об агрикультурном значении проведенного землеустройства, об уменьшении, а то и уничтожении чересполосицы и мелкоколосцы, уничтожении дачноземель и т. п. Наконец мы находим у него данные и об экономическом положении землеустроенных хозяйств. Вполне правильно проф. Першин отмечает диаметрально-противоположные экономические результаты землеустройства в двух основных очагах осуществления реформы — на северо-западе с развивающимся интенсивным хозяйством и юго-востоке, с сохраняющимся экстенсивным. В то время как в первом районе наблюдается некоторое улучшение скотоводства и переход к плодосмену, во втором — падение экстенсивного скотоводства и частичное возвращение даже к нестрополю.

Вторая часть работы посвящена судьбам участкового землепользования во время революции (1917—1920 г.г.). Насильственное проведение столыпинской реформы, выделение хуторов и отрубов часто в ущерб интересам остающегося в обществе крестьянства, имело последствием во время революции 1917 года уничтожение части участковых хозяйств, возвращение их в общину, при чем наиболее резко уничтожение хуторов вылилось на юго-востоке. На северо-западе они оказались устойчивее и, как общее правило, сохранились и в период уравнительной дележки земли. Соответственно вылилось и отношение местных органов власти к участковому землепользованию: в первом — отрицательное, во втором — более положительное. В последнем районе даже в период гражданской войны наблюдалось стихийное стремление к участковому землепользованию. Першин приводит интересные выдержки из отчетов местных земельных органов в центр, об отношении к выходу на хутора и отруба. Першин чужд представления об участковом землепользовании, как универсальной форме землепользования. Вполне справедливо он считает, что различно той или иной формы землепользования зависит от хозяйственных условий каждого района

¹⁾ Там же, стр. 11—13.

44—45). Появление книжки проф. Першина весьма своевременно в связи с предоставлением Советской властью населению свободы в выборе форм землепользования и началом массового выхода на хутора и отруба в тех районах, где этому благоприятствуют экономические условия.

АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

В работах Литошенко, Брукуса и Першина мы отчасти уже встречались с оценкой предпосылок и смысла русской аграрной революции. Но уже более специально эти вопросы поставлены в работах Б. Качинского — «Очерки аграрной революции на Украине». Вып. I — «Уравнительный раздел земли», а вып. II — «Обобществление сельского хозяйства». Им готовятся к печати еще два выпуска — III «Крестьянское хозяйство в годы революции» и IV «Земельное законодательство в период 1917—1922 г.г.

Первый выпуск работы тов. Качинского не блещет внешними достоинствами. Написано тяжело, много лишнего цитат, мало стройности в изложении. Но это пол-беды. Нашим товарищам, поглощенным текущей административной работой, приходится писать свои произведения урывками, между делом. Поэтому требовать тщательности внешней обработки было бы пустым педантизмом. Однако далеко не все благополучно обстоит у тов. Качинского и со стороны содержания. Вполне понятно, что сейчас исследовательская работа, — работа по сырым материалам нашим товарищам, стоящим на практической работе, почти недоступна. Им приходится в своей работе в значительной части прибегать к второстепенным.

Последнее для популяризационных работ еще допустимо, и мы у наших, весьма авторитетных коммунистических ученых имеем отдельные примеры прекрасного использования материала из работ буржуазных ученых. Безжизненный, мертвый материал в руках последних под рукой опытного марксиста выступает в новом оригинальном свете.

Бывает, однако, другая возможность. — Начинаящий, неустойчивый теоретический работник, заимствуя материал чуждых ему по воззрениям ученых, воспринимает вместе с материалом и их теоретические положения, и их выводы. Последнее и случилось с тов. Качинским.

В своей работе он использовал прежде всего «Сборник статистических материалов» под редакцией А. Н. Челнинцева, также и другие работы последнего — «Теоретические основания организации крестьянского хозяйства», «Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства» и т. д. Обильно использовал тов. Качинский работы Брукуса, Огановского, Макарова, Чаянова и др. представителей господствующих в настоящее время мелкобуржуазных теорий крестьянского хозяйства.

II, вероятно, неожиданно для самого себя, он попал в орбиту их идейного влияния, дав на страницах своей работы весьма пеструю смесь «французского с нижегородским» — трудово-потребительского и марксистского понимания «природы» крестьянского хозяйства, мелкобуржуазного оппортунизма и коммунистической революционности. Зная законы капиталистического развития и законы дифференциации крестьянства, концентрации производства, он оказывается совершенно не в состоянии вскрыть эти положения в описываемых им процессах эволюции сельского хозяйства. Например, вслед за Челынцем он повторяет с его специфическим привкусом положения о потребительском ¹⁾ и полутрудовом ²⁾ характере даже крупного крестьянского хозяйства в юго-степном районе Украины — в районе уже типично капиталистического крестьянского хозяйства, к которому термины семейно-трудовой теории совершенно неприменимы.

Он всецело усвоил народнический взгляд на мобилизацию землевладения в дореволюционных условиях, как вытеснение «трудовым» хозяйством капиталистического ³⁾. Для него покупка помещичьих земель сельской буржуазией — «переход земель в руки трудящихся» ⁴⁾, аренда же для него представляется, как аренда трудовой ⁵⁾. Он повторяет заимствованное у Бруцкуса положение о положительной роли высоких земельных цен: «путем непрерывного повышения арендных цен, — пишет он ⁶⁾, — крестьяне Полтавщины выбивали почву из-под ног помещиков». Очевидно, марксистское понимание мобилизации землевладения им совершенно не усвоено. Между тем на этот счет мы имеем весьма определенные указания в работах Ленина, имеем даже специальные указания Энгельса. «Капиталистическое производство, — писал Энгельс, — может произвестись, а если оно продолжится достаточно долго, то даже несомненно произведет коренную аграрную революцию — я разумею революцию в условиях землевладения, которая разорит помещика, и мужика, и заместит их новым классом крупных землевладельцев, вышедших из деревенских кулаков или из городских мещан-спекулянтов. Во всяком случае, — заканчивает письмо Энгельс, — я убежден, что почтенные консерваторы, насаждающие в России капитализм, будут в один прекрасный день страшно изумлены неожиданными последствиями их собственных дел» ⁷⁾.

Отчаянно путает тов. Качинский и в объяснении причин аграрной революции в России.

Это объяснение у него фактически сводится к народническому объяснению одним малоземельем. Проскальзывает у него в качестве

¹⁾ Качинский. Цитирован. соч., стр. 17.

²⁾ Там же, стр. 18.

³⁾ Там же, стр. 20 и 26.

⁴⁾ Там же, стр. 19.

⁵⁾ Там же, стр. 24.

⁶⁾ Там же, стр. 25.

⁷⁾ Ф. Энгельс: — Письмо Николаю ому 22 IX 1892 г. Письма Маркса и Энгельса. Москва 1922 г., стр. 301.

фактора революции и аграрное перенаселение ¹⁾ в понимании Крцукса и ему подобных. Что малоземелье в сознании революционных масс представлялось основной и главной причиной революции, и что оно играло выдающуюся роль в революционизировании крестьянских масс—это бесспорно. Однако за этой, наиболее выделяющейся, находящейся на поверхности явлений причиной Качинский просмотрел основные движущие силы аграрной революции. Недь малоземелье, внешне прекрасно объясняющее революцию в районах абсолютно малоземельных, совершенно не объясняет ее в районах абсолютно многоземельных, а последнее весьма типично для части Украины. Малоземелье—не первичный фактор революции, а вторичный—результат определенного уровня развития производительных сил. Причины революции нужно искать в противоречиях капиталистического развития, которые и выявились, как земельные противоречия.

Предвдвд капиталистический переворот в России, Энгельс предсказывал, что «потрясение, произведенное этим экономическим переворотом, должно оказаться здесь уже в силу только этих двух обстоятельств (позднее капиталистическое развитие и многочисленность крестьянства.—С. Д.) гораздо более сильным и острым, чем в какой бы то ни было другой стране. Процесс замещения около 500.000 помещиков и около 80 миллионов крестьян новым классом землевладельцев буржуазного типа не может быть выполнен без страшных страданий и потрясений. Но история,—замечает Энгельс,—пожалуй, самая жестокая из всех богинь, влекущая свою триумфальную колесницу через кучи трупов не только во время войны, но и в период «мирного» экономического развития» ²⁾. Вот в этих то потрясениях и нужно искать предпосылки революционных потрясений 1905 г. и 1917 г.

То, что предсказывал Энгельс, составляло основное содержание предреволюционной эпохи и явилось основной причиной революции. В деревнях совершались два главных связанных между собой процесса—это разорение крестьянской массы, ее пролетаризация и вытеснение немногочисленной сельской буржуазии (буржуазизация). Однако темп развития этих двух процессов был далеко не одинаков. Помещики за свое разорение дорого заставили заплатить крестьянство. Высокие цены на землю, обременительные налоги и вся полукрепостническая политика тормозили развитие сельской буржуазии и вызвали ее выступление против помещиков в борьбу за прибавочную стоимость. Этим объясняется, между прочим, оппозиционность сельской буржуазии в первые месяцы революции 1917 года и даже активность, до тех пор пока еще не развернулась борьба против неодоленной деревенской бедноты. Насколько помещичья эксплуатация являлась тормозом развития сельской буржуазии, настолько она форсировала формирование могильщиков старого строя в деревне—деревен-

¹⁾ Качинский. Цит. соч., стр. 20.

²⁾ Ф. Энгельс. Письмо Николаю — ему. 24/II-1893 г. «Письма Маркса и Энгельса». Москва 1922 г. Стр. 8.

скую бедноту и пролетариат, в ряды которых скатывалась все большая и большая часть середняков. Вот этим-то противоречивым капиталистическим развитием и объясняется аграрная революция 1917 года. Предвоенный подъем сельского хозяйства и война обострили эти противоречия и довели их до открытого революционного взрыва.

Это о причинах аграрной революции. Теперь остановимся на ее ходе, на результатах. У Качинского мы находим очерк прирезки земель, порабощения «заможных» хозяйств, хуторов и отрубов, ликвидации помещичьих владений и хозяйств и, наконец, уравнительного раздела на практике. В этой части Качинский сообщает довольно интересный и свежий материал по истории земельного переворота на Украине. Но, к сожалению, и здесь он всецело во власти Челинцова и его коллег. Например, он рассматривает ликвидацию помещичьих хозяйств, их уравнительный раздел, как завершение победы и борьбы мелкого трудового хозяйства над крупным, капиталистическим. Хотя он несколько раз отмечает преимущества крупного хозяйства над мелким, однако, он не в состоянии реализовать эти теоретические положения. Стремясь доказать то бесспорное положение, что ликвидация помещичьих хозяйств ничего, кроме пользы, народному хозяйству не принесла, он это доказывает столь усердно, что фактически приходит к установлению преимуществ крестьянского хозяйства над крупным—помещичьим. Здесь опять-таки его подводят Челинцев и Бруцкус, из которых у первого он заимствует совершенно неверную таблицу о доходности в крестьянском и помещичьем хозяйствах ¹⁾, у второго же о несуществующих в действительности преимуществах парцелляции крупных хозяйств в Германии ²⁾.

Между тем ни с какой стороны не является допустимым рассматривать уничтожение значительной части помещичьих имений в России, также как и их частичную парцелляцию в Юго-Славии, Чехо-Словакии, Румынии, Прибалтийских и др. государствах, как результат каких либо преимуществ с точки зрения развития производительных сил мелкого хозяйства над крупным. Это уничтожение посылывает лишь то, что эксплуатация и разорение мелких производителей достигла таких размеров, что крестьянин вынужден был идти громить экономию, как когда-то шли громить крупные машины ремесленники, разоряемые крупным производством. В аграрном движении 1905 — 1917 годов при разгромах имений, когда оно особенно тщательно уничтожалось машины, можно найти много черт, схожих с рабочим движением против машин в Англии в начале 19-го века. Показательно то, что как аграрная революция 1905 года, так и революция 1917 года являлись после годов сильного селско-хозяйственного подъема, когда особенно обострились противоречия между развивающимся крупным капиталистическим и разоряемым им мелким хозяйством.

Таким образом, раздел помещичьих имений отнюдь не является завершением победы мелкого хозяйства над крупным капиталистиче-

¹⁾ Качинский Я. Цит. соч., стр. 65.

²⁾ Там же, стр. 69.

ческим на хозяйственном фронте. Наоборот, он является результатом этого поражения. Мелкое хозяйство революцией возвратило себе то, что все время хозяйственной эволюцией отпало у него крупным хозяйством, как неизмеримо более сильным и хозяйственно и политически.

ОБОБЩЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Во втором выпуске своей работы, посвященном обобщению сельского хозяйства, тов. Качинский значительно выравнивает свое изложение. Здесь он более свободно владеет предметом своего очерка и почти совсем освободился от народнических идейных вывихов. Совершенно правильно он устанавливает тот факт, что Советская Власть подходит к мелкому трудовому хозяйству отнюдь не как к нормальному типу сельско-хозяйственного предприятия, которое нужно развить и укрепить как таковое, а лишь как к исторически преходящей форме производства, — такой форме, которая, тем скорей выйдет из рамок мелкого хозяйства, чем успешней будет совершенствоваться в нем производство, чем большее содействие будет последнему оказано. Каждому понятно, что Советская Власть сейчас всячески оказывает поддержку мелкому хозяйству не во имя его постоянного существования, но во имя его скорейшего уничтожения и перехода к высшей форме производства. Социалистическое хозяйство, краеугольные камни которого закладывает Советская Власть, как хозяйство рациональное прежде всего, не может строиться на основе мелкого хозяйства, этого иррационального ублюдка до-капиталистических отношений.

Вторая часть работы Качинского тем и ценна, что она довольно тщательно рассматривает возможность перехода мелкого хозяйства к крупному социалистическому. Основное содержание его работы — это строительство совхозов, колхозов и государственное регулирование сельского хозяйства. Качинский дает не только фактическую историю организации совхозов и колхозов на Украине, но и ставит их в связь с общими теоретическими положениями марксизма о возможностях и перенективных обобщения сельского хозяйства.

В общем и целом вторая часть представляет значительно большую ценность, чем первая. Качинский в своей работе захватил лишь некоторые моменты аграрной революции и земельной политики Советской Власти на Украине. Из работ, специально посвященных земельной и сельско-хозяйственной политике, необходимо отметить работы Бенгского, Месяцева и др., которые популяризируют основные мероприятия Советской Власти. Земельный кодекс вызвал в жизни довольно большую брошюрочную литературу, рассмотрение которой в нашу задачу не входит.

Обзор литературы по вопросу об эволюции сельского хозяйства за период войны и революции оставим до следующего номера.

С. Дубровский.

(Продолжение следует).

Прежде чем перейти к обзору трудов по статистике, изданных с момента Октябрьской Революции, является необходимым, хотя бы бегло, остановиться на характеристике тех требований, которые ставились статистике и тех проблем, которые ставила статистика, как и эпоху, когда буржуазные отношения диктовали свои законы и требовали ясного и точного отчета на поставленные статистике вопросы, так и в период социальной Революции, когда создавались предпосылки для организации общества на коммунистических началах и когда статистика должна была явиться орудием преобразования буржуазного общества. Еще французский статистик Фовиль в своей речи, произнесенной на одном из заседаний сессии международного Статистического Института, сказал: «геометр, астроном, физик — безнаказанно могут изолироваться от общества, статистик же обязан быть в соприкосновении со своими современниками. Его тяжелый труд имеет смысл только тогда, когда им пользуется общество с выгодой для себя, вот почему статистика не обходимо знать, когда он говорит, будут ли его слушать, поймут ли его, поверят ли ему. Словом, ему необходима *поддержка в общественном мнении*».

Если при буржуазном обществе статистика так тесно была связана с общественными отношениями, то в эпоху социальной революции, когда в процессе общественного творчества создаются отношения, которые должны явиться основой для организации нового общества, роль статистики, являющейся по существу социальной наукой — будет огромна. Сообразно изменившимся социально-экономическим условиям изменятся и проблемы, которые ставились статистике на разрешение и которые ставила статистика.

Буржуазное общество, в котором производство строилось по плану, выработанному обществом, а согласно частным планам независимых друг от друга миллионов заинтересованных в прибыли лиц, где производство только благодаря обмену товаров становилось общественным производством, складывало резкий отпечаток как на конструкцию статистического познавательного аппарата, так и на его методы.

Статистика, как самостоятельная научная дисциплина, в эпоху господства неорганизованного социального хозяйства занималась

¹⁾ Настоящая статья является введением к обзору русской статистической литературы за последние годы.

или намеренном социальных явлений или, опираясь на указанный метод изучения социальных явлений, выявляла законы «социального хаоса», т.-е. устанавливала закономерности общественных отношений, явившихся в результате «отношений между вещами». Исследование социального хозяйства в эту эпоху происходило в двойном направлении — изучения строения социальной массы (общества) и изучения результатов деятельности социальной массы.

Поскольку статистика познавала социальную массу со стороны ее строения, постольку она расчленяла ее на классы и их количественным соотношением, исследовала демографический и профессиональный состав входящих в классы общественных групп и других социальных объединений. Поскольку статистика познавала деятельность и результаты деятельности общества (социальной массы), постольку объектом ее являлась вся деятельность социального хозяйства в области организации производства и распределения продуктов. Здесь объектом статистического наблюдения являлось и промышленное, и сельско-хозяйственное производство, организация передвижения и сношения, организация распределения и снабжения и потребления. Объектом статистического наблюдения являлся также и сам механизм, посредством которого приводилось в движение общественное и государственное управление.

В какой мере выводы этой науки были использованы в интересах отдельных классов эксплуатирующих и эксплуатируемых?

Использование статистики в буржуазном обществе происходило в общем в весьма интенсивных формах. Но это использование в очень слабой степени приводилось в интересах общественного регулирования социально-экономических отношений в целях организации социалистического общества и не потому, что статистика была социально негодна для этого — нет, социальная годность ее вне всякого сомнения, а потому, что социальное хозяйство при буржуазных отношениях как неорганизованное и как такое, при котором общественная связность отдельных элементов получалась в результате процесса обмена между отдельными производителями товаров, а не в порядке выполнения общественного плана хозяйства — не могла требовать от статистики разрешения таких задач, которые шли бы в направлении разрушения этого хозяйства. Но, поскольку происходило регулирование экономических отношений или в форме объединения отдельных капиталистов (тресты и синдикаты и т. п.) или в форме государственного регулирования деятельности предприятий или общественных отношений, — там статистика была если не базой, то во всяком случае орудием такого объединения. Если политическая экономия путем дедукции открывала законы, которыми упр. вл.лось неорганизованное социальное хозяйство, то статистика путем наблюдения облекала законы «социального хаоса» в точные математически выраженные формы. Общественные отношения, явившиеся в результате отношения вещей, измерялись теми способами и методами, которые давала статистика; статистика давала возможность точно, в цифрах, представить механизм капиталистического общества; только опираясь на статистический метод, оказалось возможным со-

размерить и соизмерить производственные отношения, учесть население и определить его профессионально-демографический состав, только статистика давала возможность установить законы движения населения—трус, убыль и миграционные процессы. Социальные науки благодаря статистике получили возможность производить анализ общественных отношений с поразительной глубиной и ясностью.

Не было ни одной отрасли хозяйства, где статистика не играла бы огромной роли; но при тех условиях, в которых она находилась в буржуазном обществе, она, конечно, не могла служить делу организации планового общественного хозяйства, не могла служить только потому, что такой задачи буржуазное хозяйство не ставило и не могло ставить. Но, не разрешая задач организации планового социального хозяйства, статистика в процессе тех работ, которыми она должна была выполнять в силу задания буржуазного общества, накопила такой огромный материал, который, с поразительной ясностью языка цифр, вскрывал все темные стороны капиталистических отношений и послужил в руках пролетариата великодушным, остро-отточенным оружием в его борьбе с буржуазными отношениями.

Так, например, статистика движения населения (статистика рождаемости и смертности), статистика болезней, бесстрастно повествовала о поразительной смертности среди беднейших слоев населения, ютящихся в сырых и темных подвалах больших городов в донельзя скученных помещениях; она ярким языком цифр говорила об огромной болезненности пролетариата, занятого в промышленных производствах. Статистика жилищ вскрывала весь ужас существования пролетариата в тесных, холодных и сырых помещениях. Аграрная статистика повествовала об эксплуатации крестьянства крупными и средними землевладельцами, о нищете материальной и духовной культуры земледельческого пролетариата и беднейшего крестьянства.

Статистический метод познания общественных отношений буржуазного общества является вместе с тем методом, необходимым для познания общественных отношений и иных социальных форм; вот почему пролетариат мог применять его к познанию тех общественных отношений, которые явились на смену буржуазного общества и познанию особенностей конкретного социального хозяйства в эпоху переходного времени. Статистика, созданная буржуазным обществом, хотя и органически с ней связанная, вместе с тем являясь социальной наукой *par sang*, при победе коммунистического государства—сразу перешла на его сторону.

Какое место займет и в какие формы выльется статистика в коммунистическом обществе? — Социалистические писатели, высказывающиеся по этому вопросу, приходят к заключению, что статистика будет играть огромную первенствующую роль в деле организации коммунистического общества. Такое утверждение построено на следующих умозаключениях.

Размер производства в коммунистическом обществе будет определяться той суммой продуктов, которые должны быть произведены для удовлетворения общественных потребностей, в том числе и для потребностей воспроизводства самого производства. В противобо-

положность капиталистическому обществу общественные потребности должны будут заранее количественно определяться и облеваться в ряд статистических величин. Нужен будет весьма чуткий и эластичный статистическо-учетный аппарат, чтобы учесть и статистически взвесить все то разнообразие общественного труда, основанного на техниче ком и социальном разделении его, которое ведет за собою разнообразие потребностей, разнообразие продуктов, созданное капиталистическим обществом для удовлетворения общественных потребностей, конечно, исчезает, но заменяется иным разнообразием, разнообразием, строго вытекающим из характера общественного раз деления труда и особенностей физического и психического состояния организма.

Характер питания, одежды, жилища и др. предметов и продуктов, предназначенных для удовлетворения общественной потребности, будет определяться особенностями работ и естественно-историческими условиями, в которых будут протекать эти работы, а также и особенностями организма, полом, возрастом и т. д., которые (особенности) научно будут взвешиваться и статистически учитываться. Если статистика прошлого, учитывая разнообразие потребностей и основываясь на помеченных ею закономерностях в области производственных отношений и отношении распределения, могла предвидеть ближайшее будущее, то статистика Коммунистического Общества является одним из главных рычагов организации общественно-планового хозяйства, построенного в целом на урегулировании взаимоотношения отдельных элементов и установлении общественной связанности согласно ранее выработанного плана, статистически обоснованного.

Статистика в Коммунистическом Обществе прежде всего возьмет на учет творца социального хозяйства—человека с момента появления его в обществе. Старая фантазия, утверждавшая, что жизнь каждого человека с момента его рождения фиксируется в книге судьбы, эта фантазия в Коммунистическом обществе претворится в действительность: на статистическую карточку, а не на листах книги судьбы, конечно, будут заноситься год и день рождения гражданина, наиболее важные факты, касающиеся его родителей, физические и психические особенности его организма, наиболее важные социальные факты его жизни со всем разнообразием характера условий, в которых будут протекать его воспитание, обучение, трудовые процессы и т. д. до момента, когда он сделается социально безразличным, т. е. до момента смерти.

Обработка материалов этих записей откроет такие закономерности духовной и физической природы чел века, которые, помимо научной ценности, позволят Коммунистическому обществу организовать свое хозяйство наиболее совершенным образом, насколько это будет зависеть от использования рабочей силы членов Коммунистического общества.

Затем на статистику коммунистического общества, в целях организации производственных отношений, будут возложены—кроме определения размера общественных потребностей (хозяйственных и личных) во всем их разнообразии, социальном и естественно-исто-

рическом—и определение размера самого производства. Однообразный учет всего населения, и специальный учет рабочей силы—даст возможность определить состав населения по полу, возрасту, рабочему составу, профессиональным навыкам, трудовому стажу. Естественное богатство страны, состояние транспорта и другие материальные условия общества—статистически учтенные и взвешенные и сведенные в систему, позволят обществу обозреть свои ресурсы в их взаимоотношениях и количественном выражении. Регулярный учет деятельности промышленных учреждений, основанный на материальных отчетности в их статистической обработке, позволит регулирующему государству проецировать в каждый данный момент его производственные ресурсы и план их использования.

Опираясь на статистический учет потребностей и на статистическое исследование производственных процессов, на учет имеющихся богатств и производственных ресурсов—статистика составит единый хозяйственный план, при помощи которого будет регулироваться социальное хозяйство. Такова роль статистики в коммунистическом обществе. Это будет регулятор производства, это будет основа хозяйственного плана.

Если при буржуазном обществе, несмотря на то, что в нем господствуют отношения и организованного социального хозяйства, для статистики являлось возможным предвидеть периодичность промышленных и коммерческих кризисов и очень часто предсказывать последствия от тех или других мер, применяемых государством, то статистика коммунистического общества явится своего рода социальной меторологической станцией, социальной обсерваторией, которая будет систематически наблюдать и обозревать все проявления социальной жизни и с точностью математического закона предвидеть наступление тех процессов, которые будут зарождаться в недрах коммунистического общества.

Но коммунизм не рождается непосредственно из капиталистического общества в законченной своей форме. Исторически ему предшествует эпоха переходного времени, эпоха, когда буржуазные отношения ликвидируются, а материальные и духовные элементы его, способные к жизни, используются в процессе коммунистического творчества и иных форм. Эпоха такого переходного времени поставит статистику ряд новых задач, несомненно, не тех, которые ставились в буржуазном обществе, но и не тех, которые будут ставиться в коммунистическом обществе в законченной его форме.

Хозяйство переходного времени отличается от хозяйства коммунистического общества, главным образом, тем, что не вся масса хозяйств еще охвачена организующими шапками государства как хозяйствующего субъекта. Наряду с хозяйственными единицами, строящимися по плану, выработанному государством (национализированные фабрики, заводы, советские хозяйства, коммуны), существует еще огромная масса хозяйств, в своей деятельности медленно подчиняющаяся организующим началам единого плана (крестьянские хозяйства, мелкая и средняя промышленность, кустарные промыслы, торговля).

Благодаря такому состоянию социального хозяйства переходного периода, статистике в эту эпоху предстоит выполнить, во-первых, те же функции, которые она выполняла и в буржуазном обществе, т.-е. измерить социальные явления, изучить закономерность в том соотношении элементов, из которых состоят не связанные единым планом многомиллионные хозяйства и, во-вторых,—что не делалось и не могло делаться ранее—фиксировать те изменения, ту деформацию, которые произойдут в этих хозяйствах под влиянием воздействия на них начал пролетарского государства и, в-третьих,—снабдить организующее государство материалами статистического исследования в области производства и распределения для его работ по организации хозяйства, поскольку эти хозяйства организованы или организуются по плану или поскольку они связываются общим организационным планом государства.

Так, переписи в эту эпоху—и эта особенность статистики переходного времени—будут использоваться и используются не только в целях познавательных, научных, но и как исчерпывающий учет для прямого использования в целях организации налоговой системы и других государственных потребностей.

Конкретные задачи в эпоху переходного времени сведутся к исследованию социального хозяйства посредством, во-первых, тех же методов, какие применялись и к познанию социальных масс, в эпоху буржуазных отношений, т.-е. во-первых, будут применяться методы измерения явлений в момент их возникновения (появления), и моменты жизни и моменты исчезновения (рождения, смерти), т.-е. методы текущей статистики, и во-вторых,—метод исчисления социальных явлений в какой-нибудь определенный момент—метод вертикального и горизонтального рассечения социальной массы—методы переписей.

Применяя указанные методы и комбинируя их, статистика переходного времени дает исчисление населения и распределение этого населения на классы со всеми его демографическо-профессиональными особенностями. При чем этот метод исчисления приходится повторять тем чаще, чем интенсивнее происходит естественное движение населения, тем сильнее и глубже будут происходить процессы миграции населения. Произведенные исчисления тотчас используются в интересах и посредственного строительства в области производственных отношений и организации снабжения. На основе переписей будет производиться (и производилась) перебриска незанятого квалифицированного труда. На основе переписей текущих и основных будет строиться (и строилась) план распределения продуктов. На-ряду с переписями демографическими и профессиональными в эпоху переходного времени приобретают огромное значение переписи промышленные и сельскохозяйственные, материалы которых будут использованы для выработки единого хозяйственного плана производства.

Как всякие переписи, переписи переходного времени, при сравнении с данными предшествующих периодов, особенно с данными военного и начала революционного времени, покажут направление

движения социального хозяйства как в целом, так и отдельных отраслей внутри этого хозяйства; что практикам, организаторам даст возможность вносить изменения в программу деятельности по организации общественного хозяйства.

На-ряду с переписями статистика текущей регистрации явлений в процессе их движения используется как для практических заданий момента и заданий при выработке плана деятельности, так и для изучения динамики явления, т.-е. процессов, происходящих внутри социального хозяйства.

Говоря об использовании статистики в эпоху переходного времени и ее роли в деле организации планового производства и распределения, нельзя не учесть опыт советского строительства. Этот опыт показывает, что те огромные возможности, которые, теоретически рассуждая, могла бы дать статистика для организации планового хозяйства, но могут быть в полной мере использованы в первые моменты социального строительства. Господство начал коммунистического хозяйства достигало в процессе гражданской войны, которая потрясла все основы буржуазного общества и вывела из равновесия все элементы предшествовавших отношений, подорвала в корне весь аппарат распределения, не оставила камня на камне от системы органов управления, регулирования и сношения, вместе с тем создавая в процессе борьбы новые органы производства, новые аппараты регулирования и управления. Из огня и пламени революции статистика не могла, конечно, выйти целой и невредимой. Прежде всего, у нас оказались разрушенными или полуразрушенными аппараты наблюдения, особенно те, которые были органически связаны с аппаратами управления и контроля прежнего буржуазно-самодержавного государства и, кроме того, самые методы наблюдения не могли не деформироваться. Изменения, которые потерпела статистика в первые моменты революции, можно свести к следующим формам.

1) Прерывалась текущая деятельность аппаратов наблюдения над движением населения, аппаратов, находящихся всецело в руках реакционного созвония старой России — духовенства. Созданные в порядке революции аппараты по регистрации актов гражданского состояния еще не могут планомерно функционировать, а функционирующие не могут охватить целиком всей территории. В виду этого из рук статистики в течение первых годов революции вышло одно из сильнейших орудий познания процессов народного хозяйства, т. е. как прерывалась цепь наблюдения над естественным движением населения.

2. Систематическая фиксация текущих явлений в области промышленного и сельско-хозяйственного производства также прерывалась, так как ликвидировались прежнего типа промышленные заведения, а организация их на новых производственных началах в условиях жесточайшей гражданской войны протекала медленно. Прежние аппараты наблюдения с момента революции перестали функционировать. Пришлось заново создавать весь механизм наблюдения и строить самый аппарат, пришлось также отказаться и от старых методов наблюдения, приспособленных для фиксации твердых, маломеняющихся измерителей.

3. Нормы, в которые выливаются закономерности общественных отношений, полученные в результате статистического наблюдения над деятельностью социальной массы и буржуазном обществе и широко используемые в дореволюционный период и в качестве измерителей народно-хозяйственных процессов, теряют все или почти все свое значение в эпоху социальной революции, когда процессы социального хозяйства слагаются под углом отношений, совершенно чуждых буржуазному обществу. Закономерность процессов, совершающихся в эпоху социальной революции, еще не приобретает статистически устойчивого и статистически законченного характера. Направление и темп движения этих процессов эмпирически еще не всегда укладываются в строгие ряды статистических величин и теоретически еще не осваиваются. Поэтому статистика в эпоху переходного времени, во-первых, лишается возможности применять статистические нормы и прилагать закономерности социальных отношений в процессе наблюдения над буржуазным обществом к явлениям и фактам социальных процессов эпохи переходного времени и воспользоваться ими для прогноза отношений ближайшего, а тем более отдаленного будущего. Поэтому приходится накапливать материал и на основе нового материала находить закономерности, поскольку они эмпирически улавливаются. При чем для выявления некоторых закономерностей в общественных отношениях необходимо наблюдение за продолжительный период времени, ряд лет, которых в эпоху переходного времени нет в распоряжении статистики.

Поэтому статистические нормы и закономерности, полученные в порядке наблюдения над процессом, совершающимся в революционную эпоху, имеют пока крайне узкие границы применения, так как процессы социального хозяйства переходного времени не всегда имеют ярко-выраженное движение в определенном направлении.

4. Практическое значение переписей суживается; народнохозяйственные процессы прошлого совершаются крайне медленно и характер их был крайне однообразен, и потому данные переписей, улавливающие эти отношения, не теряли свое практическое значение десятки лет. Теперь, когда в огне и пламени революции разрушаются старые отношения и создаются основы строящегося государства, отрицающего все старое, все отношения прошлого, — значение переписей, как источника познания, сводится только к немногим годам, так как процессы нового социального хозяйства совершаются крайне интенсивно и выливаются в формы, которые не являются повторением, развитием прежних форм. Чем интенсивнее проходят процессы в социальном хозяйстве переходного времени, чем менее ясна их линия движения, тем переписи должны производиться чаще, тем интервалы между ними должны быть короче, чтобы уловить формы быстро сменяющихся социальных отношений. Все это осложняет работы статистики, требует от статистики затраты огромной энергии по организации переписей и их разработке, в условиях, когда планомерная деятельность встречает огромные препятствия.

5. Точность данных общих переписей, касающихся социально не организованных многомиллионных хозяйств, достигалась при буржу-

данных отношениях тем, что данные переписи не использовались для непосредственных нужд государства, для практических целей его. Мелкие хозяйства знали (и в этом убеждали и они на практике убеждались), что их показания о своем хозяйстве будут лишь статистической записью, которую государство не использует непосредственно по отношению каждого конкретного двора; точность же данных переписей в эпоху переходного времени, а тем более в эпоху коммунистического общества, будет достигаться именно тем, что переписи будут максимально использоваться для практических целей для непосредственного строительства и для разрешения поставленных задач социального хозяйства. Полученные в порядке статистическом записи должны будут все более и более приобретать точность документов, так как записи будут и тем учетом, который государство должно в своих интересах вести систематически. Поскольку переписи, помимо использования в качестве научного орудия познания, будут использоваться для организации общественных отношений, постольку старые методы статистического познания должны будут уступать новым методам познания, переписи, как источник познания, будут вместе с тем и орудием непосредственного творчества в области организации общества, и орудием непосредственного воздействия на индивидуальные хозяйства.

6. Наряду с разрушением прежних аппаратов наблюдения, а также наряду с деятельностью аппаратов, работающих с переборами, не всегда планомерно, методы наблюдения подвергаются также глубокому изменению, во-первых, потому, что те методы, которые были органически связаны с аппаратами наблюдения, ныне разрушенными, требуют пересмотра, а может быть, и замены другими в связи с созданием новых аппаратов наблюдения. Во-вторых, потому, что старые методы наблюдения, приспособленные для наблюдения над явлениями, медленно изменяющимися, должны замениться новыми и, во всяком случае, должны быть реорганизованы для наблюдения процессов и явлений, интенсивно совершающихся, и, в-третьих, потому, что население, в настоящее время в целом заинтересованное в государственном строительстве, принимает деятельнейшее участие в строительстве общественного хозяйства, и—что очень важно—в управлении,—является самым деятельнейшим субъектом, а не только объектом. И те методы, которые основывались на индифферентности населения по отношению наблюдения над процессами и явлениями его жизни, совершенно теряют свое значение теперь, когда население знает, что фиксация явлений в порядке статистических наблюдений есть фиксация явлений и процессов, имеющих актуальное государственное значение, которые, т.-е. явления, государство вслед за переписью схватит своими шпательными в целях регулирования организации социального хозяйства.

7. Статистика, благодаря сначала уничтожению денежной системы, а теперь при обесценении денежно-бумажной массы, потеряла единственный измеритель социальных отношений, с помощью которого она могла свести к одному все разнообразные явления социального хозяйства.

Деньги в буржуазном обществе позволяли статистике соизмерять, соразмерять, сопоставлять и приводить к единице многообразные производственных отношений — и отношений распределения, и подойти к производственному процессу с одной бухгалтерско-статистической меркой. Все это погибло вместе с буржуазными отношениями, и из рук статистики выпало острое оружие анализа производственных отношений. Благодаря отсутствию этого универсального измерителя, полученного в процессе обмена, статистика в настоящее время не может разнообразие материальных ресурсов свести к одной единице. Приходится прибегать к косвенным, весьма несовершенным приемам и методам, а между тем организация хозяйства на новых началах настоятельно требует именно такого единого измерителя. Поэтому вполне естественно, что статистическая мысль и мысль бухгалтера направлена в настоящее время на преодоление тех трудностей, которые стоят на пути применения единого измерителя.

Но несомненно, что пройдет значительный период времени, прежде чем статистика и бухгалтерия сможет установить методы применения измерителя при падающем курсе и, следовательно, сможет, соразмерить, соизмерить и сопоставить между собой отдельные отрасли промышленности и отдельные предприятия в них, а до тех пор статистике придется временно отказываться от разрешения тех проблем, которые требуют для своего разрешения единого измерителя. Отсюда сужение роли статистики при разрешении производственно-распределительных задач настоящего времени. Статистика в настоящее время не всегда может ясно и коротко ответить на запрос организатора, в какой мере социально полезно или социально бесполезно, по сравнению с другими предприятиями, то или другое организуемое предприятие, так как, благодаря отсутствию единого измерителя, в ее распоряжении находятся лишь многие показатели материальных отношений, не могущие быть сведенными к одному. Благодаря этому производство статистическими методами социальных, экономических и технических оценок элементов и отношений производства и распределения встречают тысячи непреодолимых препятствий. Индексы хотя и позволяют делать обобщения, производить сравнения и измерения, но сфера их применения сравнительно ограничена и условна; заменить деньги — этого универсального измерителя, они не могут. Не могут уже по одному тому, что деньги по своей материальной субстанции являлись товаром, тогда как индексы есть лишь формула, не имеющая материальной субстанции, позволяющая лишь измерить и при том только определенный круг явлений и только в условной форме.

Ясно, что те приемы, те методы измерений, которые покоились на применении денежных измерителей, должны были сойти со сцены с момента уничтожения денежной системы, и до тех пор, пока не восстановится устойчивое денежное обращение, с твердым, не падающим курсом денег. Эти методы не могут дать тех результатов, которые они ранее давали.

Вот те условия,—мы перечислили еще не все,—при которых приходилось и приходится организовать статистику Р.С.Ф.С.Р., в которых протекала организация крупных статистических работ Республики. Приходилось в процессе самих работ строить аппарат исследования, приспособлять, изменять и создавать новые приемы, наблюдения, вырабатывать новые подходы к работам. В дальнейшем мы перечислим крупнейшие статистические операции, проведенные за последние пять лет, охарактеризуем достижения в области статистического изучения отдельных отраслей народного хозяйства и хозяйства в целом и дадим систематический обзор статистической литературы по отдельным отраслям.

П. Попов.

Обзор научно-популярной литературы по теории относительности.

Гарри Шмидт. Теория относительности и наше представление о вселенной. Кирхгейн. 1921.

Шарль Нордман. Эйнштейн и вселенная. (Из серии научных романов). Москва — Петроград 1923.

Шарль Нордман. Эйнштейн в Париже. (Изложение теории и дискуссия). Москва 1922.

О. Д. Хвольсон. Теория относительности А. Эйнштейна и новое миропонимание. Петроград 1922.

Академик И. П. Лавров. Физические основания принципа относительности. Москва 1922.

Проф. Е. С. Лондон. Принцип относительности. Петроград 1922.

Б. Дюшан. Теория относительности Эйнштейна. Берлин 1921.

Проф. С. Лифшиц. Принцип относительности А. Эйнштейна. (Лекция, прочитанная на объединенном заседании всех научных студенческих кружков Мюнхенского Университета). Москва 1922.

Микс Борн. Теория относительности Эйнштейна и ее физические основания. Петроград 1922.

М. Ланз. Принцип относительности. «Первые шаги в математике». Сборник № 5. 1914 г.

Э. Геммингтон. Новый приближение к теории относительности. — Там же.

Р. Д. Кормикаэль. О теории относительности: анализ ее постулатов. — Там же.

А. Эйнштейн. О специальной и общей теории относительности. (Общедоступное изложение). Имеется три перевода: 1) под редакц. проф. С. Я. Лифшица. Госиздат. Москва 1912. 2) под ред. Н. А. Морозова и Б. С. Быковского. Госиздат. Петроград 1922. и 3) под ред. А. П. Афanasьева. Научное книгоиздательство. Петроград 3 изд. 1923.

А. Эйнштейн. Диалог о возражениях против теории относительности. — См. приложение III к только что цифровому переводу популярной работы Эйнштейна под ред. А. П. Афanasьева.

А. Эйнштейн. Эфир и принцип относительности. Пер. А. П. Афanasьева. Петроград 1921.

И. Ленар. О принципе относительности, эфире, тяготении. (Критика теории относительности). Под ред. проф. А. Е. Таммразева. Госиздат. Москва 1922.

Николай Морозов. Принцип относительности и абсолютное. Этюд из области проявлений полнообразного движения. Петроград 1920.

Николай Морозов. Принципы относительности в природе и математике. Петроград 1922.

Иван Флоренский. Множества в геометрии. Москва 1922.

Проф. А. В. Васильев. Пространство, время, движение. Исторические основы теории относительности. Петроград. 1923.

Э. Кассирер. Теория относительности Эйнштейна. Петроград 1922.

Настоящий обзор предназначен для профанов. Люди, стоящие за развитием современной физики и владеющие необходимыми для этого орудиями математического анализа, не нуждаются в наших указаниях для того, чтобы ориентироваться в литературе, посвященной принципу относительности. Да и не в русской популярно-научной литературе они обратятся, а к иностранным первоисточникам. Мы имеем в виду запросы того широкого круга, до которого научные битвы, сопровождающие переживаемую нами революцию точного естествознания, доходят в виде отдельных разрозненных отзвуков, — зачастую причудливо сгруппированных, непривычно диких, противоречивых всем навыкам веками у нас оченного „здравого смысла“. В особенности это относится к Эйнштейновскому принципу относительности. Разрушение традиционных понятий пространства и времени; постулат эквивалентности, приводящий к положениям, непонятному, совершенно абсурдным; перенесение материального мира в не-евклидовское пространство, считавшееся до сих пор уделом спиритов и мистиков, — есть от чего в отчаяние прийти! Неужели всего то, что аргументация новой теории с ее ковариантными и контрковариантными тензорами всевозможных рангов, Гауссовыми координатами, Христфлевскими символами трех индексов и прочими чудовищами изощренной математической фантазии, для профана еще более непонятна и загадочна, чем конечные выводы. Между тем профан инстинктивно чувствует, что решение всех этих вопросов в ту или другую сторону представляет существенный интерес не только для кабинетных специалистов, но и для всякого человека, претендующего на так называемое «научное мировоззрение». В самом деле, какое же это будет «научное» мировоззрение, если окажется, что многие его краеугольные камни вдребезги разбиты точной математической наукой?

Таким образом, перед популярной литературой встает двойная задача: во-первых, она должна помочь профану разобраться в теоретическом и фактическом фундаменте принципа относительности, показать, что в нем действительно и солидно обосновано; во-вторых, она должна вскрыть внутреннюю связь теории Эйнштейна с той традиционной перестройкой, которой с разных сторон подвергаются в настоящее время основы естествознания, и в результате которой уже вырисовываются архитектурные линии мощной монументальной конструкции, объединяющей в одно стройное целое механику, электродинамику и теоретическую химию.

Уже отсюда видно, что ознакомление с принципом относительности, — даже при посредстве самого талантливого популяризатора, —

требует от мало подготовленного читателя упорных и длительных усилий. Кто рассчитывает составить себе собственное мнение о теории относительности и связанных с нею проблемах, уделив чтению популярных книжек два-три свободных вечера, тот только даром потратит время: для достижения этой цели необходимы недели систематической работы, ибо, повторяем, судить о научном или философском значении принципа относительности, о его прогрессивности или реакционности, невозможно без отчетливого представления о завоеваниях современной мысли в области электродинамики, теории спектральных линий, атомной структуры химических элементов, тесно связанной с теорией квант и т. д.,—все вещи, о которых в среде нашего образованного общества имеются лишь самые смутные представления.

С точки зрения указанных выше двух основных заданий, которым, по нашему мнению, должна удовлетворить популярная литература по теории относительности, мы и построим наш разбор. При этом, прежде всего выделим те работы, которые по тем или другим причинам представляются нам вовсе не достигающими той цели, ради которой они написаны. Далее остановимся на книгах, излагающих сущность принципа относительности, как физической теории, расположив их в порядке убывающей популярности. Затем перейдем к авторам, критикующим теорию Эйнштейна,—опять-таки главным образом, под углом зрения естествознания. В заключение рассмотрим издания, посвященные преимущественно философскому анализу принципа относительности. Само собой разумеется, что эта классификация, как и всякая классификация живых явлений, может быть выдержана лишь весьма условно.

Совершенно неудачными попытками популяризации теории Эйнштейна из перечисленных выше изданий приходится признать следующие три: 1) проф. С. Лифшиц, «Принцип относительности А. Эйнштейна», 2) Б. Дюшен, «Теория относительности Эйнштейна» и 3) проф. Е. С. Лондон, «Принцип относительности».

Впрочем проф. С. Лифшица имеет целью дать вполне общедоступное изложение теории Эйнштейна, без всяких математических дедукций. Лишь в двух случаях автор отступает от этого правила и пытается вывести требуемое специальным принципом относительности изменение масштабов пространства и времени из лоренцевских уравнений преобразования. По отношению к длине бруска в движущейся и покоящейся системе эта элементарная операция удалась сравнительно недурно, но с масштабом времени произошло нечто несуразное. Профессор Лифшиц исходит из положения, что если шар катится по полу движущегося вагона перпендикулярно к направлению движения, то параллельная рельсам координата x , определяющая положение шара по отношению к железнодорожной насыпи, не меняется. Положение—явно не верное и уничтожающее весь смысл проблемы, ибо поскольку и т перемещающегося по какой-либо из осей процесса, постольку не может быть и речи об относительном изменении масштаба времени.

Из ошибочной посылки вытекает формула, диаметрально противоположная тому, что должно было бы оказаться согласно теории Эйнштейна: «в то время как в вагоне прошло a секунд, на насыпи прошло только $a \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$ секунд», т.-е. в движущемся вагоне время идет *быстрее*, чем на насыпи, с точки зрения неподвижного наблюдателя. Но проф. Лифшиц и тут не заметил своей ошибки и, в явном противоречии со своей же собственной формулой, умозаключает: время в движущемся вагоне тянется медленнее». Получается математическая аргументация в духе Кузьмы Пруткова: если в клетке с надписью «лев» увидишь буйвола, не верь глазам своим. И это не случайный промах. На стр. 17—18 описывается такой умственный эксперимент: два экспериментатора вооружаются брусками одинаковой длины; затем «один экспериментатор отправляется вперед на насыпь и ждет, когда мимо него проедет вагон со вторым экспериментатором. В это время оба они протягивают друг к другу свои бруски и сравнивают их. *Движущийся брусок на соответствующую величину должен оказаться короче*. «Короче» с чьей точки зрения? По теории проф. Лифшица, очевидно, короче вообще по теории проф. Эйнштейна, движущийся брусок короче с точки зрения «неподвижного» наблюдателя и, наоборот, неподвижный брусок короче с точки зрения движущегося наблюдателя. Для иллюстрации *взаимности* укорочения самая постановка предлагаемого проф. Лифшицем умственного эксперимента явно не пригодна. И характерно, что на всем протяжении брошюры об этой «взаимности», об *эквивалентности* обеих систем, т.-е. о самой сущности эйнштейновского принципа относительности, не говорится ни слова. Проф. Лифшиц под псевдонимом принципа относительности Эйнштейна излагает в сущности лоренцовскую контракционную гипотезу с той только разницей, что роль покоящегося эфира играет у него «стоящий на насыпи экспериментатор». Приведем еще одну иллюстрацию, показывающую насколько смутно представляет себе автор концепцию Эйнштейна: на стр. 24 мы читаем: «теряет свой абсолютный характер и закон причинности. . . . коль скоро мы переходим к обозрению всей Вселенной, то от системы к системе причина и следствие могут меняться своими местами, во времени, вследствие относительности понятий об одновременности событий». В действительности дело обстоит совсем не так: причина и следствие могли бы меняться местами, если бы в природе существовали мгновенные дальниедействия или такие непрерывные процессы, которые распространяются в пространстве быстрее света. Но так как действительность величин «с» и отрицание дальнедействий—основные постулаты теории относительности, то с ее точки зрения *причина и следствие никогда не меняются местами*.

Если так плохо автор спрашивается с частным принципом относительности, то нечего уже и говорить о так называемой «общей» теории относительности; достаточно отметить, что Гауссовы координаты — и притом два раза, на стр. 29 и на стр. 31 — названы «Галлилеевскими». Но всего поучительнее философская интерпрета-

ция: «Принцип относительности примеряет материализм с идеализмом. Оставляя в силе представления классической механики и физики, подтверждая возможность сведения всех явлений существующего мира к движению материи (или электричества, что одно и то же), принцип относительности утверждает за такими простейшими конкретными и определенным смыслом только в пределах ограниченного физического образа (системы с равномерным и определенным движением). Но как только мы начинаем мыслить в пределах всей Вселенной, включающей и себе и мое сознание, как составную часть, материалистически концепция теряет свою четкость и определенность». И так в «системах с равномерным движением» еще можно оставаться материалистом, но как только попадаешь в сплетню с равномерно, или, чего боже унаси, с неравномерно ускоренным движением, — тут уже нет спасения от идеализма. Философия эта являясь, на наш взгляд, отражением того с несомненностью засвидетельствованного разбираемой брошюрой факта, что мысль почтенного автора в четырехмерном мире с его «Галлилеевскими» координатами окончательно утрачивает всякую четкость и определенность».

Тщательно изданная русским универсальным академическим издательством книжка В. Дюшена «Теория относительности Эйнштейна» принадлежит к тому типу популярной литературы, который немцы называют «беллетристическим». Внешне изящная, но поверхностная трактовка предмета, при которой стираются все четкие грани и мысль читателя водится вокруг да около изучаемой проблемы, ни разу не попадая в центр, — вот характерная особенность научной «беллетристики». Беллетристичность изложения В. Дюшена сказывается прежде всего в том, что связь между Эйнштейном и другими реформаторами современной физики нигде не устанавливается сколько-нибудь отчетливо, и в гиперболических характеристиках автора гениальный германский ученый вырастает в сверхчеловеческое существо, одаренное божественным всемогуществом. На стр. 8, Эйнштейн своими одиночными усилиями превращает в космос науку, которая до него якобы «устремлялась с угрожающей быстротой от неведомых и сгройности к первичному хаосу»: стр. 25 неизбежно создает у читателя впечатление, что электронная теория атома возникла из почв теории относительности. На стр. 28 утверждается, будто эйнштейновская теория тяготения является той «основой», на которой Планк, Берг и Штрих построили квантовую теорию энергии, — что, как известно, совершенно не соответствует действительности. На стр. 13 проблема, интересовавшая Физо при постановке его знаменитого опыта и Эйнштейновская интерпретация результатов этого опыта сплетаются в один общий клубок; читатель, на основании изложения В. Дюшена, не может не прийти к выводу, что уже Физо знал уравнение сложения скоростей, формулированное теорией относительности, и хотел это уравнение проверить.

Далее, в книжке В. Дюшена не мало технических неточностей и прямых ошибок. Вместо уравнений преобразования координат автор говорит о «переходных» уравнениях, вместо эфирного «вихря» об эфирном «вихре», что совершенно недопустимо, ибо в механике

«вихрь» имеет строго определенный смысл и означает *вращение*, а не трансляцию, о которой идет речь в тексте (стр. 19). На стр. 28 теории относительности приписывается заслуга объяснения того факта, что «атомные веса различных тел не одинаковы и имеют всегда дробные значения». Между тем ни по какой теории атомные веса различных тел не должны быть «одинаковы». Согласно гипотезе Прюэта, они должны лишь относиться между собой, как целые числа, если принять за единицу атомный вес водорода; небольшие отклонения от этого закона, фактически констатированные опытом, и объясняет теория относительности. На стр. 37 Б. Дюшен уверяет, что «наблюдателю на полотне железной дороги... вертикальные «стенки» координатной системы поезда будут представляться в его системе земли не плоскостями, а изогнутыми по параболе». Опять-таки явная неслучайность: по параболе пойдет траектория тела, свободно падающего вдоль вертикальной стенки вагона, но сама стенка, поскольку все точки ее перемещаются с одинаковой скоростью, не приобретет ни малейшей кривизны. В области философской интерпретации Б. Дюшен останавливает внимание читателя на понятиях мистического истолкования «сущности» четвертого измерения Хинтоном, Успенским, В. Бруксом, и от себя заявляет: «Вещество» — масса, при скоростях, близких к скорости света, становится непознаваемым для наших органов чувств, вследствие описанного уже перехода в мир «двух измерений». Возможно, что мы проникаем в эти миры с такою же легкостью, как проникаем сквозь могущественные магнитные и электрические поля и потоки, излучаемые радиоактивными веществами, даже не подозревая о их существовании».

Это совершенно тот же ход мыслей, который, как увидим ниже, развивает Н. Флоренский с гораздо большим блеском фантазии и с подлинной силой сосредоточенной убежденности. О мистических полетах в «миры выше» можно иметь различные мнения; несомненно, во всяком случае, одно: с математикой и физикой такое проникновение в «сущность» четвертого измерения не имеет ничего общего. Для естествоиспытателя понятие многообразия измерений есть такое же оружие овладения данным нам физическим миром, как и всякая иная математическая конструкция, — в большей или меньшей пригодности ее для этой номинально-практической цели и заключается вся ее научная «сущность».

Классическим образчиком беспомощности и верятливости мысли, и при этом без всяких признаков хотя бы внешней гладкости изложения, является книжка проф. Е. С. Лондона «Принцип относительности». Здесь все формулировки словно нарочно подобраны так, чтобы затуманить понятия читателя, и при этом опыт не описан правильно; что же касается собственных умозрений и комментариев автора, то они не поддаются никакой характеристике. Вот, например, что говорится на стр. 28 и 29 о геометрии Лобачевского. Гиманн о геометрии вообще: 1) сущность геометрии Лобачевского: «возможны две параллельные через точку к линии, понятие о расстоянии связано с понятием об угле (чем дальше от линии, тем угол меньше); *сумма углов треугольника меньше 2π ; вплоть до 0, не аккуму-*

руля формы, и это самый большой угол» (! курсив мой В. Б); 2) сущность геометрии Римана: «если в шаре радиус растет, то поверхность Римана в бесконечности переходит в плоскость Эвклида, и за бесконечностью в плоскость Лобачевского»; 3) «Геометрия, как наука пространства учит, как меняются эти величины (координаты точки), а с ними, стало быть, и точки пространства при переходе от одного образа в другой, для чего даются формулы преобразования». Чем отличается изменение самой точки пространства от изменения ее координат — тайна автора. Несколько страницами выше мы узнаем, что «пространство есть многообразие кратного числа измерений». («Кратного» по отношению к чему?). На стр. 27. приводятся лоренцевские уравнения преобразования в

искаженном виде (в первом ур-ии забыт коэффициент $\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$,

в четвертом вместо преобразования координаты t дано ур-ие «собственного времени»); на стр. 51 эти уравнения перепечатаны правильно, но названы почему-то «уравнениями Максвелла». Геометрическое истолкование четырех-мерного мира Манковского, несмотря на обилие чертежей и длинный пояснительный текст, изложено так сбивчиво, что добросовестный читатель ничего, кроме головной боли и почтительного ужаса в построениях подобного рода, не вынесет. При описании опыта Майкельсона не указано, что предполагаемый эффект должен был бы обнаружиться при повороте аппарата на прямой угол. На стр. 13 утверждается, что опыты Физо и Майкельсона дали совершенно *тождественный* результат, т.-е. полную неуязвимость эфира движущимся телом, а на стр. 17 мы читаем о том, как Эйнштейн объясняет *различие* результатов в опытах Физо и Майкельсона (в чем состоит это различие, не говорится). Но самым поразительным надо признать открытое автором противоречие между принципом относительности и классической механикой. На стр. 20—22 проф. Е. С. Лондон доказывает, что «Ньютоновский принцип», который установил «независимость ускорения от состояния системы в покое или в равномерном прямолинейном движении», вступает в конфликт с принципом Эйнштейна, согласно которому скорость света одинакова в системах, перемещающихся друг по отношению к другу с постоянной скоростью. Пусть одна система движется по отношению к другой с постоянной скоростью q в направлении положительной оси x , т.-е. $x_1 = x - qt \dots (1)$. Инвариантность ускорений выражается уравнением $\frac{d^2x}{dt^2} = \frac{d^2x_1}{dt_1^2} \dots (2)$. Принцип постоянства скорости света даст уравнение $x^2 - c^2t^2 = x_1^2 - c^2t_1^2 \dots (3)$. Классический принцип относительности, напоминает автор, написав эти равенства, — «считает, что время, как абсолютное, везде во всех системах одинаковое, так что $t = t_1$ ». Если это так, если $t = t_1$, то, согласно обычной человеческой логике, уравнение (1) противоречит ур-ю (3), но с уравнением (2) ни в каком противоречии не стоит. По логике проф. Е. С. Лондона выходит иначе. Вот его изумительная дедукция (стр. 22):

«Если вторые производные от z по t равны, то равны, стало-
быть, и первые производные» (курсив мой В. Б.): $\frac{dz}{dt} = \frac{dz_1}{dt_1}$, а раз
 $t = t_1$, то и $dt = dt_1$ и $\frac{dz}{dt} = \frac{dz_1}{dt_1} \dots (4)$. Если продифференцировать ур-е
(1), то получим $dz_1 = dz - qdt$. Разделив обе части ур-я на dt ,
получим: $\frac{dz_1}{dt} = \frac{dz}{dt} - q \dots (5)$. Уравнения (5) и (4) стоят опять-таки
в явном противоречии друг с другом¹⁾.

Если бы проф. Лондон, прежде чем предавать твсению эту
открытую им теорему, попробовал для проверки продифференци-
ровать уравнение (5) (заменяв в первой части t через t_1), то он
убедился бы, что в результате получается как раз то самое ур-е
(2), которому якобы ур-ня (5) и (1) противоречат, и вместе с
тем он, вероятно, вспомнил бы ту элементарную истину, что рав-
венство вторых производных свидетельствует вовсе не о равенстве
первых производных, а лишь о том, что разность их составляет неко-
торую постоянную величину, каковой в данном случае и является q .

Мы же исчерпали п сотою доли тех нерлов и диамантов, кото-
рыми б.ещет труд проф. Лондона. Заметим в заключение, что тот
читатель, который попытался бы докопаться до точного смысла
всех фраз, написанных на 60 стр. разбираемой брошюры, поставил
бы поред собой нонстпне сверхчеловеческую задачу. Изучение под-
линных работ Эйнштейна и всех необходимых для их понимания ма-
тематических тонкостей, потребовало бы наверное не больше труда,
чем дешифрование этой своеобразной «популяризации».

Переходя к вполне доброкачественной литературе по теории от-
носительности, остановимся прежде всего на трех наиболее попу-
лярных изданиях: Шарля Нордмана («Эйнштейн и вселенная»),
Гарри Шмидта («Теория относительности и наше представление о
вселенной») и О. Д. Хвольсона («Теория относительности и новое
миропонимание»). Все эти три работы являются не только бес-
спорно компетентной, но и талантливой популяризацией, и притом
талантливой в двух отношениях: и в смысле увлекательности изло-
жения, и по существу, — в смысле умения выбрать из обширного
материала науки самое существенное для данной цели и осветить
это немногое существенное так, чтобы необходимое упрощение по-
нятий не приводило к их искажению.

Шарль Нордман набрасывает свой очерк теории относительно-
сти в широкой перспективе, вскрывая ее связь с другими идейными
течениями и теми новыми проблемами, которые выдвинуты успехами
экспериментальной науки последних десятилетий. Из идейных пред-
шественников Эйнштейна он особенно подробно останавливается на
А. Пуанкаре, что вполне уместно, ибо по складу ума, по своему,
если можно так выразиться, гносеологическому темпераменту покой-

¹⁾ В этой цитате мы позволили себе в интересах большей наглядности изме-
нить порядковую нумерацию уравнений. В. Б.

ный французский математик ближе других стоит к Эйнштейну,— ближе, напр., чем Э. Мах, которого обыкновенно считают праотцем новой механики. Бесспорно, Мах первый формулировал основной постулат всеобщей теории относительности, но для того, чтобы облечь этот постулат в плоть и кровь законченной теории, нужна была та смелость конструктивной фантазии, та и выисканность «умственного эксперимента», которая в равной степени характеризует гений Пуанкаре и Эйнштейна, но чужда Маху с его догматикой «чистого описания». Знакомство с идеями Пуанкаре—лучшая подготовка к усвоению новейших физических теорий, и мы очень бы рекомендовали читателю, желающему серьезно ознакомиться с концепцией Эйнштейна—Минковского проинтудировать предварительно находясь в русском переводе популярные работы А. Пуанкаре, в особенности «Науку и Гипотезу».

Рассказав об основных опытах, давших внешний повод к возникновению теории относительности и о попытках истолкования этих опытов Лоренцом и Фишера-альбом, Ш. Нордман набрасывает самый общий очерк специальной теории относительности, во все не прибегая к математическим формулам. Далее он путем простых и умело подобранных иллюстраций дает представление о главнейших выводах эйнштейновской механики и их значении для соответствующих областей науки (сложение скоростей, энергетическое истолкование массы и кинетическая энергия, инертная масса и масса тяготения). Приступая к общей теории относительности, Ш. Нордман избегает всяких рассуждений о четырех-мерном «пространстве», обыкновенно только запутывавших вопрос, особенно в глазах неподготовленного читателя, и очень удачно иллюстрирует идею «четырех-мерного мира» Эйнштейновской связной картиной, в виде которой отпечатывается в сознании ботаника история цветка, или тем про трансцендентно-временным образом, в форме которого шахматист созерцает разыгрываемую им партию. Точно также, и при изложении понятия неевклидова пространства автор держится конкретной почвы общеизвестных наблюдений и фактов, не прибегая к эксплуатируемой большинством популяризаторов физики «двухмерным существом», населяющим шаровую поверхность. Так как в данном случае дело идет не о формальных построениях математической фантазии, а о реальном значении «кривизны пространства» в картине окружающего нас материального мира, то автор совершенно правильно начинает с понятия *физической* линии (линии светового луча как кривизны «прямых») и к искривлению этих физических линий под влиянием полей тяготения сводит естественно-научный смысл кривизны пространства.

И заключение Шарль Нордман подвергает тебрю относительности критическому разбору и вносит в нее философские и научно-теоретические поправки. Первые мало убедительны; вторые сводятся к основательно классической теоретизации представления о «зафигурной атмосфере», уюпной движущимся телами. Пока эта гипотеза находится в зародышном состоянии, о ее научном значении судить трудно. Есть в изложении Ш. Нордмана в отдельные неточности;

так напр., едва ли правильно его утверждение, что для Эйнштейна тяготение — не сила, а свойство пространства, в котором свободно движутся тела. Ведь с точки зрения Эйнштейна никаких свойств пространства, кроме свойств находящейся в пространстве материи, не существует, и в частности поля тяготения вокруг движущихся с постоянным ускорением тел он склонен интерпретировать совершенно реалистически, как *индуцируемые* отдаленными массами.

Гарри Шмидт ограничивает свое изложение теории относительности более узкими рамками, чем Ш. Нордман; из необозримого круга проблем, с которыми так или иначе соприкасается концепция Эйнштейна, он выбирает наиболее важные области, но в пределах каждой такой области ведет изложение более систематично, освещая не только отдельные непосредственно связанные с теорией Эйнштейна участки, но и пытаясь вскрыть внутреннюю связь соответствующих подразделений науки. Мастерски, как в смысле популярности, так и в смысле научной строгости, изложены основные начала классической механики, классический принцип относительности и его коллизия с фактом постоянной скорости света. Специальный принцип относительности разъясняется автором без лоренцевских уравнений путем наглядной модели, при чем условность в относительности понятия одновременности устанавливается вполне ясно и точно. Что же касается изменения масштабов пространства и времени, то иллюстрации Г. Шмидта показывают лишь, почему приходится допустить эти изменения и как можно мыслить их, не впадая в логический абсурд; но представления о том, в каком *направлении* изменяется ход часов и длина стержней в различных «системах», наглядный метод Г. Шмидта не дает, и если бы слишком вдумчивый читатель попытался развить до конца некоторые беглые указания автора, он легко мог бы прийти к ошибочным выводам. Проблема не-евклидова пространства обстоятельно и в общем удачно иллюстрирована путем аналогии с неравномерно нагретым телом, которую для этой цели впервые применил А. Пуанкаре. Но автор, увлекаясь своим первоисточником, напрасно заканчивает эту аналогию анализом того частного случая, при котором существуют, живущие в не-евклидовом пространстве, не могли бы заметить его кривизны и считали бы свой мир евклидовским. С точки зрения принципа относительности, наблюдение и измерение кривизны нашего реального пространства нам вполне доступно, и потому *exemplum fictum* Г. Шмидта только сбивает мысль неопытного читателя с правильного пути. При выяснении понятия неограниченного, но конечного пространства Г. Шмидт не обходится без пресловутых «плоских разумных существ двух измерений».

Ш. Нордман и Г. Шмидт дают популярное вступление к изучению новой механики. Они напоминают читателю основные факты и обобщения, относящиеся к вопросу, устанавливают внутреннюю связь между некоторыми из этих фактов и набрасывают предварительный легкий абрис теории относительности. Отчетливого представления о построении Эйнштейна эти книжки еще не дают, но они достаточно выукло формулируют основную проблему и по-

путно расшатывают те предвзятые мнения и предрассудки, которые мешают пониманию самой возможности ее постановки.

Проф. О. Д. Хвольсон в своей книге о «Теории относительности Эйнштейна», написанной с обычным для автора литературным мастерством и педагогическим талантом, ставит своей задачей дать более дегальный анализ, раскрыть перед читателем точные количественные соотношения, вытекающие из эйнштейновской теории, — но опять-таки в совершенно популярной форме, прибегая лишь к самым простым и безусловно необходимым алгебраическим формулам. Да и те в большинстве случаев изгнаны из текста и отнесены в особые примечания. Это, на наш взгляд, уже излишний оппортунизм и недопустимая уступчивость обывательскому страху перед математической символикой. Формулы примечаний, в особенности лоренцевы преобразования (стр. 123—124), чрезвычайно помогают пониманию текста; и тот, кто попытается читать книгу проф. Хвольсона без примечаний, лишь затруднит себе работу. В частности мы настоятельно рекомендовали бы при изучении § 7, особенно важного для понимания специального принципа, все время иметь перед глазами лоренцовы уравнения, переводя на язык алгебры, все те случаи соотношений между масштабами пространства и времени, которые словесно проанализированы в тексте. Дело в том, что начинающему принципу *взаимности* изменения единиц длины и времени неизбежно рисуется в виде того анекдотического нильского крокодила, у которого, по словам его хозяина, от головы до хвоста насчитывалось 5 аршин, от хвоста до головы — 7 аршин. И только точная, а в данном случае и весьма простая, математическая формулировка позволяет вполне отчетливо уяснить себе, каким образом неодинаковы в разных системах, «одновременность» согласует эту *взаимную* изменчивость с элементарной логикой. Чрезвычайно существенно также внимательно вдуматься в аргументацию § 9, где анализируется теорема сложения скоростей и показывается, что предельность «с» касается только скорости распространения одного и того же процесса или относительной скорости двух систем, измеряемой наблюдателем, находящимся в одной из них, в то время как для *третьей* наблюдателя этого ограничения не существует, и с его точки зрения рассогласие между двумя системами может возрастать и более, чем на 300.000 километров в секунду.

Основания и выводы общего принципа относительности проанализированы проф. О. Д. Хвольсоном с максимальной возможной в рамках популярного изложения отчетливостью и обстоятельностью. Особенной вдумчивости со стороны читателя требует § 18, где главные результаты теории сведены к пяти основным пунктам; к сожалению, исследование этих пунктов не опирается и не может опираться на математическую формулировку, ибо в данном случае она совершенно недоступна популярному использованию.

Несколько отдельных погрешностей в книжке О. Д. Хвольсона все-таки приходится отметить. На стр. 45 *фактическое* сплющивание движущегося тела, принимавшееся гипотезой Лоренца-Финцгеральда, противопоставляется *относительному* сплющиванию в эйн-

штейновском толковании: «здесь и речи нет о фактическом, реальном уменьшении размеров тела, и все дело сводится к изменению формы, воспринятой наблюдателем». У читателя может получиться впечатление, будто, по Эйнштейну, сплющивание есть просто субъективная иллюзия, а это, разумеется, не верно. Было бы желательно, чтобы в следующем издании автор подробнее разъяснил читателю, что дело идет здесь о результате измерений, который, будучи относительным, стилид, однако, не является субъективно произвольным, но объективно преиришен позицией наблюдателя. При выяснении понятия кривизны пространства, автор более других популяризаторов увлекается «царством теней», живущих на замкнутой поверхности, да еще сопровождает экскурсию в это царство указанием на ограниченность нашего разума и соответственной цитатой из Гамлета («есть много, друг Горацио...»). Независимо от возможности всякого рода метафизических и мистических лжетолкований, это просто не педагогично: там, где от разума читателя требуется максимальное напряжение, мы ссылкой на ограниченность человеческого разума санкционируем лень мысли, поощряем резнищацию умственной коности и невежества. Наконец, на стр. 97 допущена, по видимому, обмолвка: автор утверждает, что по вычислениям Де-Ситтера длина геодезической линии мира равна 500 миллионам световых лет. Если мы не ошибаемся, вычисление Де-Ситтера, дает значительно меньшую цифру — ксего около 100 миллионов лет. Эти незначительные погрешности, разумеется, нисколько не умаляют достоинств превосходной работы проф. О. Д. Хвольсона.

Хорошим дополнением к книжке О. Д. Хвольсона может служить популярная лекция академика П. П. Лазарева о «Физических основах принципа относительности». П. П. Лазарев дает не только очерк теории Эйнштейна, но вкратце характеризует отношение к этой теории крупнейших представителей европейской науки. В первой части брошюры, посвященной изложению идей Эйнштейна, заслуживают особого внимания стр. 47—50, где путем очень простого и остроумного построения конкретно иллюстрируется то, на первый взгляд абсурдное, утверждение Эйнштейна, что часы, показывающие одно и то же время в системе A , показывают разное время если на них взглянуть из движущейся системы B .

Вместе с лекцией П. П. Лазарева в брошюру, изданную под общим заголовком «Физические основы принципа относительности», включена блестящая лекция А. Пуанкаре о «новой механике» и чрезвычайно интересная статья М. Планка, в которой намечаются пути к новому, еще более универсальному и грандиозному синтезу точного естествознания, чем теория Эйнштейна.

Все перечисленные работы излагают теорию Эйнштейна, не прибегая к математическим доказательствам, хотя бы и самым элементарным. Читатель получает достаточно отчетливое представление об основах принципа относительности, но отдельные весьма важные выводы остаются неосвоенными (например, без математической, хотя и весьма элементарной дедукции, нельзя показать, могут или не могут, согласно эйнштейновской теории, причина и следствие по-

меняться местами при переходе наблюдателя из одной системы в другую). Но, что самое важное, место теории относительности в *системе* современного естествознания остается недостаточно выясненным. Этот пробел удачно восполняет книга Макса Борна «Теория относительности Эйнштейна и ее физические основы». Две трети своей работы М. Борн посвящает сжато, но по возможности систематическому изложению истории и современного состояния механики, оптики, электро-динамики и лишь одну треть (последние 70 страниц) собственно теории Эйнштейна. Не предполагая в своих читательных никаких познаний, кроме самых начальных сведений по элементарной алгебре и геометрии, автор стремится дать не только приблизительное словесное описание главнейших выводов науки, но по возможности также их точное количественное выражение. Это труднейшая для популяризатора задача выполнена Максом Борном с незаурядным мастерством. Укажем, например, как подводит он читателя к геометрической интерпретации четырехмерного мира Минковского. Чисто того чтобы взять три пространственные оси и сразу оговорить неспекулированное воображение пропана проведением четвертой оси времени, он начинает с графика движения в двухмерном многообразии, одну из осей которого являюся время, другую — одна из пространственных осей. Когда читатель достаточно ознакомился с этим нехитрым построением (давно применяемым, напр., ж.д. дорогами), вводится вторая пространственная ось. Таким образом, до полного четырехмерного комплекса нехватает третьей пространственной оси. Практически ввести ее в построение не приходится, так как анимизируемые в тексте частные случаи движения этого не требуют; но в силу ее принципиальной равнозначности с двумя другими пространственными осями, идея ее включения представляется вполне естественной и не встречает того априорного сопротивления, на которое неизбежно наталкивается «четвертая» ось времени, сваливающаяся неизвестно откуда в наше законченное трехмерное пространство. Столь же неуклюже подготавливается читатель и к том косугольным системам координат, которыми символизируются в четырехмерном мире системы с различными относительными скоростями. Сначала построение это делается, исходя из предпосылок классической механики: все оси x сливаются вместе, оси t наклонены под углами, растущими вместе с v/c . Автор дает читателю почувствовать, что в этой асимметрии геометрического построения выражается некоторый исключительный частный случай, и переход от галилеевских уравнений преобразования к лоренцевским воспринимается, как вполне естественное требование геометрической симметрии.

Разумеется, арсенал начальной алгебры и геометрии в некоторых случаях оказывается совершенно недостаточным. Например, в электродинамике, автор обстоятельно излагая теорию Максвелла: электропную теорию Лоренца, теорию Гертца, не в состоянии, конечно, вынести читателю точный количественный смысл соответственных дифференциальных уравнений. Тогда он прибегает к качественной характеристике электрических и магнитных полей, сопровождая свои

иллюстрации наглядными чертежами, — и в результате наводящие на профани почтительный страх «*rot H*» и «*d. v. E*» теряют свою мрачную загадочность и превращаются в скромные мнемонические янги усвоенных фяико-ивнеирческих образов.

Книга М. Борни является одной из лучших популяризаций тех отделов фяанки, которые представляют в настоящее время особенный теоретический интерес, и уже по одному этому заслуживает самого серьезного внимания интущих самообразования читателей ¹⁾.

Специальный и общий принцип относительности изложен М. Борном с той обстоятельностью, которая достижима при ограниченности причиненных им маточ.тич.отих орудий. Можно только пожалеть, что М. Борни не дал анализа знаменитого „парадокса часов“, играющего такую крупную роль в полемике по поводу теории относительности. Это тем более досадно, что математическое построение, дающее возможность приблизительно учесть ускоренное хода часов во время их „поворота“ на одной системе и другую, очень несложно и в основных своих чертах приведено М. Борном по другому поводу (тер. 215, где исследуется так наз. „*R. tverschiebung*“). Тем, кто интересуется преимущественно логической и теоретико-познавательной стороной принципа относительности, следует обратить особенное внимание на § 5 главы VI, где автор выясняет, в каком смысле именован масштаб времени и пространства, постулируемые теорией, несмотря на их относительность и *соотносительность*, следует считать реальными. Для еще более отчетливого выяснения этого вопроса полезно познакомиться со статьей Э. Гейтингтона, „Новое приближение к теории относительности“. (см. „Новые идеи в математике“, № 5) Э. Гейтингтон берет в основу своего построения определенные соглашения относительно заводи и регулирования часов, исключая всякие сокращения или удлинения масштабов. Уравнения преобразования, к которым он приходит, ясно показывают, чем отличается такая конструкция от Эйнштейновской.

Несколько пофантический, но очень обстоятельный логический анализ постулатов специальной теории относительности дает помещенная в том же № 5 „Новых идей математики“ статья Р. Д. Кармикалая „О теории относительности“. Наконец, тем же номером статья автора двухтомного исследования о теории относительности, М. Лауэ, который сжато, и почти не выходя из пределов элементарной математики, формулирует основные положения и выводы „специального“ принципа.

Известное популярное изложение теории относительности, составленное самим Эйнштейном, вышло на русском языке в трех переводах: 1) под ред. Н. А. Морозова и Б. С. Быковского, 2) под ред. проф. С. Я. Лифшица и 3) под ред. А. Н. Афанасьева. Мы не имеем возможности сверить все три перевода с подлинником страницы за страницей. Несколько отдельных проб, продолженных нами, создают

¹⁾ К сожалению, переводчики в интересах удешевления издания вынуждены были или стилизовать рисунки и чертежи в длинные и извилистые и напечатать их на отдельном листе, приложенном к книге. Это крайне затрудняет чтение:

впечатление, что первые два перевода ближе к подстрочнику; а последний (под ред. А. И. Афанасьева) более литературен¹⁾. По издательской технике перевод проф. Афанасьева, выпущенный „Научным книгоиздательством“, несравненно выше двух остальных, вышедших в издании Петербургского и Московского Госиздата. Хорошая бумага и прекрасный четкий шрифт, с одной стороны, серая бумага и слепой, местами совершенно сбитый шрифт — с другой. Кроме того, в переводе, редактированному А. И. Афанасьевым, приложены портрет Эйнштейна и очень интересная статья его, в которой в форме диалога разбираются и опровергаются главные возражения, выдвинутые против теории относительности.

Читатель, вероятно, удивляется, почему мы „общедоступную“ книжку Эйнштейна, написанную простым и ясным языком и почти не прибегающую к математической символике (вынесенной в приложения), поместили не только после Нордмана, Шмидта и Хвольсона, но и после Борна, уделяющего сравнительно много места математическим формулировкам. Мы сделали это вполне обдуманно. Пристальное изучение популярной работы Эйнштейна необходимо для всякого, желающего познакомиться с теорией относительности. Но для того чтобы изучение это дало надлежащий результат, следует заранее запастись некоторыми сведениями по физике, от сообщения которых Эйнштейн сознательно уклонился в интересах отчетливости и последовательности изложения своих собственных мыслей (см. его предисловие). Разобранные выше популяризаторы и, в особенности, М. Борн как раз и дают ту минимальную сумму предварительных знаний, которые необходимы для того, чтобы читатель мог не только понять буквальный смысл положений Эйнштейна, но, до известной степени, судить об их научном значении. Вот почему мы рекомендовали бы не начинать, а заканчивать ознакомление с теорией относительности книжкой Эйнштейна.

Из работ, посвященных критике теории Эйнштейна, наиболее солидной является брошюра П. Ленара, тщательно переведенная на русский язык под ред. проф. А. К. Тимирязева и снабженная пояснительными примечаниями редактора. («О принципе относительности, вопреки тяготения».)

Изложение П. Ленара достаточно общедоступно и не нуждается в особых комментариях, но для того чтобы ясно представить себе сущность его возражений, необходимо иметь в виду, что он ведет свою полемику с Эйнштейном с двух точек зрения, не всегда explicito разграниченных в тексте: как ученый физик и как философ естествознания. В качестве физика П. Ленар принимает принцип относительности или, вернее, вытекающие из него уравнения, во всех тех областях, где они практически доказали свою научную пригодность, т.-е. в применении в равномерному и прямолинейному

¹⁾ В переводе под ред. проф. Лифшица отмечен один досадный недостаток. В приложении III, § 3 транслативная скорость часов и скорость их хода („частота“ колебаний) обозначены одной и той же буквой „ V “, вследствие чего в формулах получается невероятная путаница.

движению и к таким движениям, которые вызываются сжатым, пропорциональным массам (теория тяготения). В качестве философа он — *принципиальный* противник принципа относительности. Он утверждает, что «логически вполне постижима абсолютная одновременность событий у нас и на сколь угодно далекой от нас звезде». Относительность времени для Ленара *философски* или, как сказал бы Кант: «a priori» не приемлема. То же самое относится и к пространству. Стали свои вопросы: кто же реально движется, поезд вдоль рельс или земля ему навстречу? земля вокруг оси или неподвижные звезды вокруг земли? — И. Ленар считает только один ответ принципиально правильным, противоположную же точку зрения — «недопустимым логическим экспериментом». Наоборот, для Эйнштейна тут нет никакого логического эксперимента. В своем «диалоге» («Принципы относительности», пер. Афанасьева, стр. 126) он пишет: «С точки зрения теории относительности нельзя рассматривать данный случай так, что, *быть может*, изменение скорости испытает внешний мир (вне поезда). Дело идет не о двух, исключających одна другую гипотезах о месте движения, но о двух совершенно равноправных способах описания одного и того же события. Выбор того или иного способа описания решается только мотивами целесообразности, но отнюдь не принципиальными аргументами». Между Эйнштейном и Ленаром, как философами, лежит непреходимая пропасть: это тот случай невозможности взаимного понимания, который еще эллинская мудрость определяла, как «равносильность» («изостеннию») противоположных суждений, а древне-римская мудрость с ее практическим уклоном формулировала в виде совета воздерживаться от бесполезного спора: *contra principia negantem non est disputandum*. Как физики, Ленар и Эйнштейн на три четверти уже сталкивались между собой. Крупнейший разделяющий их вопрос — теория эфира. Ленар обстоятельно доказывает в своей брошюре необходимость создания «модели» эфира, как передаточной среды, и набрасывает основы собственной теории, научная ценность которой в ее теперешнем неразработанном виде еще не может быть точно определена. Эйнштейн в своей речи «Эфир и принцип относительности» (пер. А. Н. Афанасьева, Петр. 1921 г.) разъясняет свой взгляд на эфир в том смысле, что отрицание эфира, связываемое обычно с теорией относительности, касается не передаточной среды, как таковой, а лишь механистического толкования этой среды. «Модель» эфира должна быть не механической, а электро-магнитной (стр. 15). «Всеобщая теория относительности», пишет он в заключение, «наделяет пространство физическими свойствами: таким образом, в этом смысле эфир существует... Но нельзя представить себе этот эфир состоящим из частей, которые можно исследовать во времени; таким свойством обладает только весомая материя; точно также нельзя применять к нему понятие движения». Это, на первый взгляд, странное требование, чтобы к эфиру не применялось понятие движения, несколько разъясняется, если вспомнить, что при построении теории эфира должен быть принят во внимание принцип относительности, хотя бы в той ограниченной формули-

ровке. в какой допускает его Ленар. Таким образом, уравнения эфирных «нолей» должны быть, во всяком случае, инвариантны по отношению ко всем системам, перемещающимся друг по отношению к другу транслативно с постоянной скоростью или постоянным ускорением. Можно ли при таких условиях говорить о каком-либо «собственном» движении эфира или его частей?

Брошюрка Шарля Пордмана «Эйнштейн в Париже» дает живую картинку дискуссий Эйнштейна с французскими учеными во время пребывания его в Париже. Интересны отзывы Эйнштейна о Канте, Пуанкаре, Махе, его реплики Бергсону. Главное сражение произошло между Эйнштейном и Пейлеве, который атаковал принцип относительности с точки зрения так называемого «парадокса времени» или «парадокса часов». Разъяснению этого парадокса посвящена большая часть цитированного уже эйнштейновского «Диалога», — записанные Пордманом реплики Эйнштейна во время его дискуссии с Пейлеве ничего нового к этому ясному и систематическому изложению не прибавляют. Из конкретных иллюстраций теории интересна одна. На стр. 12—13 Ш. Пордман приводит следующее пояснение Эйнштейна: «предположим, что единица времени определяется временем, употребленным световым лучом на прохождение туда и обратно расстояния между двумя параллельными зеркалами, между которыми луч отражается перпендикулярно их поверхности... Теперь предположим, что система с двумя зеркалами проходит мимо меня с очень большой скоростью, перемещаясь параллельно зеркалам. Наблюдая прохождение, я вижу, что луч, исходящий из центра первого зеркала, для того чтобы дойти до центра второго зеркала, затем вернуться к центру первого зеркала, должен пройти путь несколько наклонный в направлении перемещения, а не перпендикулярный к зеркалам. Из этого следует, что путь, определяющий единицу времени для наблюдателя, связанного с зеркалами, для меня неподвижного, определяет промежуток времени более длинный, чем моя собственная единица. Одним словом, я вижу, что продолжительность секунды для наблюдателя, связанного с зеркалами, больше, чем для меня». Тут дан наиболее простой и наглядный способ исчисления коэффициента, определяющего замедление хода часов в движущейся системе. В самом деле, пусть продолжительность единицы времени для неподвижного наблюдателя T' , для движущегося T'' , скорость света c , скорость системы зеркал v . Тогда путь луча от зеркала до зеркала — для неподвижного наблюдателя cT' , для движущегося cT'' , система зеркал продвинулась за это время на vT'' ; cT'' есть гипотенуза прямоугольного треугольника, катеты которого cT' и vT'' , следовательно $cT = \sqrt{(cT')^2 - (vT'')^2}$ или $T = T'$

$\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$, т.-е. единица времени движущегося наблюдателя в $1/\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$ раз продолжительнее единицы времени неподвижного.

Н. А. Морозов посвятил принципу относительности две критические работы. Первая, озаглавленная «Принцип относительности и абсолютное», — этюд из области проявлений волнообразного движения», вышла в свет еще в 1920 г. Труд этот изобилует техническими деталями, утонченными и лишь бегло иллюстрированными построениями и, несмотря на отсутствие математического анализа — а, могами, пожалуй, именно вследствие отсутствия строгой математической дедукции — отнюдь не является популярным. Основная мысль автора та, что ничего парадоксального в результате опыта Майкельсона нет, что не только теория Эйнштейна, но и теория Лоренца-Финцгеральда представляет собой сплошное недоразумение, ибо, вопреки установившемуся в науке мнению, скорость света постоянна не по отношению к среде, а по отношению к источнику. Развитию и обоснованию этой теории и посвящена вся книжка. Детально оценить аргументацию талантливого автора может только специалист; несомненно, однако, что достаточно убедительного доказательства своей теории Н. А. Морозову дать не удалось и что в науке наших дней, как и три года тому назад, непоколебимо господствует убеждение, что скорость распространения света от скорости источника не зависит.

Вторая брошюра Н. А. Морозова «Принцип относительности в природе и математике» представляет собой речь, произнесенную на Всероссийском съезде любителей миропведения в 1922 г. В ней кратко повторена аргументация первой брошюры, развит целый ряд новых соображений и иллюстраций, освещающих детали, так наз. Доплеровского эффекта и мн. др., но к теории Эйнштейна все это имеет довольно отдаленное отношение.

Исходным пунктом критики является на этот раз не опыт Майкельсона, а один умственный эксперимент Эйнштейна, при чем, истолковывая его, автор впал, как нам кажется, в явное недоразумение. Эйнштейн говорит, что вспышки света в пунктах *A* и *B* полотна жел. дороги, одновременно для человека, стоящего на полотне посредине между *A* и *B*, не будут одновременными для пассажира, сидящего посредине поезда, концы которого поравнялись с пунктами *A* и *B* как раз в момент вспышек. Н. А. Морозов не согласен с Эйнштейном. «Возьмем вместо света звук», — пишет он. — «Пусть в пунктах *A* и *B* на полотне жел. дороги ударили одновременно

A *C* → *C'* *B*

два колокола. Для наблюдателя, стоящего в пункте *C*, посредине участка *AB*, они сольются, конечно, в один звук. Но следует ли из этого, что наблюдатель, проносящийся в поезде через эту средину *C*, услышит тут же два отдельных удара, сначала от колокола *B*, потом от колокола *A*? Конечно, нет! — отвечаю я: — первые волны обоих звуков и для него налягут друг на друга, но только тон колокола *B* покажется ему повышенным сравнительно с тоном колокола *A*. Одним словом, произойдет не расхождение звуков во времени, а лишь Доплеровский эффект. Автор не замечает, при этом

истолковании опыта, который по отношению к звуку легко осуществить на практике, что и тот момент, когда для неподвижного наблюдателя звуки A и B сольются в C , наблюдатель движущийся успеет переместиться по направлению к B на расстояние CC' ; следовательно, звук B он уже услышал и то время, как звук A еще до него не дошел. Очевидно, Эйнштейн прав. Мы предостерегаем читателя от попыток покончить с теорией Эйнштейна путем неподобного рода легких кавалерийских атак. Теория Эйнштейна логически продумана достаточно хорошо, чтобы не попадаться на удочку столь наивных противоречий.

Обстоятельный исторический очерк развития основных понятий геометрии и механики от Пифагора до Альберта Эйнштейна дал проф. А. В. Васильев в своей книге «Пространство, время, движение — исторические основы теории относительности». Из древних автор особенно подробно останавливается на Аристотеле, отмечает некоторые средневековые теории, характеризует воззрения ренессанса и затем переходит к новейшему времени, к предшественникам Галилея и Ньютона, внося, на основании новых исследований, целый ряд интересных поправок и дополнений в классическую историю механики Маха. Среди критиков классической Ньютоновской механики проф. Васильев выделяет Беркли, которого он считает истинным родоначальником последовательного релятивизма, наделившего себе впоследствии энергичного защитника и продолжателя в лице Маха. На Канта он не задерживается, характеризуя его взгляды кратко, но довольно поверхностно и сбивчиво (достаточно указать, что на стр. 49 Канту приписывается учение о «трансцендентности», аксом и «трансценденности» пространства — вместо «трансцендентальности», что далеко не одно и то же). Но Канта, которому, по справедливому замечанию автора, вообще не повезло на русской почве, можно простить проф. Васильеву. В дальнейшем он дает очень содержательные очерки геометрий Римана, Лобачевского, четырехмерного мира Минковского, в связи с основными положениями эйнштейновской теории.

Общий вывод проф. Васильева сводится к тому, что эйнштейновский принцип относительности органически связан с философским «релятивистическим эмпиризмом» в духе Маха. Впрочем, автор надеется, что широкие горизонты, открытые теорией Эйнштейна, продолжат пути к новому философскому синтезу, одинаково далекому и от «белотетивственных мистических исканий современных неоплатоников и гностиков, и от узкого, фанатизма» современных хатернастов.

Под иным углом зрения освещает философское значение теории относительности Эрнст Кассирер. Его блестяще написанная книга «Теория относительности Эйнштейна», к сожалению, значительно потускневшая в довольно неуклюжем и очень небрежно отрецензированном русском переводе, доказывает, что разрушение идей абсолютного пространства и времени не только не противоречит философии Канта, а, напротив, служит к вящему ее торжеству. Если недостаток А. Васильева в упрощении Канта, то недостаток Кассирера в

слишком утонченном и изысканном толковании кантианской философии, — настолько утонченном и изысканном, что от подлинного исторического Канта в формулировках почтительного ученика остается в сущности лишь одна словесная видимость. Исторический Кант несомненно стоял в тесном идейном родстве с абсолютизмом Ньютона и Эйлера; и при том вполне созревший Кант — «Критики чистого разума» — новинкой в этом еще больше, чем Кант докритического периода, находившийся под влиянием Юма. Иранца. Кант считал невозможным устанавливать движение по отношению к «чистому» пространству, но это не мешало ему видеть «абсолютные» истины не только в аксиомах евклидовой геометрии, но и в законах ньютоновской механики. Своди априоризм Канта к постулату неизменности функциональных связей между изменчивыми явлениями опытного мира, Кассирер, несомненно, коренным образом реформирует историческое кантианство. Надо, впрочем, отметить, что реформа эта произведена не *ad hoc*, не для примирения Канта с новой механикой: она давно уже осуществлена тем неокантианским течением, к которому принадлежит Кассирер и которое, бесспорно, является самым прогрессивным и содержательным в рамках германской университетской философии. В частности, Кассирер не только философ, но и недурной математик, и ему удалось дать очень стройную и строгую картину теоретического здания, воздвигнутого Эйштейном, четко обрисовать все его логические и гносеологические предпосылки. Поэтому работа Кассирера представляет крупный интерес независимо от того школьно-философского облачения, в которое она одета.

Позаключение скажем несколько слов о том чрезвычайно своеобразном философском освещении эйнштейновской теории, которое даст в своей брошюре «Мнимости геометрии» Флоренский. Брошюра эта состоит из двух неравных частей: первая и большая написана автором еще в студенческие годы и представляет собой изложение и обоснование новой геометрической интерпретации комплексных чисел; вторая, добавленная в наши дни, есть попытка применить выработанную автором теорию мнимостей к механике Эйнштейна. На первой части мы не будем останавливаться, так как при рассмотрении ее пришлось бы пуститься в математические отвлеченности, едва ли интересные для читателя. Мы перейдем прямо ко второй части, что тем более допустимо, что понимание ее вполне возможно и без предварительного знакомства с математической теорией автора. Н. Флоренский рассуждает следующим образом. С точки зрения принципа относительности, «нет и принципиально не может быть доказательства вращения земли». Следовательно, правы не Галилей и Коперник, а Птоломей и Данте. Но если далекие звезды в 24 часа (как «математик», автор берет точную цифру астрономических суток 23 ч. 56 м. 4,1 с.) делают полный оборот вокруг земли, то, очевидно, они должны развивать колоссальные скорости. Между тем, по теории относительности предельная скорость в нашем мире — 300.000 килом. в секунду: тело, достигшее этой скорости, сокращает свой размер в направлении движения до нуля; длина тела, превзошедшего скорость света становится *мнимой*. Таким образом, пределы

нашего реального земного мира находятся там, где тело, облетающее вокруг земли в течение суток, развивает скорость равную 300.000 в. в секунду. Простое вычисление показывает, что граница эта приблизительно в 27,5 раз дальше от земли, чем солнце, иначе говоря, находится между орбитами Урана и Нептуна, т.-е. как раз там, где полагало границу мира Птоломеево-Дантовское мировоззрение. «Следовательно», пишет П. Флоренский, «на границе земного мира и небесного длина всякого тела делается равной нулю, масса бесконечной, а время его, со стороны наблюдаемое — неподвижным. Иначе говоря, тело утрачивает свою протяженность, переходит в вечность и приобретает абсолютную устойчивость. Разве это не есть пересказ в физических терминах признаков *идей*, но Платону — бестельных, непротяженных, неизменяемых, вечных сущностей? Разве это не аристотелевские чистые формы? Или, наконец, разве это не вопиющее небесное, созерцаемое с земли как звезды, по земным свойствам чуждое?»

Нельзя не пожалеть, что концепция, защищаемая с таким одушевлением, так слабо обоснована. Формула, с которой оперирует автор, взята из «специальной» теории относительности и к вращению не применима. При пользовании же применимыми к системе Птолемея формулами «общей» теории оказалось бы, что скорость света (c) растет вместе со скоростями (v) вращающихся вокруг земли светил (вернее, вместе с ростом напряжения вызывающих это вращение полей), так что v/c всегда меньше единицы, и «протяжение» небесных тел ни при каких скоростях не делается миним. Далее, теории П. Флоренского изобилует метафизическими трудностями. «Неподвижные звезды — суть вопиющее небесное, земным свойствам чуждое». Между тем, астрономические наблюдения и спектральный анализ показывают, что звезды по своим механическим и химическим свойствам тождественны с нашими земными телами. Как понять это? Можно ли допустить, что небесное вопиющее нарочно, в насмешку над бедным человечеством и к вящему удовольствию материалистов принимает на себя вид косной материи? Редька, правда, допускал «лукавство» мирового духа. Но едва ли лукавство, да еще в такой вульгарно-плоской форме, приличествует мировому духу Дантовской космологии.

Впрочем, П. Флоренский предупреждает, что его толкование теории Эйнштейна представляет собой предварительный набросок, «не притязающий на полную обоснованность». Кудем надеяться, что в следующем издании талантливый автор исправит многочисленные дефекты своего построения и придаст ему теоретически безупречную форму. Тогда круг основных принципов, с точки зрения которых возможно толкование вековой проблемы, поднятой теорией относительности, будет завершен. В самом деле, очевидно здесь мыслимы три самостоятельные и внутренне непримиримые позиции: 1) Коперник и Птоломей дают логически равноправное, но научно далеко не равноценное истолкование *одного и того же* реального факта, — точка зрения А. Эйнштейна и его сторонников; 2) на стороне Коперника реальная физическая истина; построение Птолемея

фактически ошибочно, а потому его математическое истолкование есть «логически недопустимый эксперимент», — точка зрения Ленара, Морозова и мн. других; 3) концепция Птолемея есть абсолютная истина; теория Коперника есть логически соблазнительный, но метафизически недопустимый эксперимент, — позиция П. Флоренского.

Все эти три точки зрения «изобетничны» в том смысле, какой придавали этому слову античные скептики, т.-е. между их партизанами не может быть *разумного* спора, а возможны лишь аргументы внеслогического порядка, к которым так охотно прибегали сторонники Данговской космологии во времена Галилея, и которые, к сожалению, до сих пор не утратили своего престижа в глазах некоторых сторонников космологии Коперника.

В. Газаров.

Литература по чартизму.

1. John Tithsley—Die Entstehung und die ökonomischen Grundsätze der Chartistenbewegung. Hena 1898.
2. Edouard Dolléans—Le Chartisme. 2 тома. Париж 1912, 1913.
3. Max Beer—Die Geschichte des Sozialismus in England. Штутт-гарт 1913.
4. Hermann Schlüter—Die Chartistenbewegung. Нью-Йорк и Штуттгарт 1916.
5. Frank F. Rosenblatt—The Chartist Movement. Нью-Йорк 1916.
6. Preston William Stosson.—The Decline of the Chartist Movement. Нью-Йорк 1916.
7. Mark Hovell—The Chartist Movement. Манчестер 1918.
8. Julius West—A History of the Chartist Movement. Лондон 1920.

И в социальной истории Англии, и в истории международного рабочего движения чартизм занимает совершенно исключительное место. Он не только был первым в истории революционным классовым движением современного промышленного пролетариата, но и творцом целого ряда лозунгов и решений, но крупнейшим во вопросам программы и тактики, которые легли в основу всего дальнейшего рабочего движения до наших времен. Он первый отделил вопрос об освобождении рабочего класса от утопических спекуляций, поставив его в плоскость массового действия; вместе с тем он указал на русло, по которому это действие должно протекать, начертив на своем знамени лозунг о завоевании политической власти. Уже один эти два достижения придают чартизму огромное историческое значение. Но он, кроме того, резко определил содержание и форму пролетарской борьбы для всех будущих поколений: эта борьба должна быть классовой и должна быть революционной. Если к этому добавить, что чартизм дал нам первую разработанную теорию классовых противоречий и классовой борьбы, что он заложил не только идейные, но и организационные основы международной солидарности пролетариата, что он, наконец, сформулировал для нас — также впервые в истории — отношение к буржуазным реформам и целому комплексу конкретных проблем внешне-политического характера, как война, национализм, защита отечества и милитаризм, — то мы легко поймем важность изучения его истории, его теорий и его практики.

Меж тем это изучение до сих пор почти полностью нелигнировалось, и нелигировалось по той простой причине, что исто-

рики почти не занимались им. Не занимались же они им не по случайным причинам, а потому что знакомство с ними публики — в особенности, рабочей — вряд-ли было бы полезно для буржуазного общества. В результате до последнего времени в литературе не существовало, можно сказать, ни одного серьезного и полного труда по истории чартизма. Долгое время единственным крупным пособием для изучения его была известная книга Раммэджа, ценная по материалам, но совершенно ненаучная, и только в 1898 г. вышла работа Джона Тиллстера: «Die Entstehung und die oekonomischen Grundsätze der Chartistenbewegung», которая могла быть названа научной. После нее тоже пришлось ждать целых 15 лет, пока не появилась книга Доллена «Le Chartisme», а годом позже книга Бера: «Die Geschichte des Sozialismus in England», в которой большое место отведено чартизму. После этого книги по чартизму стали быстро появляться одна за другой. В 1916 г. сразу появились три книги: Шлюттера — «Die Chartistenbewegung», Розенблатта — «The Chartist Movement» и Гроссона — «The Decline of the Chartist Movement», — все три в Нью-Йорке. Затем в 1918 г. вышла в Манчестере книга Ховеля: «The Chartist Movement», и, наконец, в 1920 г. в Лондоне работа Неста: «A History of the Chartist Movement». Эти все работы — крупные, и мы ознакомим с ними читателя, так как они в совокупности составляют уже целую литературу, по которой, наконец, с некоторым успехом можно изучить историю этого замечательного движения.

Предварительно несколько слов об источниках. Они, несомненно, необъятны. Так как чартистское движение не упало с неба, а выросло из экономических условий того времени, то вся литература, относящаяся к промышленной революции конца 18 столетия, к возникновению и первым фазам развития рабочего класса, к хозяйственной истории Англии за время наполеоновских войн, к аграрной ее истории того же времени, к положению ремесленников и кустарей и рабочих на прядильнях Ланкашира, Йоркшира и Шотландии, и т. д. — вся эта огромная литература относится также и к истории чартизма. Так как и политическая форма чартистского движения явилась не самопроизвольным зарождением, а применила к прежним движениям за политическую власть, то изучение ее требует знакомства с литературой, касающейся движений за политическую реформу за тот-же период вплоть до билля о реформе 1832 г. Дальнейшие шесть лет составляют уже прелюдию к чартизму, и вся литература, относящаяся к реформе закона о бедных и агитации против нее, к агитации за 19 часовой день, к профессиональному и оуниверситетскому движению, является источником и для истории чартистского движения. И 1838 г. начинает оформляться чартизм, который вскоре принимает грандиозные формы, проходит через ряд фаз в продолжение одного десятилетия и сходит со сцены в начале пятидесятых годов. За это время движение порождает гигантскую литературу во всевозможных видах. Большие фолианты «Northern Star» от 1838 до 1850 г. составляют основу информации по собственно чартистскому периоду. К ним примыкают

«Poor Man's Guardian» и «Birmingham Journal» и целый ряд других периодических изданий, которые здесь трудно было бы перечислить. Но чартистскую прессу необходимо восполнить буржуазной («Times», «Morning Chronicle»), а также отчетами парламентских прений (Hansard's Parliamentary Debates) и «Annual Register»-ом. Кроме того, имеются две большие коллекции газетных вырезок, документов и заметок, собранных Франсисом Илсом, и, наконец, большая мемуарная и биографическая литература чартистских деятелей, государственных людей и вообще современников от Ловелла и королевы Виктории до лорда Шэфтсбери и Кингсlea. Не худо также познакомиться с социальными романами и социальной поэзией того времени, не говоря уже об общей экономической литературе пятидесятих годов, освещающей основные причины распада чартистского движения. Читатель видит, как велики и обильны источники по этому вопросу, и неудивительно, что ни один из упомянутых нами авторов не обнаруживает знакомства хотя бы с большей частью их. Один усиленно изучал мемуары, другой «Бирмингемский Журнал», третий просматривал особенно внимательно Илсовские коллекции — редко кто осилил, как следует, «Northern Star»! Чартизм еще ждет того историка, который потратит несколько лет на одоление всего имеющегося в одном Британском музее материала.

Мы теперь перейдем к обозрению самой литературы.

Книга *John L. Tildsley*'я напечатана в трудах семинара известного профессора Конрада в Галле и, повидимому, была тезой на получение доктората. Автор был англичанин (или американец) и писал свою книгу по-английски. Она переведена на немецкий язык так отвратительно, что местами почти перестает пониматься, и смысл искажается в прямую противоположность тому, что автор хотел сказать. Кроме того, книга изобилует самыми вопиющими опечатками. Для лиц, мало знакомых с предметом, она в высокой степени неудобочитаема. Тем не менее она — из лучших, написанных по чартизму. К сожалению, историческая часть совсем незначительна. Зато экономико-аналитическая и социальная сторона разработана недурно. Автор много пользуется «Бирмингемским Журналом» и значительно меньше «Северной Звездой». Он, конечно, не социалист, но он, очевидно, склоняется к национализации земли и сочувствует чартизму. В первой части он дает краткий очерк возникновения чартера, подчеркивая совершенно правильно, что в нем с формальной стороны не было ничего нового или революционного. Новизна и революционность заключалась в обстановке — в том, что чартер объединил на одной платформе движения: оуэннстское, за десятичасовой рабочий день, против нового закона о бедных и за денежную реформу. Автор и в связи с этим не выражается совсем ясно: то у него выходит, что эти четыре движения слились и составили чартистское движение, что неверно (но крайней мере, относительно порых трех), то он указывает на них как на источники брожения в рабочем классе, отлинувшегося, наконец, в движение за завоевание политической власти, что вполне правильно. Но в таком случае не следовало исключать, как автор это делает (стр. 11), борьбу против хлебных

законов на основании лишь того, что к началу чартизма кобденовской лиги еще не существовало. Автор по порядку обзореваает оуэновский социализм, борьбу за 'рабочий день и возмущение против нового закона о бедных. Нет сомнения, что не мало чартистских вождей были учениками Оуэна, но преувеличенно говорить, как Тильдслей это делает, что оуэнизм был главным элементом, вошедшим в чартизм (стр. 11) и даже был его базой, его вдохновителем (стр. 121). Социально-экономические взгляды Оуэна разделялись рядом наиболее интеллигентных вождей вроде Ловетта, Хетерингтона, отчасти О'Брайена, но они не играли реальной роли в самом движении, а такие крупные вожди, как О'Коннор, Харней и позднее Эрнст Джонс, никогда и не перенимали их. Одно можно сказать: учение Оуэна о зависимости характера от общественной обстановки имело влияние на преувеличение значения, которое чартисты (в частности, О'Брайен) придавали законодательству, как творческому фактору. Однако и здесь играли прямую роль незабытые еще традиции из меркантильного периода, когда государство и законодательство принимали деятельное участие в хозяйственной жизни и, казалось, создавали условия для развития капитализма. Обзором организации движения и деятельности конвента оканчивается первая часть. Во второй части автор анализирует идеи чартистов о собственности и излагает взгляды О'Брайена о национализации земли и планы земельной реформы О'Коннора. Он указывает, что чартизм не был коммунистическим движением, как то изображали его враги, что идеи О'Брайена, примыкая к идеям Томаса Спенса, но шли дальше национализации земли, да еще с выкупом (правда, из политических соображений), а что идеи О'Коннора были и того скромнее: он стоял за мелкую аренду и даже собственность. В связи с этим Тильдслей указывает, что уже О'Коннору были знакомы как существование, так и значение резервной промышленной армии. Он посвящает дальнейшие главы выяснению отношения чартистов к вопросу о хлебных пошлинах и, вместо обычных обвинений в непоследовательности, защищает—или, по крайней мере, сочувственно объясняет—борьбу их с кобденовской лигой, вкладывая им в уста весьма эффектные возражения против демагогических и лицемерных доводов Фритредеров. В главах об отношении чартистов к вновь образованному государственному долгу и царившей тогда налоговой системе он выясняет, что чартисты настаивали на переложении всех платежей и налогов на имущие классы и предлагали отмену всех косвенных налогов и обложение земельной собственности. В связи с этим он излагает план «свободного» обмена продуктов на основании их трудовой ценности при помощи символических денег, который тогда пропагандировался О'Брайеном. Рассмотрением отношения между чартистами и оуэновским социализмом и их борьбы с законом о бедных заканчивается вторая часть книги. Заключение посвящено выяснению исторического значения и характера чартизма. Чартизм, по мнению Тильдслея,—«более, чем политическое возмущение: он признал органическую связь между политической властью и экономической силой». Он также характеризует чартизм, как возмущение против теории

фонда заработной платы, но считает главной слабостью его отсутствие положительной программы, которое не дало чартизму развиваться и длительное движение на подобие позднейшего социал-демократического. Тем не менее он находит и нем много элементов будущей марксистской теории и приписывает его неудачу тому, что в основе его лежали конкретные проблемы, которые с течением времени были разрешены самим буржуазным обществом. Так с 1884 г. в Англии будто бы уже существует всеобщее избирательное право, тайное голосование было введено еще раньше: имущественный ценз больше не требуется, а что до отсутствия парламентских дилетантов и годичных перевыборов, то, пожалуй, даже лучше, что в этих пунктах требования чартистов не были осуществлены! Тильделей, очевидно, мало был знаком с государственным устройством его собственной Англии и, к тому еще, имел весьма смутные представления о марксизме. Его промахи в этом отношении доходят до курьеза. При всем том, как указано выше, его работа добросовестная и содержательная. Многие позднейшие писатели по чартизму пользовались им и даже крали у него, — вплоть до опечаток.

Книга *Доллеана* (*Edmund Dolléans*) — двухтомная, прекрасно напечатанная в Бельгии, но вышедшая в Париже. Она много цитируется, но нигде не дает ссылок и даже не содержит перечня использованных при ее составлении источников. Она не имеет ни предисловия, ни именного указателя, но, повидимому, была начата в Лондоне и 1905 г. и окончена в Дижоне в 1912 г. Первый том охватывает период возникновения (1830—36) и историю движения до конца 1839 г. (восстание в Ньюпорте); второй том — весь остальной период до 10 апреля 1848 г. включительно. Ключ к тенденции автора дает уже эпиграф к первому тому, взятый у Жозефа Кальметта, тогдашнего редактора (впоследствии убитого г-жей Кайо) «Фигаро», органа роялистской и клерикальной аристократии. Действительно, Доллеан выявляет себя позднейшим реакционером, который для О'Коннора или О'Брайена и даже для Кобдена и Хента не имеет других эпитетов кроме «демагога», по которому обожает соглашателя Ловетта и его патрона Пизса. К сожалению, реакционное направление автора не компенсируется никакими особыми достоинствами его работы. Расплывчатая и скучная, гонимая в длинных выдержках из речей и статей, уделяя маловажным эпизодам (вроде заседаний третьего конвента) много места и посвящая таким крупным событиям, как Ньюпортское дело, одну-две разглагольствованных странички, книга не дает ничего нового ни в смысле фактов, ни в смысле освещения, зато совершенно некритически передает все клеветы и слухи, которые когда-либо выдумывались противниками движения или его революционного крыла. Читатель напрасно будет искать у него экономической интерпретации эпохи или социологического объяснения группы, составивших чартистскую массу. Но он узнает, что О'Брайен «роковым образом должен был стать социалистом», так как его отец был банкрот, а мать баловала его (т. I, стр. 60), и что Бенбоу, родоначальник идеи всеобщей забастовки, потому, «вероятно», «с таким жаром предавался социальной агитации, что

она вместе с тем служила отличной рекламой для его кофейной ответственности за ньюпортскую трагедию он возлагает на О'Коннора, который будто бы нарочно подбил Фроста на это дело и не оказал ему помощи, так как видел в нем опасного соперника и поэтому хотел убрать его с дороги (т. I стр. 421 и т. II стр. 347). Заключение, к которому он приходит в конце своего труда, говорит за себя и за самый труд: «Не показывает ли опыт чартистского движения, соответственно опыту древних обществ, что на практике демократии не есть правление народа, а исключительно использование силы народной меньшинствами, скрывающими свои амбиции и страсти под маской народной пользы или демагогами, замышляющими сильные выражения у толпы, чтобы утвердить свою диктатуру? Эта реакционная философия—единственное, что выделяет книгу Доллана из ряда других. В научном отношении она ничего не стоит. Он, напр., усматривает в чартизме возмущение против промышленной революции, но вместе с тем разлагает его на три составных элемента: на возмущение против «машинизма», на возмущение против нового закона о бедных и на возмущение против «фабричной системы», точно последние были нечто отдельное от «машинизма»!

В книге Берн (*Милл Берна*) история чартизма занимает всю вторую часть почти половину всей книги. Так как имеющему в скором времени выйти русскому переводу ее предпослано мною предисловие, посвященное критике взглядов автора, то я могу здесь ограничиться самым необходимым. Берн широко использует первоисточники, и труд его вообще выгодно отличается от всех других своей основательностью и связностью изложения и стройностью в построении. Чего ему недостает—это, прежде всего, революционно-марксистского подхода, а затем научной объективности, чуждой предвзятых симпатий или антипатий. Когда, напр., он совершенно произвольно сокращает во много раз приводимые в чартистской прессе цифры, касающиеся размеров чартистских демонстраций, присоединяясь, таким образом, к оценкам буржуазной прессы, на основании того, что чартистская пресса старалась раздувать значение чартистских выступлений, то это не больше, как выражение его собственной антипатии к чартизму, как революционному движению, и неспособность видеть и говорить правду, когда она идет вразрез с его тезисами. Между тем кто не знает, как буржуазная пресса и, в особенности, английская любит преуменьшать до смешного размеры и значение выступлений рабочих? Или пристрастие буржуазии заслуживает больше доверия, нежели пристрастие чартистов? Между тем в одном случае—по поводу демонстрации 11 апреля 1848 г.—мы достоверно знаем из документа, оглашенного тогда О'Коннором, что буржуазная пресса заранее условилась с правительством относительно цифры, которую она назовет, когда она даст своим читателям отчет о размерах демонстрации. О'Коннор и тогда, и много раз раньше говорил, что лучший способ определить размеры какого-нибудь большого собрания рабочих—это сложить вместе все цифры, которые дают буржуазные газеты, помножить сумму

на четыре и это будет искомая цифра! Интересно, с другой стороны ответить, что не только современная чартистская пресса, но и чартисты-ренегаты, писавшие впоследствии свои мемуары, также давали чрезвычайно высокие цифры участников чартистских демонстраций. Этого примера достаточно, чтобы характеризовать метод Бера. И он, в своей неискренности ко всему революционному (через всю его работу проходит красной нитью отождествление марксизма с «эволюционизмом» — недаром он прошел известную London School of Economics, в которой идейно доминировали фабианцы), нередко склонен применять к представителям левого крыла чартизма эпитет «демагогия», и с другой, достойной самого Доулака, говорит, напр., об «архе революционизма» Харриса, который-де «забрал себе в голову мысль разыграть Марата английского конвента» (стр. 332). Пожалуй, еще хуже то, что он или не умеет, или не хочет цитировать правильно и, таким образом, часто извращает мысль разбираемого им деятеля. Приведу один пример. О'Коннора, конечно, он очень не жалуется. Хотя в одном месте (стр. 357) он защищает его от обвинений в трусости и предательстве, однако он сам повсюду выставляет его трусом и предателем. На стр. 328 он приводит его мнения по вопросу о свободной торговле и пользуется для этого предисловием, написанным О'Коннором к отчету о большом чартистском процессе 1843 г. Вся длинная выписка-пересказ представляет неряшливость и сплошное извращение. В виду яркости и типичности примера я остановлюсь на нем подробно, сравнивая перевод Бера с оригиналом.

Бер: Ассоциация против хлебных пошлин есть объединение фабрикантов, заинтересованных в том, чтобы покупать труд на дешевом рынке, а продавать его на дорогом.

Оригинал: Ассоциация состоит, главным образом, из фабрикантов, заинтересованных в том, чтобы покупать труд на самом дешевом рынке, а продавать его продукт на самом дорогом.

Что О'Коннор еще не знал, что на рынке покупается не труд, а рабочая сила, нас не удивляет; но заставить его говорить, что фабрикант продает *самый труд* на рынке, является неряшливостью, тем более недопустимой, что Бер повсюду старается доказать неестественность чартистского вождя.

Бер: Машины помогают ему покупать труд дешево.

Оригинал: Чрезвычайные размеры механической силы, имеющейся в стране, дают владельцам их широчайшую возможность... опрокидывать те обычные нормы, которые, в нормальных условиях, давали капиталу и труду взаимную защиту.

Это — не совсем то, что говорит Бер. О'Коннор, очевидно, хотел сказать, что введение машин в больших размерах, в каких это уже произошло к тому времени, делает рабочих беззащитными против аппетитов капиталистов в деле, напр., удлинения рабочего дня и других форм эксплуатации. И это был правильный взгляд.

Бер: Если бы не было машин, то в промышленности занято было бы лишь столько человек, сколько осталось бы свободными в других занятиях, и предприниматели и рабочие до известной

степени могли бы договариваться об условиях труда на равных основаниях.

Оригинал: Если бы не было больше машин, чем потребовалось бы для занятия лиц, которых другие профессии могли бы отдавать без неудобства для себя, то можно было бы устанавливать договорную скалу на упомянутых основаниях.

О'Коннор вовсе не говорит о машинах вообще, а только об *избыточном* количестве их по сравнению с данными размерами предложения труда *по удовлетворению* потребностей других видов и областей производства. Конечно, эта мысль была утопична, но важно установить, что О'Коннор не был враг машин, как изображает это Бер, а лишь враг непропорциональности между новой промышленностью и остальными формами хозяйственной деятельности.

Бер: Но это сейчас не так. Благодаря машинам, предприниматели считают за милость давать занятие рабочим, и рабочие — беззащитны и совсем не в состоянии договариваться с предпринимателями о приличной плате.

Оригинал: Но при настоящем положении вещей, когда давать занятие рабочим считается актом милости со стороны предпринимателей, рабочий сразу лишается той защиты, при которой он мог бы заключить справедливую сделку.

Здесь у Бера опять неправильный нюанс, благодаря тому, что он говорит о машинах вообще, меж тем как О'Коннор говорит о «чрезмерном» обилии имеющейся в наличии «механической силы», нарушающем экономическое равновесие и создающем, как видно из дальнейших рассуждений, которых Бер не цитирует, постоянную резервную армию, принижающую заработную плату.

Бер: Но фритредеры нам говорят, что отмена хлебных пошлин оживит дела и даст больше занятий рабочим. Это совершенная чепуха. Предприниматели имеют в своем распоряжении достаточно механической силы, чтобы удовлетворить всевозможные требования.

Оригинал: Но политики говорят нам, что свободная торговля хлебом немедленно даст всем работу. Это совершенная чепуха (следует цифровой аргумент относительно того, что имеющаяся уже в наличности механическая сила может производить на нужды гораздо большего числа людей, чем живет на земном шаре).

Бер: Члены лиги против хлебных законов одновременно являются и владельцами машин, а машины — страшное, враждебное чудовище, уничтожающее существование бесправного народа.

Оригинал: Лига состоит из владельцев машин, а машина — великий, чудовищный враг народа, который не представлен в парламенте.

Здесь правильное нюансирование было бы важно: О'Коннор повторяет здесь обычный аргумент чартистов: пока народ не имеет политических прав, он является жертвой капитализма, но дайте ему права, и машины перестанут быть владыками его и станут его слугами. В рассказе Бера эта важная мысль неясно проявляется, и получается такое впечатление, как если бы машины являлись *дополнительным* злом к тем, от которых народ и так страдает.

Бер: Билль о реформе был исторгнут у ториев вновь народившимся влиянием фабрикантов. Законодательство последних десяти лет было направлено лишь к тому, чтобы развернуть билль о реформе так, чтобы принести пользу фабрикантам. Таков смысл нового закона о бедных, реформы городского управления, создания сельской полиции, назначения вигов на должности судей, а теперь уже агитируется за отмену хлебных пошлин.

Оригинал: Билль о реформе был исторгнут у ториев вновь народившимся влиянием фабрикантов, и, посадив свою партию во власть, они в течение десяти лет вырабатывают и утверждают детали, при помощи которых их принцип реформы может принести пользу их классу. Новый закон о бедных, реформа городского управления, создание сельской полиции и, главное, назначение судей из вигов — таковы эти детали, и, создав необходимый аппарат, они систематически работают для достижения того, что считается самым важным плодом реформы парламента — отмены хлебных пошлин.

Сокращенный перевод Бера и оригинал здесь совпадают. После этого О'Коннор подробно рассматривает, как виги и фабриканты использовали вновь приобретенную ими политическую власть для закабаления рабочих, но Бер опускает это и продолжает.

Бер: С тех пор как машины и капитал получили избирательное право, вражда между предпринимателями и рабочими становится с каждым днем все сильнее: эта вражда явилась следствием открытия, что предприниматели постоянно стараются о том, чтобы закабалить рабочих.

Оригинал: С тех пор как машины и капитал получили представительство в парламенте, вражда между хозяином и рабочим становится сильнее с каждым годом, а это произошло вследствие открытия, сделанного рабочим классом, что хотя фритрадеры не устают громко заявлять о своих благих намерениях, каждый поступок их обнаруживает жестокую решимость поставить труд в кабалу капиталу.

Совершенно ясно, что замена слова „фритрадеры“ словом „предприниматели“ не только искажает О'Конноровскую мысль, но и вообще превращает ее в бессмыслицу.

Бер: Помешки в общем обращаются со своими рабочими хорошо, и контролируются общественным мнением своего класса, меж тем как фабриканты не знают иного правила, как покупать дешево и продавать дорого.

Оригинал: Труд (рабочая сила) рабочих составляет их единственную собственность, и если бы нам пришлось отказаться от надежды когда-либо добиться справедливого представительства их в парламенте, свободно избранном всем народом, и если бы мы стояли перед страшным альтернативой подчиниться власти одних или других (ториев-помещиков или вигов-фабрикантов), то у нас возник бы вопрос: кто из них наиболее заинтересован в подчинении труда своей воле и своему контролю — помещик ли, у которого работают сорок или пятьдесят человек, который в обращении с ними будет

подчинен кой-какому легкому контролю со стороны общественного мнения и даже может, если будет плохо обращаться с ними, подвергнуться, в виде исключения из общего правила, порицанию в палате общин, или фабрикант, у которого работают от одной до четырех тысяч человек и который, будучи связан с другими фабрикантами солидарностью деспотизма, не подлежит никакому контролю и никакому соперничеству, так как все она одинаково заинтересованы в том, чтобы покупать дешево и продавать дорого?

Читатель видит, как изуродовал Бер мысль О'Коннора. Нигде он не говорил, что помещики хорошо обращаются со своими работниками. Он лишь говорил, что общественное мнение его класса — класса аристократии — может возыметь кой-какое легкое действие на плохих помещиков, удерживая их от слишком дурного обращения с работниками, так как в те времена кое-где сохранились еще старые патриархальные отношения в деревне. О'Коннор допускает даже, в виде исключения, критику в палате общин, где заседают фабриканты, которые рады будут изобличить темные стороны помещичьего режима. Но дальше этого О'Коннор не шел, и хотя вполне ясно, что в случае возникновения такой «страшной» альтернативы, как неизбежный выбор между помещиками и фабрикантами, он предпочел бы яро помещиков, однако он альтернативу самое мыслит гипотетически, на случай если бы рабочему классу никогда не удалось освободиться от экономической кабалы вообще.

Бер: Торговля и индустрия денационализировали англичан и сделали их космополитами.

Оригинал: Ниг больше уже не означает политика, который будет сопротивляться нарушениям конституции, гарантируемой великой хартией и биллем о правах и утвержденной революцией 1688 г. Ниг сейчас означает человека, который может достать себе парламентский мандат на основании заявления, что он — космополит, а не какой-нибудь англичанин.

Бер самым недобросовестным образом искажал мысль О'Коннора, который ничего подобного тому, что ему вкладывает в уста Бер, не говорил. О'Коннор только пустил стрелу в Кобдена, который разыгрывал из себя «европейца».

Этот пример извращения или непонимания мыслей недобрых сердцу Бера теоретиков и вождей чартизма, является, повторяю, не единственным случаем, а именно характерным приемом его, и поэтому его книгой следует пользоваться весьма осторожно. Я не могу однако удержаться, чтобы не привести еще другой пример, аналогичный разобранным. Бер по любит также и О'Брайена, и на стр. 307 цитирует его слова: «я предпочитаю торн-демократа либеральному фронтрэдери», из которых читатель может легко вывести заключение, что наиболее выдающийся теоретик в чартистском движении был, в сущности, социалист феодально-романтического типа в духе тех, которых высмеял Коммунистический Манифест. На деле вот что Брайен думал:

«Мне часто ставят вопрос: кого вы предпочитаете — прежних ли депутатов или новых, помещиков или капиталистов? Я на

это никогда не отвечал прямо, а говорил приблизительно в этом роде: я не предпочитаю ни одного из них, но все же я ненавижу капиталиста больше. Если бы судьба предоставила нам выбор только между обоими ним, то я, без сомнения, предпочел бы вечность с помещиком вечности с капиталистом. Но так как я с полным основанием надеюсь, что придет время, когда мы освободимся от обоих, то я предпочитаю новых людей прежним, ибо они скорее приведут нас к ожидаемому порядку, чем последние».

Это — как раз то самое, что говорил и О'Коннор и что также говорил... Маркс в заключении своей речи о свободной торговле. А Бер процитировал одну фразу без контекста в то время, как он непосредственно перед этой цитатой приводит другую из того же места («National Reformer», 11 февраля 1837 г.), на которое он тут же делает выноски! Трудно сказать, недобросовестность ли это или простая небрежность.

Шлюттер (Hermann Schlutter) был автор анонимно выпущенной в 1887 г. в германском партийном издательстве брошюры под заглавием: «Die Chartistenbewegung in England». Это было во время исключительных законов против социалистов, и Шлюттер эмигрировал в Америку, где редактировал известную нью-Йоркскую «Volkzeitung». Как он рассказывает в предисловии к своей большой книге, его побудил опять ввязаться за эту тему интерес, который он всегда питал к чартизму, но, узнав, что её также обрабатывает Бер, он оборвал уже начатую работу, пока не убедился, когда книга Бера вышла, что его взгляды не совпадают с его сочинениями. Тогда он вновь взялся за работу и довел ее до конца. В результате получился том в 350 страниц убористого шрифта — больше того, что Бер отводит чартистскому движению в своей книге. К сожалению — и это необходимо отметить с самого же начала — этот труд мало самостоятельный. Шлюттер, правда, много цитирует, но не говоря о том, что большее число этих цитат приходится на такие общезвестные источники, как Гаммадж и Ловетт, и что он широко пользуется материалами, собранными другими авторами, как Мумианский, Бер и пишущий эти строки, он нередко делает выноски на первоисточники вроде «Northern Star» и другую чартистскую литературу в то время как на деле он записывал приводимые им извлечения из вторых рук. Это доказывается тождеством немецкого переводного текста. На стр. 101, напр., он цитирует речь Аттвуда в немецком переводе и делает ссылку на «Birmingham Journal» от 26 мая 1838 г. Та же цитата в тех же словах имеется у Тильдеса на стр. 37 с той же ссылкой. Так как книга Тильдеса вышла на 18 лет раньше, то ясно, кто у кого позаимствовал. Или на стр. 146—7 имеется у Шлюттера резолюция, предложенная О.Б. айеном на конвенте 1839 г. по вопросу о хлбных пошлинах, с ссылкой на «Northern Star» от 20 февраля 1839 г. Та же резолюция в том же переводе с той же выноской имеется у Тильдеса на стр. 82—3. В своем предисловии он упоминает, что пользовался моими цитатами из чартистской прессы, которые я привожу в своей работе о «Verkünd'g des Klassenkampfes»; но он, пользуясь этими выдержками в самом тексте,

делает выноски прямо на чартистскую прессу, не упоминая, что он их заимствует из вторых рук. Эта клентомания доходит у него иногда до курьезов. На стр. 106 он приводит заявлении одного из членов бирмингемского политического союза, которого он называет Мюнн (Мину). Читатель, знакомый с историей чартистского движения, будет стирать свой лоб, стараясь вспомнить, что такое был этот Мюнн, и, наконец, придет к заключению, что это, вероятно, опечатка вместо Мунц (Muntz), известного сподвижника Аггнуда, который был членом черного конвента, а потом переметнулся в другой лагерь и, носив на судейскую скамью, посылал своих прежних товарищей в тюрьму. Но эта догадка окажется неправильной или, скорее, недостаточной: «Мунц» — действительно, опечатка, но у... Тильдеса, у которого этот герой фигурирует под этой искаженной фамилией (стр. 38 и 39) и у которого Шлюттер позаимствовал его с той же опечаткой и с его декларацией и с авторской выноской на бирмингемскую газету.

Плохо и то, что Шлюттер заимствует без разрешения не оды цитаты. Он заимствует также идейные результаты чужих трудов — правда, не всегда без указания авторов, но без самостоятельной проверки или дополнения их, — как школьник, копирующий на заданную тему из понавиших ему в руки книг. Пумпнянский написал два небольших исследования по ранней истории английского рабочего класса, в которых он анализирует социальный состав его и приводит некоторые им найденные подробности из первоначальных фаз рабочего движения. Многие в них весьма ценно, но кое-что и спорно, и Шлюттер, вне, так сказать, времени и пространства, а возвращаясь к предмету, однажды им уже изложенному, заимствует анализ Пумпнянского и догматически излагает его содержание с простой выноской на автора, как если бы это был какой-нибудь первоисточник. В таком же роде он пользуется моими работами. Конечно, авторам должно быть приятно, если с ними обращаются, как с авторитетами, стоящими выше всякой критики или поправки, но человек, пишущий серьезный труд, должен уметь работать более самостоятельно.

Наконец, необходимо отметить, что в книге попадаются и фактические ошибки или описки. На стр. 40, он упоминает о законе 1819 г. как «первом законе по охране труда». Это, конечно, неверно: первый закон был издан в 1802 г. На стр. 135 и других он называет известного министра Джона Рёсселя «сэрэм». Конечно, Рёссель был лорд. Таких мелких ошибок не мало.

Несмотря на все это, несмотря также и на литературные дефекты (книга написана сухо и, в особенности, в первой части страдает и архитектурно), работу Шлюттера следует признать весьма ценной, благодаря своему лево-марксистскому подходу к тем и ее деталям. Я совершенно не вижу, как можно написать хорошую историю такого революционного массового движения, как чартизм, не будучи марксистом; напротив, быть образным марксистом значит уже нелегко справиться с той задачей, которая встает перед историком, начинающим разбираться в огромном лабиринте материалов по чартизму. Шлюттер, не будучи весьма ученым исто-

риком и искусным литератором, все же научил, хотя бы, в значительной мере, из вторых рук, историю чартизма в, будучи левым марксистом, он сумел дать читателю едва ли не самую полезную из всех имеющихся работ в этой области. Введение и первая часть посвящены подготовительному периоду, т.-е. промышленной революции и зачаткам профессионального и политического движения рабочего класса вплоть до участия в борьбе за билль о реформе 1832 г. и распада революционного трэд-юнионизма. Обнимаемая всего 80 страниц, эта часть весьма недостаточно освещает этот чрезвычайно важный период созревания революционного политического выступления английского пролетариата в недрах молодого капиталистического общества, и надо полагать, не подвернись автору под руку работы Пумпянского, результат был бы еще беднее. Вторая часть, обнимающая историю самого движения от оформления его в 1838 г. до неудачи 1848 г., изображает основные моменты чартистской борьбы с отдельным экскурсом о борьбе с кобденской лигой. Как марксист, он гораздо больше других освещает знаменитый спор о «физической» и «моральной» силах и вскрывает те тенденции и сторону коммунизма, носителями которых были Харней и Эрнст Джонс, будущие друзья Энгельса и Маркса. Нужно отметить, что события 1848 г. у Шлюттера, как и у других историков, освещены весьма слабо. В третьей части он подробно останавливается на теоретических учениях чартистов и их тактической позиции по целому ряду вопросов. Выделение этого комплекса тем из общего изображения движения — с литературной стороны неправильно, но оно все же полезно в том смысле, что дает читателю возможность в одном месте ознакомиться с экономическими, политическими и социальными воззрениями чартистов. Эта часть — наиболее самостоятельная во всей книге в том смысле, что автор впервые пропел группировку известных фактов так, чтобы осветить всю теорию и практику движения. Пробелы, конечно, и тут неизбежны, но общая картина набросана правильно и достаточно полно и возбуждает интерес у читателя. Заключительная небольшая часть трактует исход движения, который Шлюттер старается объяснить отсутствием в нем ясно з фиксированной цели. Это объяснение — очень трафаретное и противоречит фактам. У чартистов были очень и очень определенные цели — завоевание политической власти и переустройство общества; но они не в состоянии были их осуществить потому, что капитализм был уже молодой гигант, а самый пролетариат еще только формировался. Подробного научного анализа причин и процесса распада движения у него нет, как нет соответствующего анализа причин и процесса его начальных этапов. К концу книги приложены тексты «хартии прав человека», составленной О'Брайеном еще в 1834 г., речь пастора Стивенса в 1839 г. и постановлений чартистской конференции 1851 г. Последние два документа в свое время были приложены и в брошюре Шлюттера, которая, как обнаруживает сравнение текстов, вообще служила текстуальной и идейной основой для его большой работы. Меж тем между обеими работами лежит промежуток в тридцать лет, и за это время, казалось бы, появилось много свежего материала

и накопилось немало нового политического опыта, в свете которых можно было бы, пожалуй, написать историю чартизма и без помощи старой популярной брошюры.

Две дальнейшие работы изданы известным семинарием чикагского проф. Зеллмана и представляют, повидимому, диссертация на подобные работы Тильдесей. Первая из них, *Розенблатта*, охватывает период до конца 1839 г., а вторая, *Слоссона*, весь остальной период до 1848 г. включительно. Обе работы, таким образом, дополняют друг друга. Оба автора, повидимому, еще начинающие ученые, но им нельзя отказать в добросовестности и видимом старании быть объективными. Розенблатт отмечает тот факт, что чартистское движение до сих пор «молчаливо игнорировалось» историками, и что отдельные личности того периода от Ресселя до Кобдена в гораздо большей степени привлекали их внимание, чем революционное движение, в котором участвовали миллионы и которое вызвало общественное мнение в течение более десяти лет. Его собственное изложение перипетий этого движения, однако, не отличается большими достоинствами, и самое ценное в его книге—это вступительные главы, обзорающие развитие идеи парламентской реформы, начиная с последней четверти XVIII-го столетия до 1832 г., и присущие картину режима, введенного вгипам после захвата ими власти. Несмотря на чрезвычайную краткость этих глав, читатель получает довольно ясное представление о характере нового буржуазного порядка, об ужасах нового закона, о бедных и о положении рабочего класса в тридцатых годах. Как раз эти главы хорошо документированы, при чем источники, из которых автор черпал, нередко такие, которые другими авторами совершенно игнорируются. Ценны в этом отношении данные, которые он добывает из отчетов и докладов комиссии по проведению нового закона о бедных. Эти главы дают читателю видеть, как неизбежен был взрыв, выразившийся раньше в революционном трад-юмпонизме, а затем в чартизме. К сожалению, дальнейшие главы носят более или менее трафаретный характер и не обнаруживают в авторе ни эрудиции, ни оригинальности.

Слоссон, повидимому, читал больше, и он в особенности много использовал парламентские дебаты и доклады парламентских анкет. И он, и Розенблатт, однако, не использовали вовсе «*Northern Star*»—вероятно потому, что в Америке его нельзя было достать. И у него аналитические главы более ценны, чем описательные. Глава, посвященная положению рабочего класса после 1842 г., особенно интересна тем, что автор, на основании цифровых данных, доказывает улучшение конъюнктуры после этого года и объясняет этим наступивший период упадка чартистского движения. Он пытается даже, но без успеха, установить полный параллелизм между движением заработной платы и цен, с одной стороны, и кривой движения—с другой, для чего пользуется многими интересными источниками. В одной из глав, тоже принадлежащей к наиболее интересным и документированным, он исходит из того, что «чартизм был не только экономическое, но и классовое движение» и обозревает цели движения и те конкретные вопросы момента, вроде ве-

мельной монополии, налогового бремени, хлебных пошлин и общественного призрания, на которые чартисты искали ответы. Как и большинство других историков, он заключает свой очерк анализом результатов, достигнутых чартизмом как движением и как идеей, и рисует трагический конец большинства его деятелей. В общем работы обоих американских авторов не могут, конечно, претендовать на исчерпывающую трактовку предмета даже в тех узких рамках, которые они себе поставили, но они несомненно, представляют полезный вклад в историческую литературу по чартизму. Стоит отметить, что к той же серии принадлежит еще третья работа некоего Фокнера (H. U. Faulkner): «Чартизм и церковь», но она трактует специальный и не особенно интересный предмет.

Значи сильнее обеих этих диссертаций книга *Ховеля*, который довел историю чартизма до лета 1842 г. и был в 1916 г. убит на войне, не успев закончить ее. Рукопись была приоткрыта к печати профессором Таутом (Taut), который совершенно напрасно прибавил от себя длинную заключительную главу, доводящую историю до 48 г., на основании заметок, оставшихся после автора, и книг Доллмана и других американских авторов, только что нами цитированных. Сам Ховель основывается, главным образом, на материалах Шюса, во вторую очередь на полицейских архивах министерства внутренних дел и чартистской прессе, в том числе и «Northern Star». Впрочем, полицейские архивы были использованы автором лишь для определенных периодов, а именно конца 1839 г. и начала 1848 г., отмеченных с прениями правительственным репрессиями: Ховель почерпнул отсюда некоторые донесения шпионов и провокаторов, характерные не столько для событий того времени, сколько для самих авторов их. Так как книга была прорецензирована другим лицом, которое само признает в предисловии, что ее окончательная форма представляет, вероятно, не что иное, чем то, что вышло бы в последнем счете из-под пера ее подлинного автора, мы на деле имеем налицо соединенный труд двух человек, и что следует приписать Тауту и что — Ховелю, решить трудно. Но для наших целей это не важно. Важно то, что этой книгой, по видимому, начинается, и конец, участие самих англичан в разработке истории чартистского движения, привлекавшего до сих пор внимание, главным образом, иностранцев, так как одновременно, как оказалось, над тем же предметом работал и Вест, книгу которого мы обозреваем ниже, и из предисловия Таута видно, что предметом заинтересовался ряд и других лиц. Если так, то, согласно обычной схеме, принятой у англичан, по которой неприятный исторический эпизод сначала совершенно заглаживается, потом умалчивается, затем дает повод к жосточайшим нападкам и лишь впоследствии получает право на объективное научно-изучение, мы сейчас, в отношении к чартистскому движению, стоим в начале третьего периода у Ховеля, как и у Веста, нет ни капли сочувствия к чартизму, зато имеется много нападок, много злобствования, много самой несправедливой критики. В сущности для Ховеля и чартистском движении есть лишь одно светлое пятно: это — личность и деятельность Ловетга. Ловетг —

это редкий идеалист и мудрец, и все, что он предпринимал и что он представлял, т.-е. то, что мы сейчас называем мелко-буржуазным соглашательством, является для Ховеля предметом безусловной хвалы. Напротив, все остальные взгляды, но в особенности О'Коннор, и все то, что они делали,—это сплошная демагогия, невежество, шарлатанство, обман, эксплуатация, даже нажива. Неудивительно, что на первой же странице Ховель определяет чартистское движение, которое доминировало именно этими «демагогами», «невеждами», «шарлатанами», и пр., как «попытка со стороны менее образованной части общества пронести законодательные меры для нового, поразительного состояния общества, явзы которого более просвещенная часть не могла или не хотела достичь». Ховель, который, кстати сказать, был лектором по истории при очень известной в Англии «ассоциации рабочего образования» (Workers' Education Association), основанной и руководимой коллегой из буржуазных и фабианских ученых и представителем традиционной «головки», занимает от начала до конца враждебную чартизму позицию, критикуя каждое его выступление и оправдывая всех его врагов, от Ловелла до правительства лорда Джонса Расселя. При всем том, однако, его работа не лишена достоинств. Он собрал хороший материал, обработал его весьма толково, и изложил то, что имел сказать, связно, складно и деловито. Конечно, его кругозор был очень ограниченный, и читатель напрасно стал бы искать у него углубленных толкований движения и его отдельных перипетий. Он не дает нам такого анализа экономических или социально-политических воззрений чартизма, какие мы находим у Тильтнера или Шлюттера, и он фактически обходит молчанием параллельные тогда движения оуэнизма, фриттредерства, фабричного законодательства, останавливаясь, главным образом, на весьма и весьма важной, правда, но все же не исчерпывающей тогдашнюю обстановку борьбе против нового закона о бедных. Но он дает нам хорошую картину положения рабочего класса в тридцатых годах и, в особенности, дает ценные сведения о состоянии «ручных» ткачей и чулочников—двух категорий, на которые с особенной тяжестью обрушился новый закон о бедных—и передает в сжатой, но толковой форме учения ранних английских социалистов, которые он правильно разделяет на три группы аграрные (Спенс, Огилви и Пэй), антикантилистические (критические скорее, чем положительные: Хол, Хеджесин, Грей, Годвин) и коммунистические (Оуэн, Томсон, Брей). В дальнейшем он плавно переходит от подачи второй позиции в середине 1842 г., останавливаясь подробно на конвенте и на судьбах движения непосредственно после кризиса конца 1839 г. Он весьма одобрительно отзывается о правительстве, которое давало чартистам говорить в конвенте и на митингах, сколько им было угодно, а потихоньку принимало военно-полицейские меры для сокрушительного удара, и хотя даже из его собственного изложения видно, как мало церемонилось правительство с законностью и конституцией и как беззастенчиво оно пускало в ход самую грубую провокацию, он не находит для него никаких слов порицания и без возмущения, а как-то вскользь упо-

минает о жестоком обращении с чартистскими вождями в тюрьме. Тут же, в этих главах, читатель найдет любопытную историю относительно происхождения ньюпортского «восстания» по версии Давида Эркорта (ида вымышленного дельца Лолли Эркорта), отчаянного руссофоба того времени, который видел в вооруженном выступлении южно-уэльских шахтеров дело русских агентов. Последняя глава, написанная Таутом, не претендует на оригинальность и, действительно, весьма поверхностна. Заключительные слова ее, однако, не лишены интереса. В перемешку с изречениями либеральной мудрости вроде того, что британская демократия осуществила лозунги чартизма и доказала возможность осуществления реформ без всяких сотрясаний, мы находим следующие мысли: «В период расцвета чартизма общественное (читай: буржуазное) мнение боялось его и боролось с ним. В следующий период авторитетные историки политических и парламентских событий преуменьшали его значение и поверхностно трактовали его деятельность. Но чартизм, в действительности, отмечает новую эпоху и нашей (английской) социальной и политической истории. Он был первым в новое время движением, начатым рабочим классом и руководившимся им. Даже его неудачи имеют воспитательное значение... Но не только для Англии... Это было первое полностью-демократическое движение за социальную реформу в новое время. Это было первой стадией многоязычного движения, перенесшего буржуазные лозунги свободы, равенства и братства из чистого политической и юридической в социальную область, и явилось, таким образом, бессознательным родоначальником континентальной социал-демократии... Первые стремления к международному братскому объединению исходили от чартистских вождей, и их методы изучались континентальными революционерами и приспособлялись к условиям соответствующих стран... Европа все еще полна классовой борьбой, Интернационалом и другими разлагающимися тенденциями, начало которых можно найти у чартистских родоначальников... и многие проблемы, над которыми ломают себе головы реформаторы, были в первый раз поставлены чартистами». Для буржуазного профессора это не дурно!

Вест, автор последней из рассматриваемых нами книг, имел такую же судьбу, как Ховель: и он умер, не успев издать своей книги. Но он успел ее вполне приготовить для печати: фактически она была уже закончена, когда проф. Тауту пришлось ввязаться за редактирование Ховелевской работы. Весту попались те же наивные материалы, которые разрабатывал Ховель, но в общем его материал свежее и разнообразнее. Но Вест не был даже профессиональным историком. Он был журналист из фабианской школы, и отличался всеми недостатками своей профессии и своего политического родства. Развязный, заносчивый, самоуверенный и, в основе, реакционер. Вест нимало не был подготовлен к своей серьезной теме и, поэтому написал удобочитаемую книгу, не лишенную остроумия и яркости, но слишком легковесную даже для Англии. Читая его, не трудно видеть, что он не стесняется говорить с дипломом о вещах, в которых в сущности он ничего не знает, и его характеристики дея-

телей, его отзывы о самых крупных событиях проникнуты нередко непростительным легкомыслием. «К середине сороковых годов», пишет он, «Фридрих Энгельс жил уже в Англии и усердно работал над формулировкой теорий, которые он впоследствии преподавал своему другу, учителю и ученику, Карлу Марксу». «Харней (на банкете «демократической ассоциации» в 1845 г.) говорил в духе крайнего республиканизма, а Купер произнес тост в честь Мадонни в речи, которая показывала, что его отменные и обильные излияния чувств возбуждены были напитками, которые он вкусил за ужином». «Бамфорд (старый радикал) был нечто вроде звена между буржуазными реформаторами и рабочими клубами, где вопросы о годичных парламентах и всеобщем избирательном праве обсуждались в атмосфере, полной пивом и дошевым табаком». «Коббет в огромной степени умножил веселье всех народов тем, что привез с собой обратно из Америки останки Томаса Пэна. Он хотел, чтобы им оказали национальные похороны, но ни один человек не отнесся к этому серьезно, и родственники Пэна показали вид, что им это очень неприятно». С той же грациозной легкостью он называет Картрайта, отца радикализма, «надоедливый стариком», который «50 лет говорил одно и то же и стал через это идолом радикалов-реформаторов»; значение Томаса Пэна с его «невежественными» теориями он объясняет тем, что «в стране слепых и одноглазый будет вождем»; Телуол был просто «уличный говорун»; Оуэн был «по части экономики совершенно необразованный человек, и его взгляды были совершенно примитивны: он думал, что труд есть мера ценности: а что до О'Брайена, то он одобрительно приводит отзыв своего героя Пэна «величайшего организатора, какого английская демократия когда-либо имела», что он «на три четверти был полоумный и дикий» и болтал «вздор». Конечно, О'Коннор «обладал большинством качества великого демагога и всеми недостатками политика низкой марки». Описывая действие парламентской реформы, он говорит: «Став законом, этот акт оказал любопытное (sic) психологическое действие на сознание рабочего класса... Они должны были почувствовать острое разочарование и недовольство, благодаря своей беспомощности... Организованный рабочий класс оказался в несчастном положении дикого племени, которому удалось, ценой значительных усилий и жертв, отбить чудотворного петушана, который, однако, оказался совершенно бесполезным чурбаном». И это по поводу исторического события, сыгравшего революционную роль в английской истории! О конституции он говорит: «в самом имени уже было что-то возмущающее, но в 1839 г. свобода собраний и агитации не была еще установлена, и приятное волнение от мысли о совершенении не законного поступка можно было легко получить ценой присутствия на чартистском митинге».

Этих образчиков достаточно, чтобы видеть, в каком духе написана эта книга. О серьезной истории тут не может быть и речи. Промышленная революция, экономическое положение рабочего класса, борьба против всякого закона о бедных, борьба с бедняками, агитация за сокращение рабочего дня, экономическое и социальное

учения чартистов—все то, о чем каждый даже начинающий историк чартистского движения будет и обязан говорить, совершенно отсутствует в работе Веста, любимца Сиднея Неба (как мы узнаем из приложенной к книге биографии его) и непримиримого противника большевизма в Советской России (там же). Кончает он такой философией:

«Если судить по количеству выданных им к жизни статuten и статуи (sic), то чартизм окажется неудачей. Если же судить по его основной и часто игнорируемой цели, то чартизм имел успех. Он добился, правда, не своих шести пунктов, но создал состояние ума. И это достижение сделало возможным тридцатипятилетнее движение пятидесятих годов, постепенное развитие организации рабочего класса, рабочую и ртнюю, кооперативное движение и все те великие победы, которые еще предстоят рабочему классу в будущем». Другими словами, чартизм имел тот успех, что на его развалинах создалась та реакция, которая нашла себе выражение в аполитичном тридцатипятилетии следующих десятилетий, меланхолическом кооперативном движении, соглашательской рабочей партии и предстоящей в недалеком будущем «херингине»! Дальнее фабриканское понимание истории не может идти.

Английский дебют в области историографии чартизма оказался, несмотря на свое запоздание, довольно неудачным. В общем, несмотря на усиленное внимание, которое оказывалось чартизму за последнее время, он все еще, можно сказать, не нашел себе достойного историка. Вуржуазный ученый не в состоянии понять и оценить это движение: историк-марксист, который обладал бы ученостью, повидимому, еще не родился для этой темы, требующей большого кропотливого труда в библиотеках и архивах Англии. Наиболее полной п. с точки зрения подхода и толкования, наиболее полезной, хотя в то же время и наименее самостоятельной п. в литературном отношении, слабой, является все же работа старого социал-демократа Шлюттера.

Ф. Ротштейн.

Обзор литературы о революции 1848 года.

Революции 1848 года в различных странах Европы сильно привлекали внимание русского радикализма и социализма. Были и личные участники «этого безумного года», оставившие литературные воспоминания об этих событиях (Герцен, Бакунин и Тургенев). Позже мы видим, как ряд исследователей, обращаясь, главным образом, к Франции, пытался выявить условия хода революции там (Чернышевский, Михайлов-Шеллер, Жуковский и др.). Но особенный характер революции, отмеченный еще Марксом, лишил возможности высказаться с полной определенностью по вопросу до революции 1905., когда появляется обширная первоисточниковая и оригинальная литература.

Настоящий обзор ставит своей задачей напомнить читателю о том материале о 1848 г., который мы уже имеем в русской литературе. Совершенно не привлечена литература на иностранных языках, и вот почему: в Институте Маркса-Энгельса теперь сосредоточена громадная коллекция книг и источников по этой эпохе, и одно только описание этого материала потребовало бы сотни страниц; во-вторых, большинство иностранной литературы недоступно для наших читателей.

Изложение идет по такому плану. Материал берется, главным образом, по двум странам, Франции и Германии, и по каждой стране описывается по ряду основных вопросов.

1.

Наибольшее значение из революций 1848 г., конечно, имеет революция во Франции, которую еще Маркс определил, как буржуазную революцию с социальными реформами, и в которой впервые выступил, как класс, пролетариат, выступивший затем в открытое единоборство с буржуазией и потерпевший поражение в июньские дни 1848 г.

Сам Маркс дал оценку этих событий, по существу остающуюся самой основной и до сей поры (при чем дальнейшие работы только дорабатывают его положения) в «*Борьбе классов во Франции в 1848—1850 г.*».

Имеется в целом ряде переводов: 1-й перевод Ф. Канелюта, Женева, 1903 г. Типография Союза р. с.-д.; 2-й перевод Ф. Ка-

пелюша. Изд. М. Матых. СПб. 1905 г.; 3-й перевод того же под редакцией Кричевского. Изд. «Буревестник». Одесса 1905 г.; 4-й перевод того же, под редакцией Кричевского, Изд. Алексеева. Одесса 1905 г.; 5-й перевод Н. Л. Д-он и Я. Б-ка. Изд. Б-ка Просвещения. СПб. 1906 г.; 6-й перевод Лемберг и Таугмина. Изд. «Молот». СПб.; 7-й перевод с французского под редакцией В. Шаннера. Изд. «Колокол» — Мягкова. Москва 1900 г.; 8-й пер. Базарова и Степанова в сборнике — «Исторические работы Маркса». Изд. — «Скирмунт», СПб — Москва 1906 г., стр. 3-133; 9-й тот же перевод в Собрании сочинений Маркса и Энгельса. Т. III, стр. 25-127, «Госиздат» — Москва, 1921 г., 10-й перевод Ф. Канелюша под редакцией Кричевского. Изд. «Союз Коммунист. Области». СПб. 1919 г.

Очень важным дополнением к этой работе является предисловие Энгельса, обозначенное мартом 1895 г. и имеющееся во всех изданиях. Предисловие это часто цитируется сторонниками реформизма и ревизионизма, как будто бы свидетельство отказа Энгельса от революционной тактики, что, конечно, неверно.

Продолжением «Борьбы классов» и его завершением является «18 Брюмера — Луи Бонапарта», которое показывает неминучесть воцарения даже этой карикатуры на демократический цоляризм Наполеона I после поражения революции 1848 г.

Работа эта также имеется в ряде изданий: 1-й перевод В. Кричевского. С-д. Б-ка, сер. 2-я, вып. 1-й. Женева 1894 г.; 2-й тот же перевод — Биб-ка русского пролетария — 40, Изд. Кулигина. Женева 1905 г.; 3-й тот же перевод — Необщая Б-ка Львовича — СПб. 1900 г.; 4-й перевод под редакцией Н. Рожкова. Изд. — «Колокол» — Мягкова. Москва 1900 г.; 5-й без указания перевода. Изд. «Молот». СПб. 1905 г.; 6-й перевод Р. Асе. Изд. Б-ка Просвещения. СПб. 1906 г.; 7-й перевод Базарова и Степанова — «Исторические работы Маркса», стр. 143-208. Изд. Скирмунта. СПб. — Москва. 1900 г.; 8-й тот же перевод в Собрании сочинений Маркса и Энгельса. Т. III, стр. 129-232. Госиздат. Москва 1921 г.; 9-й перевод под редакцией Н. Рожкова. Изд. — Новор. Харьков 1918 г. — (книге предпослано коротенькое предисловие Энгельса к третьему новому изданию).

Очень интересным является сопоставление взглядов Маркса со взглядами на эти же события в истории Франции Чернышевского в его статьях: «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» — («Современник» 1858 г. кн. 8 и 9, соч. Т. IV стр. 154—219); «Политическая монархия» — («Современник» 1860 г. кн. 1-я, 2-я и 3-я. Соч. Т. VI, стр. 53-150), и «Кавказцы» — («Современник», 1858 г., кн. 1-я и 3-я. Соч. Т. IV, стр. 1-49). Особенно интересны последние статьи, где Чернышевский очень близко подходит к Марксу в характеристиках событий и деятелей. Интересна его характеристика и либерализма Ледрю-Ролленовского толка: здесь

Чернышевский расправляется с половинчатым русским либерализмом.

С фактической историей событий февральской революции можно познакомиться по ряду работ, имеющих чисто описательный характер.

«История французской революции 1848 г. и вторая республика». Эрнтье дает связный подневный рассказ событий, очень к тому же подробный; вместе с тем автор старается дать и оценку событий с марксистской точки зрения.

Работа Эрнтье — «История Французской Революции 1846 г. и вторая Республика» — имеется в двух переводах: 1-й под редакц. и с пред. Н. Румянцова, с приложениями д'авлеппи Эйхгофа и Бернштейна и с заключительной статьей Бернштейна; «От второй империи до третьей Республики»;

— этот перевод имеется формально даже в двух изданиях. 1-е изд. «Колокол» — Мягкова. СПб. 1907 г.; 2-е изд. Дороватовского и Чарунникова. СПб. 1907 г. По существу же 2-е издание не является новым изданием. Это собственно издание Мягкова, но оно было выпущено ради цензуры лишь в иной обложке. 2-й перевод Гинсбурга. Изд. — «Новый Мир», 1907 г. Это издание без добавлений и заключительной статьи Бернштейна.

В этом отношении наиболее подробную оценку событий дает книга Ж. Ренар — «Республика 1848 г.» (1848-1852 г.г. с предисловием А. Мильерана), перевод с франц. М. Кропоткина и А. Певзнера. «Бятское Т-во». СПб. 1907 г. 2 — печ. Госиздатом. Книга эта составляет IX том известной серии Жореса — «Социалистическая история» и является лучшим пособием для изучения социальной истории 48 года. Последнему вопросу посвящена вся вторая часть книги.

Из старых изданий подробный рассказ о событиях дается в книге Гарны-Пажес — «История революции 1848 г. Франция. Февральская революция» т. 1-й и 2-й. СПб. Бакст. 1862 г. Книга эта дает очень подробный подневный рассказ одного из член в Бременного Правительства, почему она является одновременно и воспоминаниями.

Такой же характер воспоминаний и даже самооправдания носит книга Луи Блана — «История революции 1848 г.» — Перевод С. Ч. в критическом очерком Е. Колбасина о Лувблановском социализме (Изд. В-ки Обществ. Пользы. СПб. 1907 г.).

Известны также личные воспоминания Гейне о февральской революции (собр. соч. т. IV. Изд. Маркса, приложение к «Швей»).

Очень живо написаны воспоминания Даниэля Стерн — (графини д'Агу) — «История революции 1848 г.» (имеется два издания: 1-е в переводе карийцен-каторжан. П. д. Львовича. СПб. 1907 г. и 2-е под редакц. Н. Кудрина. Изд. Павличина-Истрева и Кудрина. СПб. 1907 г. оба в двух томах). Особенную ценность этому изданию придают многочисленные документы, приложенные к книге — поздравления, декларации, декреты и т. п.

Характер личных свидетельств носят и описания Герцена о 1848 г. — Начало революции он пережил в Гаме, в Париже он был

свидетелем угасания революции. Он оставил нам необыкновенно яркие впечатления: в книге «С того берега» гл. 2-я, «После грозы» — впечатления от июньской бойни, и дальнейшие главы все насыщены переживаниями и боями этого года; надо помнить, что за участие в демонстрациях Горы 13 июня 1849 г. Герцен должен был поехать в Францию; описание этой демонстрации Герцен дает в гл. XXXVI «Былого и Дум»; кроме того, глава XLII дает общую характеристику 1848 г. Очень важный материал дают также «Письма из Франции и Италии», которые Герцен писал в 1847—1851 г.г. Первые четыре дают предреволюционную Францию, которая своей буржуазией вызвала острую ненависть к западу Герцена; 5—8 писаны в Италии и дают наброски тамоншей революции; 9—11 снова посвящены Парижу, куда Герцен поехал 5 мая 1848 г. и последние 12—14 в Ницце, где Герцен поселился после своего изгнания из Франции.

Затем Герцен в очерке «Доктор, умирающий и мертвые» (1869 г.) (и печатано впервые в «Сборнике посмертных статей» 1870 и в XXI т. сочинений (СПб. 1923) стр. 453), на закате своей жизни снова дает картину событий февраля и в особенности злую характеристику членов временного правительства.

Тургенев в рассказе «Наши послали» — (Т. 1-е сочинений, изд. 1883 г.) и в очерке «Человек в серых очках» передает свои личные впечатления. В первом рассказе он говорит о бдущике, который нашел возможным в кровавые июньские дни пронести через баррикады и через никеты мобилей, приехавшего к одному русскому, ребенка; а во втором рассказывает о своих встречах со диними низшими агентов-провокаторов — июньских победителей, до и после революции.

Оба эти рассказа и воспоминания Герцена необыкновенно удачно передают тот дух 48 года, который Ж. Гюсар в одной из своих парижских лекций передает словом «религиозная вера в уже пришедшее царство божие на земле» — и июнь жестоко разбил эти иллюзии.

Очень подробно события 48 г. изложены с определенным духом в книге Грешуара — «История Франции в XIX веке» — Перевод М. Лучицкой, под редакц. Н. Лучицкого. Изд. Солдатенкова. 1894-1896 г.; том 2-й описывает самую революцию в феврале; а 3-й дает историю 2-й республики. В 5-м томе «Истории XIX века» — Ливисса и Рамбо — (Изд. Гранат) есть сухая и сжатая статья Сенюбоса — «Революция 1848 г. и реакция во Франции» — (стр. 1-26). Имеется специальная глава о том же и в «Политической Истории Европы» — Сенюбоса, недавно снова выпущенной Госиздатом. Кроме того, имеются довольно обширные главы об этом же в «Общих Историях XIX века» — А. Файфа, Торсоз, Эпирюза, Мореншала, Пфлуг-Гартунга. Более подробно описывает эти события и дает их оценку Карсес в 5-м томе своей «Истории Европы в новое время», а в своей «Истории Франции в XIX веке» — (гл. 5-я. Изд. Брокгауз-Кфрон. СПб. 1902 г.).

На русском языке существует две большие оригинальные работы о революции 1848 г. С. Лозинского — «История второй Французской Республики» — (Изд. Ганин и Потанова. Харьков 1904 г.) и проф. Э. Гримм — «Революция 1848 г. во Франции». — (Часть 1-я — Под-

готовка революции». Часть 2-я — «Февральская революция». Изд. Брокгауз-Ефрон. СПб. 1908 г. 2 тома). Последняя книга носит ярко выраженный кадетский, либеральный характер. Главными виновниками появления Наполеона III он считает французских рабочих и социалистов и касается, по преимуществу, политической истории, да и то, главным образом, либерализма. Более приемлема книга Лозинского, который в достаточной мере затрагивает и социальный вопрос; следует иметь в виду, что его книга вышла еще до первой революции 1905 г., почему он о многом умалчивает.

Более свежий характер носят статьи о революции 1848 года в известной «Книге для чтения по истории нового времени» (т. IV-й, часть 1-я), в частности, статья *В. Филатова* «О революции во Франции» (стр. 355—368).

Из популяризованных книг на первом месте нужно поставить книгу *Ю. Стасюла* — «Революция 1848 г. во Франции» (1-е изд. «Молот», СПб. 1906 г.; 2-е изд. — С.Р. и С.Д. СПб. 1918 г.; 3-е изд. ВЦИК-а, Москва, 1918 г.; 4-е изд. — Зиновьевского Коммунистического университета, СПб. 1923 г.).

В 1918 г. книгоиздательство «Практические Знания» выпустила брошюру *С. С. Склякина* — «Сорзи восьмой год во Франции» — (февраль — июнь), являющуюся пересказом книги Генра.

Любопытное освещение событий дает в своей «Истории Франции с 1815 г. до наших дней» (Изд. Соринна, СПб. 1903 г.), с точки зрения нравственного французского радикала, известный деятель третьей республики, *Камиль Пельтэн*.

Из брошюрной литературы следует указать следующее: *В. Либкнехт* — «Революция в Париже в 1848 г.» (1 изд. «Утро», СПб. 1906 г.; 2 — «Пролетарская Мысль», СПб. 1887 г.; 3 — С.Р. и С.Д. СПб. 1918 г.; 4 — в сборнике — «48-й год и Коммуна», СПб. С.Р. и С.Д. 1918 и 1919 г.г.), под правильным заглавием «Июньская бойня в Париже»; 6 — тот же перевод с указанием пер. Н. Нина изд. Красная Новь ГИИ. М. 1923 г.; 7 — без указания автора под заглавием «Ужасы революции в Париже», «Сев. Изд.» СПб. 1917 г.).

Ландов — «Борьба за избирательное право во Франции» — (Изд. «Вперед», СПб. 1906 г.) *М. К.* — «Две революции», СПб. 1906 г. *Викентьев* — «Как французы добывали себе свободу» — (Изд. «Вперед», 1906 г.).

Из изданий по первой революции надо отметить: брошюру т. *В. Несского* — «Уроки революции 1848 г.», очень подурную брошюру *М. Федоровой* — «Как возникла и погибла Республика во Франции в 1843 г.» — «Зидруга», Москва, 1917 г.; очень некачественную брошюру *Пиченоты* — «Французская революция 1848 г.» — (Изд. «Книга», СПб. 1917 г.).

Из кадетских брошюр: *Киреев* — «Отчего кончилась неудачей Европейская Революция 1848 г.» — (СПб. 1917 г.); *Т. Мович* — «Февральская революция 1848 г.» — («Голос», СПб. 1919 г.); *Рыс* — «Уроки революции 1848 г.» — (СПб. 1917 г.).

Тотчас отметим литературу по отдельным моментам 48 года. Прежде всего надо иметь в виду, что у нас нет вполне полной и

достоверной характеристики промышленного переворота, который пережил Франция в 1848 г., после первой революции 1789 г. Необходимо отметить, что самая новая книга на русском языке о промышленности Европы — *Н. Кулишер* — «Промышленность и условия труда на Западе в XIX в.» — (Изд. Брокгауз-Кфрон, СПб, 1923 г.), в своей первой части, рисующей промышленность Европы до 60-х гг., основана исключительно на английском материале, а французский материал использован только в изложении второй половины века и начала нашего столетия. В книге *Пьера Бризона* — «История труда и трудящихся» — (перевод с франц. М. Дьяконова, Госиздат, СПб, 1921 г.), в главе XIII — «Век пара и экономическая революция 1815—1850 г.г.» — можно найти сведения о росте производительных сил Франции за это время, а в следующих главах, — отрывочные сведения о положении рабочего класса Франции за это же время.

Не имеем мы и сводной работы о кризисе 1847—48 г.г., непосредственном виновнике революции. Кое-какой материал можно и взять из работ Маркса и Ренара. О движении пролетариата, о его борьбе «за право на труд» и о попытках «организации труда» — общую характеристику мы находим у Маркса, затем детальное освещение во второй части Ренара. Много материала можно найти у *Луи Блана* в указанной выше его работе о 1848 г. Интересный бытовой материал есть у Стерн.

Затем имеются ряд отдельных небольших работ, посвященных роли отдельных классов в революции 1848 г. М. М. [*М. Паушкин*] — «Буржуазия и пролетариат в революциях 1830 и 1848 г.г.» — (комплектная работа), 1-ое изд. — Лекции и рефераты. Вып. 7-й, Москва, 1906 г.; 2-е изд., Москва, 1917 г.; 3-е изд. — МСР и КД, 1919 г.

О пролетарских выступлениях в 1848 г. говорит 2-я глава очень недурной брошюры *Тюменева* — «Революция и рабочий класс во Франции» — (1789—1848—1871 гг. Изд. «Книга», СПб, 1919 г.).

Общую характеристику пролетариата и его выступлений дает *Каутский* в 4-й главе своей книги — «Республика и С-Д. во Франции» (1-й перевод М. Ольгина, Изд. «Колокол», Москва, 1905 г.; 2-й перевод Миз. К. и Вл. Г. — Изд. «Труд», Москва, 1906 г.; 3-й перевод с предисл. автора, Изд. Алексеевой, Одесса, 1905 г.; 4-й этот же перевод, СНФ, Госиздат, 1920 г.; 5-й перевод Ульяновой и Величкиной в сборнике — «Очередные проблемы международного социализма», Изд. «Орион», СПб, 1906 г., 6-й тот же сборник Каутского, Изд. «Коммунист», Москва, 1918 г. этот же пер. изд. Красная ГИИ, М. 1923 г.).

Характеристику социалистического движения дает брошюра *Филатова* — «Социализм во Франции в революцию 1848 г.» (Изд. Универсальн. Б-ки, Москва, 1918 г.).

С национальными мастерскими дает знакомство брошюра *Г. К-ша* — «Национальные мастерские во Франции в 1848 г.» (Изд. «Донецкая Речь», Ростов/Д, 1900 г.) и работы *Луи Блана* — (самооправдание — богатый материал) и — в особенности, *Ренар*.

Ньюльской бойне посвящены потрагические страницы у *Герисена* в брошюре (В. Либкнехта) — «Ужасы революции в Париже». (Изд.

«Северное Изд-во», СПб, 1917 г.). Социальному движению 48 г. посвящены — гл. 6 и 7 работы *Поля Луи* — «История социализма во Франции» (1-е изд. «Молот», СПб, 1906 г.; 2-е изд. «Гранат», Москва, 1906 г.; перевод Стеклова — 3-е изд. Гранат, стереотипное, 1917 г.). Очень обстоятельно рассказывает про это же и первый русский исследователь французского пролетариата *Шеллер-Михайлов* в своей книге — «Пролетариат во Франции 1789—1852 г.г.» — Исторический очерк — в VI главе — Республика. (1-е изд. СПб, 1869 г. 2-е изд. Хизпеской, СПб, 1872 г.; 3-е изд. Маркса и в приложении к «Шиве» 1905 г. Книга *И. Бороздина* — «Очерки по истории социального движения во Франции XIX в.» изд. Мягкова — «Колокол», СПб, 1906 г. — (есть часть, посвященная 48 г.) носит компилятивный характер по словам самого автора.

С отдельными деятелями и их характеристиками можно познакомиться по книге *Всмореля* — «Деятели 1848 г.», по указанным выше работам Герцена и по работам, посвященным Луи Блану — (*Жуковский* — «Луи Блан и Прудон»; статья Колбасина — приложение к «Истории революции 1848 г. Луи Блана»; *Чернов И.* — «Луи Блан» — перевод с французского, изд. «Молодая Россия», Москва, 1906 г. в приложении к VI т. «Истории XIX века» — Лависса-Рамбо, изд. Гранат, дано заключение к книге Луи Блана «Организация Труда»). Затем материал с очень тенденциозным освещением дан в книге *Щеглова* — «История социалистических систем», т. 2-й, СПб, 1889 г., гл. 3-я, стр. 445—694). С деятельностью *Бланки* в 1848 г. дают знакомства биографии его — Величкиной, Мирского, Горенш, Зеваева, Жефруа (в двух изданиях).

Важно остановиться на роли крестьянства. Общие указания дают работы Маркса и Ренара; более детально касаются две брошюры: *И. Хераскова* — «Крестьянство в буржуазных революциях», — Лекции и рефераты (выпуск 8-й, Москва, 1900 г.), и *Джигилеова* — «Крестьянство в революциях 1848 г.» (Б-ка Свободной России № 25, — кадетское издание, Москва, 1906 г. Эта же брошюра вошла в книгу — «Крестьянское движение на Западе» того же автора (Изд. «Книга», Москва — СПб, 1920 г.).

Роль студенчества выясняет брошюра *Тарле* — «Роль студенчества в революционном движении в Европе в 1848 г.» (Изд. «Свободный Труд», СПб, 1900 г.).

С ростом либерального буржуазного движения и с его проявлениями в революции 1848 г. хорошо знакомит указанная выше книга Гримма, только излишне преувеличивая его значение.

С республиканским движением и его выявлением в революции очень обстоятельно знакомит книга *Ж. Вейля* — «История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 г.г.» (перевод с французского Л. Иппико, изд. Сирмунта, Москва, 1906 г. Главы VIII, IX и X). Текст французской конституции 4 ноября 1848 г. приведен в сборнике «Законодательные акты Франция» (перевод Р. Лемберг, изд. «Молот», СПб. 1905 г., стр. 86—104).

Момент декабрьского переворота мы в нашем обзоре не освещаем, так как революция 1848 г. умерла не в декабре 1851 г., а в июне 1848 г.

В журнале «Анналы», книга 2-я, напечатана интересная статья *Н. Платоновой* — «**Николай 1-й и революционное движение во Франции**», (стр. 201—227), где выясняются детально дипломатические отношения России ко 2-й республике и особое благоволение Николая I к Кавеньику. Очень любопытную характеристику 1848 г. дает поэт Тютчев в своей французской записке «*La Russie et la révolution*», (Россия и революция), написанной 14 апреля 1848 г. и поданной Николаю I. Она приведена во французском тексте и в русском переводе в «Полном собрании сочинений Ф. Тютчева».

II.

Революция 1848 г. в Германии вообще, и в частности в Пруссии, привлекала особенно наше внимание. Но неудаче германской буржуазной революции до известной степени старались понять неудачу буржуазной революции в России. Затем очень интересной являлась тактика коммунизма в этой чистой буржуазной революции, которую проводил Маркс и его политические друзья. Наконец, в Германии, и особенно в Австро-Венгрии важную контр-революционную роль сыграло, с одной стороны, крестьянство, а с другой — борьба национальностей между собою.

Маркс и Энгельс приняли непосредственное участие в революции. В текущих статьях в «Новой Рейнской Газете» они старались подытоживать регулярно значение событий. Их корреспонденция в Нью-Йоркскую «Трибуну» «Революция и контр-революция в Германии», сперва под именем Маркса, а затем под именем подлинного автора — Энгельса на титульном листе выходила у нас много раз — 1-е Изд. «Рабочей мысли», Женева, 1898 г.; 2-е изд. «Молот», СПб, 1900 г.; 3-е — под названием «Исторические очерки» — 1. Германия в 1848—1850 гг. пер. с нем. изд. Алексеевой. Од. 1905. 4 — Рев. и к-рев. в Германии, перевод с английского с предисловием Эд. Маркс-Эвелинг изд. «Новый Мир» СПб. 1906, 5-й перевод Н.-Б-ка, изд. «Общественной Пользы», СПб, 1900 г.; 6-й перевод Базарова и Степнова —

Маркс: Собрание исторических работ, изд. Скимунта, Москва — СПб, 1906 г., стр. 271—405; 7 — тот же перевод: Соч. М. Э., том 3-й, стр. 233; 8-й перевод изд. Алексеевой и «Сотрудничество», СПб, 1918 г.; 9-й перевод Н. Б-ка, изд. Новор. Харьков, 1918 г.; 10-й тот же перевод — ИЦИК, Москва, 1918 г.; 11-й тот же перевод — изд. Госиздат, СПб, 1920 г.; 12-й перевод Степнова — «Красная Новь», — Москва, 1922 г. Все переводы, за исключением изд. «Новый Мир», сделаны с немецкого перевода Каутского и снабжены его предисловием; в части русских изданий это предисловие выпущено.

Кроме этого, непосредственное отношение к революции 1848 г. имеют следующие работы *Маркса* «**Либералы у власти**» (Перевод А. Радомысльского [Г. Зиновьева] под редакцией и с предисловием

А. Луначарского. — Изд. «Дешевая Библиотека Знания», № 272, СИБ, 1900 г.; 2-е издание — тот же перевод, СР и КД, СИБ, 1919 г.). Сюда вошли следующие статьи из «Новой Рейнской Газеты»: 1-е «Германское национальное собрание»; 2-е «Министерство Нампгаузена»; 3-е «Министерство Гансена». Маркса: «Итоги 1848 г.» — статьи, печатавшиеся в «Новой Рейнской Газете», декабрь, 1848 г. (перевод с немецкого, изд. «Молот», СИБ, 1905 г. Автор из обложки и на титульном листе не указан). Маркс: «Речь перед судом присяжных в Кельне». — Процесс против комитета рейнских демократов по поводу призыва к вооруженному сопротивлению 9-го февраля 1849 г.

(Из «Новой Рейнской Газеты», с предисловием Энгельса; 1-й перевод и объяснительное введение П. Орловского, — изд. «Дешевая б-ка Знания»: № 273, СИБ, 1906 г.; 2-й перевод с немецкого, изд. «Новый Мир», Москва, 1906 г.; 3-й перевод П. Давидсон под редакцией В. Засулич, изд. «Молот», СИБ, 1906 г.; 4-й перевод с немецкого Поэльсон, изд. Мягкова — Колоколя, СИБ, 1906 г.; 5-й перевод под редакцией П. Степанова, — Соч. Маркса-Энгельса, т. 3-й, стр. 341—379, изд. Госиздат, Москва, 1921 г.)

К. Маркс: «Нальский процесс Коммунистов». — с предисловием Энгельса к «Истории союза коммунистов». Изд. «Молот», СИБ, 1906 г.; тот же перевод СР и КД, СИБ, 1919 г.; 3-й перевод Двоайкиного с введением Ф. Меринга — сочинении Маркса и Энгельса. Том 3-й, стр. 381—482).

В этом издании особенно важно обращение ЦК к Союзу Коммунистов в марте 1850 г., где рисуется тактика коммунистов до буржуазной революции, во время ее и после. Этот документ имеет почти такое же значение для истории тактики коммунистов, как и Коммунистический Манифест. Наконец, «Коммунистический манифест» в издании с комментариями Д. Рязанова (2-е издание Института Маркса и Энгельса, Москва, 1923 г.).

События 1848 года в Германии, с марксистской точки зрения, сжато изложены в отделе 5 книги Ф. Меринга — «Истории Германии с конца средних веков». — Руководство для учащихся и учащихся. (Перевод и предисловие П. Степанова. Изд. Госиздат, Москва, 1926 г.) Книга эта является пособием для партийных школ германской с.-д.; написана до войны.

С экономикой до-мартовской Германии знакомит вступительная статья Степанова к Влогу — «Экономический строй Германии в первую половину XIX века». (Изд. Скормунта и Госиздат, 1922 г.) Затем соответствующий материал можно найти и следующих книгах Зомбарта, при чем придется его подбирать, так как он не сосредоточен в одном месте: 1-я, «Германия накануне экономического переворота» — (перевод Канелюша, изд. Поповой, СИБ; 2-я — «Проникновение промышленного капитализма в область докапиталистического ремесла» — (перевод с рукописи Ф. Канелюша, изд. Поповой, СИБ, 1962 г.); 3-я — «История экономического развития Германии в XIX веке». (Перевод

со второго просмотренного немецкого издания с предисловием и с примечаниями М. А. Лихарева и со вступительной заметкой проф. Арк. Ал. Кауфмана. Изд. Брокгауз-Эфрон, СПб, 2-го выпуска).

С общественными классами можно познакомиться по книге *Кампфмейера* — «История общественных классов в Германии», начиная с главы — «Общие политические и социальные условия до-мартовской эпохи» и в следующих. (Книга имеется в двух изданиях: 1-е под названием «Очерки из истории немецкой культуры», под редакцией Н. Струне, изд. «Образование», СПб, 1898 г. и под правильным названием. Перевод под редакцией Н. Назарова, изд. «Молот», СПб, 1907 г.).

С общим политическим и культурным состоянием Германии накануне марта знакомит специально книга *Берлина* — «Германия накануне революции 1848 г.». — Очерки общественной жизни и мысли Германии 30-х и 40-х годов XIX столетия. (Изд. Леоновича, СПб, 1900 г.). Материал об этом же можно найти и в I-м томе «Истории германской с.-д.». — Меринга (изд. Граната, «Просвещение» и Госиздата) и в книге *Т. Циллера* — «Умственные и общественные течения XIX века». (Перевод Генкеля, изд. Знобарена, СПб, 1901 г. Перевод же под редакцией Милюкова и издания «МирБожий», СПб, 1000 г.). Лучшим пособием на русском языке считается книга *Блюса* — «История Германской революции 1848 г.» (имеется несколько изданий: — 1-е вышло под вымышленным названием «Очерки истории Германии в XIX веке». Том 1-й — «Происхождение современной Германии») перевод с немецкого Базарова и Степанова, изд. Сирмунт, Москва, 1905 г. Затем этот же перевод вышел вторым изданием у Сирмунта же в СПб, в 1906 г. с приложением некоторых документов из немецкого оригинала, вышедших в первом издании; 3-й перевод Г. Радомысльского под редакцией А. Луначарского, изд. Поповой, СПб, 1906 г., о котором неодобрительно отзывался и сам редактор; 4-й перевод Сербинова, изд. Научно-популярной 6-ки, СПб, 1908 г.; 5-й издание Брублевского, СПб, 1907 г.; 6-й перевод Базарова и Степанова, просмотренный Степановым с его вводящей статьей. (Изд. Госиздат, Москва, 1922 г.). Книга *Блюса* дает картину движения и в Австрии, и в Венгрии, так как Маркс принимал непосредственное участие в событиях 1848 г. то большой материал находится в его биографиях, написанных Мерингом. (Изд. Госиздат, СПб, 1020 г.) и также в книгах о Марксе Берлина, («Польза», «Антик», Москва, 1908 г. и изд. 1918). Пять первых глав 2-го тома «Истории германских с.-д.» — Меринга посвящены революции и контр-революции в Германии.

Интересный материал из жизни партий того времени можно найти в книге лидера грузинских меньшевиков *Ноя Жордания* — «Происхождение и развитие партий в Германии». (Изд. Глагодева, СПб, 1906 г.). И «Истории XIX века» — Лависса-Рамбо (том 5-й, изд. Гранат) есть конспектированная статья Дени. Соответственный материал можно найти в общих историях XIX века: Сеньбоса, Файфа, Торсоа, Эндруза, Марешалли, Пфлуг-Гартунга. Более свежее освещение имеется в 5-м томе «История Европы в новое время», Н. Кареева (главы XXI и XXII). Марксистобразное изложение мы имеем в статьях: — «Книги

для чтения по истории нового времени», (том IV часть 1-я); И. Шитц—«Революция и контр-революция в Германии»; и Дживилеова—«Революция в Пруссии». Того же автора—«История современной Германии», часть 1-я—1750—1862 гг. (изд. Брокгауз-Эфрон, СПб, 1906 г.); глава 3 и 4 дает изложение событий революции и контр-революции.

Из популярной литературы имеется ряд работ В. Либкнехта: «Мартовские дни 1848 г. и в 1871 г.; юбилейная речь в Гамбурге и 1891 г. (1-й перевод «Утро», СПб, 1906 г.; 2-й перевод—«Пролетарская Мысль», СПб, 1918 г.—(два издания); 3-й перевод издания ВЦИК, Москва, 1918 г.; 4-й вошел в сборник Либкнехта «48 год и Коммуна» (изд. ИСР и СД, СПб, 1918 г., и повторное издание 1919 г.

К юбилейному пятидесятилетию революции Либкнехт выпустил особую книжку; имеется ряд ее изданий:—1-е «К юбилею мартовской революции» (перевод с немецкого Н. Александровой, изд. «Новый Мир», СПб, 1906 г.; 2-й—«Из истории Германии XIX века»). Перевод с немецкого под редакцией Н. Степанова, изд. «Колокол» Мягкова, Москва, 1906 г.; 3-е—«Германия полвека тому назад»,—с портретом автора (перевод с немецкого Ульяновой, изд. «Паллада», СПб, 1907 г.); 4-е перев. Александровой, переиздан в 1918 г. ИСР и СД, СПб. Им же написана большая работа—«Роберт Блюм и революция 1848 г в Германии». (Перевод со 2-го издания Е. Гордон, Б-ка Просвещения, СПб, 1907 г., 2 тома.) При чем на этом общем фоне Либкнехт дает и свои личные воспоминания о 1848 г.; там даны речи Блюма и Судебный процесс в Вене по взятии ее Виндизгрецом, согласно приговора которого Блюм «за недостатком палача был казнен помощью пороха и свинца через расстреливание».

Из брошюрной литературы имеются на русском языке Дживилеов—«Очерки по истории Германии 1806—1871 гг.». (Изд. «Общественная польза» СПб, 1905 г.); листовочная брошюра—«Как немцы добыли себе свободу». (Изд. «Донской Речи»—Ростов/Д, 1905 г.). Андреев—«Германия в 48 г.» Изложено по Блосу, где указывается, что изложено по книге Базарова и Степанова «Очерки по истории Германии». (Том 1-й, изд. Б-ки «Свободная Россия»—кадетская). Москва, 1905 г.; Поинсон-Прайс Е.—«48-й год в Германии и его причины». (Изд. «Донская Речь», Ростов/Д, 1906 г.); Шименова—«Как немцы боролись за гражданскую свободу». (Изд. СР и КД, СПб, 1919 г.).

Положение крестьянства в германских странах к 48 году—освещают книги: 1-я—Кнанина «Освобождение крестьян и происхождение с.-хозяйственных рабочих в старых провинциях Прусской монархии». (в частности, главы 5 и 6-я). (Перевод Л. Зака, изд. Поповой, СПб.) в 2-я в сборнике—«Освобождение крестьян на Западе и история земельных отношений в Германии» статьи из Handwörterbuch d. Staatswissenschaft (перевод проверен Н. Водовозовым и С. Булгаковым, Москва, 1897 г.). Там имеются, между прочим, статьи Кнанина

о Пруссии (стр. 196 — 213); *Бухенбергера* — «0 южно-германских государствах» (стр. 214 — 229); и *Бллина* — и Австро-Венгрии (стр. 230 — 244).

Положение рабочего класса и его выступления рисуют книги Кампфмейера, Меринга, Блоса. Более же подробно на роли берлинских рабочих и событиях и на попытке рабочего конгресса в Берлине останавливается *Э. Бернтгейн* и первых шести главах своей книги «История рабочего движения в Берлине» (перевод Н. Постмана, СПб, 1908 г.).

Материал о знаменитой говорильне — Франкфуртском парламенте, «характеризованной в знаменитых стихах: («150 аристократов, родина, тебе изменили: 150 адвокатов — красивые слова, никаких дел: 150 профессоров! Родина ты погибла!»), дается, кроме общих работ, в двух брошюрах, *Берлин* — «Первый немецкий парламент». — Темы жизни. № 4-й, выпуск III. (Над. Поповой, СПб, 1906 г.): и *В. Блосс* — «Франкфуртский парламент и рабочий вопрос во Франкфуртском парламенте». (Перевод с немецкого Р. Ганского, над. М. Малых, СПб, 1906 г.).

Из личных воспоминаний имеются и сокращенном виде — *Карла Шульца* — «Из воспоминаний немецкого революционера». (Перевод А. Анненского, над. «Русское Богатство», СПб, 1907 г.). Автор участник Баденского восстания, бывший либерал совершенно без программы. Воспоминания интересны тем, что рисуют полную политическую безграмотность и беспомощность немецкого либерализма и радикализма того времени. Особый интерес воспоминаниям придают два рассказа о побегах самого автора из Раштадта и об устроенном им побеге из Берлинской тюрьмы профессору Кинкеду. Оба эти эпизода читаются, как увлекательный роман.

Веллестриетическое отражение событий 48 года мы имеем в следующих произведениях: *В. Блосс* — «Эрих 99-й» («Верхом на принципе»). Повесть из времен революции 48 г. (Над. «Рабочая Б-ка», СПб, 1906 г.); *Шнейцер* — «Эмма». (Перевод с немецкого, над. Тверской и К-о, СПб, 1906 г.); *Шиндлер* — «Между молотом и наковальней»; и наконец, подубеллетристическое ибодусатирическое изображение событий в известной книге *Н. Мёрри* — «Комедия всемирной истории». Обзор событий 1848 года. (Имеется два издания, более полное изд. и «Дело», СПб, 1870 г., 2 тома, и с выпусками Поповой, СПб, 1898 г. — 2 тома.).

Из русских непосредственное участие в Дрезденском восстании принимает *М. Бакунин*, приговоренный за это и первый раз к смертной казни (Вторично был приговорен к тому же наказанию за участие в Пражском восстании). Поэтому, материал о 1848 году и обширный, имеется в его биографиях, написанных: *Ю. Стекловым*. Часть 1-я, Москва, 1920 г., глава 3-я) и *Полонским* (том 1-й, главы 12 — 15. Над. Госиздат, Москва, 1922 г.).

Австрийской революции посвящена большая книга *М. Баха* — «Австрия в первую половину XIX века». (Перевод с немецкого В. Баркова и Степанова. Над. Скирмунта, СПб, 1906 г.), где имеется подробная глава о крестьянском вопросе. В 5-м томе «Истории» — *Ла-*

внеса этому вопросу посвящена статья *Эйзенмана*. В «Книге для чтения по истории нового времени» есть статья *И. Левина*—«Социальная и национальная борьба в Австрии в 1848 г.». Имеется материал и указанных выше общих историях XIX века. Из брошюрной литературы—есть две: «Революция в Вене в 1848 году», (Изд. «Донской Речи», СПб, 1906 г.) и *Пимановой*—«Борьба за свободу в Австрии и Венгрии (1848 г.)», Изд. Госиздат, СПб, 1920 г.).

Венгерской революции 1848 г. касаются работы: 1-я *Горского Берисфельда*—«Борьба Венгрии за независимость» (изд. «Новое Т-во» Москва, 1906 г.), и соответствующие главы из его же книги «История Венгрии в средние века и новое время», (Изд. Брокгауз-Эфрон, СПб.), и небольшая брошюра *С. Лозинского*—«Революция 1848 года в Венгрии», (Изд. Поповой, СПб, 1906 г.). Довольно подробно описаны венгерские события в книге Блосса.

Итальянской революции посвящена отдельная книга *Гарнэс Лависса*—«История Революции 1848 года» (Итальянская революция),— (Изд. Накета, СПб, 1892 г.), и соответственные главы и «Общих исторических очерках Италии» *Е. Тарле*—«История Италии в новое время», (Изд. Брокгауз-Эфрон, СПб, 1910 г.), *Эли Серси*—«История Италии в XIX веке», изд. Поповой. *Больтон Кини* «История объединения Италии» т. I. Перевод с английского Концевской, изд. Смирмута, Москва, 1901 г.). В 5-м томе «Истории» Лависса имеется статья об Италии *Э. Пеню*.

Личные переживания во время итальянской революции в Рвме и в Неаполе дают 5—8 «Письма из Франции и Италии» А. Герцена. Наконец, личные характеристики итальянской революции и итальянских революционеров имеются в «Былом и Думах»—Герцена. С личностью Гарибальди знакомит брошюра *Стелляка Д.*—«Дж. Гарибальди»—библиографический очерк. (Изд. Госиздат, СПб, 1920 г.), перепечатанная из 5-го тома его сочинений. (Изд. «Светоч», СПб, 1908 г.).

Ст. Кривоцов.

Старое и новое в доистории.

(Обзор литературы о первобытной культуре).

[Я не считал нужным перечислять все те книги и журналы, которые описаны проф. Нейде и перечне литературы по этнографии, доистории (археологии) и антропологии в систематическом обзоре научной литературы Германии за 1914—1921 г.г. Берлин, 1921, т. I, с. 172—184. Издат. «Книга» (на русском и нем. языке). Определенно популярной литературы не касаюсь. Новейшая литература заграничная имеется частью в фундам. Библиот. I Москов. Ун., частью и кабинете социологии и истор. культуры в Научном Институте К. Маркса и Ф. Энгельса]:

В ученом ли трактате, и общедоступном ли учебнике зовется «первобытной» древнейшая культура, развивавшаяся до изобретения письменности. Человеческое прошлое расчленяется на два отдела: один, просвечивающий в письменных источниках, назван историческим (историей), другой, не отображенный в письменах, именуется доисторическим (доисторией). Изобретение письма нельзя, однако, считать единственной и отчетливой межей между первобытной и исторической культурами. Самое понятие «письма» очень расплывчато. Его начатки теряются в глубине очень древних ступеней культуры¹⁾. Разве на «железах посланцев» у австралийцев мы не находим зародышей письма? К тому же для марксистов непригодно идеологическое основание деления человеческого прошлого. Великий переворот в человеческой культуре произошел не в силу изобретения первого письма, этого отставления от первобытной живописи, этой символично-реалистической миниатюры, застывшей в систему знаков с устойчивым значением. Этот переворот вызван вытеснением каменных орудий металлическими. Медные, а затем бронзовые орудия усложнили общественную организацию людей и вызвали потребность в более развитом, более понятном, чаще употребляемом письме, чем это было у австралийцев, не знавших металлов. Так мы приходим к отождествлению первобытной культуры с дометаллической. Она кончается с появлением первых металлов. Медь знаменует ее закат и зарю высоко «исторической» культуры. Культура бронзы (египтяне, вавилоняне, перувианцы, мексиканцы и др.)

¹⁾ D a n z e l. Die Anfänge der Schrift. Leipzig, 1912; Moschkau K. Steinzeitliche Anfänge unserer Linearschrift vom Boden Mitteleuropas. Leipzig, 1920 (Aus: Wissenschaftl. Teil d. Lehrerzeitung, 1921, № 4) На русском яз. на-днях выйдет перевод новой популярной брошюры Вейде. Отборки к алфавиту (Госиздат).

и желюза (ногры, надонезийцы, германцы времен Тацита, праславяне и т. д.) вовсе не являются первобытными. Лишь обломки первобытности, лишь «порезживания» ее (по выражению Тэйлора) могут быть найдены у них. Так мы приходим к формуле: первобытная культура = доистории = дометаллическому (каменному) периоду.

Не имея письменных источников, доисторик восстанавливает первобытную культуру по «источникам», более тусклым и менее надежным. От первобытной археологии они получают вещественные остатки ископаемой первобытной культуры, достоверные, но немые. От этнологии они берут «живые» остатки первобытной жизни, «говорящие», но сомнительной древности и не всегда точно и правдиво описанные белыми наблюдателями. Но без огромного фактического материала, даваемого этими двумя науками, доистория не могла бы существовать. Среди вспомогательных наук доистория следует отметить антропологию, геологию, сравнительное языковедение. Первая начертывает эволюцию физической природы человека. Вторая с помощью палеонтологии регистрирует последовательное изменение строения поверхности земли, ее климата, флоры и фауны. Антропология и геология особенно важны для изучения начальных ступеней первобытной культуры. Ее закат освещается сравнительным языковедением. Первые языки человечества остались вне досягаемости современной науки. Окладение даже одной из этих наук представляет немалую трудность. Еще труднее следить за их успехами, быть в курсе их последних слов. Быстрый прогресс одной из этих наук делает устаревшим тот отдел доистории, который на них опирается. Синтез поэтому был не только труден, но и недогнечен. Великие исследования первобытной культуры, созданные в 19 веке Леббоком, Тэйлором, Морганом, Линнпертом, к началу 20 века оказались уже устаревшими, хотя и классическими. В 1900 г., в предисловии к своей «Доистории культуры», Шурц не без основания заявлял, что доистория — «требование нашего времени» — является лишь наукой-собираательницей, «выступающей впервые». Синтез самого Шурца был далеко не полон: он базировался исключительно на этнологии. Он устарел не менее сильно, чем синтезы его великих предшественников. Наконец, все эти «классические» произведения были совершенно чужды марксизму. Так. Шурц расчленил свою доисторию на 4 отдела: общество, хозяйство, материальная культура, духовная культура. Общество у него основа и носитель и хозяйства и всей материальной и духовной культуры.

Я хочу отметить до мировой войны еще две попытки доисторического синтеза. Доктор Мюллер-Линд задался грандиозной работой «Ступени развития человечества». Автор выпустил введение и тома, касающиеся экономики и генеалогии, или социологии воспроизведения, как он зовет исследование всех проявлений жизни, связанных с сохранением вида. Книга о государстве (т. 8), истории человеческого рассудка (т. 9), развитии морали, права и искусства (т. 10) в заключении, выявляющего «линии направления прогресса» в целом и общие его закономерности, не появилось: автор в 1916 г. умер.

самая ранняя работа Мюллера-Льера ¹⁾, провозгласившая законом хозяйственной эволюции обобществление труда, заставляла увидеть в нем «материалистического историка». Но появление в 1910 г. его второго 1-го тома ²⁾ позволило Экштейну ³⁾ правильно увидеть в нем «буржуазного идеолога». Мюллер-Льер не только расщепляет целый исторический процесс на отдельные «ряды» — государство, семья, хозяйство, искусство и т. д., но признает, что каждый ряд имеет свою особую закономерность. Его «фазы культуры» являются ступенями и отдельных рядов — искусства, хозяйства, семьи, любви и т. д. Сравнение этих фаз между собой дает «линии направления прогресса» — они-таки в отдельных рядах — хозяйство, семья, искусство и пр. Экштейн правильно указал, что таким «фазаэологическим методом» Мюллер-Льер никогда не установит ступеней развития человеческой культуры в целом. В отдельной статье ⁴⁾ и в томах, посвященных генеомии ⁵⁾, Мюллер-Льер достаточно ярко раскрывает свой «марксизм». Признавая первенство экономического фактора, он признает движущей силой общего культурного развития человека, имеющей не только хозяйственные, но и другие потребности в устремлении, все основанные «на строении и жизни его мозга». Исследованный развил и само хозяйство, которое не есть особая метафизическая сущность, идущая вперед и влекущая за собой остальные социологические функции.

Если Мюллер-Льер, несмотря на свой псевдо-марксизм, возрождает построения Морган-Энгельса и в общедоступной форме дает ценный материал, освещенный вполне позитивно, то другой крупный труд «Человек всех времен», есть продукт творчества трех представителей христианской церкви: аббата-иезуита проф. Обермайера, мюнхенского канцелярия проф. Киркнера и патера-миссионера П. П. Шмидта. Первую часть этого труда составляет «Доисторический человек» Обермайера, в 1913 г. переведенный и напечатанный на русском языке ⁶⁾. Он основан почти исключительно на археологическом

¹⁾ Müller-Lyer, Phasen der Kultur und Richtungslinien des Fortschritts. München, 1908.

²⁾ Müller-Lyer, Der Sinn des Lebens und die Wissenschaft. München, 1910.

³⁾ Ekstein, Historische Reihen. (Die Neue Zeit, 1911, № 29, S. 428—436). Возражение Мюллера-Льера там же, 1911, № 52, S. 339—40 и ответ Экштейна там же, № 52, S. 940—42.

⁴⁾ Müller-Lyer, Die phäseologische Methode in der Soziologie (Vierteljahrsschrift für Wissenschaftliche Philosophie und Soziologie, 1912, August).

⁵⁾ П. Г. Дэйре издал в Москве в 1913 г. две генеиоч. работы Мюллера-Льера: 1) Формы брака, семьи и родства (в переводе П. Степанова) и 2) Фазы любви (в переводе В. Базарова). На немецк. языке имеются его: 1) Die Familie, München, 1912, и 2) Die Zählung der Normen, Eine Soziologie der Zuchtwahl, der Erziehung und der Erbfolge, 1917. Наиболее близкая к марксизму работа Мюллера-Льера Phasen der Kultur (1908) об эволюции хозяйства, к сожалению, не переведена на русский язык. Популярным введением в социологию Мюллер-Льера может служить Eisler, R. Müller-Lyer als Soziolog und Kulturphilosoph, München, Albert Langen, 1923. Книга по своей компактности особенно легко может быть издана по-русски.

⁶⁾ Во время мировой войны Обермайер сделал очень ценные открытия в Испании, где выпало редкое издание (перераб.) его книги под названием «Некопаящий человек» (по-испански) См. Anthropos, Bd. 14 15.

материале. Только для восстановления психического мира четвертичного человека привлечены этнологические данные. Наиболее первобытными дикарями признаны африканские пигмеи, якобы еди-нобожники, единобрачники и частные собственники. О целях этой не-ленной модернизации Обермайер яроговаривается достаточно откровенно: «Теория о первоначальном коммунизме всего имущества и о перво-начальной нравственной распущенности в половых отношениях ока-зывается здесь совершенно разбитой». Шатки геологические кон-струкции Обермайера, под clerикальным углом зрения рассматри-ваются данные антропологии, не без погрешностей и в археологи-ческой области, хотя это наиболее ценная часть его книги.

Второй (антропологический) том «Человека всех времен», тоже имеющийся в русском переводе, принадлежит Биркнеру и трактует о человеческих расах¹⁾. Третий (этнологический) том, издаваемый лишь по-немецки отдельными выпусками, написанным патером Шмидтом и его учеником Концерсом²⁾, говорит о «народах и куль-турах». Этот христианнейший ученый еще в 1910 г. доказывал в специальной³⁾ монографии наибольшую первобытность карлико-вых племен (пигмеев), а в 1912 г. настаивал на том, что еди-нобожие есть древнейшая форма религии⁴⁾. Этого достаточно, чтобы судить, сколь свободно этот патер обращается с этнологическими данными «для вышней славы божией». В его «Народах и куль-турах» есть, однако, и ценная сторона. Это — попытка сопоста-вления ископаемых ступеней культуры с живыми «культурными кругами». Таким образом, трехтомный труд трех clerикалов лишь с крайней осторожностью и со строгой проверкой должен изучати-ся даже просто светским читателем, не говоря уже о марксисте.

С мировой войной культурное общение между союзниками ослабло, а между воюющими совсем прекратилось. Французская, немецкая, английская, русская донстория должна была работать изолированно. Широкие синтезы, глубокие, в корне новые освещения, первобытной культуры в военной атмосфере не могли возникнуть. За русским рубежом не появилось великих «перевортывающих» исследований, хотя накопление новых научных фактов продолжалось, и талант-ные объяснение и истолкование их не прекратилось. Из наиболее общих донсторических работ я здесь назову следующие⁵⁾.

1) Биркнер, Ф. Расы и народности человечества. СПб., 1913.

2) Schmidt P. W. u. Koppers, P. W. Völker und Kulturen. Berlin, Ballband, 1921 (Mensch aller Zeiten. Bd. III).

3) Schmidt P. W. Die Stellung der Pygmäenvölker. 1910.

4) Schmidt P. W. Der Ursprung der Gottesidee. 1912.

5) Чтобы быть в курсе новой литературы, следует следить за новыми журналами, важнейшими из которых являются: во Франции L'Antropologie (археология, этнология (мало), антропология), в Англии The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, Man; в Америке: American Anthropologist, в Германии: Zeitschrift für Ethnologie, Archiv für Anthropologie и прилож. к нему Korrespondenzblatt, Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, Mannus (Zeitschrift für Vorgeschichte с 1914 г.), Praehist. Zeitschrift (европ. археология), Baessler Archiv, Anthropus миссионерский журнал с хорошей оведомленностью), в Голландии: Inter-nationales Archiv für Ethnographie.

Во Франции в 1921 г. появился труд де-Моргана «Донисторическое человечество»¹⁾. Это — известный археолог, прославившийся организацией раскопок в Египте и Сузание. Из еще в 1909 г. была выпущена большая книга «Первые цивилизации»²⁾, в которой изложение доведено до конца македонской империи. Особенно хорошо здесь освещены ранние Египет и Вавилония. Содержание нового труда де-Моргана мне неизвестно.

В Англии следует отметить «Донисторию» Burkitt'a³⁾. Это учебник, вышедший плодом его преподавания в Кембриджском университете. Много путешествовавший автор посетил много знаменитых донисторических стоянок Европы и потому мог опубликовать много редких и даже неизданных памятников, каковы мало известные гравюры на скалах Он-жского озера. Burkitt учился в пресловутом французском L'institut de Paléontologie Humaine de Paris. Этот «Парижский институт человеческой палеонтологии» был основан на средства князя Альберта Монакского и стал рассадником клерикализма: его профессорами князь сделал, между прочим, двух аббатов-незуптов Обермайера и Врейля. Последний и был учителем Burkitt'a и написал введение к его книге. Во последний остался самостоятельным: его внимание захватывает эволюция индустрии, тогда как палеонтология и стратиграфия (описание последовательности слоев) совсем не привлекает.

Более широкий охват, но меньшую ценность имеет работа⁴⁾ известного немецкого антрополога Германа Клаача, вышедшая посмертным изданием, вместо 1914 в 1920 г. Самые антропологические взгляды его мало надежны (напр., происхождение ориньякского человека от orangутангов, а неандертальцев от горилл). Интересны лишь доводы и пользы четвертичного возраста человечества и влияния климатических колебаний ледникового периода на очеловечение антропидов, т.е. человекоподобных обезьян. Самая слабая часть, однако, это та, где изображена первобытная культура. Совершенно неверна мысль о том, что золоты — первоорудия встречаются на всех ступенях каменного периода. Отбросовый материал при изготовлении каменных орудий следует рассматривать не как золотический, а как атинический. В основу хронологии положена малонадежная и оспариваемая схема Гаузера с его Микокской культурой.

Клаач, по отзыву таких авторитетов, как антропологи Буль и Швальбе, был хорошим популяризатором, но весьма посредственным антропологом.

Общее значение имеют и работы американца Осборна и англичанина Соллза, хотя они ограничиваются донезолитическими эпохами

¹⁾ J. de Morgan. L'humanité préhistorique (Bibliothèque de Synthèse historique. L'évolution de l'humanité dirigé par Henri Berr, t. II).

²⁾ J. de Morgan. Les premières civilisations. Paris, 1909.

³⁾ Burkitt, M. C. Prehistory, a study of early cultures in Knrope and the Mediterranean Basin. Cambridge, University Press, 1921, pp. XX+438+47 planches.

⁴⁾ Klaatsch, Hermann. Der Werdegang der Menschheit und die Entstehung der Kultur. Berlin, 1920, S. XL+382 mit 376 Abb., Bunttaf. u. Karten.

каменного периода. Соллас (геолог) популяризирует в «Древних охотниках»¹⁾ специальные свои исследования. Во втором издании он отказывается от теории первокамней — эолитов. Несомненно, культурные ступени сопоставляются Солласом с животными дикарями. Хотя сопоставление делается между культурами разных уровней (напр., мустьерцы и австралийцы; маденцы и эскимосы и т. д.), но он дает прекрасные сводки этнографических данных о тасманийцах, бушменах, австралийцах и т. д. В работе Осборна совсем отсутствует этиология. Зато она насыщена археологией, палеонтологией, геологией и антропологией. В ней собрано множество фактов, собранных Осборном и его сотрудниками и сотрудниками. Прекрасная библиография, алфавитный указатель обращают книгу в прекрасный справочник. Несмотря на этот научный облик, работа имеет и ряд «американских» недостатков. Слишком схолиastic решения спорных вопросов, сомнительная точность — ее главные недостатки. Реконструкции черепов (напр., питекантропа или гейдельбергского человека, от которого осталась лишь мауерская челюсть) почти равняются подделке: они совершенно фантастичны. Без всяких оговорок принимается и для Европы и Америки множественность оледенений. Дается абсолютная хронология, точно определяющая время отдельных ступеней первобытной культуры. Между тем общепризнано, что геологические часы неточны, что эта наука еще не способна в точных цифрах выражать время. Толщина геологических пластов вовсе не пропорциональна скорости их образования. Ледник на Аляске недавно удался на милю в три года или более 7 миль в 25 лет, а его поверхность за последнее время уменьшилась на 700 футов. Так, в четверть века этот ледник претерпел еще большие изменения, чем те, на которые Пенк в Альпах требует 30.000 лет. Зато Осборн, как выдающийся палеонтолог, надежно доказывает четвертичный возраст человечества.

Переходя от общих работ к исследованиям частных дисциплин, входящих в состав доистории, прежде всего следует остановиться на археологии. Здесь главное значение следует приписать попыткам усовершенствовать хронологическую классификацию археологического материала, данную знаменитым археологом Моргилье. Из этих попыток, после введения аббатом Брейлем ориньякской культурной ступени (еще в 1906 г.), следует отметить попытку Гаузера²⁾ вставить между мустьерской и ориньякской культурами микокскую, обладающую и переходными формами орудий и промежуточной от неандертальца к ориньянцу новой расой, остатками которой служат эрингдорфские челюсти. Однако микокский клин не признан большинством ученых. Швейцарец Гаузер, обосновавшийся для производства раскопок во Франции, во время войны за германофильство был вынужден покинуть Францию, при чем лишился всего своего

¹⁾ Sollas, J. W. Ancient Hunters and their Modern Representatives. London. 1915.

²⁾ Osborn, Henry. Men of the old Stone Age. their environment, life and art. New York. 1915. p. XXVI + 545.

³⁾ Hauser, Otto. La Micoque. Die Kultur einer neuer Diluvialrasse. Leipzig. 1916.

иченья—и усадьбы, и библиотеки, и настенных планов раскопок. Гораздо важнее и надежнее кажется попытка русского археолога В. А. Городцова¹⁾ усовершенствовать классификацию Мортилье, положить и основу разделению прошлого человечества на эры, периоды, эпохи и норы, эволюцию орудий труда. Эта классификация Городцова может быть изображена в такой краткой схеме.

Историческая эра.	Период.	Эпоха.	Эволюция орудий.
	Металлический.	Неометаллическая (железная).	Железные орудия.
		Палеометаллическая (бронзовая).	Бронзовые " "
	Каменный.	Неолитическая.	Полированные " "
		Палеолитическая.	Отжимные " "
		Мезолитическая.	Сколотые " "
		Археолитическая.	Тесаные " "
		Эолитическая.	Нервоорудия.

¹⁾ См. В. А. Городцов. Первобытная археология (готов. к печати Госиздатом.) Его же статья „Археологическая классификация“ в предисловии к моей книжке: „Очерк первобытной культуры. Москва, 1923 (изд. Л. Д. Френкеля).“

Последовательность эволюции каменной техники устанавливается стратиграфически, т. е. путем регистрации порядка культурных слоев. Отжимные орудия ориньянцев явились позднее скелотых орудий мустьерцев, потому что первые не раз находили в слоях, расположенных непосредственно над пластами, содержащими последние. При такой точности и беспристрастности стратиграфического метода эволюция каменной техники совершается удивительно постепенно и ведет к все усложняющейся системе орудий. Новые орудия формируют и новые культуры. При скелотых орудиях, изготовляющихся ударным каменным отбойником по обдываемому камню, высечен первый огонь (древнейший в Крапинской стоянке). В эпоху отжимных орудий, отжимавшихся или «вырезавшихся» из камня надклевываемым отжимником, появилось нещерное искусство: разные грануры, статуэтки, барельефы и пр. Для марксиста классификация проф. Городцова служит надежной лестницей, по ступеням которой он может и спускаться на самое дно первобытной культуры (в эпоху эолитов) и может подниматься на самую вершину ее. Благодаря этому, первобытная культура может быть раздвинута в перспективу отдельных культур, расчленена на отдельные звенья, связанные, однако, между собой...

Из частичных археологических исследований можно отметить здесь очень немногое. Для ознакомления с эволюцией орудий человека каменного периода очень ценна книга Пфейфера ¹⁾, содержащая до 540 рисунков. Помимо археологич., здесь есть и истор. и этнолог. материал. Последнего больше в его работе, посвященной раковинной технике ²⁾. Обе работы дополняют его сочинение 1912 г. ³⁾ Хорошо известный у нас своим популярными брошюрами венский проф. Морриц Гёрнес ⁴⁾, недавно скончавшийся, в 1915 г. выпустил чрезвычайно переработанное переиздание своей «Донстории изобразительного искусства в Европе до 500 г. до Р. Х.». Множество иллюстраций (в тексте 1330 рис.), попытка 3 периода эволюции искусства за это время связать с охотой, крестьянством, войнством, делают книгу чрезвычайно ценной. Для донстории ледниковой Германии огромное значение имеет капитальный труд Р. Шмидта, в котором антропологическая часть принадлежит Шлицу, а геологическая Кокену ⁵⁾. Для эволюции доисторических судеб Палестины и Финикии не безынтересна сводка Карге, предназначенная автором, между прочим, для миссионеров ⁶⁾. Гораздо ценнее прекрасным применением тисо-

¹⁾ Pfeiffer, L. Die Werkzeuge des Steinzeit-Menschen. Jena, 1920.

²⁾ Pfeiffer, L. Die steinzeitliche Muscheltechnik und ihre Beziehungen zur Gegenwart. Jena, 1914, S. VIII + 334 mit 332 Abb.

³⁾ Pfeiffer, L. Die steinzeitliche Technik und ihre Beziehungen zur Gegenwart, 1912. и т. д.

⁴⁾ Hoernes, M. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa von den Anfängen bis um 500 vor Chr. Wien, 1915, S. XIV + 661, 80.

⁵⁾ R. R. Schmidt. Diluviale Vorzeit Deutschlands. 1912.

⁶⁾ Karge Paul. Die Vorgeschichtliche Kultur Palästinas und Phöniziens. Paderborn. 1917.

логического метода Монтенюса труд Аберга¹⁾. В «Mannus Bibliothek» есть и ряд других важных археологических монографий. Сведения о них специалисты могут найти в журналах, специально посвященных доисторической археологии, каковы Prähistorische Zeitschrift, лейпцигский Mannus, парижская L'Anthropologie и др.

В области этнологии мы не встретим крупных синтетических работ. Крупнейшим фактом в области «народной» или коллективной психологии следует признать окончание «Народной психологии»²⁾ Вильгельма Вундта, с 1917 г. давшего целых 4 тома (7-й — 10-й). Автор поставил задачей выяснить генезис современной психики. Закономерное развитие человеческого духа, то растущего, то творчески создающего новообразование он проследживает на эволюции его продуктов: языка, религии (мифа), искусства, общества, права, хозяйства. Целый процесс у Вундта искусственно разрезан на эти шесть отделов. Десятый том дает общую картину развития культуры и философию историю Вундта. Знаменитый философ стоит на идеалистической базе. О развитии хозяйства он говорит лишь во 2-ой главе X-го тома, не удостоив его специального тома. Он разделяет воззрения патера Шмидта о первобытности нигмеев, но не согласен с его мыслью об изначальности единобожия. В своих этнологических взглядах Вундт является последователем Грабнера, основателя «теории культурных кругов», или «цельского направления», но терминологию врагов этой теории, «культурно-исторической школы», — по терминологии ее друзей.

Теория культурных кругов имела своим предтечей Ратцона, выставившего теорию заимствования или перенесения элементов культуры.

Ратцель — создатель антропогеографии. Как и Адольф Бастинан, он исходил из «элементарной мысли», создававшей общий культурный фонд человечества. Во далее великие ученые расходились. В противовес «географизму» Бастинана с его «народной мыслью», выраставшей каждая в особой «географической провинции», Ратцель объяснял усложнение продуктов элементарной мысли заимствованиями, перенесениями культурных элементов. Изучение последних вело к истории. Грабнер в своей книге³⁾, провозглашенной его приверженцами катехизисом этнологии, пытался сделать этнологию частью истории. Еще раньше в своих специальных работах он по-новому осветил культуру

¹⁾ Aberg, N. Die Typologie der nordischen Streitlätze (Mannus Bibliothek. 1914. Bd. 17).

²⁾ W. Wundt. Völkerpsychologie: Bd. I, Die Sprache, T. I²; Bd. II, Die Sprache, T. II²; Bd. III, Die Kunst, Bd. IV, Mythos und Religion, T. I²; Bd. V, Mythos und Religion, T. II²; Bd. VI, Mythos und Religion, T. III²; Bd. VII, Die Gesellschaft, T. I. Bd. VIII, Die Gesellschaft, T. II; Bd. IX, Das Recht; Bd. X, Kultur und Geschichte. Весь великий труд выполнен с 1900 по 1920 г.

³⁾ Graebner, Fr. Methode der Ethnologie. Heidelberg, 1911.

Австралии и Океании¹⁾. Анкерман пытался это проделать для Африки²⁾. «Географические провинции» Вастмана (самое название которых довольно неленый плеоназм) превратились в «культурные круги» (Kulturkreise). Историзм сказан в том, что расчленили круги более древние и более молодые: появились «культурные пласты» (Kulturschichten). Отдельные элементы культуры стали изучаться лишь в контексте со всем целым. Они образовали единый комплекс (иначе фазу) культуры, все части которого органически тесно были связаны друг с другом. Взаимоотношения этих «кругов» и «пластов» мыслились, как заимствование культурных элементов (по Ратцелю). Нельзя не признать, что этнология сделала крупный шаг вперед. Но «историзм» создателей культурно-исторической школы ее шефом Грэнбером почерпал из почтенного университетского учебника Бернгейма³⁾. Эта поделная книга, однако, не могла превратить этнологов в подлинных историков. Бернгейм был даже слишком мало знаком с «психологией народов». Хозяйственный же фактор для него, как идеалиста, был на заднем плане. Сочетание культурных элементов в круги и пласты новые этнологи стали производить совершенно произвольно. Выбирая тоже произвольно руководящую форму данного круга или пласта, они устанавливали связь культур, встречая подобную форму в других местах. Так явились австралийская культура бумерага, меланезийская культура лука и т. д. «Руководящее понятие», напр., лук, считалось доказательством взаимоотношения культурных кругов, хотя бы один из них был на Новой Гвинее, а другой в доисторической Кироне. В естественный хаос этнологического материала была внесена совершенно искусственная система, дававшая полный произвол каждому исследователю.

Клерикалы нецелизовали быстро новое направление. Патер Шмидт с его помощью легко доказывал свои любимые идеи: изначальность собственности, единобрачия и единобожия. Ведь даже в Австралии самые передовые юго-восточные племена были признаны древнейшим пластом». Ученый патер пытался завоевать для новой школы и новый материк. Он бесноватно ископосовал на самые неленые «круги» и «пласты» культуру южно-американских индейцев, оставив свою работу огромнейшим аннаратом ссылок и примечаний.

Но американцам удалось нанести культурно-исторической школе крупное поражение. В 1917 г. Макс Шмидт в работе о распространении культуры аруакского племени⁴⁾ показал полную неприемлемость псевдонаучных фантазий патера Шмидта. В 1918 г. Норденшкельд

¹⁾ Итоги своих исследований он дал в статье Die melanesische Vögenkultur und ihre Verwandten (Anthropos, 1909, Bd. IV, S. 726—80, 998—1032).

²⁾ Ankermann, B. Kulturkreise und Kulturschichten in Afrika (Zeitschrift für Ethnologie 1905, Bd. 37, S. 54—90).

³⁾ Bernheim, E. Lehrbuch der historischen Methode. Leipzig, 1908.

⁴⁾ Schmidt, P. W. Kulturkreise und Kulturschichten in Südamerika (Zeitschrift für Ethnologie, 1913, Bd. 45, Heft 4, S. 1014 ff).

⁵⁾ Schmidt Max. Die Aruaken. Ein Beitrag zum Problem der Kulturverbreitung. (Studien zur Ethnologie und Soziologie, herausg. v. prof. A. Vierkandt, Leipzig, 1917, Heft 1).

в замечательном исследовании¹⁾ о материальной культуре двух индейских племен, придя к выводам, аналогичным с выводами Макса Шмидта, дал образец этнологического исследования. Главное — не выяснение взаимоотношений культур, главное — сама изучаемая культура. Норденскиöld изучает ее антропологически, археологически, исторически. Он составляет карточки распространения для каждого культурного элемента. Но сравнивает не одни «руководящие изделия» культур, как патер Шмидт, а их материальные базисы в целом²⁾.

Если относительная хронология культур живых дикарей очень неудачно построена культурно-исторической школой, то ее мысль о комплексе или фазе культуры является чрезвычайно плодотворной и может получить право гражданства и в марксистской идеологии³⁾. Вместо изучения эволюции отдельных элементов первобытной культуры, можно изучать ее развитие в целом, фазу за фазой. Хозяйственные отношения составляют базу каждой культурной фазы; с изменением их меняются соответственно и остальные ее элементы. Путем сравнения культурных фаз одинакового уровня можно добиться очень важных результатов, заставить, напр., «заговорить» немые ископаемые культуры. Что касается проблемы замещения, то она, будучи едва ли разрешима для идеалистической школы⁴⁾, не представляет больших затруднений для материалистической. Без соответствующих хозяйственных предпосылок влияние, значит, и замещение, одного общества на другое невозможно.

В области антропологии после войны мы встречаемся с одной крупной находкой. В Южной Африке, в Родезии, был найден неполный скелет с черепом хорошей сохранности, хотя лишь с обломком нижней челюсти. Он оказался принадлежащим особому человеческому роду, промежуточному между неандертальцем и современным homo sapiens. Этого неандерталоида ученые назвали «родезийским человеком» (homo Rhodesiensis)⁵⁾. Судя по бедру, он оказался ростом около 180 см. Поэтому теории патера Шмидта и антропологов, вроде Кольмана и Паульсена, о первичности карликов окончательно падает. Гораздо раньше бушменов и лесных пигмеев в Африке обитали рослые неандерталоиды. Относительная хронология этнологии

1) Nordenskiöld, E. Eine geographische und ethnographische Analyse der materiellen Kultur zweier Indianerstämme in El Gran Chaco. Göteborg, 1918 (Vergleichende ethnographische Forschungen, Bd. IV). Мне неизвестна его работа: Nordenskiöld Fr. Copper and bronze age in South America (Comparative ethnological studies). Oxford Press, 1922, pp. 196, 80.

2) Углубленно изучает «один северный лотус» культуру, переобработав фантастическую культурно-историческую концепцию, Thurnwald, Die Gemeinde der Hünaren, Stuttgart, 1921, сделавшая о ней немцы столько же, сколько в немецкой Новой Гвинее в самом начале мировой войны.

3) См. Бухарин, Теория исторического материализма, 1922, § 35.

4) Теория колебаний невесты-го Лумана. См. Fr. Lischke Zusammenhänge und Konvergenz (Aus Mitteilungen d. Anthr. Gesellschaft in Wien, 1917, Bd. 48, Heft 1).

5) О родеице мне известны лишь отдельные сообщения: Nature, 17. November 1921; The Illustrated London News, 19 nov. 1921; L'illustration 17 nov. 1924.

выправляются древнейшими из живых дикарей оказываются австралийцы и вымершие в 1876 г. тасманийцы¹⁾. Неандертальский человеческий род оказывается не боковой ветвью, а составной частью главного ствола родословного дерева современного человечества. О неандертальце Буль дал замечательную монографию²⁾, а Швальбе превосходную рецензию на нее³⁾. Эти антропологические работы нужны не только для укрепления эволюционной теории, но и для истории. Даже строение нижних челюстей ископаемых людей имеет большое значение для последней. История подбородочного выступа есть древнейшая история языка. На Мауерской челюсти Гейтльбергерского человека подбородок почти отсутствует, на Неандертальской еле заметен: человек не всегда говорил столь четко-раздельно, как теперь. «Идеологии» неандертальцев с их зачатками подбородков и покатыми лбами с надбровными дугами, для нас остаются тайной. Таке духовный мир австралийца с его высоким «челом» нельзя приписывать нашим неандертальским предкам. За исключением места, я лишь укажу, что открытый Даксоном в 1911 г. зоантрон («заря человека») в Пальтдоуне (Англия) раскололся на два существа: на куски черепа современного человека (*homo sapiens*) и на обломок нижней челюсти питеканте. Такое разделение произвел американский палеонтолог Миллер, поддержанный затем американцем же Грегори. Буль пришел к таким же выводам. Швальбе считал даже и обломок нижней челюсти принадлежащим современному человеку. Английский антрополог Кит (Keith) посчитал быто провозгласить зоантрона со лбом современного человека более древним, чем неандерталец⁴⁾. Но это покушение на эволюционную теорию оказалось неудачным. Возраст зоантрона нельзя определить натежно, почему Грегори совсем исключает его из своей таблицы генеалогии человеческого рода⁵⁾. Этим я ограничусь, предлагая искать более подробные указания в антропологических журналах: *L'Anthropologie*, *Archiv für Anthropologie*, *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*, *Mitteilungen d. Anthropol. Gesellschaft in Wien* и т. д.

Палеонтология я вовсе не коснусь. На области же геологии лишь упомяну о споре геологов о чисте ледниковых и межледниковых эпох четвертичного периода и о контекстной геологической и культурной эволюции. Перед мировой войной полимассальная теория Пенда-Брикнера стала вытесняться таковой же Були-Обермайера.

1) Pösch, R. Ein Tasmanier-schädel im k.k. naturhist. Hofmuseum. Die anthropologische und ethnographische Stellung der Tasmanier (Mitteilungen d. Anthr. p. Gesell. in Wien, 1916, Bd. 46, Heft 3, S. 37—91). Тасманийцы здесь отнесены, по антропологическим и этнологическим соображениям, к меланезийцам, а не к австралоидам. Это, конечно, не может помешать сопоставлению тасманийской культуры с австралийской высветить древнейший пласт истории.

2) Boule, M. L'homme fossile de la Chapelle aux Saints (Annales de Paléontologie, 1911—1913 в 2 томах).

3) Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie, 1911, Bd. 16, S. 227 ff.

4) Keith A. The antiquity of Man, 1905.

5) Gregory, W. K. Phylogeny of Recent and Extinct Anthropoids with special Reference to the Origin of Man (Bull. Amer. Mus. Nat. Hist. 1916, v. 35 article 19, p. 218 D).

Тогда как Пенк помещал шедльского человека с его тесаными орудиями во вторую межледниковую эпоху, Обермайер относил его в последнюю. В связи с этим располагались и остальные культурные эпохи. Осборн, Шмидт и своих больших работах прижили к Обермайеру. Однако венский проф. Байер, еще до войны защищавший Пенка, основываясь на новых раскопках, нанес серьезный удар точке зрения Обермайера. Но он не удержался от соблазна считать свою геологическую хронологию¹⁾.

Он преобразовал теорию Пенка, оставив лишь два оледенения с одним межледниковым. Последнее межледниковье Пенка, на которое падает ориньякская культура, Байер признал лишь колебанием (Schwankung). Скандинавский геолог Гольет не только слил 3-е и 4-ое оледенения Пенка, превратив в непрерывную ледниковую эпоху время от мустьерской культуры до мадленской включительно²⁾. Для Англии он удовольствовался всего одним оледенением³⁾. (Старая теория единого ледяного истока Пристича, Бойд-Даукниса и др. вновь воскресает в работах Гольета. Однако в России геологи стоят на стороне Пенка с его теорией 4-х оледенений (проф. Павлов). Г. Ф. Мирчиник⁴⁾ в своей диссертации даже доказал, что в России было не менее 3-х, может, даже 4-х ледниковых эпох, на которых первый имела место на рубеже третичного и четвертичного периода.

В области сравнительного языковедения следует отметить дальнейшие успехи индогерманистики. Следить по Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft и др.). Помимо работ Шрадера, появились новые работы Фейста⁵⁾ (германы — индоевропеизированные праславяне) и Коскина⁶⁾. У французов перед войной появился превосходный труд Мейе⁷⁾, а после нее еще более синтезирующая книга Пандри⁸⁾. Индогерманистика помогает нам восстановить культуру халколита, т.-е. меднокаменной поры, соединяющей неолитическую и бронзовую эпохи. Яфетидология, т.-е. сравнительное изучение языков грузин, басков, этрусков, сумеров и пр., позволяет взглянуть и в более глубокий подластек — неолитическую культуру Старого Света. Яфетидоведение разрабатывается главным образом нашим академиком Марром⁹⁾.

Наш беглый обзор убеждает нас, сколь велик материал, подлежащий изучению до истории. К необходимым областям ее составных

¹⁾ Вильхельм Хауерд новейшие см. Mitteilungen der Anthropol. Gesellschaft in Wien, 1921, S. 25-9, и 1922, S. 18-9.

²⁾ Holst, Le commencement et la fin de la période glaciaire (L'Anthropologie, 1913, p. 353-89).

³⁾ Его работа об Англии известна мне лишь по рецензии Буля в L'Anthropologie, 1917 № 3 p. 291-93.

⁴⁾ Мирчиник, Г. Ф. На истории послетретичного периода в России (Известия Академии 1922, кн. IV, с. 19-21).

⁵⁾ Feists S. Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen, Berlin, 1915.

⁶⁾ Kossina, Die Indogermanen, (Mannuschothek, 1921, Bd. 26).

⁷⁾ Meillet, Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes 1913.

⁸⁾ L. Vendryes, Le langage, Introduction linguistique à l'histoire (Bibliothèque de synthèse historique, Paris, 1922, t. III).

⁹⁾ Марр, Яфетиды (Восток 1922, I, с. 82 след.).

частей первобытной археологии и этнология — присоединяются еще достижения ее вспомогательных наук — антропологии, геологии и сравнительного языковедения. Все эти науки вполне самостоятельны и существуют издавна сами по себе. Стоит ли громоздить из них сложное сооружение? Нужна ли особая новая наука — доистория, — которая систематизировала и организовала бы достижения этих старых наук? Мне кажется, безусловно стоит и безусловно нужно это сделать. Отложим в сторону теоретический интерес к объекту доистории — первобытной культуре. Лишним генетическую социологию ее первых начальных глав. У доистории, исследующей столь далекое «незнакомое» прошлое, остается жгучий практический интерес, особенно злободневный доистории в России, где идет разрушение старого строя. Разве без нее мы можем знать происхождение собственности, религии, семьи и пр. институтов капиталистического общества? Защищаясь вечности и неподвижности последнего стремятся доказать и вечность таких его устоев, как индивидуальная семья, частная собственность, религия (даже единобожия). В тысячелетней неизменности их скрыты гарантии их прочности, неустрашимости, необходимости. Разве не приходится слышать, что «инстинкт» собственности есть неотъемлемая часть человеческой природы, который ничто и не может искоренить? Разве не приходится встречаться с афоризмом: человек есть существо религиозное. В реконструкции первобытной культуры скрещиваются разные взгляды и направления, и которых отражаются интересы тех или иных общественных групп. Господствующий класс хочет остановить движение. Для него нужна поэтому и вечность основных устоев капиталистического строя. Его идеологи переносят в первобытность буржуазную семью, собственность и религию, ибо вечное в прошлом таким останется и в будущем. Класс угнетенных на дне первобытности ловит отблеск ждущей его лучшей доли. Если, впрочем бы первобытный коммунизм, групповой брак, магия, то не кричит ли это о преходящести настоящего: чего когда-то, не было то может и перестать быть. Без частной собственности возможно ли внеклассовое общество безрелигиозных равноправных мужчин и женщин? Марксисту приходится быть в курсе доистории, чтобы уметь разоблачить мнимую ученость защитников всеми способами и во что бы то ни стало устоев капитализма.

В Англии особый успех имеют все попытки доказать первоначальность и неконечность индивидуальной семьи. Всем известна многоуценная попытка Вестермарка, сделанная еще в XIX веке. Она могла иметь лишь призрачный успех, пока у нас перед глазами маячил групповой брак австралийцев. В 1913 г. Малиновский²⁾, лондонский профессор, величисто доказывает, что австралийцы знают лишь «индивидуальную семью». Независимый от Гробиера, Малиновский все же приближается к культурно-исторической школе. Его настольной книгой является историческая методика французов

²⁾ Malinowski, P. 1). The Family among the Australian Aborigines. London 1913 (University of London Press).

Даншдау и Сеньобоса, вызывающая к чрезмерной критичности, но далекая от понимания исторического синтеза. Дух этой книги отражается и в книге Малиновского. Он гораздо осторожнее Гробнера, патера Шмидта и др. Он особенно подчеркивает свое стремление к высшей объективности. Он расчленяет австралийцев на две географические группы юго-восточных более развитых и центральных и северных более диких. В этом расчленении главная ценность его работы. Но на синтез он не способен. На основании огромного материала он приходит лишь к простому констатированию местных различий. Институт добавочной жены «пиррауру», известный в Центральной и Северной Австралии, но неизвестный в юго-восточной, для него просто знак некоторой половой распушенности, нечто вроде английской проституции и «незаконных» жен. В подавляющем потоке примеров индивидуальных семей, взятых из описаний более передовых австралийских племен, крахи группового брака, еще удавшиеся, теряются, кажутся плодом половой распушенности. Малиновскому не хватает исторического чутья. Он не чувствует большей или меньшей старшинности «культурных пластов» или культурных комплексов. Сооставляя рядом комплексы разной сложности, он схватывает лишь местные различия и бесцельно открывает общее в них, для чего эти комплексы надо разместить в последовательном порядке. Географизм убивает и Малиновском зачатки историзма. Среди фантазий культурно-исторической школы его работа может казаться образцом фактичности и объективности.¹⁾ Но, конечно, она не может разрушить факт существования группового брака у австралийцев, столь хорошо описанного еще Фейсхопом и Гоунгтом, столь блестяще подтвержденного о Сиенсером и Гидденом. На европейском континенте подавляющее большинство ученых идеалистической школы признают его существование, но лишь немногие видят в нем более древнюю форму, повсеместно предшествующую моногамии. Только для марксистов ясно, что на базе своеобразного первобытного хозяйства должна являться особая семья, особая религия, особая общественная организация.

Поведение этнологов не без влияния со стороны марксизма обратили особое внимание на первобытное хозяйство. Сводку о развитии «этнологического исследования хозяйства» мы находим в статье Коннерса²⁾. Это — христианский социалист, ученик патера Шмидта и пишет в журнале *Anthropos*, издаваемом этим же Шмидтом в сотрудничестве с миссионерами. Освещение и оценка теорий поэтому совершенно неприемлема, но статья очень важна полным обзором научной литературы вопроса (по 1916 г. включительно). Явилась

¹⁾ Методу Малиновского следует Knabenhaus, A. Die politische Organisation bei den australischen Eingeborenen (Studien zur Ethnologie und Soziologie herangez. A. V. Jerkanth, Berlin u. Leipzig 1919, II, 2, SS. VIII + 198). Здесь австралийцам приписывает «государство», понимаемое в смысле Holsti. The Relation of War to the Origin of the State, Helsingfors, 1913. Конечно, по сравнению с государством животных (Tierstaat) Оуарда Мефера это марш непер, но...

²⁾ Koppers Wilh. P. Die ethnologische Wirtschaftsforschung (Anthropos, Jahrg. X—XI (1915—16), S. 611—651, 971—979).

даже попытка создания особой частичной дисциплины и этнологии: этнологической полит-экономии. Такова двухтомная работа проф. Макса Шмидта¹⁾. Полную оценку ее могут дать наши экономисты. Предметом этнологии вообще автор считает «произвольные проявления жизни» (willkürliche Lebensausprägungen) человечества, стоящего вне европейского культурного круга. Он допускает следовательно свободу воли, хотя и стремится к некоторой закономерности явлений. От подлинного марксизма он очень далек. С этнологической же точки зрения его работа кажется чрезмерно схематичной и построенной на незначительном фактическом материале. Возможно, что еще не наступил момент для такой обобщающей работы. Но самое появление ее знаменательно. Изучение первобытного хозяйства должно составить очередную и важнейшую задачу марксистской этнологии. Следует от стигть успех идей Эдуарда Гана. Его теорию происхождения плугного земледелия усвоил «сам» Вильгельм Вундт. Несмотря на обилие чужих «женских» мыслей, важна небольшая статья его сестры Иды Ган²⁾, где по новому освещается проблема возникновения мотыжного земледелия. Оно — итог сотрудничества ядовитых растений, которые становятся съедобными, лишь побывав в женской кухне. Поля этих «пре них» растений находились в безопасности от алчности мужчин, не умевших делать их «полезными». Эта мысль может служить ценным дополнением к тотемической теории происхождения съедобного хозяйства.

В области первобытной религии или, лучше сказать, первобытного мировосприятия с начала мировой войны не появлялось великих работ, делающих эпохи. Еще перед войной против анимизма выступили довольно острые теории, которые можно объединить общим именем доанимизма. За прошедшей незамеченной в конце прошлого века работой Кинга³⁾, в начале нынешнего следовали небольшие исследования Мэриетта (Англия), Тана (Россия), Губерта Маусса (Франция), Лейба (Leuba) (Америка), Прейса и Фирканда (Германия) и пр. Особую роль в растущем успехе доанимизма играли монументальные труды Фразера, среди них знаменитая «Золотая ветвь»⁴⁾. Великий «социальный антрополог» очень далек от марксизма. В 1921 г. в торжественной речи в Парижском университете, почтившем его степенью доктора, он смотрит чисто идеалистически на развитие первобытной культуры и публично объявляет

¹⁾ Schmitt, Max. Grundriss der ethnologischen Volkswirtschaftslehre. Stuttgart, 1920—21, Bde I—II.

²⁾ Halm, Ida. Bauernnahrung und Frumentarbeit (Zeitschrift f. Ethnol. 1919 Bd. 5), II, 1/2, S. 243—259.

³⁾ King, J. H. The Supernatural, its Origin, Nature and Evolution, 1892.

⁴⁾ Frazer, The Golden Bough, 3 Edition, Part I. The Magic Art and the evolution of Kings, 2 vv; Part II. Taboo and the Perils of the Soul, 1 v; Part III. The Dying God, 1 v; Part IV. Adonis, Attis, Osiris, 2 vv; Part V. Spirits of the Corn and of the Wild, 2 vv; Part VI. The Sepegoat, 1 v; Part VII. Balder the Beautiful: The Fire Festivals of Europe and the Doctrine of the External Soul, 2 v, v. XII. Bibliographie and general index, 1915. Первые 5 томов имеются во французском переводе.

⁵⁾ Отчет о докладе Фразера на тему L'étude des origines humaines дан E. Lagost в Revue de l'université de Bruxelles, 1922, № 3—4, p. 242—45.

себя учеником солициста и енископа Беркли. Сравнительный метод поэтому дает и его руках гораздо меньше, чем мог бы дать. Однако и для марксиста необходима собранная им сокровищница научно установленных фактов. Натиск доанимистов нанес анимизму, этой блестящей теории Тэйлора, разрушительное, едва ли не смертельное ранение. Доанимизм, по крайней мере, в Германии завоевал господствующее положение. Особенно важно при этом, что он не успел стать окаменевшей, застывшей догмой. Если все доанимисты согласны признать приоритет во времени магии (колдовства) над религией и сравнительную молодость души, духов—демонов и богов, то решение детальных и очень крупных вопросов еще ниется. Общее представление о новых исследованиях можно получить из краткого обзора видного доанимиста Прейса¹⁾. Я все-таки отмечу здесь лишь книгу Бета²⁾ и статью Каруна³⁾. Нет, стоящий за высшую древность магии в сравнении с религией, интересен широтой своей темы и расчленением магии и религии (однако он слишком «раннотацио» подходит к вопросу). Карун ценит стремлением улучшить терминологию: неясный термин доанимизм он предлагает заменить «эманацизм». Он очень внимателен к относительной хронологии и совершенно правильно считает, что мысль об особой «магической силе» (Zauber-kraft) возникает на более высоких ступенях первобытной культуры (магия в Океании, маниту у индейцев Северной Америки и пр.), а не первоначально. Во всех вещах «спрятана» неотделимая от них «сила» (Kraft), действующая через эманацию. Недостатком Каруна является неполное модернизирование первобытного мировосприятия. Этого недостатка не чужд и Анкерман, соратник Грэнблера по культурно-исторической школе. Он пытается взорвать анимизм изнутри, изучая культ мертвых и духов в Африке. Он приходит к поразительному выводу, что у африканских племен нет понятия об единой душе, а есть лишь два раздельных понятия или, если угодно, «доанимистических» представления: одно о «живенной душе» (Lebensseele), а второе о «душе—образе» (Bildseele). Первая носит имя «дыхание» или «сердце», вторая близка к «тени». Культ мертвых был зародышем религии и явился раньше культа душ⁴⁾. Замечательно, что Шрейер⁵⁾ на материале индогерманистики пришел к тем же выводам, что и африканист Анкерман. Шрейер тоже убежден, что в начале развития стоит не дуализм души и тела, но единство живого тела перед и после смерти. Он тоже полагает, что культ трупов древнее культа душ и т. д. Анкерман не был, по его словам, знаком с работами Шрейера. Тем разительнее

¹⁾ Archiv für Religionswissenschaft 1922, Bd. 21, H. 1/2, 163—185. В приложении к этому журналу Religionsgeschichtliche Bibliographie (Jahrgang 1911—13 и след.) дает обзор текущей литературы.

²⁾ Beth. Religion und Magic bei den Naturvölkern Leipzig, 1914, S. 81—278, 89.

³⁾ Karutz. Der Emanismus (Zeitschrift für Ethnologie, 1913, S. 515—516).

⁴⁾ Ankermann. Totenkult und Seelengrube bei afrikanischen Völkern (Zeitschrift für Ethnologie, 1918, H. 2—3, S. 89—152).

⁵⁾ Schreier, H. Das Recht der Toten (Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft 1919—1921, 33, S. 333—432; 1917, Bd. 34, S. 1—208).

выставленная ими сила доанимистических представлений в далеко уже не первобытных железных культурах. Идея доанизма посягала в германском воздухе.

Они незаметно внедряются и в умы его противников. Крупнейший представитель анимизма в Германии, Н. Вундт¹⁾ ушел уже очень далеко от анимизма Тайлора. На ступени «примитивного анимизма» у людей было два представления души. Одно о душе свободной, отделившейся от тела (психе), другое о душе связанной, неразлучной с телом, являющейся одним из свойств его. Это — «телесная душа» (Körperseele). Последняя столь же изначальна, как психе. Но лишь сторонник психофизического монизма может найти какое-либо различие между «телесной душой» Пунита и «магической силой» доанимистов. Не удивительно, что Тессман предлагает вместо термина «телесная душа» «телесную сущность» (Körperwesen)²⁾, а Анкерман совсем предлагает изъять его из этнологического словаря. Так Вундт в переодетом виде берет чисто доанимистический принцип «силы» и лишь с помощью своей излюбленной мысли о «слиянии» (Verschmelzung) представлений сливает с телесной душой психе.

Несколько модны стали доанимистические идеи, видно из проповедей их даже в богословские работы. Я имею в виду немецкую переработку книги Зёдерблума³⁾, бывшего профессора сравнительного изучения религий в Лейпцигском университете, а ныне архиепископа (протестантского) в Швеции Упсале. Он сохраняет обломки научной критичности и научных приемов и в новой роли богослова. Особенно ценна третья глава его книги, трактующая о «мощи» (Macht), как шведские доанимисты зовут «магическую силу». Разумеется, экзепрофессор связан своим новым положением: весь доанизм, по его словам, столь же глуп, как модернизм (ebenso töricht, als modern). Анимизм для него вовсе не ребяческая гипотеза, а суть всякого идеализма. Для него первичной формой религии является монотеизм. Но церковные круги (по крайней мере, католические) остались не удовлетворены картиной «начатков религии», нарисованной бывшим ученым. В этом отношении особенно интересна рецензия известного уже нам патера Шмидта⁴⁾. Он большой спец в этом вопросе. У тасманийцев, бушменов, карликов африканских лесов и пр. он открыл «высшие существа», обломки первичной веры человечества в единого «царя небесного» (Himmelsgott)⁵⁾. Архиепископ хотел сделать ему комплимент и называет его картину «превращении» идеи об этом «царе небесном» в богов природы «схематически эволюционной». Но патер снесит разъяснить, что в его

¹⁾ См. В. Вундт. Миф и религия (перевод со 2 издания (1910 г.) 2-го тома ч. 2 его Völkerpsychologie).

²⁾ Tössmann, Pangwe, 1913, Bd. II, S. 7 n.

³⁾ Söderblom, Nathan, Das Werden des Gottesglaubens, Untersuchungen über die Anfänge der Religion, Leipzig, 1916, S. XII+398, 4°.

⁴⁾ Anthropos, 1915-6, Bd. X—XI, 2°, S. 668—680.

⁵⁾ P. W. Schmidt, Der Ursprung der Gottesidee, Münster, 1912. Еще в 19 веке в Англии защитником теории «примонотеизма» выступил Анрико Ланг, давший сводку своих взглядов в книге The Making of Religion (3-е изд. 1909 г.). Ланг является постоянным оппонентом Фрэзера.

работах нет никаких «фаз эволюции», никакой «эволюции». Он просто проследивает чередование «культурных пластов» (Kulturschichten) и внутренние «культурные круги», которые имеют свое самостоятельное происхождение где-нибудь на «белом свете» (auf der weissen Welt) и в своих пространственно-временных соотношениях, сопрягаются друг с другом. Несколько туманный смысл этой «философии» мировой истории ставит для нас вопрос, если мы примем во внимание статью Шмидта: «Протокровенное, как начало откровений бога»¹⁾. Я не стал бы останавливаться на средневековых идеях патера, если бы с ним меньше считались ученые Зинава. Но те признают его крупной величиной, его этнологическая хронология, ставшая в начале человеческого развития нигмеей, пользуется широким приятием. Он редактор серьезного миссионерского журнала *Anthropos*. В 1914 г. он открывает международную дискуссию о «проблемах тотемизма и методах его исследования»²⁾. На страницах «*Антропоса*» являются статьи, украшенные подписями Вундта, Грöбнера, Анкерманн (Германия), Гольтенвейлера (Америка), Rivers'a (Англия) и пр. Решающее слово на дискуссию предоставляется... патеру Шмидту. Интересен самый факт этой дискуссии: ученые с громкими именами соглашаются выслушать приговор патера³⁾. При всей его «учености» обет покая создаст некоторый. Но самому положению своему, христианский патер не может уйти от «прямодетности» ма». Можно ли ждать от подобной дискуссии разрешения проблемы, не решенной в фундаментальном труде Фрэзера? ⁴⁾. Мы можем узнать из нее лишь о новых фактах, о свежей литературе, но не больше.

Борьба доминантна важна особенно тем, что с корнем вырывает наше ходячее представление о духовном мире первобытного человечества. Даже «душа черного» негра, человека железной эпохи, весьма отлична от белой. Еще в 1906 г. англличанин Деннет сделал едва ли не первую, седую теракую попытку передать прихотливые нравы мировосприятия чернокожих⁵⁾. В 1910 г. француз Леви-Брюль⁶⁾ смело доводит основной принцип догматической мысли — «закон причастности» (*loi de la participation*). В 1919 г. его замечательная книга по-

¹⁾ Esser, G. n. *Mittheilung*, I. Religion, Christentum u. Kirche. München, 1911. Bd. I, S. 479 ff. *Ordensbuch* Schmidt Wlth. P. Die Offenbarung als Anfang der Offenbarung u. Gottes. Kempten u. München. Antl., 1920.

²⁾ *Anthropos*. Bd. IX. H. 2, S. 287 ff. Bd. XIV — XV, 1914 — 1920. Концы мне неизвестны.

³⁾ В Америке кружевные этнологи (Фрэнсис Боас, напр.) и антропологи пре сессией *Антропоса* (Общества в Вашингтоне) склоняются на сторону культурно-исторической школы. Там идет ожесточенная борьба с этнологической школой против праимекутства, самобытного коммунизма и даже «дарвинизма». См. об этом радостную статью Wlth Schmidt, Die kulturhistorische Methode und die nordamerikanische Ethnologie. *Anthropos* Jahrg. 1919 — 1920, Bd. 1915, S. 516 ff. Подробностей в *American Anthropologist* 1917 — 20 гг. passim.

⁴⁾ Frazer, *Totemism and Exogamy*, 1910, sv. I — IV.

⁵⁾ Denett, *At the back of the black man's mind*, London, 1906.

⁶⁾ Levy-Bruhl, *Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures*, 1910.

является на немецком языке¹⁾. Наука перестает рисовать упрощенными штрихами на одноцветном фоне анимизма первобытное мировосприятие. На новом пути не обходится без крайностей. Так Гуго Леман²⁾ рисует столь мистическую картину «предкультуры человечества», что не стоит тратить время на ее рассмотрение. Достаточно сказать, что движущим фоном ее служат такие три «странные» фактора: 1) аффекты с магическим воздействием или аффективность (Affektivität), 2) обряды (Riten) с мифическим значением, или ритуальность (Ritualität) и 3) отношения с переменной «связью значимости» (Bedeutungs-zusammenhang), или мутабельность (Mutabilität). Вужать и чаще подобной терминологии я не рискую и не считаю нужным, так как Леман бесценен раскрыть нам недра первобытной души. Гораздо ценнее попытка Тессмана³⁾ нарисовать «культуры человечества и их развития», исходя из изучения племей Камеруна. По мнению этого известного африканиста не только в этой области, но и на всем земном шаре следовали одна за другой три первобытных культуры: магическая (Zauberkultur), оборотническая (Verwandlungskultur), анимистическая (Seelenkultur). Африканский материал, далеко непервобытный, мало пригоден для целей исследования. Его тропичное расчленование, само по себе весьма произвольное, еще пропальнее переносится на прачеловечество всего земного шара. Но тем не менее доанимистический угол зрения Тессмана позволил ему дать представление о «становлении» человеческой психики. Доимизм гораздо углубленнее анимизма. За полудогматичным, вкрапляющимся в современность миром «н-бесного бога», демонов, духов и душ он открыл еще более древний, совсем «дологический» мир магических сил, живой, но бездушный, с чарами, но без молитв, с причастием, но без жертвы. Только на закате первобытной культуры и сферу разлагающейся магии вторгается зачаточная религия. Марксистам вполне понятно такое формирование первобытной души: оно отражает смену хозяйственных форм. Австралиец, охотник и собиратель, мыслит и чувствует иначе, чем строитель на-лафит, земледелец и животновод. И металлический период современный лики резко отличается от средневекового француза. Так и первобытная культура распадается на вереницу фаз, различных одна от другой. Надо уметь почувствовать своеобразие стили духовного мира людей каждой фазы. Надо перестать видеть в дикарях голых европейцев, мыслящих и чувствующих совершенно так же, как культурное человечество 19-го или 20-го века. Помимо модернизации, следует остерегаться и неверной перспективы, смещения временной последовательности фаз. Без этих двух условий, молчали-

¹⁾ Levy-Brühl, Lucien. Das Denken der Naturvölker. Wien, 1919, herausg. Braumüller. Перевод этой книги был был очень жалким и на наш язык.

²⁾ Lehmann, H. Die Vorkultur der Menschheit (Archiv für Anthropologie 1918, Bd. 16 (Neue Folge), S. 181—221).

³⁾ Tessmann, G. Die Kulturen der Menschheit und ihre Entwicklung (Zeitschrift für Ethnologie, 1919, H. 2, S. 132 ff.).

этнологическая психология¹⁾ не сможет детализировать свой набор суждений этнологическим первобытным психикой.

Эти же два условия необходимы и при исследовании первобытного права. Подобно марксовспириту, оно эволюционирует, отображая смену хозяйственных форм. Подобно ему, оно коренным образом отличается от современного. В 1861 г. в день появления знаменитой книги Кихофена о «материнском праве» зародилась наука о праве народов, стоявшая вне европейской культурной ниши. Герман Пост назвал ее «этнологическая юриспруденция»²⁾, «Индийский — доисторический права»³⁾, редакторы специально посвященного ей журнала (среди них Колер) — «сравнительное право»⁴⁾. Пост собрал громадный этнографический материал. Иосифу Колеру, ученому необычайной эрудиции, главе целой школы, удалось дать и ряд блестящих обобщений. Но этнологическая юриспруденция не могла высказаться до конца и сделать все те выводы, какие она могла вывести из колоссального количества фактов. Господствующим классам могли терпеть «безразличность» теории группового брака, могли оставаться довольно равнодушными к низвержению богов и духов («спиритизм», но они не могли позволить покушения на важнейший устой капиталистического общества. Основовладельцы научного социализма, Маркс и Энгельс, назвали первобытным коммунизмом первобытный общественный строй, не знавший частной собственности и связанного с нею классового расслоения общества. Но это отсутствие частной собственности в прошлом, пусть и отдаленнейшем, могло рождать надежду на уничтожение ее в будущем. Изначальность частной собственности пыталась усиленно доказывать отсталая этнохронология патера Шмидта, ставший в начале развития этнохрон. была легким, хотя и скользким путем, ведущим к этой цели. Такая работа проф. патера Коннерса⁵⁾, «другого я» патера Шмидта, влечет стремлением обратить и прах теорию первобытного коммунизма с помощью этой пеленой «карыковской» этнохронологии. Единственным самым интересным из всей книжки сообщение, что в 1919 г. книга Энгельса «Происхождение семьи...» (1884) и книга Бебеля «Женщина и социализм» (1887) вышли первой «16 изданием» (без перемен), а вторая достигла тиража в 150.000 экземпляров. В Германии массовый читатель идет не за Коннерсами с его нигмизмом. Для уничтожений, венских сомнений иные ученые доказывали, что даже животным присуще чувство частной собственности⁶⁾. Даже такие марксисты, как Карл Каутский или «снец» этнологии Генрих Купфер считают заветным, что первобытный коммунизм никогда не существовал. Ученые, более считающиеся с фактами, тем не менее

1) По аналогии с Völkerkunde — этнология я переводю так Völkerpsychologie. Обычно это слово переводили, как «коллективная психология» или «психология народов».

2) Post H. Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz, 1894. Bd. I — II.

3) Wintzky, Vorgeschichte des Rechts, Berlin, 1903, Teile I—III.

4) Zeitschrift für Vergleichende Rechtswissenschaft от 1878 г. и Зеем см. указания на текущую литературу.

5) Koppers Wille. Die Anfänge des menschlichen Gemeinschaftslebens, 1921.

6) М. Грушевский. Генетична социологія, 1921.

странается произнести страшное слово, будто на него наложен запрет — табу. Знаменитый Йосиф Кохер так характеризует первобытное общество. Человечество действует групповым образом (gruppeweise): индивид входит в группу, право есть право группы, а не отдельного существа. Группа дает всему руководство: работа и потребление (Genuss) общие, и же индивид мыслит, но группа. Отсюда такие учреждения, как групповой брак, «коллективная собственность» (Gemeineigentum) и «коллективный труд» (Gemeinschaftliche Arbeit). До чего сильно индивид входит в коллектив, ясно из того, что самым тяжелым для него является изгнание из общества (Gemeinschaft). После этого он — нуль и осужден на гибель. Случается, однако, что, несмотря на все, индивид уцелает, и когда изгнания имеют место чаще, то образуются группы изгнанных, являющиеся второбразами рядом с первыми группами... Изложенного достаточно. Кохер¹⁾, признавая групповой брак, этот половой коммунизм, очень близок к признанию коммунизма во всей сфере общественных отношений, хотя он избегает запретного слова и распыляется в развитии азбучной истины, что человек есть существо общественное. Но маститый юрист никогда не был марксистом. Он неогегельянец, т. е. государственник и идеалист. В предисловии к своему труду он восклицает прямо: «Материализм умер. Да здравствует философия духа!» Гораздо щеколивнее положение упоминавшегося нами блестящего этнолога Макса Шмидта. Из его новейшей работы²⁾ следует, что лишь на закате первобытной культуры коллективное хозяйство (Gemeinwirtschaft) с его коллективно-хозяйственным принципом сменяется меновым (Verkehrswirtschaft) с частно-хозяйственным принципом. Сославшись на ветхую мудрость Дигест (nihil commune habet possessio cum proprietate), Шмидт предлагает строго разграничивать собственность (proprietas) от владения (possessio). Он определенно знает, что понятие собственности может зародиться лишь в меновом хозяйстве, тогда как в коллективном возможно лишь владение, почему выражение «коллективная собственность» (Gemeineigentum) неприменимо. Шмидт даже расканвается, что в своем раннем произведении³⁾ писал о детской собственности на том основании, что вождь первобытного племени гуато (Крандин) не хотел продать ему пилровку, на которой спал десятилетний сын этого вождя без согласия мальчика. Шмидт правильно разъясняет, что этот факт давал ему право говорить лишь о владении. Кажется бы, что его воззрения вполне согласны с теорией первобытного коммунизма. Однако он очень резко выступает против последней. Он правильно указывает, что термины коллективная собственность (Gesamteigentum) и просто собственность несвойственны эпохе коллективного хозяйства и создают путаницу. Но от этой правильной мысли он перескакивает к первобытному коммунизму и пытается расправить с ним такой фразой. Нею сказку (Marchen) об изначальном коммунизме и гете-

¹⁾ Kohler, Josef. Lehrbuch der Rechtsphilosophie, 2. Ausgabe, 1917, S. 72.

²⁾ Упомянутый выше Grundriss der ethnologischen Volkswirtschaftslehre, Bd. I—II, passim.

³⁾ Schmidt, Max. Indianerstudien in Zentral-Brasilien, Berlin 1905 S. 317.

ризме человечества, по моему мнению, следует свести на это несказуемое (unsägliches) амальгамирование понятий частно-хозяйственного права с коллективно-хозяйственными отношениями, и в связи с этим тогда вновь восстало понятие орды или праорды (Urbild), искусственно сконструированное для этого обобщенного представления (т.-е. коммунизма). Примером абсурдности такой обобщенности и конструкции понятий Шмидт считает утверждение Павла Пиллюки, что тип древнего коммунизма орды (Hordenkommunismus) уцелел у инка перуанцев. Шмидт правильно указывает, что в царстве инков при резком разграничении классов господ и подвластных не может быть и речи о коммунистическом разделе имущества¹⁾. Все это так, но остается загадкой, почему первобытный коммунизм является сказкой. Шмидт не опровергает его отдельно, но соединяет его с гетеризмом, существование которого действительно недоказуемо. Затем он прицепляет к нему не менее гипотетическую праорду. Наконец, он заставляет этот коммунизм отвечать за погрешности отдельных защитников этой теории. Первобытный коммунизм должен быть, конечно, отодвинут к началу первобытной культуры. Появление частного владения знаменует и начинающееся его разложение. На закате первобытной культуры происходит становление собственности. По увещаниям отдельных ученых и неточности в их терминологии вовсе не могут служить веским доводом против его реального существования. Что касается этнологических данных, т.е. как показывает и сам Шмидт, наблюдатели дикореского быта легко отождествили владение с собственностью. Подобно древнейшей, хорошо нам известной фазе культуры — аустралийской — является сравнительно молодой. Я отношу ее к протоэолиту, переходной эпохе от палеолита к неолиту. У аустралийцев все исследователи признают коллективное владение землей. Но почти все движимые вещи находятся во владении отдельных лиц. Эйрман на этом основании думает, что у северных аустралийских племен никогда не было настоящего коммунизма в отношении средств пропитания. Но он мечтает в изложении собственности с владением²⁾. Знаменитый аустралиец Баддун Спенсер³⁾ находит, что северные племена едва ли имеют понятие о личной собственности.

Если мужчина получает награду или подарок, то он тотчас делится с членами родственной группы или друзьями. Если дело идет о неразделимом предмете, то он без большого размышления передается дальше родственнику или другу, который его пожелает. Спенсер с грустью замечает, что ленивый может жить за счет прилежного⁴⁾. В эпоху первобытной культуры сохраняется медленное становление того, что теперь зовут собственностью. С полным правом мы можем оставить за не первобытной общественностью имя первобытно о коммунизма, не переделывая его в менее точное, обезличенное название, вроде первобытного коллективизма. Но мы не должны

¹⁾ Schmidt, Grundriss, ..., Bd. I, S. 149.

²⁾ Eichmann, Die Eingeborenen der Kolonie Südastralien, Berlin, 1908, S. 173—174.

³⁾ Spencer, B. Native Tribes of the Northern Territory of Australia. London 1911, pp. XX + 516. Ed. Macmillan.

изображать его однородным и неизменным на всем протяжении от эолита до халколита. Надо, и раз навсегда, отмежевать от него общественные отношения столь сложных культур, как перувальская, негритинские, индонезийские (напр., на о. Яве). Подобное чрезмерное расширение первобытного коммунизма лишь облегчает нападки его прагматиков: слишком рискованно и мало убедительно реконструировать его по весьма таинственным пережиткам в металлических культурах. Но ущемлении, крайности, ошибки сторонников в теории первобытного коммунизма не могут поколебать его. Условно-бытие первобытной общности покоится на своеобразии форм первобытного хозяйства. Групповой брак, первобытный коммунизм, доминизм сопряжены и соотнесены друг с другом. Достаточно знать существование одного элемента культуры (напр., группового брака), чтобы судить о наличии другого (скажем, коммунизма). Вся первобытная культура представляет из себя огромный и цельный комплекс, непрерывно, пусть крайне медленно, развивающийся и усложняющийся. Этот комплекс распадается на отдельные фазы или комплексы, где всегда сохраняется связь между хозяйственными, общественными и духовными элементами. Если устранить понятие комплекса (другое название фазы), то нельзя даже в общих схемах восстановить общего развития первобытной культуры.

Пресловутый Олвинд Шпенглер, в отличие от других приверженцев культурно-исторической школы Грэнера¹⁾, особенно хорошо муштровал сложность и соответствие всех элементов культурного комплекса. Но спайку и гармонию их он объясняет не единством хозяйственной базы каждого комплекса, а единством «души» (Kulturseele). Много мастерства, да и дни постижения фаустиковской, андоновской, магической и пр. «души» исторических культур металлического периода. Но «логическая» фантазия Шпенглера не хватило для воссоздания «души» доисторических культур.

Он резко отделяет «примитивную» и «высокую» культуры (primitive und hohe Kultur). По его мнению, по известному роду керамики нельзя сделать никаких заключений о нравственности и религии населения, ее создавшего. Между татуировкой и формой семьи, если случайно сочетание их повторится, нет связующей их одной идеи, какая лежит в основе связи между плобятием пороха и перспективой в живописи. Нет никаких необходимых отношений между орнаментом и организацией по возрастным разрядам или между культом божества и родом земледельца. В примитивной культуре всегда развиваются лишь отдельные «стороны и черты» (Seiten und Züge), а не она сама. Поэтому Шпенглер зовет ее «хаотической». В отличие от «высокой», «примитивная» культура — не организм, не «тумма организмоз»²⁾. Непостижима для Шпенглера «душа» первобытности, она для него — туманная «правдоуменность» (Urseelentum). С инстинктом художника он отказывается от восстановления membra

¹⁾ О. Шпенглер — великий обизан культурно-историческая школа, по, подобно знаменитому африкановеду Лео Фробениусу, имеет особое, «личное» дно.

²⁾ Spengler, O. Der Untergang des Abendlandes. München. 1922, Bd. II S. 41.

disiecta первобытности, так как темная «природушевленность» бессильна привести их в ясную связь. Так для Шпенглера вся первобытная культура осталась неизвестной областью непостижимой «предкультурой» (Vorkultur). Фантастическое знание его «высоких» культур не имеет фундамента.

Устами Шпенглера идеалистическая школа честно признается в своем бессилии реставрировать цельную первобытную культуру в процессе ее развития. Для господствующих классов эта реставрация не представит интереса. Разне человечество без богов и души, без индивидуальной семьи, собственности и классов не является ярким криком о возможности другого, некапиталистического строя? Но для рабочего класса на дне первобытности сверкает отблеск будущих культурных форм. Марксистский метод может связать огромное количество фактов, собранных геологами, антропологами, этнологами, археологами и филологами в стройную систему. Мы уже имеем попытки такого рода. И Рерманин (Эйльдерман) ¹⁾, и Рожицын (Рожицын) ²⁾ пытаются дать картину общего развития первобытной культуры, нехоти на эволюции хозяйства, освещая ее историко-материалистически.

Этим путем и возможно реконструировать становление первобытной культуры. Об этих марксистских работах, как и о своих собственных ³⁾, автор этих строк надеется поговорить в особой статье: «Комплексный метод и доистория». Пока же он кончает свой слишком затянувшийся обзор, извиняясь за крайнюю его неполноту.

В. К. Никольский.

¹⁾ Eildermann, Heinrich. Urkommunismus und Urreligion. Berlin, 1921 (Internat. Arbeiter Bibliothek, Bd. 3).

²⁾ В. Рожицын. Очерки по истории первобытной культуры. Харьков, 1922 г.

³⁾ В. К. Никольский. Очерк первобытной культуры (в брошюровке; изд. Л. Д. Френкеля в Москве). Кто же? История первобытной культуры (доистория). Издат. «Новая Москва» (готовится к печати).

ОПТИМАЛЬНЫЕ РАЗМЕРЫ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

(Проблема землеустройства.)

Труды Высшего Семинария с.-х. экономики и политики при Петровской с.-х. академии.

Едва ли кто-нибудь когда-нибудь утверждал, что предприятие с 20.000 рабочих обязательно должно быть экономически целесообразнее (в частности, выгоднее), чем предприятия с 10.000 рабочих; с 50.000—более, чем с 20.000 и т. д. Несомненно при данном уровне технического развития для отдельных отраслей хозяйства существует определенный размер предприятия, при котором оно является экономически наиболее целесообразным, т. е. себестоимость его продуктов минимальной.

Найти методы определения такого экономического наиболее целесообразного (оптимального) размера для сельско-хозяйственных предприятий составляет задачу вышеназванных трудов семинария с.-х. экономики и политики при Петровской с.-х. академии. Сборник состоит из основной статьи А. Чапанова и двух специальных: статьи А. Вайнштейна о математическом исчислении среднего расстояния поля от усадьбы с приложением перевода соответствующего отрывка из «Изолированного государства» Тюнена, и статьи Н. Донатина — «О влиянии размеров хозяйства на состав и стоимость машинно-использования».

При этом, как сообщает А. Чапанов, побочным результатом нашего анализа оптимальных размеров с.-х. предприятий явилась возможность количественного определения степени землеустройства каждой территории, находящейся в с.-х. эксплуатации... Наиболее землеустроенной должна почитаться та сельско-хозяйственная территория, которая при одинаковом составе угодий и культур и при одинаковой площади имеет благодаря своему рациональному пространственному расположению наименьшее среднее расстояние сельско-хозяйственных перевозок.

Если под средним расстоянием сельско-хозяйственных перевозок понимать сумму перевозок внутри сельско-хозяйственного предприятия, деленную на общее количество перевезенных грузов, под идеальным (для данного с.-х. предприятия) средним расстоянием—ради-

ус круга с площадью, равной площади дачного предприятия, под коэффициентом землеустроенности — отношение среднего расстояния в данном с.-х. предприятии к идеальному для того же предприятия (т.-е. к радиусу круга, площадь которого равна площади данного предприятия), то количественным выражением эффекта землеустройства для простейшего случая, когда налицо только один вид

удобий, может служить, согласно А. Чаянову, формула $y = \frac{x_1 - x_2}{z}$, т.е.

отношение разности между старым — до землеустройства — коэффициентом землеустроенности (x_1) и новым — после землеустройства — (x_2) к коэффициенту идеальной землеустроенности (z), который может быть принят равным 1 или другой величине.

Найти практически применимый метод количественного определения какого-нибудь понятия означает колоссальный шаг вперед, означает смену ремесленного глазомера научным измерением.

Однако практическое значение как попутно найденного метода количественного определения степени землеустройства (о котором А. Чаянов публикует пока лишь «предварительное сообщение»), так и метода нахождения оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий, по крайней мере, в том виде, в каком они изложены, весьма проблематично.

Даже элементарные приемы, применяемые А. Чаяновым, требуют не только весьма кропотливой, но и нередко весьма трудной математической работы разбивки плана с.-х. площади данного предприятия на подходящие геометрические фигуры и очень больших и достаточно сложных подсчетов. Выдвигающий же преимущества для этой цели высшего математического анализа А. Вайнштейн, заявляющий с гордостью в итоге длительных математических изысканий, что «таким образом задача нахождения среднего расстояния может считаться *разрешенной* (курсив автора)» вынужден напечатать такого рода подстрочное примечание: «Мы пользуемся случаем привести здесь глубокую благодарность проф. М. у-та Н. К. Лахтину, консультировавшему настоящую работу, особенно посодействовавшему нам в разрешении этого сложного с математической стороны (курсив мой. А. В.) случая. Между тем и А. Вайнштейн не дает общей формулы для всех случаев (по которой можно было бы вычислять, не заботясь о ее пропущенности), а лишь *пример* разрешения задачи определения оптимальных размеров, притом и сравнительно по самым трудным случаям. Сменно, конечно, было бы думать, что землеустроитель сумеет при помощи двукратных интегралов сам справиться с другими случаями, которые легко могут оказаться весьма сложными с математической стороны и требующими консультации специалиста-математика.

Если практическое значение работы семинары — дело будущего и, вероятно, не близкого будущего, то работа эта позволяет сделать известные и, что особенно важно, основывающиеся хотя и на абстрактно-упрощающих, но детальных и весьма близких к действительности расчетах, — выводы по отношению к старому спору о срав-

нительных преимуществах крупных и мелких сельскохозяйственных предприятий.

А. Чаянов, предвидя попытку использовать работу руководимого им семинарии и этом направлении, посвятил уже в предисловии оговорить, что «семинарий с особенной настойчивостью подчеркивает, что весь анализ проведен им в плоскости *крупного* хозяйства, основного на *нашем* труде, и установление для этого хозяйства *высших оптимальных* ни в коем случае не может свидетельствовать о каких-либо его преимуществах над семейным трудовым крестьянским хозяйством, не только количественно, но и *качественно отличающимся* от хозяйства нетрудового типа» (курсив по всему мой Л. К.). И А. Чаянов старается сообщить, какой тип сельскохозяйственной организации он «смыслится идеальным»: это, разумеется, кооперированное крестьянское хозяйство, которое подробно разбирается, как сказано в предисловии, в VI главе, каковой, к сожалению, в книге не оказывается.

Во этой главе о циркуле идеала ни в коей мере не может ослабить доказательности приведенного семинарием исследование реального. Если П. Лопатин в упомянутой выше статье в этих же трудах семинарии сообщает, например, что и хозяйство с 35 десятинами ручной посев обходится в 50 коп. на десятину, а посев рядовой сеялкой—3 коп., в хозяйство же в 5 десятин—ручной те же 50 коп., а рядовой сеялкой почти 10 руб., то чем могут помочь крестьянину его качественные отличия, если оно вынуждено затрачивать на посев, вместо 3-х, 50 коп.?

В действительности помогает крестьянину, как известно, готовность много работать и получать ничтожнейшее вознаграждение.

Можно утверждать, что в данном случае могла бы помочь кооперация, но как раз анализ А. Чаянова убедительно показывает, что дело обстоит серьезнее.

Расходы сельскохозяйственного предприятия, отнесенные к единице площади (десятина), распадаются, согласно этому анализу, на три группы. Одни расходы на постройки, на инвентарь и общие расходы (общее управление, контора и пр.), *уменьшающиеся* при укрупнении хозяйства; другие—прежде всего издержки внутрихозяйственного транспорта, *возрастающие* при укрупнении хозяйства; и третьи—расходы на семена, на удобрения и др., *не зависящие* от изменения размеров хозяйства. Первые сначала резко падают, потом становятся почти не чувствительными к дальнейшему укруплению, вторые растут более постепенно, но непрерывно. В результате (третьи на него не влияют) при известном размере с.-х предприятия получится *минимум* расходов на десятину, это и есть оптимальный размер с.-х предприятия, зависящий от применяемой в последнем системы сельского хозяйства, определяющей специальное сочетание и специальный характер изменений, как первой, так и второй группы расходов при изменении размеров с.-х предприятия.

Для разных систем сельского хозяйства этот optimum составляет, по А. Чаянову, *от 200 до 2.000 десятин*, в частности при удобрении

мом трехпольи 500 — 600 десятин, при неудобряемом 800 — 900. Иными словами, с наименьшими издержками производства при существующей технике и при расцедствующей в России системе хозяйства могут производить лишь с.-х. предприятия не меньше, чем в 500 десятин.

Что могут в этом выводе изменить качественные отличия крестьянского хозяйства ¹⁾? Быть может, с.-х. постройки и инвентарь обходятся крестьянам дешевле? Или дешевле обходится внутрихозяйственный транспорт? Или, наконец, дешевле обходится их собственная рабочая сила? Последнее, к сожалению, верно. Но, как оказывается, (А. Чайнов и это предусмотрел), при *понижении заработной платы оптимум повышается* (для удобряемого трехполья при понижении заработной платы 90% на 17 и оплаты рабочего дня лошади 90% на 37 с 500—600 десятин до 1000—1100 десятин); т.-е. поскольку крестьянин, надрываясь над работой и не доходя, понижает заработную плату с.-х. рабочего, он делает свое хозяйство относительно еще *менее* выгодным.

Итак с минимальными издержками может при современной технике производить лишь такое с.-х. предприятие, которое занимает *сотни* десятин и далеко переходит за пределы семейного трудового предприятия. И здесь иным образом ничем не может помочь и кооперация; единственный выход — укрупнение хозяйства всего, а не отдельной стороны его.

Не менее существенны и следующие выводы: *оптимальный размер с.-х. предприятия увеличивается с увеличением механизации труда* (см. стр. 17), *он увеличивается с усовершенствованием техники* (внутреннего) *транспорта* (см. стр. 19 и 20). Иногда простой переход от простой телеги к фургону или даже от деревянных осей на оси железные, говорит А. Чайнов, вносит целую революцию в дело организации внутрихозяйственного транспорта и его стоимости.

Итак, *технический прогресс повышает оптимальный размер сельско-хозяйственного предприятия*. Время работает, как убедительно доказывает А. Чайнов, *против* мелкого хозяйства и земледелия.

Но прогресс сельского хозяйства приводит к смене систем хозяйства, к интенсификации его. Не происходит ли при этом перехода к мелкому хозяйству?

Действительно, оптимум тем *меньше*, чем к более *высокой* системе хозяйства относится с.-х. предприятие. Этот оптимум, согласно вычислениям А. Чайнова, составляет:

¹⁾ В одном месте А. Чайнов несколько проговаривается, что его расчеты распространяются и на крестьянские хозяйства. А именно, высчитывая влияние издержек внутрихозяйственного транспорта на себестоимость продукта дня, как он много раз подчеркивает, *крупного* хозяйства, основанного на *массовом* труде, он вдруг (на стр. 16) пишет об «увеличении числа выездов *во яма* (курсив мой. — М. К.) в поле», хотя несколькими строками до того выезды хозяйства предусмотрены *только* *рабочника*.

Для залежной системы	1800—2000 десятин ¹⁾
„ неудобренной трехпольной	800—900 „
„ удобренной „	500—600 „
„ плодосменной	200—250 „

Разумеется, с-х предприятие с 200 десятин, на которых ведется плодосменное хозяйство—*крупное* предприятие, недоступное силам семьи; разумеется, технический прогресс будет повышать и этот оптимум. Но самое существенное то, что, сравнивая хозяйства с точки зрения их крупности, можно брать за масштаб сравнения их площадь только при прочих равных условиях, значит *при условии одной и той же системы хозяйства*. Для сравнения же хозяйств с разными системами хозяйства нужно взять иное мерило, нужно сравнить ценность всех произведенных в каждом из этих хозяйств затрат.

Если подсчитать ценность построек, инвентаря и затрат на управление и работы (по данным трудов семинария), то окажется, что она составит для *оптимального* хозяйства:

при залежной системе	(2000 десятин) около 38000 руб. ²⁾
„ неудобренной трехпольной	(900 „) „ 43500 „
„ удобренной „	(600 „) „ 35000 „
„ плодосменной	(250 „) „ 45000 „

¹⁾ Культурная площадь оптимальных хозяйств, за вычетом луга, разнится не столь уже сильно, составляя:

при залежной системе	400 дес., без луга и пара 400 дес.
„ неудобренной трехпольной	450 „ „ „ „ 300 „
„ удобренной „	450 „ „ „ „ 300 „
„ плодосменной	250 „ „ „ „ 25 „

²⁾ Скачок низ при переходе от неудобренного трехполья к удобренному внушает сомнения. Оптимальные хозяйства отличаются в *этом* случае только площадью луга: при неудобренном трехполье 450 десятин в севообороте и 450 дес. луга; при удобренном же 450 в севообороте, но 150 дес. луга. Между тем А. Чапнов считает, что и обоих случаях при одинаковом размере всего хозяйства на десятину приходится одинаковая стоимость построек. В результате стоимость построек при 450 дес. в севообороте и 450 дес. луга—22 600 руб., а при тех же 450 дес. в севообороте и 150 дес. луга только 15 900 руб., что мало правдоподобно. Так как амортизация построек принята в размере 5%, то на величину оптимума это обстоятельство большого влияния не имеет, но на наши данные о ценности затрат его влияние очень велико. Если принять, что при утрате луга стоимость построек не изменится, то мы вместо 43500 и 35000 получим 43500 и 42000, практически говоря, одну и ту же величину. Иными словами, по ценности затрат *размер хозяйства*, которое сохранило свои 450 дес. в севообороте, но сократило луг с 450 дес. до 150 дес., перейдя к удобрению пара, *не изменился*, что и следовало ожидать.

Такая таблица примет тогда следующий вид:

при залежной системе около	38000 руб.
„ трехпольной „	42000 43500 руб.
„ плодосменной	45000 руб.

т.е. правильный, хотя и незначительный рост общей ценности затрат при переходе к высшей системе.

Иными словами, при изменении системы хозяйства поревода к более мелкому хозяйству *не происходит*. Скорее обратное.

Нужно признать большой заслугой семинария и его руководителя серьезную научную разработку указанных вопросов на основе детального анализа отдельных факторов сельского хозяйства. Она отнюдь не оправдывает ни тех оговорок, которые делает А. Чаянов насчет качественных особенностей мелкого хозяйства, ни той перешителности, с которой он пишет (на стр. 7): «Мы должны с несомненностью признать, что *при прочих равных условиях*, хозяйство крупное *почти* всегда будет иметь *некоторые* преимущества перед хозяйством мелким: это один из основных законов экономики, и было бы нелепоостью его отрицать» (курсив везде мой. Л. К.).

Основные законы необходимо формулировать категоричнее.

Общие результаты этой работы должны быть использованы в нашем строительстве крупного сельского хозяйства, а выдвинутые ею методы подвергнуты дальнейшей разработке, которая, надо надеяться, приведет к выработке менее громоздких приемов работы.

Л. Крицман.

Д-р МАКС АДЛЕР. „УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА О ГОСУДАРСТВЕ“.

(Очерк различий между социологическим и юридическим методом).

(Марксистудии, т. IV, полутом 2-й, Вена 1922 г., изд. Венского народного издательства).

Новая книга Макса Адлера представляет собой критику работы венского профессора Ганса Кельзена «Социализм и Государство» (Лейпциг, Гиршфельд 1920 г.). Книга Кельзена стремится вскрыть, с точки зрения формально-юридического метода, внутренние противоречия марксистского учения о государстве, чтобы тем самым доказать научную несостоятельность марксизма. В противовес этой новой попытке научного уничтожения марксизма, Макс Адлер стремится доказать, что на основе формально-юридического метода невозможно даже понять сущность марксизма — что своей целью, дать критику марксизма по существу, Кельзен таким образом не достиг, — что он указывает лишь на те противоречия, которые возникают при противопоставлении его формально-юридического понимания государства марксистскому историко-социальному пониманию. Эти противоречия, однако, не только не говорят ничего против методологической правильности марксизма, или против фактической правильности его конкретных выводов, — но они скорее доказывают ограниченность формально-юридического метода Кельзена и его негодность для уразумения конкретных историко-общественных явлений.

Эта необходимость защиты марксизма от формальной теоретико-познавательной кантиантской критики вынуждает М. Адлера занять своеобразную позицию по отношению к новейшей марксистской литературе. С одной стороны, он вынужден энергично отмежевываться от воззрений Бернштейна (т. II, 102) — с другой же стороны, занятой им боевая позиция вынуждает его к далеко идущему признанию большевистской интерпретации учения Маркса и Энгельса о государстве. Он признает большой заслугой Ленина и Троцкого, что они очистили учение Маркса и Энгельса о государстве от оппортунистических искажений, восстановили его действительный смысл, и во многих вопросах, — как например — в вопросе о разрушении государственной машины, — становится на их точку зрения (стр. 116, 151, 166 и т. д.). Принимая во внимание общее воззрение М. Адлера, не приходится удивляться тому, что он при этом обнаруживает свои предубеждения по отношению к коммунизму и неспособность понять коммунистическую теорию и практику при оценке русской советской диктатуры, которая, по его мнению, является не диктатурой проле-

тариата, а диктатурой Р. К. Н. На этом вопросе мы останавливаться, однако, не станем, так как он не имеет прямого отношения к нашей настоящей теме, да и, кроме того, возражения М. Аллера тривиальны и скучны.

Основная задача книги — методологическая. Она имеет целью доказать превосходство марксистского социологического метода над кантовским формальным методом. Необходимо, однако, тут же подчеркнуть, что под марксистским методом М. А. подразумевает свой собственный неустойчиво-формалистический метод, сильно окрашенный кантовскими, теоретическо-познавательными тонами, так как, по его мнению, диалектический материализм не является органической, составной частью марксизма (рассуждения М. А. о содержании и приложении диалектики представляют собой одно сплошное влияние). Тем самым уничтожается, однако, отрывной пункт противопоставления кантианства и марксизма. Вопрос превращается в семейный спор кантианцев. М. А. пытается доказать, что кантовский метод сверх-исторического формального а priori может быть истолкован и так, чтобы найти в нем подтверждение и марксистского метода.

Это делает, однако, его собственную позицию сомнительной и неустойчивой: его отдельные выводы и его методы на каждом шагу опровергают самих себя. Правда, он по многим вопросам остается прав по отношению к Кельзену (что, конечно, большой заслугой не является, ибо Кельзен собрал в своей книге все устаревшие и выдохнувшиеся взгляды буржуазных научных попыток «уничтожения Маркса»). Но так как, с другой стороны, М. А. не умеет и не желает выступить против Кельзена с выдержанной точкой зрения исторического материализма, материалистической диалектики, то он беспрестанно попадает в этой борьбе в методологические затруднения даже там, где он фактически отстаивает более верные, но не вполне верные взгляды. Ибо с кантовской точки зрения, с точки зрения теоретико-познавательного и юридического формализма, воззрения на государство Кельзена являются более последовательными. Поскольку М. А. хочет их оспаривать с этой же точки зрения, он вынужден беспрестанно выдвигать против взглядов Кельзена, в форме разжиганно о кантианстве марксизма, *устаревшие и выстрелившие буржуазные теории*. Ибо юридический формализм представляет собой наиболее совершенную ступень пореволюционного, стоящего все более консервативным методом, сознательно отказывающегося от отвлечения становления и уничтожения, от конкретного постижения исторической сущности общественных образований. Проблема материального субстрата единичных форм этим методом в связи с гносеологической постановкой вопроса у Канта (существуют синтетические суждения а priori — как они возможны), просто устраняется тем способом, что принимает со за данное, не поддающееся дальнейшему выяснению, и направляет свое внимание исключительно на вопрос, как могут быть выведены предпосылки значимости фактически значимого. Он устраняет, таким образом, целиком вопросы: «что значимо» и «почему значимо», чтобы сосредоточиться исключительно на проблеме, «как значимо».

Таким образом, возникает гносеологическая проблема формы и содержания, которую эта юридическая школа решает в том смысле, что содержание права вообще не является больше юридическим вопросом; что юриспруденция должна заниматься только общими формальными предпосылками значимости *положительного права*.

Это разнствие является в научном отношении шагом вперед, поскольку сущность положительного права освобождается и четко отделяется от связи с «вечной справедливостью», с «сущностью человека», с этикой и т. д. С другой стороны, это научное преодоление естественного права означает одновременно окончательную ликвидацию революционно-идеологических традиций буржуазии. Ибо естественное право представляло собой попытку (буржуазии) помочь победе права «истинного», «справедливого» и т. д. над существующими системами положительного (феодально-абсолютистским правом). Социальный смысл юридического формализма, утверждения, что содержание права является, говоря словами Едлинска, — юридическим, — заключается, таким образом, в том, что буржуазная юриспруденция принимает за данное существующий (буржуазный) правовой строй и ограничивается теоретико-познавательным выяснением предпосылок его значимости.

Проблема усложняется лишь тогда, когда оказывается налицо возможность или факт победоносной пролетарской революции. Ибо указанное воззрение должно тогда оказаться методологически-вынужденным признать в пролетарском правовом строе такой же правовой строй (такой же «положительный», такой же «легитимный»), как в буржуазном правовом строе. Правда, познание своеобразия пролетарского государства является для этой школы — методологически-невозможным, но если она хочет остаться выдержанной и последовательной, то она должна по отношению к нему занять методологически-нейтральную позицию. Естественно, что, являясь частью буржуазной науки, она оказывается к этому неспособной. Она вынуждена, таким образом, в своей критике марксизма выступить против своего собственного метода. В этом причина низкого уровня книги Кельзена, несмотря на его выдающиеся способности.

Действительная марксистская критика является всегда исторической критикой. Она не может ограничиться выяснением ошибок противника, ибо вообще нет нужды заниматься всяким недомыслием, которое социально и исторически ничего собой не представляет. Критика должна показать: как эти ошибки вытекают с необходимостью из классового положения противника; как противоречия, в которых он путается, являются лишь идеологической формой объективных противоречий его классового положения. Критика Прудона Марксом в «Низоте философии» является прекрасным образцом такого метода критики.

М. А. такого вопроса вообще себе не ставит. Его марксизм и юридический формализм Кельзена противопоставляются им в безвоздушном пространстве чистой теории. Даже больше: они сходятся в одном решающем пункте: оба стоят на точке зрения сверх-исторического *a priori* — с той лишь разницей, что это *a priori* у Кельзена

является ортодоксально-кантианским, чисто формальным а priori; между тем как М. А. открыл впервые и с теоретико-познавательной точки зрения проблематическое «социальное а priori» (стр. 30, 69 и т. д. о социологии, как об исторической науке, 311, 312), которое может быть по необходимости формальным или определяющим содержание. Вместо того, чтоб историко-диалектически разбить формализм Кельзена, он стремится доказать, что посредством его «социального а priori» может также быть решена и учения о государстве проблема содержания; это решение является, однако, естественно-правовым. Когда, например, М. А. подчеркивает (240 стр.), что «положительное право прежде всего не является ни моралью и ни правом», то он просто волеит снова в науку старое, правильно отвергнутое новейшими буржуазными учениями — различие право вообще (или истинного права) и право положительное. Туник правового формализма заключается, однако, не в том, что он признает лишь положительное право за право. Скорее это даже шаг вперед. Туник заключается скорее в том, что этим самым для юридического формализма, как для наиболее развитой современной идеологической формы класса буржуазии в этой области — содержание права превратилось в абсолютно неразрешимую проблему. Марксизм может, таким образом, признать эту критику естественного права за шаг вперед; марксизм в силах не только выяснить происхождение содержания права, но и вывести также структурное изменение правовых форм из истории «экономической структуры общества», М. А. же, напротив, должен со своим растяжимым а priori искать убежища в устаревших буржуазных теориях периода революционных традиций буржуазии. Только это продвижение точки зрения делает книгу М. А. заслуживающей внимания в ряду вульгарных попыток улучшения права: она показывает, как политическая роль австрийской социал-демократии, как единственной защиты буржуазной ноябрьской революции 1918 г., оказывает *обратное влияние* на его теорию. Книга сама по себе мало интересна.

Вена. 1923 г.

Георг Люкач ¹⁾.

¹⁾ От редакции: тов. Люкач является одним из видных теоретиков венгерской коммунистической партии.

J. CAILLAUX. OÙ VA LA FRANCE? OÙ VA L'EUROPE? AUX ÉDITIONS DE LA SIRENE (стр. 293). Ж. КАЙО. КУДА ИДЕТ ФРАНЦИЯ? КУДА ИДЕТ ЕВРОПА?

Книга Кайо «Куда идет Франция» примыкает к той уже многочисленной буржуазно-нацифистской литературе, которая посвящена критике Версальского и других договоров, навязанных Антантой побежденным странам и вообще критике «достижений» великой войны. Кайо не высказывается и столь резких и решительных выражениях о политике французских империалистов, как Нитти и его книга «Европа без мира» или Кейнс и его книгах о Версальском договоре. Все же книга Кайо представляет собой обвинительный акт, направленный против политики французского правительства.

Основная идея Кайо заключается в том, что «война не обогащает». Он цитирует «замечательную» работу Trustée, «Le bilan de la guerre», который доказывает, что Франция потеряла в результате мировой войны минимум $\frac{1}{4}$, если не $\frac{1}{3}$ своего национального богатства, что война, несмотря на ее победный исход, была для Франции экономической катастрофой. В результате войны, доказывает Кайо, ссылаясь на упомянутую работу, население метрополии уменьшилось на 2.300.000 душ, производительность труда понизилась, урожайность земли стала ниже, шоссе и железные дороги испортились и необходимы большие средства для их восстановления, тысячи зданий разрушены, наконец, всякого рода иностранные бумаги, русские, турецкие и т. д., составлявшие часть капитала французских банков и отдельных лиц, обесценены. Исходя из данных, приведенных Trustée, Кайо оспаривает «софизмы» и «цифровые подчистки» тех, кто доказывает, будто Франция в финансовом отношении выиграла в результате войны. Кайо посвящает значительную часть своей книги доказательству той истины, что война не обогатила Франции.

Однако Кайо в своей же книге приводит данные, из которых явствует, что война кое-кого обогатила. Всякая длительная война, — цитирует Кайо Флюбера, — «становится войной из-за денег». Прежде всего, доказывает Кайо, — нажилась на войне металлургическая индустрия, затем химические фабрики, далее предприятия, изготовлявшие «всякого рода предметы, имевшие отношения к национальной обороне и т. д.». Одна английская оружейная фабрика реализовала в 1912 г. 1 миллион ф. ст. прибыли. В 1916 г. она реализовала 16 милл.

ф. ст.; в 1917 г.—21 милл. Доходы самого большого чугуно-плавленного завода во Франции, равнявшиеся 5 милл. фр. в 1913 году, поднимаются до 17 миллионов в 1916 и 18 миллионов в 1917 г... «Одно хорошо известное общество, которое борется с американским нефтяным трестом, получило невероятные доходы, благодаря войне: 32 милл. флоринов в 1916 г. (вместо 13 милл. до войны), 44 милл. в 1917 г., 72 миллиона в 1918 г. (Caillaux, стр. 42, 43).

Кайо указывает, что во время войны в 1915—1916 гг. некоторые японские предприятия распределили дивиденды в 220% и даже в 600%.

Крайне характерно, что, говоря даже о таких общезвестных фирмах, как знаменитый нефтяной трест «Royal Dutch», Кайо не называет их имен и ограничивается такими намеками, как «хорошо известное общество». Так велика боязнь Кайо перед могучими капиталистическими кланками, которые сбросили его с поста министра и посади и в тюрьму.

Главными виновниками мировой войны Кайо считает национальные и интернациональные тресты, синдикаты, картели, которые замедлили борьбу и конкуренцию между разрозненными, отдельными капиталистами, национальными, коллективными конфликтами, сделав войну между народами неизбежной (стр. 3).

Главный интерес книги Кайо и характеристике финансового положения, сложившегося в результате мировой войны.

Во время Консулата общий долг всех цивилизованных стран не превышал 15 миллиардов. Он достиг 35 миллиардов к моменту Венского конгресса и 41 миллиарда к моменту Крымской кампании. Этот долг дошел до 110 миллиардов в 1875 году и равнялся 220 миллиардам накануне мировой войны.

Таким образом, за период с 1875 по 1914 г.г. мировой долг удвоился.

Но при этом следует принять во внимание, что значительная часть этого долга обуславливалась производственными расходами на железные дороги, каналы и т. д. Посмотрим теперь, что произошло после мировой войны. Долг дошел до 1500 миллиардов: таким образом, в течение нескольких лет мировой долг возрос на 1300 миллиардов, израсходованных исключительно на разрушительные цели. История не знает, — говорит Кайо, — другого подобного примера столь феноменального расточения богатств. И результате, производство парализовано и труд обременен колоссальным налогом, созданным в промежутке между 1914—1921 г.г.

Оценив этот налог можно судить по тому, — замечает Кайо, — что *общая сумма прибылей всех предприятий на земном шаре значительно ниже этой страшной цифры 1300 миллиардов*. Одна Франция увеличила свой налог на 270—280 миллиардов. В результате этого колоссального налога, легшего неравномерным бременем на отдельные государства, — так что в то время как Франция должна 300 миллиардов, соседняя с ней страна имеет долг всего в 15 миллиардов, создается совершенно неодинаковое нало-

вое обложение граждан и двух соседних государствах, все совершенно перепуталось, и экономические связи между различными государствами, переход капиталов из одной страны в другую натолкнулись на непреодолимые препятствия. Мировая война возродила систему крайнего протекционизма и довела последний до самых уродливых и бессмысленных форм. Таким образом, заключает Кайо, капитализм сам наносит себе рану. Не желая перейти к национализации производства, от которой он может умереть, капитализм отказывается вместе с тем от одного из важнейших резонов своего собственного существования. Капитализм был великой колесницей прогресса, потому что он сумел организовать подвижность богатства. С того момента, как эта подвижность богатства наталкивается на препятствия, вся система глубоко потрясена. Тресты и синдикаты хорошо поработали,ронически замечает Кайо. Они разрушили мировое равновесие, которое существовало до 1914 года, и этим взорвали устой капиталистического строя.

Государственный долг Франции к началу 1921 года превышал 300 миллиардов. Годовой дефицит в 1921 году равнялся 2.800.000.000. Чтобы покрыть дефицит в ближайшие годы, предполагалось ввести новые налоги в сумме от 6 до 8 миллиардов.

Протекционисты думали выйти из этого тяжелого положения, продавая за границу, но ничего не покупая в других странах. Кайо доказывает, конечно, всю нелепость этого плана. Эта система протекционизма повела только к тому, говорит Кайо, что Франция очутилась совершенно в изолированном положении. Один за другим, — говорит Кайо, — различные мировые рынки закрываются перед Францией. До войны Франция пользовалась благоприятными тарифами во всех странах мира. После победы и исключительного положения, которое заняла Франция в результате победы, ее коммерческое положение в большей части стран компрометировано, и по отношению к ее продуктам и изделиям принимаются заградительные меры. В течение последних двух лет ни один торговый договор Франции с каким-либо государством не ратификован. Все договоры могут быть отвергнуты, и французская промышленность может очутиться перед заградительной стеной, воздвигнутой против нее во всех странах. Эта экономическая война обуславливается тем крайним протекционизмом, который ввела сама Франция, установившая необычайные таможенные тарифы против других государств. Даже Англия ввела протекционный тариф, направленный специально против Франции. И когда мы жалуемся, — замечает Кайо, — нам отвечают словами, Бальдвина, английского министра торговли, который сказал в Палате Общин 11-го августа 1921 года: «Те, которые поставили бульдога у двери своей лавки, не могут жаловаться на то, что мы поместили кошку в нашей кухне».

Книга Кайо содержит интересные цифры, и в этом ее главный интерес. Конечно, Кайо не в состоянии дать указаний, как выйти из тяжелого положения, созданного мировой войной. Он критикует большевистскую революцию, не видит спасения в коммунизме, но что же предлагает он, чтобы спасти человечество от пропасти, куда

последнее неудержимо стремится? Кайо признает, что Европа агонизирует, он признает, что необходимы радикальные меры, но он боится насилия, боится революции и восстания масс. Человечество будет спасено несколькими людьми высокого интеллекта, имеющимися в различных странах,—людьми, которые остались верными себе в момент разгула размыравшихся аппетитов. Эти люди имеют громадную мощь, эти люди просветят общественное сознание и разоблачат перед всеми современное положение Европы. Они увлекут за собой других и спасут Европу от агонии и смерти. Таков вывод, к которому приходит Кайо.

М. Шалович.

Приложение.

Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России.

Настоящий указатель имеет в виду дать, по возможности исчерпывающий, перечень опубликованных материалов и литературы по истории крестьянского движения в Европейской России¹⁾. Печатаемая часть указателя охватывает первые шесть десятилетий XIX века; за нею последуют другие части, касающиеся второй половины XIX и начала XX века, а также—XVIII в. Указатель отмечает как то, что касается самого движения в его различных формах (коллективные жалобы, побег, отказ от работ, неповиновение властям; расправы с помещиками и их агентами, столкновения с воинскими командами), так и то, что характеризует отношение к крестьянскому движению правительства (законодательные акты, репрессии и пр.). Указатель касается, конечно, и тех условий, которые вызвали к крестьянскому движению, по лишь постольку, поскольку они непосредственно связаны с отдельными проявлениями движения, поскольку от них зависело возникновение движения в данном месте и в данное время. Вопрос об общих условиях, создававших почву для развития движения (экономическое и правовое положение крестьянства), оставляется в стороне.

В приложении к алфавитному перечню дана таблица, в которой материал сгруппирован по двум разрезам—территориальному и хронологическому, чтобы дать возможность без ненужной затраты труда найти материал, относящийся непосредственно к определенному хронологическому моменту. Цифры соответствуют номерам алфавитного указателя, в скобках указаны страницы.

Составитель заранее предвидит, что в его работе окажется немало пробелов, за указание которых будет очень благодарен.

Е. Морозов.

¹⁾ Возмущения фабрично-заводских крестьян, вызванные условиями промышленного труда, в указателе не отмечены: это уж—предмет истории рабочего движения.

Крестьянское движение 1801—1860 г.г.

1. А. Б. „Бритье помещиками полголовы крестьянам для пресечения самовольных отлучек“. Арх. Пет. Тр. Т. II, стр. 151—152. (Псковская губ. 1844 г.)
2. А. М. „Киевские беспорядки“. „Ист. Вестн.“, 1897, № 3, стр. 973—991 (Восстание помещичьих крестьян Киев. к. губ. в 1855 г.).
3. Авданин. „Возмущения крестьян и крестьянские Александр I, 1810—1819 г.“ (Первоначально напечатано в „Вост. Вестн.“ за 1912 г.)
4. Анты, издаваемые Вилениской помещицей для разбора древних актов. В. XXXVII. Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. XV, 380, 385, 454, 640, 766 (стр. 201—205, 206, 219—250, 340—342, 426—427). (Крестьяне Минской губ. в 1812 г.)
5. Аргунов. „Картины из крепостного быта“. Арх. Пет. Тр., Т. III, стр. 111—119 (О крестьянском движении в 30-х—40-х годах).
6. Ахлангельская. „Аграрное движение в Нижегородской губ. 1861, 19-62. Материалы по истории революционного движения, под ред. Паларова ил. Т. III. Стр. 179—181. (О движении помещичьих крестьян Нижегородской губ. в 50 г.).
7. В... ch. Histoire de la destruction de Moscou en 1812. Paris 1822. Стр. 42—43, 175—179 (Движен. с помещичьих крестьян под Москвой в 1812 г.).
8. Бирюкович. „Судьба указа о свободных хлебопашцах в царствование Александра I.“ Арх. Пет. Тр. Т. I, стр. 74—74, 79 (О помещичьих крестьян в Ярославской, Новгородской и Московской губ. в 20-х годах).
9. Бирюкович. „Устойчиво быта свободных хлебопашцев“. Арх. Пет. Тр. Т. II, стр. 60—61 (О помещичьих свободных хлебопашцев в Московской и Саратовской губ. в 20-х годах).
10. Бобылов. „Позанисок бывшего крепостного человека“. „Ист. Вестн.“, 1907, 6, стр. 739—740 (О расправе крестьян с помещиками в Костромской губ. в 50 г.г.).
11. Богачуров. „Обзор хода крестьянского дела в Нижегородской губ.“ Нижегородский Сборник под ред. Гаврицкого. Т. I, стр. 8 (Построение помещичьих крестьян Нижегородской губ. перед реформой).
12. Бутулин. Записки. Русск. Арх. 1898, 7, стр. 413 (О расправе крестьян с помещиками в Рязанск. губ. в 50 г.г.).
13. Варламов. „История Министерства Паутренних дел“. Часть I, стр. 145—146, 197 (Сведения о крестьянском движении в 1805 и 1807 г.г.).
14. То же. Часть II. Книга I. Стр. 103, 106—107, 250—251, 342—343, 397—398, 443—445, 612—613, 569—562, 611 (1810—1819 г.г.).
15. То же. Часть II. Книга II, стр. 36—37, 124—125, 227, 271—272, 397—399, 411, 596 (1820—1825 г.г.). Стр. 129—132 (Крестьянские поземки как последствие „Оточествинной войны“).
16. То же. Часть III. Книга I. Стр. 79—81, 132—133, 202—204, 250—260, 314, 376, 436—437, 508—510, 600—602 (1826—1831 г.г.).
17. То же. Часть III. Книга II. Стр. 123—125, 194—195, 198—292—293, 384—384, 455—459, 562—563, 615, 618—621, 658—691 (1835—1842 г.г.).
18. То же. Часть III. Книга III. Стр. 57, 61—65, 148—150, 245—248, 300—303, 351—355, 475—476, 428, 435—438, 496—499, 545—518, 611—614, 677—681 (1843—1852 г.г.).
19. То же. Часть III. Книга IV. Стр. 58—63, 148—151 (1853—1854 г.г.).
20. В... о (Вильямс). „Замечания на статью К... о настоящем положении дюр: неких достойный“. Землед. Журнал 1832, № 6, стр. 314—318 (О на-

строения помещичьих крестьян во время „Отечественной“ войны и после нее).

21. Волковский. „Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве“. Стр. 148 (Настроение помещичьих крестьян в Рязанск. губ. перед реформой).

22. Гессен. „Принудительное обращение помещичьих крестьян в горнозаводские рабочие“. „Арх. Ист. Тр.“ Т. I, стр. 48—62 (Возмущения крестьян в Новгородской, Вологодской и Вятской губ.).

23. Гильдебрандт. „Крестьянский бунт в Гдовском уезде (1826 г.). Др. и Нов. Росс. 1877, № 2, стр. 211—212.

24. Горн. „Крестьянское движение за полтора века“. Стр. 19—27 (Общий очерк крестьянского движения с начала XIX и до отмены крепостного права).

25. Громова. „Киевские волнения в 1855 г.“. „Отеч. Зап.“ 1863, т. 147, стр. 649—693 (Есть отдельное издание, СПб. 1863).

26. Гурин. „Картофельный бунт в Пермской губ. 1842 г.“. „Русск. Стар.“ 1874, № 1 (Стр. 86—120). Волнения государственных крестьян в трех уездах Пермской губ.).

27. Das Oestliche Europa und Kaiser Nikolaus. Aus dem Englischen v. Kretzschmar. В. I. Стр. 72—76, 82—87 (Настроение помещичьих крестьян во время „Отечественной“ войны).

28. Дедов. „Из записок“. „Рус. Стар.“ 1900, № 7, стр. 126 (О движении помещичьих крестьян Витебской губ. в 1812 г.).

29. Действия Нижегородской Ученой Архивной Комиссии. Т. II. Вып. II. Стр. 550—551. (Жалоба крестьян на помещика и отказ дать подписку в повиновении. Нижегород. губ. 1852).

30. Дубасов. „Очерки из истории Тамбовского края“. Вып. I, 41—42, 50, 194—197, 226—229. (Крестьянское движение в Тамбовской губ. за время с 1812 по 1859 г.г.).

31. Дубровин. „Отечественная война в письмах современников“. Стр. 65. (О настроении крестьян Московской губ. в 1812 году).

32. Милютин. „Записки“. „Русск. Старина“. 1818, № 10, стр. 41—43. (О волнении удельных крестьян в Сибирской губ. в 1831 г.).

33. Журналы комитета министров. Т. I. Стр. 166—167, 248, 313, 339, 344—

346, 355, 411. (О крестьянском движении в 1808 и 1809 г.г.).

34. Та же. Т. II. Стр. 74, 90, 93, 356, 436—437, 445—447, 460, 547, 555—587. (1810—1812 г.г.).

35. Заблоцкий-Десятовский. „Граф П. Д. Киселев и его крестьяне“. Т. II. Стр. 102—109, 204—206, 271, 305—6. (Сведения о крестьянском движении в 1826 г. и в 40-х годах).

36. Та же. Т. IV. Стр. 146—147, 160—161, 216—217, 323—327, 336. (Сведения о некоторых проявлениях крестьянского движения в первой половине XIX века).

37. Золотый. „О последних пяти годах крепостного состояния“. „Вед. Рес.“ Т. V. Стр. 89—93. (Настроение помещичьих крестьян накануне перед реформой).

38. Игнатович. „Возмущения помещичьих крестьян от 1854 по 1863 г.“. „Мин. Годы“, 1908. 5—6. Стр. 93—127. (50-е годы).

39. Игнатович. „Крестьянские волнения“. „Великая Реформа“. Т. III. Стр. 41—05. (Очерк крестьянского движения за время с 1826 по 1860 г.).

40. Игнатович. „Помещичьи крестьяне накануне освобождения“. Гл. VIII. (Крестьянское движение в первой половине XIX в.).

41. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства Государственных Имуществ. Т. II. Отд. I. Стр. 112. (Возмущения государственных крестьян Олонечкой губ. в 1836—1837 г.г.).

42. История Удвола за сто лет. Т. II. Стр. 139—141, 252. (Возмущения удельных крестьян в 30—40 годах).

43. К.-м. „Самозванный флигель-адъютант Семесов“, — „Киевск. Старина“. 1882, т. IV (декабрь), стр. 519—526. (О крестьянском движении в Киевской губ. 1826 г.).

44. Ковальский. „Посмертный рассказ“. (Из истории крестьянских волнений в Киевск. губ. 1835 г.). „Киевск. Стар.“ 1882, т. I (январь—февраль). Стр. 174—193, 386—397.

45. Корбут-Дашинич. „Незлые толки и надежды помещичьих крестьян“. „Русск. Арх.“ 1874, № 8. Стр. 451—458. (О настроении помещичьих крестьян в конце 50 г. г.).

46. Кош. „Побег помещичьих крестьян в Николаевск. эпоху“. Арх. Ист. Тр. Т. V, ч. I, стр. 3—29. (30-е годы).

47. Красивский. „Минский Департамент Великого Княжества Литов-

ского". Олизд из истории войны 1812 г. Стр. 46—52. (Крестьянское движение в Минской губ. в 1812 г.).

48. Крылов. „Накануне великой реформы“. Истор. Вестн. 1903 г. 9, стр. 191 (О расправе крестьян с помещиками в Пензенской губ. в 50-х гг.).

49. Лебедев. „Записки о „козацких“ 1855 г.“. Киевская Старина. Т. 70 (июль—август 1900 г.). Стр. 1—50 (О волнениях помещичьих крестьян в Киевской губ. в связи с призывом в ополчение).

50. Лешин. „Достопамятные минуты моей жизни“. Русск. Арх. 1885 г. № 8, стр. 476. (Речь Александра II Московскому дворянству. 1856 г.).

51. Лернер. „Из истории освободительной борьбы“. Русск. Стар. 1905 г. № 1, стр. 140—143. (Волнения помещичьих крестьян Херсонской г. в 1860 г.).

52. Любасяний. „Русские уголовные процессы“. Т. II, стр. 296—299, 369—375, 378—400. (Судебные дела о крестьянских волнениях и покушениях на помещиков. 40—50-е годы).

53. Максимов. „Сибирь и каторга“. Часть II. Стр. 67—72, 88—89, 331, 331—335, 312—343, 348—349. (Статистические сведения о некоторых формах крестьянского движения в первой половине XIX в.).

54. Маслава. „Аграрный вопрос в России“. Т. II. Стр. 21—34. (Очерк крестьянского движения с начала XIX в. до отмены крепостного права).

55. „Материалы для истории крепостного права в России“. Извлечения из секретных отчетов Министерства Внутренних Дел за 1836—1856 гг. Стр. 1—7, 15—19, 25—27, 35—37, 43—49, 55—65, 69—85, 93—104, 111—114, 118—119, 121—131, 138—142, 145—152, 160—161, 165—177, 187—200, 222—225, 235—243, 249—250, 255—256, 261—261, 269—271, 279—281, 283—291. Таблицы 1, 2, 4. (Сведения о крестьянском движении за время с 1836 по 1855 г.).

56. „Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование Александра II“. Vol. I. Стр. 79—97. (Крестьянские движения в связи с призывом в ополчение 1855 г.).

57. То же. Vol. III. Стр. 139—141, 178, 197—198. (Настроение помещичьих крестьян в последние годы перед реформой).

58. Милухов. „Крестьяне“. Энциклопедический словарь Брокгауза, т. XVI, стр. 691—693. (Сведения о крестьянском движении до отмены крепостного права).

59. Мордовцев. „Накануне под“. Т. I и II. (Крестьянское движение в Саратовской губ. за время с 1824 по 1845 год).

60. Муравьев-Карсский. „Записки“. Русск. Арх. 1885 № 9. Стр. 69. (Указание на волнение крестьян в Ковенской губ. в 1812 г.).

61. „Отечественная война 1812 г.“ Изд. Гл. Упр. Ген. Штаб.—(Отд. I. Т. XIV. №№ 230, 279. (Стр. 227—228, 282—283). (О изстроении и волнениях помещичьих крестьян в Белоруссии в 1812 г.).

62. „Памятная книжка Витебской губ. на 1865 год.“ Исторический и статистический очерк Витебской губ. Стр. 26. (Указание на волнения помещичьих крестьян в 40-х годах).

63. Поваляшин. „Рязанские помещики и их крепостные“. Гл. VIII—XI. (Стр. 231—303). (Крестьянское движение в Рязанской губ. за время с 20-х по 50-е годы).

64. Полное Собрание Законов. Т. XXVII, стр. 531—532, № 20702, 1803 г. (О причислении бежавших в Астраханскую губ. помещичьих и казенных крестьян в казенные поселения Астраханской губ.) № 20964, 1803 г., стр. 914. (О ссылке в Сибирь оказавших неповиновение крестьян Лимбургского уезда).

65. То же. Т. XXXI. Стр. 486, № 24463. 1810 г. (О немедительной даче воинских команд для усмирения неповиновения крестьян. Но поводу неповиновения помещичьих крестьян в Тверской губ.).

66. То же. Т. XXXII. Стр. 323. № 25114. 1812 г. (Разъяснение по поводу превратных слухов среди крестьян, приписанных к горным заводам).

67. То же. Т. XXXIII. Стр. 11—12, № 25767. 1815 г. (О наказании удельных крестьян за побег).

68. То же. Т. XXXVIII. Стр. 668—669. № 29232. 1822 г. (О возвращении белорусских крестьян, бежавших в 1820—1822 гг.). Стр. 1176—1177, № 29584, 1823 г. (Осылке достаточных команд для усмирения крестьян—по поводу нападения казенных крестьян Виленской губ. на помещиков).

69. Полное собрание законов. Собрание второе. Т. I. № 320, 1826. Стр. 455. (По поводу слухов среди казенных и помещичьих крестьян о свободе от податей и освобождении от господской власти). № 515, 1826 г. Стр. 843—846. (О предании военному суду помещичьих крестьян, упорствующих и неповиновении). № 688, 1826 г. Стр. 1235—1237. (О праве губернаторов облегчать и отменять наказания, наложенные военными судами на неповиновущихся крестьян; сведения о волнении помещичьих крестьян Рязанской губ. 1826 г.).

70. То же. Т. II. № 1521, 1827 г. Стр. 957—958. (По поводу побегов помещичьих крестьян в Понороссию и Бессарабию).

71. То же. Т. VI. Отд. I. № 4350, 1831 г. Стр. 153—155. (О праве губернаторов увеличивать наказания, наложенные военными судами на неповиновущихся крестьян). № 4739, 1831 г. Стр. 734—735. (Об обращении путевых издержек по посылке воинских команд на отчет возбуждавшихся заседаний; сведения о беспорядках в Поволожском уезде). № 4736, 1831 г. Стр. 733—734. (О побеге крестьян Подольской губ. по причине притеснений помещиков за неучастие в мятеже).

72. То же. Т. VIII. Отд. I. № 5978, 1833 г. Стр. 96—97. (О побеге помещичьих крестьян на Кавказскую линию).

73. То же. Т. IX. Отд. II. № 7456, 1834 г. Стр. 68—69. (О продовольствии воинских команд, посылаемых на усмирении помещичьих крестьян). № 7515, 1834 г. Стр. 115. (По поводу побегов крестьян в Закавказье).

74. То же. Т. X. Отд. I. № 8299, 1835 г. Стр. 807. (О предании военному суду подстрекателей к крестьянским беспорядкам).

75. То же. Т. X. Отд. II. № 8486, 1835 г. Стр. 1034—1035. (О порядке суда над лицами, участвовавшими в крестьянских возмущениях).

76. То же. Т. XI. Отд. II. № 9568, 1836 г. Стр. 64. (О предании военному суду казенных крестьян, оказавших неповиновение и сопротивление властям).

77. То же. Т. XIV. Отд. I. № 12363, 1839 г. Стр. 457—458. (О побеге крестьян в Бессарабию).

78. То же. Т. XVI. Отд. I. № 14823, 1841 г. Стр. 806. (По поводу „карто-

фельного бунта“ среди казенных крестьян Саратовской и Пермской губ.).

79. То же. Т. XXII. Отд. I. № 20902, 1847 г. Стр. 129. (Об участии в следствии по делам о крестьянских волнениях жандармских штаб-свитеров).

80. То же. Т. XXXV. Отд. II. № 36448, 1860 г. Стр. 496—499. (О побегах крестьян в Закавказье во время Крымской войны).

81. II. „На заре крестьянской свободы“. Русск. Стар., а) 1897 г. № 100. Стр. 12. № 11. Стр. 248—249; б) 1898 № 3. Стр. 477—479. (О настроении и волнениях помещичьих крестьян в последние годы перед реформой).

82. Р. Маневич - Словатиский. „Дворянство в России“. Стр. 355—368. (Очерк крестьянского движения в XVIII в первой половине XIX в.).

83. Самарин, Ю. Ф. — Сочинения. Т. II. Стр. 11—13. (Расправа крестьян с помещиком управляющего в Полтавской губ. в 40 г.г.).

84. Самосенский. „Волнения крестьян в 1812 г.“. — „Отечественная война и русское общество“. Т. V. Стр. 74—113. (Крестьянское движение в связи с „Отечественной“ войной, 1811—1815 г.г.).

85. Самосенский. „Крестьянский вопрос в XVIII в., в первой половине XIX века“. Т. II. Стр. 195—200, 570—605, 620—625. (Волнения помещичьих крестьян в царствование Николая I).

86. Середенский. „Исторический обзор деятельности Комитета Министров“. Т. I. Стр. 31. 322—388, 557. (Сведения о крестьянском движении с 1812 по 1824 г.).

87. То же. Т. II. Часть I. Стр. 224—227, 324—373. Часть II. Стр. 63—64, 199—190, 295, 307, 308. (1826—1852).

88. То же. Т. III. Часть I. 337—343, 349—350. (50-е годы).

89. Сикорский. „Из воспоминаний потерпевшего во время крестьянского волнения 1855 г.“. — „Киевская старина“ — 1882. Т. II, (апрель). Стр. 85—105. (Волнения помещичьих крестьян в Киевской губ. 1855 г.).

90. Сикорский. „Эпизоды из истории крестьянских волнений в Киевской губ. в 1855 г.“. „Киевлянин“. 1872 г. №№ 148, 150 и 151.

91. Савиутинский. „Выдержки из отрывочных воспоминаний“. „Др. и Нов. Рос.“ 1879 г. № 9. Стр. 353—399. (Вол-

меня помещичьих крестьян Рязанской губ. в 40—50-х годах).

92. Славутинский. „Генерал Измайлов и его дворня“. „Др. и Нов. Рос.“ 1876 г. № 10. Стр. 162—168. (Волнения крестьян с. Деднова Рязанской губ. в 1856 г.).

93. Славутинский. „Отрывки из воспоминаний“. — „Древняя и Новая Россия“. 1878 г. № 9. (Стр. 38—53) № 10. (Стр. 134—162). (Крестьянские волнения в Голицынском имении Рязанской губ. в 1847 и 1848 гг.).

94. Славоткинские. „Морское ополчение“. „Рус. Стар.“. 1905 г. 12. Стр. 718—724. (Крестьянское движение в Новгородской губ. в 1854 г.).

95. Сивилевский. „К истории побед крепостных в последней четверти XVIII в. в XIX столетиях“. — Нижегородский сборник под ред. Гацинского. Т. X. Стр. 517—595. (Нижегородская губ.).

96. Его же. „Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губ. накануне реформы 19 февраля и первые годы после нее. Действия Нижегород. Учен. Арх. Конисс.“ Т. III. Стр. 57—74. (Крестьянское движение в Нижегородской губ. в последние годы перед реформой).

97. Стегов. „Очерки, рассказы и воспоминания“. — „Рус. Стар.“ 1878 г. № 12. Стр. 658—671. 692—698. (Волнения удельных крестьян Симбирской губ. в 1834 г.).

98. „Столетие Вятской губернии“. — Сборник материалов к истории Вятского края. Т. II. Стр. 490—534. (О крестьянских волнениях в Вятской губ. за время с 1815 по 1855 гг.).

99. Трофолов. „Плещеевский бунт“. „Др. и Нов. Рос.“ 1877 г., № 10. Стр. 162—168. (Волнения в именн. кн. Гagarина, Ярославск. губ. 1826—1827 гг.).

100. „Уложение о наказаниях“. Изд. 1815 г. Статьи: 288, 1907, 1908, 1909,

1911. Стр. 113, 735—736. (О наказании крепостных людей за преступления против своих господ). Статья 29. Стр. 116—117. (О наказании государственных крестьян за неповиновение).

101. Шатилова. „Крестьяне Демидовского Липца“. Арх. Ист. Тр. Т. III. Стр. 99—103. (Конфликт крестьян с Министерством Нар. Просв. 1814—1816 гг.).

102. Шульгин. „Юго-Западный край в последние двадцатипятилетие“ (1838—1863). Стр. 137—151. (Волнения помещичьих крестьян Киевской губ. в 1855 г.).

103. Щорбатов. „Генерал-фельдмаршал кн. Пискевич“. Т. I. Стр. 263—303. (О волнении удельных крестьян Липецкого приказа Смоленской губ. в 1816 г.).

104. Щукин. „Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г.“. Часть V. Стр. 68—69. 73. (Сведения о крестьянских волнениях в Пермской, Вологодской и Новгородской губ. в 1812—1813 гг.).

105. То же. Часть VI. Стр. 78 и 102. (Упоминания о волнениях крестьян кн. Голицына в связи с ополчением 1812 г.).

106. Ю. Ф. „Об усилении мер наказаний по преступлениям крепостных против помещиков“. Арх. Ист. Тр. Т. III. Стр. 153—154. (Из доклада Ланского 1859 г.).

107. Ялушкин. „Велик Бог земли русской“. Сочинения. Стр. 1—2, 7—8. (Настроение помещичьих крестьян Орловской губ. накануне крестьянской реформы).

108. Яковлев. „Волнения помещичьих крестьян Киевской губ. в 1855 г. Чтения в Историч. Общ. Нестора Летописца“. Кн. IV. Отд. II. Стр. 160—214. (В приложении извлечение из судебного дела). (Есть отдельное издание. Киев. 1890 г.).

Продолжение настоящей части указателя (1801—1860), по техническим условиям, будет помещено в следующем номере.

Таблица и Указателю по истории крестьянского движения в России.

Губернии.	1801—1810	1811—1820	1821—1830	1831—1840	1841—1850	1851—1860
1. Архангельская		14. 86.		16.	17. 18.	18.
2. Астраханская			15.	16.	18.	18.
3. Бессарабская		4.	16. 69.	17.	18. 55.	18. 19. 55.
4. Илленсвая		3. 14. 27. 28. 34. (585—586). 61. (282—283). 84.	15. 16. 87.	16. 17. 55. 85.	17. 18. 39. 52. (286—293, 378— —399). 55. 87.	18. 19. 55.
5. Витебская		96. 96.				
6. Владимирская	33 (111)		15. 16. 82. 95.	17. 55.	18. 42. (249— 259). 55. 85.	18. 19. 38. 39. 55. 56 (80). 85 18.
7. Вологодская		3. 14. 22. 34. (435). 54. 86. 104. (73).	16. 82. 95.	16. 17. 55.	17. 18. 55. 85.	18.
8. Вознесенская		14. 39.		17. 55. 85.	18. 39. 55.	18.
9. Воронежская	14	3. 14. 15. 86.	15. 15.	16. 17. 46. 55. 85. 87.	18. 55. 85.	18. 19. 38. 39. 55. 56 (91—97).
10. Вятская	14.	3. 14. 22. 46. 98.	16.	16. 17. 42. (139—141, 219— 252). 55. 85. 98.	17. 18. 35. (107) 55. 98.	18. 19. 55. 98.
11. Гродненская		3. 11. 15. 86.	16. 67.	17. 55.	17. 18. 55.	18.
12. Донская обл.		3. 14. 15. 84. 86.	16.	16. 17. 46. 55. 82.	18. 55. 85.	38.
13. Екатеринославская		11. 15. 86.		17. 55.	17. 18. 55. 85.	18. 19. 37. 39. 55.
14. Казанская	14.	14. 15.	15.	16. 17. 55.	17. 18. 35. (107—108). 36 (326). 55.	18. 19. 38. 39. 55.
15. Калужская	33 (341—346).	3. 11. 86.	15. 16.	16. 17. 36. (324. 326—327). 55.	17. 18. 55. 85.	18. 19. 39. 57. (110—111).
16. Киевская		14. 15. 86.	15. 16. 35. (204—206). 43. 82. 85. 97.	17. 55.	17. 18. 55. 85.	2. 25. 38. 39. 44. 49. 55. 56. (81—86). 88. 89. 90. 102. 108.
17. Ковенская		80.			17. 18. 55.	18. 19. 39.
18. Костромская		3. 14. 86.	15. 16. 82. 85. 86. 87.	16. 17. 36. (326). 42. (139—141). 55.	17. 18. 55. 85.	10. 18. 19. 55. 81. (a. 218).
19. Курляндская		3. 14.				
20. Курская	13.	3. 14. 86.	15. 16. 82. 85.	16. 17. 55.	18. 39. 55. 85.	18. 19. 39. 55.
21. Лифляндская		14.			17. 18. 55.	
22. Минская		3. 14. 15. 47. 61. (227— 229). 84. 86.	15. 68. 87.	17. 55.	18. 55.	
23. Могилевская	33 (248—313. 355).	14. 15. 86.	16.	16. 55.	17. 18. 55. 85. 87.	18. 39. 88.
24. Московская		7. 14. 27. 31. 84. 86. 105. 109.	8. 15. 16. 87.	16. 17. 36. (326). 42. (139—141). 55.	17. 18. 55. 85.	19.
25. Нижегородская	13. 14. 33. (166—167. 339). 96. 95.	14. 84. 95. 86. (78).	15. 16. 95. 96. (60).	16. 17. 36. (323). 55. 95.	17. 18. 55. 55. 95. 91. (98).	6. 11. 18. 19. 29. 38. 39. 55. 56. (80. 87—88). 85. 88. 95. 96.

25. Нижегородская	(166—167. 339), 86. 95.	95. 84. (73).	96. (60).	(323). 55. 95.	55. 95. 84. (18).	19. 24. 39. 39. 55. 56. (80. 87—88). 85. 85. 95. 96.
26. Новгородская		3. 14. 22. 27. 94. 96. 104. (73).	6. 9. 15. 16.	17. 55.	17. 18. 55. 35.	18. 19. 38. 39. 52. 369—375. 55. 94.
27. Олонская		15.	15. 86.	41.	17. 18. 55.	38.
28. Оренбургская	14.	3. 14.	16.	16. 17.	17. 18. 35. (108). 55. 82.	18. 19. 55. 48.
29. Орловская	13.	3. 14.	15. 16.	16. 17. 55.	17. 18. 55. 85.	18. 19. 39. 55. 81. (6. 248—219). 107.
30. Пензенская		3. 14. 84.	16.	16. 17. 55. 59. (11. 55). 87.	17. 18. 55. 92.	19. 38. 39. 55. 56. (80).
31. Пермская	34 (90).	3. 14. 15. 34. (436—437. 445 447. 460). 84. 104 (68—69).	15. 16. 82. 85. 77.	16. 17. 42. (139—141).	17. 18. 26. 35. (107—108) 55. 78. 82.	38. 39. 55.
32. Подольская	34 (74).		15.	17. 55. 71. 85.	17. 18. 55. 82. 85. 87.	18. 52. (394— 400).
33. Полтавская		3. 14. 86.	46.	16. 17. 55.	5. 17. 18. 55. 83.	18. 19. 39. 55. 88.
34. Псковская		3. 14. 86.	15. 16. 82. 85. 87.	17. 55.	1. 17. 18. 55.	55.
35. Рязанская		3. 14. 15. 82. 86.	15. 16. 63. 69.	16. 17. 55. 63.	17. 18. 55. 63. 85. 91. 93.	12. 18. 19. 21. 38. 39. 55. 56. (80). 63. 65. 91. 92.
36. Самарская		3.		16.		18. 19. 38. 39. 52. (390—391). 55. 87.
37. С.-Петербургская	64. 82.	14. 27. 84. 86.	15. 16. 23. 85. 86.	16. 71.	5. 17. 18. 55. 82.	18. 38. 39.
38. Саратовская		3. 14. 84.	9. 15. 16. 59. (т. 1).	16. 17. 36. (323— 325). 42 (139— 141). 46. 55. 59. (т. 1. 2). 82. 87.	17. 18. 35. (107). 55. 59. (т. 2). 78. 85.	18. 19. 38. 39. 55. 56. (88—89). 57. (139).
39. Симбирская		3. 14. 86.	15. 16.	16. 17. 32. 45. 87. 97.	18. 55.	18. 19. 38. 39. 48. 55. 56. (89—91).
40. Смоленская		3. 14. 20. 34. (356). 61 (282—283). 84. 93.	15. 16. 82. 85.	17. 55.	17. 18. 55. 82.	18. 19. 55. 81. (а. 249. 6. 477). 87.
41. Таврическая				17.	18. 55.	19. 37. 55.
42. Тамбовская		3. 14. 15. 30. (41—42).	15. 16. 30. (50). 86.	16. 17. 30. (226—229). 55. 87.	18. 30. (229). 55. 82. 86.	18. 19. 30. (194—197). 38. 39. 55. 56. (81). 85. 87.
43. Тверская	13. 65.	3. 14. 15. 20.	15. 16. 82.	5. 16. 17. 36. (324). 55.	17. 18. 55. 85.	18. 19. 38. 55.
44. Тульская		3. 14. 15. 86.	16.	5. 16. 17. 55.	18. 55. 85.	18. 19. 55.
45. Уфимская						
46. Харьковская		3. 14.	15. 16.	16. 17. 55.	17. 18. 55. 85.	18. 19. 37. 39. 55.
47. Херсонская	34. (93).	14.	15.	17. 46. 55. 82. 85. 87.	17. 18. 55. 85.	18. 19. 37. 39. 51. 55.
48. Черниговская		11.	15.	16. 17. 55.	17. 18. 55. 85.	18. 19. 39. 55.
49. Эстляндская	13.	14. 31. (547).		16. 55.	18.	88. (349—350).
50. Ярославская		3. 14. 101.	8. 15. 16. 82. 85. 87. 99.	16. 17. 36. (323). 55.	17. 18. 55. 85.	19. 55.

Указатель русской литературы по положению рабочего класса.

А

Настоящий указатель представляет собою один из отделов подготавливаемого мною сейчас к печати списка отдельных изданий, журнальных статей и некоторых других литературных материалов (отдельные главы, статьи из энциклопедических словарей, доклады на различных съездах, части отчетов профсоюзов, санитарных организаций и т. п.) по вопросу.

Я поставил себе задачу собрать по возможности исчерпывающе все печатные материалы, имеющиеся на русском языке, за исключением, конечно, ежедневной прессы, по всем проблемам близко связанным с охраной труда, жизни и здоровья пролетариата. С этой целью заканчивается сейчас пересмотр наших основных книгохранилищ, соответствующих библиографических указателей, и главное, общей экономической, профессиональной, технической и медицинской периодической прессы. В указанной работе никаких хронологических ограничений поставлено не было. Работа по собиранию материала и занесению его на карточки (которых по приблизительному подсчету сейчас накоплено более 12.000 тыс.¹⁾ произведена была под моим руководством несколькими товарищами и в особенности тов. С. С. Готлиб, работающей над этим с исключительной настойчивостью уже второй год. Материалы собирались, главным образом, в библиотеках Соц. Академии, Румчцевского музея, В.И.С.Н.С. и Гигиенического Института I-го М.Г.У.

Как указано было выше, библиографический указатель ставит себе задачей собрать материал возможно более полно, если не исчерпывающе. Поэтому в нем приводятся вместе и крупные статьи и мелкие заметки, и одновременно материалы и сегодняшнего дня и начала девятнадцатого столетия (иногда даже и раньше). Он не дает читателю *рекомендуемой* литературы, но сможет, слодует надеяться, послужить ценным указателем для каждого, ведущего научную работу или ищущего литературных справок в одной из проблем, связанных с охраной труда.

На страницах „И.С.А.“ я начинаю печатанием отдел: „общее положение рабочего класса, носящий в подготовляемом указателе

¹⁾ Весь карточный материал, разбитый по отделам, но еще не систематизированный и постоянно пополняемый, хранится в кабинете рабочего вопроса Соц. Ак.

характер вводного отдела к дальнейшим группировкам по основным проблемам охраны труда. Весь материал этого отдела сгруппирован следующим образом: сначала идут книги, статьи и т. п. работы, не ограничивающиеся изложением положения труда в отдельных профессиях или отдельных странах (вне России), далее следуют работы, касающиеся отдельных профессий или всего пролетариата в отдельных странах (кроме России). Внутри каждой из указанных групп материал разбит на рубрики; 1) отдельные издания, 2) статьи, отдельные главы, заметки и т. п. Такие вопросы, как история труда в связи с развитием хозяйства, происхождение рабочего класса, рабочее время, детский и женский труд, профессиональная гигиена и техника безопасности, положение кустарей и т. п., найдут себе место в других отделах указателя.

Несомненно, имеющим место технические дефекты обработки карточного материала будут по возможности устранены при выпуске всего указателя отдельным изданием. Само собою разумеется, что в нем имеются также и неминуемые при всякой подобной работе пропуски. И я обращаюсь с убедительной просьбой ко всем замечавшим таковые сообщить мне об этом лично или письменно по адресу Сов. Академии (кабинет Рабочего Вопросы).

I. Общее положение рабочего класса.

1. Отдельные издания.

Аксенов, С. С. Фабрично-заводская промышленность и положение рабочих в Екатеринбургской губ. в 1899—1900 г. Екатеринбург лав. 1903.

Алячников, И. И., инж.-мех. Фабричный террор. Тьерь. 1908. 16 стр.

Беллев, В. Друг фабричных рабочих. Современный вопрос о причинах бунтов и волнений на фабриках и заводах. Муром. 1887.

Бернштейн-Ноган, С. В. Численность состава и положение петербургских рабочих. СПб. Изд. С.-Петербургского Политехнического Института имп. Петра Великого 1910. 188 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Бехер, Э. Рабочий вопрос, его современное значение и средства к его разрешению. Перс. под ред. П. Ткачева. СПб. Изд. Черкесова. 1869. 460 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Бризон, Пьер. История труда и трудящихся. Петроград. Госиздат. 1921. 446 стр. Ц. 10000 р.

Бродовский, М. Еврейская нищета в Одессе. Одесса. 1902. 50 стр. п. 30 к.

Гвоздев, С. Записки фабричного инспектора (из наблюдений и практики за период 1894—1908 г.г.). Москва. Изд. С. Доронатовского и А. Чаршнинкина. 1911. 263 стр. Ц. 1 р.

Генерозов-Сныков. Рабочие люди. Сборник, изд. студентами СПб. Университета. 1860.

Герасимов, Василий. Жизнь русского рабочего полвека тому назад. Записки социалиста-рабочего. Нгр. Изд. «Былое». 1919. 28 стр.

Горе, П. Заводский рабочий. Пер. Ф. П. Латернера. СПб. Изд. кн. маг. К. Фельдман. 1906. 39 стр. Ц. 20 к.

Горе, П. 3 месяца фабричным рабочим. Москва. Изд. «Космопол». 1906 г. 237 + V стр.

Геркиер, Г. Рабочий вопрос. Перевод с 5 издания. Москва—Петроград.

Изд. «Русская Мысль». 1917. VIII + 386 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Геркиер, Г. Рабочий труд в Западной Европе. СПб. Изд. журн. «Образование». 1899 г. 512 + XXIX стр. Ц. 3 р.

Гобсон, Дж. Проблемы бедности и безработицы. Пер. под ред. Заха и Франка. СПб. Изд. О. П. Поповой. 1900 г. 366 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Гринский, М. Записки рабочего. СПб. 1903 г. Ц. 80 к.

Даган. Еврейский пролетариат. Пер. с франц. Мозырь. Изд. Виктора Кугель. 1906 г. 43 стр. Ц. 8 к.

Деметьев, Е. М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. Москва. Изд. Сытина. 1897. 256 + XXXIX стр. Ц. 1 р. 50 к.

Джорж, Генри. Положение трудящихся. Пер. с англ. С. Николаева. Москва. Изд. «Посредник». 1906. 122 стр. Ц. 12 к.

Джорж, Генри. Прогресс и бедность. СПб. Изд. Пантелеева. 1896. 425 стр.

Диманштейн, Я. Б. Рабочий вопрос. Харьков. Изд. О-ва Грамотности. 1917. 32 стр.

Домбровский, Ф. Быт фабричных рабочих по данным первой Всероссийской Гигиенической выставки в 1893 г. 1894. Ц. 40 к.

Жид, Шарль. Жизнь современного рабочего. Под ред. и с пред. П. Герре. Пер. с немецкого Э. Бернштейн. СПб. 1908.

Жид, Шарль. Рабочий вопрос. Пер. под ред. Тотоминца. Москва. Изд. «Кооперативный мир». 1918. 108 стр. Ц. 3 р.

Жид, Шарль. Социально-экономические итоги XIX столетия. Институты социального прогресса к началу XX века. Пер. с франц. П. П. Сувинова. СПб. Книгонед. «Пресвещение». 1906. 277 стр.

Зомбарт, В. Организация труда и трудящихся. Изд. Звонарева. 1901 г. 456 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Зомбарт, В. Пролетариат. Москва. Изд. «П. лиза». 1906 г. 106 стр. Ц. 25 к.

Зомбарт, В. Промышленный рабочий вопрос. Спб. Изд. Суворина. 1906 г. VI + 186 стр. Ц. 35 к.

Зомбарт, В. Рабочий вопрос. Пер. с нем. С. И. Брусона Спб. Книгон дат. «Просвещение». 1906. 154 стр. Ц. 27 к.

Зомбарт, В. Рабочий вопрос в промышленности. Пер. с нем. Высочкой-Ермоловой. Ростов н/Д. Изд. «Донская Речь». 1905. 126 стр. Ц. 2 к.

Каппфеллер, П. Современный пролетариат. Москва. Изд. «Заря будущего». 1907 г. 79 стр. Ц. 15 к.

Камель, В. Рабочий договор. К вопросу о положении рабочего класса в России. Часть I. Москва. Изд. С. Скирмунта. 1907. 259 стр. Ц. 75.

Козьминных-Ланин, И. М. Несколько сравнительных таблиц к истории едоуваннм об артельном харчевнии фабрично-заводских рабочих Московской губернии. Ц. 1 р.

Козьминных-Ланин, И. М. Артельное харчевние фабрично-заводских рабочих Московской губернии. С пред. И. А. Вихляева. Москва. Изд. Губ. Земства. 1915. 135 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Козьминных-Ланин, И. М. Грамотность и грамотаги фабрично-заводских рабочих Московской губернии. С пред. И. А. Вихляева. Москва. Изд. Губ. Земства. XXII + 97 стр.

Козьминных-Ланин, И. М. Десятилетний период (с 1 января 1901 года по 1 января 1910 года) фабрично-заводской промышленности Московской губернии. Москва. 66 стр.

Козьминных-Ланин, И. М. К вопросу об артельном харчевании фабрично-заводских рабочих Московской губернии. Москва. Изд. Губ. Земства. 1914 г. 73 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Козьминных-Ланин, И. М. Семейный состав фабрично-заводских рабочих Московской губернии. Москва. 1914. V + 31 стр. Ц. 1 р.

Козьминных-Ланин, И. М. Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губернии. Москва. Изд. Общества для сод. улучшения и развития мануфактурной промышленности. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Козьминных-Ланин, И. М. Фабрично-заводская промышленность Московской губернии по данным на 1 января 1910 г. Москва. Изд. Общества для со селения улучшению и развитию мануфактурной промышленности в Москве. Ц. 1 р.

Козьминных-Ланин, И. М. Фабрично-заводский рабочий Владимирской г. (1-97 год). Владимир на Кл. змье. 1912. 33 стр. Ц. 50 к.

Куп-Тейлор. Фабрика и фабричная система. Изд. Ноансена. 1900. Ц. 60 к.

Кулашор И. М. Промышленность и рабочий класс на Западе XVI-XVIII в столетиях. Спб. Изд. Брокгауз-Ефрона. 1911. 168 стр. Ц. 1 р. 50 к.

К., Ц. Еврейский пролетарий. Одесса. Кни-во. «Фрайланд». 1906 г. Ц. 8 к.

Ланго, Ф. Рабочий вопрос, его значение в настоящем и будущем. Спб. 1907. 330 стр. Ц. 75 к.

Лисовский, Н. М. Рабочие в всеобщем ведомстве. (По поводу «Трудов» Высочайше учрежденной комиссии по улучшению быта рабочих военного ведомства). Спб. 1906. 39 стр. Ц. 15 к.

Луиц, М. Фабрикант и рабочий. Две жизни. Москва. 1905. Ц. 10 к.

Маркузон, Ф. Д. Положение труда в Москве в первой половине 1922 г. Москва. Изд. «Вопросы Труда». 1922. 28 стр.

Маркузон, Ф. Д. Положение труда в г. Москве в 1921 г. Составл. по материалам Московского Бюро Статистики Труда при М. Г. С. Ц. С., Мостат. отдела и Губотдела труда. Москва. Изд. Нар. Комиссар. Труда 1922. (Отгиски из «Вопросов Труда» 1922 №2)

Материалы об экономическом положении професс. опальной организации петербургских рабочих по металл. Петербург. 1909. 128 + 24 стр. Ц. 50 к.

Материалы по статистике труда, под ред. С. Г. Струмилина. Москва. Изд. ВЦНС. 1922 г. Вып. 13 (обзор положения труда за 1921 год). 92 стр. Вып. 14. Обзор положения труда за 1-е полугодие 1922 г. 119 стр.

Материалы по статистике труда Туркестанской Республики. Вып. I. Бюджет Туркестанского рабочего и служащего. Ташкент. 1922 г. стр. 92.

Мишулин, А. А. Нужды рабочих. Сборник статей по рабочему вопросу. Киев. 1905. 189 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Мишулин, А. Рабочий вопрос и капитализм. Киев. 1908 г. 40 стр. Ц. 4 к.

Наунов. Бюджеты рабочих г. Киева (по анкете 1913 года). Киев. 1914. 104 стр.

Недбов, А. Рабочий вопрос. Спб. Изд. Брокгауз-Ефрона. 1906. 156 стр. 40 к.

Измаилов. Экономическое положение еврейского пролетариата. Ростов н/Д. Изд. «Донская речь». 1906. Ц. 4 к.

Нигар, С. Что такое еврейский рабочий? Пер. с евр. Книгоизд. Фрайланд. Оде-са. 1906. 31 стр. Ц. 5 в.

О быте рабочих людей в С. Петербурге и о средствах к улучшению их положения. Берлин. 1873. 96 стр.

Овчинников, П. А. Некоторые данные по вопросу об устройстве быта рабочих и учеников на фабриках и ремесленных заведениях. Москва. 1881 г. 24 стр.

Овсоро, М. Х. проф. Из жизни труда. Сборник статей. Вып. 1. Москва. Изд. Д. С. Горшкова. 1904 г. 293 стр. Ц. 1 р. 25 коп.

Озеров, М. Х. Нужды рабочего класса в России I. Записка, покаянная в 1902 г. С. Ю. Витте. Москва. Издат. Сытина. 1906. 64 стр. Ц. 20 к.

Олацкий, А. Н. Фабрично-заводская промышленность Харьковской губ. и положение рабочих. Обзор промышленности. Положение рабочих. Санитарное состояние фабрик. Список фабрично-заводских в горнопромышленных предприят. Харьков 1912. 141 стр. Ц. 2 руб.

Отчет Приморского справочного бюро по рабочему вопросу за 1912 г. Под ред. А. И. Терновского. Хабаровск 1913. 356 стр. (Материалы по изучению Приморского края. Вып. XV.)

Отчет Приморского Справочного бюро по рабочему вопросу за 1913 г. Хабаровск. 1914. 202 стр. (Материалы по изучению Приморского края. Вып. XXI.)

Павлов, Ф. За десять лет практики. (Отрывки воспоминаний, впечатлений и наблюдений из фабричной жизни). Москва. Изд. С. Дорожатского и А. Чарушникова. 1901 г. 174 стр. Ц. 50 к.

Памяти а. н. А. Н. — некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России. Спб. 1910. 47 стр. Ц. 75 к.

Пажитнов, К. Положение рабочего класса в России. Спб. Изд. „Нашый Мир“. 1906 г. 304 стр.

Перфильев. Очерк фабрично-заводского быта в России. Спб. Изд. Губернской Земской Санитарной комиссии. 1887. Ц. 75 к.

Погоман, А. В. Учет численности и состава рабочих в России. Спб. Изд. Академии наук. 1906. 224 стр. Ц. 5 р.

Песков, П. Фабричный быт Благовещенской губ. Отчет за 1882—1883 г. Спб. 1884. 136+67 стр.

Появление тверских рабочих. Приложение к ж. „Рабочее Дело“ 1890 г.

№ 4. Изд. союза русских соц.-демокр. (неог.)

Поменичев, Н. Пролетариат на Кавказе. Спб. Изд. О. Н. Поповой. 1906. 30 стр. Ц. 7 к. („Темы жизни“ № 7. Вып. 3).

Прекопович, С. И. Любимые петербургских рабочих. Спб. Изд. Имп. Русск. Технич. общества. 1909. 43+16 стр.

Прекопович, С. И. К рабочему вопросу в России. Спб. Изд. Кусковой. 1905 г. 108 стр. Ц. 1 р.

Равль, В. Г. Четвертое сословие для пролетариата. Перевод 5 немецкого издания А. Е. Ландау. Спб. 1837. 90 стр. Ц. 60 к.

Сведения о фабриках и заводах Московской губ. Москва. Изд. Моск. Губ. Земской Управы. 1885.

Фейфер, Эдуард. Об ассоциации. Настоящее положение рабочего сословия и чем оно должно быть. Перев. с немецк. под ред. М. Антоновича. Спб. Изд. О. И. Бакста. 1866. 267 стр. Ц. 1 р.

Райхсберг, Н. проф. Рабочий вопрос о прошлом и настоящем времени. Популярный очерк. Спб. Изд. Акц. Общ. печ. Дела „Издатель“. 1899. 53 стр. Ц. 15 к.

Русский закон и Рабочий. Записка, представленная в отдел промышленности министерства финансов. Штутгард. Изд. ред. „Освобождение“. 1902 г.

Сверский, А. Записки рабочего. Москва. Изд. Комитета памяти В. М. Бонч-Бруевич (Всавчинной). 1919. 108 стр. Ц. 6 р.

Сиктлезский, В. Фабричный рабочий. Сборник статей. Варшава. 1889 г. Ц. 3 р.

Сибирин, Н. Рабочий пролетариат в России. Москва. Изд. „Труд и Воля“. 1906 г. 44 стр. Ц. 8 к.

Современная фабричная система на Западе. Пер. под ред. Лучицкого Изд. „Солнце“, 159 стр. Ц. 60 к.

Солица, А. Рабочие бюджеты в связи с теорией обесценивания (по данным Берлинской бюджетной статистики) 1907. 133 стр.

Тернер, Ф. Г. О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния. Спб. Издание Сеньковского и Л. 1861. 337 стр.

Тимофеев, П. Чем живет заводский рабочий. Спб. Изд. редакции журнала „Русское Богатство“, 1906. 117 стр. Ц. 40 к.

Торнтон, В. Труд. Его ложные требования и законные права, его насто-

ящее положение и возможная будущность. Спб. 1870. 457 стр.

Туган-Барановский, Н. М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Изд. "Наша Жизнь". 1907. Ц. 2 р. 50 к. Москва. Изд. "Моск. Рабочий". 1922. Перепеч. с 3-го изд. 128 стр.

Флоровский, Н. Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования. Спб. 1-69.

Чверный, Б. О. Материалы по рабочему вопросу и промышленности г. Киева 1914—1917 гг. Киев. Изд. под редакц. А. М. Попова. 1919 г. 134 стр. (Труды Киевского губ. Статистич. Бюро, вып. 1).

Шаловников, Д. Бюджеты рабочих одной из фабрик Богородского уезда. Москва 1910.

Шомибарт. Положение труда и промышленности. Перевод с немецкого М. Соболева, под ред. А. Н. Чупрова. Москва. Изд. Сытина. "Библиока для самообразования". 1896. 401 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Шиповаль. Современная бедность и перенаселение. Пер. с нем. Спб. Изд. Дороватского и Чарушикова. 1902. 312 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Эриксон, Ф. Ф. Нищевое довольствие рабочих на фабриках Московской губернии. Москва. 1893.

Якимуд, И. Фабричный быт Московской губ. Спб. 1894. 142 + 66 стр.

2. Статьи, опубликованные в печати и т. п.

Абрамов, Я. Из фабрично-заводского мира. "Отечественные Записки". 1882 г. № 3—4.

Абрамов, Я. Худовишник. (Жизнь рабочих на Ирховской фабрике "Худона"). "Отечественные Записки". 1882. № 5. (Современное обозрение).

Абрамов, П. Образование и обеспечение быта рабочих в России. "Вестник Европы". 1879 г. № 1.

Авилов, Б. К вопросу о связи с земледелием наших фабричных рабочих. "Начало". 1899. № 1—2.

А. М. Экономическое положение и фабричный класс. "Железнодорожник". Тифлис. 1920. № 44.

Аночский, Н. Вопросы труда на торгово-промышленном съезде. (доклады по вопросам: 1) нормировки рабочего времени на фабриках; 2) об обеспечении рабочих от несчастных

случаев; 3) о мерах для поднятия умственного и нравственного уровня рабочих). "Русское Богатство". 1896. № 10 (Хроника внутренней жизни).

Аифовский, Д. Скорое наступление золотого века. (Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования П. Флоровского). "Заря". Спб. 1870. № 1. (Критика).

Ариадьев, Е. Численность, состав и положение петербургских рабочих. "Современный Мир". 1910. № 6.

Бар-в. Л. Положение рабочих в Петербурге за февраль и март. "Русский Экономист". 1907. № 3.

Бар-ов. Положение рабочих в частной промышленности. "Жизнь Профсоюзов". Бранск. 1922. № 1.

Борщакский, Л. Рабочий вопрос и его постановка в России и на Западе. "Журнал для всех". Ряз. № 4.

Бирюзович, В. Положение фабричных рабочих в России по новейшим исследованиям. "Русское Богатство". 1883. № 4.

Блава, А. Условия труда на петербургских заводах по данным 1901 г. "Архив Истории Труд в России". 1921. Кн. 2-я.

Борисов, В. Положение фабричных в Московском уезде. "Журнал для всех". 1878. № 2.

Ворожик, Н. На задворках фабрики. (Из записок русского агронома). "Русское Богатство". 1897. № 7—8.

Бравашин, М. Из фабрично-заводской жизни в России в 1903 году. "Нефтяное Дело". 1906. № 20.

Бродовский, И. Еврейская нищета в Одессе. Спб. "Книжки Пешхода". 1901 г. Май—июнь.

Буманский, О. О влиянии форм промышленности на положение труда. "Промышленность и Здоровье". 1902. № 1.

Быт рабочих. "Пролетарий". Тамбов. 1921. № 4—7.

Домлады с вмет. (О положении рабочих). Всеукраинское совещание представителей губпрофсоветов (с 21—23 мая 1922 г.). Харьков. Изд. Юж. р. ВЦСПС 1922.

Воронский, М. П. Рабочий вопрос в Туркестанском крае. "Экономист России". 1910. № 32.

Вигдорич, Н. Фабричная жизнь в изображении фабричного инспектора. "Практический врач". 1911. № 6.

В-и. Русские рабочие в Приамурье. "Промышленность и торговля". 1913. № 4.

Вальоний, М. М. Рязь о народном труде. „Русский Вестник“. 1862. Т. 38. № 3.

Вольский, М. М. Русская экономическая литература. (О рабочем классе и о мерах к обеспечению его благосостояния. Т-риер. Спб. 1866). „Русский Вестник“. 1862 г. Т. 39. № 6.

Вольфзон, Б. Из жизни еврейского пролетариата. „Русская Мысль“. 1902 г. № 1, 2.

Вопросы фабричного быта на торгово-промышленных съездах в России. „Записки Моск. Отдела Имп. Русского Технического Общ.“. 1894. № 7—8.

Воробьев, Н. Из жизни Иваново-Вознесенских рабочих (Этюд по материалам о стачке 12 мая—22 июля 1905 года). „Образование“. 1906. № 3.

Воробьев, Н. М. Стачка Иваново-Вознесенских рабочих 12 мая—22 июля 1905 года. [Жилищные условия, фабричная обстановка, заработная плата]. „Записки Московского Отд. Имп. Русск. Технич. Общества“. 1907. № 1.

Воронов, Ф. Экономическое положение работника на юго-западной России. „Беседы“. 1872 г. № 10.

Гамский, П. Борьба с частными предприятиями. (Из материалов обследования условий труда в частных предприятиях). „На новых путях“. Екатеринбург. 1922. № 6.

Гани, Н. Положение рабочего класса в России. „Записки Русского Экономического Общества в Лондоне“. 1921. № 3.

Гибсон, М. Уральский рабочий. „Бюллетень Политехнического Общества, сост. при Имп. Технич. Училище“. Москва. 1909. № 2.

Гиммер, Н. [Суханов]. К характеристике российского пролетариата. [Связь промышленных рабочих с деревней]. „Современник“. 1913. № 4.

Глеззер, С. По рабочему вопросу. „Промышленность и торговля“. 1901 г. № 24.

Г-н, М. Рабочая жизнь на Урале. „Голос Живых“. 1905 г. № 4.

Голгофский, А. Современный фабричный рабочий в физическом, умственном и нравственном отношении; причины, поддерживающие невысокий уровень его развития, и меры к подъему его благосостояния. „Труды Первос. Торгово-Промышлен. Съезда“. 1896 г. в II. Новгород. Т. III.

Горбунов, М. Положение рабочего класса в промышленности экономическая

точка зрения. (Доложено в заседании Общества Технологов 8 декабря 1909 г.) „Вестник Общества Технологов“. 1909 г. № 12.

Горбунов, М. Рабочий вопрос в постановке его рабочими во время стачки в период времени с 1896—1909 г. включительно. „Неогник Общества Технологов“. 1910. № 7—8. 1911. № 7—8.

Гор-ов, К. Характеристике экономических и бытовых условий жизни безработных. „Мир Божий“. 1899. № 10—11.

Горный, М. А. Из жизни на Уральских заводах. (По личным воспоминаниям). „Вестник Европы“. 1901 г. № 8.

Д. [...] Положение фабричных рабочих людей у нас и за границей. „Отечественные записки“. 1870. № 6 (Наши общественные дела).

Дадюнов, „Русский Манчестер“ (письмо об Иваново-Вознесенске) „Русское богатство“. 1900 № 13.

Дамбо, В. Промышленность и Труд. (По отчету Одесского Губсовнархоза). „Профессиональная Жизнь“. Одесса. 1922. № 5.

Донютов, Е. М. Связь фабричных рабочих с земледелием. „Юридический Вестник“. 1899. № 1.

Добринский, С. О положении рабочих в Клинцах. „Труды Императ. Вольно Экономич. Общества“. 1869. Вып. 5.

Доклад комиссии по рабочему вопросу. (Прочит. Державным). „Известия Общ. для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности“. Москва. 1905. № 3.

Дроздов, М. Фабрика в Поволжье. (Положение рабочих). „Правда“. 1905 г. № 4.

Друг. Фабрика в Поволжье. (Письма из среднего Поволжья). „Правда“. Москва. 1905. № 4.

Дубинская, М. Бюджеты петроградских рабочих в мае 1918 г. „Материалы по статистике труда“. Вып. 1. Петр. 1918.

Дубинская, М. Рабочие бюджеты Харькова в феврале 1920 г. „Материалы по статистике труда на Украине“. Вып. 1. Харьков. 1920.

Д. Ф. Рабочий вопрос на Брюссельской всемирной выставке (Письмо из Брюсселя). „Современный Мир“. 1910. № 9.

Егоров, М. М., чл. Гос. Думы. К положению промышленности и рабочих на Урале. „Мысль“. 1911. № 5.

- Егоров, М. М., чл. Гос. Думы. Положение Уральской промышленности по закон 3 декабря 1862 г. „Просвещение“, Спб. 1911. № 1.
- Жарин. Труд в арендной промышленности. „Профессор. ж. в. в. Одес.“ 1922. № 3.
- Журов, Ф. Стачки рабочих. (К причинам стачек и их устранению.) „Экономист.“ 18-5. № 13.
- Зайковский, Л. Несколько слов о положении рабочих на фабриках и заводах Саратовской губернии. „Саратовская Земская Неделя“. 1905. № 8.
- Заметка о рабочем классе. „Пародное Богатство“. 1864. № 38.
- Иванович. Ст. Рабочий класс в эпоху реакции. [Материальное положение рабочих] „Новый журнал для всех“ 1910 № 21.
- Иваново-Вознесенск. (Положение рабочих.) „Правда“. 1904. № 5.
- Иванов, И. Материальное положение рабочих Екатеринославщины. „Рабочий“ Екатеринослав 1922. № 3.
- Иваново, И. М. Фабричный быт Московского района. „Русская Мысль“. 1884. № 11.
- Из быта русских рабочих. „Мир Вожий“. 1895 № 9. (На родине.)
- Изменение состава фабрично-заводских рабочих Московской губ. за 1901—1909 гг. „Вестник финансов, промышленности и торговли“. 1912. № 28.
- Из рабочей массы. „Борьба“. Орган Московского Окружного Комитета Р. С.-Д. Р. И. 1907. №№ 2, 4, 12.
- Из рабочей жизни в Москве. [Условия труда и разных предприятиях.] „Искра“ 1907. №№ 1—2, 4—5.
- Исаев, А. А. Начала политической экономии. Спб. Изд. 7-е дополненное. 1908 г. Отдел. 2, гл. 7. „Сведения о положении рабочего класса в России“.
- Исаев. Несколько страниц в фабричную хронику. [Фабрики и заводы Моск. у.] „Отечественные Записки“. 1877. № 9.
- Казанец, Николай. С берегов Урала. Положено приходящих на Урал рабочих. „Гражданин“. 1872. № 13.
- Камнев, М. К статье Н. Ладонова о Русском Милочестве. (Письмо в редакцию). „Русское Потатство“ 1901 № 1.
- Канель, В. Я. Очерки по рабочему вопросу. „Русская Мысль“. 1905. № 11, 1906. № 1.
- Кантор, Р. К характеристике экономического положения рабочего класса в Иваново-Вознесенске (1871 г.). „Архив истории труда и России“ 1922. Кн. 5-я.
- Карышев, Н. Погодно-хозяйственные наброски. Русская фабрично-заводская промышленность в 18-5—1891 г. [Исключены сведения о распределении рабочей силы в отдельных производствах по полу и возрасту.] „Русские Богатство“ 1894. №№ 11—12.
- Квадрат. Впечатления жизни. [Из жизни печатников за 2 года]. „Печатное Дело“. 1910. № 24—25.
- К., Е. Письма и редакцию. [По поводу статьи: Рабочий вопрос о рабочих] в № 31 „Неделя“ за 1873 г. [„Неделя“. 1873. № 37.
- Керманцев. Рабочий вопрос в Ионландии. „Современник“. 1913 г. № 12.
- К., М. Среди рабочих. „Мир Вожий“. 1899. №№ 5—6.
- К-ль, В. Экономические статьи в русских периодических изданиях по рабочему вопросу. „Русское Эконом. Обозрение“. Спб. 1905. Март-апрель.
- И Материалам о прожиточном минимуме (из предварительных итогов и подведения бюджетной анкеты о материальных условиях существования Петроградского пролетариата в мае 1918 года
- „Статистика труда“ Москва 1916. № 4—5 (сентябрь-октябрь).
- К-и, С. К вопросу о положении петербургских рабочих. „Труд Техника“. СПб. 1907. № 5.
- К-ов, П. Анкеты о влиянии войны на условия жизни рабочих и служащих. „Статистический Вестник“ 1916. № 3—3.
- К-ов. Месяца на заводе. „Отечественные записки“. 1871. № 12.
- Козьминых-Лавин, И. М. и др. Десятилетний период (с 1 января 1901 года по 1 января 1910 года) фабрично-заводской промышленности Московской губернии. (1. Распределение рабочих по группам производств, по полу и возрасту. 2. Заработки ф.-з. рабочих Моск. губ.) „Известия Общества для сод. улучш. и развитию мануф. промысла“. 1911. № 9—10.
- Козьминых-Лавин, И. М. и др. 1. Семейный состав фабрично-заводских рабочих Московской губернии. 2. Социальный состав. 3. Формы найма, расчет и отпуска. 4. Сроки расплаты и время (рабочее или нерабочее).—выдачи заработной платы. 5. Способы вознаграждения (формы заработной платы). „Визлетени Политического

О-ва, сост. при Инп. Техвнч. Учв-лище." Москва. 1914. № 8—9.

Мелесинев. Материальное положение рабочего класса на Украине. Вестник Украинского совещания представителей губпрофсоветов (с 21—23 мая 1922 г.). Харьков. изд. Южбюро В.Ц.С.И.С. 1922.

Что-то об условиях жизни Иввово-Вознесенских рабочих. "Искра". 1901. № 69. (Вопросы труда.)

Комаров. Из жизни рабочих. Фабричная харчевня лавка. "Наша Заря". 1913. № 3.

Крестьяне-работники и купцы-фабрианты. Письмо из села Иванова. "Неделя". 1870. № 31.

К., С. К. вопросу о положении петербургского рабочего. "Труд Техника". 1907. № 5.

Кулишов. М. Современный фабричный рабочий. (По поводу анкеты союза социальной политики). "Русская Мысль" 1913. № 8. (В России и за границей).

Лебедев. В. Условия труда и жизни рабочих в мелких промышленных заведениях (в Марьиной роще, пригороде Москвы). "Русская Мысль". 1906. № 2.

Лин. Положение рабочих по данным фабричной инспекции. "Дело Жизни". СПб. 1911. № 1.

Лихачев, Леонид. К вопросу о рабочих. "Сияние". (СПб. 1872. № 51.

Лихачев, М. По рабочему вопросу. "С. Петербургский Земский Вестник". 1906. № 1.

Мануэлов, А. Очерк нашего фабричного быта. (На основании отчетов фабричных инспекторов на 1885 г.) "Юридический Вестник". 1887. № 3.

Маргузон, Ф. Положение труда в г. Москве за первую треть 1922 г. "Московская Промышленность" 1922. № 13.

Маркус, Б. Условия труда в частной промышленности в сборнике "К. С. М. У. на частном предприятии" Харьков 1922 г. Изд. Южбюро В.Ц.С.И.С. (Б-ка "Юного Профработника" № 6)

Марусин, С. Фабрично-заводский труд в России. "Северный Вестник". 1891. № 10—11.

Маслов, Я. Рабочий рынок и вздорожание жизни. "Труды Комиссии по изучению современной дороговизны". Вып. III. Москва. 1915.

Материальное положение служащих и рабочих. "Железнодорожник". Тифлис 1920. № 40.

М., Б. Бюджеты Московских рабочих. "Голос Труда". Самара. 1910. № 1.

Мещеряев, В. князь. Рабочий вопрос. "Гражданин". 1872. № 13. 14. 17.

Михайловский, А. М. проф. Все ли благополучно в рабочей среде? (Положение и настроения рабочих по сведениям отчетов фабричных инспекторов за 1906—7 г.г.) "Экономист России". 1910. № 2.

Михайловский, А. Машин и народное благосостояние. "Мир Божий". 1895. № 10.

Микулин, А. А. Фабрично-заводская промышленность Херсонской губернии, Одесского градоначальства и Николаевского военного губернаторства в 1870 году. (Доклад старшего фабричного инспектора Херсонской губ.). "Записки Одесского Отдела. Инп. Русск. Технич. Общ.". 1898. № 2 и 3.

Миндоев, Вл. Винчугская фабричная старина. (Бытовые очерки и заметки.) Отд. оттиск из XIII выпуска "Трудов Костромского Научного Общества". Кострома. 1919 г. Глава IX. Жизнь рабочих.

Михайлов, А. К характеристике рабочего рынка в России во время войны (на данные о полож. рабочих). "Экономическое Обозрение". М. 1916. № 1—2.

Молитори-де, Г. Вопрос о рабочих. "Русский Вестник". 1864. кн. 3. 1865 г., кн. 11.

Моя душевная практика. (Очерк из быта рабочего населения в Петербурге.) "Мир Божий". 1898. № 3.

Мудрик, М. Положение уральских рабочих в условиях ИЭП. "Рабочий журнал". 1922. № 2.

Мудрик, М. Условия труда и быта уральских рабочих. "Бюллетень Уральского Областного Бюро Статистики Труда ко 2 му Областному Съезду Профсоюзов". Екатеринбург 1922.

Мурзанов, М. Рабочие из беглых крестьян и беспаспортных. "Архив истории труда в России". 1922. Кн. 5-я. См. "Заметки архивистов".

Назминов, А. О положении труда в частных предприятиях. "Труд Орг.—Иваново-Вознесенск. 1922. № 6.

Нархвещ, А. О. К вопросу о положении бездомных рабочих в одесском порту. "Журнал русского общества охранения народного здравия". 1904. № 10—11.

Наш пролетариат. "Неделя". 1878. № 3.

Новинные воспоминания из недавнего прошлого. (О рабочем вопросе.) „Отечественные записки“. 1873. № 9.

Номанов, Л. Экономическое положение еврейского пролетариата в России. „Оraisonnais“. 1905. № 8.

Нефедов, А. В. Вопрос о рабочих, решенный в швейцарском кантоне Ури самими работниками. „Библиотека для чтения“. 1865. №№ 7—8.

Никифоров. Как живут рабочие в Волжско-Камском крае. „Северный Вестник“. 1888. № 4.

Никольский, Д. П. О бюджете рабочих. „Гигиена и Санитария“. 1910. № 16.

Никольский, Д. Русский рабочий по отчетам фабричной инспекции. „Вестник Европы“. 1905. № 9.

Никольский, Д. Фабрично-заводский быт Западной России. „Вестник Общественной судебной медицины“. 1897. № 1.

Н-лов, М. Как живет рабочий в Москве. „Профессионал“. Москва. 1907. № 1.

Новино, А. Бельгийский рабочий в России. „Мир Божий“. 1900. № 5.

Новотерзский, Г. Воля и труд. „Современник“. 1914. № 17—20.

О вежливости. (Отношения между командой и судовой администрацией). „Моряк—орг. Черноморских Судовых Команд (нез.) Нена. 1912. № 2.

Овсянников, В. С. Бюджеты рабочих в Екатеринбурге в мае 1922 г. „Материалы по статистике труда на Урале“ 1922. Вып. 2.

О положении рабочего класса в Одессе. „Памятная книжка одесского градоначальства на 1870 г.“, изд. Одесским Статистич. Комитетом. Одесса. 1869.

О рабочих на фабриках. „Русское Богатство“. 1893. № 4.

Орлов, П. Пришлые рабочие в Москве и XVII веке. „Универс. Известия“. Киев. 1912. № 6.

О состоянии рабочих в России. „Журнал мануфактур и торговли“. 1837. № 11—12.

Очерки по рабочему вопросу. (Договоры о найме.) „Русская Мысль“. 1905. № 11.

Памитнов, К. Положение рабочего класса в России. „Правда“. 1905. №№ 5—12.

Памитнов, К. Рабочая дисциплина на фабриках и заводах при крепостном праве. „Архив истории труда в России“. 1922. Кн. 5-я.

Памитнов, К. Сравнительный очерк положения рабочего класса на Западе и в России. „Вестник знания“. 1914. № 3.

Памитнов, К. Сравнительный очерк положения рабочего класса на западе и в России. „Труды Импер. Вольно-Экономич. Общества“. 1911. № 73.

Панов, А. Рабочий состав и заработки плата в Московском районе. „Экономическое обозрение“. 1916. № 2.

П. Д. Рабочий состав за время войны. „Промышленность и торговля“. СПб 1917. № 7.

Па. Эм. Рабочий вопрос на мануфактурной выставке. „Русская Летопись“. 1870. № 29.

Петербургские рабочие и их экономическое положение (Заметки и наблюдения врача) „Вестник Европы“. 1899. № 3.

Письмо рабочего. О жизни рабочих на ф-ке Когова. „Истина“. Москва. 1906. № 3.

Письма с фабрик и заводов. (Ф-ка Торитона, ф-ка Пазе, городской водопровод и др.). „Искра“. 1904. № 64.

Погожев, А. В. Вопросы фабричного быта. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1897. № 2.

Погожев, А. В. Вопросы фабричного быта на торгово-промышленных съездах. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1897. № 9.

Погожев, А. В. Вотчинные фабрики и их фабричные. „Вестник Европы“. 1889. № 7.

Погожев, А. В. На жизни фабричного люда в столице. „Русская мысль“. 1885. №№ 5—6.

Подьячий. Средн рабочих. „Русское Богатство“. 1904. №№ 5, 6, 9, 10, 11.

Покровская, М. И. Петербургские рабочие и их экономическое положение. „Вестник Европы“. 1899. № 3.

Покровский, В. Фабричные и заводские рабочие. „Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона“. Т. 35. кн. 69. СПб. 1902.

[Положение еврейских рабочих в Восточном промышленном районе]. „Научное обозрение“. 1902. № 7. (Обзор журналов).

Положение промышленности и народного труда в Казанской губернии в минувшем году. „Вестник финансов, промышленности и торговли“. 1914. № 24.

Положение рабочего класса при новой экономической политике в Р.С.Ф.С.Р. (Доклад комиссии в составе: А. В. Байкалова, М. В. Брайкевича, Ф. В. Брейтвейта, П. Г. Ганца и др.) „Записки Русского Экономического Общества в Лондоне“. 1921. № 5.

Положение рабочих и Курской губернии. „Вестник финансов, промышленности и торговли“. 1908. № 9.

Положение рабочих в разных странах. „Гражданин“ 1872. № 6-7.

Полан, А. Характеристика фабрично-заводского производства (Самарской губ. „Вестник Самарского Губ. Статистич. Бюро“. 1920. № 1.

Постановка рабочего вопроса в России. „Неделя“. 1871. № 13.

Престонские работники в 1853 и 1854 г.г. „Отечественные записки“. 1858 г., № 3.

Прилепский, С. Хроника рабочего труда в России „Дело“. 1883. № 1.

Прокопович, С. Н. Война и народное хозяйство. Москва. 1917 г. Гл. 4. Влияние войны на производство и экономическое положение трудящихся.

Прокопович, С. Н. Бюджеты петербургских рабочих. „Записки Импер. Техн. У-ва“. 1919. № 2—4.

Рабочая жизнь. [Условия труда в отдельных городах и предприятиях]. „Рабочее Знание“. Орг. Моск. и Моск. Окружного Комитетов РСДРП. 1908. № 6.

Рабочая Россия. [по отчетам инструкторов Наркомтруда] „Статистика труда“. М. 1918. №№ 1—7, 1919. 1—12.

Рабочие в Амурской области „Вестник финансов, промышленности и торговли“. 1913. № 8.

Рабочая жизнь. Положение рабочих на заводах Харьковского района. „Голос работницы“ Изд. 1917 г. № 8.

Рабочий вопрос в Москве. „Русское Богатство“. 1899. № 4. (Хроника внутренней жизни).

Рабочий вопрос в Приамурском крае. „Вестник финансов, промышленности и торговли“. 1914. № 31.

Рабочий вопрос и вопрос о рабочих. „Неделя“. 1873. № 31.

Рабочий рынок и условия труда в Приамурье. „Вестник финансов, промышленности и торговли“. 1913. № 11.

Райвид, М. О быте рабочих. „Пролетарий“ Тамбоп. 1921. № 2—3, 7—8.

Рашии, А. Положение труда за первое полугодие 1922. (Общий обзор). „Материалы по статистике труда“.

Вып. 14-В. Москва. Изд. Всер. Центр. Совета Проф. Союзов. 1922.

Романов, М. Рабочий состав и его движение в промышленных предприятиях г. Москвы и период войны. „Статистика Труда“. Москва. Изд. Наркомтруда. 1918. № 6—7.

Русские рабочие и Приамурье. „Промышленность и Торговля“. Спб. 1913 г. Т. XI.

Русский рабочий по отчетам фабричной инспекции. „Вестник Европы“. 1905. № 9.

Скворцов. Рабочий на Волге. „Русская Мысль“. 1903. № 8.

Смирнов, А. Из наблюдений земского статистика. 1. Фабрика и деревня. II. Грамотность и продуктивность труда. „Русское Богатство“. 1904. № 4.

Смирнов, А. Фабрика и фабричный рабочий. „Русская Мысль“. 1902. № 5.

Степанн, А. М. Бюджет Московского рабочего „Статистика Труда“. 1919. № 1—4.

С фабрик и заводов. [Охтенский механический завод Крейтонки, арсенал на Выборгской стороне, Ф-ка Пала и др.] „Рабочая Мысль“. Спб. 1902. №№ 14—15.

Татарчуков, А. И. Исторический очерк профессионального движения в Воронежской губ. Ч. I. До октября 1917 г. Воронеж 1921 г. Гл. I. Очерк образования, состава и экономического положения воронежского рабочего населения.

Тернер, Ф. Г. О рабочем классе и о мерах к обеспечению его благосостояния. „Библиотека для чтения“ 1860. №№ 159, 160, 161, 162.

Тимофеев, П. Очерки заводской жизни. „Русское Богатство“. 1905. №9—10.

Тетюшниц, В. Экономическое положение рабочего класса в России. „Образование“. 1906. № 4.

Т., П. Заводские будни. (Из записок рабочего). „Русское богатство“. 1903. № 9.

Тумский, М. М. Рабочие на фабриках и промыслах. „Русская Мысль“. 1894. Кн. 4, 6 и 8.

Турин, С. П. Труд и заработная плата в фабрично-заводской промышленности. „Труды Комиссии по изучению современной дороговизны“. Вып. 3. Изд. Общ. им. Н. П. Чупрова для разработки общественных наук. Москва. 1915.

Улучшение положения рабочих и крестьян. „Крымское Экономическое

сообщение. Отчет Совету Труда и Обществу на 1 Апреля 1922 г. Симферополь. 1922.

Условия труда бакинских рабочих. „Вестник Финансов Промыш. и Торговли“. 1910. № 18.

Фабрика и Поволжье. (Письмо из среднего Поволжья.) „Правда“. 1905. № 4.

Фабричная кабала. „Неделя“. 1880. № 39. (Внутренняя хроника).

Фабрично-заводский рабочий Владимирской губернии. „Вестник обществ. гигиен. судебной и практической Медицины“. 1912. № 9. (Хроника).

Фабрично-заводский рабочий Московской губ. „Вестник финансов, промысл. и торговли“. 1910. № 50.

Фабрично-заводская Москва. „Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района“. 1914. № 6. (Экономический обзор).

Фабричная Инспекция о положении рабочих в год кризиса. „Голос жизни“. Птб. 1910. № 1. (Экономический обзор).

Фабричные инспектора о рабочем вопросе. Заявление рабочих и промышленников. „Вестник фабричного законодательства и профес. гигиены“. 1905. № 4. (Хроника).

Фабричные рабочие в пригороде Иваново-Вознесенске „Вестник финансов, промысл. и торг.“ 1908. № 52.

Фабричный быт в отчетах фабричной инспекции. „Вестник Европы“. 1887 г. № 1. (Внутреннее обозрение.)

Феофанов, В. Современные параллели по рабочему вопросу. „Железнодорожное Дело“. 1915 г. № 13—14—15.

Фигуровский, С. Картинка повседневной жизни [фабричной]. „Врачебная газета“. 1904. № 41.

Ханин, А. Рабочий вопрос в России и период всемирной войны. „Путь“. Москва. 1919. № 5.

Хойсин, М. Предприниматели и рабочие. „Наша Заря“. Спб. 1910. № 11—12.

Хорош, М. По промышленной черте оседлости. „Книжки Восхода“. 1901. Март — апрель, июнь — август, октябрь — декабрь.

Череванин, Н. Рабочая масса перед опасностью растущего обнищания. „Наша Заря“. 1911 г. № 11.

Шашков, С. С. Русский рабочий. „Дело“. 1881. №№ 5—6.

Шестаков, П. М. Материалы для характеристики фабричных рабочих. „Русская Мысль“. 1900. № 1.

Ш., Н. С.—з., Л. Заметки об улучшении условий труда на фабриках и заводах. „Вестник Общества Технологич.“ 1900. №№ 10—11. 1901. №№ 1—2, 4—6, 8, 10—12. 1902. №№ 1—7, 9—12.

Шер, Г. Фабрично заводский рабочий Москв. губ. „Вестник Европы“. 1914. № 4.

Шестаков, П. М. Материалы для характеристики фабричных рабочих. „Русская Мысль“. 1900. № 1.

Шестерни, С. Г. Иваново-Вознесенск. (ответ Дадонову). „Русское богатство“. 1901. № 3.

Шульце-Геверниц, Г. Крупное производство в России. Изд. „Книжное дело“. 1897. Гл. 4-я. Фабричный Труд в Средней России.

Щербина, Ф. Рабочие на Кубани. Спб. „Дело“ 1884. № 4.

Якиманский, В. Бюджет рабочего и цены на продукты. „Известия Паркомтруда“. 1919. № 1—2.

Яковлев, В. Бюджет русского рабочего. „Общественный врач“. 1911. № 9.

Яковлев, В. Вздорожание жизни и рабочий бюджет. „Общественный врач“. 1911. № 8.

Янжул, М. Великаны европейской промышленности. Положение рабочих и виды обеспечения их в крупнейших предприятиях Европы. „Вестник Европы“. 1898. № 6.

Янжул, М. Фабричные рабочие в Средней России и в Царстве Польском. „Вестник Европы“. 1888. № 2.

С. Гитлин.

(Продолжение следует).

Список книг имеющихся в кабинете мировой войны и внешней политики Социалистической Академии.

(Издания 1921 года. Начало см. „Естьник“ № 2).

L Европа.

Kjellén Rudolf. Die Grossmächte und die Weltkriege. Berlin, 1921. IV. + 249. S.

Характеристика политической системы великих держав до и после войны.

Vogel Walter. Das neue Europa. Bd. I—II. Bonn u. Leipzig, 1921. VIII. + 295 + VIII + 618 S.

Характеристика политического и экономического положения отдельных европейских стран до и после мировой войны. Географическая карта.

Mini Francesco. Das friedlose Europa. Frankfurt am Main, (1921). 283 S.

Перевод книги бывшего итальянского министра-президента трактует в про-о посл-военном положении Европы.

Freitag-Lorinshoven. Die staatlichen Grenzen in Europa. Berlin, 1921. 46 S.

Исследует вопрос о государственных границах в Европе с исторической и военной точки зрения.

Engelbert Gg. Europa und der nächste Krieg. Berlin, 1921. 30 S.

Автор ждет войны в ближайшем будущем.

Trevoyan Charles. From Liberalism to Labour. London. 1921. 94 p.

Автор был членом английского правительства в 1914 г. и ушел из престола против войны. Сейчас состоит членом рабочей фракции в Палате Общин.

II. Положения отдельных стран народов (исключая Россию).

Rohrbach Paul. Deutschland unter den Weltvölkern. Stuttgart. 1921. 352 S.

Книга известного пангерманского публициста посвящена

внешней политике Германии в эпоху с 1899 по 1918 г.г.

Spickernagel Wilhelm. Fürst Bülow. Hamburg 1921. 264 S.

Автор рисует дипломатическую деятельность Булоны (в частности его знаменитую римскую миссию до и во время войны).

Zwei Jahre Regierung arbeit in Preussen. Auf Grund amtlichen Materials bearbeitet von der Presse-Abteilung des Preussischen Staatsministeriums. Berlin, 1921. 112 S.

Книга ставит задачей ознакомление широких народных масс с правительственной работой в Пруссии за 2 года существования республики. Тезис: за короткий промежуток времени заложен прочный фундамент демократической свободы.

Valentin V. Deutschlands Aussenpolitik. Berlin, 1921. XV + 418 S.

Изложение общего хода германской внешней политики со времени ухода в отставку Бисмарка.

Kellor Karl. Deutschlands auswärtige Politik. Detmold. 1921. 152 S.

Небольшая книга о германской внешней политике от Капривы до Бетман-Гольвега.

Krauss Alfred. Die Wesenseinheit von Politik und Krieg. München. 1921. 16 S.

О связи между войной и политикой в Германии.

Hammann Otto. Der missverständliche Bismarck. Berlin 1921. 204 S.

Изложение германской мировой политики в эпоху Бисмарка, деятельность которого автор, пресловутый шеф бюро прессы, считает исторически неизбежной.

Kampffmeyer Paul. Das deutsche Volk und die deutsche Politik. Berlin. 1921. 47 S.

Автор, из б. социалистов, старается проследить общий исторический процесс создания единого германского государства. Die deutsche Reparations Schuld. Berlin, 1921. 34 S.

Краткий очерк политического и экономического положения Германии по версальскому договору.

Hausmann Conrad, Geheimbericht Nummer 7 vom Februar 1917. Berlin, 1921. 56 S.

Речь идёт об известном французском документе от февраля 1917 г. относительно общего политического положения Германии накануне войны.

Krauss Alfred, Die Ursachen unserer Niederlage 2. Aufl. München, 1921. XII + 326 S.

Большой том о причинах неудачного для Германии исхода мировой войны. Автор—германский генерал.

Deutschland in seiner tiefen Erniedrigung. Berlin, 1921. 20 S.

В брошюре выражается уверенность в предстоящем возрождении Германии.

Laun Rudolf, Deutschland und Deutsch-österreich. Berlin, 1921. 25 S.

Гамбургский профессор доказывает экономическую выгоду для Германии соединения ее с Австрией.

Stezemann H. Die rheinische Frage. Berlin, 1921. 52. S.

Об интригах французов в рейнских провинциях и вачение последних для Германии.

Braun Fritz, Die östlichen Grenzländer Norddeutschlands. Bonn und Leipzig, 1921. VIII + 123 S.

Автор, данигский профессор, изображает экономическое значение бассейна Вислы и настаивает на необходимости польско-германского сотрудничества.

Osteuropa und wir. Schlichtern, 1921. 99 S.

Главным образом, о „Красной Сибири“ со слов немецкого военнопленного.

Osborne Sidney, The problem of Upper Silesia. London, 1921. X + 180 p.

О Верхней Силезии в политическом и промышленном отношениях, с рядом карт и чертежей и рассказ.

Osborne Sidney, The Upper Silesian question and Germany's coal problem. 2nd ed. London 1921. 285 p.

О политическом положении Верхней Силезии.

Beiträge zur Oberschlesischen Frage. Leipzig, 1921. 36 S.

Фактические данные (главным образом из области экономической), касающиеся Верхней Силезии.

Conrad, Aus meiner Dienstzeit 1906-1915. Erster Band. Wien, 1921. 676 S.

Автор—бывший австрийский фельдмаршал—подробно говорит о положении Австро-Венгрии вообще и ее военном политическом положении, в особенности. Настоящий 1-й том касается эпохи 1906-1909 г.г. и взаимоотношений тогдашних австрийских военных кругов (с фавитом Конрадом во главе) и Эрептата в связи с аннексией Боснии и Герцеговины.

Rivet Charles, Chez les slaves libérés. Paris, 1921. XII + 322 p.

Книга посвящена специально чехо-словакам.

Szana Alexander, Länder- und Völkerkunde Jugoslawiens. Heidelberg, 1921. VII + 176 S.

Дается краткое описание югославянских стран и населяющих их народов в историческом, географическом, экономическом и общекультурном отношениях.

Szlassy J. Der Untergang der Donau-Monarchie. Berlin, 1921. 424 S.

Историко-дипломатические воспоминания, касающиеся вопроса об отражении войны на судьбу приданайской монархии.

Deffeln Franz, Mazedonien. Jena, 1921. VIII + 592 S.

Богато иллюстрированный том, посвященный описанию Македонии, по наблюдениям автора-натуралиста.

Дипломатические документы по участию на България в европейската война. Том II. София, 1921. 1094 стр.

Официальное болгарское издание, содержащее в себе различные дипломатические данные, касающиеся международного положения Болгарии в 1915-1918 гг.

Sarrasin J. und Mahrenholtz R. Frankreich. 2. Aufl. Öffentlich neu bearbeitet von E. Hofmann. Leipzig, 1921. VI + 332 S.

Ряд очерков, характеризующих Францию и ее историческом раз-

витии и современном социально-политическом и обще-культурном укладе жизни.

Mac-Knig M. W. A. Ireland and the Ulster legend. London, 1921. 96 S.

Автор, реакционер, старается разрушить "легенду" о тех особо привилегированных условиях, в которых находится ульстерская провинция.

Rifat Mansur. Das Geheimnis der Ermordung Talaat Paschas. Berlin, 1921. 98 S.

Тема же автора: Talaat Paschas Prozess, sein Verlauf und sein Ende. Berlin, 1921. 60 S.

Рифат — египетский националист.

La Chesnais P.-G. Les peuples de la Transcaucasie. Paris, 1921. 215 p.

Речь идет о положении некоторых народностей Кавказа в связи с войной (как во время мировой войны, так и после нее непосредственно перед миром).

Osborne Sidney. The new Japanese peril. London, 1921. 181 p.

«1) международноправовом положении Японии (в частности об англо-японском союзе) и о японской опасности для народов Европы и Америки.

Wencker Friedrich. Der unvermeidliche Krieg zwischen Japan und Amerika. Stuttgart, 1921.

Брошюра толкует о неизбежности войны между Японией и Америкой

Iyemaga T. and Konesko Sato M. A. Japan and the California problem. New-York, 1921. VI + 249 p.

Предметом исследования являются Япония и Калифорния в социально-политическом и специально-эмиграционном отношениях.

Bywater Hector C. Sea-power in the pacific. London, 1921. IX + 334 p.

Автор уделяет специальное внимание американско-японской морской проблеме, затрагивая как политическую, так и экономическую сторону вопроса. Книга снабжена наглядными картами и чертежами.

Tillo Martin. Ex-Ziber Rahmet Paschas. Autobiographie. Bonn, 1921. 80 S.

Рахисг-паша связан с историей Султан.

Майский М. Современная Монголия. Иркутск. 1921. IV + 532 + 128 + VI стр.

Султан-Заде А. Экономика и проблемы национальных революций в странах ближнего и дальнего Востока. М. 1921. 184 стр.

Павловский М. (Волонтер). Экономическое развитие и аграрный вопрос в Персии XX века. М. 1921. 32 стр.

Сносарев, А. Е. Афганистан. М. 1921. VII + 244 стр.

III. Россия.

Report (political and economic) of the committee to collect information on Russia. London, 1921. 167 p. in folio.

Correspondence between his Majesty's Government and the French Government respecting the Anglo-Russian trade agreement. London. 1921. 20 p. in folio.

Correspondence with M. Krassin respecting Russia's foreign indebtedness. London, 1921. 6 p. in folio.

Докладные официальные записки, касающиеся положения современной России, представленные английскому парламенту.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных Р. С. Ф. С. Р. с иностранными государствами. Вып. I—II-й М. 1921. VII + 252 + 159 стр.

I-й выпуск "Сборника" содержит в себе действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу по 1-ое января 1921 г., а II выпуск — вступившие в силу по 1-ое декабря 1921 г.

Советская Украина и Польша. Харьков. 1921. 141 стр. Советские Россия и Украина и Румыния. Харьков. 1921. 91 стр. В защиту Советской Украины. Харьков. 1921. 48 стр.

Издание Народного комиссариата по иностранным делам У. С. С. Р.

Советская Россия и Польша. М. 1921. 121 стр. и на польском языке «Rosja radziecka a Polska» М. 1921.

Официальные документы.

Годовой отчет Н. К. И. Д. к VIII съезду советов. (1919—1920.) М. 1921. 74 стр.

Годовой отчет Н. К. И. Д. в IX съезду советов. (1921—1921) М. 1921. 192 стр.

Соглашения с Германией, заключенные в Берлине 6 мая 1921 г. М. 1921. 25 стр. in folio.

Официальное издание Нар. ком. ин. дел., содержащее в себе

русский и немецкий тексты: 1) временного соглашения Р. С. Ф. С. Р. с Германией 6 мая 1921 г. и 2) дополнительного соглашения к заключенному 19 апреля 1920 г. соглашению Р. С. Ф. С. Р. с Германией о возвращении на родину военнопленных и гражданских интернированных обеих стран.

IV. Международная политика.

Murray Gilbert. The problem of foreign policy. London, 1921. 121 p.

Есть и специальная глава, посвященная России.

Young George. Diplomacy old and new. London, 1921. 105 p.

Сам бывший дипломат, резко критикует современную дипломатию.

Treuberg Hetta. Zwischen Politik und Diplomatie. Strassburg, 1921. V + 235 S.

Автор, пацифистка, стояла близко к правящим кругам Германии.
Kraus E. Von Versailles bis London Karlsruhe i. B., 1921. 103 S.

Историко-политический очерк важнейших событий со времени Версальского мира и до Лондонской конференции окончательно.

Siebert B. Diplomatische Aktenstücke. Berlin und Leipzig, 1921. 827 S.

Огромный том русских дипломатических документов, относящихся к политике держав Триественного Соглашения перед началом мировой войны.

Kjellén Rudolf. Dreibund und Dreiverband. München, 1921. 138 S.

Автор, известный германофил, знакомит с общим ходом дипломатии держав Триественного Союза и Триественного Соглашения.

V. Колонии и колониальная политика.

Wägen Hermann. Das holländische Kolonialreich in Brasilien. Gotha, 1921. XIX + 352 S.

Очерк из колониальной истории и колониальной политики Голландии XVII-го столетия.

Obst Erich. Die Vernichtung des deutschen Kolonialreichs. Berlin, 1921. 54 S.

Потери германских колоний по Версальскому договору 1919 г. Под обним географическая карта в красках.

Rushforth F. V. The Indian exchange problem. Oxford, 1921. 41 p.

О финансовых мерах и внешнем торговом обмене Индия, как английской колонии.

Hamilton Louis. Canada. Gotha, 1921. XI. + 256 S.

Очерк Канады в естественно-географическом, историко-политическом и социально-экономическом отношениях. Карта и два указателя.

VI. Причины и виновники мировой войны.

Schwertfeger Bernhard. Poincaré und die Schuld am Kriege. Nach Poincarés Vorträgen in der „Société des Conférences.“ Berlin, 1921. 118 S.

Обзор международной политики после 1870 года. Автор считает Пункта виновником войны.

Schwertfeger Bernhard. Der „Tiger.“ Die Kriegssreden Georges Clémenceaus. Berlin, 1921. 185 S.

Сборник 25 речей Клемансо, произнесенных во время мировой войны по вопросу о причинах и виновниках этой войны.

Schwertfeger Bernhard. Deutschlands Schuld am Weltkriege. Berlin, 1921. 30 S.

Ответ Ллойд Джорджу.

Schwertfeger Bernhard. Der Fehlspruch von Versailles. Berlin, 1921. XIV + 215 S.

Анализ изданного в Германии 5-ти-томного собрания различных бельгийских дипломатических документов, касающихся европейской политики за время с 1897 по 1914 год.

Karo Georg. Die Verantwortung der Entente am Weltkriege. Halle, 1921. 76 S.

Коллекция воинственных заявлений различных государственных деятелей держав Антанты.
Bullrich Arthur. Die englische Handelsflotte vor und in dem Weltkriege. Berlin, 1921. 216 S.

Книжка представляет собою сочинение, посвященное вопросу, как Англия готовила войну.

Bruce Stewart. Kriegsschuld und Friedensverbrechen der Entente. Berlin, 1921. (VII) + 199 S.

О роли Великобритании, Франции, России и С. А. Соед. Штатов в деле подготовки войны.

Poincaré Raymond. Les origines de la guerre. Paris, 1921. 283 p.

Авгюр излагает ход дипломатической истории, начиная с эпохи, следовавшей непосредственно после франко-прусской войны 1870 г. De Toury F.-G. La politique russe de M. Poincaré. Paris, 1921. 48 p.

Автор приходит к выводу, что политика Пуанкаре по отношению к России преследовала лишь интересы и пра.

Kuhl Hermann. Französisch-englische Kritik des Weltkrieges. Berlin, 1921. 65 S.

Автор—ненецкий генерал—разбирает и оспаривает официальную версию Франции и Англии по вопросу о причинах и виновниках мировой войны.

Stülpnagel Otto. Die Wahrheit über die deutschen Kriegsverbrechen. Berlin, 1921. 467. S.

Попытка реабилитировать Германию от изводимых на нее обвинений в преступлениях, связанных с возникновением и общим ходом мировой войны.

Huch Gregor. Der neue Nationalismus und die Schuldfrage. Berlin, 1921. 17 S.

Автор отрицает за германским национализмом какой бы то ни было агрессивный характер.

Fischer Eugen. Plaidoyer vor einem Gerichtshof redlicher Menschen in Sachen der Kriegsschuld. Berlin, 1921. 50 S.

Защита Германии и обвинение России.

Mette Slagfried. Napoleon, Bismarck, Clemenceau in ihren Friedenschlüssen. Berlin, 1921. 15 S.

Призыв к народам встать за дружное восстановление конституционной жизни Европы.

Schlemann Theodor. Deutschlands und Kaiser Wilhelm II angebliche Schuld am Ausbruch des Weltkrieges. Berlin und Leipzig, 1921. 31 S.

Автор, и веский авторитет по иностранной политике, защищает Германию и Вильгельма II.

Rehrbach Paul. Die Beweise für die Verantwortlichkeit der Entente im Weltkrieg. Stuttgart, 1921. 47 S.

Вся ответственность за войну возлагается на державы Триумвирата.

Brentano Lutz. Der Weltkrieg. München, 1921. 102 S.

О роде Англии в деле возникновения мировой войны.

VII. Мировая война.

Ludendorff Erich. Meine Kriegserinnerungen 1914—1918. Berlin, 1921. VIII + 219 S.

Разположенные в хронологическом порядке воспоминания о мировой войне генерала Людендорфа.

Ludendorff Erich. Urkunden der Obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit. 1916—18. 2. Aufl. Berlin. 1921. VI + 713 S.

Документы о деятельности во время войны высшего военного командования.

„Der grosse Krieg 1914—1918 in zehn Bänden.“ Herausgegeben von M. Schwartz. Die Organisation der Kriegsführung. I. Teil: Die für den Kampf unmittelbar arbeitenden Organisationen. Leipzig, 1921. XII + 517 S.

Коллективный труд: ряд обстоятельных очерков в принадлежащих различным военным писателям и государственным описанию организации великой мировой войны.

„Der grosse Krieg 1914—1918 in zehn Bänden.“ Herausgegeben von M. Schwartz. Der deutsche Landkrieg. I. Teil: Vom Kriegsbeginn bis zum Frühjahr 1915. Leipzig. 1921. XVI + 535 S.

Изложение германских сухопутных операций.

Im Felde unbesiegt. Herausgegeben von D. Eckhuth-Harrach. München, 1921. 330 S.

28 очерков, принадлежащих перу различных авторов, о мировой войне.

Callaux Joseph. Meine Gefangenschaft. 2. Aufl. Basel. 1921. 341 S.

Первое французского. **Kuhl H.** Der Marnefeldzug 1914. Berlin, 1921. VI + 266 S.

О сражении при Марне. Карты приложены.

Müller-Loebnitz Wilhelm. Der Wendepunkt des Weltkrieges. Berlin, 1921. IV + 78 S.

О сражении на Марне в сентябре 1914 г.

Le Goffe Charles. La Marne en feu. 2 ed. Paris, 1911. 131 p.

Неудачная иллюстрированная книжка о Марне в мировой войне. **Betamann Hollweg Th.** Betrachtungen zum Weltkrieg. 2 Teil. Berlin, 1921. XV + 281 S.

Описание времени войны (1-ая часть), вышедшая в свет в 1919 г.

охлаждала период, непосредственно предшествовавший войне)
Kerschawo Hugo. Der Zusammenbruch der Oesterr.-Ungar. Wehrmacht. München, 1921. 205 S.

Очерк базируется на документальных данных, подчеркнутых из архива высшего военного командования.

Каменский, М. П. Гибель XX корпуса 8/21 февраля 1915 г. М. 1921 г. 202 стр.

Из архивных материалов Штаба X-ой Армии. В книге дается и общий очерк этих материалов.
Lanrezac, Le plan de campagne français. Paris. 1921. IX + 284 p.

Книга принадлежит перу французского генерала и снабжена подробной картой.

Esher Rignald. The tragedy of Lord Kitchener. Lond. n. 1921 XVI + 219 p.
 О лорде Китченере и роли его в мировой войне.

Sayer U. Die deutschen U-Boote in ihrer Kriegsführung 1914—1918. 3 Hft. Berlin, 1921. 68 S.

Краткое описание развития военных операций зимой 1915—1916 года и весной 1916 г.

Wright Peter. At the supreme war council. London, 1921. 191 p.

Очерк основании и деятельности английского высшего военного совета и течения мировой войны в связи с общим планом этой войны в 1918 г. Приложение кarta.

Siffrgh Josef. Ein Deutschs Grossen Hauptquartier. Leipzig, 1921. 160 S.

Деятельность германской главной ставки за время войны.

Ewing John. The history of the 9th (Scottish) division. London. 1921. VIII + 435 p.

История одной дивизии Британской Армии за время мировой войны.

VIII. Бедствия военного времени.

Das Martyrium der Deutschen in Oberschlesien. 1921. 104 S.

Описание насилий, которым подвергались немцы в Верхней Силезии со стороны поляков, в мае и июне 1921 г.

Waldemar. Das Problem der Kriegesopfer. Berlin. 1921. 32 S.

О жертвах войны инвалидах и их семьях.

Deschamps Gaston. La Somme dévastée. Paris, 1921. 110 p.

Книжка эта, принадлежащая к серии изданий „La France dévastée“, подводит некоторые общие итоги разорениям, причиненным Францией германским вторжением во время мировой войны.

IX. Военное дело (сухопутное, морское и воздушное).

Незнамов, А. Современная война. Часть II-я. М. 1921 г. 103 стр.

Сочинение представляет собою специальный трактат по военному искусству. В настоящей части, снабженной 7-ю пояснительными картами—схемами, речь идет о плане войны, о крепостных системах и о различных сторонах боевой подготовки армии.

Верховский, А. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX в. М. 1921 г. 251 стр.

В основание книги положены лекции автора, читанные в 1920—1921 г. в Академии Генерального Штаба и охватывавшие собою период от времени Петра I до Милюткина и его реформы вкратчительно.

Верховский, А. Задачи военно-учебных заведений в свете опыта войны. Часть I. М. 1921 г. 34 стр.

Гаскуэн. Эволюция артиллерии во время мировой войны. Перевод с французского под редакцией А. Букова. М. 1921 г. 140 + III стр.

Автор—профессор французской Военной Академии и вместе с тем боевой французский генерал, принимавший непосредственное активное участие в мировой войне.

Машков, Ф. А. Артиллерия в войны 1911—1917 гг. на франко-германском фронте. Петроград. 1921 г. 139 стр.

Пересказ книги Гаскуэна.

Зимняя операция в районе Мазурских оз.р. Оработано по офиц. источникам в 1917 г. полковником Гансом Ф. Редери. Перев. с немецкого. Петерб. 1921 г. 59 стр.

Прорыв русского Карпатского фронта у Герлицы—Тарнова в 1915 г. Оработано на основании офиц. источников полковником А. Ф. Ретлях Перев. с немец. Петерб. 1921 г. 88 стр.

Фогель, В. Баранович. 1916 г. Перев. с немец. Петерб. 1921 г. 57 стр.

Эти 3 небольшие книжки входят в общую серию изданий, объединенных заглавием „Мировая война в отдельных операциях“.

Морзе, Б. Значение морской силы для государства. Петроград. 1921 г. 69 стр.

Британские воздушные силы в мировой войне. Перевод с английского М. 1921 г. 32 стр.

Официальный отчет Британского Воздушного Министерства.

Война на море 1914—1918 гг. 1-ый том. Перев. с английского Германским Морским Архивом труда О. Гроос. М. 1921 г. 252 + III стр.

Meppner. Deutschlands Krieg in der Luft. Leipzig. 1921. VII + 184 S.

План истории развития Германского Воздушного Флота.

Moser Otto. Kurzer strategischer Überblick über den Weltkrieg. Berlin. 1921. VI + 123 S.

Очерк развития специально-стратегических операций в мировой войне.

Freytag Lorchoven. Heerführung im Weltkriege. Berlin. 1921. V + 206 S.

О значении главного командования на войне с историческими сопоставлениями.

X. Право войны и нейтралитета.

Hall J. A. The law of naval warfare. London. 1921. VII + 398 p.

Трактует одну из международно-правовых сторон мировой войны, именно, так назыв. право морской войны, включая вопрос о нейтральной торговле. В приложении отпечатан ряд документов из области международного морского права.

Feine Gerl. Die völkerrechtliche Stellung der Staatsschiffe. Berlin. 1921. 92 S.

О международном правовом положении на войне принадлежащих государству кораблей.

Frank Reinhard. Ueber Neutralitätsgesetze. Tübingen. 1921. 40 S.

О праве нейтралитета в практической трактовке в Германии. Сев.-Амер. Соед. Штатах и Англии.

XI. Лига наций.

Lukas Josef. Deutschland und die Idee des Völkerbundes. Münster, 1921. XI + 127. S.

Отношение к Лиге Германии с идеологической и юридической стороны.

Schücking W. und Wehberg H. Die Satzung des Völkerbundes. Vorveröffentlichung aus dem Kommentar zum Friedensverträge herausgegeben von prof. W. Schücking. Berlin. 1921. XXIII + 531 S.

История Лиги Наций; отношение ее к другим международным договорам; ее основные положения и юридическая природа. С подробными комментариями.

The First Assembly. Edited by Oliver Brett. London. 1921. VIII + 277 p.

Исторический очерк Лиги Наций.

Elckhoff Richard. Die Interparlamentarische Union 1889—1914. Berlin. 1921. 40 S.

Автор считает т. наз. между-парламентский союз в своем роде пред сего Лиги Наций.

Wolzendorf Kurt. Volk-heer und Völkerbund Berlin. 1921. 26 S.

Изложению предпослано краткое введение о проблеме международно-правового порядка вообще.

XII. Версальский мир (включая и Севрский мирный договор).

Kraus Herbert und Rödlger Gustav. Urkunden zum Friedensvortrage von Versailles vom 28 Juni 1919. 11-er Teil. Berlin. 1921. Or 769 до 1153 стр. (1 часть, вышедшая в свет в 1920 г., обнимает собою стр. 1—768).

Вторая часть капитального труда, предпринятого двумя выше-названными авторами и посвященного всестороннему анализу Версальского мирного договора. Настоящий труд входит в издаваемую W. Schücking'ом при участии целого ряда других немецких ученых серию работ, объединенных одним общим заглавием — „Kommentar zum Friedensvertrag“. Приложен обстоятельный предметный указатель.

Wolff Ernst. Privatrechtliche Beziehungen zwischen früheren Feind n nach dem Friedensvertrag. Berlin. 1921. XII + 53 S.

Данный труд также входит в серию „Kommentar zum Friedensverträge“.

Yardieu André. La paix. Paris. 1921. XXXII + 520 p.

Критический разбор Версальского мира в юридико-политическом и экономическом отношениях. Кн. не полностью написанное Клемансо предисловие.

Lansing Robert. Die Versailler Friedens-Verhandlungen. Berlin 1921. 246 S. Его же англ. пер. и издание под загл. "The peace negotiations." Berlin. 1921. VII + 298 p.

Личные воспоминания бывшего министра иностранных дел Соединенных Штатов о ходе версальских мирных переговоров.

Das Saargebiet unter der Herrschaft des Völkerrechts und des Friedensvertrages von Versailles. Berlin. 1921. X + 352 S.

Собрание документов.

Der Friedensvertrag. Berlin. 1921. VIII + 240 S.

Немецкий текст Паризьского договора с предметным указателем и географической картой.

Bruns Carl Georg. Staatsangehörigkeitswechsel und Option im Friedensvertrage von Versailles. Berlin. 1921. 71 S.

Речь идет как о польских, так и о других областях Бельгии, Дании и пр.

Laun Rudolf. Deutschlands Reich im Friedensvertrag von Versailles. Berlin. 1921. XIV + 65 S.

Разбор ст. 80-й Версальского договора.

Oncken Hermann. Weltgeschichte und Versailler Friede. Frankfurt am Main. 1921. 27 S.

Одна из публичных речей автора, известного историка.

Isay Hermann. Der Friedensvertrag von Versailles. Leipzig. 1921. 184 + 93 S.
Kilghardt Walter. Systematische Übersicht über sämtliche wirtschaftl. Bestimmungen des Versailler Friedensvertrages. Berlin. 1921. 31 S.

Обзор и указатель.

Hellmann Siegmund. Die politischen Wirkungen des Friedens von Versailles. München. 1921. 31 S.

Астор — монетечный профессор.

Stille Oskar. Der Friedensvertrag von Versailles. Berlin. 1921. VI + 58 S.

Социологический взгляд о Версальском м. р.

Ströbe Albert. Der Vertrag von Versailles. Stuttgart. 1921. 61 S.

Последствия Версальского мира

Schreiber Otto. Der Friedensvertrag und Du. Berlin. 1921. 30 S.

Популярный очерк Версальского мирного договора.

Mennig Richard. Rhinschiffahrt und Versailler Friede. Berlin. 1921. 88 S.

Проблема о судостроении Рейну в связи с Версальским миром.

Der Friedensvertrag und Deutschlands Stellung in der Weltwirtschaft. Berlin. 1921. 224 S.

Собрание 17-ти статей, принадлежащих перу различных немецких авторов об экономическом положении Германии в связи с Версальским миром.

Padel W. Der Vertrag von Sèvres. Berlin. 1921. 28 S.

Краткие сведения о Сечреком мирном договоре 1920 г., касающемся Турции.

Die acht Verträge von Sèvres. Berlin. 1921. 204 S.

Текст договоров во французском языке.

Доклады в Социалистической академии.

В январе месяце были прочитаны следующие доклады:

1. П. П. Сгучка. — Революционно-марксистское понимание права (11/1 23 г.).
2. В. А. Преображенского. — Гениальность и талант с социологической точки зрения (18/11 23 г.).
- 3 М. П. Покровского. — 9 января 1905 года (22/1 23 г.).

В феврале были прочитаны доклады:

1. М. Рейснер. — Теории исторического материализма и современная психология (8/1 23 г.).
2. Ерманского. — Что же такое, наконец, научная организация труда? (14/11 23 г.).

Кроме этих двух академических докладов в феврале месяце Секцией Советск. Строительства был поставлен доклад т. Сапрынова на тему „Очередные организационные задачи советского строительства“, занявший с перерывами 2 вечера.

Наряду с этими академическими докладами президиумом было решено поставить ряд докладов для широкой учащейся в рабочей аудитории, но, к сожалению, получились в трудосвязи с помещением, т. к. аудитории Сов. академии слишком тесна для таких докладов, обещанным же Колонным залом „Юна Сою ов“ воспользоваться не удалось, т. к. предоставленное помещение оказалось дважды занятым, в доклад приходилось отменять, что и случилось с докладом Л. С. Лозовского на тему „Борьба за уголь и железо между Францией и Германией“.

Издание „Соц. Энциклопедии“.

Вопрос об издании Социалистической академией „Социалистической Энциклопедии“, столь долго обгулдавшийся в ряде комиссий, наконец получил свое окончательное решение на общем собрании членов академии 22/11, на котором решено немедленно приступить к подготовке издания.

Для выработки детального плана издания и предварительного назначения редакторов отделов и сотрудников избрана тройка в составе т. т. Ротшто на, Базарова и Вольфсона. Ей поручено закончить свою работу в неслыханный срок.

Подарок уральских рабочих.

(Бюст К. Маркса).

По предложению т. М. Н. Покровского общее собрание членов академии от 19/XII постановило поручать президиуму выразить глубокую благодарность товарищам уральцам, приславшим дар Социалистической академии в виде бюста К. Маркса.

Секция советского строительства.

С 16-го января с. г. начала свои работы Секция советского строительства. Основными задачами секции является разработка вопросов советской системы. Такая постановка — только перспективная, ибо в данный момент, когда работа начата со скромными силами, охватить все вопросы советского строительства невозможно. Ближайшей задачей поэтому является ограничение деятельности секции кругом организационных вопросов. Разрешенные и обсужденные в секции вопросы в форме докладов ставятся на открытых заседаниях в стенах академии. Проработанные же вопросы подаются отдельными монографиями или печатаются в „Вестнике Социалистической Академии“. Секция, в числе других вопросов, занимается также разработкой планов в программы преподавания в высшей школе вопросов советского строительства. Несомненно, что во избежание параллелизма между секцией и учреждениями, непосредственно заинтересованными в этом вопросе, — партийными, просветительскими и т. д., — должен существовать тесный контакт.

Связь между секцией „теории права“ и государства и „Советского строительства“ осуществляется совместным участием в работах и на заседаниях членов обеих секций. Из общего числа разрабатываемых Секцией сов. строительства вопросов намечены к докладом следующие:

- 1) Очередные задачи советского строительства.
- 2) Исполкомы советов.
- 3) Городские советы.
- 4) Административный кодекс.
- 5) Союз Советских республик.
- 6) Местный бюджет.
- 7) Гайонирование.
- 8) Централизация и децентрализация.
- 9) Национальный момент в советской системе.

Первый доклад тов. Сапронова: „Очередные задачи советского строительства“ состоялся 2-го февраля. Доклад является вводным к серии последующих докладов.

В состав секции в настоящее время входят следующие товарищи:

Владимирский, Стучка, Кузнецов (чл. академии), Гурвич, Михайлов (Инстит. Сов. Права), Максимовский, Сапронов (ИИД), Каганович (Ц.К.Р.К.Н.), Ганич, Когорн, Козырев, Илюсорохов (ИИД), Дибинис (Мал. Социарк.), Леертов (Моск. сов.), Пошуканис (ИИД), Меницай, Тростников, Филатов, Бузатов, Гук, Ибрагимов (Курсы марксизма при Сов. академии).

Секция по общей теории и истории права и государства.

П. И. Стучка, приняв в основу представленный им в президиум Социалистической академии проект положения о секции¹⁾, приступил к налаживанию работы секции.

Но мысли П. И. в секцию могут быть приняты лишь те из товарищей, которые уже и сейчас ведут научную работу.

Каждый член секции обязан в самый короткий срок выполнить какую-либо из порученных ему работ.

На первое время предполагается ограничиться литературно-редакционной работой, т.-е. все работы членов секции рассматриваются в секции и только по ее одобрению печатаются.

В состав Бюро секции входят тов. Стучка, Адоратский и Пошуканис.

В первых числах марта месяца секция выпустила вторым изданием работу П. И. Стучки — „Революционная роль права“. Это издание значительно дополнено и переработано.

Библиотека Социалистической академии.

(Основным фактом в жизни библиотеки является непрекращающийся рост числа лиц, пользующихся ею; в ноябре по сравнению с октябрем число читателей увеличилось на 170 человек, в декабре еще — на 116, наконец, в январе — на 137. Естественно, число занимающихся увеличивается особенно заметно в читальном зале, куда доступ значительно свободнее, чем в кабинеты, где работает больше половина общего числа читателей. С 225 (на 1 ноября) число занимавшихся в читальном зале дошло (к 1 февраля) до 450 с числом посещений 1840 за январь. Выдано им в течение месяца 2.238 томов, что составляет в среднем на одного читателя 5,4 тома, на каждое посещение 1,2 тома. Далее сильно увеличилось число лиц, занимавшихся в кабинете истории революционного движения в России: — за 3 месяца (1 ноября — 1 февраля) с 34 до 96 человек, — и в кабинете экономики — с 6 до 53. Резкое повышение числа читателей в последнем кабинете объясняется, главным образом, развитием работы экономической секции академии, членами которой и составляют главный контингент занимающихся в кабинете. Очень заметно увеличение числа работающих также в кабинете рабочего вопроса: с 14 к 1-му ноября до 39 к 1 февраля. Общее число читателей в кабинетах и фундаментальной библиотеке составляет на 1 февраля 427 человек, которым выдано за январь 3.393 тома. Число посещений читателей этой категории равно 1070, число томов, выданных в среднем на одного читателя, колеблется по кабинетам от 16 до 3 и в среднем составляет около 8 томов.

Рост числа лиц, пользующихся библиотечной, услугой всецело оправдан, являясь фактом, разумеется, положительным; с другой стороны, при невозможности увеличить штат библиотечного персонала, невыгодно отра-

¹⁾ См. „В. С. А.“ № 2.

жается в состоянии внутренней работы библиотеки: чем больше сад приходится оглядывать на обслуживающие читателя, тем меньше их отводится для внутреннего устройства библиотеки: каталогизации, комплектования, библиографических работ и пр.

Скажем несколько слов о комплектовании библиотеки. В течение января общее количество поступивших в библиотеку книг равно 1815 томам в 251 названию периодических изданий.

Из наиболее значительных поступлений последнего времени, кроме регулярных еженедельных поступлений новых русских изданий из Книжной Палаты, необходимо отметить: 1) партию изданий последних лет немецких коммунистических издательства (121 том), отчасти пополнявшую слабый кабинет III Интернационала, 2) партию новой немецкой литературы по разным отраслям, недавно полученную из Германии (872 тома). Необходимо отметить, что работа по систематическому, организованному, планомерному комплектованию библиотеки, требующая значительной и притом квалифицированной силы, только сейчас и с большим трудом — при недостатке работников — начинает налаживаться. В первую очередь пришлось заняться комплектованием периодики и в следующем обзоре, можно полагать, будет возможность сообщить уже о некоторых результатах, достигнутых в этом направлении. Очередной же работой, которой завита сейчас библиотека, является комплектование кабинета советского строительства, который сейчас, хотя и числится существующим, но фактически представляет из себя плохо подобранное, хаотическое собрание литературы и требует очень большой работы по комплектованию. На очереди стоит также комплектование кабинета III Интернационала. Несмотря на крайнюю важность этого кабинета для работ академии, он представляет из себя одно из слабых мест библиотеки, хотя его комплектование казалось бы облегчено тем обстоятельством, что масса материалов, касающихся III Интернационала и отдельных коммунистических партий, находится в руках отдельных товарищей и при достаточной заинтересованности их в организации кабинета, могла бы быть передана в академию.

Новым учуждением, только что введенным в библиотеку, является постоянная выставка книг, получаемой литературы, открытая для всех читателей библиотеки; новые книги, поступающие в академию, отшиваются прежде всего на выставку и уже по прошествии недели распределяются по соответствующим отделам библиотеки.

П О П Р А В К А.

В стенограмму речи тов. Дзюлайцкого по поводу доклада тов. Милантина (№ 2 „Известий Сов. Ак. наук“) вклась несколько строк, по мнению и подсказки другого оппонента. На стр. 2-5 начало второго абзаца со слов: „То . . . Классик . . .“ ставлю другой вопрос — до слов „разная этой самой верхушки?“ следует отметить. Дальше (стр. 26—207) идет продолжение речи тов. Дзюлайцкого.

СОДЕРЖАНИЕ.

I-й отдел — Статьи:

К постановке проблем теории исторического материализма. — <i>П. Бухарин</i>	Стр. 3
Исторический материализм и вопросы первобытной жизни. — <i>А. Богданов</i>	16
Диалектика в системе Фихте. — <i>А. Деборин</i>	28
Теоретические основы спора о золотом и товарном рубле. — <i>К. Преображенский</i>	59
Математические законы денежной эмиссии. — <i>О. Шмидт</i>	85
К теории рынка. — <i>П. Делайнхий</i>	100
Закон тенденции нормы процента к понижению. — <i>В. Е. Мотылев</i>	134
В защиту революционно-марксистского понятия классового права. — <i>П. Стучка</i>	159

Научная организация труда и производства.

Задачи научной организации труда и ее положение. — <i>О. Ерманский</i>	170
Персонализм Вильяма и Штерна в его отношении к психотехнике. — <i>Исаак Шпильсман</i>	200

II-й отдел—Стенограммы докладов, читаемых в Соц. Академии.

Проблема психологии в теории исторического материализма. — Доклад <i>М. А. Рейнсера</i>	210
Прения по докладу О. Ю. Шмидта: «Математические законы денежной эмиссии», и заключительное слово докладчика	256

III-й отдел—Библиография.

Обзор литературы по мировому хозяйству. — <i>М. Бронский</i>	278
Обзор литературы по аграрному вопросу. — <i>С. Дубровский</i>	295
Статистика 1918—1922 г.г. — <i>П. Попов</i>	311
Обзор научно-популярной литературы по теории относительности. — <i>В. Бизаров</i>	324
Литература по чартизму. — <i>Ф. Готтсхалл</i>	342
Обзор литературы о революции 1818 г. — <i>Ст. Кричак</i>	363
Старое и новое в истории (обзор литературы по первобытной культуре. — <i>В. Никольский</i>	876

Рецензии.

(пр.

Оригинальные размеры с.-х. предприятий (Труды Высшего Семинария с.-х. экономики и политики при Петровской С.-Х. Академии). — <i>Л. И. Крицман</i>	400
Макс Адер: Учение марксизма о государстве. — <i>Г. Лукач</i>	407
Капо: Куда идет Франция — <i>М. М. Павлович</i>	411

Приложение.

Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения — <i>Е. А. Морозов</i>	415
Указатель русской литературы по положению рабочего класса. — <i>С. И. Каплун</i>	421
Книги—издания 1921 г., полученные в кабинет: — Мировой войны и внешней политики — Соц. Академии.	433

IV отдел—Хромина.

Доклады в Социалистической академии	441
Издание «Соц. Энциклопедия»	—
Подарок уральских рабочих	442
Секции советского строительства	—
Секции по общей теории и истории права и государства	443
Библиотека Социалистической академии.	—

ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ К ПЕЧАТИ 4-Я КНИГА
„Вестника Социалистической Академии“.

Содержание вышедших ниже „Вестника Социалистической Академии“.

Оглавление 1-й книги.

I.	Стр.
ОГ РЕДАКЦИИ	3
Ближайшие задачи Социалистической Академии. Е. Преображенского	5
Очерк истории Социалистической Академии (1918—22 г.). А. Удальцова	13
Фактические замечания к очерку истории Соц. Акад. М. Покровского	38
Внеклассная теория развития русского самодержавия. М. Покровского	40
Русская революция. Л. Крицмана	55
Идейное наследие бабунизма В. Волгина	67

Вопросы научной организации труда и производства.

Основные положения организации предприятий (статья проф. Шиллинга и инж. Герлиц). Д. Бружес	85
Перечень из новейшей немецкой литературы по научной организации производства. Д. Хлебникова	96

II.

**Стенограммы докладов, читаемых в Академии,
и прения по ним.**

„Версальское устроительство“, доклад А. Богданова	106
---	-----

III.

Научная библиография.

а) Экономика.

Проф. Шантгау „Революция и Народное Хозяйство“. Е. Преображенского	154
--	-----

б) Политика и право.

Д. М. Кейнс. „Пересмотр мирного договора“. В. Милютнина	157
Проф. Котляревский „Развитие международных отношений и новейшее время“. Ф. Р	160
Манабендра Пат Рой. India in transition. Ф. Р	163
Библиография по теории права и государства. П. Стучка	164
Общая теория права тов. П. П. Стучки. М. Рейснера	173

в) Литература и искусство.

Очерки научно-художественной литературы. А. Луначарского	182
Seger „Kunst und histor. Materialismus“. В. Фриче	189
Сакули „Русская литература в социализме“. В. Переверзева	192

IV.

ХРОНИКА	195
--------------------------	------------

Оглавление 2-й книги.

I отдел—статьи.

Стр.

Откуда взялась внеклассовая теория русского самодержавия. М. Покровского	3
Финансовая система в период первоначального социалистического преобразования Д. Кузовова	18
Учение об авалогии (по книге Миселя Петровича). А. Бсдагова	78
О предикте диалектики. Тальгеймера	98

Научная организация труда и производства.

Проблема трудового ритма. О. Ерманского	106
Подожение в задачи психотехники на Западе и в Р.С.Ф.С.Р.И.Шпильрейна	114

II отдел—стенограммы докладов, читаемых в Социалистической Академии.

О сущности религии доклад. Б. Горева	130
Роль государственного капитализма в системе советского хозяйства, доклад В. Милюткина	165

III отдел—библиография.

а) Экономика.

Обзор литературы по мировому хозяйству. М. Вронского	210
Е. Преображенский. „От Нэпа к социализму“. В. Милюткина	223
За 5 лет. Сборник агитод. НКРКП. В. Фирсова	226
Современная русская литература по аграрному вопросу (Критический очерк). С. Дубровского	230
Проблемы социализации в германской литературе (Сводный обзор) А. Базарова.	247

б) История революционного движения.

Козьмин П. П. Ткачев революционное движение 60-х годов. М. Покровского.	259
Авизафт. „Зубатовщина и Капоновщина“. М. Покровского	262

в) Исторический патернализм и философия.

Новые книги по философии марксизма. Б. Горева	268
Карл Форлендер. „Общедоступная история философии“. Б. Горева	271

г) Литература и искусство.

Очерки научно-художественной литературы. А. Луначарского	272
Кризис буржуазного искусства. В. Фриче	281

д) Приложение.

Списки книг, полученных за последние годы:	
Кабинет экономики	286
Кабинет мировой войны и международной политики	290

IV отдел—хроника.

О коммунистическом научно-исследовательском институте в Петрограде	293
Кабинет Карла Маркса при Томском Рубфаке	296

Социалистическая Академия в Москве.

О секции по общей теории и истории права и государства	297
О работе экономической секции	298
Секция литературы и искусства	299
Читальный зал Социалистической Академии	—
Общество „Октябрь Мысли“	300

Адрес редакции: Москва, Знаменна, М. Знаменский, 11.

Тел. 1-94-66, 1-94-54. Кремль, доб. 2-75.